НАТАЛИЯ ЗЫКОВА

Искра Божья

Издание РПОЦ
Кипр
Ларнака
2020

Наталия Зыкова

Искра Божья

Рассказы о талантливых людях

Издательство Русского православного образовательного центра
Кипр
Ларнака

2020

Новая книга Наталии Зыковой – сборник очерков о жизни и творчестве выдающихся деятелей русской культуры. Перед читателями предстанет галерея образов: 50 героев, выдающихся русских и советских поэтов, писателей, художников, музыкантов, деятелей театра. Читатель узнает о малоизвестных страницах биографии, уникальности наследия великих творцов. Каждый очерк – это и портрет эпохи, в которой жили и творили наши соотечественники, благословленные искрой Божией – великим талантом.

На обложке книги изображен фрагмент фрески Микеланджело Буонарроти «Сотворение Адама» (часть росписи свода Сикстинской капеллы)

© Copyright Natalia Zykova
ISBN 978-9925-7498-2-9

От издательства.

Мы представляем читателям новую книгу Наталии Зыковой «Искра Божья». Название пришло из «Оды к радости» Ф. Шиллера. Облеченные в великую музыку, слова «Оды» вошли в Девятую симфонию Л. Бетховена, а выражение «искра Божья» стало крылатым. Оно означает особенный талант, дарованный человеку свыше. Люди, наделенные талантом, вызывают изумление, восхищение окружающих. Их творения создают мировую культуру. Велика и ответственность талантливого человека. Он призван не растратить свой дар, щедро делиться им, воплотить его в произведения, которые обогатят человечество. О таких творцах книга, которую мы представляем. В ней – пятьдесят очерков о великих деятелях русской культуры: поэтах и писателях, музыкантах и художниках, философах и театральных деятелях. Очерки публиковались на протяжении ряда лет в кипрском еженедельнике «Европа-Кипр» в рубрике «Летопись истории и культуры». Публикации были приурочены к юбилейным датам, этим и объясняется выбор героев, о которых ведется повествование. Российскому читателю, которому доступны богатейшие собрания отечественных музеев, фонды библиотек, посещение театральных постановок, может показаться невероятным тот большой интерес, с которым были встречены публикации на Кипре. Каждый материал вызывал многочисленные отклики читательской аудитории: наших соотечественников, которые живут и работают на острове, педагогов и учащихся русскоязычных школ Кипра. Нам представляется, что читательский успех объясняется желанием аудитории сохранять и укреплять связи с родной культурой, далеким Отечеством. Важным было и то, что автор, принимаясь за работу, глубоко изучила биографию и творчество каждого героя. Как лите-

ратор, она смогла ярко и образно рассказать о каждом творце, как историк , сумела воссоздать контекст эпохи, в которой довелось жить и творить ее героям. Будучи руководителем Русского православного образовательного центра, Н.Зыкова уделила пристальное внимание духовной жизни своих героев, их восхождению к духовным вершинам. За строкой каждой публикации читатели ощущали присутствие автора, его позицию, знания и безусловную любовь к тем, о ком шло повествование. Публикации в еженедельнике стали успешным просветительским проектом. Этот интерес побудил автора продолжить работу в форме встреч с читателями, бесед и лекций. При поддержке педагогов русскоязычных школ, Российского центра науки и культуры, Посольств России и Украины на Кипре были организованы и проведены значимые литературные события: литературный фестиваль «Пушкинская весна в Никосии», Гоголевские чтения, Чеховский фестиваль, детский праздник «В гостях у Конька-Горбунка», литературный вечер «Рыцари серебряного века». В год 200-летия Михаила Лермонтова и Тараса Шевченко с большим успехом на Кипре прошел День славянской письменности и культуры на тему «Великие певцы славянского мира». Отвечая на многочисленные просьбы читательской аудитории, мы предпринимаем издание очерков в одном сборнике и приглашаем читателей на встречу с великими корифеями, которые вызывают гордость за нашу родную культуру. В заключении хотелось бы отметить, что работа писательницы отмечена Московским правительством Почетной Грамотой за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

Талантливым подвижникам, учителям русских школ Кипра, с любовью и благодарностью посвящает автор свой скромный труд.

«Радость! Дивной искрой Божьей
Ты слетаешь к нам с небес…»

Ф. Шиллер «Ода к радости»

Раздел I

Любовь к мудрости

- Аристократы духа. Трубецкие.

- Идея сердца. Иван Ильин.

- Дмитрий Лихачев: интеллигентный человек.

Аристократы духа. Трубецкие.

«С понятием аристократии у меня с детства было связано чувство обязанности и ответственности, но никак не мысли о превозношении себя над другими и привилегиях»

(Князь Евгений Трубецкой, племянник философа)

Мне бы очень хотелось, чтобы читатели постарались представить молодого человека, нашего современника, которого бы томила жажда духовная. Такого человека, который, безусловно веря в Бога, поставил бы перед собой цель: найти научные доказательства своей веры. Вы согласитесь со мной: такого человека встретить в наши дни непросто. Философия, которая дает ответы на духовные вопросы, в нашем веке не в чести.

Подняться над хаосом.

Есть тому объективные причины, несколько поколений русских людей насильно загонялось в прокрустово ложе «марксистско-ленинской философии». Ни одно поколение за всю более чем тысячелетнюю историю России так трагически не было лишено духовной почвы, как поколение советских людей. Мы потом сами горько шутили над собой, называя этот феномен «совком». Думающие люди, а к счастью, их немало в нашем Отечестве и за его пре-

делами, ныне начинают искать точку опоры, чтобы подняться над идеологическим хаосом. Может быть, нам это и не удастся до конца, но мы станем той ступенькой, которая поднимет наших детей. Процесс очень нелегкий, подниматься всегда труднее, чем катиться под откос. И в этом созидательном труде нам не обойтись без того драгоценного наследия, которое оставили нам великие русские философы. В начале XXI-го века мы обращаемся к Соловьеву и Бердяеву, Булгакову и Лосскому... Одним из них является Сергей Трубецкой. Юбилей философа - замечательный повод вспомнить о его вкладе в русскую философскую мысль и пригласить наших читателей открыть для себя важнейший пласт русской культуры. Вся жизнь князя Сергея Трубецкого, русского ученого и русского философа, явилась сама по себе глубоко культурным делом, делом общественным. Его след прочно и непреодолимо заложен в русской культуре, будет жить и развиваться вместе с ней.

Сон философа.

Этот сон был странным и страшным. Он видел, как мимо, не замечая его, проходили в каком-то странном скорбном шествии его родные, самые близкие ему люди: жена, дети, братья и сестры. Они шли как-то обреченно и скрывались вдали. Их всех поглощала серая пелена, которая закрывала горизонт беспросветно. И они уходили в это безнадежное и неизбежное «никуда», а он не мог ничего изменить. Сергей Николаевич Трубецкой этот сон запомнил, рассказывал родным. Когда серая пелена накрыла Россию на долгие годы, его уже не было на земле, а уцелевшие в революционном вихре Трубецкие не раз вспоминали его сон, дивясь тому пророческому оза-

рению, которое иногда посещает проницательных философов и гениальных писателей.

Трубецкие.

Он был Трубецким, и это было не имя, но звание. Ведь его предки, потомки великого князя литовского Ольгерда, прославились служением Руси еще на Куликовом поле. Сам Иван Грозный упоминал их в своем завещании и наказывал сыну не трогать их вотчин. Служили Трубецкие и Рюрикам, и Романовым, при всех царях занимали важные государственные посты. Трубецкие чуть было не потеряли княжеское звание, когда Сергей Петрович Трубецкой принял участие в восстании декабристов в 1825 году. Образ его жены воспел Некрасов в поэме «Русские женщины». Однако император Николай I, лишив декабриста княжеского звания, помиловал его детей. В XIX веке княжеский род продолжился, ярко проявляя себя на поприще общественной деятельности, науки и искусства. Род Трубецких прочной нитью вплетен в полотно русской истории и культуры, навечно сохранил в них свой яркий узор.

Православный исток.

Советское государство, создавая так называемую «новую общность советский народ», этот самый народ нещадно уничтожало. На Голгофу «царства небесного на земле» отправлялись тысячи и тысячи людей: казаки и крестьяне, интеллигенция и дворяне.

…Если б не великая русская литература, уже нынешнее поколение и не знало бы о том, как жили наши предки, какой была атмосфера в русских семьях, в русских домах. А ведь это наше драгоценное наследие — атмосфера русской семьи, наполненная высокой духовностью, уважени-

ем к личности, наличием нравственных принципов, которым следовали или, по крайней мере, стремились следовать. Таких семей в России было много, но и на их благодатном фоне семья Николая Петровича Трубецкого (1828-1900 гг.), видного сановника, калужского вицегубернатора, выделялась, будучи сосредоточием высокой культуры и духовности. Отец будущего философа в свободное от службы время занимался просветительской деятельностью, он стоял у истоков создания Московской консерватории, был первым помощником великого музыканта Николая Рубинштейна.

В семье росло девять детей. Их воспитанием занималась мать. Ее любовь и светлое православное мироощущение наполняло детские души гармонией и радостью бытия. Вот одно из семейных преданий. Маленькая сестренка собирает под столом после обеда крошки, чего мама не разрешает делать. Мама делает ей замечание. Девочка оправдывается: «Ведь никто же меня не видит». На что мать отвечает: «Никто, кроме Бога,- а Он видит всё». Вот это чувство постоянного предстояния перед лицом Бога было привито детям, оттуда, из раннего детства, чувство ответственности за свои дела и помыслы, которые отличали Трубецких.

Искания.

У Сергея был брат Евгений, разница в возрасте у детей была лишь один год, и они были очень дружны. Мальчики получили прекрасное домашнее образование, потом учились в калужской гимназии. По окончании гимназии юноши продолжили образование в стенах Московского университета. Если наши читатели помнят содержание известного романа Ивана Тургенева «Отцы и дети», то помнят они и те горячие философские споры, которые

ведут на его страницах герои романа. Молодых людей того времени, а братья Трубецкие были младшими современниками Базарова, глубоко волновали вопросы религии, бытия Бога, мироздания и роли в нем человека. Интерес к «плодам учености» туманной Германии не обошел стороной нашего героя. Он пережил еще в гимназические годы увлечение материализмом. Однако почва души уже была возделана православным семейным воспитанием. И идеи материализма, народничества и некоторые другие новомодные учения не закрепились в душе юноши. Вообще философия глубоко занимает Сергея. И вечные вопросы «Кем создан мир и человек? В чем смысл его жизни?» волнуют его и не дают покоя. В студенческие годы Сергей Трубецкой погружается в историю античности, изучает историю философских исканий Сократа, Аристотеля, Плутарха, стоиков. Он пишет философский труд, который становится его диссертацией. Тема — «Метафизика в древней Греции». На страницах этой глубокой работы анализ учений Гераклита, Платона и Пифагора. И смелый вывод, который вызвал нападки клерикалов: античное мышление предвосхитило христианство, было его предчувствием.

Владимир Соловьев.

Любой исследователь жизни и творчества Сергея Трубецкого обязательно отметит влияние на его мировоззрение другого великого русского философа Владимира Соловьева (1853-1900). Он был сыном выдающегося русского историка Сергея Соловьева, а по линии матери — потомком выдающегося украинско-

го философа, Григория Сковороды. Взгляните на его портрет в возрасте двадцати лет. Запоминающиеся черты лица, которые отражают незаурядный интеллект. Высокий лоб мыслителя, строгий взгляд. Федор Достоевский был поражен и внешним обликом философа, и его взглядами. Именно Владимир Соловьев стал прототипом Алеши Карамазова в великом романе писателя «Братья Карамазовы». В совсем юном возрасте он окончил университет и получил звание доцента, защитив диссертацию на тему «Кризис западной философии». Еще в 70-е годы XIX века великий мыслитель увидел кризис западного мировоззрения, его тупики и абсолютную невозможность следовать западным образцам в духовных исканиях России. И здесь не было никакого высокомерия, мол, мы выше и духовнее вас. Здесь была констатация факта, который народ изложил просто и доходчиво: «что русскому здорово, то немцу смерть». Мы просто другие, и только материальный фактор никогда не удовлетворит русского человека. Почему? Сколько людей билось в поисках ответа на этот вопрос! Пришли к выводу, сказав устами Тютчева: «Умом Россию не понять». Пожалуй, именно в сочинениях Соловьева ярко было обозначено коренное отличие западной философии от русской. Вся западная философии основывалась на прагматизме, то есть на культе человеческого разума, технических достижений и их практических воплощениях (то, что мы сегодня называем инновациями). Именно в этом виделся смысл жизни человека: сделать жизнь удобной (прообраз общества потребления). Соловьев первый выявил коренное отличие русской философии, в основе которой лежит в первую очередь нравственность и отношение человека и Творца. Именно Соловьев стал учителем Сергея Трубецкого. Символично, что умер Соловьев в имении Трубецких. Автор настойчи-

во советует любознательным читателям найти и прочитать работу Владимира Соловьева со знаменательным названием «Оправдание добра». Блестящий русский язык и благородный пафос работы великого философа, безусловно, найдут отклик в вашей душе.

Адольф Гарнак.

Еще одним своим учителем Сергей Трубецкой считал немецкого ученого Адольфа Гарнака. Он встретился с ним в Германии, где напряженно работал над диссертацией об античной философии. Честный и талантливый ученый, Гарнак много сделал для развития философии, но вывод, к которому он пришел на склоне своих лет, был неутешительным. Гарнак с горечью констатировал: наука не может дать ответ на вопрос, для чего живет человек, как объяснить существование Вселенной. «Человек совершенно одинок в мире», - считал немецкий ученый. Трубецкой посещал лекции философа, подружился с ним. Эта дружба во многом повлияла на молодого ученого. Трубецкому еще не было тридцати лет, но было видно, что это человек колоссальных способностей, блестящих и разнообразных дарований. В те годы наш герой стоял на пороге одного из самых главных своих открытий. И оно в корне противоречило теории Адольфа Гарнака.

Соборность человеческого рода.

Сергей Трубецкой продолжал напряженно размышлять о роли человека в мироздании, о возможности человека познать мир и Творца. Проанализировав пути, которыми прошли великие философы древности, он приходит к выводу, что человек познает мир только благодаря контактам с другими людьми, опираясь на достижения всего человечества. Он твердо отметает индивидуализм с его ги-

пертрофированным «Я», отчетливо видит бесперспективность и обреченность философского тупика индивидуализма.
Увы, мы до сих пор не усвоили важнейший урок нашего великого философа. А он выносит суровый приговор и антиподу индивидуализма - коллективизму, который принижает донельзя роль свободной личности. Вспомним глашатая коллективизма, Владимира Маяковского, который написал страшные по своей сути слова: «Единица! Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка».
Основы коллективизма впоследствии были разработаны и теоретически обоснованы Надеждой Крупской, положены в основание советской педагогики, которая многие годы корежила судьбы людей, создавая их них винтики системы. В общем, говоря словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей». Поэт призывал строителей коммунизма «каплей слиться с массами». Не то Трубецкой. Он предлагает третий путь, называя его соборностью.

Душа мира.
Трубецкой приходит к выводу, что человечество, по сути, единый организм. Наличествует в человеческом роде не только генетическое единство, но и духовная парадигма. И благодаря этому единству, которое он называет соборностью, мы соединяемся с Богом. Говоря словами апостола Павла: «Мы в нем живем, и движемся, и существуем». А если это так, то само мироздание — живое, Земля - живая, и человек, соединяясь с Богом, воссоединяется со Вселенной, ее душой, которую он называет Душою мира. Православный человек всюду ощущает присутствие Святого Духа. «Это понимание Души мира, с которой связан человек, является одной из важнейших основ экологической этики сегодня», - так отозвался о философ-

ских открытиях Сергея Трубецкого выдающийся богослов и проповедник отец Александр Мень. Человек должен понимать, что он живет в живом мире, частью которого он является, и частью ответственной, потому, что ему дано сознание. И что Земля и жизнь на ней - не просто случайное сцепление молекул и атомов, а это один организм. И страдание этого организма (пусть они и не такие, как у человека), в конце концов, коснутся и человека как его части.

Учение о Логосе.

Эти открытия Сергей Трубецкой сделал на страницах своего выдающегося труда «История идеи Логоса». Труд был издан в 1898 году, в советское время он не публиковался, и был вновь издан Академией наук России почти через сто лет после первого выпуска. В советское время труды Трубецкого были запрещены. Готовя этот материал, автор прочитала некоторые главы этой уникальной книги. Могу выразить только глубокое сожаление, что мы в годы молодости были лишены возможности читать такую мудрую, глубоко православную литературу, которая, безусловно, в состоянии сформировать мировоззрение, основанное не только на вере, но и на знаниях. Мировоззрение, не оставляющее места скептицизму, потому что вера наша на страницах Трубецкого находит блестящее обоснование великого философа. Ученый дает широчайшую панораму античной и ветхозаветной истории с их конфликтами идей и прорывами откровения.

И вот мы подходим ко второй части книги и сразу погружаемся в пятую главу, которая называется «Христос». И читатель потрясен логикой и горячим чувством философа, когда он пишет об уникальном акте истории человечества и Вселенной, когда единственный раз произош-

ло слияние самосознания человеческого с вышним разумом, богосознанием, когда Христос пришел в мир. Явление Творца на земле поставило людей перед выбором. И в книге отстаивается свобода выбора, хотя и предлагается путь соборности.

Дела земные.

Не правда ли, образ философа у нас ассоциируется с кабинетным ученым, до которого не доходят искушения грешного мира, плеск волн житейского моря с их суетой? А что же наш герой? В 1885 году он окончил университет, защитил магистерскую диссертацию. В 1990 году, защитив докторскую диссертацию, Трубецкой становится профессором Московского университета. В 1904-м за философские изыскания он награждается греческим орденом Спасителя. Молодой профессор читает курсы по истории древней и новой философии. Те, кому посчастливилось слушать лекции Трубецкого, отмечали, что ясные добрые идеи он излагал четко и несложно. Он был любимцем студентов. Но не только отвлеченные идеи интересовали Трубецкого, он с пристальным вниманием следит за общественной жизнью своего времени и принимает в ней активное участие. Работая над учением о соборности и свободном выборе, он готов отстаивать свои идеи на практике. Вот это очень редкий феномен в философском сообществе. Согласитесь, трудно представить Карла Маркса на баррикадах с красным знаменем в руках. То ли дело в кабинете выразительно писать о том, как по Европе бродит призрак коммунизма. Или, как Герцен, звать Русь к топору, сидя на берегах Женевского озера. Не то Трубецкой. Он глубоко убежден, что университет в России должен стать территорией свободы, ведь именно в его стенах формируется интеллектуальная элита общества. И

он активно борется за придание университету больших прав. Власти вынуждены принять решение о выборности ректора, единогласно студенты и преподаватели избирают ректором профессора Трубецкого. Итак, он входит в историю как первый выборный ректор Московского университета. Возникает смелая идея придания университету автономии, самоуправления. И с этой идеей он не только обращается в газеты, но и к царю. Плодотворная деятельность была трагически прервана скоропостижной смертью, которая застала философа в кабинете министра просвещения в Петербурге, куда он отправился хлопотать за свой любимый университет. Это было в 1905 году. Остались двое сыновей — Владимир и Николай. Увы, ему не довелось радоваться их успехам. Ранняя смерть отца осиротила мальчиков.

Дети.

Так называется скульптурная работа, автор которой родственник нашего героя Паоло Трубецкой. Это еще один Трубецкой, который обогатил не только русскую, но и мировую культуру. И вновь остается пожалеть, что и об этом блестящем скульпторе-импрессионисте мы знаем так мало. А ведь его гениальные работы бережно хранятся в Римской и Венецианской академиях художеств, Берлинской и Дрезденской картинных галереях. Бюст Толстого в Третьяковке считается по праву лучшим изображением великого писателя. Давайте взглянем на диптих «Дети. Братья Трубец-

кие». Скульптурный портрет двух мальчиков пронизан теплом и нежностью. Братская любовь и печальные предчувствия словно витают над обликом двух прелестных детей. Их братские объятия расторгнет безжалостная история. И произойдет это тогда, когда пелена безвременья накроет Россию. Только пелена оказалась не серой, как виделось Сергею Трубецкому в его сновидении, а кровавой...

Мальчики получили прекрасное образование. Владимир стал военным, в боях Первой мировой войны был награжден Георгиевским крестом, сражался под командованием Брусилова. Он стал первым командиром первого в истории российских вооруженных сил автомобильного подразделения. После Февральской революции вошел в монархическую подпольную организацию, в составе которой предпринимал попытки освобождения императора Николая и его семьи из Тобольска. Чудом спасся от ареста, перенес туберкулез. Затем, до ареста в 1934 году, успешно занимался литературной работой. Его поддерживал Михаил Пришвин, считая Владимира Трубецкого талантливым и значительным русским писателем. Воспоминания Трубецкого о Первой мировой войне «Записки кирасира» считаются одним из лучших произведений на эту тему в отечественной литературе. В СССР все его произведения были запрещены к печати. Начали выходить его книги лишь в конце 90-х гг. XX века. В 1937 году Владимир Трубецкой был арестован второй раз и был казнен в сталинских застенках, вместе с ним погибла его 20-летняя дочь, княжна Варвара. А сын Георгий провел 10 лет в лагерях Гулага. В застенках Бутырки в 1943 году была замучена и жена Владимира Трубецкого Прасковья, урожденная княжна Оболенская. В их семье были восемь детей, писать скороговоркой о тех мучениях, которые вы-

пали на долю Трубецких, не хочется, их было бесконечно много.

Второму сыну Сергея Трубецкого Николаю, ученому-языковеду, удалось спастись от «красного колеса», он уехал в эмиграцию и работал сначала в Болгарии, затем в Вене. Он стал блестящим ученым-славистом, одним их лучших в Европе специалистов в области языкознания. Темой его исследований стало происхождение славянских языков и евразийская сущность России. Не самая подходящая тема в Австрии в период аншлюса. Когда в Австрию пришли фашисты, администрацию Рейха не мог не заинтересовать профессор, который изучал славистику. Его неоднократно допрашивали, проводили обыски дома. После одного из допросов с пристрастием в гестапо Николай Трубецкой скончался от сердечного приступа.

По роковому стечению обстоятельств в это же самое время его любимого брата Владимира мучили в Москве, выбивая показании и обвиняя в связях с братом, проживающим в Австрии. Связи, конечно, были, и не сатрапам ВЧК было их расторгнуть. То были любовь и верность высшего порядка, духовная близость и преданность. Любовь к Богу, Отечеству, семье, историческая память и желание ее сохранить, забота о будущем России и ответственность за него. Все это мы и называем Аристократией духа.

Идея сердца. Иван Ильин.

«Где бы я ни был, чтобы ни делал,
мое Отечество всегда во мне»
(Иван Ильин)

Иногда мне кажется, что у Ивана Александровича Ильина была волшебная подзорная труба, в которую он отчетливо видел все, что произойдет с Россией в будущем. Его пророческий дар уникален. Величие этого дара помножено на пронзительную любовь к Отечеству. Он считал Россию матерью, и после октябрьского переворота, оставшись в России, писал: «Уходят ли от постели больной матери? Да еще с чувством виноватости в ее болезни? У изголовья мы и остались». Он, наверное, никогда бы не эмигрировал. Однако советская власть, приговорив Ильина к смертной казни за неприятие этой власти, заменила расстрел вечной ссылкой за пределы Родины. И его разлучили с Россией навек.

Философский пароход.

Это было в сентябре 1922 года. От берегов северной столицы отходил немецкий пароход «Обер-бургомистр Хайкен», на борту которого было сто шестьдесят пассажиров-изгнанников: врачи и университетские профессора, юристы и инженеры, политики и студенты. Священников

было только двое, их новые власти расстреливали либо отправляли в спешно организованные лагеря. Были среди изгнанников и супруги Ильины. Впоследствии Троцкий напишет: «Мы этих людей выслали, потому что расстреливать их не было повода, а терпеть было невозможно». Вскоре еще один пароход отошел от Петроградской пристани. Изгнания интеллектуальной элиты продолжались. Тогда Россию не по своей воле покинуло двести двадцать пять человек.

Идея высылки научной и культурной российской элиты принадлежала Ленину. Заметим, что эта идея, которая ныне кажется бредовой, пришла в голову «вождя мирового пролетариата» накануне апоплексического удара, который вскоре его сразил. В мае 1922 года Ленин писал: «По-моему, надо расширять применение расстрела. С заменой на высылку заграницу, а если вернутся - будем расстреливать». А вот еще один пассаж того же автора: «Надо поручить толковому человеку отобрать из этой подлой публики самых неблагонадежных и выбросить вон, произведя селекцию интеллигенции». Я не знаю, о чем думал Иван Ильин, покидая Родину, но совершенно ясно, что он понимал: отныне его жизнь будет поделена на две части – до и после.

Страницы биографии.

Иван Александрович Ильин родился в Москве в 1883 году в аристократической дворянской семье. Его дед, инженер-полковник, участвовал в возведении Большого Кремлевского дворца, комендантом которого и стал впоследствии. Там же семья Ильиных и проживала, а когда родился сын Александр, то крестил его сам Государь император. Отец философа был присяжным поверенным. Дедом Ильина по матери был выходец из Германии, врач

Юлиус Швейкарт фон Штадион, принадлежащий к старинному рыцарскому роду. Мать Ивана Ильина, Каролина-Луиза, перешла в православие, в замужестве стала носить имя Катерина Юльевна. Детство будущего философа проходило в большой дружной семье, оно было, в общем, типичным для мальчика его круга. В 1901 году Иван окончил с золотой медалью гимназию и поступил в Московский университет на юридический факультет. В 1906 году окончил университет. Однако, юристом, несмотря на успешное завершение учебы, не стал, так как увлекся философией. В 1909 году Ильин сдает экзамены и рекомендован для преподавательской работы. Он занимается научной деятельностью и преподает в университете историю философии права. В течение трех лет находился в научной командировке, посетил Францию, Италию и Германию, знакомясь с философскими школами этих стран. В 1913 году он возвращается в Москву и начинает глубоко работать над трудом, посвященным философии Гегеля. Интерес к философии был сформирован благодаря среде и особенностям личности Ильина. Вообще, чтобы в обществе философия была востребована, должны созреть определенные условия, в том числе и материальные. Начало 20 века – время процветания России, жизнь всех ее сословий становится во всех отношениях лучше, зажиточнее, комфортнее. Наблюдается расцвет культуры и науки.

Складывается и школа русской философии. На страницах нашего сборника мы уже писали о блестящем русском философе Трубецком. Он, кстати, был одним из учителей Ильина. Особенностями личности нашего героя были пытливость ума, неуклонное стремление к поиску истины, высочайший уровень образованности, твердые мо-

ральные и нравственные устои, словом, то, что и называется подлинной интеллигентностью.

Война и революции.

Первая мировая война навсегда изменила Ильина. Отныне он перестает быть кабинетным ученым. Он не может остаться в стороне от тех социальных проблем, которые встают перед Россией. Он пишет работы «Основное нравственное противоречие войны» и «Духовный смысл войны», в которых уже заложены все важнейшие идеи его будущей книги «О сопротивлении злу силою».

Изучение гегелевской философии привело к написанию фундаментального труда. 18 мая 1918 года Ильин с блеском защитил магистерскую диссертацию. Однако оставаться в стороне от политических событий в России тех лет было невозможно. Мирный ход жизни сотрясали война, Февральская революция и Октябрьский переворот. На эти события Ильин не мог не откликнуться. Он не одобряет деятельность Временного правительства. Он считает, что русские демократы виноваты в хаосе, в который погрузилась страна. «Народные массы не готовы к той крайней свободе, в которую ввергли их либералы». Ильин вообще противник «резких движений», он за эволюцию. Он пишет:

«Всякий порядок жизни имеет свои известные недостатки, должна быть возможность устранения этих недостатков путем отмены неудовлетворительных факторов и замены их лучшими. Каждый правовой строй должен не-

пременно открывать людям возможность совершенствовать законы по закону, то есть улучшать правовой порядок, не нарушая правового порядка».

Мне кажется, и сегодня не грех прислушаться к этим словам тем политикам, которые готовы выводить народ на площади, не задумываясь, к каким последствиям это может привести. Они не дают себе труда даже попытаться совершенствовать законы по закону. Если с либералами Ильин готов был полемизировать, то с приходом к власти большевиков он начал открытую борьбу против последних. Вот его высказывания о новом режиме: «Большевики – темные похитители власти», «большевизм – дух зависти мести, грабежа и террора», «советская власть стремится разнуздать народ, чтобы поработить, чтобы порядок заменить механизмом страха и насилия».

До сталинских лагерей еще было далеко, однако Ильин уже предвидел ГУЛАГи и впадение русского народа, говоря словами философа, в «состояние черни». Характеризуя новую власть как власть нравственной вседозволенности, нахрапистости и хулиганства в политике, Ильин не выступает в роли обвинителя своего народа, он ставит честный диагноз:

«Не злобой силен русский народ, он слаб в добре. Злое меньшинство захватило власть и намеренно перемешивает понятия зла и добра».

Троцкий был не совсем прав, когда писал, что не было повода расстреливать. В случае с Ильиным и повод был, и причины имелись. В лице Ильина советская власть имела непримиримого противника. Его шесть раз арестовывали и, наконец, приговорили к расстрелу. Но в последний момент отправили на пароходе в Германию. Никита Михалков, который, снимая фильм об Ильине, глубоко изучил материал, считает, что Ленин не решился отдать при-

каз о расстреле Ильина, он уже был хорошо известен в Европе как крупный специалист по Гегелю.

Щедрый подарок.

Советская власть сделала Европе неожиданный и весьма щедрый подарок. Нежданно-негаданно из России прибыли десятки ученых с мировыми именами, интеллектуалы, которые владели всеми европейскими языками. И их встретили буквально с распростертыми объятиями. В Англии возник Славянский институт, в Праге открылось пять высших учебных заведений, в Берлине начал свою работу Русский институт. Пассажиры «философского парохода» (этот термин закрепился за всеми учеными, высланными из России в 1922 году потому, что среди изгнанников были такие величайшие философы как Бердяев, Лосский, Сорокин, Трубецкой, Ильин) создали в изгнании тринадцать тысяч (!) научных трудов, сделали сотни открытий в разных областях науки. В России же произошло страшное падение интеллектуального уровня нации. Это падение проходило на уровне воинственного антиинтеллектуализма правящей элиты. «Мы академиев не кончали» - эта фраза долгое время была любимой среди вождей всех уровней. А вот за чтение работ Ильина в годы правления Сталина полагался расстрел, в годы правления Хрущева и Брежнева – тюремный срок.

О сопротивлении злу.

Но вернемся к страницам биографии нашего героя. Сразу по приезде в Германию он установил контакт с Врангелем и стал уважаемым идеологом белого движения. Берлинский Русский институт стал местом работы Ивана Ильина. До 1930 года институт финансировался Министерством иностранных дел Германии. Однако материальное

содержание было довольно скудным. Главным заработком стали лекции, с которыми философ вступал очень активно. С 1926 по 1938 гг. таких лекция было прочитано в Германии и странах Европы около двухсот. В это же время создается большая работа «О сопротивлении злу насилием». За философской концепцией современники отчетливо увидели приговор большевизму и призыв, обоснованный с духовной и моральной точки зрения, к борьбе с этим антинародным режимом. Не случаен и пафос, направленный против толстовской теории о непротивлении злу насилием. Ведь очень многие просвещенные люди в то время придерживались толстовства, учения, призывавшего любить врагов. «Христос имел в виду личных врагов самого человека, но никогда не призывал любить врагов Божьих»,- писал Ильин. А вот названия других его работ, написанных в Германии: «Яд большевизма», «Кризис безбожия», «Основы христианской культуры». Каждая работа, лекция, публикация в журнале «Русский колокол», который он издавал, становились общественным явлением, обсуждаемым и вызывающим надежду и веру в будущее России и русского народа.

После прихода к власти в Германии фашистов, Ильин отказывается преподавать по программам, которые насаждаются в германских учебных заведениях. За антифашистские статьи его увольняют из института. Его ожидало неминуемое заключение в концлагерь, и только благодаря помощи друзей ему и его супруге удалось покинуть Германию и переселиться в Швейцарию. В третий раз приходилось начинать жизнь с нуля. Семья Ильиных была нищей, а такие эмигранты швейцарскому государству никогда были не нужны. Однако спас от депортации Ильиных другой замечательный соотечественник, Сергей Рахманинов, который внес залог в четыре тысячи швей-

царских франков. Жизнь продолжалась. Продолжались и труды.
В Швейцарии Ильин прожил двадцать лет и скончался в 1954 году. На протяжении всех этих лет он непрестанно трудился для России. Он подверг осмыслению исторический путь Отечества и выявил причины беды, в которую Россия попала. Он указал ясный и честный путь, который выведет из тупика русский народ, в который он непоколебимо верил. Наследие философа – пятьдесят книг и более тысячи статей, написанных на русском, английском, французском и немецком языках. В России труды Ильина стали печатать только в 90-е годы. Из 50 пока напечатано только 28 томов.
Готовя этот материал, я прочитала только малую толику из того, что написано великим нашим мыслителем. И, потрясенная, сразу поделилась с близкими своим впечатлением от прочитанного. Оказалось, что в моем окружении многие не только не читали, но и не слышали имя Ильина. Удивляться не приходится. Мое поколение было в духовном и интеллектуальном плане в буквальном смысле ограблено. Увы, читая программы Министерства образования, понимаешь, что ситуация за долгие десятилетия не слишком улучшилась. Президент страны предлагает создать внятный учебник истории. И такая возможность есть. За основу можно было бы взять, например, три речи Ивана Ильина «О России». Позвольте изложить их содержание, может быть, эти выдержки (не цитаты) станут для наших читателей импульсом к знакомству с прекрасным русским философом и писателем.

О России.
Пишет Ильин, что Россия одарена Господом огромными богатствами. И русский человек уже рождается с уверен-

ностью: и нас-то много, и у нас всего много, на всех хватит, да еще останется. От этого чувства разлита в нас душевная доброта и ласковое добродушие. Русская душа легка, текуча и певуча. Благодушен, легок, даровит русский человек. Грубым топором создает он тонкий узор на дереве, из одной струны извлечет мелодию, в которой и грусть, и удаль. Но часто не ценит русский человек своего дара (о причине смотри выше: у нас всего много). Порой пропивает, проживает, проматывает его. Порой не справляется с хозяйственным бременем природной щедрости.

Говорит Ильин и о противоречивости русской души. Порой коснется она на взлете высшей ангельской преданности, а порой изведает и глубины сатанизма. Из таких падений растет покаяние. Но тяжести смирения мы не выносим, впадаем в уныние, теряем грани добра и зла. Разуверяемся в себе и тогда ропщем: «Мы пред Западом ничто». Что нас поддержит в такие минуты духовного падения? Непреходящая мудрость и доблесть нашей истории. (Ильин предполагает, что истинную историю своего Отечества русские люди обязательно должны знать, знания передавать детям. Это так важно сегодня, вот почему и поднял Президент вопрос об учебнике истории, едином и правдивым, в котором бы были честные рассказы о наших падениях, но были бы и свидетельства доблести наших предков). Ильин приводит потрясающие цифры. С середины 12-го до середины 15-го века наш народ перенес двести (!) войн и нашествий. С 14 века по 20-й 329 лет были годами, когда приходилось нашим предкам воевать. Две трети своей жизни Россия провела в войнах. Причем, эти войны не она инициировала, она защищала свои рубежи.

Еще одной силой, скрепляющей нас всех, был и остается наш язык. «Дивный, могучий, поющий, это язык острой, режущей мысли. Это язык зрелого самобытного характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовной высоты, на которую зовет его - его язык»,- уверен Ильин.

Пророчества Ильина.

Хотелось бы привести некоторые высказывания философа дословно, чтобы вместе с вами, уважаемые читатели, еще раз подивиться, как отчетливо он видел все то, что с нами произошло на рубеже веков. С горечью пишет Ильин, что выйдем мы из тоталитаризма нищими, народ будет ограблен, и все мы будем бедны, наша валюта будет встречаться во всем мире с презрением. И самое опасное – если после тоталитаризма мы бросимся устанавливать безграничные демократические правила. (Помните знаменитое: «берите свободы, сколько хотите»?) Они и приведут к распаду страны.

Итак, вот фрагмент из статьи «Что сулит миру расчленение России», написанной в 1950 году:

«И вот, когда после падения большевиков (прошу особенно обратить внимание на это положение, это сказано после победы 1945 года, когда, казалось, советский строй был крепок, как никогда – прим. авт.), мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленяйтесь!», то откроются две возможности. Или внутри России встанет русская национальная идея, которая возьмет в свои руки правопорядок, и поведет Россию к единству, пресекая всякие сепаратистские движения в стране. Или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта,

холод, голод и безвластие. Не умно это, не дальновидно, торопливо в ненависти и безнадежно на века».
Произошло ли это с нами? Произойдет ли? Ответьте каждый сам. А великий философ – провидец взывает ко все нам из своего далека:
«Россия – не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободе, порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре . Не хороните же его прежде времени! Придет его час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!».

Призвание России.
У каждого народа мира есть своя национальная идея. Иногда она сформулирована философами, иногда наиболее полно выражена в произведениях культуры, почти всегда она включает в себя религиозный аспект. В любом случае национальная идея выражает смысл существования того или иного народа, его историческую миссию. О миссии русского народа, его загадочной душе, о связи роли нашего народа с его землей немало было написано и до Ильина. Помните – «Умом Россию не понять…». Мне кажется, что именно Ильину все-таки удалось понять душу своего народа, сформулировать глубинную национальную идею. «Русская идея – есть идея сердца»,- так неожиданно звучит в устах Ильина идея, выражающая историческое призвание России. Этой идеей философ утверждает, «что главное в жизни есть любовь, ибо из любви рождается вера и вся культура духа». Русско-славянская душа органически предрасположенная к сочувствию и доброте, всем сердцем отозвалась на Благовестие Божие, на Заповеди и уверовала, что «Бог есть лю-

бовь». В этом живая сила русской души и русской истории. Без любви русский человек есть неудавшееся существо без идеала и без цели. Эти мысли изложены Ильиным в его работе «О русской идее», которая опубликована в 1948 году. И я отсылаю читателей к первоисточнику, будучи уверенной, что никого из вас не оставит равнодушным прекрасный чистый русский язык, которым выражены удивительно глубокие мысли. Читая Ильина, вы почувствуете, что он, словно, читает ваши мысли, просто дан ему дар изложить наше общее яркими и талантливыми словами, которые западают в душу.

Ильин сегодня.

Западают в душу слова философа и нашему президенту. Владимир Путин часто цитирует высказывания философа. Вот, например, какое высказывание философа Путин приводит в Послании к Федеральному собранию:

«Государственная власть имеет свои пределы. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты, не смеет регулировать творчество».

А вот еще одно высказывание Ильина, которое приводил Путин в одном из своих выступлений. Касается оно врагов России: «Им нужна Россия с убывающим населением. Им нужна Россия безвольная. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее благо – в распадении. Но единая Россия им не нужна». Наконец оптимистическое: «Россия есть величина, которую никто не осилит».

Профессор Оттавского университета Пол Робинсон, исследующий тему «Философия Путина», пишет, что Путин опирается на учение Ильина. «У Путина есть ясное видение сильного централизованного, основанного на за-

коне государства с четко ограниченными компетенциями, совместимыми с родным русским менталитетом».
В 2005 году прах великого русского философа Ивана Александровича был перевезен из Швейцарии в Москву, где был упокоен в Донском монастыре. В то же время на Родину были привезены останки генерала Деникина и писателя Ивана Шмелева. Надгробья над могилами выдающихся деятелей русской истории и культуры были сооружены на личные средства Владимира Путина. На родину был возвращен и архив философа. Он завещал вернуть его в Россию и передать в Московский университет после падения большевистского режима. А летом 2012 года в Екатеринбурге прошли Ильинские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения философа. В ходе работы чтений в городе был открыт памятник Ивану Ильину.

Об ответственности.

Эта статья, конечно, не претендует на глубокое исследование философии Ивана Ильина. Автор надеется, что чтение этого материала побудит читателей этой книги обратить внимание на первоисточники, работы философа, которые опубликованы и выложены в Интернете. А завершить очерк позвольте словами, которые касаются всех нас: «Все великое и священное идет изнутри – от сердечного созерцания и глубины, от постигающей и приемлемой любви. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно – то не поможет никакая внешняя форма, никакое избирательное право».

Дмитрий Лихачев: интеллигентный человек.

«Человек должен быть интеллигентен! А если у него профессия не требует интеллигентности? А если он не смог получить образования? Так сложились обстоятельства. А если окружающая среда не позволяет? А если интеллигентность сделает его «белой вороной» среди его сослуживцев, друзей, родных, будет просто мешать его сближению с другими людьми? Нет, нет и нет! Интеллигентность нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека. Это очень, очень важно, и прежде всего для того, чтобы жить счастливо»

(Академик Дмитрий Лихачев)

Бой часов.

Это событие произошло спустя несколько месяцев после окончания Дмитрием Лихачевым Ленинградского университета (1927 г.). Оно встревожило всех домашних. В гостиной у Лихачевых стояли большие напольные часы. Они всегда показывали точное время, но их боя никто не слышал. Отец еще до рождения Дмитрия отключил механизм боя. И вдруг вечером, в тишине раздался бой часов, гулкий и тревожный. Ровно восемь ударов. Звуки вызвали смятение, показались предвестниками беды. Домашние обеспокоились. Дмитрий же всех успокоил, пошутил

над суевериями. Но в душе и ему было не по себе. В тот вечер у него была встреча с друзьями. Еще будучи студентом университета, он с товарищами организовал студенческий кружок, который назвали «Космической академией». В кружке обсуждали вопросы философии, искусства, культуры. Обстановка за заседаниях была жизнерадостная, ведь собиралась молодежь. Вечером намечалась особенно веселая вечеринка: отмечалась годовщина «Академии». Искрометные шутки, шутливые тосты чередовались с серьезными заявлениями. И вдруг звонок в дверь: принесли телеграмму. От кого бы вы думали? От «папы римского», кто-то из ребят так пошутил, заставив всех хохотать до упада. И совсем было Дмитрий забыл о встревожившим его бое часов, да только тревожные предчувствия не обманули. На восьмой день (вот они, восемь ударов) за ним пришли. Отец, всегда спокойный и сдержанный, побелел и рухнул в кресло. Старший из пришедших, человек с серым каменным лицом, даже проявил некое сочувствие – подал стакан воды. А потом Дмитрия повезли в тюрьму. Ехали недолго. В романах иногда пишут, что вся жизнь героя промелькнула перед ним. Так и случилось. Жизнь именно промелькнула, словно светлый лучик высветил картинки детства и студенческой юности.

Детство и юность.

Детство Д.С. Лихачева пришлось на ту короткую, но блестящую пору в истории русской культуры, которую принято называть Серебряным веком. Родители Д.С. Лихачева не принадлежали к литературной или артистической среде (его отец был инженером), тем не менее, эта эпоха затронула и их семейство. Большим увлечением родителей Лихачева был балет. Ежегодно, несмотря на недоста-

ток в средствах, они старались снять квартиру как можно ближе к Мариинскому театру, покупали два балетных абонемента в ложу третьего яруса и не пропускали почти ни одного представления. Вместе с родителями с четырехлетнего возраста театр посещал и маленький Дмитрий. Летом семья отправлялась на дачу в Куоккалу. Здесь отдыхали многие представители артистического и литературного мира Петербурга. На дорожках местного парка можно было встретить И. Репина, К. Чуковского, Ф. Шаляпина, Вс. Мейерхольда, М. Горького, Л. Андреева и других писателей, художников, артистов, музыкантов. Некоторые из них выступали в любительском дачном театре с чтением стихов, воспоминаний. «Люди искусства стали для нас всех если не знакомыми, то легко узнаваемыми, близкими, встречаемыми», - рассказывал впоследствии Д. Лихачев. В 1914 г., через месяц после начала Первой мировой войны, Митя Лихачев пошел в школу. Сначала он учился в Гимназии Человеколюбивого Общества, потом в Гимназии и реальном училище К. Мая, и наконец, в школе им. Л. Лентовской. Уже перешагнув восьмидесятилетний рубеж жизни, Лихачев напишет: «Человека создает средняя школа, высшая дает специальность». Те учебные заведения, в которых он учился в детстве, действительно, «создавали человека». Особенно большое влияние на мальчика оказала учеба в школе Лентовской. Несмотря на тяготы революционного времени и на значительные материальные трудности (здание школы не отапливалось, поэтому зимой дети сидели в пальто и в варежках поверх перчаток), в школе удалось создать особую атмосферу сотрудничества учителей и учеников. Среди преподавателей было много талантливых педагогов. В школе действовали кружки, на заседания которых приходили не только школьники и учителя, но и извест-

ные ученые и литераторы. Дмитрию особенно нравилось участвовать в кружках литературы и философии. В это время мальчик начинает серьезно размышлять над мировоззренческими вопросами и даже продумывает собственную философскую систему (в духе увлекавших его тогда А. Бергсона и Н. Лосского). Он окончательно решает стать филологом и, невзирая на советы родителей избрать более доходную профессию инженера, в 1923 г. поступает на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета.

Университет и арест.

Несмотря на начавшиеся уже репрессии против интеллигенции, 1920-е годы были временем расцвета гуманитарных наук в России. Лихачев имел все основания говорить: «Ленинградский университет в 1920-е годы по гуманитарным наукам был лучшим университетом в мире. Такой профессуры, какой обладал тогда Ленинградский университет, не было ни в одном университете ни до того времени, ни после». Среди преподавателей было много выдающихся ученых. Лекции, занятия в архивах и библиотеках, бесконечные разговоры на мировоззренческие темы в длинном университетском коридоре, посещение публичных выступлений и диспутов, философских кружков — все это увлекало, духовно и интеллектуально обогащало юношу. «Все кругом было интересно до чрезвычайности, единственное, в чем я испытывал острый недостаток, - это во времени», - вспоминал Дмитрий Сергеевич. Но эта культурно и интеллектуально насыщенная жизнь разворачивалась на все более и более мрачневшем общественном фоне. Усиливались преследования старой интеллигенции. Люди приучались жить в ожидании ареста. Не прекращались гонения на Церковь. Именно о них

Д.С. Лихачев вспоминал с особой болью: «Молодость всегда вспоминаешь добром. Но есть у меня, да и у других моих товарищей по школе, университету и кружкам нечто, что вспоминать больно, что жалит мою память и что было самым тяжелым в мои молодые годы. Это разрушение России и Русской Православной Церкви, происходившее на наших глазах с убийственной жестокостью и не оставлявшее, казалось, никаких надежд на возрождение». Однако гонения на Церковь, вопреки желанию властей, приводили не к уменьшению, а к усилению религиозности. В те годы, когда, по словам Д.С. Лихачева, «церкви закрывались и осквернялись, богослужения прерывались подъезжавшими к церквам грузовиками с игравшими на них духовыми оркестрами или самодеятельными хорами комсомольцев», в храмы пошла образованная молодежь. Литературно-философские кружки, во множестве существовавшие до 1927 г. в Ленинграде, стали приобретать преимущественно религиозно-философский или богословский характер. Помимо Космической академии наук (этого шуточного кружка, участие в котором состояло из написания и обсуждения полусерьезных научных докладов, прогулок в Царское Село и дружеских розыгрышей), Дмитрий посещал и более серьезный кружок. Первого августа 1927 г. кружок по решению участников был преобразован в Братство святого Серафима Саровского. Эта активность привлекла внимание властей, члены кружков были арестованы. (Следствие по обоим кружкам было объединено в одно дело). День ареста, 8 февраля 1928 г., стал началом новой страницы в жизни Д.С. Лихачева. После полугодового следствия он был приговорен к пяти годам лагерей. Через несколько месяцев после окончания Ленинградского университета (1927

г.) его отправили на Соловки, которые Лихачев назовет своим «вторым, и главным, университетом».

Соловки.

Соловецкий монастырь, основанный преподобными Зосимой и Савватием в XIII в., в 1922 г. был закрыт и превращен в Соловецкий лагерь особого назначения. Он стал местом, где отбывали срок тысячи заключенных (на начало 1930-х годов их численность доходила до 650 тыс., из них восемьдесят процентов составляли так называемые «политические» и «контрреволюционеры»). Навсегда Д.С. Лихачеву запомнился тот день, когда их этап выгрузили из вагонов на пересыльном пункте в Кеми. Истеричные вопли конвоиров, крики принимавшего этап начальника Белоозерова: «Здесь власть не советская, а соловецкая», приказ всей уставшей и продрогшей на ветру колонне заключенных бегать вокруг столба, высоко поднимая ноги, — все это казалось настолько фантастическим в своей нелепой реальности, что Д.С. Лихачев не выдержал и рассмеялся. «Смеяться потом будем», - с угрозой закричал на него Белоозеров.

Действительно, в соловецкой жизни было мало смешного. Дмитрий испытал ее тяготы сполна. Он работал пильщиком, грузчиком, электромонтером, коровником, «вридлом» («вридло» – это аббревиатура, означает « временно исполняющий должность лошади», так на Соловках называли заключенных, которых впрягали в телеги и сани вместо лошадей). Лихачев жил в бараке, где по ночам тела скрывались под ровным слоем копошащихся вшей, умирал от тифа. Перенести все это помогала молитва, поддержка друзей. Благодаря помощи епископа Виктора (Островидова) и протоиерея Николая Пискановского, ставшего на Соловках духовным отцом Лихачева и его

товарищей по Братству святого Серафима Саровского, будущему ученому удалось уйти с изнурительных общих работ в Криминологический кабинет, занимавшийся организацией детской колонии. На новой работе он получил возможность много сделать для спасения «вшивок» — подростков, проигравших с себя в карты всю одежду, живших в бараках под нарами и обреченных на голодную смерть. В Криминологическом кабинете Лихачев общался со многими замечательными людьми, из которых особенно сильное впечатление на него произвел известный религиозный философ А. Мейер. На Соловках же произошел случай, имевший большие последствия для внутреннего самосознания Лихачева. В конце ноября 1928 г. в лагере начались массовые расстрелы. Лихачев, находившийся на свидании с родителями, узнав, что за ним приходили, не стал возвращаться в барак и всю ночь просидел за поленницей, прислушиваясь к выстрелам. События той страшной ночи произвели переворот в его душе. Позже он напишет: «Я понял следующее: каждый день - подарок Бога. Мне нужно жить насущным днем, быть довольным тем, что я живу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще - так как расстрел и в этот раз производился для острастки, то, как я потом узнал, было расстреляно какое-то ровное число: не то триста, не то четыреста человек, вместе с последовавшими вскоре. Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить мне надо за двоих. Чтобы перед тем, которого взяли за меня, не было стыдно!»

Не отказаться от принципов.

В 1931 г. Лихачева переводят с Соловков на Беломоро-Балтийский канал, а 8 августа 1932 г. он освобождается из

заключения и возвращается в Ленинград. Заканчивается та эпоха в его биографии, о которой он в 1966 г. сказал: «Пребывание на Соловках было для меня самым значительным периодом жизни». Попрошу читателей обратить внимание на оценку лагерного периода, который дает сам Лихачев. Безусловно, этот опыт нахождения в сталинском лагере, эта вопиющая несправедливость – были трагичны. Но своей дальнейшей жизнью и творчеством Дмитрий Сергеевич Лихачев доказывает: этот опыт не сломил, а закалил его. Встреча с удивительными людьми, деятелями культуры и простыми рабочими и крестьянами, которые сохраняли и свою веру, и свое человеческое достоинство, стали для Лихачева подлинной школой жизни. Память о них он бережно хранил всю жизнь, как хранил потрепанный овчинный тулупчик, который согревал его в лютые лагерные зимы. Он позднее говорил: «Все неудобства, лишения и даже несчастья, через которые, возможно, придется пройти из-за своих убеждений, ничто по сравнению с теми душевными и духовными мучениями, которые неизбежны в случае отказа от своих принципов». Лихачев смог пережить советскую эру, не поступившись своими глубокими религиозными убеждениями и патриотической любовью. Он вернулся в Ленинград, где работал литературным редактором и корректором в различных издательствах. С 1938 года жизнь Дмитрия Лихачева была связана с Пушкинским домом – Институтом русской литературы, где он начал работать младшим научным сотрудником, затем стал членом ученого совета, а позже – заведующим сектором (1954) и отделом древнерусской литературы (1986).

Жизнь и труды.

Во время Великой Отечественной войны с осени 1941 года до весны 1942 года Дмитрий Лихачев жил и работал в блокадном Ленинграде, откуда был эвакуирован с семьей по «Дороге жизни» в Казань. За самоотверженный труд в осажденном городе он был награжден медалью «За оборону Ленинграда». С 1946 года Лихачев работал в Ленинградском государственном университете. Он преподавал и занимался научными исследованиями. В центре его научных интересов была культура Древней Руси, древнерусская литература. Заинтересованному читателю рекомендую некоторые из них: «Возникновение русской литературы» (1952), «Человек в литературе Древней Руси» (1958), «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (1962), «Поэтика древнерусской литературы». О жизни и трудах академика написаны тома научной и мемуарной литературы. Есть прекрасный сайт Санкт-Петербургского университета профсоюзов «Площадь Дмитрия Лихачева», на котором представлены уникальные публикации, видео и аудиоматериалы, они будут интересны и педагогам-словесникам, и старшеклассникам, которые увлечены русской литературой. Здесь хочу рассказать об одном эпизоде, который меня буквально потряс. В кругу близких друзей Дмитрий Сергеевич иногда рассказывал историю, как «Слово о полку Игореве» спасло ему жизнь. Долгое время Лихачев считался у властей неблагонадежным человеком. Только с третьего раза он был избран академиком. Хотя Дмитрий Сергеевич был бесконфликтным и абсолютно порядочным человеком, он никогда не менял своих убеждений, а это было в советское время неудобно и опасно. Лихачев не поддержал травлю А.Солженицына, с которым был лично знаком, не согласился подписать составленное членами

Академии Наук письмо против А. Сахарова. «На следующее утро после отказа подписать письмо,- вспоминал Дмитрий Сергеевич, - у дверей квартиры на меня напал какой-то человек и нанес несколько сильных ударов в живот и грудь. Спасло меня «Слово о полку Игореве»: во внутреннем кармане пиджака лежал доклад, с которым я отправлялся на конференцию, посвященную «Слову…», эти листы и смягчили удар». Лихачев все-таки прочитал доклад, и лишь потом, обратившись в больницу, узнал, что у него сломаны ребра. Вскоре после этого случая квартиру академика несколько раз пытались поджечь. Тем не менее, Дмитрий Сергеевич умел сохранять и отстаивать свое мнение. «Я прожил счастливую жизнь, - говорил он, - я не подписал ни одного смертного приговора». Люди старшего поколения хорошо знают, какие прекрасные труды, посвященные литературе Древней Руси, создал академик Лихачев, какую огромную роль в новой России он играл, как велик был международный авторитет академика. К сожалению, имя Лихачева молодежи известно мало. Поэтому мы решили не столько рассказать о биографии этого уникального большого ученого и настоящего человека, сколько приоткрыть дверь в его нравственный мир. Об этом светлом мире Фазиль Искандер сказал так:

«Дмитрий Сергеевич своим ожиданием от человека того лучшего, что в нем есть, учил нас всех, нашу страну и нашу власть быть неравнодушными к отдельной личности, ожидать от каждого лучших проявлений и творчески их развивать. Дай Бог, если искорка этой любви, любопытства и ожидания пробудится в нас, и мы сумеем смотреть друг на друга так, как Дмитрий Сергеевич Лихачев».

Иллюстрации :

- «Мыслитель» скульптура Родена стр. 5

- Портрет С. Трубецкого стр. 6

- Портрет С. Соловьева стр. 10

- «Дети» скульптура П. Трубецкого стр. 16

- Портрет И. Ильина стр. 19

- «Мыслитель» (потрет философа Ильина) Худ. Нестеров стр. 22

- Портрет Д. Лихачева стр. 32

Раздел II

Прекрасное, выражен-ное словом (поэты)

Вселенная Александра Пушкина.

- Путь к вершине
- Мгновения Натали
- Спутник великого поэта
(слово о Никите Козлове)

Звездная душа поэта.

Дедушка Крылов.

Певец Украйны милой.

Поэты и судьба.

- Николай Гумилев
- Анна Ахматова

Поэты Советской эпохи.

- Васильковое слово поэта (Сергей Есенин)
- «Любить иных тяжелый крест» (Борис Пастернак)
- Светлый мир Самуила Маршака
- Самый любимый детский поэт (Агния Барто)

Сороковые – роковые.

- Вехи пути (Михаил Исаковский)
- Святой и грешный русский человек
(Александр Твардовский)
- Кто осилил сорок первый (Юлия Друнина)
- Мы все войны шальные дети (Булат Окуджава)
- Никто не забыт. (Ольга Берггольц)

Звезда Иосифа Бродского.

Вселенная Александра Пушкина

Путь к вершине.

«…Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей.
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

(А.С.Пушкин)

«Пушкин - наше всё».

В январские дни русские люди и те, для кого русская культура и русский язык имеют значение, обращают свои сердца к имени любимому и дорогому. Мы вспоминаем события ухода в мир иной Александра Сергеевича Пушкина. Какие бы времена не переживал русский человек, Пушкин идет с ним рядом рука об руку. От первых наших сказок до скорбных раздумий у последней черты – звенит в душе чистая пушкинская струна. И поэтому каждая дата, которая связана с именем нашего великого поэта, нам важна, как причина еще раз приблизиться душой, приникнуть к светлому пушкинскому гению. В 1859 году Аполлон Григорьев в своем труде «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» написал гениально просто: «А Пушкин – наше всё». И эти четыре слова выразили отношение русской души к Поэту.

Бесконечным числом изумительно ярких граней искрится божественный дар Пушкина. Каждая из этих граней достойна любования, изучения, обогащает душу, наполняя ее творческими силами. Одна из таких граней - Пушкин и православие. Тема эта не очень известна широкому кругу читателей. Причины тому понятны. В атеистическом государстве исследования на эту тему вестись не могли. Литература, созданная до Октябрьского переворота, была нам недоступна, как недоступны были и работы исследователей эмиграции, особенно священнослужителей. А между тем, о религиозном сознании поэта говорили и писали его современники, например, В.А. Жуковский. Позднее эту тему затрагивали Ф.М. Достоевский, видные деятели Русской Православной Церкви, известные философы И.А. Ильин, А.Зайцев и другие.
На основе изучения этих работ автор дерзает познакомить читателей с особенностью отношения А.С.Пушкина к православию, которое может быть обозначено как восхождение к вершинам духа.

«Безумство гибельной свободы».
В силу своего происхождения, воспитания и образования в детстве и юности будущий великий поэт был помещен в среду, где подлинного уважения к религии не было. Это была обычная помещичья семья начала 19 века. Отец поэта получил светское воспитание и образование, которое может быть названо французским. В основе всего лежала французская атеистическая философия, французская эротическая литература. Во вкусах с супругом сходилась и мать поэта. По свидетельству очевидцев, душевной ласки, любви Александр со стороны родителей никогда не видел. Он рано научился читать. Первым языком его стал французский. Ребенка никто не контролировал. Библио-

тека отца была ему доступна. И.А. Ильин, выдающийся философ и исследователь, пишет в своем труде «А.С.Пушкин. Основные особенности личности»: «Рано научившись читать, отрок Пушкин нашел в огромной библиотеке отца массу атеистической и эротической литературы, с которой жадно стал знакомиться. Запойное чтение этой развращающей сердце литературы питало рано пробужденные чувственные страсти, а скептические и атеистические идеи, преподносимые в ироническом и сатирическом освещении, развращали юный ум». Яд кощунства, цинизма, скепсиса и сквернословия (образцы последнего, увы, будущий поэт мог слышать дома, где говорили по-французски, а по-русски ругались) только потому не смог отравить души поэта, что было мощное противоядие, позволившее душе не погибнуть. Этим противоядием стала любовь. Вспоминая детство и отрочество поэта, потомки должны с нежностью и благодарностью помянуть имена его бабушки Марии Алексеевны, няни Арины Родионовны, учителя Закона Божьего диакона Александра Ивановича и дядьку Никиту Козлова. Благодаря этим людям будущий поэт впервые услышал родную речь, чудесные сказки, научился молиться.

«Буря сомнительных помышлений».

Как следствие этих двух влияний, в душе поэта поселилась двойственность, которая не давала покоя. Будучи юношей своего круга, Пушкин проявляет вольнодумство обычное в среде молодых дворян того времени. Но поэт был не просто одарен, он был гениален. Каждое его слово было заметным, разносилось по всей России. Позднее поэт раскаивался о многих своих строках, которым в минуты написания иногда не придавал значения. Особенно он страдал по поводу известной поэмы на евангельский

сюжет. Современник поэта Бартенев сообщает, что «Александр Сергеевич всячески истреблял списки…и сердился, когда ему напоминали о ней».

Когда читаешь воспоминания о поэте его близких, его произведения, написанные в юности, порой кажется, что Пушкин нарочно надевал на себя личину цинизма, а вот то, что происходило в душе, скрывал «под шалости безумной легким покрывалом». Заметим, что «покрывало шалости» поэт называет легким. Его слишком вольные, фривольные стихи не являлись глубоким внутренним убеждением, они словно скользят по поверхности его души. Вот эти-то «вершки» нам долгие годы выдавали за отрицание религии молодым Пушкиным. Этого не было никогда. И в Кишиневе, и в Одессе Пушкин всегда посещал богослужения, держал посты, исповедовался, причащался Святых Таин.

В то же время его душа, не обретшая спасительного православия в детстве, мучительно ищет точку нравственной опоры. Он читает Библию, Коран, беседует с английским атеистом Гетчинсоном. Он ищет опору мировоззрения, начинает понимать, что без Бога оно подобно зданию без фундамента.

В Михайловском.

Вторая ссылка в Михайловское приводит Пушкина в отчаяние. Лишь позже он поймет, какое судьбоносное значение имели годы, проведенные в тиши Михайловского уединения. Он без спешки и суеты заглянул в свою душу. Самообразование позволило изучить родную историю, он прикоснулся душой к русскому народу, к Матери Русской Православной Церкви. Каждую субботу он посещал Святогорский монастырь, общался с его монахами и простыми богомольцами. Его видели у стен монастыря в красной

русской рубахе, распевающим песнопения о святом Лазаре и св. Георгии. Он видел на примере Святогорского монастыря, как тесно связана Русская Православная Церковь с жизнью простого народа, каково влияние церкви на его нравственное состояние. Дома он внимательно изучал древнерусские летописи и «Историю государства Российского» Карамзина. Гениальный «Борис Годунов» мог появиться лишь в результате огромной нравственной работы, которая вершилась «в келье души» поэта. Это несравненное по красоте, трагизму, изумительным бытовым подробностям произведение написал совсем молодой человек. Поэт закончил «Бориса Годунова», когда ему было лишь 25 лет! Не стремясь к литературному анализу творчества поэта в Михайловской ссылке, хочется остановиться на двух аспектах очень важных в свете нашей темы. Одним из центральных образов в «Борисе Годунове» является монах Пимен. Митрополит Анастасий (Грибановский) в работе « Пушкин и его отношение к религии» написал следующее: «Уже одним этим чудным и возвышенным образом, вышедшим из народной стихии, поэт искупил в значительной степени нравственный соблазн, который он мог посеять своими легкомысленными прошлыми произведениями». Дивный облик древнерусского историка – летописца встает перед нами со страниц трагедии. Пушкин говорил, что сам полюбил Пимена, плененный его духовный красотой. В Пимене запечатлена лучшая часть русской души. Ведь именно в монашестве русский народ всегда видел высший идеал духовно – религиозной жизни. Мудрой кротостью проникнуты монологи Пимена:

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,

Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют».

Там же, в Михайловском, было создано великое стихотворение «Пророк». История его написания удивительна.
Как-то Пушкин поехал в Святогорский монастырь, чтобы заказать панихиду по Петру Первому. Монахи были заняты, поэта попросили подождать в келье, где на столе лежала раскрытая Библия. Поэт приблизился и стал читать. То была Книга пророка Исайи. Современники записали со слов Пушкина его воспоминание: «Он (пророк Исайя) меня внезапно поразил. Он меня преследовал несколько дней. И раз ночью я встал и написал это стихотворение».
Это был великий момент в духовной жизни поэта, его душа ответила Вышнему зову, доверилась Отцу Небесному, чтобы уже никогда, до последнего дыхания не разлучаться с Ним. Там же в Михайловском начинается путь покаяния. Это было больше, чем простое сожаление о грехах молодости. То было суровое самобичевание, когда поэт вспоминает свои молодые годы, растраченные «в праздности, в неистовых пирах, в безумстве гибельной свободы». Именно путь покаяния приведет поэта к высочайшей духовной вершине в последние дни его бытия на земле.

Вера – семья – Отечество.
Однажды Пушкин написал:

«В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,

Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель-
Она с величием, Он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах».

Как ни сказать об особом трепетном и любовном отношении великого русского поэта к Слову Божьему. Пушкин, по его словам, прочитал Библию «от доски до доски». Мечтал в подлиннике читать вместе с детьми, когда они подрастут. Из Библии он более всего любил Евангелие. Он писал: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применимо ко всем обстоятельствам жизни и происшествиям мира: из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицей народов: она не заключает уже для нас ничего неизвестного, но книга сия называется Евангелием, и таковая ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, тот уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».
Огромную роль в духовном совершенствовании поэта имели православные молитвы, которые поэт знал и любил. Молитву Господню Пушкин переложил высокими вдохновенными стихами, сохранив почти неприкосновенным ее канонический текст.

«Отец людей, Отец Небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прийдет Царствие Твое,
Твоя да будет Воля с нами,

Как в небесах, так на земли!
Насущный хлеб нам ниспошли
Твоею щедрою рукою,
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных, пред Тобою,
Прости, Отец, своих детей;
Не ввергни нас во искушенье
И от лукавого прельщенья
Избави нас».

К тридцати годам мировоззрение А.С.Пушкина вполне определилось как православное. На этом фундаменте выстраивалась и система нравственных ценностей. Для него были священны православные традиции. Сохранились воспоминания Вересаева, которые прекрасно иллюстрируют эту черту характера нашего великого поэта:
«В роде бояр Пушкиных с незапамятных времен хранилась ладанка …с частицей Ризы Господней. Она – обязательное достояние старшего сына и ему вменяется в обязанность 10 июля, в день праздника Положения Ризы, служить пред этой святыней молебен. Пушкин всю жизнь свою это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета».
Вообще, брак и семья, освященные церковным благословением, для поэта были не просто ценностью, но святыней. Пушкин по своему существу был глубоко нравственным человеком, и это отразилось на его творчестве.
Во имя святости супружеского долга Татьяна отвергает Онегина. Мария Кирилловна Троекурова проявляет истинное православного отношение к браку, когда с твердостью отвечает Дубровскому: «Я обвенчана, я жена князя Верей-

ского». А с какой любовью описана семейная жизнь в семье Гриневых и Мироновых («Капитанская дочка»). Справедливо пишет митрополит Анастасий (Грибановский): «Пушкин оказал большое влияние на русское общество в смысле утверждения в нем здоровых и крепких семейных начал, не только своими произведениями, но отчасти и собственным примером, ибо он был нежным, любящим супругом и заботливым отцом. Самая ревность об охране доброго имени своей жены, повлекшая за собой его роковую дуэль и смерть, истекала из его желания сохранить незапамятной чистоту семейного очага, которой он искренне дорожил».

От семьи естественен переход к Отечеству. В письме к Чаадаеву Пушкин пишет, что ни за что на свете не хотел бы он переменить его на какое – либо другое. Русская история ему дорога «как она есть, такая именно, как нам Бог ее послал».

Своеобразным манифестом патриотических чувств поэта стали эти строки:

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без Божества».

Митрополит Филарет и поэт Пушкин.

Путь к вершине никогда не бывает легким. Случаются и остановки, бывают и падения. Главное после них подняться и продолжить восхождение. «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты нам дана?» - писал поэт с пугающей безнадежностью в 1828 году. Позднее это стихотворение было опубликовано, и строки, родившиеся во время меланхолии, прочитали тысячи людей, которые внимали каждому слову поэта с безусловным доверием. Столь безотрадная философия, в которой нет места Творцу, Его благодатной Воле, не могли не огорчить людей верующих. Одним из читателей поэта стал выдающийся деятель Русской Православной Церкви святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский (в миру Василий Михайлович Дроздов). Он решил не оставить это стихотворение поэта без ответа. Его целью было доказать Пушкину и многим читателям, что наша судьба не предопределена слепым роком, но управляема Волей Творца, указавшего нам высокое назначение человека в этом мире. Митрополит написал ответ в стихах, чтобы поэт прочитал его мнение в привычной для себя форме:

«Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал».

Замечательно, что Пушкин был глубоко тронут, высоко оценил это внимание к нему иерарха. И ответил митрополиту одним из лучших своих стихотворений.
В «Стансах» все достойно удивления и восхищения: и смирение, и благодарность, и искренность, и благородство тона.

«И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты».

Первоначально текст последней строфы был таким:

«Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт».

«Хочу умереть христианином»

Православные люди в своих молитвах умоляют Господа послать непостыдную кончину. Именно такую кончину послал Творец нашему великому поэту. После рокового выстрела Господь даровал ему 45 часов жизни для приготовления ухода в мир иной. Рядом с поэтом в те трагичные и высокие мгновения земного бытия были близкие люди, которые оставили воспоминания. Они подробно повествуют о том нравственном уроке, который дал всему русскому народу великий поэт на краю могилы. Отец Петр, священник ближайшей к дому Пушкиных церкви, сказал об этом просто: «Я стар, мне уже не долго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, но я скажу, что для

самого себя желаю такого конца, какой он имел». Пушкин исповедался, причастился. Он простил своего убийцу. Дал напутствие и благословение жене, о которой заботился до последнего мгновения и малюткам-детям. Переживая непередаваемые физические страдания, он сказал своему другу Данзасу: «Хочу умереть христианином».

«Всепрощающая любовь и искренняя вера, ярко вспыхнувшая в его сердце на смертном одре, озарила ему путь в вечность, сделав его неумирающим духовным наставником для всех последующих поколений… Христианская кончина стала лучшим оправданием и венцом его славной жизни»,- сказал в 1937 году первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей митрополит Анастасий в связи со столетней годовщиной гибели поэта. И мы вновь повторяем эти слова, поминая гениального «учителя России». Вечная память!

Мгновения Натали.

«Исполнились мои желания.
Творец Тебя мне ниспослал,
Тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести
Чистейший образец».
Александр Пушкин.

Она родилась на второй день после великой битвы. Буквально под грохот пушек Бородина. И ее день рождения совпадает с годовщиной Бородинского сраже-

ния. Двести лет назад произошла битва и двести лет назад родилась Наталия Николаевна. Ее юбилей оказался в тени важного события в истории России. Так пусть этот материал станет скромным цветком, который автор с уважением и признательностью мысленно принесет на мраморную плиту, где выбито имя «Наталия Николаевна Ланская».

Год 1818.

У дедушки в Полотняном Заводе или тень Ульрики.

В просторной гостиной шестилетняя девочка Таша. Она сидит на полу на ковре. Таша очень занята. Крохотными пальчиками она усердно развязывает атласную ленту на большой коробке. Что там? Дедушка всегда дарит что-нибудь необыкновенное: яркий мячик, затейливое платьице, пестрые книжки, иногда даже шляпку с цветочным букетиком. Все для крошки -Таши. Девочка просит няню открыть коробку. И заливается счастливым смехом, внутри - красавица-кукла. Таша увлечена, и не слышит разговора взрослых. В зале кроме нее и няни дедушка, Афанасий Николаевич Гончаров. Приподняв правую бровь, он со вниманием слушает, что говорит Ташина мать. Слушает учтиво, но на лице разочарование. Он не хочет, чтобы невестка забирала девочку в Москву. Ему жаль расставаться с Ташей. Наталия Ивановна умолкла, а Афанасий Николаевич задумчиво говорит: «До чего же прелестна, обещает быть настоящей красавицей! - и лукаво добавляет,- Глядишь, затмит и матушку свою красотой». А Наталия Ивановна лишь поджимает губы. Она хорошо знает, откуда эта небесная красота. Таша так похожа на свою бабку, баронессу Ульрику Пуссен. В семье об этой истории предпочитают не говорить. Род Загряжских древен и славен. И Гончаровым не чета. Как же могла жена лифляндского ба-

рона Пуссена Ульрика устоять перед блестящим русским офицером, когда встретила его в Дерпте? Любимец Потемкина, красавец и храбрец Иван Загряжский без труда соблазнил баронессу. И увез ее от мужа. Влюбленная Ульрика столь была поглощена страстью, что оставила в Лифляндии свою маленькую дочку. Несложно представить, что испытала законная супруга Загряжского, когда на пороге дома появился муж с дамой, которая была в положении? Иван Александрович быстренько перезаложил лошадей и отбыл в Москву, а обе женщины остались. И вот, что удивительно: Ульрику в доме Загряжских полюбили. Да и как было не полюбить столь совершенную красавицу? Вскоре Ульрика родила девочку, а затем и скончалась. Дочку Ульрики, будущую мать Таши, назвали Наталией, вырастили как Загряжскую. Наталия Ивановна помнила портрет Ульрики, который видела у тетки по материнской линии, фрейлины императрицы. У портрета была интересная история. Когда фрейлина Загряжская жила при дворе в Санкт-Петербурге, она держала портрет Ульрики при себе. Однажды в Зимнем дворце вспыхнул пожар. Дежурный офицер вместо того, чтоб спасать драгоценности и документы, спас портрет Ульрики, объясняя: «Я не мог оставить в добычу огню столь редкую красоту». Наталия Ивановна вздыхает: «Не родись красивой». Свекор сочувствует Наталии Ивановне. Она была в молодости необыкновенной красавицей. По протекции тетки Наталия Ивановна стала фрейлиной императрицы. Таинственна история, почему юную красавицу внезапно выдали замуж за его сына, тамбовского помещика Николая Гончарова, многим до сих пор не дает покоя. Ведь любила она некоего кавалергарда, да того убили при загадочных обстоятельствах. Ниточка потянулась на самый верх. Да так там и оста-

лась. На свадьбе Наталии Загряжской и Николая Гончарова присутствовал сам император Александр I с супругой и семьей. А сочувствует он снохе, потому что несет она тяжелую ношу. Его сын, муж Наталии Ивановны, увлекшись скачками, однажды упал с коня, повредил голову и с тех пор страдает приступами безумия. Все реже он приходит в себя, и тогда домочадцы видят его добрым, веселым, ласковым. А ведь какой был молодец, образован, красив. Увы... У Наталии Ивановны шестеро детей, и всех она тянет, хлопочет. Имениями управляет, может быть и не успешно, но старается.

Между тем, девочку Ташу собирают в дорогу. Прощай, любезный дедушка! Прощай, Полотняный Завод, огромный парк с тринадцатью прудами и белоснежными лебедями. В руках у Таши так полюбившаяся кукла, дедушкин подарок. Мать строга, Таша поглядывает на нее с робостью. Кстати, в Москве однажды в припадке гнева мать разобьет Ташину куклу. Сурова была Наталия Ивановна...

Год 1830.

Красавица и поэт. Мадонна.

Теплым июльским днем Пушкин шел по Невскому проспекту, и вдруг - словно током ударило. В витрине антикварной лавочки он увидел старинную копию известного полотна Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Он застыл, пораженный внезапным озарением: «Боже, какое сходство с Натали!». Поэт стоял как вкопанный у витрины. Видимо, стоял он долго. Ибо

приказчик обратил внимание на этого странного наблюдателя и доложил хозяину. А хозяин Пушкина сразу узнал. Еще бы, слава о нем уже гремела по всей России. «Извольте, господин Пушкин, что желаете?» Хозяин гостеприимно распахнул дверь. «Рафаэлем интересуетесь? Очень старинная копия. Для такого экземпляра и цена недорогая, сорок тысяч всего. Пожалуйте, заходите в магазин...» Поэт тяжело вздохнул, с трудом отводя взгляд от полюбившегося холста, распрощался с хозяином. В тот день он описал своей невесте Наталии Гончаровой, какое волнение он пережил, обнаружив необычайно сходство между Мадонной и Натали. Если б не такая высокая цена, он бы купил картину, но... Это вечное «но», эта невыносимая вечная нехватка денег. Ему еще предстояло самому собрать приданное для своей обожаемой Натали. Но все это пустяки, по сравнению с тем счастьем, которое он испытывает. Доподлинно известно высказывание поэта в то время: «Та, которую любил я целых два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой жизнь кажется мне блаженством – Боже мой – она...почти моя...» В начале апреля 1830 года после двух изнурительных лет наконец-то было завоевано согласие Наталии Ивановны, матери девушки, на женитьбу. Пушкин был счастлив и переживал чувство глубокой влюбленности. Это чувство накрыло его внезапно. Он хорошо помнил, как все произошло. Этот было перед Рождеством 1828 года на балу у Йогеля. Ах, этот веселый француз! И после войны с Наполеоном Петр Андреевич Йогель не растерял любви москвичей. Да и как было его не любить. Веселый, легко порхающий по паркету, для каждого он находил доброе слово, умел не заметить промах, и превознести малейший успех своих юных подопечных. Три поколения дворянской молодежи были обязаны

ему прекрасной осанкой, легкой походкой, безукоризненными манерами. Пушкин любил бывать там, где царило юное веселье, блистали красотой первые красавицы Москвы, раздавались волшебные звуки музыки...

Наталия Николаевна те мгновения тоже запомнила на всю жизнь. Для бала было сшито платье, похожее на античную тунику, белое и воздушное. На головке, увитой волнистыми локонами, горничная укрепила золотой тоненький ободок. Вот и весь убор. Она искренне удивилась, когда почувствовала, войдя вслед за маменькой и сестрами в залу, что все взоры на нее обратились и собравшиеся затихли. Можно много здесь написать о ее красоте, но давайте вслушаемся и вдумаемся в то, о чем написала ее современница, соседка по имению Надежда Еропкина: «Я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная и ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было исполнено грацией. Глаза добрые, веселые с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц. Но главную прелесть Натали составляло отсутствие всяческого жеманства и естественность. Большинство считали ее кокеткой, но обвинение несправедливо. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо. Все в ней самой было проникнуто глубокой порядочностью. Все было без всякой фальши».

Что было потом? Два года сватовства и шесть лет совместной жизни с гением, о которой столько написано пушкинистами, прозаиками, поэтами, драматургами. Иногда открыто недоброжелательно, как у Цветаевой или Ахматовой. Иногда с элементами смелой фантазии. Но почти всегда подозрительно: об отношениях Натали с Дантесом, об отношениях с царем. Все эти исследователи забывали

спросить у главного свидетеля, у самого поэта. А ведь Наталия Николаевна сохранила все его письма, их семьдесят девять. Может быть, прозвучит и неожиданно, но поэту было интересно общаться с женой. Долгое время с «легкой руки» Марины Цветаевой считалось, что Наталия Николаевна умом не блистала. Помните известные слова поэтессы: «Только красавица, просто красавица, без коррективы ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила» А вот недавно в архивах были найдены ученические тетрадки Наталии Гончаровой. Они дают представление, что девушка в семье получила прекрасное образование, что строгая мать приглашала прекрасных учителей. Юная Наташа в совершенстве владела французским, немецким и английским языками. Дети в семье Гончаровых изучали и хорошо знали историю и географию, разбирались в литературе и живописи, играли на музыкальных инструментах, Наталия Николаевна в юности писала стихи. А уж стихи Пушкина ей были прекрасно известны и многие из них были переписаны в девичий альбом. Самое большое количество писем поэт написал ей, хотя среди его окружения умнейшие люди его эпохи, считавшие за честь состоять с ним в переписке. Натали он писал всегда по-русски. И, читая пушкинские строки, обращенные к жене, понимаешь, ***что*** он прозрел на балу у Йогеля в юной девочке с золотым обручем. Ее бессмертную женственность, ее будущее материнство и ее глубокую религиозность. Она родила поэту четырех детей. Марию – в 1832 г., Александра в 1833-м, Григория в 1835г. и Наталию в 1836-м. И женщины, взглянув на эти даты, поймут многое, о чем и писать-то необходимости нет. А из далекого 1836 года доносятся до нас слова поэта: «Побранив тебя, беру нежно за уши и целую. Благодарю тебя за то, что ты

Богу молишься на коленях посредине комнаты. Я мало Богу молюсь, и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас». И вот это «для нас» и нерасторжимое «мы» осенило брак с Пушкина и Натали. Будем же деликатны, и будем помнить слова поэта Андрея Дементьева:

«Но повторять наветы нам негоже,
Забыли мы, что, уходя с земли,
Поэт просил Наташу не тревожить,
Оставьте же в покое Натали».

Год 1843.
Посылка из Баден-Бадена.

«Благодарю тебя за заботы и любовь. Целой жизни, полной преданности и любви, не хватило бы, чтобы их оплатить... Когда я иногда подумаю о том бремени, что я принесла тебе в приданое... и что ты хочешь найти еще в том счастье, - моя благодарность за такое самоотвержение еще больше возрастает».

(Из письма Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской мужу)

О генерале Ланском в свете шептались: «Бедняжка-генерал, она разбила его сердце». «Она» – это Идалия Григорьевна Полетика. Ее еще называли «королевой интриги». Незаконнорожденная дочь графа Строганова и французской графини Дэга, Идалия жила в доме своего отца на правах воспитанницы. Злоязычная, остроумная, яркая, она словно мстила всему свету за двойственность сво-

его положения. А когда ее выдали замуж за офицера Александра Полетика, прозвала мужа «божьей коровкой» и изменяла ему налево и направо. Натали Пушкиной она приходилась троюродной сестрой. Однако Александра Пушкина ненавидела всей душой. Поговаривали, что поэт отверг ее приставания, чем глубоко оскорбил интриганку. Известно, что свою аморальную роль сыграла Идалия и в провокации, приведшей к роковой дуэли. Полковник Ланской был не больше, чем одной из игрушек Идалии. Он же был увлечен ею всерьез. После разрыва отношений даже заболел, и находился на лечении в Германии. Немного странно читать такое о бравом офицере, выходце из семьи доблестных военных. Его отец был сподвижником самого Кутузова, три брата были кавалергардами. Служебное рвение, строгое отношение к своим обязанностям, исполнительность были оценены по достоинству двумя императорами. Его образованность позволила ему одно время занимать даже пост министра просвещения. Тем более неожиданно читать о том драматическом чувстве, которое он испытал к пустой и безнравственной Идалии. Но из песни слова не выкинешь. Как говорится, любовь зла... Бравый офицер страдал до расстройства здоровья. И поправлял он расшатанное здоровье в Баден-Бадене. Там он и встретил своего товарища Ивана Гончарова, брата Наталии Николаевны. Гончаровы отдыхали в Баден - Бадене на водах, попросили передать Наталии Николаевне небольшую посылку и письмо. Вот с этой-то посылкой Ланской и явился в Петербурге в Аптекарский переулок, в дом, который снимала молодая вдова поэта Пушкина, и где жила она со своими маленькими детьми.

Год 1844.

«Он стал его детей отцом».

Наталия Николаевна не была в свете шесть лет. Говорили, что на смертном одре Пушкин завещал ей удалиться в деревню и провести там два года, а потом выходить замуж. Наталия Николаевна замуж не спешила. Была она не просто хороша, ослепительно прекрасна. Темное траурное платье оттеняло мраморную белизну лица. Совершенство ее облика напоминало бы холодную античную статую, если бы не живые карие глаза, наполненные неизбывной печалью. В гостиную ввели детей: Машеньку, Сашу, Гришу, маленькую Наташу. Они были в том возрасте, когда детство еще не покинуло, но отрочество уже стучится в дверь. При их появлении Наталия Николаевна улыбнулась, и эта улыбка осветила все кругом, отразившись на лицах детей. Генералу Ланскому было сорок пять лет. Петр Петрович никогда не был женат и детей не имел. В этой скромной гостиной он, может быть, впервые в жизни почувствовал, что значит быть в любящей семье. Он передал привет от Гончаровых, завязался разговор, в нем принимали участие и дети. Им было хорошо вместе. Это мгновение было решающим в жизни молодой вдовы. Впоследствии дочь Наталии Николаевны и Петра Петровича Александра Арапова писала: «Откланиваясь, он в знак благодарности получил за оказанную услугу радушное приглашение бывать у Наталии Николаевны, и, конечно, воспользовался им. В течение зимы посещения эти все учащались, и с каждым разом он все более и более испытывал ее чарующее обаяние». В июле 1844 года состоялась свадьба генерала Ланского и Наталии Пушкиной. Все было тихо и скромно, на этом настояла Наталия Николаевна. Она предвидела, что ее имя будут трепать в светских гостиных и обсуждать ее

второй брак. На венчании присутствовали только самые близкие люди. Император Николай I в те дни принял участие в судьбе Наталии Николаевны, он помогал Ланскому, хотел быть на свадьбе посаженым отцом. Но невеста отклонила эту просьбу царя. Причем, государь не обиделся, с пониманием относясь к скромности Натали. Она отдала свою руку и сердце человеку достойному и глубоко порядочному. И главным его достоинством в глазах жены было то, что он полюбил детей Пушкина как своих родных, они приняли его и до конца жизни сохранили к отчиму уважение, благодарность и любовь. В этом браке родилось еще трое детей, все девочки. «С полным доверием поручила она (Наталия Николаевна – прим. авт.) честной благородной душе участь своих детей, для которых ее избранник был неизменно опытным руководителем, любящим другом. Слово «отец» неизменно оставалось за Александром Сергеевичем. «Петр Петрович» был он для них прежде, таким и остался навек. Но вряд ли найдутся между отцами многие, которые бы всегда проявляли такое снисходительное терпение, которые так беспристрастно делили бы ласки и заботы между своими и жениными детьми»,- писала Александра Арапова.

Год 1848.
Ключ от сердца.

…Наталия Николаевна в гостиной устроилась на кушетке и пишет мужу письмо. Она скучает по супругу. Знает, как было бы ему приятно, если б она поехала с ним в инспекторскую поездку. Но детей она оставлять не хочет. Они здесь, наполняют гостиную своими разговорами, смехом и веселой кутерьмой. Все оживлены, в доме Ланских гостит Левушка Павлищев, сын сестры Пушкина Ольги. Старший сын Александр с Левушкой дружен, здесь же Павел Лан-

ской, племянник мужа. Мальчики обсуждают устройство артиллерийского орудия, они мечтают о военной карьере, учатся в Пажеском корпусе. В отношении Александра она не сомневается, он будет офицером. А вот насчет второго сына Гриши мать не уверена. Он – тихий и добрый мальчик. Вот и сейчас устроился с книжкой в уголке, что-то спрашивает у Маши. Девочка, откинув со лба темные колечки-кудряшки, тихонько объясняет братишке что-то важное. Когда-то Пушкин говорил, что Маша – литография его самого, то есть похожа очень. Мать любуется дочерью. Размышления прерывает младшая Наташа. Вот, кто похож на Пушкина как две капли воды. Словно вихрь она врывается в гостиную. Шепчется о чем-то со старшим братом, весело хохочет. Она всегда так, вся – порыв, вся – мятеж. Наталия Николаевна ощутила безотчетную тревогу за дочь. В просторном доме Ланских места хватает всем. В детских комнатах спят младшие, Сашенька, Лиза и Соня. Надо завершать письмо, скоро надо будет идти к маленьким. Она берет перо и продолжает писать: «Положительно мое призвание быть директрисой детского приюта, Бог посылает мне детей со всех сторон. И это мне нисколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет».

К мужу Наталия Николаевна испытывает признательность и благодарность. Он окружил ее и детей любовью и заботой. Он с пониманием относится к ее неизлечимым душевным ранам. Она могла ему искренне написать в одном из писем: «Иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве. Эти минуты сосредоточия перед иконой в самом дальнем уголке дома приносят мне спокойствие, которое раньше принимали за холодность. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Только

Бог и некоторые избранные имеют ключ от моего сердца». Генерал Ланской этот ключ имел.

Год 1863.

Осенью 1863 года в семье сына Пушкина Александра произошло радостное событие, родился сын, которого было решено назвать в честь деда Александром. Его брак помогала устраивать Наталия Николаевна. Дело в том, что молодожены не были кровными родственниками, но Александр Пушкин-младший полюбил племянницу Ланского. И Церковь не одобрила намерения молодых. Тогда Наталия Николаевна отправилась на аудиенцию к царю и выхлопотала разрешение. Она не ошиблась, брак был счастливым, и у супругов родилось одиннадцать детей. Но это будет потом. А тогда радостная Наталия Николаевна поехала из Петербурга в Москву на крещение внука. В дороге она простудилась. Возвратившись, слегла. А 26 ноября 1863 годы скончалась. Супруг и дети похоронили ее на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. За несколько лет до этого скорбного события император Николай I участвовал в освящении нового полкового Благовещенского собора. Император предоставил право, когда исполнятся сроки, быть погребенными под сводами собора своим любимцам - генералам Орлову и Ланскому. Но генерал Ланской уклонился от этой высочайшей чести и завещал похоронить себя рядом с горячо любимой женой. Окончив свой земной путь, Петр Петрович соединился с той, которая была счастьем его жизни. Он выполнил все, что ей обещал. Завершить рассказ о нем хотелось бы прекрасными поэтическими строками Николая Доризо:

«Он не был гением-творцом,
В стихах и бронзе не был славен.

В одном он Пушкину был равен –
Он стал его детей отцом.

Растил их нежно генерал,
Любовь к усопшему внушая.
Как будто Пушкин, умирая,
Его им, детям, завещал».

Год 2012, и вновь Полотняный завод.

Дом Гончаровых в Калужской области сохранился, сохранилась и память о владельцах. И устроен в Полотняном заводе музей, который вот уже несколько лет подряд организует праздник - Натальин день. Он приурочен и ко дню святой Наталии, и ко дню рождения Наталии Николаевны. В этом году он был особенно торжественен, ведь отмечалось 200-летие со дня рождения этой удивительной женщины. Выставки и концерты, презентации книг и спектакли,- все это дань признательности Музе великого русского поэта, прекрасной русской женщине-матери. Господь благословил ее брак с Пушкиным многочисленным потомством. На рубеже 20 и 21 веков в разных странах мира на земле проживало 219 потомков этой четы.

Господь всех примирил. Потомки Пушкина породнились с Ланскими, царственными Романовыми. Все прошло и все пройдет. Но покуда будет жив хотя бы один русский человек, будут звучать бессмертные слова: «Чистейшей прелести чистейший образец».

Спутник великого поэта

(Слово о Никите Козлове).

Народное ликование и колокольный звон.
Это было в мае 1799 года. В Москве в семье дворянина Сергея Львовича Пушкина и его супруги Наталии родился сын Александр. Был праздник Вознесения Господнего. В тот же день у императора российского Павла родилась внучка. По церквам по этому случаю шли молебны, гудели колокола. Народ на московских улицах кричал «ура». Как это промыслительно, что в день рождения нашего любимого поэта, гения России, было народное ликование, и колокольный звон оглашал улицы и площади Первопрестольной. С той поры прошло много лет. И с каждым годом мы все полнее осознаем величие слов Аполлона Гри-

горьева: «Пушкин – это наше все». День рождения поэта русские люди отмечали всегда, а с 1996 года этот день стал еще и Днем русского языка. Вполне заслуженно, ведь Пушкин – творец русского литературного языка и родоначальник великой русской литературы, которую он поднял так высоко, что она заняла первое место в мире.

Плоть от плоти.

Феномен Пушкина еще и в том, что уже более двух веков каждый человек, говорящий на русском языке, какого бы происхождения он ни был, к какому бы вероисповеданию ни принадлежал, на каких бы политических и мировоззренческих позициях ни стоял, при имени Пушкина светло улыбнется и прочтет его поэтические строки. «Я вас любил…», или «Я помню чудное мгновенье..», или «Осенняя пора, очей очарованье…», а то и «Буря мглою небо кроет…». Прав святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл: есть некие скрепы, которые объединяют весь Русский мир. И одной из важнейших и надежнейших является Пушкин. Говоря словами митрополита Афанасия (Грибановского), «он плоть от плоти нашей, в нем каждый из русских людей опознает самого себя, ибо он воплотил в себе всю Русь, которую возлюбил всем сердцем. Все, что украшает русскую народную душу – равнодушие к суетным земным благам, тоска по иному, лучшему миру, неутолимая жажда правды, широта сердца, стремящаяся обнять весь мир…- все это отразилось в личности и творчестве Пушкина».

Яд и противоядие.

Рождение гения, развитие его творческих сил – всегда процесс мистический. Александр Пушкин помимо светлой

поэтической гениальности был свыше награжден большим добрым сердцем, чуткой совестью, особой ясностью ума. Но на эту благодатную почву семена падали разные. Известно, что наш великий поэт с раннего детства был отдан на воспитание гувернанток и гувернеров сомнительной нравственности. Мальчик был лишен родительской любви, он предавался бесконтрольному чтению книг из библиотеки отца: атеистического и эротического характера. Все это могло отравить юную душу ядом кощунства, цинизма, скептицизма. К счастью, этого не произошло. В душу маленького гения были внесены семена иные: вера, добро, красота и любовь. Кто же были благотворные сеятели? Вот их и мена: бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, любимая няня Арина Родионовна, диакон Александр Беликов, учитель Закона Божьего, и преданный дядька Никита Козлов. (Дядька – это слуга-воспитатель при мальчике в дворянской семье).

От казачка до дядьки.

Вот о нем, верном спутнике поэта, преданном слуге, чье сердце билось горячей любовью к любимому Александру Сергеевичу, - наш рассказ. Думается, и поэт был бы доволен, что соотечественники вспоминают его Никиту Тимофеевича. Сам он не успел посвятить своему дядьке поэтические строки. Ночью с первое на второе февраля 1837 года, когда Никита Тимофеевич нес своего смертельно раненого барина из кареты в дом, поэт спросил его: «Грустно тебе нести меня?». Знал, что грустно…

Никита Козлов родился в нижегородской вотчине Пушкиных, селе Большое Болдино. Был он крепостным, как и миллионы его соотечественников. Будучи от природы любознательным и настойчивым, он самоучкой освоил грамо-

ту. Малым ребенком был причислен Сергеем Львовичем Пушкиным, отцом поэта, к дворне. Так как он был грамотей, балагур и шутник, то барин взял его в казачки. Он разжигал барину трубку, бегал на побегушках. Потом возвысился до ранга камердинера. Натура поэтическая, он увлекался игрой на балалайке и гитаре, не был лишен интереса к стихотворству и сочинял сказки. Сестра Пушкина вспоминала, что Никита Тимофеевич как-то сочинил сказку про Змея-Горыныча, и была та сказка о победе добра над злом и о русской удали. Между тем, в семье Пушкиных подрастал сын Саша, его пестовала нянюшка, но пришло время с ней расстаться, с пяти лет мальчиков в дворянских семьях отдавали на попечение дядьки. Выбор Сергея Львовича пал на Никиту Козлова. Ему в то время было уже за тридцать. И вот ему доверили растить Сашу, учить жизни, уму-разуму. С этих пор Никита Тимофеевич становится спутником всей жизни Пушкина, до его гробовой доски. Он был при маленьком мальчике в Москве. Водил его на народные гулянья. Он заставлял своего «Сашку» лазать на колокольню Ивана Великого, показывал кремлевские древности и святыни. С Пушкиным-юношей он жил в Петербурге после лицея. В дядьке своем Пушкин, по его словам, видел настоящего русского человека, услужливого, но без раболепства, чувствующего свое достоинство, самобытного, смышленого.

Савельич и Тимофеич.

Преданным слугам редко ставят памятники. Арине Родионовне такой памятник поставили. А вот Никите Тимофеевичу Козлову памятник воздвигнут особенный. Все, кто знал Пушкина, в один голос подтверждают, что дядька Петруши Гринева списан с Никиты Тимофеевича. С одной

поправкой. Преданный слуга Пушкина был высок, наделен статной фигурой и благообразными чертами лица. Служба господскому сыну оторвала Никиту Тимофеевича от своей семьи (кстати, мало, кто знает, что он был женат на дочери пушкинской няни Арины Родионовны и писал супруге трогательные письма из Кишинева и Одессы). Вся нерастраченная любовь и нежность Никиты Тимофеевича была направлена на любимого питомца. Перечитываю страницы любимой повести Пушкина «Капитанская дочка», обращая внимания на описание Савельича. Вот Пушкин пишет: «С пятилетнего возраста отдан был я на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки» . А вот Савельич ворчит по поводу появления в доме француза-гувернера: « Слава Богу, кажется, дитя умыт, причесан, накормлен, как надо тратить лишние деньги и нанимать мусью». А как обращается Савельич к Петруше: «Батюшка, свет ты мой», «Почивай, как у Христа за пазушкой». Сколько ласки и любви в этих простых русских словах!

Рассказ Федора Глинки.

В воспоминаниях Федора Глинки я нашла рассказ об удивительном происшествии, когда дядька спас молодого Пушкина от больших неприятностей. 2 апреля 1820 года царь приказал генерал-губернатору Милорадовичу сделать обыск у Пушкина и, в случае необходимости, арестовать его. Полицейский сыщик Фогель, придя к Пушкину в его отсутствие, встретил Никиту Тимофеевича и стал просить почитать рукописи Пушкина. Фогель прикинулся рьяным поклонником поэта, но Никита, предупрежденный Александром Сергеевичем о возможности такого визита, наотрез отказал Фогелю. Тогда сыщик стал предлагать Никите

деньги, и немалые — 50 рублей. Но Никита открыл дверь и выпроводил гостя. Когда Пушкин возвратился домой, он увидел сияющего дядьку. «Что так весел, Никитушка? – спросил поэт. – Да как же не радоваться, когда беда ушла со двора», - ответил Никита Тимофеевич и рассказал Пушкину во всех подробностях о визите сыщика.

С Пушкином и без него.

Пушкину оставалось семнадцать лет жизни. И Никита Тимофеевич провел их подле своего любимца. Сопровождал он его в южную ссылку. Там выхаживал во время приступов лихорадки, старался обустроить его быт наилучшим образом. Проехал всю Россию, следуя из Одессы в Михайловское. Там его разлучили с Александром Сергеевичем за то, что не доносил старому барину о поведении Александра на юге. В сентябре 1826 года, на радостях по случаю освобождения сына из ссылки, Сергей Львович вновь назначает Никиту Козлова в услужение к Александру Сергеевичу. Никита жил с ним в Москве в период сватовства к Наталии Гончаровой и после женитьбы неотлучно был при нем в Петербурге. Для старого дядьки тридцатилетний Пушкин был таким же мальчиком, ребенком, требовавшим отеческой заботы, каким он был двадцать пять лет назад. Судя по всему, Козлов сознавал, кем был Пушкин, был чем-то вроде секретаря поэта. Берег его рукописи, переписку. Он был необходим поэту и в его литературных делах, и в минуты горестные жизни. Так, в апреле 1836 года, в день похорон матери, Пушкин сказал сопровождавшему его дядьке, что внес в монастырскую казну деньги за место для собственной могилы, и указал, где надлежало положить его тело, если он нечаянно умрет. Велико и безысходно было горе старого дядьки в тяжелые январские

дни 1837 года. В. А. Жуковский рассказывает, что, когда карета с Пушкиным подъехала к дому, на крыльцо выбежал растерянный Никита. Он взял Пушкина, как ребенка, на руки и, горько плача, понес по лестнице. Провожал Никита Тимофеевич покойного и в последний путь из Петербурга в Михайловское, где и похоронил Александра Сергеевича. До самой своей кончины Никита Козлов состоял рассыльным при опеке над литературными произведениями Пушкина. В последний раз имя его упоминается в воспоминаниях сестры поэта Ольги Сергеевны, написанных ею 26 октября 1851 года. В этих воспоминаниях Ольга Сергеевна пишет: «Никита Тимофеевич — курьер при опекунстве, старик лет 80-ти, еще живой». Умер верный друг великого поэта в 1854 году в возрасте 84 лет. Перед смертью он просил жену похоронить его в Святых Горах, в ногах Александра Сергеевича Пушкина.

Иллюстрации:

- Орфей – символ поэзии стр. 43

- «Пушкин в Михайловском» Худ. Щербако стр. 45

- «Портрет Наталии Ланской» Худ. Макаров стр. 56

- «Портрет Наталии Пушкиной» Худ. Брюллов стр. 59

- «Памяти Поэта» Худ. Моисеенко стр. 70

Звездная душа поэта

«Лермонтов - звездная душа, родственная с тучами и бурями, тоскующий поэт, которому грезились воздушные океаны и с которым говорили демоны и ангелы.
(Константин Бальмонт)

Лермонтов – поэт особой миссии, которая осталась, увы, незавершенной. Он унес с собой тайну русского сердца, оставив нам лишь намек на его разгадку. Разгадать ее не дано никому, но войти в мир Лермонтова может каждый из нас. Ведь вселенная его творчества создавалась для нас, его читателей. Автор очерка «Звездная душа поэта» не дерзает представить читателю во всей полноте тему жизни и творчества любимого поэта. Тема эта неисчерпаема. Мой рассказ - попытка поделиться своим восприятием творчества любимого поэта, своими маленькими обретениями.

Часть I.
Потомок Правдивого Томаса.

Пророчества.

Много лет назад довелось мне беседовать с космонавтом Григорием Михайловичем Гречко. Речь зашла о любимых поэтах. Оказалось, Лермонтов – наш общий любимец. Читали его стихи. Космонавт процитировал строки из стихотворения «Выхожу один я на дорогу»: «Спит земля в сиянье голубом», а потом с удивлением воскликнул: «Ну

как Лермонтов мог догадаться о голубом сиянии? Это только из космоса виден голубой ореол планеты. Видимо, предвидел полет в космос». Лермонтов, действительно, прозревал многое. Это им сказано: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет». Это он прекрасно знал о себе: «Я рано начал, рано кончу, мой ум немного совершит». О том, что Лермонтову Господь даровал пророческий дар, сказано и написано немало. И все же автор дерзает коснуться этой темы, тем более, что она открывает нам и истоки происхождения рода Лермонтовых.

Путешествие в Шотландию.

Тема стала мне близкой после недавней поездки в Шотландию. Дело в том, что именно оттуда корни великого русского поэта. Шотландия – земля поэтическая, родина многих поэтов и писателей. Русскому читателю прекрасно известны и Роберт Бернс, и Льюис Стивенсон. А еще Шотландия – страна прекрасной северной природы, героических людей, суровых средневековых замков. Один из них, в графстве Файф, мы посетили недавно, чтобы увидеть руины Дарси. Их можно видеть и сейчас. В маленьком пабе разговорчивый хозяин с гордостью говорит, что он – земляк Томаса Рифмача, и их земляк нисколько не хуже Нострадамуса. А еще он - предок великого русского поэта. Поражаюсь осведомленности шотландца. Брожу среди руин, касаюсь рукой чуть влажноватого камня. К этим стенам в далеком 1831 году летела на крыльях вдохновения душа Лермонтова:

«На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом на туманных горах
Их забвенный покоится прах».

В стихотворении говорится и о двух символах: мече и арфе, ибо в роду шотландских предков поэта были и храбрые рыцари, и талантливые певцы. Но как случилось, что великий русский поэт оказался потомком доблестных шотландцев? Да еще достались ему по наследству два дара – талант воина и талант поэта. Ветер времени листает страницы истории. Вот страница 11-го века. На полях Шотландии в 1037 году кипят битвы между двумя родами Макбетов и Малькольмов. Доблестный рыцарь Лермонт принимает в них участие. Листаются страницы, шелестят проходящие века. А вот уже 13 век. В Шотландии в то время всем известен поэт Томас Лермонт. Он обладает даром пророчества.

Предсказание Томаса Лермонта.

Он, как и Нострадамус, предсказывает многие события как в жизни отдельных государств, так в жизни родов и отдельных людей. Родился Томас Рифмач, как называли его современники, по всей вероятности, на юго-востоке Шотландии. Местность эта крайне примечательна: там протекает река Твид, одна из главных рек Шотландии. Достоверных фактов о жизни Томаса Лермонта сохранилось мало. Так, известно, что прославился он при короле Александре III как непревзойденный бард и прорицатель. Вначале его звали Томас-рифмач. Предсказания Лермонта дошли до наших дней, и многие из них исполнились. Благодаря этому он получил и другое прозвище - Правдивый

Томас. Легенда гласит, что пророческим даром Томаса наградила королева эльфов: «Однажды ясным и теплым утром во время прогулки Томас Лермонт прилег под березой, росшей на берегу Твида. Внезапно он услышал мелодичное звучание колокольчиков. На поляне появилась прекрасная всадница. Красавица сказала изумленному барду, что она - королева Эльфландии. Очарованный Томас стал молить эльфийскую королеву о любви. В конце концов, она уступила мольбам Рифмача, предупредив его, однако, что за дар любви он должен будет последовать за ней в Эльфландию и семь лет служить ей. Не колеблясь, вскочил Томас на коня позади прекрасной королевы - и они пустились в путь». Вальтер Скотт в своей балладе о Томасе Лермонте, которую знал и любил Михаил Лермонтов, пишет, что королева показала ему три дороги:

«Ты видишь узкий трудный путь
Меж терний в глубине лесной?
Путь Добродетельных, его
Пройти немногим суждено.
А видишь ли обманный путь
Меж лилий, что цветут в лесах?
Тропа Неправедных, не верь,
Что это путь на Небеса.
А видишь ли чудесный путь
Меж папоротников в холмы?
Тропа в Эльфийские края,
Где в эту ночь должны быть мы».

Далее королева предупредила, что Томас должен хранить молчание все долгие семь лет, которые он проведет в Эльфийской земле. Томас выполнил ее условие. Семь лет для

него пролетели как три дня. Когда настал момент прощания, королева сама проводила Томаса до границ Эльфландии. Она дала ему яблоко, сказав, что, после того, как Томас съест плод, его уста никогда, не произнесут никакой лжи - все, что он теперь скажет, будет чистой правдой. Так наградила королева барда за семь лет службы. Он был опечален разлукой с прекрасной своей возлюбленной. Но она утешила, что разлука не вечна: когда наступит время Томасу покинуть этот мир, она пришлет за ним своих посланников.

Вернувшись в родные края, Томас Рифмач вскоре прославился как пророк. Спустя четырнадцать лет земляки поэта стали свидетелями чудесного события: по главной улице деревни величаво шествовали белоснежные олень с оленихой. Сразу же решено было послать за Томасом - прорицателем. Едва услышав об этом, бард сказал: «Настал мой час». Он взял свою арфу и ушёл вслед за оленями. Более на этом свете его никто не видел. Среди предсказаний Томаса Рифмача самое известное – о будущем объединении Шотландии и Англии.

«Когда королева французов сына родит,
Британию он от морей до морей покорит,
Потомкам его подчинятся шотландец и брит».

Позднее выяснилось, что имелась в виду шотландская королева Мария Стюарт, которая первым браком была замужем за французским королем Франциском II. Вернувшись после смерти Франциска в Шотландию, Мария родила от второго мужа, лорда Дарнли, сына Якова. Яков взошел на шотландский престол как Иаков VI, а после смерти королевы Англии Елизаветы I стал английским королем Иако-

вом I. Таким образом, с 1603 года он правил и Шотландией, и Англией. Для нас наиболее интересным является предсказание Томаса о том, что его потомком станет великий поэт…

Лермонты в России.

А время все листает и листает страницы истории. И вот уже 16-й век застает потомков Томаса Рифмача на земле Московии. Как они здесь оказались? Их было 64, храбрых шотландцев, которые прибыли в Европу, чтобы заниматься своим ремеслом – ратным трудом. Среди 64-х ратников было три брата Лермонта: Евтихий, Петр и Георгий. Братья были наемниками, воевали сначала на стороне польской армии против России. По одной из версий Георгий был взят в плен, по другой - сам захотел остаться в России. Он поступает на службу к государю Михаилу Федоровичу Романову. За верность и доблесть ему были пожалованы земли в Костромской губернии. На новой родине Георг стал зваться Юрием. В начале 1634 года ротмистр рейтарского полка Юрий Лермонт погиб под Смоленском. Один из его сыновей - Петр, впоследствии воевода Саранский, в 1653 году крестился в православную веру. Сохранился важный документ. В 1688 году внуки Георгия Лермонта подали в Разрядный приказ «Поколенную роспись рода Лермонтов», для того, чтобы было подтверждено их дворянское звание. Зная о своем шотландском происхождении по линии отца, Лермонтов и написал:

«На древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит».

Недавно Брайан Стикс, известный британский ученый-генетик путем ДНК-тестирования научно подтвердил шотландское происхождение великого русского поэта. Завершая рассказ о корнях рода Лермонтовых, хотелось бы добавить, что на дуэль Лермонтов выехал из селения Шотландка, но это уже из разряда совпадений, хотя и многозначительных.

Часть II.
Тайна русского сердца.

И звезда с звездою…

Воспоминания детства – самые дорогие, нежные. Летний воскресный вечер в августе 1960 года. Сидим на крылечке: бабушка, дедушка и я, маленькая девочка, приехавшая в саратовскую деревеньку на каникулы. Дедушка приносит патефон: обтянутый синей кожей ящик. Открывает, бережно достает из конверта пластинку, кладет ее на диск, потом вращает блестящую ручку и осторожно ставит на пластинку головку с острой иголочкой. Легкое потрескивание, а потом… начинается чудо. Теплый мужской голос поет-рассказывает: «Выхожу один я на дорогу…». Дорога – вот она, проходит мимо дома. И ночь подкралась незаметно. И то, что звезда говорит со звездою тоже понятно. Звезды переговариваются между собой, только их язык – мерцание. Спит земля в сиянье. Боже, как хорошо, и все еще живы: бабушка и дедушка, а скоро приедет за мной мама. Есть в песне и другие слова, и там, в моем детстве, они пока не понятны. Потому что мне не больно, и не трудно. Мне хорошо. Дедушка, саратовский крестьянин, любил этот романс, и домашние подтрунивали: отец пошел за патефоном. Это значило, что скоро мы услышим задум-

чивые слова Лермонтова, родниковый голос Лемешева и прекрасную мелодию, которую подарила русскому народу Елизавета Шашина. Все вместе – чудо, которое народ так полюбил, что многие считают романс народной песней. И мой дедушка, крестьянин, о Лермонтове слышал, учил его стихи в церковно-приходской школе, а вот о Шашиной не имел понятия. Он любил слова. В мировой поэзии это нечастое явление, когда стихотворные строки находят отклик в народной душе и через 180 лет после их создания.

«Чета белеющих берез».

Вернусь к тому августовскому вечеру 1960 года. Задаюсь вопросом: что так трогало моего деда в стихах Лермонтова? Его, крестьянина–середняка и церковного старосту, которого власть раскулачила как пособника буржуев и защитника «опиума для народа» - Русской Православной Церкви; затем сослала в Сибирь в сталинский ГУЛАГ на строительство Байкало-амурской магистрали, которую начинали строить еще в тридцатые годы. Какие струны русской души мог затронуть совсем юный поэт, будучи дворянином, не являясь современником моего деда? Ответ прост и непостижим одновременно. Поэт знал тайну русского сердца, он сам имел подлинно русскую душу. Как и любой из нас, рожденный в России, Лермонтов с младенчества оказался в мире небывалой красоты. Господь нам даровал Отечество, на земле которого явственен отблеск вечной красоты Царства Небесного. Совсем еще юным, поэт написал с любовью:

«Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней наши непогоды…»

В этих словах восхищение прекрасной русской природой, причем в любое время года, в ясную погоду и в ненастье. Вся поэзия Лермонтова пронизана воспеванием родной земли. Но есть стихи, которые, как мне кажется, вобрали всю полноту чувств к любимой Отчизне. Это стихотворение «Родина», которая, уверена, находит отклик в сердце каждого русского человека:

«Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям».

Эти строки хочется назвать портретом России, а, может быть, ее иконой. Все здесь есть: привольная степь, могучие леса, наши великие реки, мощь и размах, величие и простор. А еще сердечная любовь и неизбывная нежность.

«Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно»...

Лермонтов как бы ведет читателя за собой через лес и степи, по проселочной дороге к деревне, к простой избе и останавливается, чтобы порадоваться наполненному гумну (значит, был хороший урожай, голод не грозит), полюбоваться удалой русской пляской «с топаньем и сви-

стом». Его бесконечно радует искреннее народное веселье на празднике. И хмельных крестьян он называет ласково «мужичками». Чувствуется горячее желание поэта увидеть русский народ счастливым и свободным. А еще, любуясь природой Родины, поэт своим чутким сердцем видит в этом прекраснейшем творении Господа отражение и самого Творца. И об этом он пишет в одном из лучших своих стихотворений

« Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой.

Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой...
Тогда смиряется души моей тревога.
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...»

«Хочу любить, хочу молиться»

Русская душа по природе христианка. Русский человек верит в Бога порой по-детски доверчиво. Иногда идя дорогой апостола Фомы, через сомнения, отступления, покаяние и возвращение к Вере отцов. В семнадцать лет Лермонтов написал стихотворение «Ангел». В этом чудесном стихотворении нет богоборчества, нет сомнений. Есть тоска по Небесному отечеству, и есть слова о земной юдо-

ли, исполненной страданий. Стихотворение навеяно воспоминанием о рано умершей матери.

«По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была».

Тридцать композиторов писали музыку к этим прекрасным словам. Среди них Римский –Корсаков и Рахманинов. Но лучшая музыка – это сами стихи. Прочитав их, философ Бердяев назвал Лермонтова самым религиозным из русских поэтов. Вера его в Бога была безусловной. Крещенный в раннем младенчестве, он сначала с бабушкой, а потом самостоятельно посещал храм, молился, паломничал. Мир святости его не просто восхищал, но был частью его духовного мира. Ярким свидетельством этого является стихотворение «Пророк»:

«Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня всé ближние мои
Бросали бешено каменья».

Сам поэт далеко не был безгрешным, были в его жизни и ошибки, поступки, о которых он потом сожалел. Но вспомним слова великого русского святого Тихона Задонского, который сказал: «Погубляет человека не количест-

во, не множество грехов, но нераскаянность и ожесточение». Поэт, написавший стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива», которое пронизано любовью к Божьему творению, не имел ожесточения в душе, иначе он не увидел бы Бога в небесах. Человек, не проливавший покаянных слез, не мог бы создать стихотворение со знаменательным названием «Покаяние», в котором говорит устами священника:

«Если дух твой изнемог
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья, —
Грех простит великий Бог!»

О добре и зле.

«А как же поэма Лермонтова «Демон», - спросит меня скептический читатель. - Как можно было сатану сделать главным героем поэмы?» Дело в том, что мы склонны позицию поэта отождествлять с позицией его персонажей. Не забудем, что восприятие литературного образа зависит во многом от уровня читателя. Иные критики в советское время считали Лермонтова атеистом. А ведь, в отличие от своего персонажа, поэт никогда не вел «с Небом гордую вражду». Он талантливо изобразил извечную борьбу добра и зла. Причем, Демон – олицетворение сатанинских сил, и отношение поэта к этому образу, лишено какой-либо двойственности, как, например, у Булгакова. Поэт показывает, что для Демона нет разницы между злом и любовью, в основе всех его помыслов - несокрушимый эгоизм: «В любви, как в злобе, верь, Тамара, я неизменен и велик». Лермонтов, на мой взгляд, нас мудро предостерегает: зло может быть, и зачастую бывает, - привлекательно. Силы тьмы стремятся к подмене понятий, стремятся к тому, что-

бы человек разучился видеть разницу между добром и злом. Любовь, выросшая на эгоизме, бессмысленна. У Лермонтова понятия добра и зла не размыты. Есть зло, и в борении с силами добра оно терпит поражение. Душу Тамары уносит ангел в рай. Демон бой проиграл. Так было и прежде всех век, когда был повержен сатана Архангелом Михаилом. Лермонтовская трактовка начальника сил тьмы в поэме близка к библейской. Лермонтов долго и мучительно работал над поэмой. Восемь редакций «Демона» мы находим в литературном наследии поэта. И во многих других произведениях Лермонтова мы видим, как борются в душе его самого свет и тьма. Душа поэта была на пути к свету, он искренне восклицал:
«Хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру».
Увы, этот путь оборвался до времени…

Часть III.
За славу гордую России.

Поговорим о патриотизме творчества Михаила Лермонтова, о его отношении к Отечеству и государству. В стихотворении «Родина» Лермонтов называет свое отношение к Родине «странной любовью». О странностях этой любви мы и поговорим. Автор предупреждает, что высказывает свое личное мнение. Может быть, не всеми читателями оно будет принято.

«Опять народные витии»
В 1831 году Михаил Лермонтов – студент Московского университета. Он пишет стихи, но его поэтический дар известен в довольно узком кругу светской молодежи. Он еще

не печатается, поэтому стихотворение «Опять народные витии», которое им написано под сильным влиянием некоторых политических событий, он развозит по друзьям, сам распространяя его. Нам со школьных лет известно, что Лермонтов – борец с самодержавием. Хорошо известно и то, какую личную неприязнь питал император Николай Первый к поэту. А стихотворение, между тем, написано в жанре патриотической оды, прославляющей русского царя. Что же стало причиной появления таких поэтических строк:

«Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает, вам обидна
Величья нашего заря,
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.
Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно,
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит».

Венец является в стихотворении символом государственной власти. Как же появление такого стихотворения стало возможным в поэтическом наследии Лермонтова? И кому была обидна заря величья России?

Крестный путь.

Чтобы понять это стихотворение, надо представить, почувствовать эпоху, в которую нашему великому поэту довелось жить. Лермонтов с ранней юности ощущал себя гражданином великой страны, могучего государства, которое всегда победоносно отражало нашествия завоевателей. Отражало ценой гибели тысяч своих лучших сынов. Быть великой державой – это не столько привилегия, сколько тяжелый крестный путь. Богатства России никогда не давали покоя соседям, ближним и дальним. Лермонтов прекрасно знал историю Отечества. «Песнь о купце Калашникове» настоящая энциклопедия жизни Руси XVI века. Его стихотворение «Бородино» стало не только памятником героизму народа, отразившему нашествия орд Наполеона, защитившему Европу. «Бородино» – это поэтический гимн национальному единению: «И умереть мы обещали, и клятву верности сдержали мы в бородинский бой». «Мы» - это все слои русского общества, это и царь, и народ, и Божья Воля, которая была с русским народом. Лермонтов, как и его кумир Александр Пушкин, всегда понимал важность преобладания государственных интересов над личными пристрастиями и амбициями.

Польский вопрос.

Государственные интересы - это, в том числе и защита границ Отечества. В этом ракурсе наши великие поэты, многие передовые люди того времени рассматривали и покорение Кавказа, и польский вопрос . Предыстория его такова. Еще в XVIII веке Речь Посполитая (государство, которое в XVII веке осуществило жесточайшую агрессию против России), была раздираема внутренними противоречиями. Это привело к ее тотальному краху и предопреде-

лило три раздела Польши. Большая часть Речи Посполитой стала принадлежать России. Россия не относилась к Польше, как Англия к Индии, или как Франция к Берегу Слоновой кости. Русская и польская культуры стояли намного ближе друг к другу, чем сейчас. Россия не поплыла за далекие моря, чтобы покорить и зверски эксплуатировать народы, не подозревавшие о ее существовании. Судьба поставила бок о бок два сильных родственных народа, разделенных магнитными полями с запада и востока, давшими им разные христианские толки, разные культурные пристрастия, обострившие неравномерность их развития по отношению друг к другу и своим соседям. Все это не могло не привести их к взаимной изнурительной борьбе в эпоху создания европейской системы национальных государств. Борьба эта могла кончиться и так, и этак. В конце концов, благодаря петровской модернизации, Россия взяла верх. После победы над Наполеоном Александр Первый даровал Польше конституцию, имелся в Польше и парламент, и относительная свобода печати и слова. К 1830 г. Польша имела свою армию, польский язык был государственным. Наместник, великий князь Константин, был настоящим полонофилом. Но шляхетство не могло примириться с потерей независимости, потери земель Украины, Белоруссии и искало союзников в Западной Европе. Россия, в свою очередь, стремилась к укреплению своих западных рубежей, понимая, что враждебная Польша всегда будет плацдармом для нападения на нашу страну.

Клеветникам России.

В 1830 году поляки поднялись на восстание, которое было подавлено русскими войсками. Европейские круги горячо приветствовали антироссийское восстание. Этим событи-

ям было посвящено стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Оно возникло, прежде всего, как ответ на массовую кампанию во Франции за военное вмешательство в поддержку Польши. Во Франции депутаты выступали во французской Палате с пламенными речами, призывая к выступлению против России. Война с Европой казалась весьма вероятной многим. Обвиняя французов в ненависти к России, Пушкин задаётся вопросом, в чём корни этого явления, и даёт на него ответ: крах Наполеона после его поражения в Отечественной войне 1812 года.

«За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?»

Автор не будет проводить исторические параллели, ибо они очевидны. В заключительной части стихотворения Пушкин указывает на готовность хранящего былую силу русского народа сражаться против новой агрессии, а также пишет об очередном плачевном конце, ожидающем интервентов. Между тем, польские революционеры-эмигранты в европейских странах развернули антирусскую кампанию. И вот когда в адрес Российского государства прозвучали обвинения, унижающие его достоинство, молодой Лермонтов нашел слова, дав резкий ответ клеветникам. Обвинения прозвучали в Брюсселе в 1834 году. Их высказал польский националист Иоахим Лелевенталь. По словам

современников, Лермонтов «в прекрасных стихах обнаружил русское негодование».
Поэт задается вопросом:

«Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..»

Отвечает на вопрос поэт ярко, страстно, образно. В стихотворных строках понимание того, как негативно относится Европа к укреплению России, как не желают там правящие круги единения русского народа и власти. Ведь только тогда Россия – могучая страна, а не жалкий сателлит. Вот как появилось стихотворение «Опять народные витии…». Может быть, кто-то скажет, мол, Лермонтов был совсем молодым, поддался на государственную пропаганду. Не соглашусь. На Кавказ позднее он приезжает уже вполне зрелым человеком, его никто не заподозрит в нелюбви к жителем Кавказа. И все же, он сражается с горцами и сражается храбро, отстаивая интересы государства, ибо прекрасно понимает, что означает для России его ослабление.

Предсказание.
Радеть об укреплении государства, защищать его, давать отповедь его врагам - не значит не видеть внутренних проблем. О язвах Отечества Лермонтов пишет во многих стихотворениях. Кровоточат строки: «Прощай, немытая Россия…». Наш поэт был подлинным певцом свободы. Рабство в России его глубоко ранило. Но он понимал, или ему было дано увидеть свыше, что с Россией случится, если государство ослабнет. В 1830 году Лермонтов написал

стихотворение «Предсказание» — мрачное, грозное и потрясающее своей беспощадностью. В советское время оно было запрещено и не входило в полное собрание сочинений поэта. Поэтому позволю себе привести его полностью:

«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя!- твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом».

За столетие до Октябрьского переворота, до Гражданской войны, до появления на исторической сцене России двух кровавых тиранов, юный поэт пытается донести до нас пророчество-предупреждение.

Наш русский крест.

Каков же вывод? Его не будет. Господь забрал этого великого певца, пророка и мужественного воина до срока или в

срок, который свыше был ему предназначен? Но давайте прежде, чем будем заниматься критикой государственных устоев Отечества, задумаемся о словах Лермонтова. Вспомним о предсказании Лермонтова, о солнце русской славы. И решим для себя, какого будущего мы хотим для себя и для своих потомков: жить в лучах этого солнца или на обломках государства в растерзанном краю. Третьего, наверное, не дано. Наш русский крест…

Часть IV.
Музы поэта.

Варенька.

Весна 1832 года. Московский Арбат (тогда еще не пешеходный). Веселый караван несется вверх по улице. «Эх, залетные», - вскрикивает ямщик, несутся по Арбату длинные «линейки», запряженные шестеркой резвых коней. В экипаже – юные аристократы, юноши и девушки. Громкий смех, румяные лица. Путь лежит в Симонов монастырь, к всенощной. Молодая девушка, Варенька Лопухина, взволнована. Ее усадили рядом с Мишелем Лермонтовым, приятелем старшего брата. Обмен несколькими словами, легкое касание рук во время качки… А потом воспоминания о каждом миге этого вечера. Юноша произвел на Вареньку глубокое впечатление. А он даже и не догадывался тогда, что в тот весенний вечер встретил свою единственную любовь, свою грустную музу. Они оба мечтали о счастье, а в 16 лет счастье – это вовсе не чины, имения и души крепостных. Это любовь, которую каждый мечтает встретить. Михаилу Лермонтову - шестнадцать неполных лет. Он – студент нравственно-политического отделения юридического факультета Московского университета. Современ-

ница так описывала его внешность: «Неуклюжий косолапый мальчик со вздернутым носом и язвительной улыбкой». Но было в этом мальчике то, чего не было у других: высокий поэтический дар. Его и отличила Варенька, натура пылкая, восторженная и поэтическая. «Молоденькая, милая, умная и восхитительная», - так характеризовали современники девушку в описываемое время. Она, Варенька, увидела в Мишеле Лермонтове то, что могла увидеть лишь любящая женщина: грустного, строгого, нежного, властного, мечтательного, бесконечно талантливого юношу, почти мальчика, но и почти гениального поэта.

Мисс «Черные очи».

Так в свете называли Екатерину Сушкову. Грусть, которую заметила во взгляде Лермонтова Варенька, проистекала из событий личной жизни поэта. Она не была слишком богата на увлечения. А он уже мечтал о любви, искал девушку-идеал, которая была бы способна понять его. Однако горечь разочарований ему изведать уже довелось. Не будем забывать, что для девушки в то время 16-17 лет – возраст невесты. Ее начинают вывозить в свет, и родители уже строят планы на ее замужество. Юноша же в этом возрасте считается почти ребенком. Это вполне ясно объяснила юному Лермонтову красавица Екатерина Сушкова. Они познакомились в доме кузины Лермонтова. Увлечением юного поэта стала восемнадцатилетняя столичная барышня, у которой были, по словам современницы, «стройный стан, красивая, выразительная физиономия, черные глаза, сводившие многих с ума, великолепные, как смоль волосы, в буквальном смысле доходившие до пят, бойкость, находчивость и природная острота ума». Девушка произвела на Лермонтова сильное впечатление. Он был готов носить ее

зонтик и перчатки, он посвящал ей стихи. Екатерина же мечтала о приличной партии, и Лермонтов, неуклюжий подросток в ее глазах, был не кандидат. Чувство Лермонтова осталось неразделенным, но он был поэт, и потомки должны быть благодарны Екатерине Александровне Сушковой, в замужестве Хвостовой, за целый цикл Лермонтовских стихотворений, который специалисты даже называют «сушковским». Вот одно из них:

«Зови надежду — сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того»

Осенью 1830 г. они расстались до конца 1834г., когда вновь встретились в Петербурге. К этому времени в жизни обоих произошли большие изменения. Лермонтов стал офицером, за Сушковой прочно установилась репутация кокетки. Она собиралась выйти замуж за Алексея Лопухина, друга Лермонтова. От былой влюбленности в черноокую красавицу не осталось и следа. Вот как пишет о ней Лермонтов в одном из писем в то время: «Эта женщина — летучая мышь, крылья которой цепляются за все, что они встречают! Было время, когда она мне нравилась, теперь она почти принуждает меня ухаживать за нею… но, я не знаю, есть что-то такое в ее манерах, в ее голосе, что-то жесткое, неровное, сломанное, что отталкивает…». Изо-

бразив влюбленность в Екатерину Александровну, Лермонтов повел с нею расчетливую игру. Не понимая этого, Сушкова, по ее словам, действительно в него влюбилась. Позднее, объясняя свой отказ от «верного счастья» с Лопухиным, она писала: «Но я безрассудная была в чаду, в угаре от его рукопожатий, нежных слов и страстных взглядов… как было не вскружиться моей бедной голове!». Лермонтов в письме к своей родственнице в то время написал так: «Теперь я не пишу романов, я их делаю. Вы видите, что я хорошо отомстил за слезы, которые кокетство mlle S. заставило меня пролить пять лет назад. Но мы все-таки еще не рассчитались: она заставила страдать сердце ребенка, а я только помучил самолюбие старой кокетки». Эта интрига нашла отражение в незаконченной повести «Княгиня Лиговская», где Сушкова стала прототипом Елизаветы Николаевны Негуровой.

Загадка Н.Ф.И.

Летом 1830 года 16-летний Михаил Лермонтов во время отдыха в загородном имении знакомится с Натальей Ивановой – дочерью известного в то время русского писателя. Девушка отвечает юному поэту взаимностью. После неудачного романа с Екатериной Сушковой, которая нещадно высмеивала своего юного поклонника, Лермонтов вновь чувствует вкус жизни. Он очарован своей возлюбленной и посвящает ей первые робкие стихи, в которых намекает на свои чувства. Сейчас уже трудно доподлинно установить, произошло ли у молодых людей любовное объяснение, и давали ли они друг другу клятву верности, но в Москву Лермонтов возвращается окрыленным и полностью излечившимся от уныния. Известно, что поэт и его избранница в течение 1830 года несколько раз встречались на балах,

что стало причиной глубокого разочарования Лермонтова. Он убедился, что был для Натальи Ивановой всего лишь мимолетным увлечением, и на званых приемах она предпочитала проводить время в компании более удачливых кавалеров, с которыми открыто флиртовала. Однако окончательный разрыв между влюбленным произошел летом 1831 года. Что именно произошло между Лермонтовым и Ивановой, доподлинно установить уже невозможно. Однако после возвращения в Москву 17-летний поэт неожиданно для себя пишет пьесу под названием «Странны человек», прототипом главной героини в которой является его избранница. Согласно сюжету, девушка, давшая клятву верности своему любимому, впоследствии берет свои слова обратно и отдает предпочтение другому. Вполне вероятно, что в реальной жизни произошло то же самое, и Наталья Иванова попросту увлеклась другим молодым человеком. Так или иначе, зимой 1832 года, спустя пять месяцев после роковых событий, Михаил Лермонтов создает стихотворение «К* (Я не унижусь пред тобою…)», рукописный вариант которого отправляет той, которую любил. В этом произведении автор словно бы подводит черту под этим коротким романом, подчеркивая: «мы чужие с этих пор»

«Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку -
Безумец!- лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;

Такой души ты знала ль цену?
Ты знала - я тебя не знал!»

Стихи, посвященные Наталии Ивановой, были озаглавлены ее инициалами. Долго исследователи творчества поэта не знали, чье имя скрыто за загадочными инициалами. Адресат этих стихов был установлен в середине 20 века известным лермонтоведом Ираклием Андронниковым. Отсылаю любознательных читателей к интереснейшему очерку писателя «Загадка Н.Ф.И.»

«Я вас никак забыть не мог».

А что же Варенька Лопухина? Мы покинули ее в тот весенний день, когда впервые проснулось ее чувство к юному поэту. Были еще встречи в подмосковном имении Средниково, где Лермонтов гостил у родственников, а Лопухины приезжали также погостить. Переезд Лермонтова в 1832 в Петербург и зачисление в школу юнкеров помешали обоюдному чувству развиться, а военная служба и светские увлечения на время заслонили образ любимой девушки. Однако Лермонтов не переставал интересоваться судьбой Вареньки. Но решительных шагов не предпринимал. Между тем, молчание Лермонтова заставило Варвару Александровну, вероятно, под влиянием родителей в 1835 году выйти замуж за Н.Ф.Бахметева, человека немолодого, состоятельного. По-видимому, решение это некоторым образом было связано со слухами о ро-

мане Лермонтова с Сушковой. Лермонтов тяжело пережил эту, по его мнению, измену любимой женщины, и горечь утраченной любви надолго окрасила его творчество. Последний раз они видятся мимолетно в 1838г, когда Варвара Александровна перед отъездом заграницу посещает вместе с мужем Петербург, а Лермонтов в это время служит в Царском Селе. Лопухиной Лермонтов посвятил множество стихов, например стихотворение 1832 года:

«Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоём!»

С именем Лопухиной связано стихотворение "Нет, не тебя так пылко я люблю" (1841), адресованное, вероятно, Е.Г.Быховец. В этом стихотворении воспоминания о прошлой любви сильнее впечатлений настоящего:

«Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье,
Люблю в тебе прошлое страданье
И молодость погибшую мою…»

Именно к Варваре Лопухиной обращены строки, написанные Лермонтовым незадолго до его гибели:

«Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой

За дни блаженства заплатил…
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию — но вас
Забыть мне было невозможно…»

Часть V.
«Люблю я Кавказ!»

Кавказский край занимает исключительное место в жизни и творчестве Лермонтова. «Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благороднейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ

был колыбелью его поэзии так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не облагородил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы, как Лермонтов», – писал критик Белинский. А сам поэт восклицал:

«Как я любил,
Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных громких бурь».

Любовь к Кавказу, к его величественной и суровой природе, к вольнолюбивым горцам великий русский поэт пронес через свою короткую и мятежную жизнь.

«Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз: Как
сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!»

«Вы взлелеяли детство мое…»

Лермонтов в детстве был довольно болезненным мальчиком, и бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, трижды возила его на Кавказ к Горячим Водам – так раньше назывался Пятигорск. Впервые будущий поэт побывал в этих местах, когда ему исполнилось четыре года, затем в шестилетнем и десятилетнем возрасте. Домик, в котором жила семья будущего поэта, стоял у подножья Горячей горы. Из дома открывался прекрасный вид на Машук и отроги Горячей горы, покрытые кряжистым низким дубом, буком,

ясенем, кизилом. Красоты Кавказа и чувства, связанные с ним, побудили поэта называть себя «сыном Кавказа». В окрестностях Горячих Вод мальчик бывал на празднике горцев, где слушал песни, смотрел на скачки, состязания в стрельбе впоследствии он написал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас, да о небе». Пребывание Лермонтова на Кавказе оказало большое влияние на подростка. Синие горы Кавказа, край мужественных и свободолюбивых людей запали в его душу, разбудили его вдохновение. В 1828 году четырнадцатилетний Лермонтов пишет поэмы «Черкесы» и «Кавказский пленник». В это время он учится в Московском университетском Благородном пансионе. Это были первые произведения, посвященные Кавказу.

«Приветствую тебя, Кавказ седой!»

Новая встреча с любимым краем произошла в 1837 году. В январе того трагичного для русской литературы года от раны, полученной на дуэли, скончался А.С. Пушкин. Смерть Пушкина потрясла Лермонтова. Свою боль Лермонтов выразил в стихотворении «Смерть поэта». Стихотворение Лермонтова быстро распространилось по всему Петербургу. По распоряжению царя «за вольнодумство, более чем преступное» Лермонтов был арестован и после семидневного расследования дела «о непозволительных стихах» сослан на Кавказ. В марте 1837 года М. Ю. Лермонтов выезжает к месту ссылки. В полк он не попал, так как по дороге тяжело заболел и вынужден был отправиться на лечение в Пятигорск. На Кавказе шла война. Вокруг Пятигорска на скалистых отрогах гор стояли пикеты казаков,

предохраняющие город от набегов горцев. По ночам раздавались окрики часовых. Время от времени гремели выстрелы. Поднявшись на Горячую гору, будущий поэт мог увидеть всю горную цепь Кавказа и розовый в ранний рассветный час двуглавый Эльбрус. В Пятигорске Лермонтова окружали мужественные, пропахшие порохом люди, среди которых было немало коренных кавказцев, борющихся и на стороне русских войск, и за свою свободу и независимость. Живописные картины кавказской природы, встречи с бесстрашными людьми оживили детские воспоминания.

«Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор.
Все небо юга да утесы гор.
Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые;
Когда по ним, гремя, катался гром,
И пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры откликалися кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою душой
Летал на колеснице громовой!..»

В творчестве М.Ю. Лермонтова можно легко найти мотивы фольклора народов Кавказа. Например, в поэме «Мцыри». На создание центрального эпизода поэмы – битвы с барсом – Лермонтова вдохновила распространенная в горной Грузии старинная песня о тигре и юноше, одно из самых любимых в Грузии произведений народной поэзии.

«Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза провернуть
Мое оружье… Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле…»

Основная идея поэмы «Мцыри» – Родина, единение с нею, свобода. Лермонтов увидел силу духа, стремление к вольности, верность Родине и у русских людей, и у народа, населяющего Кавказ.

Лермонтов-художник.

Кавказ был одной из главных тем не только стихов, поэм и «благоуханной прозы» Лермонтова, но и его многочисленных рисунков, акварелей и нескольких картин, выполненных с большим профессиональным мастерством. Лермонтову-поэту всегда помогал Лермонтов-художник. Михаил с детства прекрасно рисовал и очень любил это занятие. Любая кавказская панорама Лермонтова – это как бы малый фрагмент вселенной, тем не менее, выразивший всю бесконечность мироздания. Руины, монастыри, храмы, лепящиеся на склонах гор, представляются зрителю естественными вкраплениями в природный ландшафт. Вписанные в каждый пейзаж фигурки людей – всадники, погонщики и верблюды, грузинки, набирающие в Куре воду, – подчинены изначально заданному ритму; их малый масштаб подчеркивает космическую безмерность целого. Но, несмотря на романтическую интонацию, лермонтовские

панорамы во многом совпадают с реальной топографией изображаемых мест, а кроме того, с описанием этих мест в его произведениях.

Поручик Тенгинского полка.

В 1840 году за дуэль с сыном французского посланника Барантом Лермонтова арестовывают и предают суду. А затем по личному распоряжению Николая I переводят в Тенгинский полк, находившийся на Кавказе в районе ожесточенных боев.

Осуждая войну, поэт вынужден был принимать в ней участие. В журнале боевых действий отряда, в котором находился Лермонтов, под 11 июля 1840 года имеется такая запись: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы». Это сражение поэт описал в стихотворении «Валерик»:

«Вдруг залп... Глядим: лежат рядами.
Что нужды? Здешние полки
Народ испытанный...
«В штыки, дружнее!»,- раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!»
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы

Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура! – и смолкло. –
Вон кинжалы, приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь…»

Поэту больно от того, что «горские» племена, к которым он относится с уважением и любовью, и русские солдаты вынуждены убивать друг друга вместо того, чтобы жить в мире и братстве.

«И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек»
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

Кавказскому городу Пятигорску было суждено сыграть роковую роль в его жизни. Здесь, кроме прочих старых знакомых, Лермонтов находит своего товарища по Школе юнкеров Николая Мартынова. На одном из светских вечеров в пятигорском семействе шутки Лермонтова задели Мартынова – ничтожный по нынешним понятиям повод. Увы, понятие чести в XIX веке имело и свои отрицательные стороны. Невинная шутка могла стоить жизни. Ссора повлекла за собой вызов; не придавая значения размолвке, Лермонтов принял его, не намериваясь стрелять в товарища, и был убит наповал. Это произошло 15 июля 1841 года у подножья горы Машук.

Иллюстрации:

- М. Лермонтов. Автопортрет (1837 г.) стр. 77

- «Томас Лермонт». Гравюра Ф.Энхельхарта (1812г.) стр.79

- Портрет Варвары Лопухиной. Худ. Макаров. стр. 101

- Перестрелка в горах Дагестана (1840.) М. Лермонтов стр.103

Дедушка Крылов

«Его притчи - достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа»
Н.Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями»

Золотая книга детства и книга мудрости народа.

Для детей написано огромное количество книжек. Русская классическая литература в своей сокровищнице содержит прекрасные произведения. Это повести и рассказы, которые мы и сегодня читаем с удовольствием своим детям. Они трогают наши сердца, и мы перечитываем их вновь и вновь с удовольствием. Но есть имена, которые по праву занесены в золотую книгу детства. Это, конечно, Александр Сергеевич Пушкин с его прекрасными сказками, Лев Толстой и его чудные в своей простоте и кристальной ясности детские рассказы. Это Антон Павлович Чехов с пронзительным рассказом о Каштанке. Можно назвать и другие славные имена, но список наш будет неполным, если мы не назовем имя поэта и драматурга, которого поколения русских, а потом советских детей назвали нежно и трогательно: «Дедушка Крылов». Прошло два с половиной века со дня рождения Ивана Андреевича Крылова, а любовь к его творчеству не остыла, новые и новые поколения детей и подростков с удовольствием читают его басни, а их родители, бабушки и дедушки цитируют строки Крылова и дома, и с высоких трибун. Недаром великий Гоголь сказал: «Его

басни отнюдь не для детей. Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев… Его притчи - достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа. ...Всякая басня его имеет сверх того историческое происхождение. Несмотря на свою неторопливость и, по-видимому, равнодушие к событиям современным, поэт, однако же, следил всякое событие внутри государства: на всё подавал свой голос, и в голосе этом слышалась разумная середина, примиряющий третейский суд, которым так силен русский ум, когда достигает до своего полного совершенства».

Часть I.
Ванюша – капитанский сын.

Как «тверичи» почтили память Крылова.

Был на Кипре однажды Праздник славянской письменности и культуры, который устроители посвятили древним городам России, образующим своеобразное золотое кольцо вокруг столицы: Ярославль и Владимир, Рязань и Тула, Смоленск и Тверь. В празднике принимали участие делегации всех русскоязычных школ Кипра. Каждая делегация получила задание представить один из городов: рассказать о самом-самом, чем город прославился, какие славные исторические деятели родились там, какие писатели и поэты творили, какая музыка создавалась. О Твери рассказывали члены делегации школы «Ученики Пифагора» вместе со своим педагогом Инессой Сариевой. Тверь – город с интереснейшей историей. Нам было очень любопытно, что же выберут ребята для своей презентации. А они выбрали…басню. «Тверичи» рассказали, что великий баснопи-

сец Крылов, оказывается, провел свое детство и отрочество в Твери. А затем показали инсценировку басни «Волк на псарне». Как известно, в этой басне рассказывается вовсе не о волке и ловчем, а о Наполеоне и Кутузове. Так вот, если Волка изображал юный актер в маске волка, то Ловчий вышел в генеральском мундире и с перевязанным глазом, так что Михаила Илларионовича Кутузова аудитория узнала сразу и наградила горячими аплодисментами. Не забудем, что данное событие происходило спустя почти двести пятьдесят лет после рождения Ивана Андреевича Крылова, а артисты, которые самозабвенно исполняли роли, живут вдали от России и не все из них там даже бывали. Но что же заставило детские сердца так горячо откликнуться на содержание басни, что помогло выучить ее наизусть и со сцены артистично декламировать крыловские строки? Смысл, язык, личность автора? Накануне юбилея дедушки Крылова я представляю вниманию читателей очерк о жизни и творчестве нашего славного баснописца, но главное внимание уделю не столько второй половине его жизни, когда он был прославлен своими баснями, увенчан наградами и любовью народной, а тем периодом жизни, который известен гораздо меньше, но явился подготовкой к триумфу.

Ванюша – капитанский сын.

Иван Андреевич Крылов появился на свет в Москве 13 февраля 1769 года. Великий баснописец не любил вспоминать свои детские годы. И можно только догадываться, что было тому причиной. Первым, кто записал рассказ Крылова о его ранней поре, был не кто иной, как великий Пушкин. Но почему поэта заинтересовали детские годы баснописца? Дело в том, что отец Крылова был бедным

армейским офицером, выбился из рядовых, добился своего скромного звания усердной службой. Он стал дворянином, перейдя в привилегированное сословие благодаря усердной службе матушке-царице и Отечеству. Во время Пугачевского восстания капитан Андрей Крылов был помощником коменданта крепости Яицкий городок в Оренбургской губернии. Офицер отличился тем, что в январе 1774 г. не сдал крепость Пугачеву. Был Андрей Прохорович мужественным и умелым, а вот льстить начальству не умел. Видимо поэтому не получил ни чинов, ни наград. Судьба этого скромного человека заинтересовала Пушкина. Имя Крылова-старшего упоминается Пушкиным в «Истории пугачевского бунта». Спасаясь от бунтовщиков, супруга капитана вместе с маленьким сыном Ванюшей спешно выехала в Оренбург, однако город вскоре был осажден пугачевцами. Воспоминания баснописца об этих страшных событиях остались в записках Пушкина: «На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 рублей! Так как чин капитана в Яицкой крепости был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном». Андрей Прохорович стал прототипом капитана Миронова в повести Пушкина «Капитанская дочка». О матери сохранилось одно высказывание Ивана Андреевича: «Мама была неграмотной, но гениальной». Ранние детские годы мальчика прошли в разъездах, так как по долгу отцовской службы семья очень часто переезжала. Выйдя в отставку, Андрей Прохорович был переведён на государственную службу в должность председателя магистрата Твери.

Сундук с книгами.

Хорошего дохода такая служба не приносила, поэтому семья жила очень бедно. Единственным богатством в семье Крыловых был сундук с книгами, который отец всегда возил с собой. Видимо отец и научил мальчика читать. Чтение стало сильнейшим увлечением Ванюши, он был готов читать денно и нощно. Чтение и стало его образованием, о настоящем образовании помышлять не приходилось. Напротив, Иван с восьмилетнего возраста стал для семьи добытчиком. Андрей Прохорович определил Ванюшу подканцеляристом в Калязинский уездный суд, а затем в Тверской магистрат. Поначалу мальчик лишь числился на службе, но вскоре ему пришлось и в самом деле являться в присутствие и переписывать бумаги. Жалование было копеечное, и все же подспорье. Много лет спустя Крылов, рассказывая об этом, сознавался, что был нерадивым чиновником. Занимаясь чтением, он часто пренебрегал ради книг службой. Исследователь Гордин пишет: «Между тем, начальник его был человек грубый и сердитый и не только журил его за пустые и бесполезные занятия, то есть за чтение, но, застав за книгою, иногда бивал его по голове и по плечам, а сверх того жаловался отцу, который также наказывал его». Андрей Прохорович скончался, когда Ване едва исполнилось десять лет. Единственное, что оставил в наследство сыну отец - был все тот же сундук с книгами. По тем временам в чиновничьей среде даже небольшая библиотека была редкостью.

Замыслил он побег…

После смерти отца финансовое положение семьи еще более осложнилось. В это время произошло одно событие, которое привело Ванюшу в иную среду. Богатый помещик

Львов, сочувствуя горю вдовы Крыловой, разрешает мальчику посещать уроки домашних учителей, у которых учится его сын. Увы, ради знаний приходилось мириться и с некоторыми неприятными вещами. Барин Львов подчеркивал, сколь милосерден он к безродному сироте, а чтобы Ваня не забывал своего места, мальчика обязывали прислуживать за обеденным столом. Но Ванюша стойко переносил унижения, ведь он ходил на уроки, узнавал столько нового. А еще, возможно неожиданно для себя, мальчик стал понимать, что Господь наградил его способностями весьма незаурядными. Ваня сравнивал себя с барчуком Львовым. Мальчику-сироте учиться было легко, интересно. Видя свои преимущества, Иван не возгордился. В душе появилась спокойная уверенность в своих силах. Между тем, детство закончилось, наступало отрочество. Ивану исполнилось тринадцать лет. Видимо, эта уверенность подростка в собственных силах, подтолкнула его мать к рискованной затее: покинуть Тверь и поехать в Санкт-Петербург, дабы исхлопотать пенсию себе и место для старшего сына. Отъезд был тайным, так как начальство ни за что не отпустило бы Ивана, жалование которого было копеечным, а знания отменными. Кроме того, Иван имел удивительный по красоте почерк , что во времена отсутствия печатных машинок было завидным преимуществом. Сохранился рапорт тверского чиновника, занимавшегося поисками пропавшего подканцеляриста: «...Пристав Никифор Иванов представил, что послан он был от департамента в квартиру к подканцеляристу Ивану Крылову, который числился больным, для проведывания, есть ли ему от болезни облегчение, но и в квартире его не получил. От бабки Крылова, Матрены Ивановой, приставу было объявлено, что подканцелярист Крылов отлучился из Твери в

Санкт-Петербург в нынешнем году зимним временем, а которого месяца и числа, о том она не упомнит». (Цитату привожу по «Материалам для биографии И. А. Крылова», опубликованным в литературном журнале «Северная пчела» за 1846 год, немного изменив орфографию для лучшего понимания). Приказано было разыскать подканцеляриста Крылова и по этапу вернуть его в Тверь. Только тогда, когда до столицы дошел этот приказ, Крылов известил тверского наместника что поступил на службу в петербургскую Казенную палату и формально просил отставить его от прежней должности. Но как такое могло случиться? Кто помог безродному мальчугану устроиться в солидное петербургское учреждение? Как Ванюша Крылов стал… нет, не баснописцем, а мальчиком-драматургом?

Часть II.
В Петербурге.

Первые шаги в столице.

Мы вспоминаем, что Иван Андреевич Крылов, говоря о своей маме, заметил: «Она была неграмотной, но в то же время она была гениальной женщиной». В 1783 году вдова Мария Алексеевна Крылова с двумя сыновьями едет в столицу империи без средств. Ивану, старшему, едва исполнилось четырнадцать лет, а младшему Левушке было всего семь. Трудно представить, что внезапный для тверского магистрата отъезд подканцеляриста Крылова не был бы тщательно подготовлен его матерью. И доказательством нашего предположения служат следующее, во-первых, подросток Крылов занимает сразу пост канцеляриста в петербургской Казенной палате, и, во-вторых, появляется у Крыловых весьма достойный круг общения. Мы знаем,

что Иван Крылов был не по летам умным и бойким, весьма начитанным, обладал прекрасным почерком, но этого было явно не достаточно, чтобы войти в общение, например, с господином Мавриным, который был начальником той самой Казенной палаты, в которой Иван получил место. Но, оказывается, этот Маврин был еще в Твери некоторое время начальником Андрея Прохоровича Крылова, отца будущего баснописца. Были Крыловы в дружеских отношениях с семейством Татищевых. (Отец семейства, Ростислав Евграфович , крупный землевладелец Московской и Симбирской губерний, статский советник, некоторое время также служил в Твери вместе с отцом Крылова). Так что тверской след просматривается отчетливо. И юному Крылову, очевидно, оказывается поддержка из уважения к памяти его отца.

Мальчик-драматург.

Связи - связями, но и Иван произвел огромное впечатление на новое окружение. Видимо, обладал подросток некоей харизмой, которая привлекала к нему интерес и симпатию петербургской интеллигенции и даже знати. Новые знакомые, конечно, были впечатлены и глубокими знаниями в области литературы и драматургии. Где эти знания почерпнуты? Мы помним, что будущий баснописец не получил никакого образования. Но помним мы и о наследстве отца - сундуке с книгами, которые не лежали мертвым грузом, а читались мальчиком с восторгом и с пристрастием, запоминались. Над любимыми книгами Иван Крылов мечтал, и грезы его уносились…на театральные подмостки. Юный Крылов стал думать о поприще драматурга. Пусть не покажется читателю этот устремление неожиданным. Так случилось, что приезд Крыловых в Санкт-

Петербург совпал с открытием в столице Большого Каменного театра. Мы помним, что в 1783 году семья Крыловых перебирается в столицу, в этом же году архитектор Антонио Ринальди завершает строительство общедоступного театра, получившего название Большой (Каменный) театр. По окончании строительства императрица Екатерина II издает Указ, чтобы в праздничные дни для народа в театре давались бесплатные спектакли. Наш герой становится завсегдатаем театра. Более того, в театральном мире столицы юный Крылов завоевывает свое место. Что явилось причиной? Его блестящее остроумие, поэтический дар, вероятно, и поручительство покровителей сделало Крылова любимцем столичных актеров. У него завязываются дружеские отношения с известными актерами и даже с премьером русского театра, режиссером и переводчиком Иваном Дмитриевским. Происходит и настоящий взлет юного дарования: Крылов пишет свое первое драматическое произведение, либретто к комической опере «Кофейница» и продает его типографщику. Служба его не интересует, а вот написание драматических произведений захватывает целиком и полностью. Его творчество встречает благосклонный прием в театральной среде. В течение пяти-шести лет он становится автором нескольких оригинальных драматических сочинений и переводов. Их берет на рассмотрение дирекция императорских театров. Вот-вот и поставят на сцене пьесу юного драматурга. Директор императорских театров П. Соймонов явно покровительствовал начинающему автору, одобрял его пьесы и заказал ему перевод либретто французской оперы. Кроме того, будучи также начальником Горной экспедиции, Соймонов берет Крылова к себе на службу. Протекция означает определенные послабления. Все замечательно складывалось.

И вдруг карьера драматурга, едва начавшись, с треском рухнула. Что случилось?

Часть III.
Виражи судьбы.

«Проказники».

Эпизод биографии Ивана Крылова, который я собираюсь описать, остается для меня загадочным. То есть канва событий известна, а вот то, что скрывалось за внешним ходом событий – неясно. Чтобы рассказать о конфликте, который круто изменил судьбу нашего героя, мы должны прикоснуться к миру русского театра конца XVIII века. Это было самое начало театра, который станет великим явлением мировой культуры. Еще далеко было до Чехова и Станиславского, но гремели имена, которые ныне известны только специалистам: Хераскова, Сумарокова, Княжнина. То была пора русского классицизма. Высшим жанром классицизма считалась трагедия. Она должна была быть написана в стихах. Основой конфликта трагедии было столкновение долга и чувства. Трагедия писалась высоким стилем, героическим добродетельным персонажам противостояли злодеи, попиравшие нормы морали и общественные законы. Образцы жанра дали французские трагики XVII в. - П. Корнель и Ж. Расин. Русские драматурги строили большинство своих пьес на русском историческом материале. Жанр комедии также был весьма популярен. Ей отводилась важная роль: показывая человеческие пороки, она должна была способствовать улучшению нравов. Иван Крылов чувствовал, что именно комедия должна стать его призванием. Между тем, происходит сближение Крылова

с известным драматургом Княжниным. В это время наш герой несет невосполнимую утрату: скончалась его матушка, Мария Алексеевна. На плечи юноши ложатся заботы о двенадцатилетнем брате. Яков Княжнин заботился об Иване Крылове и даже поселил его у себя. В доме Княжнина, который был женат на дочери драматурга Сумарокова, поэтессе Катерине Александровне, часто собирались литераторы, любители искусства, передовая дворянская молодежь. Когда люди сближаются, то недостатки каждого видны особенно отчетливо. Крылов в семье Княжнина заметил некоторые неприглядные факты, обратил внимание и на то, что Княжнин, прекрасно владея европейскими языками, часто использует тексты зарубежных авторов, выдавая их за свои. Надо отметить, что Княжнин написал восемь трагедий, четыре комедии, пять комических опер и мелодрам, писал и стихотворения. Многие пьесы Княжнина носил характер вольного переложения иностранных образцов, за что Пушкин не без иронии назвал его «переимчивый Княжнин». Однако, несмотря на «переимчивость», Княжнин был талантливым литератором, лучшие его трагедии самостоятельны и пользовались большим успехом у соотечественников. Итак, наш герой Иван Крылов пользуется расположением семьи Княжниных, живет у них в доме, а затем (вместо благодарности) пишет комедию «Проказники», в которой выводит Княжнина и его супругу в карикатурных персонажах Рифмокрада и Тараторы. Комедию Дирекция театров запрещает к постановке. И тогда Крылов пишет дерзкие письма Княжнину и в дирекцию театров самому Соймонову. Письма распространяются в петербургском обществе в списках. И чтение их приводит к неутешительному выводу: Крылов испытывал к Княжнину просто неутомимую ненависть. Но что ж яви-

лось причиной? Мне встретилось много свидетельств современников, которые недоумевали, откуда в этом талантливом мальчике столько мстительности, гнева? Долго и я не могла найти ответа на этот вопрос. И вот попались мне мемуары одного современника Крылова (Николая Греча), которые, кажется, проливают свет на вопрос о причине столь неблаговидного поступка будущего баснописца (впрочем, впоследствии Иван Андреевич раскаивался в юношеской ошибке). Однажды у Крылова состоялся разговор с супругой Княжнина Катериной Андреевной:

- Что вы получили за ваши переводы? - спросила Княжнина у Крылова, закончившего по заказу Соймонова перевод оперного либретто.

- Дали свободный вход в партер, – ответил юный драматург. (Это были бесплатные билеты на места, которые стоили рубль).

- А сколько раз вы пользовались этим правом? – спросила Княжнина.

- Да раз пять.

- Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей, - с издевкой произнесла Княжнина.

Не только насмешливая интонация, но и сам вопрос разозлил юношу. Он хорошо знал Княжниных и не признавал за ними права судить себя. Обида была глубокой. Действительно, пьесы Крылова театры не торопились ставить, он был беден, мама умерла. Не забудем, что было ему всего девятнадцать, а на руках был маленький братишка. Видимо, все вместе и стало причиной такой яростной неоправданной вспышки гнева и ненависти. Наказание было скорым: Крылову запретили бесплатное посещение театров и вернули все его пьесы, которые рассматривались к постановке.

О высшем призвании и прозе жизни.

Крах на драматургическом поприще был полным. Ссора с влиятельными людьми ударила по репутации. Гордость не позволяла оставаться на службе под началом Соймонова в Горной экспедиции. И тотчас после ссоры с Княжниным и Соймоновым Крылов бросает службу. Что делать? Он сирота, на руках маленький брат. Может быть, повиниться, испросить прощения? Попытаться вернуться на службу, где хоть и небольшое, но верное жалование. И вновь неожиданный поворот судьбы. Наш герой не сдается, решает стать…журналистом и жить литературным трудом. Этот поступок изумил современников. В дальнейшем, кто бы ни писал воспоминаний о Крылове, особенно выделял неожиданную и дерзкую смелость. «Во время юности Крылова, - замечал в статье о баснописце В. Г. Белинский, - бросить службу и жить литературными трудами, весьма скудно вознаграждавшимися, завести типографию и быть вместе и автором, и почти наборщиком своих сочинений - это означало не прихоть, а признак высшего призвания». Между тем, наступил 1789 год, Крылову исполнилось двадцать лет. Анализируя прошедшие годы в Петербурге, он мог бы о многом пожалеть, но были причины и для удовлетворения. Главным стало обретение единомышленников. Он познакомился и подружился с известным переводчиком Вольтера И.Г. Рахманиновым, который помог финансами молодому новоиспеченному журналисту в издании журнала. Его пригласил на жительство в своем доме известный аристократ Бецкой, который даже позволил оборудовать типографию в своих стенах. Крылов встретил молодого литератора Клушина, который согласился в новом журнале сотрудничать. Было придумано и название: «Почта духов», определена направленность: едкая сатира

на общественные недостатки. И даже восемьдесят петербуржцев были готовы стать подписчиками журнала.

Вираж судьбы.

Итак, журналистская карьера начиналась. Появилась трибуна, с которой он мог обратиться к согражданам. Переход к журналистской стезе – настоящий крутой вираж судьбы. В течение следующих пяти лет наш герой участвует в издании трех журналов. Он рассматривает их как трибуну, с которой обращается к согражданам. С чем? С призывом изменить общество и измениться. Что не устраивает молодого журналиста? Отсутствие патриотизма и царящее в кругах аристократии низкопоклонство перед заграницей, он резко осуждает аморальность элиты общества и проповедует высокие моральные и нравственные нормы поведения. Не удержусь, чтобы не привести две цитаты из публикаций Крылова. Вот, например, что он пишет в журнале «Почта духов»: «Добродетельный мещанин и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастия, что родился от благородных родителей, которые так же, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего рода». Для девяностых годов XVIII-го века высказывание просто революционное. Крылов, рассуждая о пользе дорогому Отечеству, дает высокую оценку национальному характеру русского народа. Он особенно подчеркивает, что русским свойственны многие таланты, особенно творческий дух. Приведу еще одну цитату на это раз из журнала «Зритель»: «… Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообра-

зовал его со свойством воинов своих... Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и оттого превзошел своих учителей. Итак, напрасно отрицают, что будто у россиян нет творческого духа... Напрасно отрицают в нас это свойство. У нас есть то, что ни один народ не имеет: непостижимая способность все понимать... Понимать же – значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя». Вспоминаются слова Александра Васильевича Суворова: «Мы русские, – какой восторг!». Увы, финал журналистской деятельности Крылова был трагичен: все три журнала закрыли. Не забудем, когда происходят описываемые события. В 1789 году произошла революция во Франции. Казнь короля и королевы потрясла Европу. Екатерина II, которая гордо несла корону просвещенного абсолютизма и переписывалась с Вольтером, понимает, что всякому вольнодумству пора положить конец. Редактора Крылова вызывали на допросы. Сама государыня заинтересовалась деятельностью Крылова. Возможно, лишь молодость спасла от расправы. Сам Крылов не любил вспоминать этот период своей жизни. Однако сохранилось одно свидетельство современника (М.Е. Лобанова): «Одну из моих повестей,- говорил мне Иван Андреевич,- которую уже набирали в типографии, потребовала к себе императрица Екатерина; рукопись не воротилась назад, да так и пропала». Хотя Крылов и не проповедовал революцию, как Радищев, но сатира его была столь остра, обличения столь беспощадны, что некоторые исследователи полагают, что некоторые фрагменты в журнале «Почта духов» написаны были самим Радищевым. Вспомним, что Александра Радищева

приговаривают за литературный труд «Путешествие из Петербурга в Москву» к смертной казни (заменив ее на ссылку). Возможно, и сатирический жанр помог избежать молодому Крылову сурового наказания. Ведь для власть имущих наказать Крылова за сатирическое изображение некоторых персонажей, значило бы признать, что они, власти, узнали себя в этих карикатурных действующих лицах. За вторую половину 80-х годов столичные связи Крылова должны были стремительно расшириться. И чтобы понять человеческую основу этих связей, необходимо представить себе, каким был Крылов на рубеже двух десятилетий.

Молодого Крылова часто изображают озлобленным разночинцем, исподлобья глядящим на дворянских писателей, яростно защищающим оскорбленное самолюбие, пытающимся выбиться из второстепенных литераторов. Но даже то немногое, что реально известно нам о его молодости, говорит о совсем ином. Он был рослый, крепкий молодой человек, энергичный, решительный, веселый. Натура разносторонняя и в высшей степени артистичная. Он хорошо рисовал, играл на скрипке. Ему легко давались языки - с юности он знал французский, в 90-х годах изучил итальянский. (Уже в пожилом возрасте он на пари за короткий срок овладел древнегреческим.)

Его веселая и умная злость, ни перед чем не пасующая саркастичность делали беседы с ним необычайно увлекательными. И старшие друзья Крылова, и сверстники наверняка ценили в нем не только литературный талант, но талант человеческий, общекультурный. Они дорожили его обществом. Обласканный самыми блестящими людьми эпохи, принятый в круг привилегированной оппозиции, Крылов вовсе не чувствовал себя ущемленным. Уверенный до снисходительности тон его писем к Соймонову и Княж-

нину свидетельствует об ощущении устойчивости. Осведомленный биограф Ивана Андреевича Плетнев, знавший свидетелей крыловской молодости, писал о положении Крылова в 90-е годы: «Литератор уже с известным именем, молодой человек, успевший образовать в себе несколько талантов, за которые так любят в свете, драматический писатель, вошедший в сношения с первыми артистами театра, журналист, с которым были в связи современные литераторы. Он участвовал в приятельских концертах первых тогдашних музыкантов, прекрасно играя на скрипке. Живописцы искали его общества как человека с отличным вкусом. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы».

Часть IV.
Милая Аннушка.

О том, что переживал Крылов, что чувствовал, - можно только догадываться. Нет воспоминаний современников, словно они осторожничали и не хотели касаться темы столкновения молодого автора с властями… Ему двадцать четыре года. Позади два профессиональных краха и крах в личной жизни. Не просто было автору этого очерка найти материал о личной жизни Ивана Андреевича. Что же узнаем из исследования автора Каневича, опубликованного в 1848 году и посвященного биографии Крылова? «В то же время посетила юношу и любовь, как видно сильная, но безнадежная. Как видно из стихов, написанных им в то время (до 1800 года), какая-то Анета, оставшаяся неизвестною для биографов, заставила нашего юного сатирика пролить немало слез и исписать очень много бумаги». Удалось нам напасть на след этой таинственной Анеты.

Оказывается, в возрасте двадцати двух лет молодой Крылов познакомился с юной девушкой Анной Константиновой. Она проживала в доме своего дядюшки, человека небедного и образованного, в Брянском уезде Орловской губернии. При каких обстоятельствах произошло знакомство молодых людей - неизвестно. Но Крылов полюбил девушку, и его чувства встретили взаимность. Сохранилось несколько трогательных стихотворений, который Крылов посвятил своей Аннушке. Он мечтает соединить с ней свою судьбу, он тоскует в разлуке. В исследовании читаем: «Крылов формально просил руки Анны Алексеевны, но он был беден, безвестен, не имел приличного служебного положения; ее же родители были тщеславны, гордились своим родством с Ломоносовым, считали в своей родне генералов; красавица Анна Алексеевна была еще очень молода, для ней искали партии более блестящей и отказали Крылову. Он уехал в Петербург. Анна Алексеевна плакала, тосковала, по ее собственным словам, таяла как воск - родные стали бояться за ее жизнь, сжалились и изъявили согласие на брак ее с Крыловым, Она сама и родители ее поспешили написать об этом счастливом изменении обстоятельств Крылову и звали его в Брянск играть свадьбу. Но от Петербурга до Брянска не так было близко тогда, как теперь. Крылов ответил, что у него нет средств приехать в Брянск, а потому он просил осчастливить его и привезти невесту в Петербург, где может быть немедленно устроена свадьба. Такой ответ оскорбил и рассердил родителей Анны Алексеевны, и они решительно отказали Ивану Андреевичу, прекратив затем всякие с ним сношения». Вот так и закончилась история любви Ивана Андреевича Крылова. Как-то нелепо, трагично и безнадежно. Больше он никогда никого так глубоко не любил, никогда не же-

нился, хотя у женщин он пользовался успехом. Однажды одна известная балерина очень настойчиво пыталась привлечь его внимание «Да не способен я жениться», - только и сказал наш герой. Что характерно, Анна Алексеевна тоже не вышла замуж. Исследователь так и написал: «Тем это дело и кончилось для света, но не для любящих сердец. Они остались верны друг другу всю жизнь. Крылов страдания свои изливал поэтически и на всю жизнь остался холостяком; Анна Алексеевна плакала, молилась, всю жизнь сохранив святую любовь к своему избраннику, отказалась от представлявшихся ей прекрасных партий и осталась девицею».

Часть V.
Дальнейшие годы или школа жизни.

Наступают годы, которые исследователи творчества Крылова называют «темными», потому что неизвестно, что он делал, где и чем жил. Сам Крылов при внешнем благодушии был довольно скрытен, и о том периоде своей жизни предпочитал не делиться. Но есть некоторые очевидные факты. Например, отношения Крылова с будущей императрицей! Вот это да, как это так, бедный канцелярист, задира-драматург, неудачливый журналист - и вдруг такие высокие отношения. Попробуем разобраться. Вспомним о времени неудач Крылова. Близился закат правления императрицы Екатерины II. Взоры знати и народа были обращены на наследника, будущего императора Павла. Свойственные русским надежды на доброго царя сфокусировались на наследнике. Не избежал этих иллюзий и наш герой. Мы помним, что подписчиков у первого крыловского журнала было восемьдесят. Были среди них и люди из-

вестные, которым тонкие намеки, злая сатира Крылова были по душе. И в близком окружении Павла были почитатели Крылова. Так Мария Федоровна, супруга наследника, будущая императрица, узнала о Крылове и познакомилась с ним. Это знакомство вскоре сыграет немаловажную роль в судьбе нашего горемычного литератора. А пока он покидает Петербург и вместе с тем исчезает из поля зрения исследователей его биографии. Он путешествует по Российским губерниям, живет в поместьях своих богатых друзей, он играет в карты и принимает участие в кулачных боях. Причем, в карты он играет очень успешно, выигрывает огромные суммы денег и проигрывает их с легкостью необыкновенной. (Кому везет в картах – не везет в любви). Причем, о том, что Крылов много играет в карты современники охотно вспоминают, а вот то, что он после своих странствий овладел иностранными языками, игрой на скрипке, отшлифовал свой литературный стиль, - об этом пишут меньше. А между тем, в 1796 году на престол вступает Павел I, а в следующем году новая императрица Мария Федоровна рекомендует именно Крылова в секретари к Голицыну, знатнейшему вельможе.

Забегая вперед.

Мы знаем Ивана Андреевича Крылова не только как великого баснописца, но и человека изумительной для русского литератора судьбы. Он жил и творил при трех царях и одной царице. Он никогда не кривил душой, его порядочность ни у кого не вызывала никаких сомнений, он едко обличал недостатки правления государей. Однако не только не подвергся гонениям (вспомним судьбы Радищева, Пушкина, Лермонтова), а был любимцем власть предержащих. Более того, государство назначило ему очень

солидную пенсию, предоставило почетную должность, роскошно отмечен был его 70-летний юбилей как общенациональный триумф. Те читатели, кто терпеливо прочитал первые главы этого очерка, возможно, спросят: «Но когда же произойдут столь добрые изменения в судьбе нашего героя?»
Терпение, друзья. Речь о триумфе нашего героя впереди.

Под сенью Трубецких.
В 1797 году Иван Крылов был представлен генералу Сергею Федоровичу Трубецкому, прославленному герою русско-турецкой войны. Рекомендовала Крылова сама императрица, которая будучи основательницей первого русского литературного салона, любила литературу и высоко ценила сатирический дар будущего баснописца. К Ивану Андреевичу генерал сразу почувствовал искреннюю симпатию. Их объединяли общие взгляды: оба были разочарованы в правлении Павла I (оба ранее возлагали надежды на смену монарха). Трубецкие уезжают в свое имение в Малороссии, Крылов следует за ними в качестве секретаря генерала и домашнего учителя его детей. Сохранились драгоценные воспоминания Филиппа Вигеля, воспитанника Трубецких, о Крылове как учителе словесности: «И в этом деле показал он себя мастером. Уроки наши проходили почти все в разговорах; он умел возбуждать любопытство, любил вопросы и отвечал на них так же толковито, так же ясно, как писал свои басни.
Он не довольствовался одним русским языком,
а к наставлениям своим примешивал много нравственных поучений и объяснений разных предметов из других наук». (Напомним читателям, что наш герой нигде не учился, и все его знания добыты упорным трудом самообразова-

ния). При воцарении Александра I, Трубецкой был назначен генерал-губернатором Лифляндии. И вновь по рекомендации императрицы Крылов получает пост секретаря генерал-губернатора и едет вслед за Трубецкими в Ригу.
В отставку Крылов подал в 1803 году. Период службы у Трубецкого заслуживает отдельного исследования, автор такой задачи не ставит перед своим скромным очерком. Но хотелось бы отметить, что мысли о драматургии, скорее всего, нашего героя не покидают, ибо в тот период он пишет пьесу, ставит ее на сцене домашнего театра Трубецкого, да еще и сам исполняет одну из главных ролей. Речь идет о шутотрагедии «Трумф или Подщипа», в которой выведено правление Павла I в сатирических и даже гротескных тонах. В произведении «Городок» пятнадцатилетний Пушкин, описывая свои литературные пристрастия, рассказывает, какие книги у него хранятся в его книжном шкафу и составляют круг его чтения. И упоминается шутотрагедия Крылова, с которым впоследствии великого Пушкина будут связывать самые теплые отношения.

Напутствие Ивана Дмитриева.
Прежде чем я продолжу свой рассказ, позвольте предоставить вашему вниманию маленькую басню. Называется она «Богач и поэт»

«Поэт и горд еще»,- сказал спесивый Клим, -
А чем богат? Ума палата!» -
«Купи бессмертие себе ценою злата, -
Ответствовал Поэт, - и я смирюсь пред ним»

Как по-крыловски кратко, и как мудро! Но это строки не Ивана Крылова. Автор этой басни Иван Дмитриев (1760-

1837гг.), современник Крылова, известный государственный деятель, поэт, баснописец. Во многом ему мы обязаны тому, что на небосклоне русской литературы засияло имя баснописца Крылова. Наш герой в 1805 году был, что называется, в свободном плавании. Он вновь пытается обратиться к драматургии, сочинил либретто к опере «Илья-богатырь». Успеха особенного не было. И, может быть, от некоей безысходности он перевел несколько басен французского баснописца Лафонтена и показал их Ивану Дмитриеву. Талантливый Дмитриев сразу понял, что перед ним литератор с изумительным даром. Он мог разочаровать Крылова, ведь перед ним стоял конкурент. Но благородный Дмитриев произнес судьбоносные для Крылова слова: «Басня – это и есть истинный ваш род, наконец, вы нашли его». Дмитриев вдохновил, по-другому и не скажешь, нашего героя. И Крылов обращается к непростому басенному жанру.

Эзоповым языком.

Басня – краткий рассказ, чаще всего в стихах, главным образом сатирического характера. Басня – жанр иносказательный, поэтому за рассказом о вымышленных персонажах (чаще всего о зверях) скрываются нравственные и общественные проблемы. Жанр басни при кажущейся простоте один из труднейших жанров в литературе. Неслучайно, за всю историю баснописания подлинно великих авторов только трое: Эзоп, Лафонтен и Крылов. Возникновение басни как жанра относится к V веку до нашей эры, а создателем ее считается раб Эзоп (VI–V вв. до н.э.), который не имел возможности по-иному высказывать свои мысли. Эта иносказательная форма выражения своих мыслей и получила впоследствии название "эзопова языка".

Лишь около II века до н. э. басни стали записывать, в том числе и басни Эзопа. В XVII веке французский писатель Лафонтен (1621–1695) возродил жанр басни. В основе многих басен Жана де Лафонтена лежит сюжет басен Эзопа. Но французский баснописец, используя сюжет античной басни, создает новую басню. Лафонтен сосредоточен скорее на чувствах своих героев, чем на нравоучении и сатире. Вершиной в развитии жанра стали басни И.А.Крылова, вобравшие в себя опыт двух с половиной тысячелетий. Знаменитый поэт и литературный критик, биограф Крылова Петр Александрович Плетнев, писал: «За тридцать девять лет до кончины Крылов вышел на дорогу, которая привела его к бессмертью». И это доподлинно так. Весь свой жизненный опыт, свои страдания и наблюдения, свои воззрения и переживания, - все эти чувства воплотились в щедрый дар. В 1808 году выходит книжка с двадцатью тремя баснями. Великий Жуковский пишет в изумлении рецензию: «Слог басен его легок и чист. Он рассказывает свободно, с милым простодушием. Каждое действующее лицо имеет характер». Вообще, казалось, что Крылов для басни рожден.

Триумф Крылова.

Что дальше? На протяжении 30 лет И. А. Крылов служит в Публичной библиотеке. Итогом его деятельности в качестве библиотекаря стало сохранение и собрание уникальных изданий, составление славяно-русского словаря. Каждый год выходили новые сборники басен, которых наш герой создал более двухсот. В России они имели ошеломительный успех во всех слоях общества, строки крыловских басен становились поговорками. В чем секрет успеха? Пушкин, который бесконечно уважал Крылова, считал, что в

его баснях «отображены отличительные свойства русского народа: веселое лукавство, насмешливость, живописный способ выражения». С этим нельзя не согласиться. Но еще при жизни Крылова его басни были переведены на немецкий, французский, английский, украинский, датский, итальянский, сербский и румынский языки (перечисляю в хронологическом порядке, в котором переводы были осуществлены). И за рубежом успех был колоссальный. Видимо, честность, порядочность, бескорыстие, благородство, справедливость, которые воспевал Крылов, всегда в чести. А хитрость, лень, упрямство, глупость, безнравственность, деспотизм достойны осмеяния всюду. Когда пришел 1812 год, Крылов в своем басенном творчестве выступил пламенным патриотом. О его басне «Волк на псарне» мы уже говорили в начале очерка. По свидетельству современников, басню «Волк на псарне» И. А. Крылов собственноручно переписал и отдал жене М. И. Кутузова, которая отправила ее мужу в письме. М. И. Кутузов прочитал басню после сражения под Красным собравшимся вокруг него офицерам и при словах «а я, приятель, сед» снял фуражку и потряс наклоненной головой. Его юбилей (70-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности) был отмечен как общенациональный праздник. Император Николай I подарил сыну-наследнику как величайшую драгоценность бюст баснописца и учредил стипендию им. Крылова. Иван Андреевич был награжден государственным орденом, была выбита юбилейная памятная медаль. Он давно не нуждался финансово. Было кому и завещать наследство. В доме Крылова трудилась тихая и скромная женщина Фенюшка, у которой была дочка Сашенька. Поговаривали, что Сашенька была дочкой Крылова. Иван Андреевич был окружен любовью и заботой, а

когда перенес инсульт, то поправлял здоровье в Павловском под контролем и при заботе императрицы Марии Феодоровны. После кончины Ивана Андреевича (1841 год) в Санкт-Петербурге был поставлен памятник. А завершить свой очерк мне хочется призывом к чтению Крылова. Не только с забавной басней вам предстоит встреча, но с мыслителем-философом, способным с детской ненавязчивостью и легкостью комично описывать недостатки людей в доступной только ему потрясающей форме. Не нужно искать в баснях Крылова только сатиру, на этом их ценность не заканчивается. Содержание и смысл скорее философские, чем юмористические. Кроме людских пороков, подаются в легкой форме истины бытия, основы поведения и отношений между людьми. Каждая басня – это сочетание мудрости, морали и юмора. И иметь такого гения в культурном пространстве нашего Отечества – это и отрада, но и ответственность. Ведь богатством мы должны не только овладеть, но и бережно передать нашим детям.

Иллюстрация:

Портрет И. Крылова. Худ Брюллов. стр. 111

Певец Украйны милой

«Он был сыном крестьянина, а стал властелином в царстве духа. Он был крепостным, а стал исполином в царстве человеческой культуры»

И.Франко

Часть I.
Встреча с Кобзарем.

Уголок Украины в саратовских степях.

Почему моего прадеда, Кондратия Макаревского, выслали из родной Полтавщины в неведомую ему Саратовскую губернию, - точно неизвестно. В семье хранились неясные предания, что был Кондратий бунтарем, с властями вечно спорил, вот и доспорился. И оказалась семья многодетного пахаря в саратовских степях, вместе с младшими братьями и всеми десятью детишками. Прадед человеком был работящим, рук не опустил. Вырыли колодец, построили хату-мазанку, посадили вишенки. Деревца принялись, весной радовали белой кипенью цветения, летом – сочными вишнями. Хуторок назвали «Полтавцы», в память о батьковщине. Будущего свата, русского крестьянина Захара, из соседнего села, встретил Кондратий на ярмарке в уездном городке Балашове. Да так они понравились друг другу, что старших детей решили поженить. Жениху и невесте было по шестнадцать годков. Увидели молодые друг

друга только на свадьбе. Шел 1900 год… Так моя бабушка оказалась в русском селе. Была она чистюлей, приветливой певуньей, не по годам мудрой и рассудительной. Молодой муж, которого она уважала, в ней души не чаял. С новой родней и соседями быстро поладила. Дом украшала вышивками необыкновенной красоты, готовила кушанья, которые всем нравились. И рожала деток, четверо сыновей и дочку. Бабушка пела в церковном хоре, дедушка был старостой прихода. Дети звали родителей на «Вы», чем удивляли односельчан. Семья была трезвая, дружная. До революции жили в достатке. Вместе делили радости и горести. А их выпало на долю семьи немало. Вначале Первая мировая, потом Гражданская. Самое страшное – коллективизация и арест дедушки «за религиозную пропаганду». Несколько лет он провел в лагерях в Сибири. А потом Великая Отечественная, гибель сына Ивана, хрущевские реформы. Вот так и жили, вместе со страной. В шестидесятые годы прошлого века каждое лето я проводила каникулы у бабушки и дедушки. Когда поспевали вишни, мы с бабушкой ходили за семь километров к украинской родне в Полтавцы. Там несколько дней гостили. В Полтавцах моя бабушка начинала говорить с родственниками по-украински. И это превращение я очень любила. Украинский язык казался волшебным: не по-русски, а все понятно. Не то говорят, не то поют. А уж как пели! «Спивали» такие чудные песни, что звенели они в душе еще долго-долго. Уезжать не хотелось. Из Полтавцов нас привозил дед Мефодий, бабушкин брат, на подводе, наполненной корзинами с вишней. Следующие дни в доме стоял аромат вишневого варенья, и бабушка нас лакомила варениками с вишней. Так что мои встречи с Украиной произошли на

саратовской земле, где был с любовью воссоздан ее уголок трудолюбивыми моими украинскими предками.

Встреча с Кобзарем.

В детстве была я фантазеркой и выдумщицей. Было мне лет восемь-девять. И вот, как-то размечталась: хорошо бы заночевать на улице под открытым небом. Дедушка никаких фантазий не любил и был строг: «Еще чего, не выдумывай». А бабушка неожиданно согласилась, уговорила дедушку и даже стала вечером устраивать мне и подружке ночлег. В телегу, стоявшую за домом, положили свежескошенной травы, накрыли дедушкиным тулупом. Как стемнело, мы забрались в телегу. Подружка тут же и уснула. А я была на седьмом небе от счастья. Таинственные ночные шорохи, аромат травы, а самое главное – звездное августовское небо над головой, - все переполняло сердце безотчетной радостью. Особенно эти волшебные крупные звезды. Хотелось этой радостью поделиться. Бабушка не спала, она сидела у окошка и караулила нас.

- Бабушка, иди сюда, здесь …небо», - тихонько позвала я. Бабушка вышла и села на скамеечку, рядышком. Было так хорошо. И вдруг бабушка стала читать стихи:

«Садок вишневый коло хаты,
Хрущı над вишнями гудуть,
Плугатарı з плугами йдуть,
Спıвают идучи дıвчата,
А матер,ı вечерять ждуть…»

Было необыкновенное созвучие стихов, летней ночи и душевного состояния моего и бабушки. В стихах была такая же летняя ночь, только на далекой Украине, где стоят в те-

ни вишневых садочков белые хатки, а девушки носят вышитые сорочки. Мне бабушки тоже вышила недавно такую. А еще поет соловейко.
-Кто это сочинил? - спросила я
-Кобзарь, донечка - ответила бабушка.
Вот так в детскую душу вошли стихи Тараса Шевченко и объединились с лаской родного мне человека и с вечным звездным небом. Так Украина коснулась сердца.
Украина живет в душе каждого русского человека. Нас неразрывно связывают тысячи нитей. У нас общая киевская купель и общая история. Наши предки оставили нам великие достижения культуры. Мы поем в душевную минуту мелодичные украинские песни. Прозвенит имя – Украина – и каждый вспомнит что-то свое. Для меня Украина - это любимая бабушка и… Тарас Шевченко. С его трагичной судьбой, его пронзительной любовью к родной земле, с его великими стихами и неукротимым стремлением к свободе. Скоро исполнится двести лет со дня его рождения. Давайте вспомним о великом поэте, склонив голову перед его светлой памятью.

Часть II.
Истоки.

Родился Тарас Григорьевич 9 марта 1814 года (25 февраля 1811 года по старому стилю) в селе Моринцы Киевской губернии (сейчас Звенигородский район Черкасской области) в многодетной семье крепостного крестьянина Григория Ивановича Шевченко. Крестили будущего поэта с именем Тарасий в память о Константинопольском патриархе Тарасии, защитнике святых икон. В 1816 году семья Шевченко переезжает в соседнее село Кирилловка (ныне

Шевченково), где и прошло детство Тараса Григорьевича. Ныне села, отмеченные в биографии великого поэта, являются Национальным заповедником и местом паломничества всех, кому дорого слово Кобзаря. Сотрудники заповедника проводят научные изыскания. Есть у них некоторые свидетельства, что мать поэта была вольной, крепостным был отец. Выйдя замуж, мать становилась тоже крепостной, крепостными становились и все дети, рожденные в браке. Только большая любовь могла склонить девушку к такому браку. Семья Шевченко была многочисленна и бедна, и Тарасу рано пришлось познакомиться с нуждой. До 9-летнего возраста мальчику жилось, однако, сносно. Это было обычное мальчишечье детство с раннего возраста наполненное трудом, но и проказами и играми. Согрето оно было любовью матери и старшей сестры Катерины. Мать и сестра очень хорошо рисовали. На стенах около окон - цветы, на печке - голубей, петухов. Их приглашали рисовать в соседние хаты. От них, видимо, мальчик унаследовал и способности, рисовать Тарас начал очень рано. Как попадется ему в руки мел или уголь, так сейчас разрисует стену или пол в хате. В каждой украинской хате жила рукотворная красота: вышивки да расписные печи украшали скромный быт. Был дедушка Иван, с его захватывающими рассказами о казацкой вольнице. А еще вокруг была природа Украины. Он позднее воспел ее в своих стихах. Здесь хочется привести одно стихотворение полностью, ибо оно передает мир, в котором жил мальчик, в котором зарождался его художественный и поэтический талант. Перевод великого русского поэта Сергея Есенина.

«Село! В душе моей покой.
Село в Украйне дорогой

И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темно-голубом
Сам Бог витает над селом»

Сиротство.

Когда Тарасу было около девяти лет, его любимая сестра, вышла замуж в другую деревню, а вскоре умерла и мама. Отец Тараса, оставшись вдовцом с большой семьей, женился вторично, чтобы иметь в доме хозяйку. Мачеха Тараса Григорьевича была вдова, имевшая троих своих детей, обладала очень сварливым нравом. Между детьми мачехи и отца была вечная вражда и драки. Мачеха истязала детей мужа по наветам своих детей. Однажды Тарас был заподозрен в краже сорока пяти копеек. Мальчик скрывался четыре дня в кустах. Когда его нашли, то жестоко избили, заперли в амбар. Впоследствии оказалось, что деньги украл сын мачехи, Степанко. Вскоре после этого умер отец, и детство закончилось. Началось беспризорное отрочество.

В поисках учителей.

Мальчику страстно хотелось учиться. Для учебы он нанялся в прислуги к дьячку-учителю, где учился грамоте. В окрестностях Кирилловки было много маляров и богомазов, иконописцев. Стал юный Тарас помощником дьячков-

маляров, у которых он учился рисовать. Конечно, полного удовлетворения такая учеба смышленому мальчику принести не могла. Его не столько учили, сколько эксплуатировали, заставляя за кусок хлеба и учебу тяжело работать. Однажды он решил попроситься в обучение к одному сельскому живописцу. Тот признал в Шевченко способности, но отказался принять его без письменного разрешения помещика. Отправившись за этим разрешением к управляющему имением, Тарас обратил на себя его внимание и был взят в дворовые мальчики. Вскоре его определили учеником повара. Затем управляющий отослал его к сыну владельца, Павлу Энгельгардту, сообщив, что Шевченко способен к рисованию, и, если его обучить, может стать комнатным живописцем. Молодой Энгельгардт, однако, приказал подростку исполнять обязанности комнатного казачка: приходилось целые дни проводить в передней, в ожидании приказания подать стакан воды или набить трубку. Страсть к живописи, однако, не покидала Шевченко, и в свободное время он срисовывал бывшие в передней картины. Однажды, увлекшись срисовкой портрета атамана Платова, он не заметил появления хозяина, который, рассерженный тем, что Шевченко не заметил его появления, отправил мальчика на конюшню. Страсть к живописи не ослабела в Шевченко после этого случая. В конце концов, помещик, убедившись, что из него не выйдет толкового казачка и лакея, решил отдать его в учение к маляру в Варшаве. Маляр через полгода сообщил помещику о выдающихся способностях юноши и советовал отдать его к художнику-портретисту по имени Лампи. Энгельгардт понял выгодность иметь собственного живописца-портретиста и последовал совету маляра. Грядущее польское восстание заставило предусмотрительного Энгель-

гардта, не желавшего оказаться в неприязненных отношениях с какой бы то ни было из сторон (Энгельгардт был православный по религии, полковник русской службы, но поляк по языку), уехать в Петербург. За ним должен был переселиться в Петербург и Шевченко.

Часть III. Земляки и русский круг.

В Петербурге Шевченко опять попал в тягостное положение казачка при Энгельгардте. Он стал проситься у пана позволить учиться живописи. Энгельгардт отдал его к художнику Ширяеву. Это был человек грубый, деспотичный и невежественный. Работа, которую пришлось выполнять у него Шевченко, не имела ничего общего с искусством; внешняя обстановка жизни была ужасна. Шевченко пришлось прожить у Ширяева несколько лет в полной кабале. Есть факты, которые известны каждому мало-мальски культурному человеку. Шевченко был крепостным. Его из крепостной неволи помогли выкупить русские художники Венецианов и Брюллов, а также воспитатель цесаревича, талантливый литератор Жуковский. Но как стал известен безвестный крепостной юноша элите художественной и литературной интеллигенции России? И здесь необходимо сказать добрые слова в адрес земляков Тараса Григорьевича. В 1836 году сотруднику Императорской Академии Художеств Ивану Сошенко стало известно от Ширяева, что к нему в обучение отдан крепостной помещика Энгельгардта Тарас Шевченко. К счастью, крепостная доля миновала Ивана Сошенко. В начале XIX-го века племянница Потемкина княгиня Бранницкая объявила всех жителей села на богуславщине, где жила семья Ивана Сошенко, своими крепостными. Избежать рабской участи можно было, только покинув родные края. Что и сделали Сошенки,

предпочитая нищенскую жизнь рабству. У Ивана открылся художественный дар, и он стал с ранней юности зарабатывать рисованием. Однажды его позвали расписать храм в близлежащем монастыре. Игуменье так понравилась работа юноши, что она заплатила довольно щедро, и семья смогла даже купить небольшой участок земли. Страстно мечтая об образовании, Иван отправляется в Санкт-Петербург, где начинает работать в Академии художеств рисовальщиком-копиистом и учится, постигая основы живописи. Судьба Тараса, столь схожая с его собственной, тронула Ивана Сошенко. Захотелось помочь земляку. Но как это сделать? За советом он обращается еще к одному украинцу, Евгению Гребенке. Российскому читателю это имя малоизвестно. А ведь именно Гребенка написал стихи, которые, положенные на музыку, стали любимым романсом, не побоюсь сказать, миллионов россиян. Речь идет о знаменитом романсе «Очи черные». Евгений Павлович был полтавчанином. Он – выходец из помещичьей семьи, учился вместе с Николаем Гоголем в Нежинской гимназии. В Петербург Евгений Гребенка приехал в 1834 году и занял должность канцелярского чиновника, но главной его стезей стала литература. Он переводит на украинский язык поэму Пушкина «Полтава». Работает над сборником басен на украинском языке. Сборник «Малороссийских присказок» заслужил доброго отклика самого Пушкина, и великий поэт перевел одну басню Гребенки, «Волк и огонь», на русский язык. Евгений Гребенка сам не роскошествовал, но всегда помогал землякам, чем только мог. Узнав о Тарасе Шевченко, он решается поговорить о талантливом земляке с секретарем Академии Художеств Василием Ивановичем Григоровичем. Известный искусствовед, профессор, секретарь Общества поощрения художников, Ва-

силий Григорович был тоже полтавчанином. Его связывали тесные отношения с Гоголем и Пушкиным. Его салон был очень влиятельным художественным центром столицы.

Русский круг.

Именно от Григоровича о Шевченко узнали Венецианов, Брюллов и Жуковский.

В это время Шевченко посещал учебные залы Общества поощрения художников. Благодаря хлопотам земляков о Шевченко узнает известный живописец Венецианов, который помогал многим талантливым молодым людям из крепостных добиться освобождения. Венецианов горячо сочувствовал крепостным, талантливые юноши, рожденные в крепостной неволе, находили в его лице учителя, товарища. Венецианов, искал возможность помочь Тарасу, обратился к Жуковскому. В начале 1837 года Шевченко по заказу Жуковского написал портрет Елизаветы Нахимовой, дочери смотрителя Зимнего дворца. Друзья Шевченко – молодые художники, ученики Брюллова – показали Брюллову рисунки Шевченко, и он похвалил их. Они попросили Брюллова сделать что-нибудь для их друга, и он поехал к помещику Энгельгардту, надеясь убедить его отпустить талантливого юношу. Брюллов вернулся раздраженный. «Это самая крупная свинья в торжковских туфлях!» – сказал он о помещике. Шевченко пришел в отчаяние. Жуковский, узнав о состоянии молодого художника, написал ему несколько ободряющих слов. (Шевченко потом много лет носил эту записку в кармане). К Энгельгардту поехал Венецианов, он приступил к делу прямо и спросил о цене, за какую может он отпустить Тараса. Помещик назвал сумму огромную: две с половиной тысячи рублей.

Надо было добывать деньги. Брюллов решил написать портрет Жуковского и разыграть его в лотерею. Этот портрет и был разыгран в частной лотерее за две тысячи пятьсот рублей ассигнациями. «Этою ценою, – вспоминал Т.Г.Шевченко, – куплена была моя свобода в 1838 году, апреля 22-го». В знак особого уважения и глубокой признательности к Жуковскому, Шевченко посвятил ему одно из наиболее крупных своих произведений – поэму «Катерина». Вспоминается здесь судьба другого талантливого художника Григория Васильева (Сороки). Венецианов был соседом по имению помещика Милюкова, в чьей собственности был Григорий. Венецианов взял Григория в ученики. Под его руководством Сорока создал выдающиеся пейзажи, воспевающие русскую природу. Но рабская участь привела к трагедии, надломила душу художника. Григорий Сорока покончил с собой. Страшно подумать, какая участь ждала бы Тараса Шевченко, если б не помощь людей, которые сами ненавидели рабство и сделали все возможное, чтобы Тарас Григорьевич обрел столь желанную волю.

Краски палитры.

В те дни Тарас Григорьевич писал своему брату Никите: «Живу, учусь, никому не кланяюсь и никого не боюсь… Великое счастье быть вольным человеком». Судьба вознесла Тараса Григорьевича из самых низов крепостного со-

словия в столицу империи и привела его в круг демократической интеллигенции, элиты русского общества. Там он был принят как равный. Он начинает занятия в Академии Художеств в классе великого Брюллова. Он много учится, знакомится с работами великих мастеров Рембрандта, Веласкеса, Рафаэля. Мечтает о поездке в Италию. Шевченко сразу удивил работами зрелыми, он был принят на третий курс, минуя первые два. Он пишет маслом, создает акварели, рисует карандашом. Тема его работ – пейзажи, портреты. Он пишет в жанре исторической живописи. Во время учебы он получил три серебряные медали за картины: «Рисунок с натуры», «Маленький побирушка дает кусок хлеба собаке», «Цыганка-ворожея». Всего Шевченко-художник создал более тысячи работ, 835 сохранились, 270 потеряны. А ведь он жил в нелегких бытовых условиях, скитался с квартиры на квартиру. Ездил по окрестностям Санкт-Петербурга, рисуя на заказ портреты знати. И все же он окончил Академию третьим по успеваемости. Между тем все более и более властно о себе стала напоминать поэтическая муза. Сам он впоследствии писал: «Странное, однако ж, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись – моя будущая профессия. Вместо этого я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил и которые лишили меня свободы».

Часть IV.
Строки «Кобзаря».

Через два года после выкупа из неволи Шевченко при помощи Евгения Гребенки опубликовал свой поэтический сборник «Кобзарь». Кобзарями на Украине назывались на-

родные певцы, которые исполняли песни, аккомпанируя себе на струнных инструментах – кобзе или бандуре. История явления уходит ко временам Запорожской сечи, когда в боях потерявшие зрение воины становились бродячими певцами. Моральный авторитет кобзарей был непререкаем. Их появление на свадьбе считалось добрым предзнаменованием. Пели кобзари и у входа в храмы – исполняли песни религиозного содержания. Пели и на ярмарках – шутливые куплеты. Ходили народные певцы и по домам. Для каждого поколения находилась песня соответствующего содержания. Старикам – о былых походах, молодым – о любви, а деткам – поучительные песенки и сказочные песенные истории. Обидеть кобзаря — означало навлечь гнев небес. Поэтому самый бедный крестьянин на Украине всегда держал часть поля «на старцеву дольку» — для подаяния кобзарю. В сборник «Кобзарь» вошло восемь произведений. Среди них «Катерина», «Наймичка», «Думы мои, думы». «Кобзарь» стал явлением огромного литературного и национального значения. После выхода в свет книги, самого Шевченко стали называть Кобзарем, и это имя прочно закрепилось за поэтом. Здесь будет уместно заметить, что в мире есть только один музей, посвященный единственной книге. Это Музей книги «Кобзарь» в украинском городе Черкассы. Пересказывать содержание «Кобзаря» - дело неблагодарное. Мои читатели-украинцы его хорошо знают, на Украине Шевченко изучается в школах достаточно подробно. А россиянам я советую прочитать хотя бы некоторые стихи. Пусть не смущает, что они на украинском языке. Этот славянский язык мы понимаем и можем читать без перевода.

«Наймичка»

Мое самое любимое – поэма «Наймичка». Вот очень кратко ее содержание. Бездетным супругам подбросили малютку-мальчика. Они его усыновили, назвали Марком и растили, окружив любовью и заботой. Как-то в их дом постучалась молодая женщина, которую звали Ганной. Она искала работу, и нанялась батрачкой в эту семью. Ганна полюбилась всем за трудолюбие и приветливый нрав. Она, было видно, особенно полюбила маленького Марка, дарила ему свою ласку и все свободное время. Мальчик вырос, стал пригожим парубком. А приемная мать умерла. Между тем, пришло время Марку жениться. А кто же будет на свадьбе посаженной матерью? Попросили Ганну, но она отказалась. «Как бы люди не сказали дурного, что наймичка у Марка посаженая мать»,- объяснила она свой отказ. И попросила отпустить ее на паломничества в Киево-Печерскую Лавру, где молилась за счастье молодых. То, что Ганна - его родная мать, Марко узнал, когда Ганна тяжело заболела и на смертном одре призналась в этом сыну:

«Прости мене! Я каралась весь вік в чужій хаті.
Прости мене, мій синочку !Я... я твоя мати».
Та й замовкла...зомлів Марко, й земля задрижала.
Прокинувся до матері - а мати вже спала!».

Здесь история батрачки Ганы поднимается до Евангельских высот. На судьбе простой женщины мы видим отблеск земного подвига Пресвятой Богородицы. Она, любя своего Божественного Сына, сопровождала Его, оставаясь в тени. Ганна всю свою жизнь посвятила Марко, но не открылась ему, оберегая его от беспокойства, от осуждения людей. Жертвенность матери передана Шевченко с небы-

валой силой, нежностью и горячим сочувствием, пылким чувством и поэтичным словом.

Общество свв. Кирилла и Мефодия.

В 1843 году, успешно окончив Императорскую Академию Художеств, Тарас Григорьевич получает степень свободного художника. За плечами опубликованные поэтические сборники «Кобзарь» и Гайдамаки», принесшие ему известность и любовь читателей. Впереди - работа интереснейшая: труд в качестве штатного художника при Археологической комиссии Киевского университета. Что же должно было случиться, если через два года Шевченко отправляют в солдатчину в оренбургские степи, в печально известную Орскую крепость?! Это была не просто ссылка, но попытка духовной казни, ведь поэту и художнику высочайше было запрещено писать и рисовать. Как же это случилось? В Киеве Тарас Шевченко сблизился с украинскими интеллигентами, которые организовали Общество во имя свв. Кирилла и Мефодия, учителей славянских народов. Они мечтали объединить славянские народы в одну семью, мечтали уничтожить крепостное право. В кружке был доносчик, и 5 апреля 1847 года Шевченко был арестован. Во время ареста нашли рукописи его стихов «Сон», «Заповедь». В стихах он смеется над царской четой:

«Царь по залам выступает
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок
Царицей убогой.
А к тому ж, она бедняжка
Трясет головою».

Царь Николай прочитал стихи. Говорят, он был в бешенстве. Суда не было. Царь написал своей рукой: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Это было самым суровым наказанием. Шевченко повезли в Оренбург, затем в крепость-тюрьму Орск.

Часть V.
Ссылка и уроки.

Автору нелегко рассказывать о страшных годах жизни любимого поэта, но из песни слова не выкинешь. В Орске рядового Тараса Шевченко муштровали каждый день до потери чувств. Он был измучен, болел цингой. Но не падал духом, а начал тайком писать стихи и прятать их за голенище сапог, по-украински - «халява». Эту книжечку так и зовут теперь «Захалявная». В ссылке Тарас много слышал рассказов о страшной жизни крепостных России. Однако, оренбургское общество относилось с симпатией к ссыльному поэту и художнику. Со временем Шевченко разрешили жить на частной квартире, позволили негласно делать зарисовки, а в 1848 г. включили в состав экспедиции по изучению Аральского моря. Ее начальником был лейтенант Алексей Бутаков - сын адмирала. Лейтенант был опытным моряком и командиром, успевшим совершить в 1840-1842 гг. кругосветное плавание. В его отряде Шевченко предстояло писать акварельные виды берегов Арала - несмотря на изобретение фото-

графии, художникам доверяли больше. Целый год экспедиция на двух шхунах бороздила Аральские воды. Командир крошечной эскадры по-дружески относился к Шевченко, солдат-художник был даже освобожден от ношения неудобной военной формы. К сожалению, большинство акварелей, написанных Шевченко в экспедиции, пропало, а жизнь самого ссыльного в 1850 г. круто изменилась. Был написан донос, из которого следовало, что рядовой Шевченко пользуется не положенными ему благами. После этого поэт был переведен на службу в отдаленное Новопетровское укрепление. Шевченко не только было строго запрещено писать и рисовать, но даже не дозволялось иметь при себе карандаши, чернила, перья и бумагу. Положение Шевченко здесь было ужасно. Само Ново-Петровское было глухим углом. Заброшенное на восточный берег Каспийского моря, в глухую степь, оно, на время прекращения навигации, было отрезано от мира. Вдобавок Шевченко попал в роту к грубому и жестокому капитану Потапову, со строгой инструкцией следить за всеми его действиями. Положение это было хуже каторги. Надзор за Шевченко был так строг, что около двух лет он не мог написать ни одного письма. Жил он в общих казармах, для надзора за ним был приставлен особый человек. Пьяный Потапов всячески издевался над Шевченко, доводя его, видавшего виды немолодого ого человека, до слез. К этому надо прибавить, что Шевченко лишен был возможности получать письма и от своих друзей, которым было, под угрозой весьма неприятных последствий, предложено властями прекратить переписку с опальным поэтом. В 1852 году гнет, который приходилось выносить Шевченко, стал несколько ослабевать. Шевченко получил возможность переписываться с друзьями. Писать и рисо-

вать, однако, он и теперь не имел возможности и получил эту возможность не скоро. Более значительные улучшения в жизни Шевченко произошли с назначением комендантом Новопетровска майора Ускова. Он предложил офицерам не допекать Шевченко фронтом и освободить его от тяжелых работ. Гуманно отнеслась к Шевченко и супруга майора. Шевченко стал бывать в доме Усковых, привязался к их детям. Теперь Шевченко получил возможность, хотя в минимальной доле, удовлетворить свой потребность в творчестве, он стал лепить из глины разные фигурки. Десятилетняя ссылка Шевченко завершилась только после смерти неумолимого императора Николая Павловича. Новый император Александр II помнил многочисленные просьбы своего учителя Жуковского, до самой смерти в 1852 г. не забывавшего о талантливом украинце. В 1857 г поэт был прощен и получил возможность вернуться в Европейскую Россию. Задержавшись по пути в Нижнем Новгороде, Шевченко приехал в Санкт-Петербург и поселился в доме Академии художеств. В столице империи поэт провел недолгие годы своей оставшейся жизни.

Последние годы.

Я никогда не соглашусь, что Кобзарь был сломлен ужасной ссылкой. Он, несмотря на пошатнувшееся здоровье, был полон планов. Он посетил родную Украину. Задумал издать украинский журнал. Мечтал создать семью, хотел жениться. Мечтал приобрести небольшой участок земли на родине, чтобы построить свой дом. А еще он серьезно занимался граверными работами. И эта работа была столь успешна, что он получил звание академика Академии Художеств. Если дух поэта не был сломлен, то здоровье было сильно подорвано. В феврале 1861 года Шевченко уже не

мог сходить с лестницы. В это время он все еще мечтал о поездке на Украину, думая, что эта поездка его спасет. В последние дни своей жизни Шевченко страстно ждал манифеста об освобождении крестьян. 19-го февраля, когда этот манифест должен был быть подписанным, о чем по слухам знали уже все, Шевченко сильно волновался, ожидая манифеста. Манифест, однако, не был объявлен ввиду того, что 19 февраля праздновалась масленица. Власти опасались народных волнений. Объявление манифеста было отложено на 4-ое марта, но Шевченко уже не удалось дождаться его. 25 февраля был день рождения и именин Шевченко. Этот день он провел в страшных мучениях. На следующий день Шевченко имел еще силы спуститься в свою мастерскую, но там он сейчас же упал и умер. Похоронен был Шевченко в Петербурге, но вскоре друзья, исполняя последнюю волю поэта, перенесли его прах на родину. Могила Шевченко находится на высокой горе, над Днепром, вблизи города Канева. Таким образом, только после смерти удалось Тарасу Григорьевичу успокоиться над родным Днепром.

Возможно, читатели обратили внимание на то, что автор не пишет о личной жизни великого поэта. Думается, мы должны крайне бережно касаться глубоко личных страниц биографии Кобзаря. Будем помнить и о том, что его сердечный дневник – в его стихах. Там мы найдем проникновенные строки о любви к женщине-возлюбленной и женщине-матери, найдем проникновенные строки о любви к Отечеству, стихи о подлинной дружбе и прекрасной природе. А еще нам, потомкам, посчастливилось: ведь сохранились рисунки и полотна Кобзаря, на которых запечатлена его душа.

Уроки Шевченко.

Я писала этот очерк в непростое время для моей любимой Украины. На площади Независимости проходили митинги. За спиной некоторых ораторов я видела и портрет Тараса Шевченко. Вот мелькнул один из оппозиционеров, на нем футболка с надписью «Москалι – чужι люде, роблять лихо з вами». Не уверена, что этот горе-шевченковед хотя бы раз прочитал поэму Кобзаря «Катерина». Ведь не только русский военный погубил юную наивную девушку, но и жестокосердные односельчане, изгнавшие ее с грудным младенчиком на руках из родного села. Но выхватываются строчки из текстов Кобзаря, размахивают ими как устрашающим жупелом. А им бы, «знатокам» Шевченко, вспомнить другие строки:

«Доборолась Украıна до самого краю
Гирше ляха свои дıти іι розпинають».

Великий украинский поэт и писатель, Шевченко вывел украинскую поэзию и литературу на мировой уровень. Его свободолюбие, непримиримость к угнетателям отразили чаяния и стремления не только угнетенного украинского народа, но всех порабощенных народов царской России. Он был великим певцом свободы, но никогда не смешивал понятия «царизм» и «русский народ», и «русский язык». Девять его поэм написаны на русском языке. Он хорошо знал русскую литературу и на смерть Лермонтова написал великие стихи. А еще он призывал к любви и братству. Ведь это он, наш любимый Кобзарь, оставил нам завет:

«Порой задумчивый…порой, как волхв, вещатель молодой
Речами звучными, живыми, друзей внезапно изумлял;

И силу дружбы между ними, благословляя, укреплял.
Он говорил, что обще благо должно любовию купить.
И с благородною отвагой стать за народ и зло казнить».

Иллюстрации:

- Тарас Шевченко автопортрет 1840 стр. 137

- «Молодой Тарас Шевченко в мастерской Карла Брюллова. (1939 г.) Худ. Мелихов стр. 147

- Тарас Шевченко «Автопортрет», выполненный в Орской крепости в 1847 г. стр. 152

Поэты и судьба

- Памяти Николая Гумилева

- Вершины Анны Ахматовой

«Поэты и судьба» Худ. Кудреваты

Памяти Николая Гумилева.

«Еще ни раз вы вспомните меня,
И весь мой мир, волнующий и странный...»
Николай Гумилев.

Девяносто лет назад, в сентябре 1921 года в «Петербургской правде» было опубликовано сообщение «О раскрытии в Петрограде заговора против советской власти». Сообщалось, что несколько десятков человек, в основном представители интеллигенции и военных, составили заговор под руководством сына бывшего министра юстиции, профессора-географа Таганцева, целью заговорщиков было свержение советской власти. Изобличенные заговорщики были расстреляны. В том скорбном мартирологе значилось имя Николая Степановича Гумилева, известного русского поэта, драматурга, замечательного путешественника, героя Великой войны, Георгиевского кавалера. Гумилев стал первым российским литератором, пострадавшим от власти советов. За ним последовали Есенин и Маяковский, Цветаева и Мандельштам, многие другие, чьи души не вынесли позора обид. Далеко не мелочных, ведь нанесены они были не лично им, но Отечеству, которое они умели отличить от государства, и не отождествляли одно с другим. За это и поплатились. Говорили, что Максим Горький попытался заступиться за осужденных, но безуспешно. Да и как было помочь несчастным, если руководитель Советской страны, Ульянов-Ленин, в письме к тому же Горькому писал о лучших представителях русской интеллигенции: «Это лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации. А на деле это не мозг, а г....(В оригинале последнее слово написано полностью).

Этот очерк автор посвящает памяти одного из расстрелянных, рыцаря серебряного века Николая Гумилева. Пусть будет эта статья и поминальной свечой, зажженной в память о всех русских литераторах, которые погибли в годы репрессий.

«Акмэ» и акмеизм.

Мне очень нравится греческое слово «акмэ». Нравится его звучание, оно и теплое, обнимающее, и в то же время торжественное. Нравится и перевод – «время цветения». Я не знаю, как к этому слову относился Николай Гумилев, этот волшебник поэзии, знающий толк в чарующих звуках и значениях слов. Только назвал поэт свой путь в творчестве акмеизмом. О, этих «измов» в годы юности Гумилева было множество. На рубеже 19-го и 20-го веков русская культура вспенилась, как доброе шампанское в дорогом хрустале. И полились волшебные звуки, зазвучали неслыханные строки, художники смешивали краски, чтобы на холстах зацвели такие оттенки, что импрессионистам и не снилось. Это кипение идей и форм звалось изысканно и звонко: серебряный век. И акмеизм стал на пространстве серебряного века явлением заметным. А Николай Гумилев был основателем этого изысканного, хотя и вполне конкретного, направления в русской поэзии.

Годы юности.

Но это еще будет. А пока молодой Николай Гумилев оканчивает гимназию в Царском Селе под Санкт-Петербургом. Ему двадцать лет. Не удивляйтесь, семья несколько раз переезжала, здоровьем будущий поэт в детстве похвалиться не мог, этим и объясняется позднее окончание гимназии. Но было у Гумилева нечто, чем он мог гордить-

ся: еще гимназистом на средства родителей он напечатал первую книгу стихов, которую назвал причудливо: «Путь конквистадора» (от испанского слова «конквистадор», что означает «завоеватель»). В те годы в окружении гимназиста Гумилева в дворянских семьях и юноши, и девушки писали стихи. Это не было чем-то из ряда вон выходящим. Но не каждый автор удостаивался отклика на свое творчества самого Валерия Брюсова. Об этом выдающемся поэте – символисте впоследствии Сергей Есенин написал: «Все мы учились у него. Все знаем, какую роль он играл в истории развития русского стиха. Брюсов был в искусстве новатором». Сам же Брюсов в рецензии на первую книгу Гумилева выразил уверенность, что у молодого конквистадора «победы и завоевание впереди». Читатели книги почувствовали в стихах молодого Гумилева мужественный романтизм, одиночество талантливого человека, который противопоставлял себя тусклой действительности. Какие свежие яркие строки открывали книгу молодого автора:

«Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам.
И отдыхаю в радостном саду».

Но никто не мог догадаться, что романтический пафос Николай Гумилев был готов проецировать на свою жизнь. Очень скоро он это доказал, отправившись в путешествие по... Африке.

Африка грез.

Отец Николая Гумилева был военно-морским врачом, который побывал в нескольких кругосветных путешествиях. Его ли рассказы о морских штормах и заморских землях, книги ли столь любимых Жюля Верна, Фенимора Купера и Майн Рида так повлияли на юношу, но желание дальних странствий жило в юной душе. Четыре раза Гумилев побывал в стране своих грез, Африке. Почему именно этот континент столь привлек его, теперь никто не ответит. Ему были нужны настоящие приключения, яркие впечатления, суровые испытания. Гумилев является первооткрывателем африканской темы в русской поэзии. Всего в период 1908 – 1913г.г. он совершил четыре путешествия по черному континенту. Чужие небеса влекли его. Вслушайтесь в эти пленительные поэтические строки:

«Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно-голубое,
Небо, золотое от лучей».

Результатом поездки 1908 года стал поэтический сборник «Романтические цветы». Кстати, поэт Анненский писал, что новый сборник стихов - это не только искания красоты, но и красота исканий, имей в виду возросшее поэтическое мастерство молодого автора. В сборник вошли прекрасные стихотворения, среди которых, ставшее хрестоматийным, «Жираф».

«Ему грациозная страстность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер».

Важно отметить, что последнее путешествие по северной Африке Гумилев совершил в качестве руководителя экспедиции от Российской Академии Наук. Стихи, рассказы, дневник путешествий по Африке – все это не только вклад в русскую поэзию, но и в страноведение. К каждому путешествию Гумилев усиленно готовился, посещал зоопарк, ночами наблюдал там жизнь крокодилов, гиен, птиц, их особенности и повадки. Гумилев запоем читал книги исследователей-африканистов. Многие современники подшучивали над «африканской страстью» Гумилева, считали интерес к Африке оригинальничанием, и только спустя много лет отзывы специалистов убедили всех, что загадочные и интересные коллекции, собранные Гумилевым для этнографического музея Академии Наук, имеют огромное научное значение, не потерявшее ценности и до сегодняшнего дня.

Николай и Анна.

Но была еще одна причина путешествий. Африкой поэт пытался лечить сердечный недуг. В 1905 году Николай Гумилев познакомился с Анной Горенко (в будущем Ахматовой), в которую сразу и на долгие годы влюбился. Их отношения складывались не просто, порой даже трагически. Дело было даже не в том, что Анна в тот период была увлечена другим, а Гумилева одолевала страсть к перемене мест. Они были слишком необычными даже для своего экстравагантного времени людьми, удивительно талантливыми и красивыми (читатели могут вспомнить, что Анну любил рисовать великий Модильяни). Они были поэтами, притом, свободными личностями, и тайное единоборство всегда присутствовало в их отношениях. Я не терплю, когда иные авторы, дерзнув писать о великих лю-

дях, гордости нашей культуры, позволяет себе нескромно касаться словом сокровенного. Здесь хочется лишь отметить, что Анна была сильной любовью Гумилева, ей он посвящал стихи, страдал от ее отказов принять его чувство. Он писал о днях своих страданий:

«Я женщиною был тогда измучен,
И не соленый свежий ветер моря,
Ни грохот экзотический базаров,
Ничто меня утешить не могло».

Эти страдания и боль приводят его даже к мысли о самоубийстве, были и попытки оные совершить. Но, к счастью для русской поэзии, все разрешилось 25 апреля 1910 года, когда состоялось их венчание. В браке они пробыли восемь лет. А нелады начались уже в 1913 году. Были взаимные измены, но было и рождение сына, воспитанием которого, впрочем, родители не занимались, перепоручив маленького Льва Гумилева попечениям бабушки. У обоих была сложная личная жизнь, было насыщенное литературное творчество и увлечения, увлечения... В 1918 году, во время приезда Гумилева с фронта, Анна попросила развод. Для поэта это был удар, но удар не неожиданный. Он както провидчески написал:

«Это было не раз,
Это будет не раз,
Как всегда, от меня ты теперь отреклась».

Не будем поспешно судить супругов. Нельзя к гениальным людям подходить с общечеловеческой меркой. Ахматова, может быть, и отреклась от поэта, который был тогда на

пике славы, вернулся с фронта красавцем-героем, за которым по пятам следовали влюбленные девушки и ученики. А вот памяти расстрелянного Гумилева она оставалась верна до конца. Вскоре после гибели поэта Ахматова опубликовала поэтический сборник «Анно Домини», на страницах которого неоднократно, тайнописью, возникает образ погибшего поэта. Он и это предчувствовал, когда на фронте, В 1914 году написал:

«А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих,
И ведаю, что обо мне далеком
Звенит Ахматовский сиренный стих».

Жемчужины стихов.

Придет время, и великая Анна Ахматова посвятит свои стихи, полные высокого трагизма, расстрелянному Николаю Гумилеву, а тогда, в 1910 году он посвящает своим самым близким людям, учителю Валерию Брюсову и возлюбленной Анне, новый поэтический сборник, который называет празднично «Жемчуга».

Всегда с печалью наблюдаю за тем, как некоторые критики со страстью, достойной лучшего применения, исследуют личную жизнь поэта, а некоторые читатели с удовольствием и смакованием читают такие «исследования» в духе пошлых «Русских сенсаций». Скажу хрестоматийное: жизнь поэта в его стихах. Так ли важно широкому читателю знать имена возлюбленных Есенина, прозаические подробности отношений Блока или Цветаевой? Важно, что потом из этих деталей личной жизни родились бессмертные стихи, и поколения русских и не только русских, если повезет с переводом, людей наслаждаются, образовывают-

ся, зачарованно читая и перечитывая, например, такие волшебные строки: «Не жалею, не зову, не плачу». Процитировала и уверена, каждый их наших читателей готов продолжить есенинскую строку. Не то с Гумилевым. Мы мало, до боли мало, знаем этого гениального поэта. Когда его убили, тонкий знаток русской словесности Владимир Набоков 19 марта 1923 года откликнулся на казнь эпической строкой:

«Гордо и ясно ты умер - умер, как Муза учила.
Ныне, в тиши Елисейской с тобой говорит о летящем
Медном Петре и о диких ветрах африканских – Пушкин»

Вот какое сравнение. И оно, искренне убеждена, имеет право быть. Однако столько лет вокруг имени и творчества Гумилева существовал негласный заговор молчания, что выросли поколения русских людей, которые даже и не знали его имени, что говорить о стихах. И моя молодость прошла без Гумилева. И когда в журнале «Огонек» в восьмидесятых годах впервые за годы советской власти были опубликованы гумилевские строки, это отозвалось в сердце радостью от встречи с великим неизвестным поэтом, и болью, что заговор молчанья лишил нас подлинных поэтических жемчужин.
Их было несколько, сборников его стихов. У каждого свое лицо, своя задача. В романтических «Жемчугах» находится мое самое любимое – «Капитаны». Встретилась я с этим стихотворением, как и многие мои ровесники, в зрелые годы, но все же встреча состоялась, и уже никто не мог помешать читать гумилевские строки вместе с детьми, а скоро, надеюсь, вновь перечту их с внуками. И вновь штормовой ветер ударит соленой волной, и мужественный

капитан, «отряхая ударами трости клочья пены с высоких ботфорт» выйдет на мостик, чтобы вести свой корабль в неизведанные края.

«Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет».

В десятые годы XIX века Гумилев - фигура значимая в литературном мире России, он публикует свои знаменитые «Письма о поэзии», создает «Цех поэтов», становится во главе им же основанного литературного направления «Акмеизм», суть которого в ясности, простоте, утверждении реальности жизни.

Великая война.

Как причудливо порой складываются отношения читателя и поэта. Вот недавно Николай Гумилев оказал мне неоценимую услугу. Работая над повестью «Судьба русского офицера», я касалась периода Первой мировой войны. Герой повести, Михаил Бутчик, в начале войны командовал полком. И мне очень хотелось представить себе реалии войны, которую народ назвал Великой, о которой мы так мало знаем. И вот тогда мне встретилось стихотворение Гумилева «Война», которое повествует о событиях той ратной поры эпически, философски, с позиции православия. Тогда впервые прочитала я и гумилевскую прозу, это были «Записки кавалериста», интереснейший исторический документ и талантливое литературное произведение. Встает за строчками «Записок» и время, и образ их автора. Гумилев из-за болезни глаз имел белый билет, в армию не

призывался. Однако грянула война, и он ушел на фронт добровольцем. Современники вспоминали, что войну поэт принял с простотою, с прямолинейной горячностью. Его храбрость и презрение к опасностям были легендарными. Позднее он писал о себе:

«Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь.
Но святой Георгий тронул дважды,
Пулею не тронутую грудь».

Редкая для прапорщика награда, два солдатских Георгия, красноречивее всех слов говорит о героизме поэта. А в 1916 году выходит в свет его новый поэтический сборник «Колчан». В нем война, в нем боль о разоренной войной России. Так русская тема властно вторглась в творчество поэта. Он, может быть впервые, на войне осознал себя русским человеком. И написал об этом мужественно и строго:

«И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей летают клинки.

Словно молоты громовые
Или воды главных морей
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей».

В сборнике «Колчан» мое любимое – «Пятистопные ямбы». Это очень личное стихотворение, оно о романтических путешествиях юности и потерянной любви. А еще о

том, что все личное уходит на второй план, если позвала военная труба и надо выполнять свой мужской долг. А на войне человек становится близок, как никогда, к Богу. И в душе поэта рождается молитва за Родину. Он видит Отечество прекрасным храмом. Да надо ли пересказывать, когда можно перечитать, в который раз возблагодаря Создателя, что при рождении он дал нам наш прекрасный русский язык:

«Есть на море пустынный монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнующей славой,
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь,
В тот золотой и белый монастырь».

Гумилев не был свидетелем ни революции Февральской, ни Октябрьского переворота. В то время он был в Европе, в составе экспедиционного корпуса. Он выполнял свой воинский долг и, как и положено поэту, продолжал писать стихи. Вышел сборник «Костер», в котором стихи, наполненные напряженным духовным поиском. А в 1918 году он вернулся в Россию.

Навстречу «Огненному столпу».

Вернувшись, Гумилев оказался в водовороте литературной жизни. И он принял в ней самое активное участие. Поэт входит в редколлегию «Всемирной литературы», читает лекции, не скрывая своих монархических взглядов. И некоторое время ему это сходит с рук. Гумилев руководит студией молодых поэтов. Очевидцы вспоминали, что молодые тянулись к нему со всех сторон, с восхищением подчинялись «деспотизму молодого мастера, владеющего

философским камнем поэзии». В то голодное и неустроенное время поэт был обременен большой семьей, помогал он и семье своего больного брата. В условиях «военного коммунизма» это было исключительно непросто. Гумилев жил литературным трудом, ни разу не был сыт, заработка не хватало, вынужден был продавать личные книги и вещи. Но издал свой новый поэтический сборник «Огненный столп», который стал вершиной творческого наследия. И в нем бессмертное «Слово», стихотворение, которое ставит Гумилева в ряд с величайшими поэтами человечества.

В 1921 году он становится председателем Петроградского отдела Всероссийского союза поэтов. В том же году он и погиб, расстрелянный по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности.

Гибель и забвение.

Он погиб в самом расцвете своего творческого пути, периода «акмэ». Поэту было 35 лет. 3 августа его арестовали по обвинению в недонесении о заговоре офицерской организации. Он был спокоен, взял с собой Евангелие и книгу Гомера. На допросах держался мужественно, никаких имен не называл. И объяснял это тем, что офицерская честь не дозволяет ему вести себя по-другому. Расстреляли его уже 24 августа 1921 года.

Впоследствии выяснилось, что никакого заговора не было. Заговор фальсифицировало ЧК. А вот реабилитация последовала нескоро, аж в 1991 году. И все эти годы о Гумилеве не упоминали, стихи не печатали, над его близкими глумились. Судьба его близких трагична, страдания Анны Ахматовой и Льва Гумилева – это трагедия, о которой не хочется говорить мимоходом, да и многим уже хорошо известны события тех страшных лет.

Вспоминая поэта.

В 2011 году исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Гумилева и 90 лет о дня его гибели. Около тридцати лет назад заговор молчания вокруг жизни и творчества великого поэта нарушен. Его стихи широко печатаются, в школе наши дети изучают Гумилева. Где бы ни жил русский человек, Интернет- пространство может оказать ему помощь, если он захочет познакомиться со стихами Гумилева. Скорбную дату – 90-летие расправы с поэтом - отметили не только радиостанция «Свобода», но и российская интеллигенция на родине поэта. В родовом гнезде поэта, в Тверской области, в Бежецке, был еще восемь лет назад открыт памятник семье. Николай Гумилев, Анна Ахматова и Лев Гумилев застыли в камне, наконец объединившись. В день гибели поэта энтузиасты читали его стихи. К памятнику и к могиле матери поэта были принесены цветы. А вот где точно могила Николая Гумилева осталось неизвестным. Нет, не вовсе мы беспамятны, если 27 августа нашла я объявление в Интернете. Объявление разместил неизвестный мне юноша из Санкт-Петербурга Павел Елизаров, который напомнил о памятной дате и пригласил всех, кому дорого творчество поэта совершить мемориальную поездку в Ковалевский лес, что по Ладожскому направлению, если ехать с Финляндского вокзала. Там и происходил расстрел поэта.

Вершины Анны Ахматовой.

В творчестве любого значительного поэта есть свои вершины – лучшие стихотворения, книги, сборники. В творчестве великих поэтов таких вершин может быть несколько. Анна Андреевна Ахматова – великий русский поэт (слово «поэтесса» ей не подходит, да и не любила она это слово). Ее поэзия – это горные пики, пронзающие небеса.

Худ. Анненков Портрет Анны Ахматовой

Первая встреча.

Я помню книгу со стихами Ахматовой. Самую первую, которую прочитала. Изданный в 1974 году ахматовский томик был скромным по оформлению. Палевый цвет обложки, несколько завитков на ней и строгое имя: Анна Ахматова. Но каким же богатством было то, что скрывалось за столь обыкновенной обложкой! Книгу открывали стихотворения из первого ахматовского сборника «Вечер» (1912 год). Хорошо помню свои впечатления. Я читала стихотворные строки и словно пила родниковую воду. Стихи были простые, понятные, какие-то прозрачные. Они брали в плен. Кажется, самое малое ахматовское стихотворение было сжатой пружинкой. В этом сжатии - ощущалась внутренняя сила. Прочитаешь, и в душе эта пружинка разжимается, и вместо пружинки возникает… цветущая веточка. Стихи, все до одного, были о любви. Молодость эгоистична. Мне было двадцать лет, не о поэте я думала тогда, дерзко «примеряя» строки Ахматовой на себя, свои чувства, свои встречи и расставания, мечты и надежды. Эти стихи были какими-то особенными, очень близкими. Ведь и писала их молодая девушка. Когда вышел в свет первый поэтический сборник Ахматовой, ей было двадцать два. Еще одной особенностью, как мне тогда показалось, было то, что обладали строчки Ахматовой волшебным свойством: всего несколько строк, а в них зашифрован целый роман. А какие детали дивные. Вот облачко плывет по небу и напоминает беличью шкурку. Сравнение какое-то горькое. А вот героиня в волнении надевает перчатку с левой руки на правую. И в этом жесте отчаяние, это «Песнь последней встречи». А еще было дивное стихотворение «Сероглазый король» и стихотворение «Любовь»:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

В сборнике были и другие стихи, только мне тогда больше всего понравились самые первые. И еще: по стихам можно было проследить, что жизнь сердца Анны Ахматовой была богатой на чувства, было много романов, встреч и разлук…

Николай и Анна.

Второе приближение к ахматовским поэтическим вершинам случилось спустя несколько лет. Оно совпало с увлечением творчеством Николая Гумилева. Так бывает, на разных жизненных этапах.

По таинственным причинам душу волнуют разные поэты, они становятся спутниками душевных побед и невзгод. За строками «Конквистадора» (сборник стихов Гумилева «Путь конквистадора») вставала судьба поэта «Серебряного века» и его собратьев по поэтическому цеху. А рядом с Гумилевым виделся облик его юной жены. Корней Чуковский, встретившись с Анной в то время, записал: «Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта

Николая Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей». История брака с Николаем Гумилевым начиналась, когда ее еще звали Аней Горенко… Словно гибкая тростинка, девочка удивляла необычными чертами лица, печальным взором и легкой горбинкой носа, она была странная и ни на кого не похожая. Впоследствии эта странность пленит великого Модильяни, и он создаст цикл ее портретов. Благодаря своей яркой внешности, таланту, острому уму Анна Андреевна привлекала к себе внимание и других художников, писавших ее портреты (Н.Альтман, К.Петров-Водкин, Ю.Анненков, М.Сарьян…). На ее произведения композиторы создавали музыку (С.Прокофьев, А.Лурье), а поэты посвящали ей стихи (А.Вертинский и др.). Это все будет. А Коля Гумилев еще об этом ничего не знал. Он встретил в Царском Селе девочку и полюбил. Это произошло в 1905 году. И в предыдущем очерке автор касается этой темы. Помните, Гумилев, страдая от неразделенной любви, даже пытался с горя покончить с собой. Но чудом остался в живых. Кстати, Анна тоже пыталась уйти из жизни от неразделенной любви, да только Николай не имел к этому прискорбному случаю никакого отношения, ибо не он был героем ее романа. Гумилев писал стихи об Ане Горенко, а она писала стихи о других. Аня прошла через свои огорчения и разочарования, наконец-то обратила внимание на Николая Гумилева и стала его женой. Их венчание состоялась 25 апреля 1910 года. Брак продлился восемь лет. Николай Гумилев был казнен в 1921 году, будучи несправедливо обвиненным в заговоре против советской власти. Анна будет писать о нем стихи, и в день его пятидесятилетия 15 апреля 1936 года напишет знаменитое «Заклинание»:

« Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незваный,
Несуженый, —
Приди ко мне ужинать»

Все случилось, как предсказал когда-то Гумилев:

«… И ведаю, что обо мне далеком
Звенит Ахматовский сиренный стих».

«Перед этим горем гнутся горы».

Мы говорим о вершинах творчества Анны Ахматовой. До 1917 года они поднимались на пространстве акмеизма. В этом пространстве предназначением искусства было облагораживать человеческую природу и стремиться к художественному преобразованию несовершенных жизненных явлений. И жизнь Ахматовой, и ее творчество в тот период звенит струной серебряного века. Порой ее стихи растут, говоря словами самой Ахматовой, из сора бытовых мелочей, из переживаний молодого сердца, из влюбленностей и страстей. Все так тонко, изящно, причудливо, ведь в стихах проза жизни преобразуется в поэтические красоты. Но неотступное время неумолимо приближало год 1917-й. И вскоре хруст французской булки и звон серебряных струй царскосельских фонтанов будет заглушен залпами артиллерийских снарядов и криками отчаяния. Кровь

жертв обагрит площади Санкт-Петербурга. А поэт Ахматова начнет свое восхождение к той вершине, которая зовется «Реквием». Поэма начинается с пронзительных слов: «Перед этим горем гнутся горы». Между 1917-м и 1935 годом, когда поэма начинала создаваться пролегли годы взросления, страданий и потерь. Хорошо, что впервые я прочитала «Реквием» в зрелые годы. (В СССР поэма была опубликована только в 1987 году). Эта поэма требует зрелых размышлений. Вы поймете «Реквием» сердцем, если ощущаете себя частью своей Родины, частью своего народа. Понять это великое произведение может лишь тот, кто что-то испытал в жизни, пережил утраты. Важна и позиция читателя по отношению к истории своего Отечества. В «Реквиеме» Ахматова говорит, конечно, о личных переживаниях, но говорит она от лица миллионов русских людей. А это возможно, если тяготы этих миллионов ты честно разделил, вынес и выжил. А потом, имея Божий дар поэта, сказал о самых страшных страницах советской истории свое выстраданное честное слово:

«Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был».

Реквием.

Как Анна Ахматова, причудливая затейница, муза серебряного века и его нежный поэт, стала автором поэмы, в которой звучат, трагично пульсируя, страшные годы репрессий, время гонений, гибели невинных людей от произвола властей? Она в годы серебряного века и не догады-

валась, что ждет ее впереди. В поэме «Реквием» она так и написала:

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей -
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизней кончается...

Летом 1921-го Николая Гумилёва расстреляли. Ахматова тяжело переживала смерть отца своего сына и человека, который ввёл её в мир поэзии. С середины 1920-х для поэтессы наступают тяжёлые времена. Она под пристальным вниманием НКВД. Имя Гумилева накрыло темным крылом жизнь Анны и ее сына. Её не печатают. Стихи Ахматовой пишутся «в стол». Многие из них утеряны при переездах. Последний сборник вышел в 1924 году. «Провокационные», «упаднические», «антикоммунистические» стихотворения, – так заклеймили ее поэзию власть предержащие. И стоили Анне Андреевне эти оценки дорого. Новый этап творчества Ахматовой тесно связан с изматывающими душу переживаниями за родных людей. Прежде всего, за сына Лёвушку. Поздней осенью 1935-го для женщины прозвучал первый тревожный звонок: одновременно арестованы второй муж Николай Пунин и сын. (Вообще, сына Ахматовой брали под арест несколько раз). А в 1935

году Анна Андреевна сумела добиться быстрого освобождения близких, обратившись к Сталину. Их освобождают через несколько дней, но покоя в жизни поэтессы больше не стало. С этого момента она чувствует, как кольцо преследования вокруг неё сжимается. В 1938 году происходит второй арест сына, которого обвинили в участии в антисоветской террористической группе. В 1939 году - третий арест и расстрельный приговор. Но приговор заменяют ссылкой. Замысел поэмы появился в момент, когда поэтесса стояла в тюремной очереди, чтобы передать сыну посылочку или хотя бы письмо. Там некая женщина, узнав Анну Ахматову, попросила описать все происходящее. И она в 1934-1935 гг. стала писать, несмотря на страдания, унижения, а может быть и благодаря им. В поэме Анна Андреевна выразила с потрясающей силой невыносимую материнскую боль, но она не была бы великим поэтом, если б не смогла сказать честное слово об общей народной боли. О годах сталинского террора написали и Солженицын, и Шалаев, и Трифонов, и многие другие талантливые писатели и поэты. И все же именно поэма Ахматовой является подлинным учебником истории того периода. Эта поэма – вершина творчества. Для православного читателя особенная вершина. Ведь в «Реквиеме» есть десятая глава «Распятие», а в строках этой главы Библейские образы, которые так близки душе. Главе предпосланы слова:

«Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящия».

(Это слова из ирмоса девятой песни канона Космы Маюмского на Великую субботу). В строках Ахматовой запечатлен плач Богородицы и плач всех женщин, которые теряли своих сыновей, безвинно осужденных и распятых сталинской государственной машиной.

«Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»
Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел».

Час мужества Анны Ахматовой.

Великая Отечественная война застала Ахматову в Ленинграде. «Как я помню ее, — писала Ольга Берггольц об Ахматовой лета и осени 1941 года, — около чугунной ограды Фонтанного дома, бывшего Шереметьевского дворца. С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи». Осенью 1941 года Анна Ахматова была эвакуирована в Ташкент. Душой она оставалась в сражающемся Ленинграде. Стоит вслушаться в мысленный разговор поэтессы со статуей «Ночь» из Летнего сада, и мы прикоснемся к самому заветному, чем жила в те годы Ахматова. Осажденный Ленинград не покидал ее сознания ни на минуту, но отпускал от себя даже во сне. Боль, сострадание, нежность к сражающимся на фронте бойцам, великая гордость за них, материнская рыдающая скорбь о ленинградских детях,— все это буквально пульсировало и трепетало в ташкентских стихах Ахматовой. Возникает еще одна важнейшая тема. Чтобы она появилась, Ахматовой надо было проехать по России, добираясь до Ташкента. Она увидела огромные просторы Отечества и была потрясена красотой родной земли. Она размышляет

о родине, ее красоте, ее истории. Она, может быть, впервые столь отчетливо и ясно ощутила себя частичкой России. И вот рождаются строки:

«На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров,
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
И знала: это все мое —
Душа моя и тело…»

А за ними рождается стихотворение, которое стало высочайшей вершиной всего творчества поэта. Это стихотворение «Мужество». И позволю себе привести его полностью прежде, чем выражу свои чувства:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь
Не страшно остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Ощутив себя однажды неотделимой частицей целого – своего народа, - Ахматова и говорит от его имени. По-

этому произносятся слова «мы», «наших», «нас». Стихотворные строки строги и определенны. Не до поэтических красот, когда Россия стоит у черты, за которую переступить нельзя. И сейчас совершенно не страшно лишиться тех немногих земных благ, которые были у советских людей. Более того, не страшно расстаться и с бесценным даром Жизни. Вот, о чем первые шесть строк стихотворения. Об этом писали и другие замечательные поэты-фронтовики. Но следующие строки не просто повергают в изумление, но потрясают. Ахматова в этих четырех строчках поднимается до философского обоснования необходимости жертвы. Жертвы, которые приносит наш народ ради спасения своей культуры, своей идентичности. Среди строк читаем выражение «Великое русское слово». Читатель православный сразу вспомнит, что в Библии «Слово» выступает в качестве имени Иисуса Христа. Апостол Иоанн Богослов написал: «Слово стало плотью» и «Вначале было Слово». И мы понимаем, что речь идет и о культуре, и о Вере. Стихотворение звучит как молитва. Кажется, что удивительным образом за строками Ахматовой слышится: «Ныне, и присно, и вовеки веков» (так заканчиваются многие наши молитвы). И слово «ныне» звучит, и завершается стихотворение многозначительным: «Навеки». Это очень правильно, что стихотворение «Мужество» изучается в восьмом классе российской школы. Сбылась клятва, которую русский народ устами Ахматовой произнес в 1942 году: «И внукам дадим». К этим великим стихам надо возвращаться и в более зрелые годы. И тогда наше Слово, как и наша Вера, не попадут в плен невежества и забвения. А стихотворение было опубликовано в газете «Правда» 8 мая 1942 года. Такие строки, рожденные возмущенным, горячим сердцем патриота, можно было высекать на сте-

нах бастионов, на броне боевого танка. Их и действительно отпечатывали как плакат и расклеивали по улицам Ленинграда. И эти стихи - вершина творчества поэта, едва ли не самая великая.

Три вершины.

Автор выразил свои чувства к поэту великому, творчество которого многопланово. Три вершины: стихотворения о любви, «Реквием» и «Мужество», - мне представляются главными. Думаю, что у каждого человека, любящего творчество Ахматовой, свое представление о ее вершинах. Ведь оставаясь собой, Ахматова во многом изменила эпоху: для целых поколений она была и остается олицетворением всего лучшего в культуре дореволюционной России, своим творчеством и самим своим обликом она пробуждала интерес и любовь к прошлому родной страны. Ахматова прошла значительный творческий и духовный путь. Именно об этом написал ей в письме видный литератор русского зарубежья Борис Зайцев: «Вот и выросла «веселая грешница», насмешница царскосельская – из юной элегантной дамы в первую поэтессу Родной Земли, голосом сильным и зрелым, скорбно-звенящим стала как бы глашатаем беззащитных и страждущих, грозным обличителем зла, свирепости». Сама же Ахматова сказала однажды просто и строго: «Я была тогда с моим народом»

Поэты Советской эпохи

Плакат «Привет съезду советских писателей»
(автор Л. Баскин, 1934 г)

Васильковое слово поэта.

« Пускай дорог немного мной исхожено,
Я узнавал о радостях из книг.
Так много сердца
В Ваши строки вложено,
Что станешь здесь поэтом хоть на миг.
Припомнил путь,
Когда-то Вами пройденный,
Читал на память сотни Ваших строк…
Спасибо Вам, что Вы любили Родину,
Как полюбить никто из нас не мог».

(Стихи рабочего Вадима Каменецкого, посетителя домика Сергея Есенина в Константинове, записаны в Книге отзывов в 1959 году).

В те дни исполнялось сто двадцать лет со дня рождения великого русского поэта Сергея Александровича Есенина. Откликаясь на юбилей, автор оказалась в непростой ситуации. Не хотелось писать некий формальный юбилейный материал, приводить всем известные факты, предположения и мифы, которым окутан образ поэта. Творчество великого нашего певца столь многообразно, что никакой статьи не хватит, чтобы только перечислить его поэтические грани. Есть, конечно, темы, которые вызывают у читателей неизменный интерес.

Это музы Есенина и их трагические судьбы. За светлым обликом поэта угадываются силуэты скромной Анны Изрядновой и ее сына – первенца Есенина Юрия, изящной Зинаиды Райх, пылкой Айседоры Дункан, страстной Галины Бениславской, других женщин, прекрасных и любящих. Каждый из этих силуэтов отбрасывает скорбную тень: арест и гибель первого сына, жестокое убийство матери его двух других детей, нелепая смерть Айседоры и самоубийство Бениславской. Сколько трагедий, сколько несбывшихся надежд. Наконец, трагичный уход самого Есенина, безвременный и загадочный. Этим темам посвящены десятки книг беллетристики, мемуарной литературы, научных исследований. Есть еще одна светлая грань в творчестве поэта – это православные мотивы, которыми пропитано творчество поэта. У каждого русского человека в душе живет свой Есенин. Мне хочется поделиться тем, как Есенин вошел в мою судьбу. А еще, будучи землячкой великого поэта, я хочу рассказать о том, как любят Есенина на Рязанщине. Другими словами, мы прикоснемся к теме Родины в творчестве поэта. И пусть это будет скромным приношением к юбилею певца рязанской земли, который столь нежно и пронзительно однажды признался ей в любви:

«Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать».

Белая береза.

Помню себя пятилетней. Готовимся с мамой к новогоднему утреннику. Учим стихотворение: «Белая береза под мо-

им окном…». Подхожу к окну, дышу на заледенелое стеклышко. Смотрю в оттаявший глазок, увы, березы «обсыпанной новым серебром» не видать. Как, впрочем, и других деревьев. Домик стоит в военном гарнизоне, в бескрайней оренбургской степи. В него мы переехали не так давно, до этого жили в землянке. Домики для офицерских семей и казармы совсем недавно к холодам построили солдаты, кругом как в песне: «степь да степь кругом». Я немного огорчаюсь, а мама говорит: «Весной посадим здесь деревца. У тебя будет своя березка, будешь ее поливать. Она вырастет большая». Продолжаем учить стихотворение:

«И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром».

И представляется мне, что под нашими окошками вырастет красавица-березка, летом будет шуметь зелеными веточками, а зимой принакроется она снегом, точно серебром. Весной около нашего дома посадили мы березку и три тополя. Только полюбоваться на них не пришлось, родителей перевели к другому месту службы.

Рязанские раздолья.

В Рязань на постоянное место жительства мы приехали в 1961 году. Первое рязанское воспоминание – поездка в Солотчу, недальний уголок в Рязанской области. Вокруг поселка стеной стоит вековой бор, по берегам светлой речки Старицы растут березки. Запомнились заливные луга, которые в те летние июньские дни были полны разно-

цветьем. В траве можно было играть в прятки, можно было бежать по лугу босиком или лечь на спину и смотреть в бездонное синее небо. По небу плыли облака, и можно было придумывать про них сказочные истории. Но это днем, а утром и вечером трава становилась влажной от росы. Утром капельки росы были золотистыми, вечером, от цвета вечерней зори, - розовыми. Один берег у Старицы высокий, с него хорошо видны заречные дали. Взрослые показывают дальнее село, Пощупово, с высокой колокольней, это монастырь Иоанна Богослова, а в стороне от него Константиново, родина Есенина. Осенью в один из выходных едем в Константиново и приходим к домику в три окна. Он ничем не отличается от остальных деревенских изб. На берегу Оки светлеет березовая роща, которая кажется золотой. Кто-то из взрослых произносит:

«Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая
Уж не жалеют больше ни о ком…»

Сестра поэта.

В 1964 году в Константинове открылся музей, посвященный Сергею Есенину. Нас, шестиклассников, привезли на экскурсию. Сейчас понимаю: нам тогда очень повезло, потому что экскурсию проводила родная сестра поэта Александра Александровна. Запомнилась худенькая, скромно одетая женщина, голос глуховатый. Но ее хотелось слушать. Она показала нам все уголки есенинской избы, рассказала, что в сарайчике, притулившимся у дома, Сережа (она так и называла поэта – «Сережа») - спал, когда возвращался домой поздно. Хорошо помню один эпизод из ее

рассказа. Александра Александровна была моложе брата на 16 лет. Он, приезжая из города, любил с ней играть. Уходил с малышкой в луга, там они рвали цветы, он украшал Шуренка (так он ее называл) веночком из васильков. И в одном из стихотворений он сказал, обращаясь к младшей сестре: «Ты - мое васильковое слово». Наша учительница, Нина Дмитриевна, сказала нам: «Ребята, Сергей Александрович очень любил свою сестренку. Он посвятил ей много стихов». И Нина Дмитриевна прочитала:

«Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою…
Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?...
Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.
Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.
Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок».

Александра Александровна смущенно улыбнулась и стала

рассказывать: «Вы знаете, какова история написания этого стихотворения? Однажды Сережа пригласил меня в Москву. И позвал как-то в ресторан. В ресторане я была впервые, смущалась сильно. Одета-то была бедненько, по-деревенски. А Сережа меня подбодрил: «Не робей, Шуренок. Ты ведь у нас красавица. У кого еще есть такой нарядный рязанский платок!» Я немного успокоилась. А тут, замечаю, люди в ресторане на меня смотрят, оборачиваются. Я застеснялась до слез. А Сережа и говорит: «Видишь, я говорил тебе – ты у нас красавица, я красивых таких и не видел!». Я только потом поняла, что внимание люди обращали вовсе не на меня, а на Сергея, ведь тогда уже был известным поэтом».

О багряных кустах лебеды.

После экскурсии мы ждали автобуса и нас отпустили побегать по зеленой деревенской улочке. Я задержалась, так как разговор взрослых мне показался интересным. Они говорили о том, как Есенин писал стихи, о его чудесном таланте. Александра Александровна тогда сказала: «Некоторые считают, что Господь одарил его гениальностью, и ему было легко, знай, записывай стихи. А ведь он был большой труженик. Мне его друзья рассказывали, как однажды он всю ночь не спал, ходил из угла в угол, нервничал. А все потому, что написал стихотворение:

«Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.
С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла…»

Ему казалось, что первая строчка не совсем удачна, не вмещает все слова . И вот из-за нескольких слов он не смог заснуть, все думал, искал, трудился».

Есенин и «есенинщина».
В стихотворении «Мой путь» Есенин писал:

«Тогда в мозгу, Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья в тайной тишине,
Что буду я известным и богатым
И будет памятник стоять в Рязани мне».

Памятник Есенину в Рязани был открыт, его именем на-

звана городская филармония, центральная улица города, педагогический институт, в котором я когда-то училась,

приобрел статус университета имени Есенина. В Константинове теперь создан музей-заповедник, целый комплекс, посвященный памяти поэта и его творчеству. Если есть среди моих читателей рязанцы, то они подтвердят: есенинскими напевами наполнены города и веси края. В 60-е годы еще была жива память о так называемой «есенинщине». Молодым читателям поясню, что творчество Есенина нравилось Троцкому (наркому и председателю Реввоенсовета). После трагической гибели поэта Троцкий откликнулся пронзительной статьей. Вот лишь ее фрагмент: «Мы потеряли Есенина - такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, - может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки! Он ушел из жизни без крикливой обиды, без ноты протеста, - не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом месте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом».

Статья была написана в 1925 году. И предваряла посмертное полное собрание сочинений Есенина, вышедшего в свет вскоре. А в 1927 году Троцкий был снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 году он был выслан за пределы СССР, а в 1932 году лишён советского гражданства. После отстранения Троцкого в советской России его имя было опасно где-либо употреблять. Естественно, тень определенной близости к Троцкому легла и на творчество Есенина. Другой руководитель Советского государства, Бухарин, ввел в оборот термин «есенинщина». Он был подхвачен холуями от литературы. И не только. Есенина за упаднические настроения критиковал и осуждал (посмертно!) глашатай советского строя Владимир Маяковский

(как говорится, не судите и не судимы будете). Стихи Есенина перестали издавать, осуждались и люди, которые читали Есенина. Но рязанцы и тогда преданно хранили память о своем певце.

Хранимый памятью народа.

Стихи Есенина уже пошли в народ. И ни одно застолье в наших краях не обходилось, чтобы кто-то тихонько не запел строки «Письма к матери». Интересна история этого одного из самых любимых в России и за ее приделами стихотворений великого поэта:

«Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет…»

После его опубликования в 1924 году, молодой композитор, земляк Есенина Василий Липатов, был настолько потрясен поэтическими строками «Письма», что за один день написал музыку к стихам и родился прекрасный романс. Липатов и Есенин познакомились. Видимо, поэту пришлась музыка Липатова по душе, раз он включил романс в свои выступления перед моряками Кронштадта. Военный оркестр Балтийского флота исполнял мелодию, а Есенин читал свои стихи. Во время чтения «Письма к матери» многие моряки плакали, Есенин и сам растрогался, расплакался и не смог дочитать стихи до конца. Молодые читатели будут несказанно удивлены, когда узнают, что это стихотворение тоже было среди запрещенных в 30-х годах. Но не зря сказал Александр Островский, что «песня – душа народа». А душу народа погубить не удавалось, хотя были

предприняты мощные попытки. Магия есенинского слова властно трогала струны народной души. Великий русский писатель Астафьев в рассказе «Есенина поют» выразил чувства народные емко и точно: «Над окошком месяц. Под окошком ветер. Облетевший тополь серебрист и светел...» — доносится из приемника. И от пальцев ног, рук, от корешков волос, из каждой клеточки тела поднимается к сердцу капелька крови, колет его, наполняет слезами и горьким восторгом, хочется куда-то побежать, обнять кого-нибудь живого, покаяться перед всем миром или забиться в угол и выреветь всю горечь… Голосистые женщины с тихим вздохом ведут и ведут про месяц за окошком, про тальянку, что плачет за околицей, и песнопевиц этих тоже жалко, хочется утешить их, пожалеть, обнадежить. Какая очищающая скорбь! «Дальний плач тальянки, голос одинокий...» Отчего же это и почему так мало пели и поют у нас Есенина? Самого певучего поэта! Неужто и мертвого все его отторгают локтями? Неужто и в самом деле его страшно пускать к народу? Возьмут русские люди и порвут на себе рубаху, а вместе с нею и сердце разорвут, чтоб отмучиться той мукой, которой не перенес, не пережил поэт, страдающий разом всеми страданиями своего народа. Он мучается за всех людей, за всякую живую тварь недоступной нам всевышней мукой, которую мы часто слышим в себе и потому льнем, тянемся к слову рязанского парня, чтоб еще и еще раз отозвалась, разбередила нашу душу его боль, его всесветная тоска».

Рязанцы никак не могли смириться с гонениями на Есенина и его поэзию. Прежде всего, многие земляки поэта его знали лично, общались с ним. Показательны в связи с этим воспоминания моей крестной Матрены Алексеевны, крестьянки села Солотча Рязанской области. Крестная про-

жила всю жизнь на Рязанщине. Замуж вышла рано, муж не крестьянствовал, был отличным плотником и работал по найму в окрестных селах. В 20-30 годах прошлого века Солотча стала излюбленным местом отдыха для представителей столичной творческой интеллигенции. Сюда каждый год приезжали Гайдар и Паустовский, Симонов и Шостакович. Солотча в те годы была небольшим селом, все на виду. Крестная вспоминала: «Паустовский мне тогда казался пожилым, я на него особенно и не смотрела. Шостакович всегда задумчивый ходил, говорили, что музыку придумывал. Разговаривал по-городскому. А Гайдар был веселым и видным. Любил пошутить. Наши девчата нарочно мимо его дома за водой по несколько раз бегали, чтобы как бы ненароком встретиться с ним. Но самым красивым был Сережа Есенин. Мы тогда с Семеном только поженились. И на праздник он меня взял с собой в Константиново. Там на берегу Оки гуляла молодежь, вечером песни пели, Есенин тогда из города приехал. В простой рубашке, светлые кудри, красавец. Девчат угощал конфетами, песни с нами пел под тальянку, это такая гармошка, сейчас уж на таких и не играют».

- Крестная, расскажи еще, какой он был? - спрашиваю, а она отвечает:

- Он был наш, простой, деревенский. Говорил понятно, а стихи, какие сочинял! Вот народ и поет его стихи, и всегда будет петь».

Удивительно, как слова простой крестьянки перекликаются со словами великого писателя. В том рассказе («Есенина поют») есть еще такие строки: « Я часто чувствую его таким себе близким и родным, что и разговариваю с ним во сне, называю братом… А душа его светлая витает над Россией и тревожит, тревожит нас вечной грустью».

Жемчужина рязанского хора.

Светлая душа поэта, его стихи витали над Рязанскими раздольями. И народ пел его строки. Ибо были они положены на музыку, да так, что многие считают эту музыку народной. Все рязанцы гордятся своим народным хором. Сейчас это известный академический коллектив, в котором более сотни исполнителей, высочайших профессионалов. Любой концерт Рязанского государственного академического хора начинается с песни, которую (особенно, если концерт проходит в Рязани), сразу же подхватывают зрители. А все начиналось 65 лет назад. А в начале 1950 года хор состоял из 14 человек и базировался в селе Журавинка Ряжского района Рязанской области. Хор в то время переживал тяжелый период: не было помещений для репетиции, не было жилья, не хватало основ музыкальной грамоты. И вот приехал в Журавинку молодой земляк хористов, композитор Евгений Попов, который только что окончил Саратовскую консерваторию. Благодаря организаторскому умению Е. Попова через неделю хор получил общежитие в Рязани, сцену одного из заводских клубов для занятий. В короткое время коллектив был укомплектован. Стали заниматься нотной грамотой, историей музыки. Одна за другой следуют организованные Поповым фольклорные экспедиции. Евгений Григорьевич собрал около трехсот песен Рязанского края. Более ста песен были обработаны композитором и стали исполняться Рязанским хором, вызывая восхищение слушателей. В репертуаре хора особое место заняли песни на стихи Сергея Есенина, музыку к которым написал Е. Попов. Вот, что он говорил: «Сергей Есенин для нас не только великий русский поэт, но и дорогой, близкий земляк. Неповторимо воспета им наша рязанская природа. В стихах его масса наших

рязанский слов, оборотов, выражений, а самое главное – в поэзии Есенина живет душа народа, любовью к родному краю пронизана каждая строчка его стихов». Первая песня Е. Попова на стихи С. Есенина «Береза» появилась в 1956 году. Композитор вспоминал: «Это одно из ранних произведений поэта, созданное им в 15-летнем возрасте. В нем рисуется русская природа, я бы сказал даже рязанская природа: зимний пейзаж в очень светлых, мягких тонах… И музыку я стремился написать тоже светлую, лирическую, так, чтобы и береза-то была наша, рязанская не только по стихам, но и по музыке». Жемчужиной репертуара Рязанского хора, визитной карточкой не только хора, но и всего Рязанского края, стала песня Е. Попова на стихи С. Есенина «Над окошком месяц». «Одно из поэтичнейших чудес С. Есенина! – говорил композитор,- это уже зрелая поэзия человека, много повидавшего, побывавшего далеко от Родины, но сохранившего в душе живую и трепетную любовь к родному краю. Создавая песню на эти стихи, я стремился бережно сохранить всё их очарование, богатый поэтический подтекст». Именно эта чудесная песня стала источником вдохновения для писателя Астафьева, когда он писал свой пронзительный рассказ «Есенина поют», именно эту песню всегда подхватывает аудитория на концертах хора.

…Он родился 120 лет назад. Неужели было время, когда его стихи еще не родились? Моя маленькая внучка в далекой Англии готовится к русскому утреннику. Она ставит скамеечку, забирается на нее и звонким голоском объявляет: «Сергей Есенин. Береза». А в Рязани в этот день лягут к памятнику поэта поздние цветы рязанских полей, будут исполняться стихи и Рязанский хор тихо запоет: «Не жалею, не зову не плачу, все пройдет как с белых яблонь

дым…» Все пройдет, и только высокое чувство любви к Родине, которое так искренне воспел Сергей Есенин, будет жить в сердцах его земляков, во всех русских сердцах, пока будет жива Россия.

Иллюстрации:

- Сергей Есенин, фото стр. 185

- Памятник С. Есенину в Рязани стр. 191

«Любить иных – тяжелый крест».

Борис, Женя и Женечка.

Семейное фото двадцатых годов прошлого века. Молодые родители и их маленький сын. Это Борис Пастернак, его супруга Евгения и их сын Женечка. Впоследствии он напишет о своих родителях: «Обостренная впечатлительность была равно свойственна им обоим, и это мешало спокойно переносить неизбежные тяготы семейного быта». Тяготы семейного быта – это еще мягко сказано. Небольшая комнатка - только это и осталось от большой квартиры на Волхонке, в которой совсем недавно проживала семья известного художника Леонида Пастернака. Семья будущего писателя принадлежала к интеллектуальным художественным слоям московского общества. Мать была замечательной пианисткой, ученицей Антона Рубинштейна. Отец дружил со Львом Толстым, иллюстрировал его произведения. В доме часто устраивали домашние концерты, на них выступал композитор Скрябин. Юный Пастернак, учась в гимназии, прошел шестилетний курс композиторского факультета консерватории. Затем было сильное увлечение философией и учеба в Московском университет, а затем в немецком центре философской мысли в городе Марбурге. Первая любовь, которая нахлынула внезапно, и, как обычно водится, оказалась несчастливой, стала тем могучим импуль-

сом, благодаря которому Пастернак понял, что его истинным призванием является поэзия. В 1922 году Пастернак женится на художнице Евгении Лурье.

Утонченная красавица, похожая на прототип женских образов Боттичелли, Евгения была самостоятельным и целеустремленным человеком. Супруги часто разлучались. Евгения болела и подолгу лечилась в санаториях. Они скучали друг по другу. Письма Пастернака к жене переполнены болью и нежностью: «Ты меня всего пропитала собою, ты вместо крови пылаешь и кружишься во мне». Кстати, своего первенца Пастернак назвал именем любимой жены — вопреки еврейской традиции не давать младенцам имена живых родственников. В год женитьбы поэта вышла книга его стихотворений «Сестра моя — жизнь». Стихи поразили знатоков поэзии неповторимой тональностью и исключительным своеобразием:

«Ты в ветре веткой пробующем,
Не время ль птицам петь
Намокнутым воробушком
Сиреневая ветвь…»

А вот Евгения, супруга поэта, к стихам мужа относилась равнодушно. Она не понимала их, она больше была сконцентрирована на своем творчестве. Может быть, поэтому совместная жизнь супругов все больше наполнялась непониманием и раздорами. Может быть, полное неумение и нежелание супруги вести домашнее хозяйство, как-то обустроить быт, сыграла роль в охлаждении. В разговорах постоянно мелькала тема расставания. Евгения Владимировна мечтала о «лучшей доле». Была и ревность. Например, к письмам Марины Цветаевой.

«Бездна чистоты и силы». Марина Цветаева.

Еще в 1922 году Пастернак прочел сборник стихотворений малознакомой ему Марины Цветаевой. Тогда Цветаева жила в Чехии, куда выехала, чтобы соединиться с супругом, белым офицером. Спустя тридцать пять лет Пастернак рассказывал об этом в своей автобиографии: «В неё надо было вчитаться. Когда я это сделал, я ахнул от открывшейся мне бездны чистоты и силы. Ничего подобного нигде кругом не существовало… Меня сразу покорило лирическое могущество цветаевской формы, кровно пережитой, какая-то близость скрывалась за этими особенностями, сходная роль семьи и музыки, однородность отправных точек, целей и предпочтений. Я написал Цветаевой в Прагу письмо, полное восторгов и удивления. Она ответила мне. Между нами завязалась переписка. Мы подружились». Завязался эпистолярный роман. В 1926 году Пастернак написал Цветаевой: «Успокойся, моя безмерно любимая, я тебя люблю совершенно безумно... Сегодня ты в таком испуге, что обидела меня. О, брось, ты ничем, ничем меня не обижала. Ты не обидела бы, а уничтожила меня только в одном случае. Если бы когда-нибудь ты перестала быть мне тем высоким захватывающим другом, какой мне дан в тебе судьбой». Эти строки говорят о большой творческой и духовной близости между двумя большими поэтами. Роман так и остался эпистолярным. Но он стал причиной рождения великих цветаевских стихов. Исследовательница творчества Цветаевой Виктория Швейцер пишет: «Стихотворный «пожар», вызванный дружбой с Пастернаком, продолжался много лет. Стихи, посвященные Пастернаку, навеянные его личностью, поэзией, перепиской с ним, представляют собой огромный монолог, в котором изредка угадываются реплики адресата. Около сорока стихотворе-

ний, великих и искренних, написано в форме посланий Пастернаку. Стихотворный поток предназначался из души в душу, не боясь чужого глаза, границ, непонимания. Адресат – всего лишь повод, чтобы стихи явились: Пастернак был лучшим из таких поводов, с ним она могла говорить, как с самой собой. Она воспринимала его как своего двойника и была уверена, что он читает все именно так, как она пишет. В Пастернаке главным был – Поэт». Цветаева писала:

«Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные...
Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!»

«Второе рождение». Зинаида Нейгауз.

Между тем, любовная лодка семейной жизни Пастернака, говоря словами Маяковского, вот-вот должна была разбиться о быт. И судьба послала поэту новую музу. Первая встреча Зинаиды Нейгауз с Пастернаком произошла в 1927 году. Ей было уже 30 лет, её новому поклоннику – на 7 лет больше. Её брак, в отличие от брака поэта, казался весьма благополучным – Зинаида была замужем за великим пианистом и основателем знаменитой музыкальной школы Генрихом Нейгаузом. Она искренне любила супруга, признавала его гениальность, а своё предназначение видела в том, чтобы создавать все условия для реализации его таланта. И потому в своей семье она полностью взяла на себя все хо-

зяйственные и бытовые заботы, без тени сожаления отказавшись от реализации собственного музыкального дарования. К тому же в их семье росло двое мальчиков. Однажды Пастернак прочел Зинаиде Нейгауз несколько своих стихов, однако она честно призналась, что ничего в них не поняла. Тогда поэт пообещал, что специально для нее будет писать более простым и доступным языком. Тогда же родились первые строчки стихотворения «Любить иных – тяжелый крест», которые были адресованы законной супруге. Развивая эту тему и обращаясь к Зинаиде Нейгауз, Пастернак отмечал: «А ты прекрасна без извилин». Поэт намекал на то, что предмет его увлечений не отличался высоким интеллектом. Но она обладала великим талантом матери и хозяйки. Зинаида умела создать теплое уютное семейное гнездо, где все сияло чистотой, вкусно пахло пирогами. В этом доме звучала музыка, и было всем хорошо. Поэт написал:

«Любить иных — тяжелый крест
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.
Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен».

В этой женщине поэта восхищала ее простота и безыскусность. Поэтому в своем стихотворении он отметил, что «прелести твоей секрет разгадке жизни равносилен». Этой фразой автор хотел подчеркнуть, что женщину красит отнюдь не ум или же природная привлекательность. Ее сила

– в умении жить по законам природы и в гармонии с окружающим миром. А для этого, по мнению Пастернака, совсем необязательно быть эрудированной особой, которая способна поддержать разговор на философские или же литературные темы. Достаточно лишь быть искренней, уметь любить и жертвовать собой ради близкого человека. Обращаясь к Зинаиде Нейгауз, поэт пишет: «Твой смысл, как воздух, бескорыстен». Эта простая фраза полна восхищения и преклонения перед женщиной, которая не умеет притворяться, кокетничать и вести светские беседы, зато чиста помыслами и поступками. Казалось бы, какая может быть поэзия в растрёпанной женщине, беспрерывно стирающей, готовящей, моющей пол с подоткнутым подолом платья? Но Пастернак почему-то всё больше упивался этой картиной и каждый день находил всё новые и новые предлоги, чтобы посетить дачу Нейгаузов. При этом в разговорах всё чаще стал называть рисование жены «пустой тратой времени», а домашнюю работу Зинаиды – «талантливым хозяйствованием». Когда поэт провёл у Зинаиды первую ночь, она на следующее же утро написала письмо мужу, который был на гастролях. Потом Зинаиде Николаевне рассказали, что письмо передали Нейгаузу прямо перед концертом. И во время выступления пианист вдруг закрыл крышку рояля и заплакал.

Высокие отношения.

Иные биографы пишут о Пастернаке: «Он увел жену у лучшего друга, бросив свою жену без средств с маленьким ребенком на руках». Это так и было, и было совсем не так. Своей первой жене, Евгении, и сыну Пастернак помогал до конца жизни, но они были лишены отца и мужа, и это правда. Он им помогал, как помогал и многим другим лю-

дям. Например, дочери Цветаевой Ариадне. Он буквально спас ее от голодной смерти на поселении, куда Ариадна попала после лагеря. История со вторым браком сложная, возможно, она не укладывается в русло наших представлений о порядочности. Генрих Нейгауз был близким другом Пастернака. Он один из немногих понимал его творчество, гордился дружбой с большим поэтом. Пастернак понимал пианиста, каждая исполненная Нейгаузом нота находила в сердце Пастернака чуткий отклик. Нейгауз и Пастернак могли часами говорить о музыке и поэзии. И вот такая трагичная коллизия: Пастернак полюбил жену друга. Все трое страдали и не хотели лгать друг другу. Когда Нейгауз вернулся из гастролей в Москву, состоялось его объяснение с женой. Зинаида Николаевна пообещала, что останется с мужем. Но Пастернак отступать не собирался. «Он писал большие письма по пять-шесть страниц и всё больше и больше покорял меня силой своей любви и глубиной интеллекта», – вспоминала Зинаида Николаевна. Официально они поженились только через 2 года – 21 августа 1933-го, когда Пастернак оформил развод с Евгенией. В скором времени они получили две комнаты в коммунальной квартире – кошмарные, с выбитыми стёклами, без электричества. Однако хозяйственная Зинаида даже в этих руинах сумела создать уют, чем немало удивляла и восхищала Бориса Леонидовича.

Писатель опять был счастлив. Не зря говорят, что мужчина часто ищет женщину, так или иначе похожую на его мать. Зинаида напоминала Пастернаку его мать Розалию. Как по волшебству, в новогоднюю ночь с 1937 на 1938 год у Пастернака и Зинаиды родился сын Леонид. Счастье представлялось безмерным, любовь – огромной, Зинаида была земной музой поэта, его ангелом-хранителем. Удивляет и

то, что с Нейгаузом супруги сохранили самые добрые отношения.

О самопожертвовании (Ольга Ивинская).

Постепенно налаживался быт, появилась дача в Переделкино, потом – отдельная нормальная квартира. Зинаида всё так же ограждала мужа от всего «прозаического», старалась создавать идеальные условия для его творчества. Однако после десяти лет совместного счастья Пастернак стал отдаляться от любимой. Он мог один месяцами жить на даче, приезжая в Москву лишь пару раз в месяц. Перестал сопровождать семью на отдыхе. Куда-то стало пропадать восхищение Зинаидой. Скорее всего, поэт просто заскучал. Его можно понять: Зинаида оставалась очень ровной, хозяйственной, но при этом всегда одинаковой – годами одна и та же причёска, одни и те же фасоны платьев.

Золотокосая красавица.

С момента знакомства Пастернака и Зинаиды прошло 17 лет, когда в жизнь Бориса вошла Ольга Ивинская. Они встретились в послевоенной Москве в 1946 году. Она работала редактором в журнале «Новый мир». Однажды поэт пришёл в редакцию, и они неожиданно для самих себя разговорились. Своё первое впечатление об Ольге Пастернак записал так: «Она – олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней не заметно, что она столько в жизни перенесла» (намёк на то, что в 34

года женщина была уже дважды вдовой и воспитывала двоих маленьких детей). Золотокосая красавица, дитя смешения польской, украинской, немецкой и русской кровей, Ивинская к моменту их встречи была уже свободна. Если можно так сказать о женщине с двумя маленькими детьми на руках. «Ты прямо ножками прошла по моей судьбе», - скажет ей 56-летний Пастернак. А Ольге - 34. Она романтична, пробует писать сама, влюблена в прославленного поэта: «Это был такой требовательный, такой оценивающий, такой мужской взгляд, что ошибиться было невозможно: пришел человек, единственно необходимый мне». С появлением Ольги в жизни Пастернака и началась работа над самой знаменитой книгой «Доктор Живаго». Когда писатель впервые остался ночевать у Ольги (оба они запомнили эту дату – 4 апреля 1947 года), Зинаида всё поняла, но ничего не сказала. Позже она молчаливо приняла его решение: «Отныне, – заявил Борис, – я буду жить там, где мне нравится, захочу – дома, захочу – у Ольги». Конечно, жене было и больно, и неприятно. Но Зинаида ни в чём не упрекала супруга – он был главным божеством её жизни. Виновницей же всего она считала только Ольгу. И однажды даже поехала к Ивинской домой и прямо заявила, чтобы та оставила её мужа в покое. Но Пастернак уже не мог без Ольги. Они несколько раз пытались расставаться, но всё было тщетно – проходило несколько дней, и Пастернак, обвиняя себя в слабости, вновь шёл к любимой. Через три года, осенью 1949-го, Ольгу арестовали за связь с Пастернаком, «английским шпионом». От неё требовали признания, что в творчестве её любовника прослеживалась политическая неблагонадёжность и клевета на советскую действительность. Несколько месяцев Ольга провела в холодной сырой камере. Она ежедневно подвергалась

пыткам. То обстоятельство, что женщина была беременна, не смягчало обращения с ней, и в результате одного такого допроса она потеряла ребёнка. Но показаний против Пастернака Ольга не сделала. Следствие закончилось. Ивинскую отправили в лагерь. Пастернак ходил по инстанциям, просил, умолял, требовал выпустить Ольгу. Но разве он был в силах противостоять системе? Единственное, чем он мог помочь любимой женщине, – это все пять лет пребывания в лагере заботиться о её детях. Когда в пятьдесят третьем Ольга вернулась, их любовь вспыхнула с новой силой. Их встречи продолжались. Ольга помогала Пастернаку закончить роман. Она поддерживала его. И когда в 1955 году ни одно советское издательство не бралось публиковать «Доктора Живаго», и когда роман вышел в свет за границей, и когда Борису Леонидовичу присудили Нобелевскую премию, и когда опять началась травля с обвинениями в измене Родине, в предательстве. Последний раз они виделись в начале мая 1960 года. Через несколько дней с Борисом случился инфаркт. Затем выяснилось, что у Пастернака ещё и рак лёгких. Ольга не смогла быть с ним рядом – за супругом ухаживала жена Зинаида. Именно она со своим чувством долга, ответственности и самопожертвования делала для Бориса всё возможное. 30 мая 1960 года его не стало.

Трагичные судьбы.

Первая жена, Евгения Лурье, после развода несколько раз оказывалась в психиатрических клиниках, а к концу жизни становилась всё печальнее и молчаливее. Известна горестная судьба Марины Цветаевой, которая покончила жизнь самоубийством. Зинаида Пастернак после смерти мужа осталась без средств к существованию. Его произведения не

издавали, пенсию за мужа, несмотря на все хлопоты весьма именитых друзей, получить так и не удалось. За год до смерти, уже будучи тяжело больной, она написала «Воспоминания» о своей жизни с Борисом Пастернаком – такие же простые и наивные, какой была сама Зинаида и какой полюбил её Пастернак.

Ольгу Ивинскую после смерти писателя опять арестовали. На этот раз женщину обвинили в контрабанде – Ольга получила гонорар, пришедший из-за рубежа за публикацию романа «Доктор Живаго». Из лагерей она вернулась через четыре года и прожила долгую жизнь.

Близость к Мастеру не принесла его музам счастья. Может быть дело в том, что это удел муз великих людей? Они сгорают в огне их вдохновения и творчества. Но этот огонь не греет, а опаляет тех, кто близко проходит по судьбе. Но сколько же тепла и света приносят эти великие таланты нам, их читателям, слушателям, поклонникам.

«Свеча горела…» - Лара.

В те годы бытовала такая горькая шутка о единственно дозволенном властью художественном методе творчества - социалистическом реализме: «Соцреализм – это умение писать (ваять, снимать, рисовать и т.д.) понятно для власти». Далее автор, прожившая в СССР половину жизни, высказывает свое субъективное мнение, может быть, не все читатели его разделят. Мне кажется, что произведения, написанные в соответствии с этим методом: картины Пластова, музыка Кабалевского, фильмы Герасимова, стихи Исаковского, - были понятны не только власть предержащим, но и простым советским людям. И были среди них истинно талантливые и правдивые произведения. Были, конечно, и другие. Творчество Пастернака требует подго-

товки. Его лирическая поэзия сложна, порой вычурна. Конечно, есть гениальные прорывы. Для меня самым любимым является «Зимняя ночь». Уверена, что многие наши читатели, прочтя первые строки, смогут произнести и остальные:

«Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела».

Эти строки помещены Пастернаком в его роман «Доктор Живаго». Рамки этого очерка не дают мне возможности рассказать о судьбе этого романа. В своем романе «Доктор Живаго» Пастернак показал трагедию целого поколения людей, надломленных революцией и исчезнувших бесследно. Роман густо населен, он реалистический и поэтический одновременно. Не будет преувеличением сказать, что роман – полотно, написанное кровью пережитого. Главная героиня романа - Лара. Для основного персонажа романа, Юрия Живаго, Лара – воплощение женственности, воплощение его идеала, символ России. Эта женщина хороша, по мнению Юрия Живаго, «той бесподобно чистой и стремительной линией, какою вся она одним махом была обведена кругом снизу доверху Творцом». Для главного героя романа Лара - «представительница самой жизни, самого существования». Мы видим, чтобы сам Пастернак, творец романа, создал этот удивительный женский образ – он должен был встретить своих муз, переболеть ими, страдать самому и заставлять их страдать из-за него. Что тут сказать: любить иных - тяжелый крест.

Иллюстрации:

- Борис Пастернак с женой Евгенией и сыном Женей. стр. 199

- Зинаида Нейгауз стр. 202

- Б. Пастернак и Ольга Ивинская стр. 206

Светлый мир Самуила Маршака.

«Я думал, чувствовал, я жил.
И все, что мог, постиг.
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг».
Самуил Маршак.

Первые встречи с поэтом.

У поколений людей, живших в пространстве СССР и живущих ныне на земле постсоветской, это имя вызывает чувства нежные и теплые. И стоит произнести имя Маршака – увидишь на лицах улыбку. Ведь детство наше неотделимо от имени Маршака, от его добрых книжек. В светлом мире Маршака проходили самые счастливые годы – годы детства. Это легко проверить в любой аудитории. Стоит только произнести: «Жил человек рассеянный», и сразу собеседники подхватят: «С улицы Бассейной». Скоро исполнится сто лет, как все русскоязычные малыши с упоением произносят : «Эй, не стойте слишком близко, я тигренок, а не киска». А чудные строки: «Мой веселый звонкий мяч»? Человек, подаривший детворе столько прекрасных, добрых и мудрых стихов, - достоин не только своего бессмертного мига, но неиссякаемой благодарной памяти потомков. И пусть этот очерк станет благодарным приношением любимому поэту, рассказом о мало известных страницах биографии Маршака, которые много объясняют в его творчестве. А ведь оно было многообразно, и вовсе не замыкалось в пространстве детской

литературы. А еще хочется мне поделиться с читателем своим восприятием Маршака, пригласить в страну его творчества. В этой стране есть острова счастливого детства, долины чудесной лирики, вершины художественного перевода и есть солнце. Это о нем сказал как-то Блок Маршаку: «У вас есть свое солнце». В эту страну не надо брать билет, достаточно лишь открыть книгу Маршака, и мы окажемся в светлом мире поэта, где будем гостями долгожданными и желанными.

Острова детства.

Чтобы человек любил детей, его должны любить в детстве. Самуилу Яковлевичу повезло. Его, братьев и сестер в детстве любили нежно и требовательно. Впрочем, надо ли удивляться, в поговорку вошло выражение «еврейский папа» и «еврейская мама». Эта поговорка свидетельствует: в каждой еврейской семье центром, солнцем маленькой семейной вселенной являются дети. Отношение к личности ребенку - трепетно-уважительное, но в детях обязательно воспитывается ответственность. А еще в семье Якова Мироновича Маршака, талантливого инженера, очень серьезно относились к образованию детей. В этой семье испокон века были раввины. Исключение составили только дедушка и отец поэта. В середине XIX века Яков Маршак решил, что лучше быть хорошим инженером, чем раввином. Он оставил религиозную школу и отправился на завод. Всю жизнь он посвятил налаживанию производства. Семья ездила из города в город. Длительные переезды и разлуки не помешали родителям Маршака сохранить нежные отношения и в любви воспитывать своих многочисленных детей. Маленький Самуил был, конечно, вундеркиндом. Ему легко давались языки, он обладал прекрасной памятью, рано

начал писать стихи. Однако в семье это не было предметом восхищения. Вообще незаурядные способности младших Маршаков старших не удивляли. В их роду это не было редкостью. Недаром прозвище семьи – «Клюгеры» - можно перевести как «умницы» и «умники». Сама фамилия будущего поэта хранила память о славных предках. Ведь она представляет собой сокращение слов Morenu Rabbi Shmuel Kaidanover, что означает: учитель раввин Шмуэль Койдановер. Речь идет от великом еврейском религиозном XVII века Аароне-Шмуэле бен Исроэле Койдановере (1624 – 1676), предке Самуила Маршака. Судьба этого человека и его семьи печальна, умер он как настоящий праведник, произнося молитву. Его труды и память о нем живы в сердце его народа. Огромное влияние на Самуила имел его дедушка по материнской линии, витебский раввин Гиттельсон. Он был настоящим мудрецом и имел много учеников. Среди них - великий скульптор Марк Антакольский. Это дедушка заметил литературный дар внука, пригласил учителя русского языка. Вообще он серьезно относился к овладению русским языком, к постижению мальчиком великой русской литературы. С раннего детства Самуилу прививалась и любовь к потерянному Отечеству, Израилю, глубокое знание истории еврейского народа, его священных книг. А ведь быть евреем в России того периода значило повседневно сталкиваться с запретами и ограничениями. Так, с первой попытки в гимназию Маршак не был принят, хотя вступительные экзамены сдал блестяще. В чем причина? По российским законам в любом учебном заведении империи могло учиться только три процента евреев от числа учащихся.

Стасов, Горький и Лев Толстой.

Самуил – подросток. Он отправляется в плавание по житейскому морю. Отрок покидает счастливые острова детства. Житейское море штормит. Впереди много испытаний. Есть понятия «удача», «везение». Мне по душе другие слова - «Божья Милость». То, что эти понятия обозначают, помогает в жизни человеку. Это когда все складывается, все получается, когда сбываются мечты. Но удача с неба не падает, она – ответ свыше на огромный упорный, порой не видимый посторонним, труд. В самом деле, когда друг семьи Маршаков ведет мальчика на встречу с Владимиром Стасовым, Маршаку есть, чем удивить великого деятеля русской культуры. Стасов поражен блестящим знанием русской поэзии, которое демонстрирует Самуил. А его стихи завораживают Владимира Васильевича. Известный благотворитель, человек, который имел дар различать талант, Стасов щедро поддерживал юные дарования. Стасов полюбил этого маленького болезненного мальчика. Он использовал все свое влияние, чтобы устроить Самуила в лучшую гимназию Санкт-Петербурга, познакомил Самуила с Горьким. Горький, в свою очередь, пригласил Самуила пожить в Ялте, в его семье, когда из-за сырого питерского климата у юноши обострилось заболевание легких. Однажды Стасов принес фотографию Маршака на встречу со Львом Толстым. Он попросил писателя хотя бы взглянуть на фотографию одаренного мальчика, чтобы передать мысленно ему благословение. Этот взгляд Толстого, с которым мысленно встретился Маршак, он помнил всю жизнь. А когда на смерть Антакольского Самуил написал стихи, музыку к ним сочинили выдающиеся композиторы Лядов и Глазунов. Так в русскую культуру вошел потомок великого еврейского богослова,

чтобы оставить в ней свой яркий и уникальный след. Его начало было триумфальным. Прочтите первые строки кантаты, посвященной памяти Антакольского:

«Рече Господь: «Да будет муж великий!
Его весь мир недаром ждет.
Я одарю его высокою душою,
И под его творящею рукою
Холодный мрамор оживет!»

А ведь эти потрясающие строки написал пятнадцатилетний мальчик, и вы поймете, почему Владимир Васильевич Стасов так полюбил Маршака и возлагал на него большие надежды.

«Если я забуду тебя, Иерусалим…»

О русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.в. сказано и написано много, порой не очень лестного. Но бесспорно, что у интеллигентов века 21 вызывает уважение глубокая образованность, умение аналитически мыслить, наконец, высочайшие творческие достижения писателей и художников, артистов и композиторов того времени, в котором жил и творил юный Маршак. А еще поражает уважительное отношение к людям культуры не русской. Вот и Стасов, видя, что Самуил Маршак увлечен русской поэзией, творчеством русских писателей и композиторов, не устает напоминать ему, что он, Самуил, – сын еврейского народа, что он не должен этого забывать. Советы Стасова юношу ув-

лекают. Он сближается с молодежным сионистским движением. Почему идеи сионизма так увлекли юного Маршака? Разумеется, не последнюю роль в этом сыграли погромы, прокатившиеся в то время по Украине, Молдавии, Белоруссии, югу России. В творчестве Маршака все ярче звучит тема его народа, народа, потерявшего родину, но не забывшего ее. Не сказано ли в Псалмах великим Давидом: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя». Летом 1911 года сбылась давнишняя мечта Маршака: редакция «Всеобщей газеты» направила его в качестве собственного корреспондента на Ближний Восток. Недаром он еще в 1907 году писал:

«Снится мне: в родную землю
Мы войдем в огнях заката
С запыленною одеждой,
Замедленною стопой.
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим.
И с холмов окинем взглядом
Мы долину Иордана,
Над которой пролетели
Многоскорбные века».

Поездка эта оказалась для Маршака судьбоносной по многим причинам. Он написал целый цикл стихов о родине отцов «Палестина». Эти прекрасные стихи я очень советую читателям разыскать и прочитать. В судьбе же Маршака эта поездка стала еще потому событием важнейшим, что он во время этого путешествия встретился со своей

будущей женой — Софьей Мильвидской. Алексей Сперанский – Маршак, внук поэта, так описал этот период жизни Маршака: «Молодость, поэзия, любовь, волнующая встреча со страной отцов, пробудившая такие сильные и глубокие чувства в его сердце... Это было прекрасное, радостное и волнующее время в жизни молодого Маршака, когда его поэтическая сила достигла новых высот, когда перед ним открывались новые горизонты, когда в груди рождались новые замыслы. А впереди его ждала судьба Поэта в России, переживавшей самые тяжкие годы и десятилетия своей многострадальной истории: две мировые войны, гражданскую войну, сталинский террор, гитлеровский холокост, потеря близких, потеря многих друзей. И труд, постоянный напряженный литературный труд, мучительные поиски наиболее точного, меткого слова, образа, способного выразить его художественный замысел. И далекая Страна Отцов, всякая связь с которой становилась все более трудной и опасной в условиях господства идеологического догматизма и антисемитизма в советской политике, наверное, не раз и не два вставала перед ним, как одно из прекраснейших и самых дорогих воспоминаний его молодости».

«Что делают переводчики?»

Для завершения образования Маршак и его молодая жена поехали учиться в Англию. Чтобы лучше изучить язык, чтобы слышать народную речь, он пешком совершил большое путешествие по английской провинции. Живя в Англии, он узнал и полюбил английскую поэзию. Именно в Англии Маршак начал переводить английских и шотландских поэтов и народные баллады и песни. Там началась его деятельность переводчика, которую хотелось бы

назвать миссией. Недаром древние народы чтили переводчиков. Так, в Армении есть даже старинный праздник «День переводчика».
«Что делают переводчики?» - этот вопрос как-то задал Евгений Евтушенко в восьмидесятые годы прошлого века в стихотворении «Китайские переводчики», и ответил так:

«Они переводят народы
Друг к другу через границы
и через лужи лжи.
Когда-нибудь их именами
Ещё назовут пароходы,
И будут им кланяться в пояс
Колосья риса и ржи.
Великие переводы –
они подобны пророчеству.
Переведённый шёпот
Может будить, словно крик.
Да будет поставлен памятник
Неизвестному переводчику
На пьедестале честнейшем –
из переведённых книг!»

Привести один народ навстречу другому можно только в том случае, если возникает между народами взаимопонимание, есть точки соприкосновения. Велика в этом благодатном процессе роль литературы. Однажды Маршак написал:

«Я перевел Шекспировы сонеты.
Пускай поэт, покинув старый дом,

Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты».

Написано с глубоким чувством понимания роли своей миссии и с чувством собственного достоинства. И так написать он имел право. На протяжении всей жизни Маршак очень много переводил. Целые тома в собраниях его сочинений занимают переложения из английских и шотландских поэтов, начиная с полного перевода сонетов Шекспира и кончая образцами детской поэзии. Его переводы, как правило, и сегодня остаются либо непревзойденными, либо одними из лучших. Недавно просматривая учебник литературы для средней школы, я с радостью нашла там свою любимую балладу Льюиса Стивенсона «Вересковый мед». Наши читатели почти все читают по-английски. Поэтому привожу знаменитые строчки из баллады и в оригинале, и в переводе Маршака, чтобы вместе с читателями еще раз восхититься его великолепным знанием английского и русского языков, умением найти точное слово, передать музыку поэзии.

«True was the word I told you
Only my son I feared
For I doubt the sapling courage,
That goes without the beard.
But now in vain is the torture,
Fire shall not avail:
Here dies in my bosom
The secret of the Heather Ale»

«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,

Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна -
Мой вересковый мед!»

Англию и Шотландию Маршак любил всей душой. Как он любил эту землю, ее туманы, зеленые поля, красоту северных лесов. Со страниц переводов Маршака веет ветер Северного моря, видны руины древних шотландских замков, слышны голоса Шотландии, ее героев и поэтов. Недаром Маршак едва ли не единственный русский поэт, ставший по решению правительства Шотландии ее почетным гражданином. А все сонеты Шекспира (их 151), которые блистательно переведены на русский язык, стали сразу после выхода в свет важнейшим явлением русской литературы.

О любви к детям.

В 1910 году Маршаку довелось испытать счастье отцовства. Маленький ангел, дочурка Натаниэль, осветила радостью жизнь молодых супругов. Для малышки он переводил чудесные сказки и песенки английского народа, мечтал вместе читать их, когда девочка подрастет. Не сбылось. Вскоре после возвращения в Россию маленькая Натаниэль погибла, опрокинув на себя самовар с кипятком. Это было страшное потрясение. Оно стало прологом к событиям тяжким. Война мировая, война гражданская, неустроенность первых послереволюционных лет. И в эти трудные годы Маршак создает свои самые лучшие произведения для детей. Почему он стал детским поэтом? Может быть, к этому подвинуло его горячее сочувствие к детям, которые оказались сиротами в годы лихолетий, мо-

жет быть, память о дочке стала тем импульсом, который побудил Маршака обратиться к творчеству для детей. На этот вопрос ответа нет, но есть прекрасные стихи, которые не стареют с годами, которые продолжают оставаться востребованными и любимыми маленькими читателями. Хорошо помню свою первую встречу с «детским» Маршаком. Это, конечно, великолепная книжка «Детки в клетке». После чтения «Усатый-полосатый» уговорила маму завести котенка. «Мистер Твистер» учил справедливости и гордости за свою Родину, где все люди имели равные права, и где не было расизма. А еще был чудесный мультфильм, поставленный по пьесе Маршака «Двенадцать месяцев». Увидела его впервые, когда мне не было и пяти лет. С того времени прошло без малого шестьдесят. И мои дети, и внуки с удовольствием смотрели и смотрят этот чудесный фильм, в котором злые и жадные мачеха и дочка плетут свои коварные сети интриг, маленькая злая и взбалмошная королева получает урок доброты. А трудолюбивая Падчерица при помощи Двенадцати Месяцев одерживает победу над силами зла. А какая прекрасная художественная деталь: цветущие зимой ландыши! Так и хочется вслед за Пушкиным воскликнуть: «Что за прелесть эта сказка!»

О порядочности в жизни и творчестве.

В этом очерке автор не ставит цель пересказать биографию Маршака. Материалы, посвященные его биографии, многочисленны.

Отсылаю заинтересованных читателей к прекрасной книге М.Гейзера «Самуил Маршак». А я все размышляю о словах Александра Блока, которые он сказал при встрече юному Маршаку: «У вас свое солнце». Солнце, - значит, есть своя солнечная система, своя, отличная от других. Чем она отлична? И здесь мы входим в личное пространство поэта. О нем литературовед Константин Кудряшов сказал: «Поэт на все времена», Твардовский считал Маршака «хранителем эталонной русской речи». Речь идет о литературном таланте и творчестве. А есть еще живой человек, характеризуя которого можно произнести слова «Эталон порядочности, высоконравственный человек и поэт». Человек проявляет себя ярче всего в любви. Свою супругу Самуил Яковлевич любил глубоко и преданно. Они прожили вместе 42 года, пережили немало трудных лет. После гибели маленькой Натаниэль, совсем юным ушел из жизни талантливый сын. Поддерживали друг друга. Но была в жизни Маршака и еще одна женщина, Тамара Габбе. Его литературный редактор, его муза. Ее памяти Маршак посвятил такие прекрасные стихи:

«Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озерную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый легкий твой всплеск услыхать.
А была ты и звонкой и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.
Ты жила и дышала любовью,

Ты, как щедрое солнце, зашла,
Оставляя свое послесловье —
Столько света и столько тепла!»

Габбе была талантливым автором, писавшим для детей. Ее пьесы «Авдотья –Рязаночка», «Город мастеров», «Кольца Альманзора» идут в детских театрах и ныне, вызывая интерес детей. Поэт не предал своих близких, не разрушил своей семьи, сумев стать для любимой женщины другом и защитником. Он говорил:

«Старайтесь сохранить тепло стыда,
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа»

Человек проявляется в дружбе. Здесь я приведу лишь один пример, который освещает эту грань личности Маршака. Когда в 1952 году президентом Израиля стал Ицхак Бен-Цви, друг юности Маршака, он искренне радовался за товарища и поздравил его. «И что тут такого?»,- возможно, спросит иной юный читатель, который и понятия не имеет, что в то время в СССР раскручивалось «дело врачей». В то трагичное время многие представители творческой и научной интеллигенции еврейской национальности были осуждены. А еще Маршак никогда не подписывал никаких доносов, заступился за Бродского. В общем, вел себя порядочно, что во все времена, увы, довольно большая редкость, а во время, в которое он жил, особенно. Уходя, он написал:

«Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались точно птицы.

И я остался автором одной
Последней недописанной страницы».

Уверена, его страницы будут читать и перечитывать еще и наши потомки, ведь то, что он написал и перевел, давно стало классикой русской и мировой литературы, созданной светлым человеком по имени Маршак.

Иллюстрации:

- Самуил Маршак стр. 212

- С. Маршак с женой Софьей и дочерью Натанель стр. 216

- Тамара Габбе в разные периоды жизни стр. 222

Самый любимый детский поэт.

«Агния Барто для меня «особая статья» и отдельная глава нашей поэзии. Из одного поэта Барто можно было бы сделать многих детских поэтов. Барто - цельная и во многом разная. Она написала десятки книг, их издают миллионными тиражами. Но в каждой книге новая задумка, новая фантазия, новая Барто. Она лишена однообразия. Поэтому с ней весело, никогда не скучно. Ее многогранный талант каждый раз проявляется по-разному. Детские стихи Барто пользуются вниманием и взрослых, потому что они являются предметом большой поэзии. В них гармонирует юмор и лирика, грусть и радость, она пишет легко и серьезно. А главное, не повторяет себя и других»

(Расул Гамзатов).

Это было в шестидесятые годы прошлого века. В Союзе писателей проходила встреча с космонавтами. На встрече присутствовало много известных и любимых писателей. А среди космонавтов был Юрий Гагарин. Вдруг, к удивлению собравшихся, первый космонавт планеты что-то быстро написал на листочке бумаги и подошел к детскому поэту Агнии Барто. Агния Львовна, взяв листочек, развернула и прочитала строки, написанные на нем: «Уронили мишку на пол, оторвали ему лапу, все равно его не брошу, потому, что он хороший». Агния Львовна улыбнулась. А Гагарина спросили, почему именно эти строки он написал.

Юрий Алексеевич ответил: «Это первая книга о добре в моей жизни».

Вслед за Юрием Гагариным эти слова могли бы произнести не тысячи, миллионы русскоязычных людей в мире. Ибо стоит в любой аудитории, взрослой и детской, только произнести заветные слова «Наши Таня громко плачет…», как тут же услышим продолжение маленького, но такого любимого стихотворения, с которым связаны самые светлые воспоминания детства. Что нам известно об авторе любимых строк, о детском поэте Агнии Львовне Барто? Автор постаралась найти малоизвестные факты биографии Барто. Надеюсь, что читатели с интересом прочтут очерк, написанный к 110-летию со дня рождения самого любимого детского поэта.

Детство и юность.

Рождение дочери в феврале 1906 года в семье Льва Николаевича Волова стало событием, которое принесло надежды. Девочку назвали Гетель. Родители мечтали, чтобы она стала балериной. Сами они любили искусство, хотя принадлежали к сословию врачей. Это была интеллигентная еврейская семья, где любили музыку, поэзию, живопись, театр. Лев Николаевич был известным в Москве ветеринаром, а его супруга – сестрой замечательного доктора, известного во всей России Григория Ильича Блоха, который много лет руководил клиникой туберкулеза в Ялте. Семья Воловых имела достаток. В доме были гувернантки и няни, дети изучали французский и немецкий языки, занимались

музыкой. Устраивались парадные обеды с ананасным десертом. За обедом умеренно критиковали власти, почитывали Льва Толстого. Маленькая Агния должна была воплотить мечты отца, и ее рано отдали заниматься балетом. Девочка старалась, но особенных данных не было, как не было и большого желания. А вот, что у нее получалось, так это сочинять стихи. В подростковом возрасте ее кумиром стала Анна Ахматова. И в стихах, неумелых и мечтательных, появлялись маркизы и графы, печальные графини и сероглазые кавалеры. Юность Агнии Воловой пришлась на годы революции и гражданской войны. Но каким-то образом ей удавалось жить в собственном мире, где согласно умещались балет и сочинение стихов. Воспитание и домашнее образование не прошли даром. Став известным литератором, Агния Барто всегда покоряла окружающих умением держаться, знанием этикета, она говорила на пяти иностранных языках и прекрасно танцевала. Однако, чем старше становилась Агния, тем яснее было, что ей не стать ни великой балериной, ни второй Ахматовой. Перед выпускными зачетами в училище она волновалась: ведь после них надо было начинать карьеру в балете. На экзаменах присутствовал нарком просвещения Луначарский. После экзаменационных выступлений ученицы показывали концертную программу. Он прилежно посмотрел зачеты и оживился во время исполнения концертных номеров. Когда юная черноглазая красавица Агния Волова с пафосом читала стихи собственного сочинения под названием «Похоронный марш», Луначарский с трудом сдерживал смех. А через несколько дней он пригласил ученицу в Народный комиссариат просвещения и сказал, что она рождена писать веселые стихи.

«Китайчонок Ван Ли» и другие.

Как мог Луначарский разглядеть будущую замечательную детскую поэтессу, слушая ее слабые подражательные стихи? Для меня это остается загадкой. Хотя можно представить, что у молодой Советской республики была необходимость в простых и понятных детских стихах, которые бы воспитывали советских ребятишек на правильных идеологических установках. Вот Луначарский и посоветовал девушке попробовать написать детские стихи. Вскоре после беседы с Луначарским Агния написала два стихотворения: одно, «Китайчонок Ван Ли», – о нелегкой доле маленького китайского мальчика, которого нещадно эксплуатируют капиталисты, а второе, «Мишка-воришка», – о маленьком беспризорнике, который, поступив в советский детский дом, обрел счастливое детство. Стихи были опубликованы в книжке. И к юной поэтессе пришла слава. Работая над очерком, я перечитала эти наивные, идеологически выверенные стихи. Подумалось: а ведь Агния Барто стала первооткрывателем темы интернационализма в советской литературе. Знаменитая «Гренада» Светлова написана будет позднее, в 1926 году. Обнаружилось в первых стихотворениях поэтессы явное влияние Маяковского. Некоторые строфы даже написаны «лесенкой». Потом в мемуарной литературе я прочитала, что Агния была очень застенчива. Оказывается, кроме Ахматовой, она еще обожала Маяковского, но, встретившись с ним, не решилась заговорить. Отважившись прочесть свое стихотворение Чуковскому, Барто приписала авторство пятилетнему мальчику. О разговоре с Горьким она впоследствии вспоминала, что страшно волновалась. Может быть, именно благодаря своей застенчивости, Агния Барто не имела врагов. Она никогда не пыталась казаться умнее, чем была, не ввязывалась

в окололитературные склоки и хорошо понимала, что ей предстоит многому научиться.

Павел Барто и Андрей Щегляев.

Но как Гетель Волова превратилась в Агнию Барто? Имя Агния стало ее псевдонимом. Значит оно –«огненная, пламенная». В 20-е годы имя было весьма модным. У поэтессы чудесная фамилия. Она – словно звонкий удар мяча, она – словно топот детских ножек – Бар-то, Бар-то. Это фамилия ее первого мужа. Первый раз Агния вышла замуж рано: в 18 лет. Молодой симпатичный поэт Павел Барто, у которого были английские и немецкие предки, сразу понравился талантливой девушке Агнии Воловой. Они оба боготворили поэзию и писали стихи. Поэтому общий язык молодые люди нашли сразу. У молодых супругов родился сын Игорь, которого дома все называли Гариком. Агния и Павел вместе написали несколько детских стихотворений. Но, оказалось, что подлинного взаимопонимания, без которого настоящее чувство невозможно, в их браке отсутствовало. Они расстались. Агнии Львовне развод дался непросто. Она переживала, но вскоре всецело отдалась творчеству, решив, что должна быть верной своему призванию. Впоследствии Агния Барто вышла замуж за заведующего кафедрой Московского энергетического института, теплофизика Андрея Владимировича Щегляева. Этот замечательный советский ученый много сделал для науки, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР и лауреатом Сталинских премий. В этом браке родилась дочь Татьяна (1933), которая стала героиней знаменитого стихотворения о девочке, уронившей мячик в реку. Щегляев стал единственной большой любовью Агнии Барто, они прожили почти полвека душа в душу, не расставаясь, горести и

радости переживали всегда вместе. Дочь в будущем станет талантливым ученым. Выйдя на пенсию, дочь поэтессы много сил отдаст пропаганде литературного наследия матери.

«Игрушки».

Итак, первые стихи Барто – словно написаны «шершавым языком плаката». Но мы с вами знаем, что в дальнейшем ее детские стихи будут покорять нежным лиризмом, мелодичностью, глубинным знанием детской психологии. Чтобы достичь такого мастерства и одновременно такой пронзительной душевной искренности поэтесса, должна была многое пережить, стать мамой и потерять любимого сына, пройти через многие жизненные испытания, вместе со страной пережить войну. Только тогда смогли родиться настоящие стихи. А пока она работает в Госиздате и пишет, пишет стихи для детворы. В 1936 году выходит ее книжка, адресованная самым маленьким. Это - «Игрушки». Вообще, игрушка в жизни малыша имеет огромное значение. Многолетняя работа с детьми научила меня устанавливать с ними добрые отношения. Знаете, как подружиться с малышами? Достаточно начать разговор о любимых игрушках. Ведь игрушки – полноправные участники детской жизни, друзья малышей. Работая над книжкой, Агния Львовна, будучи молодой мамой, могла наблюдать за своими детьми, Гариком и Таней, за их маленькими друзьями. Стихотворения из книжки, несомненно, знают наизусть все наши читатели. Но замечали ли вы, что поэтесса использует интересный прием: если речь идет о хороших поступках («Я люблю свою лошадку», например), то рассказ идет от первого лица. если о поступке неважном, то - от третьего лица («Зайку бросила хозяйка»). Та-

ким образом, ненавязчиво утверждается в маленьких читателях положительные черты характера. А почему так легко дети заучивают стихи из этой книжки наизусть? Строки ее стихов воспроизводят особенности детской речи, словарного состава, грамматических построений. Дети говорят короткими предложениями. Иногда мы даже поражаемся, как удается маленькому человеку выразить важный смысл столь кратко. В каждой семье бережно хранятся воспоминания, как ребенок сказал нечто, что вызвало изумление и запало в память, поразив точностью, краткостью и при этом глубокой искренностью. И в стихах Барто: каждая строчка – короткое предложение, нет сложной игры слов, нет переносных значений. Автор как бы разговаривает с ребёнком простым бытовым языком — но в рифму. И разговор ведет с маленькими читателями так, как будто автор - их ровесница. В своих произведениях Агнии Барто удавалось найти интонацию, которая вызывала доверие детей. Стихи Барто пронизаны юмором и подлинными человеческими чувствами, и при этом поучительны без навязчивости. Чтобы добиться такого проникновения в детскую душу, поэтесса постоянно общалась с детьми, слушала их разговоры на детских площадках, под видом инспектора РОНО приходила в школу, садилась за последнюю парту и слушала, наблюдала. Свои готовые стихи Агния Львовна читала детям, друзьям и даже приходившему в дом сантехнику.

Лирика, освещенная улыбкой.

30-е годы – годы индустриализации, коллективизации и годы страшных повальных репрессий. Как Агнии Барто удалось пройти сквозь это время невредимой, трудно сказать. Она не раболепствовала ни перед кем, чуралась спле-

тен, была чрезвычайно скромной в быту и была поглощена работой. Иногда она становилась объектом критики коллег. Но постоять за себя поэтесса могла. Говорили (и есть все основания полагать, что так и было), что большая часть откровенно ругательных статей о Барто появилась в прессе не без участия известного поэта и переводчика Самуила Яковлевича Маршака. Однажды, доведенная до белого каления его придирками, Барто сказала: «Знаете, Самуил Яковлевич, в нашей детской литературе есть Маршак и подмаршачники. Маршаком я быть не могу, а подмаршачником - не желаю». После этого ее отношения с мэтром испортились на много лет. Критика - критикой, а любовь маленьких читателей к стихам Барто была беспредельной. Ее известность стала поистине всенародной. Ведь у каждого руководящего лица были дети и внуки. И от них, порой, узнавались стихи, которые легли в ребячьи сердца. А еще Барто имела одну важнейшую особенность: она умела видеть светлые стороны бытия. Кажется, она смотрела на мир глазами ребенка, доверчиво и радостно. Поэтому из-под ее пера выходили такие чудесные стихи:

«Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.
Шумная, веселая,
Весенняя Москва.
Еще не запыленная,
Зеленая листва.
Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.
Весна, весна на улице,
Весенние деньки!»

Забегая вперед, скажу, что сразу после войны, когда так не хватало радости, шуток, когда страна приходила в себя после чудовищной войны, именно по этому стихотворению Барто режиссером Фрезом был снят чудесный фильм

«Слон и веревочка», в котором снялись великие артисты: Плятт, Раневская, и юная Наташа Защипина. Агния Львовна стала сценаристом этого фильма.

Война.

В 1937 году Барто была делегатом Международного конгресса в защиту культуры, который проходил в Испании. Там она воочию увидела, что такое фашизм (заседания конгресса шли в осажденном пылающем Мадриде). О том, что война с Германией неизбежна, Агния Барто знала. В конце тридцатых она ездила в эту «опрятную, чистенькую, почти игрушечную страну», слышала нацистские лозунги, видела хорошеньких белокурых девочек в платьицах, «украшенных» свастикой. Ей, искренне верящей во всемирное братство если не взрослых, то хотя бы детей, все это было дико и страшно. Во время войны семья поэтессы была эвакуирована на Урал, поэтесса много работала и в Свердловске. Агния Львовна хотела разделить тяготы военного времени вместе со своим народом. Она окончила курсы токарей, получила второй разряд, работала на заводе. Поэтесса встала к станку, рядом с ней работали подростки и женщины. Она узнала, что значит работать в тылу, и поэтому в ее выступлениях на радио, заметках в газетах была правда, пропущенная через сердце. Жена выдающегося ученого, получающего паек, она могла бы сидеть в безопасном Свердловске, занимаясь семьей. Но ее неуемная энергия, желание быть полезной Родине, быть в гуще событий побуждало ее к активной деятельности. В 1942 году Агния Львовна выехала на фронт и стала корреспондентом «Комсомольской правды» на Западном фронте. Близилась Победа, в 1944 году Барто вернулась в Москву. 9 мая 1945 года в каждой советской семье царило ликование,

порой со слезами на глазах. И только Агния Барто, казалось, не замечала ничего вокруг. Причиной стала гибель сына Игоря. 4 мая 1945 года подросток вернулся домой раньше обычного. Стоял солнечный день, Игорь решил покататься около дома на велосипеде. Велосипед Игоря столкнулся с выехавшим из-за угла грузовиком. Подросток упал на асфальт, ударившись виском о бордюр тротуара. Смерть наступила мгновенно. Подруга Барто Евгения Таратура вспоминает, что Агния Львовна в эти дни полностью ушла в себя. Она не ела, не спала, не разговаривала.

«Звенигород»

Спасение было в работе, в утроенной любви к дочери Тане, мужу. Может быть, смерть сына подтолкнула ее к посещению детских домов, может быть, она особенно остро почувствовала, что значит потерять ребенка. Чувства любви к детям, желание им помогать особенно обострились в послевоенные годы. Ведь после войны сотни тысяч сирот остались без родителей. Дороги войны, которыми шли беженцы, часто оказывались разбомбленными. Родители теряли детей. Дети оказывались без родителей. Казалось, воссоединение невозможно. И вот в это время выходит новая книжка Агнии Барто «Звенигород». Это был рассказ о детях, потерявших родителей во время войны. Этой поэме была уготована особая судьба. Поэтому остановимся на ней поподробнее.

«Здесь со всех концов страны
Собраны ребята.
В этот дом их
В дни войны
Привезли когда-то…

После чуть не целый год
Дети рисовали
Сбитый чёрный самолёт,
Дом среди развалин.
Вдруг настанет тишина,
Что-то вспомнят дети…
И, как взрослый, у окна
Вдруг притихнет Петя.
До сих пор он помнит мать…
Это только Лёлька
Не умеет вспоминать —
Ей три года только»

После выхода книги поэтессе пришло письмо от одинокой женщины, во время войны потерявшей свою восьмилетнюю дочь. Обрывки детских воспоминаний, вошедшие в поэму, показались женщине знакомыми. Она надеялась, что Барто в Звенигородском детском доме общалась с ее дочерью, пропавшей во время войны. Так оно и оказалось: мать и дочь встретились спустя десять лет. В 1965 году радиостанция «Маяк» начала транслировать передачу «Ищу человека». Уникальность работы Барто заключалась в том, что в основе поиска лежали детские воспоминания. Уже после первой передачи в редакцию хлынули письма, в которых рассказывалось о потерянных детях, о судьбах, разлученных войной. В те дни Агния Львовна писала в своем дневнике: «Что было делать? Передать эти письма в специальные организации? Но для официального розыска нужны точные данные. А как быть, если их нет, если ребенок потерялся маленьким и не мог сказать, где и когда родился, даже фамилию свою не мог назвать?!»

Найти человека.

Таким детям давали новые фамилии, врач определял их возраст. Как же матери найти ребенка, давно ставшего взрослым, если фамилия его изменена? И как взрослому человеку найти родных, если он не знает, кто он и откуда? А ведь люди не успокаиваются, годами ищут родителей, сестер, братьев, верят, что найдут. Агния Львовна вспоминала: «Пришла мне в голову такая мысль: не может ли помочь в поисках детская память? Ребенок наблюдателен, он видит остро, точно и запоминает увиденное на всю жизнь. Важно только отобрать те главные и всегда в чем-то неповторимые впечатления детства, которые помогли бы родным узнать потерянного ребенка». Радио «Маяк» дало возможность детским воспоминаниям звучать на всю страну. С 1965 года, после первой радиопередачи «Найти человека», письма стали ее главным делом и заботой. Каждый день она получала 70 – 100 подробнейших писем. Люди старались не упустить малейшие детали воспоминаний, которые могли бы стать ключом к поиску. Иногда воспоминания были очень скудными: девочка помнила, что жила с родителями возле леса и папу ее звали Гришей; мальчик запомнил, как катался с братом на «калитке с музыкой»… Пес Джульбарс, папина голубая гимнастерка и кулек яблок, как петух клюнул между бровями – вот и все, что знали о своей прежней жизни военные дети. Для официальных поисков этого было мало, для Барто – достаточно. Вот, когда огромный опыт и «чувство ребенка» сыграли действительно удивительную роль. В эфире «Маяка» она зачитывала отобранные ею отрывки из писем, коих за девять лет получила больше сорока тысяч. Иногда люди, уже отчаявшиеся за долгие годы поисков, находили друг друга после первой же передачи. Так, из десяти человек,

чьи письма Агния Львовна однажды прочла, нашлись сразу семеро. Это было тринадцатого числа: Барто, которая не была ни сентиментальной, ни суеверной, стала считать его счастливым. С тех пор передачи выходили тринадцатого числа каждого месяца. Девять лет ежемесячно в квартиры советских людей входила Агния Барто. Ее голос звучал в каждом доме, ибо передача стала необычайно популярной, а Агния Львовна стала настоящей национальной героиней. Согласно последним исследованиям ей удалось соединить полторы тысячи семей! После того, как передача перестала выходить в эфир, Агния Львовна, которая была уже в преклонных летах, долго сохраняла свою активность. Она писала книги, занималась общественной работой, много времени уделяла внукам. Их она очень любила, посвящала им стихи, учила танцевать. Агния Львовна много ездила по стране, играла в теннис и танцевала на своем 75-летнем юбилее. В 1981 году Агния Львовна скончалась, не оправившись после инфаркта, и едва успев порадоваться рождению правнучки Аси. Поэтесса похоронена на Новодевичьем кладбище. Ее именем назван кратер на Венере и малая планета вблизи Юпитера. А самое главное, говоря гагаринскими словами, остались книги о добре, которые читали, читают и будут читать.

Иллюстрации:

- Портрет Агнии Барто стр. 226

- Автограф Юрия Гагарина стр. 227

Сороковые – роковые

Стихи о Великой Отечественной войне

Плакат Великой отечественной войны.
(автор Н. Валова, 1943)

Вехи пути
(Михаил Исаковский).

Горькое детство.

Родители Исаковского были бедняками. Из тринадцати их детей выжило только пятеро, и Михаил был предпоследним ребенком, родившимся в 1900 году. Семья не сводила концы с концами. Хлеба, выращенного на клочке земли, не хватало до нового урожая, часто нечем было кормить семью. Вот выдержки из воспоминания Исаковского о безрадостном голодном детстве: «Горькое, горькое детство в краю, где земля скупа на урожай, да и земли-то этой самой нету, в местности, где экономили даже лучинку и по вечерам нигде не зажигают огней». К тому же в детстве у Исаковского была обна-ружена неизлечимая болезнь глаз. Иногда Миша не выходил на улицу поиграть с ребятишками. Он плохо видел. Силуэты, слабые очертания мог еще разглядеть. А вот лица товарищей сливались в сплошное пятно. В те дни, когда зрение совсем падало, он и сидел дома. Его жалели и не смеялись над ним. Очень уж характер был у мальчика покладистый и отзывчивый. Сельский батюшка пожалел: выучил смышленого паренька грамоте. И тут началась счастливая полоса в жизни мальчика-инвалида. Приходили солдатки и просили Мишу написать письмо мужу, сыну или брату. Миша вначале внимательно выслушивал, а потом писал, да так складно, что

женщины заслушивались. Где и брал он, двенадцатый ребенок из многодетной нищей крестьянской семьи, такие душевные, ясные и чистые слова – оставалось только диву даваться. Благодаря письмам впечатлительный и любознательный подросток получил доступ к сокровенным чувствам и мыслям крестьян, узнавал, у кого какая была судьба, у кого были особые жизненные обстоятельства. С другой стороны, он учился выражать человеческие чувства. Не случайно своеобразный жанр «лирического письма» занял впоследствии большое место в поэзии Исаковского. Ряд его стихотворений имело в будущем форму письма: «Письмо из деревни», «Письмо», «Письмо сельскому совету» и др.

Школа.

Стал Михаил человеком в селе уважаемым. А тут и школа в Глотовке (так звалось родное село) открылась. Мальчик в школу пошел, способности оказались к учению замечательные. Правда, не всегда он в школу ходил, так как не было одежды. «Лапти я плел сам, с обувью проблем не было, а вот в холод нечего было надеть», - вспоминал Исаковский. Учителя прислали ему учебники, мальчик упорно занимался и окончил школу на «отлично». Михаил Васильевич навсегда сохранил сердечную благодарность своим учителям, которые приложили немало сил, чтобы талантливого, но нищего и полуслепого паренька поддержать, помочь поступить ему в смоленскую гимназию. Увы, окончить гимназию не удалось. Причиной была все та же нищета и тяжелая болезнь глаз. Больше поэт нигде не учился, и стал образованнейшим человеком своего времени лишь благодаря упорному самообразованию. Именно в то нелегкое время начинает Михаил писать свои первые

стихи. Первое из них написано в 1914 году и было откликом на события Первой мировой войны. Учителя отослали стихотворение мальчика в популярное издание. Стихотворение было опубликовано. Мне удалось разыскать этот первый поэтический опыт. Он трогателен и является правдивым документом эпохи. Вот его первые строки:

«Светит солнца луч догорающий
Говорит солдат умирающий:
Напиши, мой друг, ты моей жене,
Не горюет пусть о моей судьбе…»

Уже в самом первом произведении будущего большого поэта без труда угадываются мотивы Некрасова и Кольцова. Глубокая народность и щемящая искренность будут всегда отличительными чертами творчества Исаковского.

Революция.

Между тем, грянул октябрь 1917 года. Он был для Исаковского, для тысяч и тысяч обездоленных людей в Российской империи, величайшим событием. И об этом не надо стесняться говорить. Не надо рвать ткань истории Отечества. Нельзя только черной краской изображать советские годы. В ту пору было много трагичного для миллионов людей. Образно говоря, была правда, искренняя, обжигающая у Пастернака, и была правда, пережитая и сердечная, у Исаковского. Надо признать, что революция, Советская власть загубили много судеб, но и они давали жизни многих людей в России иное, более значительное измерение, открывали небывалые перспективы. Не могу не сказать о личном. Моя мама, тринадцатый ребенок в бедной крестьянской семье, имела высшее образование. Первая из всех поколений своего рода. «Если б не Советская

власть, не быть бы Ляле образованной, - однажды сказала бабушка, далеко не обласканная этой самой властью. А наш герой, поэт Исаковский, впоследствии написал стихотворение «Дума о Ленине», в котором есть такие строки:

«И мы, что родились в избе при лучине
И что умирали на грудах тряпья,-
От Ленина право на жизнь получили -
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной».

Подчеркиваю, что строки эти написаны не из-за конъюнктурных соображений, а совершенно искренне. Будучи грамотным, Исаковский становится учителем начальной школы, пользуется большим доверием у тружеников – сельчан, избирается в сельский волостной Совет помощником секретаря. Вместе с товарищем Исаковский был отправлен односельчанами в южные губернии России, чтобы приобрести хлеб для голодающих земляков. Однако под Новочеркасском они были задержаны белоказачьим патрулем, посажены в тюрьму и, как потом выяснилось из документов, оказались приговоренными к расстрелу. Лишь вступление в город Красной армии избавило их от смерти. Но ужас пережитого не ослабил волю юного Исаковского, не изменил его убеждений, напротив, укрепил их. Осенью 1918 года он вступил в ряды коммунистической партии. Начался длительный период журналистской газетной ра-

боты Исаковского, одновременно шло его становление как поэта.

«Провода в соломе».

В 1921 г. он уже работает в Смоленске, в областной газете «Рабочий путь». В этом же году выходят его первые поэтические сборники: «По ступеням времени», «Взлеты», «Четыреста миллионов» и др. Был поэт к себе необычайно требовательным, в это время, по словам Исаковского, он впервые почувствовал, «что такое поэзия». Напряженные поиски собственного пути в литературе вовсе не мешали Исаковскому проявлять отзывчивость к другим юным поэтам. В 1925 г. к нему в редакцию «Рабочего пути» пришел 15-летний Александр Твардовский. «Принял он меня приветливо, - вспоминал Твардовский, - отобрав часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора-поэта А. Твардовского». «Михаилу Исаковскому, - продолжал Твардовский, - земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своем развитии. Он, может быть, единственный из советских поэтов, чье непосредственное влияние я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня». В 20 – 30 гг. прошлого века молодые писатели из народа, сами едва выбившись в люди, считали, однако, своим долгом выводить на широкую литературную дорогу еще более юных собратьев по перу. Так, поэт Александр Жаров открыл читателям прозу 19-летнего Шолохова, а Исаковский – поэзию 15-летнего селькора Твардовского. И впоследствии сам Шолохов помогал своим землякам Закруткину, Калинину и многим другим, а Твардовский печатал в своем «Новом мире» многих молодых писателей, ставших потом классиками

русской советской литературы. (И даже антисоветской – если говорить о Солженицыне). Думают ли сейчас маститые писатели о своих более молодых собратьях? Или теперь – каждый за себя? Вопрос, увы, риторический. Михаил Исаковский был уже известным поэтом и в Смоленске, и в Москве, когда вышла его первая полноценная поэтическая книга «Провода в соломе» (1927). Критика встретила ее недружелюбно. Поэта упрекали в «есенинщине» (тогда это было синонимом «кулацкого уклона»). Помощь пришла из далекой Италии. Добрую рецензию прислал Максим Горький, который писал: «Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью». Исаковский радостно подмечал добрые изменения в деревне (например, электрификацию) и пишет об этом стихи, которые очень скоро стали любимы простым народом:

«Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда;
Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне;
Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком».

Видел ли он трагизм коллективизации? Мы помним, как местный батюшка научил полуслепого мальчика грамоте. Так вот, будучи на партийной работе, пришлось Исаковскому быть свидетелем расправы над этим священником новой властью, к которой и он, Исаковский, теперь имел непосредственное отношение. Он тогда не заступился, может быть, думал, что это временные перегибы, кто знает…

В Москве.

В 30-х годах Исаковский живет уже в Москве, редактирует журнал «Колхозник». Это было время подлинного расцвета его таланта. Городская, столичная жизнь не смогла оборвать духовную связь поэта с его малой родиной. Прогрессирующая болезнь глаз, грозящая поэту слепотой, обострила впечатления, живущие в его памяти. Исаковский никогда не стремился стать тем, кого сейчас называют поэтами-песенниками, но его стихи с их певучим, истинно народным ладом имели необыкновенную притягательность для композиторов. Первая песня на стихи Михаила Исаковского («Вдоль деревни») прозвучала по советскому радио еще в 1925 г. Вот, что рассказывал сам поэт об истории появления этой песни: «В тридцать втором году, когда я жил в Москве, музыкальное издательство проводило конкурс на лучшую массовую советскую песню. Меня пригласили участвовать в этом конкурсе, хотя за мной тогда не числилось ни одной песни. Вообще меня даже привлекло то, что жил я тогда очень бедно. Но тем, кого привлекали, давали аванс по сорок пять рублей. Я получил сорок пять рублей и стал писать песню. Я не думаю, что я хорошую песню написал. И поэтому не удивился, когда мне сказали, что это не пойдет. Но все последующее все-таки меня немножко удивило. Потому что мне сказали: «Вы забудьте писать песни. У вас никогда ничего не выйдет. У вас нет никаких абсолютно способностей писать песни. И поэтому бросьте вы это дело». А потом в тридцать пятом году впервые появилось звуковое кино. И вот однажды я смотрел один звуковой киножурнал. Вдруг слышу, хор Пятницкого поет песню «Вдоль деревни» на мои слова. Я очень заинтересовался». Вот тогда и произошло знакомство Исаковского с Владимиром Захаро-

вым, руководителем хора им. Пятницкого. Захаров признался, что стихи обнаружил в отрывном календаре, кто автор – не знал, а песня родилась быстро и стала столь любимой в народе, что ее часто называли народной. Творческий союз талантливого композитора Захарова, артистов-певцов хора им. Пятницкого и поэта Исаковского стал необычайно плодотворным. Хор им. Пятницкого в те годы много гастролировал по стране и был необычайно популярен. Так, творчество Исаковского стало известно миллионам слушателей, и песни на его стихи запела вся страна.

«Катюша».

Однажды, весной 1938 года, поэт написал стихотворные строки:

«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного, сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла…»

Стихи по обыкновению показал Захарову. Однако, стихи композитору не понравились, показались примитивными. Впоследствии Захаров бесконечно жалел, что не оценил значение поэтических строк, почему, кто теперь объяснит. Исаковский вспоминал: «Я не знал, что же дальше делать с Катюшей, которую я заставил выйти на высокий берег на крутой, и запеть песню. Поэтому стихи пришлось пока отложить, хотя начало их мне определенно нравилось».

Вскоре поэт познакомился с популярным композитором Матвеем Блантером. Незавершенное стихотворение не просто понравилось композитору. «Катюша» тронула музыканта до глубины души. Чем? Может быть, дело в том, что музыканты очень чуткий народ, они, как и поэты, улавливают ритмы и мелодии времени. А время было непростое. Исаковский вспоминал: «Время тогда было тревожное. Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти. Впрочем, мы не только предчувствовали, что война будет, но в известной мере уже переживали ее: ведь в 1938 году еще пылало пламя войны в Испании; в том же году Красная Армия вынуждена была вести и вела тяжелые бои с японскими самураями у озера Хасан: не очень спокойно было и на западных наших границах. По этим причинам тема Родины, тема защиты ее от посягательств врага была темой самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо нее даже в лирической песне». Осенью 1938 года песня была впервые исполнена. Ее запела страна. Однако история песни на этом не закончилась. Через год (а может быть, и раньше) «Катюша» перешагнула границы Советского Союза. Во всяком случае, уже в сентябре 1939 года население Западной Украины и Западной Белоруссии, находившееся дотоле под властью польских панов, встречало нашу армию-освободительницу пением «Катюши». Во время Великой Отечественной войны «Катюша» стала самой любимой песней и бойцов, и тружеников тыла. Поэт-фронтовик Игорь Сельвинский оставил интереснейшие воспоминания: «Это было на фронте. Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, «Катюшу». Немцы прокрутили ее раз, потом поставили, второй

раз, потом третий... Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу «Катюшу»?! Не бывать этому! Надо отобрать у них «Катюшу!..» В общем, дело кончилось тем, что группа красноармейцев совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая, молниеносная схватка. В результате – немцы еще и опомниться не успели! – «Катюша» (пластинка) вместе с патефоном была доставлена к своим».

Известно и то, что история «Катюши» имела яркое боевое продолжение. Дело в том, что «катюшами» на фронте начали называть реактивные минометы – грозное для врагов оружие того времени. На эту тему также появились переделки «Катюши», вроде такой:

«Вот к передней «Катя» подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой».

В годы Великой Отечественной войны «Катюшу» пели бойцы армии Сопротивления иво Франции, и в Италии. Об этом писал и поэт А. Прокофьев:

«Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла».

Любопытно, что советские воины, сражавшиеся в партизанских отрядах Италии, в дни победы, когда их пожелал видеть Папа Римский, вошли в Ватикан с пением «Катюши». Дошла «Катюша» и до Соединенных Штатов Амери-

ки. Побывав там вскоре после войны, украинский поэт Андрей Малышко писал в одном из своих стихотворений:

«Негры пели русскую «Катюшу»,
Ту, что Исаковский написал».

«Враги сожгли родную хату».

С начала Великой Отечественной войны Исаковский живет в эвакуации в Чистополе. Не имея возможности попасть на фронт из-за болезни глаз даже военным корреспондентом, он много пишет о войне. И удивительное дело: стихи и песни Исаковского этого периода подчас много лучше тех, что написаны известными поэтами, часто бывавшими в командировках на фронте. И еще одна удивительная особенность военных стихов и песен Исаковского: они стали лучше прежних не только по содержанию, но и по форме. Прекрасны строки: «С берез неслышен, невесом, слетает желтый лист. Старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист». В стихотворении «Огонек» (1942) Исаковский неназойливо, не прибегая ни к каким словесным ухищрениям, делает огонек «на окошке на девичьем» символом всей Родины: «И врага ненавистного крепче бьет паренек. За советскую Родину, за родной огонек». Во время войны поэтом создано много замечательных стихов. Но есть одно – великое. Считаю, что если б Исаковский написал только «Катюшу» и «Враги сожгли родную хату» - он вошел бы в историю мировой поэзии. В стихотворении «Враги сожгли родную хату» (1945) как в прозе Пушкина и Лермонтова, нет ни лишних слов, ни красивостей, но за каждым словом – судьба, и судьба не отдельного человека, а всего народа:

«Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?».

Не прибегая, как всегда, к специальным литературным приемам, Исаковский одной поэтической интонацией придает произведению былинной характер:

«Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок».

То же самое можно сказать о мистическом характере этого стихотворения. В нем нет слов «Бог» или «душа», но есть, как в сказках, разговор живого и мертвого человека:

«Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал».

Все же ответила солдату его Прасковья, подала знак – ласковым теплым ветерком… Этот шедевр Исаковского – безукоризнен с изобразительной точки зрения, абсолютно достоверно каждое движение героя.

«Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой».

А концовка – беспощадно по тем временам правдива.

«Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт»

Поэтому стихи и были долгое время под запретом. Медали за взятие европейских городов – только это утешение и осталось после войны сотням тысяч наших солдат. Зато теперь «благодарные потомки» освобожденных европейцев нам говорят, что мы их тогда «оккупировали»…Рамки нашего очерка не дают возможности рассказать читателям о других прекрасных стихах поэта Исаковского, автор надеется, что, готовясь к 75-летию великой Победы, наши соотечественники откроют томик стихов поэта, найдут возможность услышать песни на его стихи. А когда в майские дни будем петь бессмертную «Катюшу», помянем и человека, который сложил бессмертные слова великой песни.

Михаил Васильевич Исаковский умер 20 июля 1973 г. в Москве. Это был один из лучших представителей нашей литературы. Нужно честно признать: нынешняя эпоха, если отсчитывать ее с 1991-го, таких поэтов еще не создала.

Святой и грешный русский человек (Александр Твардовский).

«Он знал одну любовь на белом свете,
И ради так истерзанной земли,
Тяжелым телом и тяжелым делом,
Пробил пролом, в который мы вошли».

Слова эпиграфа мною взяты из баллады Евгения Евтушенко «Александр Твардовский». Образное выражение «пролом» - это те титанические усилия, которые предпринимал великий поэт, порой рискуя не только положением, зарплатой, репутацией в советском истеблишменте, но и самой жизнью, чтобы пришли к читателю талантливые поэты и писатели, которые стали впоследствии гордостью не только советской, но и мировой литературы. И первый из них Александр Солженицын, чей «Один день Ивана Денисовича» был опубликован на страницах журнала «Новый мир», главным редактором которого был Твардовский. Многие вовсе не ответили благодарностью за эту помощь хотя бы так, как это сделал Евтушенко. Но речь здесь не о людской благодарности, а о великом поэте, пронзительном писателе, о русском человеке, святом и грешном, говоря словами самого Твардовского. Почему подзаголовок очерка «Эпизоды»? А разве возможно вме-

стить в формат небольшого очерка биографию, богатую на встречи, события, пронизанную неустанной работой? Его жизнь исполнена страданиями душевными и необычайными творческими взлетами. А как вместить создание произведения, которое стало событием мирового значения, поэтический памятник солдату на войне. Русскому солдату на войне Великой Отечественной? Для каждого русского человека эта поэма - воплощение народного духа, нашего характера, который непонятен заморским стратегам и сегодня, и который так узнаваем нами, как отражение в зеркале. Речь, конечно,
о Василии Теркине. Без кавычек, ведь он, этот русский солдат, никакой не персонаж, он вечно живой, любимый и близкий каждому русскому сердцу.

Без лаптей.

Александр Трифонович Твардовский родился 8 (21) июня 1910 года на хуторе Столпово (деревня Загорье) Смоленской губернии в многодетной семье кузнеца Трифона Гордеевича Твардовского. В семье было семеро детей. Саша был вторым ребенком. Отец - известный на всю округу кузнец. Мама – дочерь обедневшего дворянина однодворца. Машеньке Плескачевской было шестнадцать, когда она познакомилась с кузнецом Твардовским. О нем сельчане говорили с уважением, что парень опрятен и мастеровит. А отец кузнеца – отставной солдат, служил в Польше, и зовут его в округе паном. Девушка полюбила кузнеца, и родители не препятствовали, так и родилась новая семья. Жили очень бедно. Однако, лаптей Саше Твардовскому носить не довелось. И не потому, что был в семье достаток. Просто отец запрещал одевать детей в лапти. Трифон Гордеевич мечтал выбиться из нищеты. Мечтал

всю жизнь. Видимо, лапти были для него символом бедности, от которой так хотелось избавиться. А прозвище «пан», которое перешло к Трифону Гордеевичу от отца, давало какие-то надежды. И, казалось, надежды стали сбываться, когда удалось взять кредит в банке и купить хуторок. Это было 12 гектаров земли, пустоши, не особенно плодородной. Однако этот участок был их семейной собственностью. Эту землю отец мечтал передать детям по наследству преображенной, цветущей. Александр Твардовский позднее вспоминал о привязанности отца к земле: «Она была дорога ему до святости… И нам, детям, он с самого малого возраста внушал мысль и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле, нашему «имению», как в шутку и не в шутку называл он свой хутор». Твардовские отличались от других сельчан. Трифон Гордеевич был не только грамотен, он страстно любил русскую литературу, хорошо знал ее. По вечерам в семье любили читать вслух Толстого, Пушкина, Некрасова, Гоголя, Лермонтова. Много стихотворений Трифон Гордеевич знал наизусть. Именно он в 1920 году подарил Саше его первую книжку, томик Некрасова, который выменял на базаре за картошку. Эту заветную книжицу Твардовский хранил на протяжении всей жизни.

Рождение поэта.

Когда наступил 1917 год, немногое изменилось в многотрудной жизни Твардовских. Кузница, хозяйство. Впрочем, кажется, появилась возможность дать детям образование. Ведь декларировались равенство и свобода. И отец отправляет старших мальчиков учиться в Смоленскую гимназию, которая преобразована в первую советскую школу. Увы, в связи с гражданской войной школа закры-

вается. Отец не сдается, дети учатся в различных сельских школах, где только появлялась малейшая возможность. В одной из школ Саша вступает в комсомол. А еще он обнаруживает у себя любовь к писательству. Вначале он посылает заметки в местные газеты о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, критикует местные власти. Затем его сердце трогает поэзия. Ее прикосновение он ощутил однажды совсем маленьким, когда в стихотворной форме гневно обличил местных мальчишек, разоряющих птичьи гнезда. Родители вспоминали, что сочинять стихи мальчик начал очень рано, раньше, чем научился грамоте. Саша не мог записать свои первые стихи, но сочинял легко и радостно. Отец не особенно одобрял увлечения сына. Предрекал ему нищую долю, ведь писательство, по мнению Трифона Гордеевича, не могло обеспечить куском хлеба. Однако вскоре произошло событие, которое наполнило отца гордостью. 19 июля 1925 года в газете «Смоленская деревня» было напечатано стихотворение «Новая изба», заканчивающееся такими словами:

«А в углу мы богов не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть».

Отец гордился не содержанием стихотворения, но тем фактом, что имя Твардовских появилось в газете. Думается, в стихах не было выражения каких-либо устоявшихся убеждений юного Твардовского. То была дань обязательности. В те времена иной темы и быть не могло, как тема борьбы с «темным прошлым». Только написанные на эту тему произведения могли быть напечатаны. Даже такой

пронзительный певец русской деревни как Сергей Есенин был готов, говоря словами есенинской поэмы «задрав штаны бежать за комсомолом». В 1926 году на губернском съезде селькоров молодой поэт познакомился и подружился с Михаилом Исаковским, ставшим на первое время его «проводником» в мир литературы. А в 1927 году Александр съездил в Москву. Столица ошеломила его, он писал в дневнике: «Ходил по тротуарам, где прогуливаются Уткин и Жаров (популярные поэты того времени), великие ученые и вожди...». Отныне родное Загорье казалось юноше унылым захолустьем. Он страдал, будучи оторванным от «большой жизни», страстно желая общения с такими же, как и он сам, молодыми литераторами. И в начале 1928 года Александр решился на отчаянный поступок - переехал жить в Смоленск. Первые месяцы восемнадцатилетнему Твардовскому было в большом городе весьма и весьма трудно. В автобиографии поэт замечает: «Жил по койкам, углам, слонялся по редакциям». Выходец из деревни, он очень долго не мог себя почувствовать городским жителем. Вот еще одно позднее признание поэта: «В Москве, в Смоленске преследовало мучительное чувство, что ты не дома, чего-то не знаешь и можешь всякий момент оказаться смешным, потеряться в недружелюбном и равнодушном мире...». Несмотря на это Твардовский активно влился в литературную жизнь города, стал членом смоленского отделения Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), колесил по колхозам и много писал.

Трещина.

В школе мое поколение изучало творчество Твардовского, впрочем, изучают его и ныне. Главное внимание, конечно, уделяется вершине Твардовской поэзии – поэме «Василий Теркин». О ней будет сказано ниже. Биографию

Твардовского мы подробно не изучали. Уже будучи взрослой, я прочитала воспоминания брата поэта – Ивана Трифоновича Твардовского. Вспоминают о прошлом поразному. Иногда приукрашивают либо минувшее, либо себя в нем. Не таковы мемуары Ивана Твардовского. Здесь все правда. Брат поэта родился 19 октября 1914 года на хуторе Загорье. «Не торопилось счастье поселиться в нашем доме», - пишет Иван Трифонович. Раннее детство на родном хуторе, раскулачивание и ссылка семьи, побег из ссылки. Затем война, плен, побег из плена. Добровольное возвращение из благополучной заграницы на многострадальную родину обернулось новым заточением – по печально известной 58-й статье попадает Иван Твардовский в сталинские лагеря.

После долгих лет мытарств он возвращается в родные места. Он не только вернулся сюда сам, он вернул сюда память о родительском доме, о трудолюбивом, честном роде Твардовских. Хутор Загорье стал мемориальным музеем, каждодневной заботой Ивана Трифоновича, смыслом его подвижнической деятельности. Благодаря этим воспоминаниям многие строки поэта стали более понятны, открылось то, о чем большинство читателей Твардовского не знают, о том, что окрасило жизнь и творчество поэта в трагические тона. По его судьбе прошла глубокая трещина, которую не удалось залатать, которая зияла и наполняла болью.

Выбор.

Позже появятся такие строки в поэме «По праву памяти».

«Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу. ...

Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!»

А пока литературная карьера Александра Твардовского складывается на редкость удачно: отдельными изданиями выходят поэмы «Путь к социализму» и «Вступление», повесть «Дневник председателя колхоза». А в 1935 году появляется «Сборник стихов. 1930—1935 г.г.». И именно в эти успешные годы грянула беда. Семью поэта в марте 1931 года раскулачили и выслали в Сибирь. Для коллег-литераторов с того момента Твардовский становится «кулацким подголоском». Надо было делать выбор: между революцией (читай: линией партии) и самыми близкими людьми: мамой, отцом, братьями и сестрами. Такого выбора сделать Александр не мог, он мог только сделать вид, что было мучительно и стыдно. Делать этот проклятый выбор (имитировать его) надо было прилюдно. С огромной болью пишет Твардовский в письме близкому человеку: «Послезавтра мне придётся испытать самое мучительное: каяться в том, что выбрал неудачных родителей, и доказывать, что я не против советской власти». Спустя годы, в 1957 Твардовский набросает конспект пьесы, где чётко проговорено всё, что происходило с ним и с его семьёй. «1930 г. Осень. Семья накануне раскулачивания. Младший сын, который недавно был определён в семье для интеллигентной судьбы, комсомолец, «идейный», фанатичный юноша, преданный весь новому... Он-то и сбил, сговорил мать и старшего брата, любящего его нежно, пойти в колхоз... Но семья уже в «списке», составленном группой бедноты под диктовку приезжей «тройки»… И самое главное: «Младшему сыну нечего сказать своим родным… Более того, он уже знает, что если помедлит с бегством из родных мест, то поедет с семьёй туда, куда её вышлют… Он

ещё секретарь комсомольской ячейки, над ним уже занесён меч...». Твардовский с бегством не помедлил. И его младший брат Иван будет помнить об этом всегда: «Во имя избранной цели Александр ни перед чем не останавливался, вплоть до отказа от родителей. Тяжесть такого поступка отмолить трудно, и он не мог этого не понимать — нёс этот грех в своей душе молча в течение всей своей жизни. Но, как говорится, Бог ему судья». А что же сам Твардовский? На протяжении всей жизни вновь и вновь в своих стихах он обращается к самому святому, что было у него: к семье и Отечеству. Пишет об отце. Вершиной этого покаяния стала поэма «По праву памяти». Надо знать реалии времени, чтобы понять: в то время это была единственно возможная тактика: пробиваться поодиночке, чтобы спастись самому и суметь помочь потом родным. В апреле 1936 года Твардовский приезжает к родным, обосновавшимся в Русском Туреке (село в Кировской области), и перевозит отцовскую семью в Смоленск. То есть спасает. В это время Твардовский поступил в Смоленский педагогический институт, но с третьего курса уходит и доучивается уже в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), куда поступил осенью этого же года. Произведения Твардовского печатались, но сам он считал, что только с поэмы о коллективизации «Страна Муравия» (1936) он начался как литератор. Поэма имела успех у читателей и критики. Выход этой книги изменил жизнь поэта: он переехал в Москву, в 1939 году окончил МИФЛИ, выпустил книгу стихов «Сельская хроника». В этом же году поэт был призван в ряды Красной Армии и участвовал в освобождении Западной Белоруссии. С началом войны с Финляндией, уже в офицерском звании, был в должности специального корреспондента военной газеты.

Бесценные свидетельства.

Несколько лет назад на одном международном конгрессе мне посчастливилось общаться с человеком, которого я глубоко уважаю и творчество которого очень ценю – с Никитой Сергеевичем Михалковым. Во время разговора затрагивались многие темы, одна из них – историческая память – тема нашему известному режиссеру и актеру особенно близкая. Помнится, он сказал: «Наше поколение еще помнит и звон медалей на груди ветеранов войны, и скрип портупей. С фронтовиками мы общались, это было поколение наших отцов. А вот кто после нас расскажет молодым о фронтовиках, как они на фронте воевали и жили?» Юбилей Победы показал, что у молодежи есть интерес к истории Великой Отечественной войны. И какое счастье, что есть великая советская литература, имеющая честные произведения, исполненные сердечной любви к Отечеству, искренней, неформальной. А еще эти произведения - свидетельства не только очевидцев, но участников войны, благодаря Победе в которой, Россия была спасена от уничтожения. Среди таких произведений стихи Симонова, Исаковского, и, конечно, поэма Твардовского «Василий Теркин». Сам Твардовский писал: «Теркин» был... моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю». Известно, что «родился» Теркин во время финской кампании, Твардовский был военным корреспондентом. Группа литераторов, среди которых был и Маршак, решили в военной газете завести юмористический уголок. Героем шуток, прибауток, веселых рассказов стал Вася Теркин, балагур и весельчак, удачливый неунывающий солдат. Герой понравился армейским читателям, и Твар-

довский решил написать о нем поэму, планируя закончить ее летом 1941 года.

«Василий Теркин».

С начала Великой Отечественной войны Твардовский выезжает на фронт, где служит в Киевском военном округе в окружной газете «Красная армия». В первые самые тяжелы, месяцы войны Твардовскому было не до поэмы: вместе с армией он прошел всю войну, самыми трудными ее дорогами, выходил из окружения в 1941 году. В том тяжелейшем году поэт написал строки, в которых говорил и о своей возможной гибели. Говорил светло и торжественно, ведь гибель случилась бы на поле брани, в битве за Отечество:

«Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя».

Через четверть века поэт пишет еще одно стихотворение, гениальное по глубине. Оно перекликается со строками из 1941 года и наполнено скорбью по погибшим товарищам, в числе которых мог оказаться и он сам, но судьба судила жить.

«Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они, кто старше, кто моложе
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том, но все же, все же, все же…»

И вот между этими двумя стихотворениями стоит поэма, живой памятник русскому солдату. К мысли о «Теркине» поэт вернулся в июне 1942 года. Первые главы были опубликованы летом 1942 года, после тяжелого и длительного (казалось, бесконечного) отступления наших войск к Волге и Северному Кавказу, в тяжелейшее, непредсказуемое для дальнейшего хода войны время. Все были охвачены тревогой: что дальше; удастся ли остановить немцев? Казалось, людям было не до новинок литературы, не до стихов. Но было в книге Твардовского то, что нашло отклик практически у каждого читателя в тылу и особенно на фронте. Поэма сразу же стала знаменитой (как это ни удивительно – задолго до своего завершения), газеты с главами поэмы, как свидетельствуют очевидцы, с нетерпением ожидались читателями, передавались из рук в руки.

Книга про бойца.

Работая над очерком, я вновь и вновь перечитываю строки «Василия Теркина». Зная немного историю советской литературы, конечно, я удивляюсь: ни одного упоминания о Сталине, ни одного. А между тем уже в 1945 году поэма получает Сталинскую премию. Как это стало возможно? На этот вопрос лучше всех ответил Иван Бунин: «Это поистине народная книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем… ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого слова». Все главы поэмы пронизаны любовью к солдату, душевностью и оптимизмом. Но самое главное – они правдивы. Русский человек на войне – вот, что в центре описания. Главы «Переправа», «Перед боем», «О войне» лишены патетики и воспевания героизма. Это рассказ фронтовика, который делает свою

работу, трудную, опасную, который идет в бой «не ради славы, ради жизни на земле».

«Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой, -
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин - мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка -
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька»

Вехи биографии.

Почти одновременно с «Теркиным» и стихами «Фронтовой хроники» поэт начал законченную уже после войны поэму «Дом у дороги» (1946). Затем были написаны поэма «За далью – даль» и «По праву памяти», где рассказана правда о судьбе отца поэта, ставшего жертвой коллективизации. Поэма была запрещена цензурой. Вышла только в 1987. Наряду со стихами Твардовский всегда писал прозу. В 1947году была опубликована книга о минувшей войне под общим заглавием «Родина и чужбина». Александр Трифонович проявил себя и как глубокий, проницательный критик. Не потеряли актуальности его книги «Статьи и заметки о литературе», «Поэзия Михаила Исаковского», статьи о творчестве С. Маршака, И. Бунина. Поэт был гражданином и истинным патриотом своей страны и своего народа. А еще он вошел в историю как великий редактор, который

в жестокой борьбе все-таки победил силы зла, силы врагов демократии и прогресса. Многие годы Твардовский был главным редактором журнала «Новый мир», мужественно отстаивая право на публикацию каждого талантливого произведения, попадавшего в редакцию. Глубокий исследователь творчества Твардовского профессор Г. Якушева отмечает схожесть судеб поэта и журнала: «Общее в судьбе поэта и журнала – мужественно взятая на себя роль правдоискателя, рупора свободолюбия, демократии и гуманности в смятенном, теряющем ориентиры обществе, широкое признание читающей публики – и в то же время негодование официоза, травля со стороны угодливых критиков-конформистов, репрессии, выразившиеся в неоднократном разгоне редакции журнала и в увольнении (директивном в 1957 году и навязанном в 1970 году), его главного редактора». Читающая аудитория хорошо помнит, что впервые благодаря его редакторской смелости Твардовского, опубликованные в «Новом мире» были опубликованы произведения А. Солженицына, В. Дудинцева, В. Некрасова, Ф. Абрамова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, Ю. Домбровского, Н. Матвеевой и десятков других выдающихся писателей поистине обозначили «новый мир», новую эпоху в истории русской литературы, перекличка с которой так нужна нам сегодня. 18 декабря 1971 года А. Твардовский скончался после тяжелой болезни.

Кто осилил сорок первый

(Юлия Друнина).

«Кто осилит сорок первый
Будет драться до конца…»
(Юлия Друнина)

Поколение героев.
Это было удивительное поколение. Рожденные в двадцатых годах прошлого века, они были романтиками. Время первых пятилеток, челюскинцев и антифашистской борьбы в Испании в миллионах девушек и юношей воспитало жажду героизма. Это из их среды вышли Александр Матросов, Зоя Космодемьянская и молодогвардейцы. Когда началась Великая Отечественная война, юношество этого поколения рвалось на фронт, осаждая военкоматы и прибавляя себе года, чтобы оказаться на передовой. Они больше всего боялись, что война закончится, а они так и не повоюют. Тогда, в сорок первом они еще не знали, что из мальчишек и девчонок 1922, 1923 и 1924 гг. рождения, в живых останутся только три (!) процента. А если б и знали, то это ничего бы не изменило. Они осознанно шли на фронт, исполненные решимости заслонить собой Отечество.

«Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать»

Эти строки Юлии Друниной как манифест поколения юных героев. Да, это было удивительное поколение, и мы обязаны благодарно помнить их имена, свято хранить память о них, передавая эту память своим детям и внукам. Когда же, как не сегодня, накануне великого нашего праздника, Дня Победы, вспоминать о них, поклониться их памяти, пройти в торжественном шествии с их портретами по улицам тех селений и городов, где живут потомки героев. В Великой Отечественной войне сложили голову более двадцати миллионов наших предков, в каждом из нас течет кровь бойцов, кровь героев. И она взывает к нам, нынешним. Достойны ли? Помним ли? Сумеем ли защитить память о своих предках? А они, погибшие и израненные, из сороковых-роковых окликают нас обжигающими строками стихов, рожденных на полях боев.
Сегодня речь пойдет о двух поэтах-фронтовиках: Юлии Друниной и Булате Окуджаве. И не только юбилейные даты тому причиной (их дни рождения пришлись на победные майские дни). Для Победы они сделали много: отдали свою молодость и оставили нам гениальные стихи о войне.

Светлокосый солдат.
Если б Юлия Друнина написала одно лишь стихотворение «Зинка», она вошла бы в историю русской поэзии двадцатого века как выдающийся поэт. Давайте прочтем это проникновенное и трагичное стихотворение и вспомним и

Героя Советского Союза Зинаиду Самсонову и автора стихов Юлию Друнину, поэта и фронтовика:

«Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле

Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет…
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.-
Мы хотели со славой жить.
… Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав…
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
… Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!»

Начало.

Сама Юлия Друнина родилась в 1924 году в семье московских интеллигентов: папа – учитель, мама – библиотекарь. Бедность и богатство ее окружали с детства. Бедность – это убогая коммуналка, маленькие зарплаты родителей, которые позволяли еле-еле сводить концы с концами. А богатство – это книги, которые ее окружали с раннего детства. Любимым занятием стало чтение. Герои книг будили мечты, распахивали горизонты. И еще маленькая Юля как-то рано поняла, что хочет быть писателем или поэтом. Образы рыцарей и прекрасных дам тревожили воображение. И носила девочка светлые косы, и была настоящей тургеневской героиней, и писала девочка чистые и наивные стихи, и в школьных конкурсах занимала первые места. Последний школьный звонок и начало войны случились день - в день. И сразу Юля пошла в военкомат. Но в шестнадцать лет на фронт не брали. Девочка записывается в санитарную дружину и работает в госпитале, совмещая дежурства с курсами медицинских сестер. Вот сухие строки ее автобиографии: «В конце лета 1941 года с приближением немцев к Москве была направлена на строительство оборонительных сооружений под Можайском. Там во время одного из авианалётов потерялась, отстала от своего отряда и была подобрана группой пехотинцев, которым нужна была санитарка. Вместе с ними попала в окружение и тринадцать суток пробиралась к своим по тылам противника». Она вернулась в Москву и была отправлена в эвакуацию в Сибирь в Тюменскую область... Казалось бы, теперь, повстречавшись со смертью на настоящей войне, девушка должна была радоваться безопасной жизни, трудной, но …жизни. А она вновь рвется на фронт и поступает в Школу младших авиационных спе-

циалистов (в Хабаровске). Через некоторое время девушкам- курсантам объявили, что их вместо отправки в боевые части переводят в женский запасной полк. Перспектива оказаться вдали от фронта казалась для Друниной ужасной. Узнав о том, что девушек-медиков, в порядке исключения, всё-таки направят в действующую армию, она спешно нашла своё свидетельство об окончании курсов медсестёр и уже через несколько дней получила направление в санитарное управление 2-го Белорусского фронта. Впоследствии она напишет:

«Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год».

По прибытии на фронт Юлия Друнина получила назначение в 667-й стрелковый полк 218-й стрелковой дивизии. В этом же полку воевала санинструктор Зинаида Самсонова (погибла 27 января 1944 года, посмертно удостоена звания Героя Советского Союза), которой Друнина и посвятила одно из самых проникновенных своих стихотворений «Зинка». А в 1943 году сама Юлия Друнина была тяжело ранена — осколок снаряда вошёл в шею слева и застрял всего в паре миллиметров от сонной артерии. Не подозревая о серьёзности ранения, она просто замотала шею бинтами и продолжала работать — спасать других. Скрывала, пока не стало совсем плохо. Очнулась уже в госпитале и там узнала, что была на волосок от смерти. В госпитале, в 1943 году, она написала своё первое стихотворение о войне, которое вошло во все антологии военной поэзии:

«Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне».

После излечения Друнина была признана инвалидом и комиссована.

На всю оставшуюся жизнь…

Юлия вернулась в Москву. Попыталась поступить в Литературный институт, но неудачно — её стихи были признаны незрелыми. Не попав в институт, оставаться в Москве Юля не захотела и решила вернуться на фронт. К счастью, её признали годной к строевой службе. Друнина попала в артиллерийский полк Прибалтийского фронта. Воевала в Прибалтике. В одном из боёв была контужена и признана негодной к несению военной службы. Закончила войну Юлия в 1944 году в звании старшины медицинской службы. За боевые отличия была награждена орденом Красной звезды и медалью «За отвагу». Пережитое на войне стало отправной точкой в развитии поэтического мировосприятия Друниной и сквозной темой её творчества. Она вспоминала:

«До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..

Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас».

Что было потом? Учеба в Литературном институте им. Горького, замужество, рождение дочери и стихи, стихи, стихи. Знаменательно, что первый сборник назывался «В солдатской шинели», а потом почти каждый год выходили книги Юлии Друниной. Они были любимы читателями… Юлия Друнина трагически ушла из жизни, не перенеся крушения СССР, страны, за которую она проливала кровь и в идеалы которой верила. Она так и написала:

«… Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия, -
Не могу, не хочу смотреть!»

Написала в самых последних своих строчках. Она не была одинока в ощущении трагизма эпохи. «Одной из крупнейших катастроф XX века» назвал Президент России Владимир Путин крушение СССР. Распалась страна и где-то на ее бывших просторах распалась и память о наших героях и нашей Победе. Прошли десятилетия. А строки Друниной остаются в строю, они взывают и к нашей совести, и к нашей памяти.

«Мы все войны шальные дети» (Булат Окуджава).

«Война — вещь противоестественная, отнимающая у человека природой данное право на жизнь. Я ранен ею на всю жизнь и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю. Я ненавижу войну.»

(*Булат Окуджава)*

Это было в Тбилиси.

Усталый капитан, сотрудник военкомата, с какой-то печалью смотрел на двух мальчишек-друзей. Особенно сочувственно – на одного, маленького роста, худющего, тонкошеего. Мальчика звали Булат. Он только что окончил девять классов и трудился на оборонном заводе токарем. Этот парнишка изо всех сил рвался на фронт. В военкомат пришел в самый первый день войны и потом приходил каждый день с единственной просьбой: возьмите на фронт. Объяснения, что в семнадцать лет на фронт не берут, не оказывали никакого воздействия. Капитану еще и потому жаль было этого черноглазого пацана, что из личного дела следовало: Булат Окуджава – сын врага народа Шалвы Окуджавы, который был некогда секретарем горкома партии. Следовало и то, что в 1937 году родители

Булата были арестованы, и отец был расстрелян, а мать сослана в лагеря. Капитан пытался отделаться от этих ребят, он даже дал им поручение: разносить по домам повестки. А они за свое: «А нам когда же выпишите повестку на фронт?» О том, как в дальнейшем развивались события, Булат Шавлович вспоминал: «... Наконец, сломленный нашим упорством, капитан не выдержал и сказал: «Пишите свои повестки сами, у меня рука не поднимается это сделать». Мы заполнили бланки и отнесли их домой: он - ко мне, я - к нему» Прежде, чем мы приступим к рассказу о рядовом бойце Булате Окуджаве, хотелось бы отметить уникальность поколения, к которому он принадлежал. Многие из этих ребят были подранками, детьми невинно репрессированных родителей. Была в сердцах этих мальчишек горечь, обида, трагизм сиротства. Но была в них недетская мудрость, которая позволила разделить понятия «государство» и «Отечество». Государство было безбожным, репрессивным, жестким. Но было и Отечество, земля предков, Пушкина, Чайковского. И эту землю топтал фашистский сапог, а этого допустить было нельзя даже ценой своей юной жизни.

Первый день на передовой.

И вот он на фронте и первый день на передовой. Вот, как Окуджава вспоминал этот день: «Мне как-то смешно себя вспоминать и видеть себя — в обмотках, с кривыми ногами, с тонкой шеей, с большой пилоткой на голове… Когда в первый день я попал на передовую, и я, и несколько моих товарищей — такие же, как я, семнадцатилетние — очень бодро и счастливо выглядели. На груди у нас висели автоматы, и мы шли вперед, в расположение нашей батареи, и уже представляли каждый в своем воображении, как

мы сейчас будем прекрасно воевать и сражаться. И в этот самый момент, когда наши фантазии достигли кульминации, вдруг разорвалась мина, и мы все упали на землю, потому что полагалось падать. Ну, мы упали, как полагалось, а мина-то упала от нас на расстоянии полукилометра. Все, кто находился поблизости, шли мимо нас, а мы лежали. Потом мы услышали смех над собой. Встали и тоже пошли. Это было наше первое боевое крещение» Позднее эти чувства выльются в строки стихотворения «Первый день на передовой», которое мало известно:

«А пули звенят
возле меня.
Летят, летят —
крови моей хотят.

Кричу, обессилев,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту, припадаю
Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?..
Гибнуть толку нет, мне немного лет…
Я ночных дозоров не выстоял,
Я еще ни разу не выстрелил

Начались боевые будни. Булат прошел ступенями своей солдатской судьбы, честно исполнив долг перед Отечеством. Он не был убит, но был опасно ранен, выжил. После госпиталя служил радистом в тяжёлой артиллерии. Буду-

чи полковым запевалой, в 1943 году на фронте сочинил первую песню «Нам в холодных теплушках не спалось».

Мирная жизнь.

После демобилизации экстерном сдал экзамены за среднюю школу. Окончил в 1950 году филфак Тбилисского университета. Получив диплом, работал школьным учителем в калужском селе Шамордино. А после XX съезда маму писателя реабилитировали, она вернулась из лагеря и им вдвоём разрешили поселиться в Москве. Окуджава смог устроиться в газету «Комсомольская правда», затем работа в издательстве «Молодая гвардия», в «Литературной газете». Шли годы. Память о войне не отпускала. Не сразу эта память стала воплощаться в стихотворных строках. Первую книгу с названием «Лирика» Окуджава выпустил только в 1956 году. Его строки о войне, очень искренние и негромкие, были далеки от громких победных реляций. Поэтическая интонация Окуджавы была безыскусна, доверительна. Литературное начальство в СССР не полюбило стихи Окуджавы. Официальная критика осудила его творчество. По мнению руководства Союза писателей России, «стихи были пацифистскими, они не выражали настроений, дум, чаяний нашей героической молодёжи». Зато полюбил его стихи народ той самой страны, за которую он сражался. Фронтовики своей любовью к стихам и песням Окуджавы свидетельствовали о высокой правде поэта.

Память, правда и боль.

А правда была в том, что Окуджава чувствовал свою вину: он – вернулся с фронта, а миллионы солдат не вернутся никогда. Он с горечью писал:

«И, недолгий путь свой подытожив,
Всё сполна на сердце положив,
Вдруг поймешь, что ты без счета должен тем,
Кто до сегодня не дожил.
Что им проку в маршах похоронных,
В шорохе знамен, упавших ниц,
И в речах, и в мраморных хоромах
Всяких усыпальниц и гробниц...»

А в 1958 году Булат Окуджава написал одну из самых великих песен о юности и войне. Впрочем, не о войне, а против войны. Против ее ужасающей бесчеловечности, поломавшей все привычное, светлое, загубившей надежды миллионов.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли -
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом - солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад».

Окуджава писал стихи и прозу, сочинял песни и пел их в кругу друзей, аккомпанируя себе на гитаре. Рождался новый жанр – авторская песня, и он был основателем этого жанра. За ним придут Никитины и Владимир Высоцкий. Слушатели Окуджавы полюбили его композиции «На тверском бульваре», «Московский муравей», «Сентиментальный марш». В 1961 году в Харькове прошел с боль-

шим успехом первый концерт Окуджавы. В том же году Константин Паустовский включил в альманах «Тарусские страницы» повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр». Повесть подверглась нещадной критике. Но в 1965 году режиссеру В.Мотылю удалось эту повесть экранизировать, дав фильму другое название — «Женя, Женечка и Катюша».

«Белорусский вокзал»

… Наверное, у каждого свой Окуджава. Кто-то берет в руки гитару и тихонько напевает «Виноградную косточку» или «Давайте говорить друг другу комплименты». Кто-то с удовольствием читает роман, например «Путешествие дилетантов». Но есть песня, которую в России, да и на всех просторах бывшего СССР, в День Победы обязательно вспомнят и споют. Это песня из кинофильма Андрея Смирнова «Белорусский вокзал». Работая над песней, Окуджава говорил: «Но тогда, на фронте, мы совсем по-другому думали, по-другому говорили и по-своему пели. Отыщу ли я слова тех лет? И вдруг сработала память. Неожиданно вспомнился фронт. Я как бы воочию увидел этого самодеятельного фронтового поэта, думающего в окопе об однополчанах. И тут же сами собой возникли слова будущей песни:

«Здесь птицы не поют, деревья не растут.
И только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиною дым.
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!»

Эту песню мы споем и сегодня, 9 мая, в День Победы, в день рождения Булата Окуджавы, поэта и солдата. Этот очерк, скромное приношение его памяти, хочется закончить словами Булата Шалвовича: «Я, как и мои сверстники, шел на фронт, чтобы защитить свою землю. Мы шли, потому что любили свою землю».

Никто не забыт
(Ольга Берггольц).

- Здравствуй... Сердцем, совестью, дыханьем,
всею жизнью говорю тебе:
- Здравствуй, здравствуй. Пробил час свиданья,
светозарный час в людской судьбе.

Я четыре года самой гордой -
русской верой - верила, любя,
что дождусь - живою или мертвой,
все равно,- но я дождусь тебя.
Вот я дождалась тебя - живою...

(Из стихотворения Ольги Берггольц «Встреча с Победой»)

Работаю над очерком накануне Дня Победы. Работаю за тысячи километров от России, но чувство сопричастности не покидает. Ведь в эти дни все мои соотечественники вспоминают родных, которые выстояли и победили в Великой Отечественной войне. В каждой семье. В этом году отмечаем праздник в непростое время. Можно сказать, драматическое. Думали ли наши родители (а мое поколение – дети фронтовиков), пришедшие израненными с войны, что их детям и внукам придется не только беречь память о них, победителях, но и саму Победу защищать. В фильме «Семнадцать мгновений весны» персонаж с именем Мюллер с надеждой говорит, что придет время, где-нибудь вновь произнесут «хайль», и вновь начнется воз-

рождение фашизма. Пусть произносят не «хайль», слоганы звучат другие, но символика вполне похожа, а главное похожа суть. И где? На земле, которая недавно звалась «СССР», а еще раньше, в глубине веков, звалась та земля Русью. Больно. Но о нашей Победе надо писать не только ликующе, но и со скорбью. Пепел наших отцов стучит в наши сердца.

Строки, которые обжигают.

В дни празднования Победы исполняется 110 лет со дня рождения Ольги Берггольц. Перечитываю ее знакомые еще с ранней юности стихи. Впервые читаю недавно изданную книгу «Ольга. Запретный дневник». Он в годы моей молодости не был опубликован. Строки обжигают, в мое кипрское солнечное бытие врывается июнь грозного 1941 года:

«Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
Горьких лет гонения и зла,
Но в слепящей вспышке поняла:
Это не со мной — с Тобою было,
Это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла,
Но была б мертва, осуждена —
Встала бы на зов Твой из могилы,
Все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С темной радугой над головой.

Он настал, наш час, и что он значит
Только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя - я не могу иначе,
Я и Ты по-прежнему одно».

Мне имя Ольги Берггольц хорошо знакомо с детства. Вообще мы, дети фронтовиков, знаем неплохо историю Великой Отечественной войны. Учебники у нас были хорошие, а главное были рассказы отцов, на уроки приходили герои войны, еще моложавые, с медалями и орденами на пиджаках. Знали мы о великих битвах, о героях-панфиловцах, о пионерах-героях, о молодогвардейцах, о Зое Космодемьянской и Николае Гастелло и, конечно, о блокаде Ленинграда. В восьмом классе вместе с одноклассниками я впервые приехала в Ленинград. Все дни были насыщены экскурсиями. В памяти остался красавец город на Неве, ярче всего - образ Матери-Родины на Пискаревском кладбище, цифра «641 803» - количество погибших от голода ленинградцев. И слова, выбитые в камне**:**

«Их имен благородных мы здесь перечислить не можем, так их много под вечной охраной гранита. Но знай, внимающий этим камням: никто не забыт и ничто не забыто*».*

Эти слова однажды произнесла Ольга Федоровна Берггольц, маленькая хрупкая женщина глуховатым с легкой

картавинкой голосом. Ее называли «Мадонной блокадного Ленинграда».

Мадонна блокадного Ленинграда.

Все блокадные дни она оставалась в городе, где от голода умер ее муж. Она оставалась и работала на радио. А радио тогда было единственной нитью, которая связывала человека с жизнью, дарило надежду, вселяло мужество бороться. Однажды Ольга Федоровна, обессилевшая от голода и замерзшая, по дороге на работу упала в бессилии, и вряд ли она бы поднялась. Упала около столба, на котором был репродуктор. И вдруг из репродуктора донесся женский голос, и прозвучали стихи:

«Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
Не сломлюсь, не дрогну, не устану,
Ни крупицы не прощу врагам.
Нет. По жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут…»

Ольга Федоровна, собрав все последние силы, встала и пошла. Она не сразу поняла, что силу ей придали ее собственные стихи, которые она же и читала в эфире (в записи). Малоизвестный факт: книжки ее стихов ленинградцы обменивали на хлеб, тот самый крошечный кусочек (125 г) черного блокадного хлеба. Так велика была потребность в честном выстраданном слове, дарящем надежду на Победу. О фашизме Ольга Берггольц говорила с отвращением. Ей и миллионам советских людей было совершенно ясно, что такое фашизм. Это идеология, оправдывающая любые жестокости арийца-сверхчеловеки, остальные - недочело-

веки. Евреи, цыгане, больные подлежали уничтожению. Ольга Федоровна была коммунисткой. В ее мировоззрении, как и в мировоззрении миллионов советских людей, было много иллюзий, в которые они свято верили. В жизни нашей героини многие из этих иллюзии были жесточайшим образом разбиты. Ее первого мужа казнили в сталинских застенках. Арестовали и ее, беременную на шестом месяце, пытали, требуя оклеветать себя. Страшные побои стали причиной потери долгожданного ребенка. В своем тайном дневнике Ольга Федоровна описывает подробности того ада, через который прошла она и многие-многие советские люди. Сейчас большинство страниц истории того периода уже не тайна. Забывается другое, то, о чем Берггольц знала не понаслышке: была романтика эпохи, небывалая солидарность, трудовой энтузиазм, героизм и патриотизм. А какие прекрасные цели декларировались: «счастье, равенство, братство» Все это было. Как бы Ольга Берггольц, люди ее поколения, были бы потрясены, узнав, что на просторах, которые звались «СССР», нашлись святотатцы, поставившие знак равенства между фашизмом и коммунизмом. Да, двойственность, двуликость государства разрушала души людей. С одной стороны, прекрасные цели, чистые и пламенные, абсолютно бескорыстные борцы. Это были живые люди, которые трагически ошиблись в своем понимании добра и зла. С другой стороны, в обществе присутствовали ложь и лицемерие, происходили ночные аресты, в тюрьмах - пытки, по всей стране - лагеря…

Отечество и государство.

А потом грянула война. И Берггольц, как и миллионы советских людей, все простила государству. Горькие годы

гонений и зла она не позабыла. Но она, как и большинство ее сограждан, сумела различить два понятия: Отечество и государство. Счастье, когда эти понятия тождественны, чаще, увы, в нашей истории эти понятия не совпадали. Но от этого несовпадения мы не можем любить меньше Родину, тем более, когда она «в венце терновом». Наши отцы и деды отдавали жизнь свою, чтобы этот мученический венец преобразился в сияющий нимб славы. Наш долг, их потомков, не дать этот нимб осквернить. А разве не осквернением является сравнение коммунизма и фашизма?! В эти юбилейные дни где-то принимают решение открыть музей тоталитаризма. Дают указания запретить символику, за которую в грозные дни Великой Отечественной войны люди отдавали жизнь, видя в красном знамени – символ Победы, а в пятиконечных звездах – Кремлевские башни и столицу, к которой враг не должен был прорваться. Забывают в некоторых странах, как их граждане в 1944-1945г.г. встречали русского солдата, со слезами радости и словами вечной благодарности. В Болгарии и Чехии мне доводилось слышать эти рассказы от очевидцев. Не их вина, что век благодарности оказался короток. А раз такое происходит неподалеку от границ России, каждый россиянин, где бы он ни проживал, в России или за ее пределами, - должен почувствовать себя защитником Победы. Стало уже общим местом роптать на отсутствие идеологии, которое закреплено в Российской Конституции. Так вот, идеология должна жить в наших сердцах: идеология признания, благодарности минувшим поколениям, любви к России. Могут ли эти чувства уживаться с десоветизацией? Думаю, могут. Мы должны сами помнить и детям рассказать о том положительном, что было в советское время: Победа, космос, пионерское детство. Мы обязаны знать и не ретуши-

ровать темные пятна, которые были другой стороной медали. Атеизм был одной из отвратительных черт той, другой стороны. Надо уметь эти стороны разделять, уметь пройти как по лезвию бритвы. Но, самое главное, при этом ощущать себя частью России, может быть, ее самой маленькой капелькой. И это ощущение в себе растить, передавать детям и внукам. Все для того, чтобы в трудный час мы могли вслед за Ольгой Берггольц повторить:

«Он настал, наш час, и что он значит
Только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя , я не могу иначе,
Я и Ты по-прежнему - одно».

Как хоронили Музу Ленинграда.

А жизнь Ольги Берггольц продолжалась. Судьба ей уготовила еще тридцать лет после Победы. Если на страницах этого очерка вы впервые повстречались с Ольгой Берггольц, очень прошу, прочтите ее стихи о войне. Великие стихи. Тем, кто хочет открыть для себя трагичную женскую судьбу прекрасного русского поэта, советую прочитать «Дневные звезды» и «Запретный дневник». Я намеренно не пишу подробно о биографии Ольги Берггольц, надеюсь, что наши читатели заинтересуются ее судьбой и стихами. Дочка известной питерской поэтессы Нина Катерли так выразила свои впечатления от книги-дневника Берггольц, прочитав его: «Я тогда была школьницей, когда с ней встречалась. Я знала, что она - поэт, она прекрасный поэт, я знала наизусть ее стихи, мама мне их читала, да, к сожалению, она пьет (а поневоле запьешь, между прочим, от такой жизни). Здесь есть воспоминания, есть воспоминания и Гранина, и воспоминания ее друзей о ее последних

днях, о том, как они узнали о похоронах, что ее не позволили не только похоронить на Пискаревском кладбище (о чем в завещании просила поэтесса), но даже привезти туда и открыть там гроб, чтобы люди могли проститься. А люди не знали, газеты сообщили поздно, люди уверены были, что похоронят ее там. А гроб там открыть не разрешили. И только тайком шофер, которого уговорили, подъехал к воротам. А потом ее повезли на Волково кладбище и чинно похоронили там. Кроме того, она еще просила, чтобы над ее гробом не исполняли этих вот обычных похоронных маршей, которые принято, а исполняли духовную музыку. И друзья принесли пластинки. Так их не разрешили на гражданской панихиде поставить, эти пластинки: «Она была членом партии, она была атеисткой, и – незачем». Вообще, очень комканая была и сама гражданская панихида, и очень там хорошо и резко выступил Федор Абрамов, который сказал, что надо было бы вообще гражданскую панихиду не здесь устраивать, а на Дворцовой площади, под знаменами, потому что «это была муза Ленинграда».

Звезда Иосифа Бродского.

«А если ты дом покидаешь – включи
Звезду на прощанье в четыре свечи,
Чтоб мир без вещей освещала она,
Вослед тебе глядя во все времена»
(Иосиф Бродский)

Дань уважения и признательности.

Иосиф Бродский умер в Венеции, где и был похоронен. А ведь обещал: «На Васильевский остров я приду умирать». Не случилось. Иосиф Бродский – русский советский и американский поэт. Сам себя он так называл, ставя слово «русский» на первое место, будучи евреем по национальности. Скоро исполнится десять лет, как литература живет без поэта со сложной судьбой. Годы проходят. А стихи его, порой сложные, непонятные, порой ясные и чистые, пророческие и тревожные, звучат все чаще. Они будят чувства, теребят воспоминания…

Потрясение.

Не могу сказать о себе, что являюсь горячей поклонницей творчества Бродского (что, впрочем, говорит лишь о моих поэтических пристрастиях, а вовсе не о достоинствах поэзии большого поэта). Но всегда уважала Бродского за отсутствие пошлости и банальности в его стихах, несомнен-

но, талантливых. И, как многие православные христиане, любила его Рождественские стихи. Ведь к каждому Рождеству поэт писал стихотворение, начиная с «Рождественского романса» в 1961 до последнего, написанного за год до смерти – в 1995. Для меня его самыми лучшими строками были эти, завораживающие и величественные:

«В холодную пору, в местности,
Привычной скорее к жаре,
Чем к холоду, к плоской поверхности более,
чем к горе,
Младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
Мело, как только в пустыне может зимой мести.
Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
На лежащего в яслях ребенка, издалека,
Из глубины Вселенной, с другого ее конца,
Звезда смотрела в пещеру,
И это был взгляд Отца».

А в юбилейные дни мне довелось пережить настоящее потрясение, прочитав впервые стихотворение Бродского, дотоле мне неизвестное – «Мой народ». Настолько сильным было впечатление от прочитанного, что мне тут же захотелось подлиться им с родными и читателями. И сердечно поблагодарить литературного критика Владимира Бондаренко, который в своем материале о поэте, опубликованном в Литературной газете (№21 за 2015 г), поместил эти великие стихи.

Жизненный путь.

Прежде, чем мы прочтем это стихотворение, вспомним биографию поэта. Вот ее канва: Он – коренной ленинграда-

дец, выходец из интеллигентной семьи. Учился в трех школах. Стихи начал писать очень рано. Сменил несколько мест работы: был помощником прозектора в морге, матросом на маяке, истопником, рабочим в геологической экспедиции. Надсмотрщики за советской культурой расслышали в его стихах скрытый протест. О нем была написана статья-приговор «Литературный трутень» - как результат, поэт был приговорен к ссылке в Архангельский край, где провел пять лет. Затем последовала высылка из страны. Работал в США, преподавал в университетах, не имея высшего образования. Писал стихи. А в 1987 году стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы. Звучит в его биографии и еще одна струна – трагичная и светлая. Он любил на протяжении многих лет одну женщину. Именно ей, Марине Башаровой («М.Б». – это именно ее инициалы), он посвятил большинство своих стихов. Она предпочла поэту его близкого друга. Она жива, никогда не дает интервью. И тайна их отношений не дает покоя исследователям творчества Бродского. Мы эту струну не тронем, ведь есть стихи, которые доступны всем, а есть мгновения, которые разделили только двое.

Мой народ

Быть русским поэтом – это особый мистический путь. У всех наших великих поэтов по канве жизни вышиваются судьбой схоже узоры: у многих в начале пути есть наставник. Живой (как Державин у Пушкина), либо живущий в душе (как Пушкин у Цветаевой и Лермонтов у Шевченко). Таким наставником у Бродского была Анна Ахматова. Ему посчастливилось встретить ее в начале своего творческого пути, быть отмеченным ею, быть птенцом ее гнезда. Надо ли говорить о другой закономерности в судьбах наших по-

этов – это нелюбовь (если не сказать больше) властей и непременная ссылка. Пушкин - Михайловское, Лермонтов – Кавказ, Шевченко - казахские степи. И именно в ссылке поэты создают порой свои лучшие стихи.
У Бродского местом ссылки было село Норенское в Архангельском крае. Там и произошла его встреча с русским народом, звучным выразительным языком северян, с застенчивой и милой природой северного края. И именно там двадцатипятилетний юноша почувствовал себя не умничающим интеллигентом с не очень удачной судьбой, но пусть малой каплей океана, имя которого - Россия. Он написал стихи, о которых Ахматова сказала: «Это гениальные стихи». Давайте прочтем их, и если вы читаете их впервые, возможно созвучие душ – поэта и вашей – состоится. (Орфография сохранена авторская).

«Мой народ, не склонивший своей головы,
Мой народ, сохранивший повадку травы:
В смертный час зажимающий зёрна в горсти,
Сохранивший способность на северном камне расти.

Мой народ, терпеливый и добрый народ,
Пьющий, песни орущий, вперёд
Устремлённый, встающий — огромен и прост —
Выше звёзд: в человеческий рост!

Мой народ, возвышающий лучших сынов,
Осуждающий сам проходимцев своих и лгунов,
Хороня́щий в себе свои муки — и твёрдый в бою,
Говорящий безстрашно великую правду свою.

Мой народ, не просивший даров у небес,

Мой народ, ни минуты не мыслящий без
Созиданья, труда, говорящий со всеми, как друг,
И чего б ни достиг, без гордыни глядящий вокруг.

Мой народ! Да, я счастлив уж тем, что твой сын!
Никогда на меня не посмотришь ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня, если песня моя не честна.
Но услышишь её, если искренней будет она.

Не обманешь народ. Доброта — не доверчивость. Рот,
Говорящий неправду, ладонью закроет народ,
И такого на свете нигде не найти языка,
Чтобы смог говорящий взглянуть на народ свысока.

Путь певца — это родиной выбранный путь,
И куда ни взгляни — можно только к народу свернуть,
Раствориться, как капля, в безсчётных людских голосах,
Затеряться листком в неумолчных шумящих лесах.

Пусть возносит народ — а других я не знаю судéй,
Словно высохший куст, — самомненье отдельных людей.
Лишь народ может дать высоту, путеводную нить,
Ибо нé с чем свой рост на отшибе от леса сравнить.

Припадáю к народу. Припадáю к великой реке.
Пью великую речь, растворяюсь в её языке.
Припадáю к реке, безконечно текущей вдоль глаз
Сквозь векá, прямо в нас, мимо нас, дальше нас.

Хочется верить, что эти строки напомнят нам о высоком предназначении быть сыном русского народа, о долге не лгать в своих отношениях с Отечеством. Заметим, что о

Родине Бродский говорит только в контексте Отечества, никак не государства. У Бродского эти два понятия не совпадали. В наше время эти совпадения случаются чаще. Хотя, может быть, не у всех. В наши дни стихи звучат исключительно актуально, но, думается, они - вневременное явление в русской поэзии. И мы, живущие вдали от России, прочитав эти строки Бродского, может быть, задумаемся о том, что наш жизненный путь только тогда чего-нибудь будет стоить, если его маршрут совпадет с дорогами Отчизны. Последнее четверостишье возносит мысль Бродского до философских высот. Оно – о вечности народа и вечности великого русского слова. Только лишь припав к этой реке вечности, растворившись в ней, русский человек обретает свою путеводную нить. Только вначале надо хотя бы приблизиться к тому великому чуду, которое зовется Россия. Приблизиться душой и ощущать свою сопричастность родной земле. В 1968 году советские войска вошли в Прагу. В это время в Лиссабоне проходила международная писательская конференция. Советские писатели гневно заявляли, что за действия советского руководства они не отвечают. Иосиф Бродский сказал следующее: «Отвечаю за все, что делается с Россией». Он себя от России не отделял.

Скоро исполнится десять лет, как поэта Бродского не стало. Народ, на языке которого они писал и для которого писал, - мудр. Именно ему дано святое право из тысяч поэтических строк выбрать те, которые отзовутся в миллионах сердец. Этот выбор в случае с Бродским только еще начинается. Российский читатель знает «Сретенье» и «Пророчество», «В деревне Бог живет не по углам», «Горение» и «На смерть Жукова»… Народ сделает свой выбор. Я не филолог. Будучи обычным читателем, я тоже имею право

на свой выбор в мире поэзии Бродского. Мой выбор – ода русскому народу, стихотворение «Народ»

В заключение.

В одном из интервью поэт как-то сказал: «У меня сильное предубеждение против определений. Кроме одного – «русский». Я - русский, ибо пишу на русском языке». Писал он много лет вдали от России. Но дома успел зажечь свою звезду. Она продолжает гореть, и свет ее становится все ярче.

Фотопортреты:

- Михаил Исаковский стр. 240

- Александр Твардовский стр. 253

- Юлия Друнина стр. 266

- Булат Окуджава стр. 274

- Ольга Берггольц стр. 281

- Иосиф Бродский стр. 289

Раздел III

Обращение к совести

Русские писатели.

Посланец Киевской Руси.

Московит, гражданин Киева.

Живая душа.

Загадки Конька-Горбунка.

Голос Ивана Тургенева.

Великий сатирик.

Лев Толстой: Триумф и анафема.

О человеке, в котором все было прекрасно (шесть новелл об Антоне Чехове).

Посланец Киевской Руси.

О наследстве и наследниках.

Достижения есть у каждого народа, населяющего планету Земля. Ведь каждый народ внес плоды своего труда, интеллектуальной и духовной деятельности в копилку мировой цивилизации. Русский народ создал уникальную культуру, которой каждое поколение русских людей имеет право гордиться, и должно овладевать ею, если не хочет оказаться в положении наследника огромного достояния, бездумно промотавшего то, что предки наживали неустанным трудом. Самые драгоценные духовные сокровища нашей культуры – русский язык и русская литература. Только произнесите эти заветные слова – русская словесность, и сразу в памяти зазвенит родное имя: Александр Сергеевич Пушкин. Каждый год в один из декабрьских вечеров москвичи приходят к памятнику Пушкину. Более 180-ти лет прошло со дня гибели поэта, но приходят люди на Пушкинскую площадь, читают стихи, возлагают цветы. Пом-

ню, маленький сын, зажав в ладошке гвоздику, стоял у памятника любимому поэту и с выражением читал: «У лукоморья дуб зеленый…». Проходит четверть века, мой взрослый сын сидит со своей маленькой дочуркой над книгой Пушкина. И вновь звучат волшебные слова: «У лукоморья…». Эти завораживающие пушкинские стихи входят в детскую душу, чтобы отозвалась она добрыми поступками, справедливостью, милосердием, любовью к близким, русскому слову, Родине. Слово Пушкина поможет разглядеть моей внучке образ Божий в себе, красоту, которая заложена Создателем в каждом человеке. Та самая красота, которая, по словам другого великого русского сердцеведа, спасет мир. Как хочется верить, что наши внуки продолжат традиции своего народа, и будут брать за образец заветы русского слова. Пушкин, Гоголь, Достоевский - ветви могучего древа. Сколько ветвей на нем, какие имена, какие судьбы. Неиссякаемая жизненная сила этого древа, а это бывает лишь тогда, когда имеет оно глубокие крепкие корни. О них сегодня речь, о корнях, истоках, начале начал русской культуры. А еще о том, как слово одного писателя Древней Руси было сказано о православном Кипре, и как отозвалось на кипрской земле через девять столетий.

Сначала было слово.

Это было во второй половине IX века. Небольшое славянское племя моравян обратилось к императору Византии Михаилу с просьбой прислать проповедников, которые бы смогли истолковать моравянам Библию.

В Моравию были посланы ученые монахи братья Кирилл и Мефодий. Ученые братья знали славянский язык. В 862 году братья приступили к своей великой миссии. Кирилл занялся изобретением азбуки, которая смогла бы передать

все звуки славянской речи. После изобретения азбуки, братья Кирилл и Мефодий перевели с греческого на славянский язык Священное Писание и все богослужебные книги. Подвиг проповеди Слова Божия братьями был высоко оценен Церковью. Братья были причислены к лику святых.

В 988 году содействием великого киевского князя Владимира, Русь была крещена прибывшими из Византии греческими священниками. Вместе со священниками прибыли на Русь и драгоценные рукописные сокровища – книги, в которых излагалось христианское вероучение. Книги были написаны на славянском языке, и поэтому русичи их понимали. Наши предки не только учились у других. Уже в начале XI века появляются письменные произведения, принадлежащие русским людям. Книги сразу полюбились нашим предкам. Каждый монастырь имел собрания книг. Собирали книги и князья, и дружинники, и горожане, и земледельцы. Книги ценились очень дорого, их хранили в надежных кладовых, передавали из рода в род, как самую ценную часть наследства. Книголюбцы не жалели денег на переписывание книг, украшали их дорогими застежками, серебряной или золоченой оправой с жемчугами и драгоценными камнями. Увы, лишь малая толика книжных сокровищ дошла до нас. В огне пожарищ татарского нашествия погибли бесценные книжные сокровища, и остались неизвестными имена писателей, не прочитанными потомками строки.

Писатели Древней Руси.

Сколь же бережно надо нам относится к каждому слову, которое доносится до нас, потомков русичей, из глубины веков. Разгадывать загадки русской души не устают иссле-

дователи разных областей гуманитарных направлений. Как исторически складывались свойства души русского человека? Конечно же, в первую очередь, под влиянием земли, на которой он рождался, жил, трудился и умирал. На наших равнинных просторах, в чаще непроходимых лесов выковывался характер упорный, несгибаемый, но и удивительно доверчивый и открытый. На народный характер повлияло и русское слово. И повлияло решающим образом. Как жаль, что постепенно древнерусская литература ушла из школьных учебников, мы не знаем церковнославянского языка, величавого, образного, поэтичного.

«Не лепо ли бяше братия начати старыми словесами трудных повестей о князе Игоре, Игоре Святославиче»,- читал по памяти мой старенький дедушка, крестьянин из маленького заволжского села, который родился в 90 – х годах XIX века и закончил только церковно-приходскую школу. Мы же, порой имея высшее гуманитарное образование, не можем даже назвать первых писателей Киевской Руси. Между тем, XI и XII века дали русскому народу выдающихся творцов: мудрого митрополита Иллариона и преподобного Феодосия Печерского, великого историка Нестора – летописца, блестящего государственного деятеля князя Владимира Мономаха, неутомимого путешественника и просветителя игумена Даниила. Они своим творчеством подготовили рождение гениального творения неизвестного древнерусского автора – «Слово о полку Игореве». Из наших первых шести писателей двое святых, митрополит, епископ, игумен и великий князь. О чем была наша литература? Об огромном счастье обретения христианской веры, о высоком идеале человека – христианина, о нравственности. Доносятся к нам из глубины веков мудрые слова Феодосия Печерского: «Любовь к Богу может быть выра-

жена только делами, а не словами», и сегодня актуальны слова князя Владимира Мономаха: «Старых чти, как отца, молодых – как братьев…Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь. Не ленитесь ни на что доброе». Имя Нестора – летописца, автора «Повести временных лет» известно нашим современникам более других. Во многом благодаря великому Пушкину, который был прилежным читателем древнерусской литературы. Он имел все основания написать: «Мы обязаны монахам нашей историею, следственно, и просвещением». «Песнь о вещем Олеге» есть поэтический пересказ событий, описанных Нестором – летописцем.

Хождения игумена Даниила.

Наших предков интересовало не только «откуда есть, пошла земля Русская», но и то, как живут люди в других землях, дальних заморских краях. И особенно влекла православных Святая Земля, которая хранила зримые приметы пребывания на земле Господа нашего. Русичи – народ любознательный, они с интересом читали описания святых мест Палестины, слушали рассказы греков, побывавших там. Но вскоре посланцы русской земли начинают и сами совершать паломничества в Палестину. Князья и бояре, княгини и княжны, иноки и миряне, купцы и простолюдины шли, ехали, плыли на поклонение Гробу Господню. Все имели общее стремление – побывать в тех местах, где Сам Господь ходил по земле. Эта славная чреда русских паломников не иссякает до наших дней. После многих лет безбожия, в конце XX века, вновь имя «русский паломник» стало известно, стало символом глубокой веры, готовности преодолеть тысячи труднейших препятствий, а порой опасностей, но достичь желанного благодатного

места. А, достигнув, не уподобиться скупому рыцарю, но щедро поделиться с соотечественниками обретенными духовными богатствами.

В Древней Руси путешествия назывались хождениями, под этим же названием возник и интереснейший литературный жанр в древнерусской литературе. История предоставила честь открыть эстафету паломничеств в Святую Землю наших соотечественников скромному русичу, игумену Даниилу. Произошло его паломничество ровно девятьсот десять лет тому назад. Наш предок написал прекрасный труд, описание своего путешествия. Оно известно в мировой литературе под названием «Житие и хождение Даниила Русской земли игумена». По пути в Святую Землю русский путешественник остановился на Кипре, и составил красочное и взволнованное описание православного Кипра, его святынь. Это был первый посланец Киевской Руси, прибывший на святую землю Кипра, и ему выпала честь положить начало духовным связям между нашими народами. Благодаря таким людям, как игумен Даниил и зародилось то подлинное братское единство, которым характеризуются отношения между Кипром и Россией. Это - золотое наследие, которого у наших народов никому не отнять. Лишь бы мы, наследники, смогли его бережно сохранить, приумножить, и детям нашим с любовью передать. Об этом приснопамятный Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал просто и мудро: «Единство христиан есть одно из главных измерений подлинной церковности. Вот почему нам, православным христианам, так важно ощущать свое братское единение во всеправославной семье». Отдавая дань выдающемуся древнерусскому писателю, путешественнику и просветителю, мы приглашаем наших читателей совершить паломничество вместе с

посланцем Киевской Руси игуменом Даниилом, и побывать на Кипре в самом начале XII века.

От Царьграда по Лукоморью.

Я читаю книгу, которая написана 900 лет тому назад. С трудом пробираюсь через неведомые слова церковнославянского языка. Прочитав первую главу, замечаю, что почти не заглядываю в словарь, все больше и больше понимаю смысл прочитанного. Существует ли генетическая память? Я этого не знаю, только открывается душа навстречу этим словам: «А се есть путь к Иерусалиму. От Царьграда по Лукоморью… и ту есть на Великое море внити, на шуе (налево) в Иерусалим, а на десно (направо) к Святой Горе, и к Риму».

Когда –то в далеком XII веке из гавани Царьграда, столицы империи ромеев Византии, вышла русская ладья. И начала она свой путь к Святой земле Палестинской. И был на той ладье среди других мореплавателей один русич по имени Даниил. Его темные одежды выдавали духовное звание...

Идет ладья по лукоморью, вдоль изогнутого берега, разрезая причудливо украшенной носовой частью, что сделана в форме красавца–лебедя, бирюзовую морскую гладь. На море штиль, качки почти нет, гребцы споро работают веслами. Наш игумен, достав калам, специальную трость, которой писали на Руси, приготовил пергаментный свиток, расположив его на разогнутой левой руке, опираясь на колено. Через несколько минут покроет пергамент отчетливое, крупное письмо. Широкой толстою чертою нанесет игумен замечательной красоты буквы, и расскажет древнерусский устав (так называется вид письма) об удивитель-

ном паломничестве, которое совершит самый первый русский паломник в 1106 году.

Из страны по имени Русь.

Наш странник - русич. Так называли себя наши предки в XII веке. Совершив свое хождение (так называлось тогда путешествие, даже если оно совершалось за три моря), игумен напишет книгу, и станет она любимой и читаемой многими поколениями русских людей. Книга и автор станут настолько уважаемы у русского народа, что поместят потомки «Хождение» в Четьи - Минеи, сборник описаний житий святых и их подвигов.

Итак, он был родом из страны, которая известна под именем Киевская Русь. Во главе Древнерусского государства стоял великий князь Киевский, старший в роду Рюриковичей. В описываемый период Русь была единым государством. Вскоре, благодаря достойной позиции в ходе княжеских усобиц, и долголетней успешной борьбы с кочевыми племенами половцев, Киевский престол займет внук византийского императора Константина Мономаха и великого русского князя Ярослава Мудрого - Владимир Мономах. Государство переживало небывалый культурный подъем, наступивший после принятия православия (988 г.). В стенах первых монастырей трудились творцы русской культуры: вероучители, летописцы, иконографы. Всюду на Руси возносились к небесам недавно построенные каменные храмы, осененные золотыми куполами, увенчанные православными крестами. Подъем сельского хозяйства, развитие ремесла и торговли, растущие города сделали Русь передовой европейской страной. Историки имеют все основания полагать, что «принятие христианства от самой развитой в то время в культурном отношении страны - Ви-

зантии – позволило Древней Руси, в отличие от стран Запада, не имевших наследия античности, стать поистине культурной державой». Откуда родом наш герой? Описывая святой Иордан, он сравнивает его с рекою Сновь. С таким названием на Руси было несколько рек, одна из них – на Черниговщине. Ученые полагают, что наш странник был оттуда родом, в пользу этой версии говорит и тот факт, что в святых местах игумен поминает южнорусских князей. В исторической литературе нередко нашего героя называют Даниилом Черниговским. Чернигов был тогда одним из крупнейших русских городов. Торговые связи черниговцев простирались по всей Руси и далеко за ее пределами, торговали они даже в Лондоне. Это был народ активный, предприимчивый. Был в городе и кафедральный собор Спаса, появились и монастыри. Был ли наш герой игуменом одного из них, - неизвестно. Описывать свое путешествие Даниил начинает из Царьграда, что дало основание некоторым исследователям считать, что наш герой мог пребывать долгое время в Царьграде, столице Византийской империи. Это вполне вероятно. Русичей с Византией связывали самые разнообразные отношения. В Царьграде (так называли наши предки Константинополь) был целый квартал, где проживали русские купцы, были русские храмы. Русская православная церковь в то время была частью Константинопольской Патриархии. Императорский дом Византии и русских князей связывали и брачные узы, так, Владимир Мономах выдал свою дочь за сына Византийского императора Леона, внучка Владимира была замужем за императором Византии Исааком Комниным. Русские военные люди в описываемое время были на службе в личной гвардии императора ромеев (так называли себя византийцы, считая себя наследниками Римской им-

перии). Путь нашего странника проходил вдоль берегов Ромейской державы. Давайте же обратим взор на страну, которой Русь обязана столь многими обретениями. Во время путешествия нашего паломника на императорском престоле в Византии находился император Алексей Комнин. История его правления нам известна хорошо благодаря его дочери, царевне Анне, которая была выдающимся историком своего времени, и написала интереснейший труд «Алексиада», посвященный правлению своего отца. Мы узнаем из ее повествования, из других источников, что Византия в конце XI – начале XII века переживала сложнейший и весьма драматичный период своей истории. В то время, совсем недавно неизвестные цивилизованному миру туркмены, кочевавшие около Каспийского и Аральского морей, стали завоевывать Малую Азию. Вскоре они ее захватили почти всю, подвергая грабежам и разрушениям. Затем они создали могущественный султанат, и стали угрожать самой столице Константинополю. В истории эти захватчики известны под именем турок – сельджуков. Родственные туркам племена половцев и печенегов распространились по южной Руси. Они совершали жестокие набеги на родину наших предков, а, когда переходили Дунай, то тревожили и Византию. Положение империи было просто катастрофическим. И вот тогда император Алексей Комнин пишет отчаянное послание государям Западной Европы. Это письмо сохранилось до наших дней, и потрясает ужасными подробностями злодейств, поруганиями христиан, насилиями и убийствами. Император заклинает западных христиан придти на помощь. Стараясь привлечь западных рыцарей как можно скорее отправиться в поход, он красочно описывает богатства Византии, которые в тот критический момент он был готов отдать в обмен за по-

мощь в борьбе с турками. «Именем Бога умоляю вас, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и – что еще важнее - Гроб Господень - не были для нас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но высшую награду на Небесах». Упоминание Гроба Господня имеет важнейшее значение для нашего повествования. Малая Азия была захвачена турками–сельджуками, именно по этому району проходили пути паломников из Западной Европы в Палестину. К тому времени почти полтысячелетия Святая Земля находилась в руках мусульман. Если арабы относились к христианским паломникам вполне терпимо, то после завоевания турок паломничества стали практически невозможными, и христиане относились очень болезненно к этим изменениям. В самом конце XII века начались крестовые походы, которые продолжались 200 лет. Наш герой отправился в свое паломничество после первого крестового похода, в результате которого было создано четыре христианского государства. Главным из них было Иерусалимское королевство, которым правил король Балдуин, выходец из Нижней Лотарингии (Восточная Франция).

…Вернемся к нашему герою. Он продолжает свой путь, ладья миновала Мраморное море, прошла Дарданеллы, которые Даниил называет «Узким морем». Описывая путешествие, игумен Даниил обнаруживает прекрасные познания в географии. Так, он пишет, что если взять курс, пройдя «Узкое море», налево можно достичь Иерусалима, если же направо, то это будет путь на Святую гору Афон в Грецию и Рим. Наш любознательный русич, видимо расспрашивает жителей посещаемых мест о расстояниях и тщательно записывает эти сведения, чтобы пригодились они тем, кто отправится вослед ему поклониться святым мес-

там. Хорошо знаком наш паломник и с историей христианства. Он называет святых, которые в посещаемых им краях вершили свои подвиги и приняли мучения. Особое описание посвящено городу Эфесу. Три дня провели паломники в этом почитаемом христианском центре, молились у его великих святынь. В то время здесь поклонялись гробу Иоанна Богослова, посещали пещеру знаменитых семи отроков. «Они при царе Декии уснули, а проснулись через 360 лет при императоре Феодосии», - прилежно записал наш паломник. Также подробно описал он остров Патмос: «В том острове Иоанн Богословец Евангелие написал, егда заточен был с Прохором». Завершилась первая часть пути в местах, связанных со святителем Николаем. Николай Чудотворец был и остается самым любимым святым русского народа. Описание Даниила доказывает, что уже на рубеже XI – XII веков русичи почитали Святителя, знали его житие. Даниил пишет о Патрах – родине св. Николая, о Мирах, где в XII веке еще находились мощи святого угодника. (Как известно, в настоящее время мощи святителя находятся в Италии в городе Бари). Святитель Николай - покровитель мореплавателей. Помолившись в родных краях Чудотворца, отправился наш путешественник дальше навстречу неведомому острову, который займет в его описании особое место. Плывет ладья по восточному краю Великого моря (так наши предки называли море Средиземное). Жадно вглядывается в голубую даль русский путешественник. Наконец начинает различать на горизонте кромку земли и вершины гор. Пока ладья будет, огибая кипрские берега, приближаться к Фамагусте, наш паломник начнет писать новую главу в своей книге, которую он назовет «О Кипрстем острове». Вновь в его руках свиток пергамента, большая часть которого уже покрыта письме-

нами. Даниил старательно записывает, поглядывая на кипрские берега: «Кипр есть остров велик зело»…
Попутный ветер раздувает паруса, весело идет ладья, совсем скоро причалит она у берегов Кипра. Наш паломник, склонившись над заветным свитком, задумался, вспоминая долгие недели нелегкого, но такого интересного пути, который привел его из Царьграда к кипрским берегам. А мы немного опередим наш кораблик, который «бежит себе в волнах на раздутых парусах», и перенесемся на остров Кипр, чтобы разузнать, в какую землю держит путь наш странник.

О двух потоках времени.

Кипр в начале XII века - земля Византийская. Вместе с Византией был пройден большой путь. Если христианский опыт молодой Руси был чуть более одного века, а за плечами у кипрского народа более тысячи лет христианского пути. И были на этом пути удивительные обретения, тяжкие испытания, радость обретенной благодати по молитвам святых мучеников. Здесь родились святые Варнава и великий чудотворец Спиридон, святые апостолы в 45 году принесли на землю Кипра Слово Божие, а в IV веке святая Елена даровала Кипру Животворящие Частицы Креста Господня. Трагичным испытаниям подверглась кипрская земля во время арабских нападений. Захватчики разрушили цветущие кипрские города, угнали в рабство тысячи людей. Помнили жители острова о том, как пришлось разлучиться с родиной. По приказу императора жители вынуждены были отправиться в эвакуацию, так как не было сил у Византии в то время оказать захватчикам отпор. Гордились киприоты своими богатырями, акритами, которые защищали остров от захватчиков после возвращения наро-

да в родные края. И вот, словно награда после страданий, как передышка в несчастьях и борениях, которая случилась в правление императоров из династии Комнинов, почти два столетия мирной жизни.

Как у любого другого народа за внешней историей, доступной наблюдению современников, оставляющей в архивах документы, а в музеях экспонаты, не всегда зримо вершилась история другая. В ней события незаметные, не всем ведомые, но мистические, судьбоносные. Умница царевна Анна, дочь императора Алексея Комнина, мечтала стать сама когда-нибудь царицей. Поэтому все, что касалось искусства правления, живо ее интересовало. В своем известном историческом труде «Алексиада» она подробно описывает, как нечестивый Рапсоматис, правитель Кипра, ответил ее отцу черной неблагодарностью, поднял мятеж против законного государя. В 1092 году император послал на подавления мятежа своего верного слугу, князя Эммануила Вутомита. Пишет царевна, что храбрый Вутомит преследовал мятежника до горы Ставровуни, где находился древний монастырь, и разбил его войска. Но не только этой удачной операцией прославился Вутомит. Божьим промыслом было определено ему стать действующим лицом удивительной истории. Этот гордый князь сначала обидел святого кипрского старца Исаию, и потом, пройдя через сильнейшую боль наказания, жестокие муки угрызений совести, искреннего покаяния, он помог святому отшельнику обрести для своего народа великую икону, написанную апостолом Лукой. К моменту прибытия на Кипр первого русича, Киккская икона уже шестнадцать лет сияла над кипрской землей. В нашем повествовании мы перенеслись к истоку XII века. И начинается он на Кипре тихой молитвой святого Исаии в Троодосских горах, а за-

вершится молитвой о Кипре святого Неофита -затворника. Между тем, в бренном мире кипели страсти. По пути в Святую землю крестоносцы, забыв на некоторое время о Гробе Господнем, попытались, напав на Кипр, ограбить процветающий остров. Еле отбились киприоты под началом храброго генерала Филокалиса от непрошенных гостей. Народ Кипра хотел трудиться на мирной земле своей родины, сеять золотую пшеницу, собирать янтарные гроздья винограда, выделывать тончайшие шелка, выплавлять медь. Вот к таким берегам приплыл наш путешественник в 1106 году. И удивительным совпадением было то, что именно в этом году завершили кипрские мастера строительство одной прекрасной церкви во имя Богородицы Полей (Асину). Стоит эта красавица и ныне, свидетельница того времени, когда на землю Кипра ступил первый русский человек.

И здесь самое время предоставить слово игумену Даниилу. Уверенна, что нашим читателям без перевода будет все понятно, не потомки ли мы русичей?

Слово игумену Даниилу.

«Кипр есть остров велик зело, и множество в нем людей, и обилен есть всем добром. И есть суть в нем епископы 20, митрополия же едина, а святых в нем без числа лежит… И тут есть высоко зело гора, и на горе той святая Елена крест поставила, кипарисен велик на прогнание бесам, и всякому недугу на исцеление. И бывают тут, на месте том великие знамения и чудеса».

В кипрских главах называет игумен Даниил нескольких кипрских святых. Хотя указывает, что Кипр подарил православному миру многих святых, без числа. Все имена игумен Даниил не мог назвать, говорит он о святом Варна-

ве, которого считают основателем Кипрской православной церкви, о святом Трифилии, который был епископом Левкосийским. Пишет наш паломник об архиепископе Кипра святом Епифаниии, святом Зиноне. Очень важным свидетельством является рассказ Даниила о посещении Ставровуни, монастыря святого Креста. *«Ту есть гора высока зело, и на той горе… св. Елена царица воздвигла крест кипарисен, на прогнание бесов, и всякому недугу на исцеление, вложила в онь крест Честный Гвоздь Христов, и бывают на месте том знамения и чудеса многа. Стоит на воздусе сей Крест, ничем не скреплен с землею, токмо Духом Святым держится… И ту недостойный аз поклонился святыне той чудесной, и ведех очима своима грешными благодать Божию, сущу на месте том, и проходих остров той добре».*

Этот краткий, однако, исключительно важный текст, содержит самое раннее описание основания церкви Святого Креста св. Еленой. Чудотворный Крест, о котором пишет игумен Даниил, - это Крест, созданный из креста Благоразумного разбойника с вложенными в него частицами Истинного Креста Господня и одним из Священных Гвоздей. Свидетельство игумена Даниила имеет особую значимость еще и потому, что он описывает чудо парящего в воздухе Креста, которое он видел собственными глазами. До самого конца XV века мы встречаем и другие свидетельства об этом чуде. В некоторых источниках приводится название Ставровуни, как «Монастырь Честного парящего Креста». Такое особенное название обители сохраняется в некоторых письменных источниках вплоть до XVII века.

О фимиаме.

Из всех красот и чудес кипрской земли поразило нашего странника деревце, которое называли в то время тимьян. Эти деревца обильно покрывали склоны кипрских гор, растут они на Кипре и сейчас. Смола этих растений столь душиста, что используется в богослужениях, называют ее ладаном. И в наши дни в каждом кипрском доме можно увидеть ладанницу, специальный сосуд для воскурений.

И очень часто хозяева кладут кусочки душистой смолы на горячие угольки, тоненькие струйки ароматного дымка наполняют комнаты непередаваемым ароматом. С молитвой обходят весь дом, легкое душистое облачко заполняет дом, и верят люди, что все темные силы покинут жилище, ведь недаром говорится: «Как черт ладана боится». Трепетное отношение к ладану (Игумен Даниил называет его фимиамом) выразилось в поверье, которое записал наш паломник. Киприоты верили, что ладан спадает на деревья летней порой прямо с небес. И, по большому счету, они были правы. С Небес нам, грешным, все посылается: хлеб насущный, красота природы, духовная благодать. К этой–то благодати и стремился наш путешественник, и оставалось ему преодолеть 400 верст до морского порта на земле Палестины, который в XII веке называли Яф (нынешняя Хайфа).

Чем измерить путь.

Завершая рассказ о кипрских главах книги игумена Даниила, позвольте поведать нечто любопытное об измерении расстояний и времени. Наш паломник путешествовал без карты и компаса. Он не только сам прекрасно ориентировался, но и старался быть предельно аккуратным, указывая расстояния в пути. Игумен Даниил оставил очень точные данные, так как чувствовал ответственность перед теми

паломниками, которые пойдут вослед ему. Нашему путнику помогало солнышко. Он различает «летний восток» и «зимний восток», то есть разное положение солнца над горизонтом в различное время года. Указывает игумен и положение путника, так, например, он пишет: «Надо лиц идти на летний восток», то есть надо идти, повернувшись лицом на восход солнца. Расстояния измерялись русскими людьми в верстах (1 верста равняется 1,0668 км). Так же использовалась такая мера длины как сажень. Эти меры длины мы еще не успели забыть. Нам понятны выражения «верстовые столбы», «саженые шаги» и др. А вот еще две необычные для нас меры измерения расстояния и времени. Часто наш паломник, говоря о небольших расстояниях, использует слова «расстояние полета стрелы». Так, указывая высоту Елеонской горы, Даниил пишет: «Если подниматься на Елеонскую гору от Гефсимании, то подъем довольно крут, а расстояние - в три полета стрелы». Указывая время в пути, наш паломник приводит удивительную меру: время чтения молитвы «Отче наш». Любой русич отлично владел стрельбой из лука. Упоминание же о главной православной молитве говорит о том, что молитва было уже хорошо знакома широкому кругу русских людей. И что во время паломничества люди не предавались суетным мыслям, сосредотачивались в молитве. Вот с молитвой и прибыл наш паломник в Яф, и теперь лишь 30 верст отделяло его от заветного святого града Иерусалима, и это был самый опасный отрезок пути.

О радостях и неприятностях.

Первое, наиболее полное издание труда игумена Даниила «Житие и Хождения», было осуществлено в 1885 году стараниями Императорского Палестинского Общества.

В предисловии к изданию указывается, что подлинник работы нашего славного паломника не сохранился, но зато существовало в России 70 списков (!) этого труда. Это говорит об огромной популярности книги у русского народа на протяжении многих веков. Списки различаются незначительными деталями, однако, ученым эти различия дают возможность высказывать разные предположения, каждое из которых имеет право на существование, ведь не известно, какой список является самым точным. В некоторых списках упоминается Даниилом русичи, которые были с ним в паломничестве. Вот их имена: Издеслав, Кашкич, Гордислав Михайлович. И некоторые исследователи считают, что Даниила в его путешествии сопровождала дружина. И вовсе не для представительности, но по необходимости, ведь путь был очень опасен. Наш паломник не робкого десятка, но он пишет честно, что путь о Яфа до Иерусалима страшен. Как мы помним, в самом конце XI века византийские императоры, несмотря на церковные разногласия с Римом, обратились на запад с просьбой прислать воинов для борьбы с врагами христиан. Вторгшиеся с востока племена турок-сельджуков, захватили почти всю Малую Азию. К тому времени почти полтысячелетия Иерусалим – центр Палестины, как и вся Святая Земля, были в руках мусульман. Вначале их отношение к христианским паломникам было довольно благожелательно. Никаких особых притеснений не чинилось им и в конце XI века, лишь взималась плата за посещение святынь. Но вторжение турок-сельджуков сделало посещение Палестины христианами не просто опасным, а практически невозможным. В это время и пишет свое известное письмо западным властителям император Алексей Комнин. Последовавшие за этим события известны даже школьникам. В 1095 году Па-

па Римский Урбан II призвал освободить Гроб Господень от сарацинов (так называли тогда мусульман). Начался первый крестовый поход. Спустя три года после похода западные рыцари увидели стены Иерусалима, а 15 июля 1099 года Иерусалим был взят и … тотчас же разграблен. Резня, которую крестоносцы устроили при взятии города, надолго запомнилась всем жителям Ближнего Востока. Королем Иерусалимским был избран Готфрид Бульонский (герцог из Нижней Лотарингии, что в Восточной Франции). Он, однако, отклонил высокий титул и стал называться «Защитником Гроба Господня». Одной из главных целей правителя стала помощь христианским паломникам, но нападения мусульман продолжались, а стрелами не только измеряли расстояния в ту пору, но и защищались. Об этом очень искренне пишет игумен Даниил, рассказывая читателям о своем душевном состоянии в конце пути ко святому граду Иерусалиму. Оставалось пройти всего лишь двадцать верст. Тогда на пути паломников был построен храм во имя святого Георгия. При храме был приют для пилигримов. Этот приют очень часто был объектом внезапных нападений сарацинов. «Тяжек и страшен зело» показался последний отрезок пути нашему паломнику, но Бог миловал, путь был благополучно преодолен. Бесстрашие русских паломников – отличительная черта наших православных соотечественников и сегодня. Как бы ни складывалась политическая ситуация, а в Святой Земле она всегда очень не проста, русские всегда бесстрашно едут в Израиль, так было в XII веке, так есть и в веке XXI. Но какая прекрасная награда ждет тех, кто одолеет путь. …Группа всадников поднималась на высокий холм, к вершине которого вела широкая тропа. Все были взволнованы. Наш паломник очень переживал, сердце билось уча-

щенно, он пристально вглядывался вдаль. Проводники сказали, что с вершины холма они увидят святой град Иерусалим. И когда, наконец, всадники достигли вершины, дух захватило: вот она, желанная Святая Земля! Как по команде, все спешились. Каждый паломник имел небольшой крест, который поставил в отведенное место. Такова была традиция паломников в ту далекую эпоху. А потом на коленях молились, благодаря Господа, что сподобил добраться до этих святых мест. «Кто же не восплачет, узря желанную эту землю, те места, где Христос Бог наш претерпел страсти нас ради грешных»,- с волнением сердечным записал наш паломник в своем свитке. В святой град Иерусалим входили благоговейно, вспоминая, что и Господь не раз входил в этот град.

Земля, где вера воссияла.

И начинается хождение, к которому стремится душа каждого православного человека на протяжении двух тысячелетий. В «Истории русской словесности» известного писателя и историка П.Н.Полякова сказано об этой части труда игумена Даниила ясно и четко: «Главное в ней составляет подробное описание святынь, которым игумен Даниил относится с глубоким благоговением и радостным чувством истинного христианина. Его описание ясно, и немногосложно, и не запутано лишними деталями его личных впечатлений». С особенной любовью описывает он храм Воскресения Христова и Гроб Господень: «С любовью и слезами облобызал я то святое и честное место, где лежало Пречистое Тело Господа нашего Иисуса Христа, и с радостью великою вышел из Гроба». Вышел, чтобы продолжить свой паломнический труд: посетил наш паломник Иудею, Вифлеем, священную реку Иордан, Самарию, Га-

лилею, подробно описал все памятные библейские места. Внимательное чтение труда Даниила – дело для читателя XXI века не простое, но вознаграждается оно сторицей, столько интересных подробностей содержат страницы книги. Искренне жалею, что не имела я с собой этой прекрасной книги, когда путешествовала по Святой Земле. Лучшего спутника в паломничестве, чем игумен Даниил, трудно себе представить.

«Быхом на Иордане».

В этом талантливом описании, где слились воедино добросовестность исследователя и радость души, которой коснулась благодать, выделяется рассказ о празднике Крещения Господня. Крещение, которое отмечается в январе, один из самых любимых православных праздников в России. Видимо и во времена Даниила этот праздник тоже был любим, поэтому и пишет о нем наш паломник с особенной теплотой. Три раза приходил к Иордану игумен Даниил. «И сподобил меня Бог и в самый водокрещный праздник быхом на Иордане, видихом Благодать Божию очима своими грешными и недостойными»,- записал наш паломник. С радостным изумлением увидел игумен множество народа, которое пришло крещенским вечером к святой реке. Он увидел тысячи зажженных свечей, озарявших счастливые лица людей, которые в ожидании полночи горячо и страстно молились. «И в полунощи бывает крещение вод, тогда бо и Дух Святый приходит на воды Иорданския». Это схождение Святого Духа, по словам Даниила, «бывает видимо только для достойных людей, а не для всех, но у всех на душе становится радостно и весело». С пением молитвы паломники трижды погружались в воды

реки, и над ночными берегами Иордана еще долго разносилось пение праздничного тропаря:

«Во Иордане крещающуся
Тебе Господи
Троическое явися поклонение…».

Важно отметить, что на Руси это описание произвело такое огромное впечатление, что после Даниила любой русский паломник, с трудом добравшись в святой град Иерусалим из далекой России, стремился к берегам Иордана. Погружение в воды великой реки было для русских паломников также свято, как приложиться к Живоносному Гробу Господню. И знойная жара иудейской пустыни, и фанатики–мусульмане, жившие в Хевроне, - ничто и никто не могли остановить русских паломников. Интересно, что однажды английский исследователь Стефен Грэхем был так поражен этим русским феноменом, что в 1912 году, т.е. спустя 800 лет после паломничества Даниила, решил совершить паломничество по Святой Земле, переодевшись русским мужиком. Не известно, удалось ли любознательному сыну туманного Альбиона разгадать секрет души русского паломника, но в результате паломничества он написал интереснейшее повествование: «С русскими паломниками в Иерусалим». С.Грэхем подробно описывает, как паломники, готовясь отправиться на Иордан, брали из дома белые рубахи, в которых они собирались погружаться в воды священной реки. В храме Воскресения эти рубахи освящались на Камне Помазания в память того, как Иосиф Аримафейский на этом же святом Камне готовил Тело Христово к погребению. Рубахи, в которых паломники погружались в Иордан, они увозили домой, чтобы потом завещать

похоронить себя в них. Карта паломничеств игумена Даниила в Палестине столь обширна, столь детальна, что может служить путеводителем для любого паломника и сегодня. Древнерусский писатель показывает глубочайшие познания в Священном Писании, он не только пересказывает события Библейской истории связанные с тем или иным местом, но вдохновенно цитирует отрывки из Библии. Не считая, безусловно, себя специалистом в области истории древнерусской литературы, автор предполагает, что игумен Даниил писал свои заметки не после возвращения домой, а по ходу паломничества. Так свежи и непосредственны его описания.
Между тем, приближалась Пасха 1107 года…

О короле Балдуине или как русич с крестоносцами в поход ходил.

Приближалась Пасха 1107 года. Незаметно пролетели зимние месяцы, наполненные путешествиями по Иудее. Читаешь путевые записи русского паломника, и начинаешь понимать значение греческого слова «паломник», которое в переводе звучит - «проскинитес». Дословный перевод этого слова – «идущий с молитвой». Наш путешественник часто по памяти цитирует Священное писание, рассказывая о событиях Священной истории, которые произошли в тех местах, которые он посещает. Иногда в умилении обращается русич со светлой молитвой к Господу и Его Пречистой Матери за такую несказанную милость: идти по Святой Земле. Изучив Иудею, побывав в ее окрестностях, решил наш паломник отправиться в Галилею, северную часть Палестины, где прошли детские годы Господа нашего Иисуса Христа, где так много чудес Он совершил. Канна, Наин, Копернаум,- манили паломника. Только путь ту-

да был очень опасен, сарацины нападали на христиан, вершили страшные расправы. И вот узнал игумен Даниил, что король Иерусалимский отправляется в военный поход на Дамаск. Пока наш герой ищет возможность встретиться с Балдуином и уговорить короля взять его с собой, чтобы с рыцарями дойти до Галилеи, позвольте представить вам, мои любознательные читатели, властителя Иерусалима.

… Давным-давно, в конце XI века в восточной Франции, в нижней Лотарингии жил – был герцог Бульонский. И было у него три сына: Готфрид, Балдуин и Евстафий.

Были они рыцарями вовсе небогатыми, но весьма честолюбивыми. И мечтали братья воинскими подвигами добыть себе славу, почести, богатство, новые владения и подданных. Да где это все добудешь? В Европе было множество таких, как они, - рыцарей знатных, но нищих. Европа невелика, на всех поместий не хватало. Призыв Папы Римского идти в Крестовый поход в Святую Землю нашел в сердцах многочисленных рыцарей живейший отклик. Впрочем, будем справедливы: не только о наживе думали будущие крестоносцы. Искренняя, иногда даже исступленная вера в то, что миссия освобождения Гроба Господня возложена на рыцарей свыше, вела их на неведомый Восток, навстречу неведомым приключениям и смертельным опасностям. Наш герой, игумен Даниил, пребывает в Святую Землю спустя лишь семь лет после взятия Иерусалима крестоносцами. В памяти жителей великого города были живы воспоминания, как крестоносцы устроили жесточайшие избиения мусульман, как заживо были сожжены иудеи в синагоге. Кровь потоками текла по узким улочкам Иерусалима. Среди пожарищ и плача стоял один из предводителей крестоносцев, Готфрид Бульонский, который в походе проявил особую храбрость, он видел горящий ве-

ликий город, и кто знает, о чем думал в те дни сын герцога из Нижней Лотарингии? Но, когда предложили соратники стать ему королем Иерусалима, Готфрид ответил, что в этом городе никто не может быть властителем, кроме Христа. А через год Готфрид умер, его брат Балдуин стал королем Иерусалима уже без всяких колебаний. Честолюбивый лотарингец к власти стремился всей душой. Еще до взятия Иерусалима он подружился с графом Эдессы Торосом, был им усыновлен. Впрочем, это не помешало Балдуину расправиться с приемным отцом, чтобы стать графом Эдесским. Став королем Иерусалимским, Балдуин стал завоевывать страну, в которой крестоносцы владели лишь несколькими городами. Историки отмечают, что Балдуин проявил при этом выдающиеся способности, которых не было у его брата. Балдуин завоевал большую часть Палестины, значительно расширив свое государство, сделав его жизнеспособным. Был Балдуин искусным дипломатом. Если при Готфриде православные священники были изгнаны из Храма Гроба Господня, то при Балдуине - возвращены. Вообще его отношение к православным отличалось гибкостью, тактом.

Три встречи с королем.

Вот с этим освободителем Гроба Господня предстояло встретиться русскому паломнику. Забегая вперед, скажу, что с королем наш игумен встречался трижды. Впервые - когда просил взять его с собой в поход, чтобы посетить Галилею, затем - когда испрашивал соизволения поставить в храме Вознесения лампаду, наш паломник даже был приглашен в свите короля присутствовать на праздничном Богослужении в Великую Субботу. Чем же так угодил русич гордому франку? Читатель «Хождения»

встречается с некоторым противоречием, когда знакомится с рассказом о встречах игумена Даниила с королем Иерусалима. Русич в своем труде постоянно подчеркивает, что не достоин он, грешный человек, такой милости: посетить столь великие святыни. Стороннему наблюдателю может показаться, что его уничижение паче гордости. Но православные поймут, какими чувствами наполняется сердце, коснувшись величайших духовных святынь. Смиренность вообще свойственна характеру Даниила. И вот с удивлением читаю, что наш скромнейший и смиреннейший монах не только благосклонно принят королем, но обласкан им. В храме Вознесения, когда король и его блестящая свита приходят на службу, простых людей стража расталкивает, чтобы королю удобнее было пройти на возвышение. А русича с почетом приглашают занять место подле короля. Почему Иерусалимский король ведет себя на равных с Даниилом? Ответ нам неизвестен, а вот высказать предположение мы можем. Не исключено, что Даниил вовсе не так худороден (то есть, незнатен, как он из скромности пишет о себе). Возможно, он близок к великому князю Владимиру Мономаху. Во всяком случае, когда он молится за князя, он называет его по православному имени – Василий, что говорит об определенной близости с Мономахом. Духовное же родство с Владимиром очевидно, для обоих идеалом является сильная единая православная Русь.

Для Балдуина имя князя Владимира Всеволодовича вовсе не пустой звук. Ведь отец князя – родной брат королевы Франков Анны, которую французы до сих пор считают одной из самых мудрых правительниц страны. «Ан де Кив», - звали франки русскую княжну Анну, дочь Ярослава Мудрого, которая вышла замуж в 1051 году за Генриха I, французского короля после того, как дважды отправлял он

сватов в Киев. В ту далекую пору за Киевской Русью утвердилась репутация мощного европейского государства, с которым считались и перед которым даже заискивали иностранные властители. Мне не удалось разыскать материалы о том, были ли герцоги Нижней Лотарингии в родстве с Генрихом I. Вполне возможно, что потомки королевы Анны участвовали в крестовых походах. Но абсолютно точно, что имя русич звучало гордо, было синонимом отваги, преданности Вере, благородства.

Заканчивалась Страстная Седмица. В монастыре Саввы Преосвященного все затихло. Монахи, завершив труды, разошлись по кельям. Русский паломник игумен Даниил не спит, склонился над заветным свитком и готовится записать о том, что произошло за последние недели. Перед мысленным взором встает его хождение по Галилее. Как повезло ему, что король Балдуин отправился в поход в Сирию, и путь его проходил через северную Палестину.

Иначе и не попасть бы ему в те дорогие для каждого паломника края, так лютуют сарацины, да и дорогу указать никто не соглашался. Была воля Божья, и он отправился с крестоносцами к Тивериадскому озеру. Путь был не близок, и постепенно перед нашим паломником разворачивалась величественная картина Святой Земли, оживали страницы Евангелия. Вот он со своими спутниками ночует у колодца, где Господь беседовал о живой воде веры с самарянкой. Вот пьет из ладоней вкуснейшую воду из Тивериадского озера. Пьет с благоговением, эту воду пил Господь, и рыбу здесь ловили его ученики, и вечерял Господь с ними. Посчастливилось Даниилу подняться на святую гору Фавор, где произошло Преображение Господа. С огромным волнением опустился Даниил в Назарете в кельицу, где жила Богородица с маленьким Иисусом. В те вре-

мена еще сохранялась низкая кроватка, в которой спал Божественный Младенец. А от Назарета на расстоянии чуть больше полета стрелы видел Даниил колодец, у которого Пречистая Дева Мария услышала Благовестие. «Пришла она по воду, и как только почерпнула своим водоносом, архангел невидимо возгласил: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» - прилежно записывал наш паломник, боясь пропустить малейшую подробность. Он пересказывал эпизоды Евангелия, чтобы будущий читатель его «Хождений» мог ярче представить Палестину, мысленно побывать вместе с Даниилом в этих благословенных краях.
Господь привел его, простого человека, в Святую Землю. Наверное, был бы он более ученым, рассказ был бы более увлекательным, более мудрым. Даниил свернул свиток, вернулся к началу своих записей. Пробежал глазами строки. Уж очень все просто у него написано. Подумал игумен, обмакнул в чернила калам и дописал: «Обаче и не мудро написах, но не ложно, якоже видех очима своима, так и написах». Не уснул этой ночью русский паломник, до самого рассвета в его келье горела свеча, поскрипывал калам, слышался тихий шелест пергамента. Светлело небо, над Иерусалимом таяли звезды, на востоке заалела полоска зари. Звук била оповестил монахов, что пора собираться на молитву. Сегодня предстоит Даниилу встреча с королем Иерусалимским, и будет он просить короля о великой милости. Дай-то Бог, чтобы то, о чем мечтал он еще дома, осуществилось. Дай- то Бог! На этот раз к королю Балдуину игумен Даниил шел с особым волнением. Ведь шел он просить не за себя лично, но обращался с просьбой от имени всей Русской земли. Более года наш паломник не видел родной земли, он несказанно тосковал по Родине. И все больше начинал себя ощущать не сыном своего родно-

го города и края, но посланцем всей Русской земли. Более всего хотелось, чтоб родная земля была свободной, процветающей. Многое зависело от правителей, русских князей, на плечах которых лежала основная ответственность защиты Русской земли. За них Даниил молился горячо и неустанно на протяжении всего своего хождения. Пятьдесят литургий отслужил наш игумен за русских князей, которые несли бремя власти, сорок – за тех, кто уже почил. У русского паломника была прекрасная мечта. Много лет назад прочитал он в одной греческой книге, что каждый год накануне Пасхи в иерусалимском храме Воскресения происходит событие, по дивности превосходящие все земные чудеса. С Небес сходит Святой Огонь. Увидеть это чудо игумен мечтал долгие годы, и вот привел Господь Его на Святую Землю в канун Светлого Христова Воскресения. Решил русич после утренней службы в Великую пятницу обратиться к Балдуину с просьбой.

Их встреча детально описана Даниилом. Он поклонился королю до земли, а тот милостиво спросил: ««Что хочешь, игумен русский?» Собравшись с духом, Даниил молвил: «Князь мой, прошу тебя ради Бога, разреши поставить кадило на Святом Гробе от всей Русской земли». Получив разрешение, Даниил купил стеклянную лампаду, заправил чистым маслом, и принес в кувуклию (так называют маленькую церковь Гроба Господня). Поставил лампаду наш паломник, и ключарь закрыл Храм. Завершалась Великая пятница Страстной седмицы 1107 года.

Святой Огонь.

А на следующий день, в Великую субботу, христиане Иерусалима стали собираться в храме Воскресения. Даниил описывает очень подробно, как тысячи людей горячо, с

трепетом сердечным молились, как огромное волнение переполняло души богомольцев. В эти высокие моменты христиане забыли о том, знатные ли они рыцари или бедные горожане, католики они или православные. Мысли у всех были об одном: сойдет ли Свет Небесный? А вдруг по людским грехам в этой великой милости Господь откажет им. Но предоставим слово Даниилу: «И тогда миновал девятый час, и начали молиться: «Господу поем», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока, стала над непокрытым верхом церкви, пошел небольшой дождь… Тогда внезапно засиял Святой Свет в Святом Гробе, исходило из Гроба блистание яркое». Свершилось! От Святого Огня посланцы Небес зажгли королевскую свечу. От нее – свечи богомольцев, тысячи огней осветили храм. «Свет Святой, не такой, как земной огонь, но чудный, светится иначе»,- записал об этом диве игумен Даниил. От Святого Огня зажглась и русская лампада в кувуклии. Позже вошел игумен Даниил в церковь Гроба Господня, поклонился и почтил святое место всем русским сердцем, горячей молитвой, наполненной благодарностью Творцу, искренней любовью к родной Руси. И, видя слезы на глазах русича, видя, как сердцем молится посланец далекой земли, старый греческий монах, ключарь церкви, отодвинул доску Гроба Господня и достал маленький камушек, бережно передал русичу бесценный дар. Поцеловал Даниил тот камень и спрятал его на груди.

Он шел с великой радостью в лавру св. Саввы, где ему была отведена келья. Наш паломник взял у игумена обители поминальную книгу и отчетливо, греческими буквами записал в нее русские имена. А потом с поклоном сказал игумену: «Поминайте, братья, нас грешных в молитвах своих, а мы будем молиться за вас». … Он заканчивал по-

весть о своем хождении, на пергаментный свиток ложились строки, написанные древнерусским уставом: «Кто с любовью прочтет, тот мзду примет от Спаса Иисуса Христа. И Бог даст мира всем вам во веки веков».

Прощание с героем.

Пора и нам, дорогие читатели, расставаться с нашим соотечественником из XI века. Для прощания отправилась я на кипрский Афон, на гору Святого Креста, которая 900 лет назад приютила героя нашей повести, подарила ему чудо великое, укрепила в вере. Под мерный зов колокола к вечерней молитве, неспешно поднимаюсь по извилистой дороге, ведущей к вершине горы, туда, где расположен монастырь. О многом думается во время этого восхождения. Конечно, в памяти встает образ святой царицы Елены, которая легкой поступью шла в четвертом веке во след знамению, летящему Кресту. А вот на боевых конях промчались всадники в развивающихся плащах. Это воины, предводимые гордым князем Ватумитом. Они посланы царем, чтобы покарать мятежников. И завершается XI век. На протяжении веков, нескончаемой чередой идут на кипрский Афон вереницы паломников. И однажды в этой чреде показалась группа людей, отличная от местных жителей. Светловолосые и голубоглазые, они говорили на языке, который мы с вами могли бы понять. Наверное, с игуменом Даниилом я могла бы говорить без переводчика. Вот с такими мыслями и поднималась я на Ставровуни, когда встречная машина остановилась и мои кипрские друзья, которые возвращались из монастыря, тепло поприветствовали меня. Захотелось поделиться своими мыслями, стала рассказывать о Данииле. «А мы знаем о нем»,- с улыбкой сообщил мой добрый приятель Стелиос, школь-

ный учитель. «Нам еще на уроках рассказывали о русском Даниеле, который в древности Ставровуни посетил».
Расстаюсь с друзьями, продолжаю свой путь и думаю: «Это как же надо пройти свой земной путь, чтобы через 900 лет (!) о тебе помнили за тысячи верст от родной русской земли».

«Поверьте, Кипр не позабыл»,- зазвучало в душе, и мне осталось только записать.

Поверьте, Кипр не позабыл,
Россия помнит имя это,
Оно полно тепла и света:
«Игумен русский Даниил».

Неустрашимый руссов сын,
Твой путь от Снови до Царьграда,
Тебе пучины не преграда,
Не страшны стрелы сарацин.

Наш славный предок Даниил,
Ты совершил свои хожденья
И, записав все впечатленья,
Ты руссам целый мир открыл.

Святая Кипрская Земля
Так изумила и пленила,
И чудесами наградила,
И столько сил тебе дала.

Паломник над Святой горой
Увидел Крест Христа парящий
Сюда внесен, Животворящий
Он был царицею святой.

Здесь падал фимиам с небес,
Святых молитва возносилась,
А сердце билось, торопилось
Увидеть град святых чудес.

В земле той славной Палестине
Паломник – русич исходил
Пути, что Сам Господь торил,
Молился в Иерусалиме.

И вот он в храме Воскресения
У Гроба Господа стоит,
За все Христа благодарит
Творит молитву с вдохновеньем.

Святой Огонь сошел с Небес,
И возжигается лампада,
Она для всей Руси награда
В Святой Земле, в стране чудес.

Горит лампада та доныне
Помолимся о Данииле.

Московит, гражданин Киева.

«Того Василия сей покрывает камень,
В душе которого, возжегшись веры пламень,
И луч премудрости снисшед к его уму,
Святые посетить места влил мысль ему.
Он, вдохновениям Божественным внимая,
Чрез двадцать с лишком лет,
Ходил из края в край...».

(Из надписи на могильном камне
Василия Григоровича- Барского).

Судьба странника.

В 1701 году в Печерской слободе города Киева, на необъятных просторах Российской империи, в семье небогатого торговца Григория Барского родился сын Василий. Предки мальчика по отцовской линии были выходцами из нынешней Белоруссии. Тогда это была Подольская губерния, Могилевский уезд, городок Бар. Интересно отметить, что название городка появилось только в XVI веке, когда земли уезда отошли к Польше. Тогда-то супруга короля Сигизмунда Бона Сфорца пожелала переименовать город Ров в Бар, так как почитала святителя Николая Мирликийского, и в честь его обители в Италии решила назвать город в новых владениях польских королей. Таким образом, из далекого итальянского города Бари протянулась в славянские земли

невидимая духовная нить. Между тем, XVII век был неспокойным, и в 1651 году городок Бар был в ходе военных действий сожжен, его жители спасались бегством. Тогда-то Иван Григорьевич, дед Василия Григоровича-Барского, переселился в Малороссию, так называлась тогда Украина. Один из его сыновей, Григорий Иванович, по смерти отца женился на девушке из Чернигова, и молодая семья решила переехать в Киев. Вот там и родился их сын Василий. О детстве будущего путешественника и исследователя сохранилось крайне мало сведений. Известно, что отец Василия был образованным человеком, глубоко верующим. «Книжен в Российском писании и церковном пении», - вспоминали о Григории Ивановиче современники. Отец Василия придерживался Патриархальных домостроевских взглядов. К ученым людям имел он некоторое предубеждение, считая занятия науками чем-то несерьезным. То ли дело торговля, занятие, которое он уважал. Когда Василий подрос, отец склонял его пойти по купеческой стезе. Василий же, по словам брата Ивана, «был любопытен к наукам и художествам, и имел охоту видеть чужие страны». Впоследствии, когда будет окончен земной путь нашего героя, на надгробном камне будут выбиты строки неведомого поэта о том, что однажды Божественное вдохновенье посетило юного Василия, оно зажгло пламя веры, осветило разум лучом истины. Услышав Вышний зов, наш герой отправился в многолетнее путешествие по неведомым странам. Эти поэтические строки передают то, что произошло с нашим героем.

Ветер странствий.

А проза жизни была такова: все стремления Василия к учебе наталкивались на сильное сопротивление отца. И

только уговоры матери убедили строгого родителя благословить сына на поступление в Киевскую духовную академию. Учился Василий с охотой, успешно постигая науки. Однако пришлось обучение прервать, так как юноша сильно заболел. На ноге открылась язва, и он мог передвигаться с большим трудом. В те времена Львов был центром медицины, туда ездили со всей Малороссии и близлежащих приделов, чтобы пользоваться помощью искусных лекарей. В болезни своей Василий увидел Промысел, не только подлечиться он мечтал, но вырваться из-под опеки строгого отца, увидеть новые земли. На то, что отец позволит такую поездку, надежды не было.

А вот матушка благословила в путь-дорогу. И одним июльским днем 1723 года, когда отец был в отъезде, Василий и его товарищ Иустин Ленецкий отправились во Львов. Ветер странствий подхватил молодых людей. А отец, Григорий Иванович, вскоре вернулся домой и, обнаружив отъезд сына, послал за ним в погоню надежного слугу. Тот, догнав, стал увещевать юношу вернуться. Но покорный доселе Василий был непреклонен, передав через слугу должный сыновний поклон, он не возвратился. С дороги написал родителям: «Извещаю же, что иду во Львов, может, еще и далее пойду». Он покидал с грустью родной Киев. Сколько раз он будет вспоминать его, и всегда будет писать о себе «гражданин Киева». В Киеве Господь сподобит его и принять кончину. Но это будет еще нескоро. А пока львовский доктор исцеляет больную ногу, у молодого путешественника с возвращением здоровья возникает непреодолимое желание постигать неведомое. Во Львове тогда была знаменитая Академия иезуитов. «Вот бы поступить туда и искусить их предания учений», - размечтался Василий. Но как поступить православным в такое учебное

заведение? И вот Иустин и Василий, два молодых искателя приключений, выдают себя за братьев Барских, уроженцев польского города Бар. И ведь смогли поступить, и учиться начали. Но обман вскоре был раскрыт, и юношей с позором изгоняют из иезуитских рядов. Казалось бы, ногу подлечил, приключение пережил, будет о чем друзьям в Киеве рассказать. Пора и домой.
Не тут-то было. Львов стал лишь началом большого пути, длиною без малого в четверть века.

Путеводная нить.
Помните о той духовной нити, которая невидимо связала могилевский городок Бар и обитель святого Николая в итальянском городе Бари? Она стала указателем, который повел Василия Григоровича-Барского в Италию, и это паломничество стало прологом к многолетним путешествиям. Любознательных читателей я отсылаю к первоисточнику. В 1885 году Императорское православное палестинское общество по подлинной рукописи издало труд Василия Григоровича-Барского, снабдив его следующим заглавием: «Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.г.» Уже в наши дни, к 300-летию со дня рождения путешественника, было издано несколько интересных работ. И все же чтение первоисточника оставляет самое глубокое впечатление. Откройте книгу Григоровича-Барского, и ветер странствий коснется вас. Следуя дорогами русского паломника, вы пройдете по землям, на которых сегодня располагаются Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия, Австрия, Италии, Греция, Турция, Египет, Кипр, Сирия, Израиль. Наш герой по этим пространствам либо шел пешком, либо плыл по бескрайним морским просторам. Такие путешествия в

XVIII веке были опасными. Иногда по соображениям безопасности он надевал лохмотья дервиша, иногда представлялся юродивым. Бывал наш герой и избит, и ограблен. Становился он порой жертвой предательства и интриг. Но, наперекор трудностям и препятствиям, он шел по пути, означенном ему Господом. И дорога стала его учителем жизни. Она подарила ему встречи с неизвестной дотоле культурой, историей, природой. Она подарила ему встречи с замечательными людьми, мудрыми старцами, духоносными Патриархами, простыми крестьянами. Он постоянно учился. А Господь на этом пути укреплял его. Во время странствий произошло самое главное событие в его жизни: он стал монахом, воином Христовым. Это звание Василий Григорович-Барский пронес достойно до конца своих дней, исполняя все обеты. Василий Григорович-Барский воспринимал свои странствия как миссию. Миссию православного монаха, посланца свободной православной России в землях, народ которых страдал под игом иноверцев. И он страстно хотел донести до своих соотечественников те знания, которые обрел. Поэтому он добросовестно записывал все свои впечатления, зарисовывал храмы и монастыри. Так создавался его труд: ценнейший исторический документ, талантливое литературное произведение. А еще «Странствование» - это духовный портрет русского человека XVIII века, в характере которого были явлены лучшие качества русской души: преданность Матери Православной Церкви, любовь к Отечеству, высокая нравственность. Поэтому и через три столетия Василия Григорович-Барский о не забыт, а труд его побуждает к работе души.

По стопам Василия Григоровича-Барского.

Когда мне довелось впервые прочитать строки Григоровича-Барского о Кипре, возникло непреодолимое желание пройти его тропами, увидеть те места, о которых столь выразительно написал наш соотечественник. Во время подготовки путешествия пришло решение пройти по кипрской земле дорогами Василия Григоровича-Барского пешком. Именно пешком. На автомобиле весь Кипр можно объехать за день-два. Но захотелось обойти остров, ведь в XVIII в. путешественники передвигались либо на мулах, либо пешком. Наш герой недаром называл себя «пешеходцем». Мы отправились в путь. Путешествовали по выходным дням. И с Божьей помощью путь Василия Григоровича–Барского по кипрской земле мы прошли за два года.

Кипр открылся нам со стороны дотоле неведомой. Это была огромная красочная страна, и человек, прошедший даже небольшое пространство, имел возможность увидеть намного больше, чем современный путешественник из окна автомобиля. Начались наши хождения по кипрской земле в 2000 году, и они продолжаются, даря радость открытий. В книге «Искра Божья» мы помещаем один рассказ о паломничестве Григоровича-Барского и нашем путешествии по его стопам. Если читателя заинтересует наш соотечественник XVIII века , его хождения и остров Кипр, то подробный рассказ вы найдете в нашей книге «Паломничество на Кипр православный».

Паломничество в монастырь святого отшельника.

«Где учение, там просвещение ума, где просвещение ума – там познание истины, там мудрость Божья, там добродетель. А где добродетель – там вся благодать Святого Духа».

(Из сочинений Василия Григоровича-Барского).

Святой Серапион, один из известнейших отцов- пустынников IV в., однажды совершал паломничество в Рим. Там ему рассказали о христианке, которая много лет жила затворницей, никогда не выходя из маленькой комнатки, где проводила все свои дни. Серапион, который очень любил паломничества и много путешествовал по святым местам, был удивлен образом жизни этой благочестивой женщины и посетил ее. С изрядной долей скептицизма он спросил подвижницу: «Что же ты сидишь тут?». На что затворница ответила: «А я вовсе и не сижу, я в пути». Вот над этими знаменательными словами неведомой затворницы предстоит нам сегодня поразмышлять. Митрополит Каллистос написал в своей замечательной книге «Православный путь»: «Быть христианином – значит быть путником. Как израильтяне, идущие по Синайской пустыне, мы живем не в домах, а в палатках, потому что в духовном плане мы всегда в движении, в пути. Этот путь не измеряется днями календаря, он вечен. Не

измеряется этот путь и в пространстве, ибо этот путь сердца». Митрополит Каллистос написал о каждом, кто исповедует православие. Но в истории православия были и сейчас существуют такие подвижники, которые целиком посвящают себя духовному восхождению. Они стремятся удалиться от мира не потому, что не любят мир и людей, но потому, что иногда с раннего детства чувствуют – им свыше жизнь дана для этого восхождения. Во время наших странствий по следам Григоровича-Барского нам встречались такие судьбы. Помните св. Иоанна Лампадиста, который с ранней юности чувствовал свое предназначение для жизни иной, и мольбы родителей не остановили юношу, стремившегося к монастырской жизни. Наверное, помните вы и встречу с архимандритом Киккского монастыря Исаией, ныне митрополитом Кипрской Православной Церкви, нашим современником. После службы в армии почувствовал юноша непреодолимое желание изменить жизнь коренным образом. И посвятил ее служению Господу. Да и Василий Григорович-Барский, наш герой, также принадлежал к этой особенной породе людей, которые слышали Зов. Воистину «много званных, но мало избранных».

Мечты и странствия.

Был среди таких избранных и сын кипрской земли святой преподобный Неофит, к обители которого пришел Василий Григорович-Барский. Путешествуя по Кипру, наш паломник много слышал о святом Неофите. И теперь, оказавшись у стен обители, он вновь и вновь вспоминал рассказы о святом подвижнике. Воображение перенесло Василия в глубину веков, и ясно представил он жаркий летний день 1150 года...

…По дороге, ведущей от моря, бежал юноша по имени Неофит. Прочь, прочь от пафосских улиц! Прочь от ненавистных стен тюрьмы, за которыми провел он такой унизительн - тяжелый день. За что арестовали его, за что отобрали два гроша, которые с таким трудом он скопил? Ведь он хотел одного – уплыть в Малую Азию. Там, на Латросгоре живут мудрые старцы, они бы поняли его мятежный нрав. Поняли бы и его стремление к одиночеству, ведь оно не блажь и не каприз, а выстраданная потребность души. Он бежал по улицам Пафоса, редкие в этот жаркий полдень прохожие провожали юношу удивленными взглядами. И вот город остался позади, путь Неофиту преградил быстрый и шумный ручей, а за ним, словно стена, возвышался утес. Неофит остановился, прильнул к ручью, с жадностью напился и, переведя дух, присел на камень. Пронзительная тишина нарушалась только шумом ручья да пением птиц. Корабль, наверное, уже отошел от пристани, не дождался капитан Неофита. Арестовали его прямо на пристани, приняв за беглеца, совершившего преступление. Немного успокоившись, юноша погрузился в воспоминания. Начиналось все в Катодрисе, горном селе, где двадцать пять лет тому назад он родился. Там, в сельской церкви он получил самые первые православные уроки, там зародилось сильное желание своими глазами увидеть Святую Землю, где проповедовал Иисус. Когда же он решил стать монахом? Мечтал об иноческой жизни, сколько помнил себя. Ушел из-под венца, когда исполнилось восемнадцать. Невзирая на мольбы родителей, покинул отчий дом, пришел в монастырь Иоанна Златоуста и обратился с горячей просьбой к игумену Максиму: «Позвольте мне жить отшельником!» Настоятель посчитал, что выбор сделан незрелым молодым человеком, пусть поработает с мона-

стырской братией, поразмышляет, в молитвах и постах обретет уверенность, утвердится в своем решении. И пять лет работал Неофит на монастырских виноградниках. Дни – в трудах, вечера же были отданы молитвам и учению. Самостоятельно изучил Неофит грамоту, а Псалтырь выучил на память. Через пять лет он смог отправиться в Святую Землю. Огромное событие для православного человека оказаться на земле, которая была освящена Христом, Его земной жизнью, Распятием, Воскресением. Мечтал Неофит остаться в Святой Земле. Юношей владело желание основать скит и жить отшельником, проводя жизнь в духовных трудах. Полгода провел Неофит в Палестине. Да только не обрел он там желанного уединения и духовного руководства. Чего-чего, а покоя в те времена на Святой Земле не было совсем. Дело в том, что Неофит был современником эпохи Крестовых походов. В течение двухсот лет из Европы на Восток уходили десятки тысяч человек. Что гнало их с насиженных мест в далекий опасный путь? В первую очередь, религиозное воодушевление. Ведь почти полтысячелетия вся Святая Земля была в руках мусульман. Сначала это были арабы. Надо признать, что особых притеснений христианским паломникам они не чинили. А вот когда в конце XI в. Палестину захватили турки-сельджуки, посещение Палестины стало опасным. Папой Римским и европейскими монархами был организован Первый Крестовый поход, целью которого стало освобождение Гроба Господня. Рыцарские войска завоевали Палестину и часть Сирии. Однако под ударами мусульман позиции христиан ослабли. Был организован Второй крестовый поход. Закончился он полным провалом. Святая Земля была занята то крестоносцами, то мусульманами. Византийский император, опасаясь рыцарских армий, заключил договор с ту-

рецким султаном. Ситуация была нестабильная. Военные столкновения, религиозные распри, амбиции правителей, - все это кипело в котле человеческих страстей. Где уж тут было найти молодому Неофиту желанное уединение, покой, мудрого наставника. Он вернулся на Кипр. В монастыре Иоанна Златоуста состоялся долгий разговор с игуменом Максимом. Понимания он не принес, и в душе Неофита стало крепнуть решение покинуть монастырь и отправиться в Малую Азию. Во время странствий он слышал о горе Латрос, удивительном месте, где живут отшельники. Решил Неофит попытать счастье там. И деньги на дорогу были скоплены, небольшие, но хватило бы на проезд. Но тут, в пафосской гавани, его и схватили, как преступника и беглеца. Стражники отобрали его деньги, продержали в тюрьме. На следующий день освободили, но эти сутки в темнице запомнились надолго. А теперь он сидел на берегу ручья, рассматривая в задумчивости отвесную скалу. Взгляд остановился на маленькой пещерке, что виднелась высоко над подножьем утеса. Как пустынно здесь и тихо, есть ли еще где такой покой под синью небес. Сияет море вдали. Неофит почувствовал, словно душа его поднялась над суетой и страстями людскими, воспарила, и летит к Небесам, и нет ей препон, нет препятствий.

Отшельник.

«Земля наша ныне не лучше моря,
вспененного бурным штормом».
(Из письма святого Неофита)

Следуя по стопам нашего героя, мы тоже готовились к посещению монастыря, который во времена Григоровича-Барского назывался Энглестра, что значит «затвор», а ны-

не носит имя святого Неофита. Из небольшой пещеры отшельник соорудил скит. Целый год работал он не покладая рук, освобождая пещеру от лишних камней, увеличивая ее. Вырубил маленькую церковь и келью, трапезную. А впоследствии, когда стали к нему приходить страждущие, он над рукотворной пещерой соорудил себе малую келейку, которую в конце жизни уже не покидал. Это была жизнь, наполненная молитвенным трудом, строгими постами, той сокровенной работой души, которая только Господу и Его Пречистой Матери ведома. А еще были труды письменные, доверял пергаменту святой свои думы о родном Кипре, размышления о Священной истории. Кипрский ученый Папагеоргиу в своем исследовании отмечает, что св. Неофит был выдающимся духовным писателем. «Несмотря на тот факт, что св. Неофит научился читать и писать после 18 лет, он является одним из самых плодотворных средневизантийских писателей. Кроме своих проповедей он написал комментарий к Библии и другие работы, содержащие ценную информацию о житиях святых и истории Кипра». Монастырь св. Неофита недавно начал публиковать труды святого.

Жил отшельник в уединении, но узнал о нем Пафосский митрополит Киннамос. В 1170 он посвятил Неофита в священнический чин. Постепенно и жители Пафоса узнали о Неофите, стали приходить к нему за советом, духовным укреплением. Слава о пафосском отшельнике распространилась по всему Кипру. Сюда стали прибывать паломники. Что привлекало их к одинокому пафосскому утесу? Чудеса, которые вершились здесь, мудрые советы святого отшельника, исцеление больных. Более полувека прожил святой в пещере.

В 1184 году на Кипре произошло событие, которое имело трагические последствия. В то время правителем острова был Исаак Комнин. Его имя произносилось на Кипре с гневом и ненавистью. Этот правитель (он был родственником византийского императора, его племянником) злоупотреблял своим положением. Скаредный и жестокий, он обложил жителей острова непосильными налогами, но этого ему было мало. В 1184 году, подделав документы, он объявил себя царем Кипра. Как тогда говорили, «отложился от Византии». Исаак считал момент очень удачным. Византийский император Мануил умер. В результате борьбы за трон был удавлен пятнадцатилетний царевич Алексей. Родной дядя царевича Андроник принимал участие в этой казни. Вскоре он провозгласил себя царем, а через год был отдан толпе на растерзание другим претендентом на трон Исааком Ангелом. Не до Кипра было византийским правителям, в ослеплении вступили они в кровавую схватку за власть. Народ же Кипра платил такие непосильные налоги, что почти и не заметил, как девятисотлетний период правления Византии на острове подошел к концу. Св. Неофит знал о событиях в стране, знал и о тяготах народа. Он страстно обличал сборщиков налогов, и тем завоевал любовь простого люда Кипра. Семилетняя тирания Исаака Комнина подошла к концу неожиданно в 1191 году, когда Кипр был завоеван английским королем Ричардом Львиное Сердце, совершающим Третий крестовый поход.

После разграбления Кипра, Ричард продал остров рыцарям ордена Тамплиеров. Но уже на следующий год народ Кипра поднял восстание против притеснений чужеземцев, восстание было подавленно жесточайшим образом, и рыцари продали Кипр недавно свергнутому королю Иерусалима Ги де Лузиньяну. Вскоре на Кипре было основано Франк-

ское королевство. В то бурное время больше всех страдали простые люди, с которых правители собирали огромные налоги, разоряя жителей острова.
Печальное положение Кипра было описано святым Неофитом в письме, которое известно под названием «О несчастьях Кипра». Историки до сих пор удивляются, как человек, ведущий затворнический образ жизни и, казалось бы, оторванный от бренных земных дел, мог дать такую ясную и четкую характеристику завоевания Кипра латинянами. Он предвидел несчастья Кипра и страдал душой за свою поруганную родину. Как ни стремился Неофит с молодых лет к уединению и покою, жизнь вторглась и сюда, в пафосские пещеры. И святой подвижник помогает людям, попавшим в беду, потерявшим все в ходе иностранного завоевания. Он помогает всем, кто обращается за помощью.
Умер святой Неофит в возрасте старше восьмидесяти лет и был похоронен в могиле, которую сам себе и приготовил, вырубив ее в скале подле кельи.

Фрески.
Но вернемся к нашему герою, Василию Григоровичу-Барскому. Паломник, подойдя к монастырю, прежде всего, приблизился к утесу, над подножьем которого находилась святая пещера. Наверх вела узкая тропинка. По ней и поднялся Василий. Нескоро покинул он святую пещеру. А когда вышел, присел на лавочку, которую заботливо поставили монахи для паломников, задумался. Он был под глубоким впечатлением от увиденного и сразу начал записывать: «Пещера св. Неофита подобно ласточкиному гнезду, трудно добраться сюда. Ныне здесь расположилась церковь во имя преподобного, расписана она неким иконо-

писцем. Иконы странные, необычные, ужасные, к умилению вызывающие всякого благочестивого паломника». Удивительно описал Василий Григорович-Барский свои впечатления. Прочитав его строки о фресках в пещере святого Неофита, мне захотелось их увидеть, и, придя по стопам нашего паломника в монастырь, который ныне носит имя св. Неофита, мы устремились вверх, по каменной лестнице, которая и сейчас ведет в пещеру. Обитель святого Неофита расположена на высоте более четырех метров от подножия скалы. Для человека верующего очень важно побывать в таких местах, они наполнены благодатью. Стены рукотворной пещеры покрыты удивительными фресками, самые ранние из которых созданы при жизни св. Неофита, они являются своеобразным духовным посланием святого потомкам. Здесь стали понятны слова Василия Григоровича-Барского об иконах святой пещеры. Совершенно очевидно, что художник работал под чутким руководством самого Святого, хорошо понимал его, чувствовал его душу. Иначе не удалась бы ему предать так проникновенно то, что мы видим и ощущаем пред фреской «святой Неофит в молитве, между Архангелами Михаилом и Гавриилом». Эта фреска – символ всей жизни великого подвижника. Молитвенно сложены руки, спокоен и умиротворен лик. Слева и справа изображены Архангелы, они положили свои руки на плечи св. Неофита. Всю свою жизнь он ощущал эти касания Горнего мира, он знал, что он избранник, он стремился к Богу. В келье трогает до глубины души фреска «Мольба». Смиренно в коленопреклоненной позе застыл св. Неофит пред Господом. Благословляет Иисус подвижника, который свою земную жизнь посвятил служению Ему. Здесь же изображены молящиеся Богородица и Иоанн Креститель. Один мой знакомый, не слиш-

ком религиозный человек, поделился со мной впечатлениями от встречи с иконами в скиту святого Неофита: «Видя распростертого в молитве отшельника, его смирение пред Господом, подумал я о себе, своих просчетах, ошибках, излишнем честолюбии. Стало стыдно за многое, и я принял некоторые решения, дал обещание св. Неофиту, это очень личное, но то, что пообещал, постараюсь выполнить». Удивительная духовная перекличка веков и православных душ. Ведь и в 1735 году русский паломник записал почти те же слова, пытаясь выразить свои чувства от встречи с древними иконами. Я хорошо понимаю чувства этих двух русских паломников, и вы поймете, придя сюда. Здесь строгие лики икон, они не приемлют лукавства. Здесь искренняя самоотверженная вера и высокая требовательность к себе, и еще здесь аскетизм христианства и память. Ведь наша вера это не только праздники, сияние позолоченных люстр, радость и умиление. Это все есть в православии. Но есть на нашем пути и испытания и страдания, и самоотречение во имя веры. Человек заглядывает в свою душу, порой ужасается своим греховным помыслам. Отсюда и слова Григоровича-Барского об иконах как странных и ужасных. В пещере мы видим лики страстотерпцев первых веков христианства, их пепел и поныне стучит нам в сердца. Одна икона особенно произвел на меня впечатление. Это образ Стефана Молодого, страстотерпца иконоборческой поры. Он изображен с иконой Умиления. Св. Стефан спасал святые иконы и был растерзан иконоборцами. Подле его образа читаем надпись «Если человек не поклоняется Господу Иисусу Христу и Его Непорочной Матери, изображенной на иконе, анафема ему».

Загадка Феодора Апсевдиса.

Кто мог создать эти шедевры, так гениально передать психологический портрет св. Неофита, его мечты и чаяния? Весь его жизненный путь, его неугасимую пламенную Веру, да так, что и сегодня, в XXI в, испытываешь трепет перед этими фресками?

Кто, вдохновленный св. Неофитом, трудился здесь, в пустынных пафосских горах? Под одной фреской находим надпись: «Церковь расписана моей рукой, Феодором Апсевдисом в году 1183». Неизвестно, где жил иконописец, где он учился живописи. Кипрские исследователи Андреас и Джудит Стилиану считают, что Апсевдис писал в манере, которая у специалистов получила название «классическая придворная». И это заключение дает нам право предполагать, что, Апсевдис прибыл на Кипр из Константинополя. Исторические реалии того времени (борьба за императорский трон, кровавые столкновения с латинянами, жестокие битвы с турками) могли заставить художника бежать на Кипр, в поисках спокойного места работы, в том «вспененном бурным штормом» мире, который назывался Византийской империей... Обрел ли художник покой, нет ли, нам неведомо. Но обрел он духовного наставника и создал творения, которые сделали его имя незабываемым...

Василий Григорович-Барский, завершая описание святой пещеры, записал: «Внутри расположена гробница Святого, но монахи сказали, мощи его не обнаружены». Немного успокоившись от впечатлений, паломник спустился вниз, и отправился к главной церкви монастыря, которая была посвящена Богородице.

Церковь Пресвятой Богородицы.

Побывав в церкви монастыря, Григорович- Барский оставил такую восторженную запись, что хочется полностью ее привести: «Что сказать о главном храме монастыря, посвященном Пречистой Божьей Матери, и как восславить его красоту? Много слов восхищения просится на бумагу, но могу только несколькими описать ее очарование. Не большая и не маленькая, все ее пропорции весьма гармоничны. Она хорошо освещена, имеет множество окон, и прекрасный купол завершает ее. И внутри, и снаружи выложена церковь тесаным камнем. Два входа покоятся на овальном фундаменте. Иконостас, алтарь, канделябры, лампады – все заслуживает восхищения. Шесть колон поддерживают свод, пол выложен мраморными плитами. Храм покрыт черепицей. Словом, это самая прекрасная из церквей, которые я уже описал, и достойна всяческой похвалы. Может быть, лишь храм св. Мамаса в Морфу превзошел эту замечательную церковь». Если, прочитав это выразительное описание, вы придете в храм, то увидите некоторые изменения, которые привнесло время. Но попрежнему, чувство гармонии, света, соразмерности успокоит душу, наполнит ее теплом. Здесь прекрасные иконы XVI в., и паломники нескончаемой чередой едут сюда со всего Кипра и из других православных стран. Помимо прекрасных икон, здесь хранится главное сокровище монастыря – мощи святого. Они были обретены в 1756 году и принесены в главную церковь. В 1802 году, во время настоятеля Григория, была сделана серебряная рака, в которой ныне обретается пречистая глава св. Неофита.

Музей монастыря.

Под восточным крылом монастыря расположился музей, где экспонируются подлинные сокровища церковного искусства. Мы очень рекомендуем вам посетить этот замечательный музей, там вы обязательно обратите внимание на две удивительные иконы Иисуса Христа Филантропа (человеколюбца) и Божьей матери Милостивой. С большой долей вероятности, мы можем утверждать, что это работы уже знакомого нам Феодора Апсевдиса. Замечательна икона св. Неофита с крестом и свитком в руках. Эта икона датируется 1500 годом и примечательно, что деньги на ее создание пожертвовал монах, которого тоже звали Неофит. Очень трогает душу путевой журнал монахов монастыря св. Неофита, который они вели, путешествуя по России, собирая милостыню для монастыря. Шел 1865 год, в России недавно было отменено крепостное право. Крестьяне, в большинстве, жили бедно. Но жертвуют последнюю копейку крестьяне дальнего русского села, чтоб поддержать монахов монастыря св. Неофита на далеком Кипре. Хотя и бедно живут, но живут в свободной стране, царь свой, православный, не басурманин.

А как отрадно видеть здесь, в пафосских краях, прекрасный триптих русской работы «Коронация Приснодевы». Сейчас иконы экспонируются в музее, а ранее они были в храме, их мог видеть русский паломник Василий Григорович-Барский. Покоренный красотой монастыря, гостеприимством монахов и особенно игумена Тимофея, наш паломник записал: «Я был поистине встречен с честью». Результатом посещения стало не только описание монастыря, подробное красочное, поэтичное – хочется назвать его гимном кипрским монастырям, но и великолепнейший рисунок. Взгляните на него, в мельчайших деталях передает

Григорович-Барский архитектуру монастырского комплекса, окружающую природу предгорий, ручьи и сады. Этот рисунок один из самых «населенных», шесть персонажей изображено на нем: это и монахи монастыря, и крестьянин, пасущий своего ослика, и два путника, идущие по своим делам. Словно окошко распахнуто в летний день 1735 года… А наш неутомимый путешественник, продолжил свой путь «Я спустился с гор в долину и шел вдоль моря» - записал Василий Григорович-Барский. Морской воздух бодрил, ветер странствий увлекал вперед, навстречу новым впечатлениям, добрым людям, Божьим храмам, святым обителям…

Живая душа.

«Будьте не мертвые, а живые души.
Нет другой двери, кроме указанной Христом».
(Из книги Н. В. Гоголя
«Размышления о Божественной Литургии»).

Знакомый незнакомец.

Портрет Н.В. Гоголя. Художник Ф. Моллер. 1841 г.

Николай Василевич Гоголь - великий русский писатель, драматург, философ и религиозный мыслитель Его имя дорого каждому, кому дорога русская словесность. Оно с детства приходит в сердце, в каждой отзывчивой душе есть особый гоголевский уголок, где живут герои «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Вместе с Гоголем мы любуемся красотой щедрой украинской природы, побеждаем силы зла. Взрослея, мы знакомимся с «Ревизором» и «Мертвыми душами». В сознании Гоголь начинает представлять тип блестящего юмориста, писателя-сатирика и обличителя пороков. В наш внутренний мир входит творчество Гоголя, чтобы стать неотъемлемой его частью. Гоголевскими словами мы передаем свое душевное состояние, восхищаемся красотой родной природы, критикуем несовершенства окружающих и свои собственные недостатки. Итак, речь идет о классике русской литературы, который нам хорошо знаком.

И все же автор берет на себя смелость утверждать, что если и есть русский писатель, который менее всего знаком своему народу, то это Николай Васильевич Гоголь. Причиной тому стена умолчания, которая была воздвигнута между великим писателем и его читателями в то время, когда господствовала атеистическая идеология. Когда эта стена пала, народ, отлученный от веры и церкви, просто оказался не готов к встрече с самым аскетическим русским писателем, вся жизнь которого была постоянным восхождением к вершинам духа. Задача этого скромного материала не просто отдать должное юбилею писателя, которое широко отмечается во всем мире. Известно, что решением ЮНЕСКО 2009 год объявлен «Годом Гоголя». Автор хотела бы рассказать о любимом писателе как об истинном православном христианине, чье православие было не формальным, теплохладным, а живым горячим, действенным. Убеждена, без знаний об этом, гений Гоголя останется для нас неизвестным.

Под покровом Божией Матери и Николая Угодника.

Однажды сын полтавского помещика Василий Гоголь-Яновский, будучи тринадцатилетним подростком, во сне увидел Матерь Божию. Она указала ему на маленькую незнакомую девочку, игравшую возле него и сказала: «Ты женишься на ней, вот твоя избранница». А через некоторое время Василий Афанасьевич с родителями отправился в гости в соседнее имение и там увидел семимесячную девочку на руках кормилицы, дочку помещиков Косьяровских. И сразу понял, что это и есть та самая девочка из его сна! Мария Ивановна воспитывалась у тётки, как раз в соседнем имении, и все эти годы Василий Афанасьевич наведывался к ней в гости, играл с ней в куклы, строил кар-

точные домики, чем, конечно, очень удивлял родственников девочки. Когда Машеньке исполнилось 14 лет, Василий посватался. Сыграли свадьбу, и молодожены зажили счастливо. Так началась семейная жизнь родителей Николая Васильевича Гоголя. Одно омрачало их дружный брак: двое первых детей скончались, едва появившись на свет. И тогда мать будущего писателя, Мария Ивановна, дала обет перед чудотворным образом святителя Николая-угодника: если у нее родится сын, назовут его Николаем в честь великого чудотворца. Ожидая свое третье дитя, она просила священника молиться, когда наступит время родин. И молиться до тех пор, пока не оповестят о рождении ребенка. Сказано – сделано. Усердно молился батюшка. Когда же пришли с радостной вестью, что Марии Ивановне и Василию Афанасьевичу Господь послал сына, священник отслужил благодарственный молебен. На третий день малыша окрестили с именем Николай. Такие чудесные явления сопровождали приход в мир сына украинской земли, величайшего писателя, классика русской литературы Николая Васильевича Гоголя.

Начало начал.

То, что родительский дом является началом начал в развитии личности человека, - истина, не требующая доказательств. Мы все родом из детства. Гоголю посчастливилось родиться в православной семье. Среди предков писателя были даже люди духовного звания. Его прадед был священником, дед закончил Киевскую духовную академию, отец – семинарию в Полтаве. Семья регулярно посещала богослужения, часто паломничала, по благочестивой традиции отправляясь на поклонение к святыням православия пешком. Были Гоголи и храмостроителями. В де-

ревне Васильевка, где жила семья будущего писателя, храма не было. И Мария Ивановна дала обет построить каменный храм. Исполнить обет было не просто. Несколько лет собирались средства на строительство.

Постепенно храм стал воздвигаться, Гоголь, который уже покинул отчий дом, принимал активное участие в его строительстве. Известно, что Николай Васильевич сам создал план иконостаса, из Италии привез чудную икону святителя Николая, которую в храме и поместил. Вообще Николая-угодника Гоголь всю жизнь любил и почитал, всегда возил с собой образок великого Божьего угодника. На кладбище построенного Гоголями храма похоронены родители писателя, есть свидетельства, что и сам он желал быть похороненным именно там.

С основами православия будущего писателя познакомила мать. Мария Ивановна имела большие духовные дары, которые она умела передать своим детям. Впоследствии Гоголь в письме к матери писал: «Я просил Вас рассказать мне о Страшном суде. И Вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие чувства». На формирование личности Гоголя домашнее воспитание оказало решающее влияние. Среди несомненно прекрасных человеческих качеств Гоголя было милосердие. Оно было привито в семье, и было истинно христианским. Его школьные товарищи рассказывали, что юный Гоголь не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему. Если дать было нечего, он говорил: «Извините!». Однажды Гоголю случилось у одной нищенки остаться в дол-

гу. На ее слова «подайте Христа ради» юноша ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

Годы учебы, первая утрата.

Николая Гоголя привезли в Нежин, когда ему было около 12 лет. Исследуя годы учебы великого писателя редкий биограф не отметит не слишком высокий уровень образования в Нежинской гимназии, а также невысокие результаты, которые Гоголь достиг в изучении ряда предметов. И здесь мы можем извлечь первый важный урок из биографии писателя. Урок, важность которого непреходяща. Успехи в математике, физике, в любом другом предмете, безусловно, важны. Но самое главное это нравственность ребенка. Как часто мы забываем об этом, отправляя наших детей в дорогие частные школы, нанимая репетиторов. Кажется, все силы отданы ради любимого чада. А чадо покрикивает на родителей, без стеснения требует карманных денег, считая, что все ему обязаны, проявляя при этом черствость и эгоизм. Что упущено? Забота о нравственном воспитании. Будущему писателю повезло с законоучителем. Так назывался тогда преподаватель религиозных дисциплин. Преподаватель протоиерей Павел Волынский был, безусловно, яркой и талантливой личностью. Согласно программе, он преподавал катехизис, Священную историю и географию Святой земли. Но кроме этого, он разработал, говоря современным педагогическим языком, авторский курс нравственного богословия. Учитель знакомил гимназистов с жизнеописаниями и творениями выдающихся отцов церкви Василия Великого, Иоанна Златоуста др. Наставлял, как бесценный опыт этих светильников может

быть приложен к современной жизни, к поступкам каждого ученика. Не надо представлять, что юный Гоголь - этакий неулыбчивый угрюмый маленький богослов. Отнюдь. Он участвует и в забавах, и в театральных постановках. Пробует себя на литературном поприще. Все это на поверхности бытия искрится молодостью, задорной энергией. Но была еще тихая и сосредоточенная работа в глубине души, которую и близкие не замечали, столь сокровенна она была. Есть воспоминание гимназического товарища будущего писателя. Он пишет, что юный Гоголь не пропускал ни одной литургии. Он со вниманием слушал молитвы, «иногда даже повторял их нараспев, как бы служа сам себе отдельную литургию».

В 1825 году в безоблачную юность вторгается непрошенная, нежданная грозная гостья – смерть. Умирает отец. Николаю Гоголю 16 лет, горе его велико. Душа жаждет поддержки и опоры. Из глубин отчаяния поднимается и крепнет вера. Она помогает выстоять, поддержать маму и сестер. «Благодарю тебя, священная вера! - пишет юный Гоголь матери, - В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести». С того времени в его мировоззрении присутствует постоянная память о неизбежности смерти. А ведь в Священном писании недаром сказано: «Тот, кто помнит конец свой, никогда не согрешит». Память о смерти отводит человека от многих грехов; мздоимство, стяжательство, накопительство, - лишь некоторые из них. Память о смерти приводит православного человека и к мысли о Страшном суде, где всем нам придется отвечать за свои земные дела. С момента кончины отца юный Гоголь возлагает на себя заботы о матери и сестрах. До последних дней жизни он поддерживает своих близких. И это была не только бесценная духовно-нравственная поддерж-

ка. Он отказывается от своей доли наследства в пользу близких. Поступок и в те времена, и в дни сегодняшние неординарный. Наверное, здесь будет уместно сказать еще об одной добродетели в характере Гоголя, о его бессеребренничестве. У Гоголя не было имущества, своего угла. После его кончины было обнаружено несколько рублей. А вот фонд, который он основал для малоимущих студентов, и который пополнялся главным образом благодаря литературным заработкам писателя, составлял более двух тысяч рублей. Между тем, в декабре 1828 года, юноша Гоголь приезжает в столицу империи. Его ждут первые неудачи, успехи и блестящая слава.

Успех.

Петербургский период жизни Н.В. Гоголя – плодотворнейший. Он испытал себя на многих поприщах: чиновничьем, актерском, педагогическом, художественном. Первый ранг молодого Гоголя – чиновник 14 класса, самая низшая ступень в чиновничьей иерархии. А должность - переписчик в департаменте Министерства внутренних дел. Конечно, были и разочарования, не об этом он мечтал. Хотелось больших и значимых дел. Утомленный монотонностью службы, Гоголь посещает классы Академии художеств. Он, безусловно, одаренный рисовальщик, но главным направлением всей деятельности молодого Гоголя становится литературное. Божья воля была к нему милостива. О знакомстве и дружбе с Пушкиным мы будем говорить отдельно. В Петербурге будущий писатель встречается с известным издателем Антоном Дельвигом. Последний вводит Гоголя в литературный круг. Судьбоносной оказалась встреча с Жуковским. Он оказал большую поддержку Гоголю, выхлопотал для него место препода-

вателя истории в Смольном институте. Кроме того, по протекции влиятельных друзей, Гоголь преподает историю и географию в некоторых богатых семьях в качестве домашнего учителя. К слову сказать, дети обожали учителя не столько за его уроки, сколько за потрясающие рассказы из украинской жизни. Эти рассказы Гоголь стал записывать, так рождались «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они были опубликованы в 1831 году, затем последовал каскад произведений, которые имели ошеломляющий успех. Судите сами: в 1835 г. выходят в свет «Арабески» и «Миргород», в 1836 г. ставится комедия «Ревизор», в 1842 г. опубликована бессмертная поэма «Мертвые души». Завершается этот плодотворный период выходом полного собрания сочинении писателя. За одиннадцать лет создаются величайшие шедевры русской литературы. К 33 годам Николай Васильевич Гоголь создал и написал все свои художественные произведения. «Кажется, что как писатель Гоголь сформировался сразу», - пишет замечательный исследователь творчества Гоголя профессор Воропаев. Слово «кажется» использовано не случайно. Не сразу, а исподволь формировался внутренний мир писателя.

Такой небывалый творческий всплеск был результатом его огромной духовной работы.

Проповедь добра.

В этом смысле очень показательны размышления Николая Гоголя, посвященные Великому посту: «Спокоен и грозен Великий пост. Кажется, слышен голос: «Стой, христианин, оглянись на жизнь свою…Я люблю тебя, Великий пост, время думы и молитвы». Размышления писателя были опубликованы в 1836 году в «Петербургских заметках». Этот Вышний голос, несомненно, слышал молодой Гоголь,

работая над своими ранними произведениями. Поэтому, если мы взглянем на них с духовной точки зрения, то откроем для себя не просто собрание веселых рассказов в украинском духе, не только талантливейшее описание роскошной природы, но нечто более важное. Ранние произведения Гоголя - настоящая нравственная православная проповедь. К сожалению, именно эта важнейшая сторона вообще творчества Гоголя, а не только его ранних рассказов, ускользает от современного читателя.
Во всех произведениях Гоголя той поры идет напряженная борьба добра со злом. Зло многолико. Оно может быть в образе кажущегося забавным черта в «Ночи перед Рождеством», а может быть ведьмой, отвратительной и коварной в «Вечере накануне Ивана Купала». А чего стоит ужасный колдун из «Страшной мести»!?

Приключения Вакулы-кузнеца.
Наши дети знакомятся с Гоголем в пятом классе, читая «Ночь перед Рождеством». Сказочная повесть густо населена всякой нечистью. Черт крадет месяц, в ночном небе проносится колдун, плетет свои интриги ведьма Солоха. Однако, кузнец Вакула, олицетворяющий силы добра, побеждает. В учебнике литературы не только излагается содержание повести, но даются пояснения. На вопрос, заданный от имени учеников, почему люди не испугались черта, следует неожиданный ответ: «Он похож на обыкновенного человека. А если так, то почему же не обратиться к нему за помощью». Здесь будет уместно заметить, что Русская православная церковь порицала автора именно за эту повесть. И ниже мы разберемся, что послужило тому причиной. Читатели Гоголя, его современники, были православными, они не нуждались в пояснениях, в чем же духовный

смысл приключений Вакулы-кузнеца. Перелистаем страницы повести, вспомним о чем там ведется речь. Молодой человек, желая добиться любви дивчины-красавицы, самого главного, в чем он видит в тот период жизни весь смысл своего существования, готов совершить вначале смертный грех самоубийства, а затем душу отдать сатане. Однако, как только черт пытается овладеть душой и помыслами Вакулы, герой, опомнившись, подчиняет нечистую силу своей воле, и даже использует его как транспортное средство. В дальнейшем выясняется, что и без магических чар, и без прекрасных черевичек гордая дивчина втайне любила Вакулу. Заканчивается все свадьбой и рождением ребенка. Однако, само соприкосновение с миром тьмы оставляет неприятный след в душе героя, воспринимается им как грешный поступок. Как и положено православному человеку, Вакула кается в содеянном, «несет церковное покаяние». Вакула и делами искупает свой грех. Будучи не только искусным кузнецом, но и талантливым иконописцем, он изображает на стене храма сцены ада. Гоголь пишет: «Намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо…»

Господь милостив, он простил нашему герою его прегрешение, свидетельством тому счастливая семейная жизнь, уважение односельчан. Но и вразумление Вакула, а с ним и читатели повести, получил: наладить взаимовыгодные отношения с силами зла невозможно. Ведь сущностью их отношения с людьми является только ненависть. Единственно правильное и безопасное для человека – не иметь ничего общего с силами тьмы. Об этом мы и просим Господа в заключительных словах Господней молитвы: «…Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Итак, первый урок Гоголя: зло побеждается. Но что дает силы справиться с ним? Во-первых, умение отличить зло от добра. И произведения Гоголя являются прекрасной школой в этой нравственной учебе. Помнится, мои дети, прочитав роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в подростковом возрасте, спрашивали, недоумевая: «Воланд - герой отрицательный или положительный?» Обаяние, которым иные авторы наделяют силы тьмы, особенно, если эти авторы талантливы, ведет неопытные души к смешению понятий о нравственных категориях добра и зла. И это опасно. Такой двойственности у Гоголя нет. И в этом смысле его произведения - верный нравственный компас. Ведь зло многолико, и справедливо пишут авторы учебника по литературе для 5 класса, что иногда черт кажется совсем не страшным, и весьма похож на человека. (Ведь распространителя наркотиков и растлителя малолетних с первого взгляда тоже не отличишь от человека). Индикатором служат нам Десять заповедей, они помогают различить зло. А оно не так уж безобидно даже в этой сказочной повести. Недаром Патриарх Кирилл в одном из интервью заметил, что зло динамично, и если его не остановить, оно может погубить человека. Чтобы Десять Заповедей стали путеводной нитью в нравственных поисках юных читателей, им необходима вера во всемогущество Бога. Тогда добро будет восприниматься как следование Божией Воле. Отступление же от Нее не будет восприниматься как катастрофа, но как грех, в котором каются, и который омывается таинством исповеди.

Сила Крестного знамени.

Православный толковый словарь объясняет, что Крестное знамение – знак победы Христовой над сатаной, им чело-

век отгоняет от себя всякое зло и одновременно выражает благоговение перед Богом, свидетельствует о своей вере в Него. Герои Гоголя и его читатели-современники хорошо знали о могучей духовной силе Крестного знамения. Можно сказать, что это духовное оружие христианина – одно из главных действующих лиц ранних произведений Гоголя. Помним, каким страшным казался простой кипарисовый крестик черту в повести «Ночь перед Рождеством». Увы, юным читателям-россиянам, которые прикоснуться к творчеству Гоголя в начале XXI-го века, и этот важнейший аспект в произведениях великого русского писателя надо объяснять. Как, впрочем, и многие моменты, о которых говорилось выше. В связи с этим, на педагогов и родителей ложится большая ответственность. Не надеясь на учебники, помочь нашим детям встретиться с Гоголем. И если эта встреча произойдет, это будет важным нравственным достижением не только в воспитании юных, но и нашим собственным обретением. Обретением помощника и защитника в сегодняшнем, таком сложном мире.

Загадки Конька-Горбунка.

Курсовая работа студента Ершова.

Это событие произошло весной 1834 года. В своем кабинете на кафедре русской словесности Санкт-Петербургского университета профессор Петр Александрович Плетнев проверял студенческие работы. Он внимательно прочитывал каждую курсовую. Тема, которую он задал студентам, была интересной: «Русская народная сказка». Не так давно были опубликованы сказки его доброго друга, Александра Пушкина. Читающая общественность, словно заново открыла для себя мир русской сказки, ее героев, мир чудес и нравственной чистоты. Работы студентов были разными, порой наивными, неумелыми. Но одно было присуще всем: его питомцы демонстрировали искреннюю любовь к русскому языку и народному творчеству. И это бесконечно радовало профессора. Это и было его главной целью: привить любовь и уважение к российской словесности. И своими яркими лекциями, и педагогическим талантом, и глубоким профессионализмом он добивался этой цели. Так было всюду, где ему доводилось работать: в женском институте, в кадетском корпусе, в Благородном пансионе. Сын дьячка из Тверской губернии, он стал профессором благодаря титанической работе над собой, неустанным трудам и бескорыстной любви к русской литературе. Мягкий, деликатный, услужливый человек, он

становился абсолютно непримиримым борцом, когда писал о судьбах русской литературы, делал критические анализы современных ему писателей: Гоголя. Пушкина, Писемского и др. Его подход к русской литературе был для того времени абсолютно новаторским. Плетнев неустанно призывал: русская литература должна крепко стоять на народной почве… Профессор взял курсовую работу студента Петра Ершова. Сразу представил себе облик юноши, прибывшего в Санкт-Петербург из далёкой сибирской глубинки, без средств и без связей, для учёбы на философско-юридическом факультет столичного университета. Это был круглолицый крепыш в круглых очках, добродушный и застенчивый. Профессор испытывал симпатию к пареньку. Он и сам ведь когда-то приехал в Петербург из провинции, сколько шишек набил, пока сориентировался, обзавелся друзьями, встал на ноги. Петр Александрович открыл рукопись, отметил, что написана курсовая работа в стихотворной форме. Профессор погрузился в чтение. Оно его захватило сразу, начиная с самых первых строк:

«За горами, за лесами,
За широкими морями
Против неба на земле
Жил старик в одном селе…»

Далее Плетнев читал сказку о Коньке-горбунке на одном дыхании. Еще бы, все, что дорого было профессору, можно было встретить на страницах курсовой работы Петра Ершова: сочный русский язык, яркие красочные образы. А какой полет фантазии: загадочная кобылица, жар-птицы, Царь-девица, Месяц-Месяцович, Чудо-Юдо Рыба-Кит. А каков главный герой – Иван, с его неизменным оптимиз-

мом и находчивостью. И, наконец, какой премилый образ Конька-Горбунка, верного бесстрашного друга, советчика и помощника. Чувствовалось влияние дорогого Пушкина. Может быть, эта работа и была вдохновлена пушкинскими сказками. Но не было подражания, работа - самобытна, и это было Плетневу дорого. «Надо обязательно показать эту сказку Александру Сергеевичу»,- подумал Плетнев, с неохотой закрывая рукопись. Так, в 1834 году началась биография сказки, которая на протяжении 180 лет является одной из самых любимых нашим народом. Заметим, что автору «Конька-Горбунка» было в то время 19 лет!

Слово об авторе.

Кто же был этот юный автор, чья курсовая повергла в восхищенное изумление не кого-нибудь, а ведущего критика и глубокого знатока российской словесности? Петр Ершов родился 22 февраля (6 марта по н. ст.) 1815 года в селе Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии. Детство будущего писателя прошло в разъездах: отцу его — Павлу Алексеевичу, полицейскому чиновнику, по долгу службы приходилось жить в разных городах и селениях Сибири. В 1824 году родители отправили Петра и его старшего брата Николая учиться в Тобольск. Пётр Ершов с отличием закончил Тобольскую губернскую гимназию. В это же время его отец перевёлся в Петербург, и в начале 1831 г. братья Ершовы поступили в Петербургский университет. Пётр учился на философско-юридическом факультете, учился, впрочем, без особого блеска — ленился. Считается, что он вообще окончил университет только благодаря необъяснимому везению: на экзаменах постоянно попадались лишь те билеты, которые он знал. (Хотя, возможно, это были слухи, распространяемые завистника-

ми, которых у Ершова было немало). Впрочем, впоследствии Ершов сам не раз сетовал на свою лень, недоученность, со смущением признавался, что не владеет свободно хотя бы одним иностранным языком (знание языков было тогда нормой для всякого образованного человека). Думается, это преувеличенная скромность нашего героя, и об этом мы еще будем говорить. А латынь студент Ершов вообще терпеть не мог! Не любил мёртвую латынь, зато с любовью и вниманием относился к живой народной русской речи. И под восторженным впечатлением от только что опубликованных сказок Пушкина решил написать свою сказку в стихах — на основе народных легенд и историй, которые не раз слышал в детстве. Ершов назвал сказку «Конёк-Горбунок».

Триумф и разочарование.

На следующий день в аудитории студенты с нетерпением ждали оценок, все волновались. Неожиданно, Пётр Александрович Плетнёв, поднявшись на кафедру, объявил студентам, что вместо лекции прочтёт им сказку в стихах, которую считает образцовым произведением этого жанра. И зазвучали строки очаровательной сказки. Пока Иван при помощи Конька-Горбунка не стал царем, студенты сидели как вкопанные, слушая сказку. По окончании чтения раздались аплодисменты. Незаметный девятнадцатилетний студент Ершов стал университетской знаменитостью. А вскоре Плетнев показал сказку Александру Сергеевичу Пушкину. Говорят, что Пушкин произнес с улыбкой: «Теперь этот род сочинений можно мне оставить». Более того, Плетнёв познакомил Ершова с Пушкиным, который с симпатией относя к молодому автору и, предположительно, сделал некоторые правки в тексте. В том же году сказка

была опубликована. Сначала частично в журнале «Библиотека для чтения», а вскоре и отдельным изданием. Это был момент наивысшего триумфа для молодого, безвестного провинциала. Пётр Ершов становится знаменитостью для всей читающей России, о «Коньке-Горбунке» спорят в литературных салонах, издатели соперничают за право выпуска очередного издания сказки. Сам автор испытывает творческий подъём, строит грандиозные планы на жизнь. Появляются его новые стихи, поэмы, пьесы, песни. Все они востребованы издателями, их публикуют и… сразу о них забывают. Насколько был стремителен творческий взлёт молодого поэта, настолько же быстро угасла его звезда на литературном небосводе. Писал он много, но сочинения, написанные им после «Конька-Горбунка», были «как у всех»…Вскоре на юного Ершова обрушилась вереница семейных проблем: смерть отца, брата, потеря в связи с этим последних источников существования. Он вынужден вернуться в Тобольск, где становится учителем губернской гимназии. Со временем, став директором этой гимназии, он пытается ввести новые методы преподавания, создаёт новые программы словесности, проявляет заботу о развитии женского образования в губернии и продолжает литературную деятельность. Но ко всем его начинаниям местные чиновники относятся с недоверием, постоянно отвергая их. Ершов женится на вдове с четырьмя детьми, но семейное счастье длится недолго — через несколько лет его супруга умирает. Ершов женится повторно, но и вторая его жена через некоторое время уходит из жизни. Из пятнадцати детей Ершова одиннадцать умерли в детстве или при рождении. Многолетняя зависимость от чиновничьего диктата, творческие неудачи… Всё это заканчивается тем, что Пётр Павлович, не достигнув 50-летнего возраста, не

нажив никакого состояния, выходит на пенсию с букетом болезней. Пенсию он смог выхлопотать себе только почти через два года с помощью своего бывшего ученика (и мужа падчерицы Ершова) великого нашего химика Д. И. Менделеева. В 54 года он ушел из жизни. На мраморном памятнике, что стоит среди белоствольных берёз тобольского кладбища, начертано: «Пётр Павлович Ершов, автор народной сказки «Конёк-Горбунок». И противоречие («народной», хотя автор известен), и высшее признание, ведь народным называют то творческое произведение, которое сопоставимо с народными произведениями, которые прошли проверку временем.

Загадки Конька-Горбунка.

Судьба Петра Ершова, свершив свой круг, завершилась. Судьба человека, подарившего книгу, которая остается настольной книгой детворы на протяжении 180 лет. Приведем такую статистику: до революции 1917 года книга Ершова издавалась 26 раз. В СССР «Конька-горбунка» издавали ещё более 200 раз! Число же изданий на настоящий момент по всему миру не смогут назвать даже исследователи творчества Ершова. А теперь о завистниках, о тех, кто не мог принять прекрасную сказку по разным причинам. Несмотря на такую популярность, сказку несколько раз пытались запретить. Первые издания выходили с купюрами царской цензуры, а в 1847 г. был запрещён даже цензурированный вариант (в книге усмотрели сатиру на «николаевскую Россию» и неуважение к Православной церкви). Сказка вновь вышла лишь в 1856 г. после смерти Николая I с личного разрешения министра просвещения А. Норова.

В 1922 году политредактору не понравилось «порнографичное» выражение «старый хрен» и то, что в сказке народ

кричит «ура» царю; а в 1934 цензоры усмотрели в произведении «историю одной замечательной карьеры сына деревенского кулака». Наконец в 2007 г. книгу Ершова некоторые критики даже обвинили в «экстремизме», поскольку слово «татарин» употребляется в высказываниях царя «как ругательное». А Конек-Горбунок продолжает свой волшебный путь. Это ли не феномен?

Голос Ивана Тургенева.

«Вы - реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять»

(из письма Жорж Санд к И.С. Тургеневу)

Сам себе господин?

Рассказывать о любимом писателе трудно, потому что делишься с читателем очень личными переживаниями, о Тургеневе трудно вдвойне. Хорошо помню, как на лекции по научному атеизму (пусть молодые читатели не удивляются, в государственном педагогическом институте мы этот предмет в семидесятые годы прошлого века изучали и даже сдавали экзамены), я узнала, что Тургенев не верил в Бога. И это известие потрясло меня до глубины души. Сейчас уже не помню имени преподавателя, но помнится, что подготовился он к лекции очень добросовестно, приводил примеры. Одна цитата особенно меня потрясла. Преподаватель прочитал фрагмент из письма Тургенева Полине Виардо: «Я предпочитаю Прометея — я предпочитаю сатану, образец бунтаря и индивидуалиста. Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин, я хочу истины, а не спасения, я жду его

от собственного ума, а не от Благодати» - писал мой любимый писатель в далеком 1847 году. И так мне было больно слышать эти слова, и такими казались они кощунственными, пропитанными нечеловеческой гордыней. Но, с другой стороны, строки письма резко противоречили тому, о чем писатель говорил в своих произведениях. И я постаралась забыть ту лекцию. И все-таки горечь осталась. Сегодня, как говорится, с высоты прожитых лет, мне хотелось бы затронуть эту непростую тему – «Тургенев и православие»

Первая встреча.

Тургенев был моей первой литературной любовью. Хорошо помню, как папа в 1964-м году принес домой купленное по случаю полное собрание сочинений писателя. Это были десять томов, каждый в светло-зеленом переплете, на обложке каждого тома был воспроизведен золотистой вязью автограф Тургенева. Мне было двенадцать лет. Мои молодые родители по хрущевской демобилизации были уволены в запас из рядов Советской армии, мирной профессии они не имели и учились в институте на вечернем отделении. Все вечера проводила я в одиночестве за уроками и чтением книг. А книг в нашем доме было немало, так как родители были книголюбами, могли в чем-то себе отказать, но книги покупали регулярно и возили их из гарнизона в гарнизон. Папа старался следить за моим чтением. Уходя в институт, он строго говорил: «Достоевского – не трогать, Ремарка – не читать!». Не думаю, что мои родители осознавали, что воздействие русской классической литературы происходит не только на уровне сознания, что помимо рационального восприятия есть косвенное воздействие текста, мелодии речи, красоты русского языка. Все

это приходит в душу, остается в ней. Осознание придет позднее, главное – семена заронены. Наверное, мои молодые родители это чувствовали интуитивно. Поэтому в отношении Тургенева запретов не последовало, и я принялась за светло-зеленые книжки с любопытством. Хорошо помню первое впечатление от чтения. Это было удивление. Там, на страницах книги первого тома были герои, которые, как и я, были русскими людьми, и говорили они по-русски, понятно, правда немного как-то по-старинному, но ведь и жили они давно. Это я понимала. Но как же они отличались от меня и от тех, кто меня тогда окружал!

Спрятанный иконостас.

Мои родители, особенно мама, смогли сохранить православие в своих сердцах. О Боге мама говорила со мной вполголоса, были в доме и маленькие иконочки: Спасителя, Богородицы Казанской и Николая-Чудотворца. Причем хранились они в секретном месте, на кухне в шкафу была стенка, которая отодвигалась (папа смастерил), и за ней был наш маленький иконостас. Причем никогда родители не говорили мне, что это секрет, как-то по умолчанию чувствовалось, что об этом маленьком иконостасе говорить с подружками в школе не стоит. Но то, что эти иконочки стоят в шкафу, делало мою жизнь какой-то радостной. Сейчас бы я сказала, что ребенок чувствовал живое Божье присутствие. Но, повторяю, это была тайная радость. А вот на страницах тургеневских книг все было иначе. Особенно мне нравились «Записки охотника». Так вот, там герои часто приговаривали: «Прости, Господи» или «Господи, твоя воля!». А когда заходили в незнакомый дом, то искали глазами икону, чтобы перекреститься. Часто в доме героев не просто имелись иконы, но перед ними

горели лампадки. И вот это мне особенно нравилось. Тургеневские герои просто жили со Христом и Богородицей. А мальчики из самого любимого рассказа «Бежин луг» ограждали себя крестным знаменем, чтобы защититься от опасности, от нечистой силы. И так выразительно Тургенев об этом рассказывал, что и я с того момента взяла за привычку потихоньку крестить место, которое казалось опасным. А еще очень мне нравилось, как Тургенев описывал природу. Сейчас, когда я перечитываю страницы тургеневской прозы, воспоминания о русском пейзаже трогают душу светлой печалью потому, что далек он от меня, проживающей на Кипре. А тогда, читая Тургенева, я узнавала картины хорошо знакомые и часто виденные. «Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями». А вот еще: «А между тем, заря разгорается, вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул – и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо!» Целая картина, да какая выразительная. Сколько раз, будучи на каникулах у бабушки в Рязанской области, я все это видела. Поделилась с мамой своими маленькими открытиями от чтения, а мама сказала: «А ведь наши предки были крепостными Тургенева, значит и о них написаны «Записки охотника». Оказалось, что село Огарево-Почково (мамина малая родина) некогда принадлежало Тургеневу. Поместьем управлял дядя писателя, Николай Тургенев. Старые крестьяне это знали по рассказу своих дедов. (Недавно рязанские краеведы нашли документальные подтверждения этому кре-

стьянскому преданию). Тогда я подумала: «Может быть, Тургенев бывал в своей деревеньке, а значит, мог видеть и моих предков, а кого-то может быть и описал». От этого как-то особенно стал мне писатель близок. Тургеневу я обязана и своими первыми наивными литературными пробами. Помню, завела небольшую синюю тетрадочку и туда стала записывать маленькие рассказы и стихотворные строки о природе. Читать давала только маме, самому доброжелательному моему критику, которым она осталась до последнего дня своей жизни.

Тургеневские девушки.

Следующая встреча с Тургеневом произошла в старших классах. Тогда русский язык и литературу вела в нашем классе замечательный филолог Нина Дмитриевна. На каждый урок она приходила очень торжественной, нарядной. И это как-то влияло на нас, мы тоже подтягивались. Мы очень любили ее уроки за искренность, глубокие знания, огромную любовь к своему предмету и любовь к нам, подросткам. А еще нам нравились уроки потому, что Нина Дмитриевна очень любила театр, и часто в свободное от уроков время мы ставили сценки по изученным произведениям. Причем не для выступления, а для души. Тогда в пятнадцать-шестнадцать лет тема первой любви, отношений с мальчиками казалась самой главной. Нина Дмитриевна обсуждала с нами повесть «Ася», романы «Дворянское гнездо» и «Накануне». И вот появились в моем душевном пространстве «тургеневские девушки». Мне полюбились и Наталия Ласунская, и Елена Стахова, и Ася, и Лиза Калитина. Елена Стахова из романа «Накануне» особенно. Нина Дмитриевна рассказала, что близкий друг Тургенева баронесса Юлия Вревская повторила подвиг

героини: отказавшись во время русско-турецкой войны от своего высокого положения, став сестрой милосердия, она погибла, спасая других. Признаюсь, что тема борьбы болгарского народа была усвоена, но особенно сердце тронула любовь Елены к Инсарову. Как я завидовала моей лучшей подруге, которая в нашем школьном спектакле играла роль Елены. Не побоюсь высоких слов, но образ Елены стал моим идеалом, как он стал идеалом и для многих моих подружек, как он стал идеалом и для нескольких поколений русских женщин. На таких примерах формировались нравственные основы личности. Хотя мы тогда о таких высоких понятиях не помышляли. Но каждая девчонка мечтала о своем Инсарове, о том, чтобы идти безоглядно на любые жертвы ради любимого и его дела. Каждая готова была следовать за любимым и разделить его судьбу. И такая возможность скоро была нам представлена. Мое отрочество и юность проходили в Рязани. Тогда этот город славился тем, что в нем было много военных училищ. Наши мальчики поступали в военные учебные заведения, заканчивали их и получали назначения в дальние гарнизоны. Юные жены следовали за ними и делили трудности службы. Хорошо помню пограничный гарнизон в Забайкалье: зимы, когда за окном минус пятьдесят, штормовые ветра и опасная близость тогда не очень дружелюбных соседей, территория которых была в нескольких километрах от нашего гарнизона. Мы, молодые лейтенантские жены, жили в трудных условиях, растили детей, старались облегчать мужьям быт, и почти никто не сбегал к родителям в тепло и уют, в большие города. Может быть и потому, что уроки русской литературы были нами усвоены.

Лиза Калитина как идеал.
В ряду тургеневских образов вызывала восхищение Анна Сергеевна Одинцова, героиня романа «Отцы и дети». Какая царственность, сдержанность, сколько уважения к себе! Этот образ казался мне, шестнадцатилетней, загадочным и очень взрослым. А вот Лиза Калитина была и понятна, и любима. Она была доброй и кроткой, благородной и порядочной. Такой меня хотела видеть моя мама. И мы много говорили с ней о Лизе Калитиной. Лиза любила Лаврецкого, и было ясно: такая девушка любит один раз и навсегда. И вот Лиза узнает, что известие о смерти жены Лаврецкого, Варвары Петровны, ложно. Значит, Лиза любит женатого человека. Какой удар, какое горькое разочарование. И все же у Лизы хватает душевных сил и отваги познакомиться с Варварой Петровной, понять - это лицемерная и непорядочная женщина, которая возвращается к мужу только потому, что кончились деньги. Нравственная чистота Лизы Калитиной столь глубока, что она просит любимого примириться с женой ради того, что у них есть дочка. Лиза уходит в монастырь, и это вызывает понимание. Как вызывает и восхищение духовная красота моей любимой тургеневской героини. Недавно я вновь прочитала «Дворянское гнездо», подумалось: «Увы, не Лиза, а жена Лаврецкого - героиня нашего времени. Ведь к чему нас призывают сегодня с экранов телевизоров и со страниц СМИ? Лишь бы « химия» случилась, а то, женат ли избранник или нет – какое это имеет значение, тем более, мало кого волнует судьба брошенных детей.

Евгений Базаров как предостережение.
Кажется, «Отцы и дети» мы изучали в девятом классе, так как в выпускном десятом (тогда мы учились в школе де-

сять лет) мы штудировали советскую литературу. Признаюсь, в шестнадцать-семнадцать лет понять глубину романа ни мне, ни моим одноклассникам не довелось. Споры между Базаровым и Павлом Петровичем наши сердца не затронули. Образ главного героя, Базарова, был не особенно приятен, другое дело Аркадий и Катя. Их спокойная и чистая любовь заставляла радоваться за них и сопереживать. Было бесконечно жаль осиротевших родителей Евгения Базарова. Помню, Нина Дмитриевна принесла на урок картину Перова «Старики родители на могиле сына», и когда читала она тургеневские строки: «Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшей походкой, приблизятся к ограде могилы, припадут и станут на колени, и долго, и горько плачут», - некоторые мои одноклассницы даже заплакали. И никто из мальчишек не иронизировал над таким проявлением эмоций. Вообще к чтению Тургенева я обращалась несколько раз. И вот когда сформировалось (смею надеяться) православное мировоззрение, пришло и понимание образа Евгения Базарова, которым поделюсь с читателями. Помните, гордые слова Евгения Базарова: «Природа не храм, а мастерская, а человек в ней - работник». Думается, от этого заявления один шаг до горьковского «Человек – это звучит гордо!» Гордыня поставлена на место ответственности, человек возведен на небывалый пьедестал. А где же Создатель? Его в мире Базарова просто нет. Он отрицается. Собственно, от базаровского отрицания и возник термин «нигилизм». В православном мировоззрении все не так. Господь – Творец мира и человека. Своими созданиями Господь управляет через Законы, которые Он нам открыл через Священное Писание и через такой феномен как наша совесть, голос Бога в душе человека. Люди на протяжении веков стремились свои земные законы,

свое земное бытие привести в соответствие с Божьим Промыслом о нас. Так и возникают представления о нравственности, о понятиях добра и зла. Эти понятия даны свыше, они непререкаемы. Но если вера в Господа изгоняется из жизни людей, если человек - всему голова, то и каждый индивидуум имеет право действовать по понятиям, которые ему кажутся наиболее удобными. Именно нигилизм стал предтечей кровавых русских революций, а Тургенев в образе Базарова показал ростки всех тех явлений, ядовитые плоды которых вкусили наши предки позднее, в двадцатом веке. Особенно досталось русскому народу, который испил чашу страданий, надеюсь, до дна. Этот урок о пагубности безверия и нигилизма я усвоила, ибо хорошие были учителя. Великие русские писатели и родной дедушка, русский крестьянин-исповедник Иван Захарович. Он прошел сталинскую тюрьму и лагеря не потому, что нарушил государственные законы, а потому, что отказался предать Господа и Православную Церковь. «Содержание романа сложно, стоит ли изучать его в школе?» - полемизируют со мной читатели. Извините меня за дерзость, сравню русскую литературную классику с Евангелием. Мы читаем Слово Божье на протяжении всей жизни. Душа внимает и берет на каждом жизненном этапе то, что способна взять. И каждое прикосновение – ново, и каждая встреча – открытие. Так и русская классическая литература. В юности я отождествляла себя с Лизой Калитиной, мечтала о своем Инсарове. А в зрелые годы рассказываю о полюбившихся героинях своим внукам, и уже они примеривают на себя слова и поступки тургеневских героев. Наблюдаю за реакцией молодых на чтение русской классики и вижу, что и среди них востребованы высокие идеалы.

Тургеневская Ася сегодня.

Недавно я еще раз в этом убедилась. Мы уже касались темы, которая в творчестве Тургенева особенна глубока и лирична. Речь идет об описании любви. Это всегда трогало современников писателя. И позднее читатели особенно уделяли внимание этой стороне творчества Тургенева. Константин Бальмонт прекрасно написал в стихотворении «Памяти Тургенева:

« …И там вдали, где роща так туманна,
Где луч едва трепещет над тропой,-
Елена, Маша, Лиза, Марианна,
И Ася, и несчастная Сусанна -
Собралися воздушною толпой.
Знакомые причудливые тени,
Создания любви и красоты,
И девственной и женственной мечты,-
Их вызвал к жизни чистый, нежный гений,
Он дал им форму, краски и черты…»

Не так давно нам посчастливилось быть гостями Второго литературного фестивале, который был организован русскоязычной школой «Ученики Пифагора» в Лимассоле. У фестиваля была сложная и многогранная тема — «Лики любви». Невозможно не мечтать об этом чувстве в юности. Юная аудитория следила за происходящим на сцене с огромным вниманием. Впрочем, и мы, люди старшего поколения, затаив дыхание, наблюдали и за действом, и за реакцией молодой аудитории. А было вот что: семьдесят участников театрального представления - юные актеры, чтецы, певцы и танцоры - выходили на сцену, чтобы пригласить нас в мир русской классической литературы и по-

эзии, прекрасной музыки, перенести в мир высоких чувств, трагических страстей и светлых надежд. В основу театрализованного представления был положен рассказ Александра Куприна «Гранатовый браслет». В его ткань были органично вплетены сюжетные линии повести Ивана Тургенева «Ася», драмы Михаила Лермонтова «Маскарад», любовная лирика Афанасия Фета и Федора Тютчева. Нам были рассказаны истории любви выдающихся поэтов, которые свои муки и страдания сумели переплавить в бессмертные строки. На сцене звучала великая русская речь, звучала нежно и проникновенно, мощно и смело. Интересно ли было юным выступления их сверстников, важно ли было то, о чем говорили словами бессмертных произведений со сцены исполнители? Свидетельствую: зал был переполнен, сотни подростков внимательнейшим образом слушали выступающих, время от времени прерывая их горячими аплодисментами и восторженными возгласами. И тургеневские слова о любви по-прежнему волновали молодых, по-прежнему возбуждали в их душах самые высокие чувства.

Отразить Свет Божественной Красоты.

Мысленно вновь возвращаюсь к той давней лекции по научному атеизму и к зачитанным тургеневским строкам, столь непривычным и пугающим: «Я предпочитаю сатану…» Эти строки написаны Полине Виардо, женщине, которую Тургенев любил всю свою жизнь. Написал письмо двадцатидевятилетний молодой человек, безответно и тогда безнадежно влюбленный в заморскую красавицу. Среди массы поклонников уже весьма прославленная певица не выделяла молодого русского дворянина. Как писатель он был тогда неизвестен, деньгами весьма и весьма стес-

нен, так как богатейшая помещица, мать Тургенева, в течение трех лет не давала сыну денег из-за привязанности к «проклятой цыганке». Конечно, написав такие строки в очень личном письме, писатель никак не предполагал, что в будущем его письмо будут зачитывать на лекции по научному атеизму. Возможно, написал письмо в какую-то горькую минуту, возможно, хотел этаким эпатажем обратить внимание Виардо на себя, выделиться из толпы поклонников, кто знает… (Кстати, об отношениях Тургенева и Полины Виардо не пишу намеренно, не смея даже и касаться столь интимной темы. Сам факт, что Тургенев смог пронести любовь к одной женщине через всю свою жизнь, у меня вызывает уважение и даже восхищение). Чтобы избавиться от горечи при прочтении слов Тургенева из письма к Виардо стоит только прочесть его рассказ «Живые мощи». Современник Тургенева французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочел «Лукерью» три раза кряду» . Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник». Таким родникам можно назвать и творчество Тургенева. И к этому роднику мы, русские имеем возможность и право приникнуть и утолить духовную жажду. Да вот реализуем ли это право?

Великий сатирик.

«Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

(Салтыков-Щедрин)

Детство и юность.

Михаил Евграфович Салтыков родился 15 (27) января 1826 года в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Отец писателя принадлежал к старинному дворянскому роду Салтыковых, к началу XIX века разорившемуся и оскудевшему. Стремясь поправить пошатнувшееся материальное положение, Евграф Васильевич женился на дочери богатого московского купца О. М. Забелиной, властолюбивой и энергичной, бережливой и расчетливой до скопидомства, чрезвычайно жестокой с крепостными.

Михаил Евграфович не любил вспоминать о своем детстве, а когда это волей-неволей случалось, воспоминания окрашивались неизменной горечью. Под крышей родительского дома ему не суждено было испытать ни поэзии детства, ни семейного тепла и участия. Семейная драма осложнилась драмой общественной. Детство и молодые годы Салтыкова совпали с разгулом доживавшего свой век крепостного права. «Оно проникало не только в отношения между поместным дворянством и подневольною массою - к ним,

в тесном смысле, и прилагался этот термин, - но и во все вообще формы общежития, одинаково втягивая все сословия (привилегированные и непривилегированные) в омут унизительного бесправия, всевозможных изворотов лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно раздавленным», - писал впоследствии писатель.

Юноша Салтыков получил блестящее по тем временам образование сначала в Дворянском институте в Москве, потом в Царскосельском лицее, где сочинением стихов он стяжал славу «умника» и «второго Пушкина». Но светлые времена лицейского братства студентов и педагогов давно канули в Лету. Ненависть Николая I к просвещению, порожденная страхом перед распространением свободолюбивых идей, обратилась прежде всего на лицей. «В то время, и в особенности в нашем «заведении»,- вспоминал Салтыков , - вкус к мышлению был вещью очень мало поощряемою. Высказывать его можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний». Все лицейское воспитание было направлено тогда к одной исключительно цели – «приготовить чиновника».

Стремление к революционным идеям.

Юный Салтыков восполнял недостатки лицейского образования по-своему: он с жадностью поглощал статьи Белинского в журнале «Отечественные записки», а по окончании лицея, определившись на службу чиновником Военного ведомства, примкнул к социалистическому кружку М. В. Петрашевского. Этот кружок «инстинктивно прилепился к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золо-

той век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное - все шло оттуда».Но здесь Салтыков обнаружил зерно противоречия, из которого выросло впоследствии могучее дерево его сатиры. Он заметил, что члены социалистического кружка слишком прекраснодушны в своих мечтаниях, что они живут в России лишь «фактически» или, как в то время говорилось, «имеют образ жизни»: ходят в канцелярию на службу, питаются в ресторанах и кухмистерских... Духовно же они живут во Франции, Россия для них представляет собой «область, как бы застланную туманом».

В повести «Противоречия» и «Запутанное дело» определились характерные признаки духовного облика Салтыкова: нежелание замыкаться в отвлеченных мечтах, нетерпеливая жажда немедленного практического результата от тех идеалов, в которые он уверовал. В этих произведениях писатель выступил против социального неравенства. Николай I нашел в работах Салтыкова-Щедрина «стремление к распространению революционных идей», поэтому в 1848 году молодой писатель был сослан в Вятку, где провел восемь лет. Только после смерти царя, в 1855 году, писатель смог возвратиться в Петербург.

На страницах «Отечественных записок».

В 1857 году вышла новая книга писателя – «Губернские очерки». Произведение было направлено против помещичьего гнета и чиновничьего произвола.

В 60-е годы великий сатирик решительно выступил против самодержавия в своей замечательной книге «История одного города», в которой стремился разрушить веру народа в «доброго царя». В этом произведении Щедрин нарисовал ужасающую картину народного бесправия, горя и нищеты.

С 1868 по 1884 года все свои произведения он печатает только на страницах «Отечественных записок». Читатели журнала знакомятся с циклами сатирических рассказов и очерков Салтыкова: «Помпадуры и помпадурши», «Письма о провинции», «Признаки времени», «Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи» и др. Салтыков создает своего рода сатирическую энциклопедию русской жизни. Наибольшей популярностью пользуются сказки Салтыкова-Щедрина. Первые его сказки были напечатаны в 1869 году: «Дикий помещик», «Как один мужик двух генералов прокормил». Сказки - итог многолетних жизненных наблюдений писателя. В них он выступает как защитник народных интересов, выразитель народных идеалов, передовых идей своего времени.

Среди произведений великого сатирика особое место занимают его романы «Господа Головлевы» (1875-1880) и «Пошехонская старина» (1887-1889). В романе «Господа Головлевы» показаны три поколения семьи Головлевых. Люди этой семьи, непригодные к труду, душевно пустые, ненавидят и боятся друг друга. Идет непрестанная семейная война. Головлевских господ губит сам их склад жизни с сытым бездельем и паразитизмом. Здесь не жалеют ни больных, ни слабых, ни умирающих. В романе «Пошехонская старина» писатель нарисовал страшные картины крепостного быта, а в книге «Мелочи жизни» (1886) Щедрин показал трагедию жизни «маленьких», рядовых людей. Многие щедринские сатирические типы пережили и свою эпоху, и своего создателя. Они стали нарицательными,

На протяжении всей жизни Салтыков-Щедрин сохранил веру в свой народ, свою историю. «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России», - искренне писал сатирик.

Литератор и чиновник.
«Он был литератор по природе своей», – сказал Салтыков об одном из своих персонажей. И эти слова в полной мере относятся к нему самому. Но на протяжении многих лет литературное творчество ему приходилось совмещать с государственной службой. Салтыков занимал важные административные посты: вице-губернаторствовал в Рязани и Твери; был председателем казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани. Его служебная деятельность может служить примером отношения администратора к своим обязанностям. Начав вице-губернаторскую службу в Рязани, он писал брату, что работает «в полном смысле слова, как каторжник ежедневно, не исключая и праздничных дней, не менее 12 часов». Так же обстояло дело и в Твери. Жандармский штаб-офицер, осуществлявший в Твери негласный надзор за бывшим ссыльным Салтыковым, докладывал своему начальству: «Вице-губернатор Салтыков. Сведущ, деятелен, бескорыстен, требователен относительно сотрудников, взыскателен относительно подчиненных…». Люди же, в разное время находившиеся под началом Салтыкова, вспоминали, как «трогательно было его сочувствие к нужде человека» и, хотя в службе он был «очень строг и нецеремонен», но в отношении к младшим по чину «всегда оставался мягким, ровным и деликатным».

Взгляд в будущее.
Язвительное, меткое и страстное слово Салтыкова и по прошествии многих лет не утратило своей актуальности. Он был и остался одним из тех редких писателей, благодаря которым наше собственное переживание жизни становится богаче, ярче и осмысленнее. Прочтите цитаты из разных произведений сатирика, и вы согласитесь, что

Салтыков-Щедрин точно характеризует наш современный мир, что, кажется, писатель просто заглянул в будущее и написал о нас. Мы словно заглянем в зеркало, а что ж на него пенять…

- Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать?
- Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать.
- Во всех странах железные дороги для передвижения служат, а у нас сверх того и для воровства.
- Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления.
- Это еще ничего, что в Европе за наш рубль дают один полтинник, будет хуже, если за наш рубль станут давать в морду.
- Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.
- Нет, видно, есть в Божьем мире уголки, где все времена - переходные.
- Нынче, маменька, и без мужа все равно что с мужем живут. Нынче над предписаниями-то религии смеются. Дошли **до** куста, под кустом обвенчались — и дело в шляпе. Это у них гражданским браком называется.

- Для того чтобы воровать с успехом, нужно обладать только проворством и жадностью. Жадность в особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть под суд.

-…Крупными буквами печатались слова совершенно несущественные, а все существенное изображалось самым мелким шрифтом.
- Если я усну, и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют…
- Барышня спрашивают, для большого или малого декольте им шею мыть?

- Многие склонны путать два понятия: «Отечество» и «Ваше превосходительство».

Лев Толстой: триумф и анафема.

Эти заметки, посвящены сложной и драматичной теме «Толстой и православие». Не претендуя на место истины в последней инстанции, заметки – скорее размышления о противоречиях в творчестве любимого писателя, его триумфе и трагедии.

Тайна Льва Толстого.

Мне говорили многие соотечественники о том, какой глубокий след в душе оставили Гоголевские чтения «Гоголь и Оптинская пустынь», которые мы проводили в кипрском монастыре Святого Георгия (Мавровуни). Накануне там был освящен храм во имя свв. Оптинских старцев, и тема чтения была созвучна этому событию. На чтениях выступающие говорили о значении великой русской православной обители и духовного делания ее подвижников – старцев. Тогда кто-то из присутствующих сказал: «А ведь Лев Толстой накануне кончины шел в Оптину. Как жаль, что не дошел…». Жизнь и творчество гения русской литературы Л.Н.Толстого тщательно изучены литературоведами. 90 томов сочинений прочитаны критиками, что называется, вдоль и поперек. И все же он – величайшая тайна. Толстой - великая гордость русского народа и неизбывная горечь. И нет темы более тяжелой и печальной, чем отлучение Л.Н.Толстого от Церкви. И как к этому относиться православной душе, влюбленной в творчество великого писателя?

«Первое словечко».

Лев Толстой – это ведь не только автор великих романов и сложных религиозно-философских концепций, это еще очень часто и самое первое словечко, которое и в XXI-м веке читает русский ребенок. Именно так – «Первое словечко» – называлась и моя первая книжка. Это было старое дореволюционное издание 1912 года, которое бережно хранилось в доме у бабушки. Книгу издала прекрасная дореволюционная писательница Клавдия Лукашевич, ныне она совсем забыта. Это была хрестоматия, в которую писательница отобрала подлинные жемчужины классической русской литературы для самых маленьких детей. Пушкин и Жуковский, Ушинский и Аксаков, прекрасные русские народные сказки, понятные песенки, прибаутки служили воспитанию людей добрых и честных, с чистым сердцем и ясным сознанием христианского долга. В книжке было много рассказов Толстого, в душу ребенка талант писателя проникал солнечным лучом, мудрым немногословным рассказом-притчей. Спустя полвека я вновь открыла эту книжку (недавно она была переиздана по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II). И сегодня в моей православной работе с детьми Толстой добрый и мудрый помощник. В рассказе «Дед» всего четыре строчки, но они лучше любых объяснений помогают понять важность и необходимость уважения к старшим: «Дед стал стар. Раз он лез на печку и не мог взлезть. Внук был в избе. Ему стало смешно. «Стыдно, внук. Не то дурно, что дед стар и слаб, а то дурно, что внук млад и глуп».

О добре и зле.

Все, что было прочитано позднее в юношеские и зрелые годы: «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Анна

Каренина», «Воскресение» все было пронизано нравственной чистотой. Прочитав полное собрание сочинений Л.Н.Толстого, могу не как специалист – литературовед, а как преданный читатель, ответственно сказать: ни одной безнравственной мысли на страницах произведений Толстого нет. Более того, христианские по своей сути, его повести и рассказы имеют нравственный стержень, где грех показан во всей своей отталкивающей привлекательности (как это и бывает в жизни). Но с огромной художественной силой показано и раскаяние, и искупление, и в случае его отсутствия, высшее отмщение. Мы помним, например, образ Анатолия Курагина, его подлость и наказание за нее, искупление Нехлюдова, страшный конец Анны Карениной. Реализм Толстого строг, но он отражение жизни, где все события вершатся в морально-нравственной системе координат, установленных Творцом. Ведь Евангельские истины еще никто не отменял.

Отлучение.

Но был человек, который попытался создать «свое евангелие», который дерзнул переписать молитву «Отче наш», предложив свой перевод молитвы. Этот человек - Лев Толстой. В моем сознании раздел произошел давно. Для себя я разделила литературные произведения любимого писателя и его философские искания. А поскольку эти искания сопровождались не только критическими высказываниями в адрес православия, но поруганием того, что для меня составляет величайшую ценность жизни моей, моей семьи, то Толстого – богоискателя я оставила в далеких десятых годах XX-го века. Там, на просторах Российской империи, в Тульской губернии, в поместье с поэтичным названием «Ясная поляна» металась в горе женщина, муж которой

ушел из дома. Великий русский писатель завершал свой жизненный путь, но не хотел он как все его предки отдать Богу душу по-христиански, исповедоваться, причаститься Святых Таин. Не пожелал в окружении многочисленного семейства детей и внуков перейти в мир иной, не веря в него. Он ушел из дома во время своего триумфа, когда имя его гремело по всей России, но уже девять лет он был отлучен от Церкви. Отлучение – мера исключительная, не часто нашей Церковью применяемая. До Толстого отлучен был Емельян Пугачев. Однако перед самой казнью отлучение было снято. После Толстого анафема была объявлена Патриархом Тихоном безбожной советской власти. О том, что Толстой был отлучен от церкви, мы узнаем еще в школьные годы. Но, уверена, не многие из нас читали постановление Святейшего синода об отлучении писателя. Когда мне довелось его прочитать, признаюсь, я испытала удивление. Ранее представлялось, что была громогласная анафема, которую возвестили во всех русских церквях. Представлялся и удрученный старый мудрец, который начал неравный бой с важнейшей частью Государства Российского Русской Православной Церковью в лице ее Синода, обрушившего беспощадный гнев и проклятия на писателя. Каково же было изумление от того, что проклятия и не было. Более того: ни в одном русском храме не провозглашалась анафема. А было так. В 1901 году газеты опубликовали текст Послания Святейшего Всероссийского Синода верным чадам Православной Церкви. В постановлении напоминалось, что церковь Христова изначала своего существования «терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей. Далее говорилось: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой

в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на Святое Его достояние. Явно отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений противных Христу и церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которой жили и спасались наши предки и которая доселе держалась и крепка была Русь святая». Далее говорилось о попытках Толстого ниспровергнуть догматы церкви, и о попытках вразумления, которые не увенчались успехом. Завершалось постановление словами: «Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею… . Свидетельствуя об отпадении его от церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяния в разум истины». Не проклятием оказалось отлучение, но констатацией факта: великий русский писатель перестал быть членом Русской Православной Церкви. Особенно потрясает то, что Послание синода - это еще и горячая молитва о заблудшей душе.

Кому Церковь не мать.

Наш народ, имея от Бога такое сокровище, как великий русский язык, создал множество пословиц и поговорок, в которые вложил вековую мудрость. В этих кратких изречениях запечатлены главнейшие духовные ценности русского народа. «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец», - говаривали наши предки. Они вовсе не были ангелами, грешили, нарушая заповеди. Но и каялись сердечно, придя в храм. На покаяние шли и блистательные цари, и знатные дворяне, и богатые купцы, и крестьяне, и работный люд, и

самый последний нищий. Шли, понимая, что церковь лечит нас от греховных язв, смиряет, помогает любить Христа. Я не дерзну рассуждать «с ученым видом знатока» о причинах богоискательства Толстого. Почему он отверг Святую Троицу, личность Господа Иисуса Христа, таинства Церкви? Почему замахнулся на самое дорогое в народной душе, пречистый образ Богородицы Девы Марии? В течение двух тысяч лет христианства это случай не единственный, хотя и крайне редкий. Важнее увидеть исток этого явления. Я долго пыталась сформулировать свое понимание причин, которые привели к отлучению. И вот недавно нашла высказывание исследователя И. Концевича
, который задолго до моих размышлений все сформулировал. Вот это высказывание: «Чувство превосходства над всеми и всем – вот та внутренняя тайная сила, которая руководит ходом всей его жизни. Чувство собственного превосходства заставляет Толстого с юных лет стремиться стать учителем человечества».

Из Евангелия от Луки.

В феврале 2001 года правнук писателя Владимир Толстой, управляющий музеем в Ясной поляне, направил письмо Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой пересмотреть постановление Священного синода от 1901 года. Патриарх, ценя художественный гений Толстого, все же ответил: «Такое возможно, если человек покаялся и пересмотрел свои позиции…».

Когда перед мысленным взором возникает согбенная годами фигура старого, одинокого человека, который ждет у стен Оптиной пустыни встречи со старцем Иосифом, то вспоминается благоразумный разбойник на Голгофе, и великое его покаяние и прощение Христа в самый последний

его миг земной жизни. «Невозможное человеку возможно Богу» (Лк.18,27). Так сказано в Евангелие от Луки.

Иллюстрации:

Худ. И.Крамской. «За чтением» (портрет Софьи Карамзиной) стр. 296

Худ. И. Машков. «Игумен Даниил у Гроба Господня» стр. 297

В. Зыков. Коллаж «Григорович-Барский на кипрской земле» стр. 331

Василий Григорович-Барский. Рисунок монастыря св. Неофита стр. 337

Худ. Мюллер. Портрет Н. Гоголя стр. 351

Петр Ершов стр. 363

Иван Тургенев и Полина Виардо стр. 370

Михаил Салтыков-Щедрин стр. 382

Лев Толстой в Ясной Поляне стр. 389

О человеке, в котором все было прекрасно

(Шесть новелл об Антоне Павловиче Чехове).

«Так для чего вас учили, дали вам образование, просветили ваш ум и сердце, открыли вам глаза? Чтобы видели доброе и злое, чтобы были добрыми».

(Из письма Павла Егоровича Чехова сыновьям).

Семья Чеховых

Чеховское пространство.

Юбилей великого человека – это своего рода экзамен. Конечно, экзамен не для Чехова. Его творчество уверенно занимает достойное место в мировой культуре, с каждым годом становясь все востребованнее, открываясь новыми гранями. Прежде всего, юбилей – это экзамен для нас, его соотечественников-потомков. И чтобы успешно сдать этот экзамен, надо ответить на многие вопросы. Главный из которых: читаем ли мы Чехова, и если читаем, то стремимся ли понять его, так любившего своих героев и читателей, со всеми их достоинствами и недостатками. Как важно нам, нынешним, понять этого удивительного человека, искренне и с надеждой написавшего: «В человеке все должно быть прекрасно».

Стремление приблизиться к духовному миру Чехова, чтобы лучше понять его творчество, побуждает нас заглянуть в чеховское пространство, в мир его семьи.

Новелла первая.

Семья Антона Павловича Чехова.

Андрей Вознесенский гениально выразил суть любого человека, высветив роль семьи в создании личности. Поэт опирается на традиционно русское представление о семье:

«Я - семья.
Во мне, как в спектре,
Живут семь я».

Чтобы загорелась ослепительная радуга гения Антона Павловича Чехова, в мир должны были придти и процвести судьбы его родителей, братьев, сестры, они и были ближним чеховским кругом, в который мы сегодня войдем, чтобы встретиться с русской семьей, подарившей миру гения. В этой семье воплотились все грани русского характера: свободолюбивого, широкого, щедро одаренного Господом. «Экие вы, Чеховы, талантливые!», - воскликнул однажды Левитан. Да и как не восхититься семьей, которая дала русской и мировой культуре двух гениев: писателя Антона и актера Михаила Чеховых. Из этой семьи вышли талантливые литераторы и художники. Но что еще более важно, Чеховы явили миру пример семьи, которая достойно пронесла свой крест по нелегким дорогам судьбы. Что помогло им перенести разорение, порой настоящую нищету, жизнь в чужих убогих углах, преждевременную смерть Николая Чехова, неизлечимую болезнь Антона? Ответ прост и велик: любовь. Старшие Чеховы умели любить детей. Пусть сейчас другие времена, иные ритмы, иная история, но сокровищница опыта чеховской семьи не потеряла своей ценности и в XXI веке.

Отец.

Недавно я впервые прочитала письмо отца Чехова, Павла Егоровича, старшему сыну Александру. В нем он пишет, что готов ответить перед Богом и Отечеством за выполненный отцовский долг. «Мы все сделали для Детей»,- написал этот достойный человек. Именно так, слово «детей» написано с заглавной буквы, равно как и слова «Бог» и «Отечество». И здесь явлен непреходящий урок Павла Егоровича. Он воспринимал отцовство не только как продолжение рода. В отцовстве он видел миссию перед лицом Бога во славу Отечества. Павел Егорович неуклонно придерживался правил Домостроя. Сегодня каждый волен трактовать эти правила в соответствии со своими взглядами на семейную жизнь. Но не будем забывать, что русские семьи столетиями жили по этим правилам, и достойно растили детей. Приглядимся к этим канонам народной педагогики. Может быть, копилка многовекового опыта будет и нам полезна? В русской семье из поколения в поколение каждый должен был неукоснительно исполнять свои обязанности. Их было немало, на каждый возраст свои. Дети понимали, что, трудясь, они преумножают благосостояние семьи. Семья же рассматривалась как единое целое. На старшего, главу семьи, выпадала огромная ответственность. Перед Богом он отвечал за домочадцев. Соответственно его авторитет был освящен. Подчинение родительской воле было нормой и той особенной школой, которая учила страху Божьему, кротости и смирению.

Придя к пониманию своей родительской миссии, Павел Егорович направил все силы своей души на достижение цели высокой: возник план дать детям хорошее образование. Будучи сыном крепостного, сам он никакого образования не получил, но много занимался самообразованием.

Богато одаренная натура Павла Егоровича подсказывала: у его детей незаурядные способности и их надо развивать. Благо, торговые дела шли в ту пору неплохо. И вот дети торговца начали посещать таганрогскую гимназию, получили классическое образование, что не было типичным для их социальной среды. В дом приходили учителя иностранных языков, дети учились французскому языку. Они занимались музыкой, пением и игре на музыкальных инструментах. Отец с сыном Николаем играл скрипичные дуэты, а дочь Маша аккомпанировала на фортепьяно. Пение в церковном хоре, который создал отец, было обязательным. Юные Чеховы пели Божественную литургию, вызывая глубокое ответное чувство богомольцев. Дома ставили домашние спектакли по произведениям Николая Гоголя. Родители эти занятия всячески поощряли. Многие в Таганроге недоумевали: «К чему эти излишества детям небогатого торговца? Умеют писать и считать, в отцовской лавке подучились практике торгового дела, - и вполне достаточно. Для работы в лавке вполне хватило бы и городского училища». Но не о таком будущем для своих детей мечтали родители. Разглядев их способности, они сделали все возможное, чтобы вывести детей на более высокий уровень жизни.

Мать.

Между тем, в семье подрастало пятеро мальчишек и одна девочка (еще одна дочь, Евгения, умерла в младенчестве). Мальчишки были подвижные, озорные. Строгость, а порой отцовская суровость, сопровождали детские годы юных Чеховых. Эту суровость смягчала ласка матери. Верная жена, заботливая мать, прекрасная хозяйка, Евгения Яковлевна явила собой тот образ русской женщины, который

неоднократно был воспет нашими лучшими поэтами. Тихий ровный свет любви согревал ее детей и всех, кто попадал в чеховский круг, ее письма к детям наполнены пронзительной нежностью. Ее доброта была безгранична. Позвольте привести один пример, который ярко высвечивает характер этой великой женщины, подарившей миру великого писателя. На склоне лет она была болезнью прикована к постели, не могла говорить, и только изредка луч сознания освещал душу, которая уже готовилась отойти в мир иной. Однажды что-то расстроило больную. Объяснить причину родным, которые с любовью ухаживали за ней, Евгения Яковлевна не могла, начала сильно сердиться. И тогда ее внук, гениальный актер Михаил Чехов, сказал, что знает, как успокоить бабушку. Мгновение, и он перевоплотился в жалкого бездомного нищего-юродивого. В таком виде он приблизился к бабушке. Евгения Яковлевна увидела «страдальца», взгляд ее прояснился, и на лице отразилось такое внимание и сочувствие, что все были просто потрясены. Она жестом подозвала к себе «юродивого», стала гладить его по голове, невнятно утешать.

Годы испытаний.

Каждая семья на жизненном пути встречает радости и превозмогает невзгоды. Последних, увы, в жизни больше. Чеховым пришлось пережить подлинную трагедию: полное разорение. «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», - гласит народная пословица. Русский человек на протяжении веков выработал в душе постоянную готовность к неожиданным испытаниям, так складывалась наша непростая история. И все же, как тяжело было Павлу Егоровичу в черном для Чеховых 1876 году тайно выехать в Москву, спасаясь от кредиторов. Вся семья осталась в одночасье

без средств к сосуществованию. «В настоящее время не имею и копейки медной», - горестно писал отец семейства. Его вины в экономическом крахе семьи не было. В то время построили железную дорогу, и значение Таганрога, как морского порта, резко снизилось. Деловая активность неуклонно пошла на спад. Но была и еще одна причина разорения: обманули близкие люди, партнеры, которым он полностью доверял. Без вины виноватый, Павел Егорович болезненно переживал случившееся. Трудности сплотили семью. Как команда корабля, попавшего в шторм, Чеховы действовали слаженно, не впали в уныние, проявляли терпение и продолжали то главное родительское дело, которое стало и главным делом подросших детей: они усердно учились. А отец, переживший это страшное время, в письме к сыну Антону сделал вот какой выстраданный вывод: «Где деньги, там и уважение, любовь, дружба и все блага, а где их нет – ох, как приходится горько!». Что ж, истина не нова, но не в этой констатации мудрость отцовских слов. Он продолжает свое письмо: «Антоша, припомни это. Ты будешь жить, будь благодетелем ко всем просящим у тебя помощи, не отвращайся никогда от бедных. Пример родителей твоих перед тобой. Как мы теперь ценим всякое даяние и всякий дар, посылаемый от Бога через добрых людей». Эти слова запали будущему писателю в душу. И его благотворительность, о которой мы будем говорить отдельно, имеет источником отцовский завет и материнскую доброту.

На закате.

Отдавая своим детям любовь, силы, здоровье, мы, родители не рассчитываем на благодарность. Но что греха таить, родители всегда надеются, что будет кому на старости по-

дать стакан воды, дать денег на лекарство и на кусок хлеба. Кто не мечтает о старости, согретой сыновней заботой, лаской дочери, снисхождением к старческим немощам. Увы, далеко не всем нашим современникам доводится так провести преклонные годы. Переполненные дома престарелых, брошенные старики – тому горькое свидетельство.

«Ах, как хорошо после трудов душевных и телесных успокоиться и отдохнуть у своих добрых сыновей», - мечтал Павел Егорович в трудные для семьи годы.

В Москве все было иначе. Непросто было таганрогскому торговцу, пережившему крах, адаптироваться к столичной жизни. А вот Антон, приехав учиться медицине, сумел быстро привыкнуть к Москве, полюбил ее, завел множество друзей. Его работа в журналистике давала семье ощутимый доход. И как-то незаметно именно Антон стал потихоньку брать на себя груз главы семейства. Вы помните, что мы сравнили семью Чеховых с командой корабля. После ужасного шторма, полного разорения, на корабле происходят изменения. На капитанском мостике появляется новый молодой капитан.

Павлу Егоровичу в положенное время достало мудрости признать, что сын Антон настолько возрос и укрепился духовно, что может взять ответственность за семью на свои плечи. И он уступает Антону главенство, уходит в тень, превращается в мягкого и миролюбивого человека. На закате жизни, анализируя прожитые годы, свой отцовский труд, старший Чехов, как настоящий православный человек, испытывает раскаяние. Он переживает, что порой был излишне суров по отношению к детям. Эта «осень патриарха» проходила на глазах у Антона Павловича, который поселил родителей в небольшом поместье Мелихове. Окружил их заботой и теплом. Случилось так, как и мечта-

лось отцу: после трудов успокоиться под кровом доброго и заботливого сына. Там Павел Егорович и скончался. Супруга пережила его, пережила и своего гениального сына. Умерла Евгения Яковлевна в Ялте в 1919 году в возрасте 83-х лет. Вот и прошла перед нами история одного родительского опыта. Что в нем важно для нас сегодняшних? Главным содержанием родительских трудов Чеховых-старших была любовь. Причем любовь в ее христианском понимании. И эту любовь дети смогли оценить. Поэтому-то и написал Антон Павлович Чехов о своих родителях: «Если я буду высоко стоять, то это дело их рук. Одно только их безграничное детолюбие ставит их выше всяких похвал». Дай-то Бог, чтобы наши дети когда-нибудь так сказали о нас.

«Любовная атмосфера семейной жизни».

Приглашая познакомиться с родственным окружением Антона Павловича Чехова, автор предлагает прочитать строки воспоминании Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, супруги писателя, о посещении семьи Чеховых в Мелихово. Она написала: «Все там дышало уютом, простой здоровой жизнью, чувствовалась хорошая, любовная атмосфера семейной жизни». В этой атмосфере мы перелистаем страницы книги судеб четырех братьев и сестры великого русского писателя. Каждый из них оставил заметный след в судьбе писателя, его творчестве и в осмыслении его. Безусловно, они несли нелегкий крест родства с гением. Каждый из них любил великого брата, глубоко понимал его, всеми силами души помогали Антону Павловичу в его жизни и творчестве. И уже за одно это мы должны быть благодарны Чеховым. Но и сами они были талантливы, вспомним слова Левитана. Их дарования ос-

тались в тени мощного чеховского таланта. Но спустя десятилетия отчетливо видно, что Чеховы внесли заметный вклад в русскую культуру.

Александр Павлович Чехов, журналист и писатель (1855 - 1913 г.г.)

Старший сын в семье, Александр, прекрасно окончил Таганрогскую гимназию, получив серебряную медаль, и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Он рано покинул родительское гнездо, и родители, попав в тяжелое положение, физически не могли контролировать и опекать старшего сына. Александр обладал неуемной энергией, энциклопедическими знаниями. Однако, будучи предоставленным самому себе, Александр, по словам его сына Михаила, не использовал свои дарования «сколько-нибудь систематически и в каком-нибудь определенном направлении». Он был талантливым журналистом, исключительно творческой натурой, которая не выносила рамок, ограничений. Поэтому столь сложные отношения у него сложились с отцом. Он стал на путь раскола с семьей. И отец, предчувствуя, сколько бед и несчастий принесет это сыну, пишет ему: «Саша, Бог с тобой. Иди по своей воле как знаешь, только жаль, что так рано стал ты забывать отца и мать, которые преданы тебе всей душой». Автор не собирается здесь впадать в морализаторский тон, живописать грустные события в жизни этого талантливейшего человека. Гораздо более уместно отметить литературный дар Александра Павловича. Еще бу-

дучи студентом, он начал сотрудничать в журналах и газетах. Его любимым псевдонимом был «А.Седой», под этим именем он вошел в историю русской журналистики. Его репортажами зачитывалась читающая публика России. Сам он писал: «Ох, нелегок репортерский хлеб. Нужно быть молодым, крепким, выносливым и находчивым человеком». И сегодня под этими словами подпишется любой журналист. В 90-е годы его святочные рассказы были необычайно популярны. А фундаментальный труд Александра Чехова «История пожарного дела в России» не потеряла своей исторической и научной ценности и сегодня. Даже если бы не родственные связи с великим писателем, имя Александра Чехова не затерялось бы в водовороте времени, но есть еще два аспекта, которые делают это имя незабываемым. Во-первых, именно Александр Павлович ввел Антона Чехова в мир столичной журналистики. Попасть туда сыну разорившегося провинциального торговца было бы без поддержки брата очень непросто. Не забудем также, что Александр Павлович Чехов – отец великого актера и театрального педагога Михаила Чехова.

Николай Павлович Чехов, художник (1858 - 1889 г.г.)

Братья Александр и Николай Чеховы рвались из родительского гнезда на волю со всем пылом молодости. Родители же знали своих детей, сильные и слабые стороны их теров. Поэтому они не стремились дать им свободу. Если бы не разорение, не безвыходная ситуация, верное, судьбы старших сыновей сложились бы более счастливо. Увы,

сослагательного наклонения у истории не бывает, поэтому автор с печалью принимается за повествование о Николае Павловиче Чехове. С печалью, потому что этот выдающийся талант погиб, не успев полностью раскрыться. Виной тому богемный образ жизни, алкоголизм и туберкулез, который тогда лечить не умели. Однако Николай Павлович оставил в русской культуре глубокий след. «Большой русский талант», - с восхищением писал о нем Антон Павлович, считая брата гораздо талантливее себя. Да и как было не восхищаться. Приведу один пример. На выставке роялей Николай и Антон услышали в исполнении профессионального пианиста рапсодию Брамса. Восхищенный Николай, придя домой, тут же садится за фортепьяно и по слуху исполняет произведение. Он был одаренным музыкантом. Но еще более щедро природа наградила его даром живописца. Он участвовал в росписи храма Христа Спасителя. А эту работу доверили самым талантливым российским иконописцам. Его картина «Гуляние в Сокольниках», радостная, яркая, наполненная светом и прозрачным воздухом, интересна не только с точки зрения мастерства живописца. Это еще и документ эпохи. Им восхищались великие художники: Левитан и Коровин. Прекрасно понимая своего брата Антона, он лучше других мог оценить его блестящий талант. Николай создал прекрасные иллюстрации к произведениям тогда еще начинающего автора. Эти замечательные иллюстрации, также как и поддержка уже опытного журналиста Александра, очень помогли Антону Чехову в его первых шагах на литературном поприще. Но более всего меня восхищает портрет Антона Павловича Чехова. Современники отмечали исключительное сходство с оригиналом. Обращает на себя внимание и тонкий психологизм портрета. Мы видим писателя, за относитель-

но короткий срок ставшего властителем дум современников, познавшего успех, но сохранившего величайшую скромность.

Иван Павлович Чехов, учитель (1861-1922 г.г.)

Иван Чехов очень любил учиться. К сожалению годы учебы пришлись на самые тяжелые годы в жизни семьи. Родители из-за тяжелого финансового положения не могли позволить себе затраты на обучение Ивана в гимназии. Было решено, что юноша приедет в Москву и поступит в учительскую семинарию. В Москве Иван узнал, что можно попробовать выдержать экзамен на приходского учителя. Экзамен одаренный юноша успешно выдерживает, и в возрасте 18 лет получает назначение в подмосковный Воскресенск. Он сразу стал независимым, мог не обременять семью. Тогда к учителям отношение властей было достаточно внимательным. Учитель обеспечивался не только достойной зарплатой. Но и бесплатной квартирой. И Иван получил возможность брать на лето мать с младшими Михаилом и Марией на лето к себе, что было неоценимым подспорьем в нелегкой жизни Чеховых в первые московской годы.

Иван Павлович не обладал столь ярко выраженным литературным талантом как старшие братья. Не было у него и художественного дара живописца или музыканта как у брата Николая. Но Господь наградил его талантом особенным, Иван Павлович был уникальным просветителем и педагогом. Сладкое бремя учительства Иван Чехов нес более четверти века. Почему «бремя» объяснять не надо. Никто не опровергнет: профессия педагога - тяжелейший труд. Но и радостный одновременно. Совершенно искренне Иван Павлович как-то написал в письме к брату: «В школе,

в классе я по-прежнему благоденствую, чувствуя себя выше всяких тайных советников. Ты не поймешь, какая масса удовольствия просидеть с первоклассниками три-четыре часа подряда, особенно когда на душе спокойно и хорошо». Ему и было хорошо, ибо занимался Иван Павлович любимым делом. Все школы, куда начальство направляло Ивана Чехова, вскоре становились образцовыми. Его ученики - дети простолюдинов. И вот с ними он ставит музыкальные спектакли. Его передовые педагогические методы становятся известными в России. О них пишут в газетах. А он идет дальше, и начинает устраивать бесплатные образовательные чтения для народа. Темы самые разные, в основном литературные. Послушать учителя приходят сотни людей, а иногда аудитория насчитывает более тысячи человек. Он, говоря словами поэта, «сеет разумное, доброе, вечное». И сердечное спасибо ему говорит не только простой люд. В 1905 году Иван Павлович получает звание почетного гражданина, которое в России приравнивалось к дворянскому званию. Вот вам и сын крепостного!

Михаил Павлович Чехов, создатель «Чеховской энциклопедии» (1888-1936 г.г.)

Мише Чехову, младшему брату писателя, было десять лет, когда он с матерью и сестрой Марией переехал из Таганрога в Москву. Мальчик очень переживал случившееся. Антон остался в Таганроге, Иван учительствовал. Александр и Николай учились, жили отдельно. Сестра Машенька помогала матери по хозяйству. А Миша остался не у дел.

На учебу Мише денег не было. Да что там на учебу. На еду и одежду не хватало частенько средств. Юные Чеховы впервые встретились с настоящей нищетой. Что же Миша? Он совершает удивительный поступок совершенно в духе чеховской семьи. Мы помним, что родители стремились воплотить главную мечту своей жизни: дать детям лучшее образование. Дети были в эти планы посвящены. Поэтому тоже стремились к образованию. И вот однажды Миша отправился поступать в гимназию, надеясь как-нибудь уговорить начальство взять его на обучение бесплатно. Затея совершенно фантастическая. И вот представьте, решительный мальчуган сумел убедить гимназическое руководство в том, что он будет очень стараться, станет гордостью гимназии. И Миша был принят. Слово свое он сдержал. Учился прекрасно. Были у него музыкальные способности. Он играл на фортепьяно, неплохо рисовал. По окончании гимназии Михаил поступил на юридический факультет Московского университета, закончив который занимал руководящие должности в ярославской казенной палате. Под влиянием творческой атмосферы семьи, у Михаила Павловича рано пробудился интерес к литературному творчеству. В Москве он начал сотрудничать с детскими журналами, помещая в них рассказы и очерки. С начала 1900-х годов он полностью посвятил себя литературе. Помимо беллетристики создал серьезный научный труд «О договорах Олега, Игоря и Святослава с греками». Но главной заслугой Михаила Чехова стало написание книги «О Чехове». Исследователи называют эту работу «Чеховской энциклопедией». Правдивые, насыщенные интереснейшими фактами воспоминания являются источником постижения творчества великого писателя, возможностью деликатного проникновения в его душевный мир.

Мария Павловна Чехова, сестра, друг, ангел-хранитель (1863-1957 г.г.)

Исследовательница Анна Фрумкина сравнивает судьбу единственной сестры Антона Чехова с судьбой Золушки. Действительно, будучи еще совсем ребенком, Маша с матерью приезжает в Москву. На ее долю выпадает неблагодарная домашняя работа. Она встает в шесть часов утра, готовит в печке обед, стирает и гладит на семью. Машу помещают в Москве не в гимназию, а в епархиальное женское училище, где обучаются дочери священников. По окончании Мария Павловна обучается на Высших женских историко-литературных курсах. В 1887 году заканчивает их и начинает педагогическую работу. Около 20 лет она преподает историю и географию в женской гимназии. В 1903 году Мария Павловна награждается золотой медалью «За усердие по образованию». Судьба Золушки изменилась с приездом в Москву брата Антона. Мария Павловна оказывается сестрой знаменитого брата. Ее окружают величайшие деятели русской культуры: Бунин, Левитан, Коровин. Появляются и женихи. Но Мария Павловна не торопится сделать свой выбор.

Она много работает над собой: берет уроки живописи, пробует себя в амплуа актрисы. После кончины Антона Павловича сестра нашла себя в деле сохранения чеховской памяти. Главным подвигом ее жизни стало Хранительство. Мне захотелось написать это слово с большой буквы, да и как иначе обозначить годы подвижнической работы по сохранению чеховского наследия. Возможно, мы еще вер-

немся к тем годам, в течение которых сестра Чехова стала ангелом-хранителем его дома в Ялте. Вместе с этим домом, который Чехов называл «Белой дачей», Мария Павловна пережила Гражданскую войну, приход красных, предвоенные годы, немецкую оккупацию. Господь вознаградил ее долголетием. Она перенесла много трудностей, сохраняя удивительное душевное равновесие. Она очень напоминала брата Антона. Нежно любивший ее Иван Семенович Козловский писал: «Для меня Мария Павловна – это Чехов после 1904 года».

Что дают нам эти осторожные прикосновения к миру чеховского ближнего круга?

Ощущение настоящей семьи, хорошей любовной атмосферы, которая пронизывала отношения Чеховых. В этой атмосфере наш великий писатель рос, зрел его талант. Приникая к истокам этого таланта, мы постигаем мир творчества Чехова и нравственную высоту его личности.

Новелла вторая.

Путь мудреца.

(О христианских мотивах в мировоззрении и творчестве Антона Павловича Чехова).

«Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит громаднее целое поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец».

(Антон Чехов, из дневника).

Слова, вынесенные в эпиграф очерка, Антон Павлович Чехов записал в 1897 году в своем дневнике. Ему было тогда 37 лет. В дневнике он, уже зрелый человек, анализировал свой внутренний мир, касался вопросов для себя важнейших. Вопрос о бытии Бога был именно таким для Чехова. Вновь и вновь перечитываю записи в дневнике, пытаюсь понять, где ощущал себя наш любимый Чехов: там, где Бога нет; там, где Он есть, или на пространствах между двумя этими константами, на просторах духовных исканий, горьких потерь и радостных обретений.

Верил ли Чехов в Бога?

Это было лет десять назад. Русский Православный Образовательный Центр принимал делегацию студентов и преподавателей Академии славянской культуры из Москвы. Мы проводили конференцию по проблемам православной культуры. И на ней с блестящим докладом выступила известный кинорежиссер и литератор Ирина Ивановна Поплавская. Тема доклада «Православные мотивы в произведениях советской литературы и кинематографии» была необычной. Докладчица так убедительно раскрывала мо-

рально-нравственный аспект лучших советских фильмов и книг, что становилось понятно, писатели и режиссеры, может быть подсознательно, но обращались к Десяти Заповедям. В докладе прозвучало и то, что духовная составляющая в творчестве советских деятелей культуры вырастает из всей предыдущей русской литературы, были названы имена Пушкина и Гоголя, Тургенева и Чехова. Доклад вызвал не только большой интерес, но и горячие споры. Помнится, один из присутствующих слушателей, сказал с неодобрением: «А Чехов-то тут причем? Он в Бога не верил!». Эта реплика меня несказанно удивила, православные мотивы в творчестве Чехова мне были слышны отчетливо со времен ранней юности. Завязался разговор, в ходе которого выяснилось, что мой собеседник, в прошлом работник обкома КПСС, в свое время курировал атеистическую работу, поэтому, по его словам, «занимался данной проблематикой вплотную». Он даже процитировал чеховские слова: «Религии теперь у меня нет».

Долго мне не давал покоя этот разговор. Дома, перерыв книжный шкаф, я нашла запись Чехова от 1892 года с признанием об отсутствии религиозности, уходящей корнями в грустное детство. Но как же могло тогда случиться, что Антон Павлович создал такие шедевры русской литературы как рассказы «Святой ночью», «Студент», «Архиерей»? И как при неверии могли быть созданы кристально-чистые в нравственном смысле произведения, а в них действовать герои, путь которых и ныне, спустя почти полтора века, зовет нас к любви, вере, надежде – главным христианским добродетелям?

Глубокая связь с православием.

Естественно, что о писателе мы судим главным образом по его произведениям. Литература же никогда, за очень ред-

ким исключением, не является декларацией взглядов писателя. Но неявно, подспудно эти взгляды находят свое отражение в творчестве. Именно в художественном наследии Чехова православный человек видит глубокую связь с православием. Если же читатель либо исследователь сам не имеет религиозного опыта, вряд ли он расслышит православные мотивы в чеховском мире. А вот о том, как Чехов может повлиять на православного человека в важный момент его жизни, позвольте рассказать на примере близкого мне человека. Ирина, молодая женщина, любимая жена и мать двоих очаровательных малышей, изменила мужу. Она повстречала женатого человека, показалось, что они созданы друг для друга. Начались близкие отношения. «Эка невидаль», - скажут читатели, и будут правы. Адюльтер – главный герой современных СМИ, теле- и киноэкранов. Он навязывается как норма в отношениях, а супружеская верность многими, увы, воспринимается как некая архаичность. Вот и моя знакомая ступила на этот путь. В отличие от многих своих приятельниц она была православной. Значит, понимала, что находится в плену греха. Радость тайных встреч была омрачена осознанием этого. Ее избранник, человек не верующий, но «сочувствующий», как мог, успокаивал Ирину. Он доказывал, что их связь никому не мешает, если ее строго хранить в тайне. «Наоборот,- говорил он,- после встречи с тобой, у меня появляются особенно теплые чувства к детям, на работе испытываю вдохновение». Так продолжалось некоторое время. И не хватало у нашей героини душевных сил положить конец этим встречам. А помог ей в этом…Антон Павлович Чехов. Как-то, в свободный вечер, Ирина поставила кассету со старым фильмом, ей нравилась музыка к фильму по повести Чехова «Дама с собачкой». А, посмотрев фильм,

она открыла книгу, которую читала в ранней молодости. О своих чувствах и переживаниях она рассказала так: «Понимаешь, я ощутила такое созвучие в своей душе с сюжетом, с поступками героев, даже ситуации были похожи. А потом, дочитав до конца повесть, представила себя постаревший, прожившей годы во лжи, и эти последние слова повести о том, что решения проблемы нет, и всегда надо будет «прятаться, обманывать, жить в разных городах» …
А если мы будем вместе по-настоящему, то за это придется обездолить сразу несколько самых близких нам людей. Не слишком ли велика цена счастью двоих, да и будет ли это счастьем?». Ирина сумела сохранить свою семью. Помогла и любимому человеку очнуться от наваждения. (В подобной ситуации оказался и сам Чехов, испытав сильное чувство к замужней женщине, матери троих детей. И он нашел в себе силы расстаться с ней. Об этом у нас еще пойдет речь). У Чехова Ирина нашла ответы на важнейшие вопросы своей жизни. А ведь он никогда не поучал в своих произведениях. Он очень любил своих героев. Кто научил его этой любви, этому вниманию и сочувствию?

Истоки.

Основание личности, фундамент мировоззрения любого человека закладывается в раннем детстве. И Чехова не понять без путешествия на южные просторы Российской империи в город Таганрог. Там, в семье купца третьей гильдии Павла Егоровича Чехова и его супруги Евгении, родился в 1860 году третий сын Антон. В круг нашего повествования входит Павел Егорович Чехов, человек яркий и противоречивый, щедро наделенный разнообразными талантами, любящий свою семью. «Талант у нас со стороны отца, а душа – от матери» ,- говаривал Антон Павло-

вич. О родителях Чехова мы подробнее расскажем в отдельном очерке, а пока отметим, что, несмотря на многочисленные воспоминания об отце писателя, личность его остается неразгаданной. Выходец из крепостных, Павел Егорович смог пробиться и стал купцом. Он не особенно любил свою торговую стезю. Будучи разносторонне одаренным, он прекрасно рисовал, играл на скрипке. Любя православное молитвенное пение, создал церковный хор, в котором пели его сыновья. Отец был строг, особенно, когда касалось послушания и вопросов веры, семья жила в ритме православия. Дети участвовали в богослужениях. Антон Павлович сохранил любовь к церковному пению на всю жизнь. Знание основ православия, православной культуры и традиций помогли ему в будущем создать удивительно достоверные образы, талантливые описания. В гимназии будущий писатель также изучал Закон Божий. А еще дети были приучены к труду, с детства помогали отцу в его торговых делах, помогая в лавке колониальных товаров, которую отец держал. Основными покупателями были духовные лица, священники, монахи с Афона. Их рассказы западали в душу маленькому Антону.
Откуда же эти горькие слова: «Я чувствовал себя маленьким каторжником, а теперь у меня нет религии»?

«Ускользающий Чехов».
Не просто заглянуть во внутренний мир писателя. В своих высказываниях Чехов порой противоречив. Выше мы привели высказывание писателя о детских годах. Вот еще одно: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство». В советские годы критики любили цитировать эти строки, создавалась довольно мрачная картина. Но как тогда родились эти слова: «Отец и мать – единственные для меня люди на

земном шаре, для которых я никогда ничего не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди. И одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал»? Эти прекрасные слова писатель подтвердил благородным отношением к родителям, особенно оно проявилось в их преклонных годах. Признаемся, любое свидетельство содержит в себе элемент субъективности. Видимо, с годами, с высоты жизненного опыта Чехов глубже осознал, что значит любовь родителей. Важной ипостасью этой любви является выполнение главного родительского долга – подготовка к жизни самостоятельной. Когда семейные обстоятельства вынудили Чехова-подростка прожить три года без родителей (судьба сыграла недобрую шутку с Павлом Егоровичем, он разорился, и пришлось буквально бежать от кредиторов), Антон не растерялся. Он прекрасно учился и окончил гимназию, добившись стипендии. Зарабатывал будущий писатель себе на кров и кусок хлеба репетиторством, еще ухитрялся помогать попавшей в беду семье.

Признаемся, в воспитании Чехова был и элемент принуждения к вере. Но надо признать и то, что в чеховской семье закладывали духовные основы в воспитании детей так, как из поколения в поколения делалось во всех русских семьях. Страх Божий, строгость родительская были непременны. Некоторые исследователи считают, что это принуждение сыграло отрицательную роль в духовном становлении Чехова. Так, Наталия Ярец в своем докладе на Международных Кирилло-мефодиевских чтениях сказала следующее: «Это принуждение помешало Чехову открыть свое сердце Богу, довериться Ему, стать полноценном членом Церкви Христовой». Автор не была бы столь категоричной, когда речь идет о святая святых, внутреннем мире че-

ловека, особенно такого, как Чехов, который тщательно скрывал от окружающих свои духовные переживания. Дерево судят по плодам его. Каковы же были плоды родительского труда Павла Егоровича и Евгении Яковлевны?

Возлюбить ближнего.

Родителями Чехова были заложены прочные православные устои в душе будущего писателя. Чехов и в жизни, и в творчестве сохранял с православием духовное и душевное родство. Оно не всегда явно и никогда декларативно. Но тихим и ровным светом освещает его судьбу и все, написанное Чеховской рукой. Задумайтесь на минуту: что привлекает к личности и творчеству Чехова миллионы людей на протяжении почти полутора веков? Любовь к человеку, сочувствие к его бедам, деликатное желание помочь. А ведь Бог и есть любовь. Чехов и в жизни, и в творчестве исполняет Десять Заповедей. Он чтит родителей, неиссякаемо трудолюбив, проявляет целомудрие и верность в супружестве, кристально честен, безукоризненно порядочен. Его любовь действенна. Всегда он стремится оказать помощь страждущим: безвозмездным врачеванием он напоминает бессеребренников свв. Косму и Дамиана, иногда он лечит больных, подвергая опасности свою жизнь. Об этом очень мало говорится, так как его яркое литературное творчество затмило другую, не менее важную, деятельность врача. Завершая личностную оценку великого мастера слова, хотелось бы привести один пример, который много скажет о религиозности Чехова. Во время страшного периода гражданской войны, сестра писателя, бесконечно любящая его, Мария Павловна Чехова записала на книге Акафиста: «Надо непременно сохранить эту книгу», ведь книга принадлежала ее брату, Антону Павловичу.

От личности писателя перейдем к его произведениям. Как ярко искрятся юмором рассказы Антоши Чехонте, но как ощутимы в творческом мире Чехова чувство одиночества, печаль и порой даже пессимизм. И только болезнью этого не объяснишь. Это состояние души человека, который ощущает свою либо оторванность от Творца, либо не достаточную близость с Ним. Никогда в своем творчестве Чехов не отвергает веры. Напротив, он говорил Бунину: «Ни в коем случае мы не можем исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие – факт. Вот погодите, я докажу вам это». Но прежде он хотел доказать это себе. Перед нами человек ищущий, порой сомневающийся. А еще честный и перед собой, и перед Господом, искания и обретения Которого – суть многих чеховских произведений.

Есть в богословии раздел, который называется «Естественным Откровением». Речь в нем идет о природе, как Божьем творении. Для верующего человека природа – убедительнейшее свидетельства бытия Божьего. Природа свидетельствует о Творце неповторимой красотой, гармонией, стройностью и упорядочностью происходящих в ней процессов. Именно так чеховские герои и воспринимают природу. Помните, строки из уже упоминавшейся повести «Дама с собачкой»? «Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалось такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки моря, гор, широкого неба, Гуров думал о том, как в сущности все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве». Православное сердце слышит в этих чеховских словах и признание величия Господа, и сожаление о несовершенстве человека. Но и

напоминание, что человек создан по образу и подобию Творца, а еще явственно виден указатель от несовершенства к идеалу.

Русское искание веры.

Этот указатель зовет к истине, гармонии, свету. Это ли не религиозность в самом ее высоком проявлении?! Великий русский философ Сергей Булгаков одним из первых расслышал христианские мотивы в творчестве Чехова и сказал: «По силе религиозных исканий Чехов оставляет позади себя даже Толстого, приближаясь к Достоевскому… В его произведениях ярко отразилось русское искание веры, тоска по высшему смыслу жизни, мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть». А мы можем поблагодарить Бога, за то, что родились мы русскими, и великий язык, на котором писали гении – наш родной язык. А значит, мы можем без посредников, пусть и очень талантливых, войти в мир писателя, который сопровождает русского человека на протяжении всей его жизни. И насладиться глубиной его мысли, пронзительным гуманизмом, искрометностью юмора, таинственностью его пьес. А еще, не заблудившись, пройти свой путь в пространстве между «Нет Бога» и «Есть Бог» в верном направлении, имея такого чудного попутчика, как Антон Павлович Чехов.

Новелла третья.

«Делайте добро».

(О благотворительной деятельности
Антона Павловича Чехова).

Спонсоры или благотворители.

Слово «спонсор» пришло в русский язык в 90-е годы прошлого века. Этим иностранным словом тогда гордо именовали себя новые русские толстосумы, наперебой устраивавшие бесчисленные презентации и конкурсы красоты, которые в полуголодной России кроме раздражения ничего не могли вызвать у народа. А мудрый и чуткий наш язык эти явления не назвал хорошо известным словом «благотворительность», словно подчеркивая, что с творением блага эти ярмарки тщеславия не имели ничего общего. Так появилось заморское слово «спонсорство». А благотворительность тогда казалось музейным экспонатом, само слово старомодным и даже непонятным. Не все помнили, что в прошлом благотворительность пронизывала все сословия российского общества. Она опиралась на идеалы, которые господствовали в системе ценностей русского человека. Идеалами были жития христианских подвижников. Это не значило, например, что все русские врачи безвозмездно лечили больных, как свв. бессеребренники Косма и Дамиан; что священники все до копейки отдавали нищим и сирым, как св. Иоанн Милостивый. Но они служили теми высокими примерами, которым стремились подражать. В душах наших предков отчетливо звучали слова Господа: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут».

«Сахалин нужен и интересен».

Звучали эти слова и в душе молодого литератора Антона Чехова, когда он объявил близким, что решил совершить экспедицию на остров Сахалин. До сегодняшнего дня в среде историков литературы кипят споры о том, что стало причиной поездки. Одни считают, что Чехов решил поехать в неведомую даль, чтобы сменить обстановку после смерти брата Николая, которую он перенес очень тяжело, как и все Чеховы. Другие видят в этой поездке желание завершить непростые отношения с Лидией Мизиновой (о музах Чехова мы еще будем говорить). Кто-то усматривает, чуть ли не желание Чехова сблизиться с властью и поднять в своем творчестве общественно–значимую тему. У автора тоже есть своя точка зрения. И нашла я свой ответ на этот вопрос в воспоминаниях Михаила Чехова. Тогда молодой студент юридического факультета, младший брат писателя готовился к экзамену по тюремному праву. Антон Павлович заинтересовался предметом. А потом стал читать и другие книги, посвященные российской каторге, положению в тюрьмах. И вскоре засобирался на Сахалин. Впоследствии литератор Буренин так выразил отношение многих знакомых Чехова к этой, как им казалось, странной затее писателя:

«Талантливый писатель Чехов,
На остров Сахалин поехав,
Бродя меж скал,

Там вдохновения искал.
Простая басни сей мораль,
Для вдохновения не нужно ездить вдаль».

Не за вдохновеньем отправился Чехов в столь длительное и опасное путешествие. Поездка была вовсе не спонтанной. Подготовка к ней велась в душе писателя постепенно. Будучи очень сдержанным, Чехов очень редко приоткрывал пространство своего внутреннего мира. Но у нас есть бесценное свидетельство той работы, которая в душе писателя велась. Об ее итогах он свидетельствует в своем письме к издателю Суворину. Преуспевающий издатель популярной газеты «Новый мир», Суворин выразил мнение, что поездка на Сахалин совершенно бессмысленна, и мало кому Сахалин интересен. И вот тогда Чехов ответил очень эмоционально, как о личном и наболевшем:

«Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный. Мы сгноили в тюрьмах миллионы человек, мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали их сифилисом. Размножали преступников, и все это сваливали на красноносых смотрителей. Виноваты не смотрители, а все мы, но нам это не интересно… Нет, уверяю вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле, и более способный возбудить интерес в обществе».

Совершенно ясно, что главным побудительным мотивом было сострадание. Сочувствуя несчастным, заключенным сахалинских тюрем, Чехов решает возбудить в обществе, во властных структурах озабоченность проблемами русской каторги. Важно отметить, что поездку на Сахалин Чехов предпринимает на свои собственные средства.

Мечта о жизни умной и смелой.

Кому из вас, дорогие мои читатели, доводилось на поезде пересекать нашу необъятную страну? Мне посчастливилось это совершить десять раз. Посчастливилось, потому что, только проехав с запада на восток, только увидев наши большие и малые города, великие реки, красивейшие горы и, наконец, священный Байкал, понимаешь, каким богатством наградил нас Господь и как велик подвиг народа, освоившего эти просторы. Мои поездки, конечно, с путешествием Чехова не идут ни в какое сравнение. Комфортабельный поезд Москва - Пекин за пять суток преодолевает 12 тысяч километров от Москвы до пограничной станции Борзя, где мне довелось прожить пять лет. Чехов же был в пути три месяца. А какими дорогами продвигался Чехов, рассказывает исследователь А.Щербаков: «Дорога так разбита, что возница даже не пытается лавировать между ямами и колдобинами». Бездорожье, дождь и снег, холод преследовали путника. Но он продолжал свой путь через всю Сибирь в тарантасе и по рекам. Трудности пути не заслонили России, ее могучих рек и привольных просторов. Вдохновенно пишет Чехов о Енисее:

«В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей – могучий неистовый богатырь, который не знает, куда девать свою силу и молодость. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из сибирских городов, а на том горы, напомнившие о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!».

Минуя Сибирь и Забайкалье, писатель устремился на Дальний Восток. От Сретенска он плыл пароходом по

Амуру до Николаевска, а затем опять пароходом через Татарский пролив на остров Сахалин.

«Подвижники нужны как солнце».

Эту поездку и работу, проведенную Чеховым на Сахалине, можно по праву назвать подвигом. Впервые он произвел перепись этого дальнего российского владения. Практически с каждым из жителей писатель встретился, заполнил десять тысяч статистических карточек. Было собрано огромное количество документального материала о жизни и быте коренного населения Сахалина. Писатель посещал тюрьмы, изучал их санитарные условия и состояние здоровья каторжан. Он узнавал о произволе тюремных надзирателей и чиновничьем беспределе. После возвращения с Сахалина Чехов систематизировал свои записи и написал книгу «Остров Сахалин». Это произведение вызвало огромный резонанс в России. На Сахалин обратили пристальное внимание официальные лица. Министерство юстиции и Главное тюремное управление командировали на Сахалин своих представителей. Впоследствии под воздействием книги Чехова правительством были проведены некоторые реформы в области ссылок и каторги. Сахалинский врач Н.Лобес отмечал: «С легкой руки Чехова Сахалин стали посещать как русские, так и иностранные исследователи». Как-то в статье, посвященной кончине другого великого сына России, известного исследователя и путешественника Пржевальского, Чехов написал о подвижниках, которые «нужны как солнце, ибо составляют самый поэтический и жизнерадостный элемент общества. Они возбуждают, утешают и облагораживают». Вот таким был и наш великий писатель, говоря его же словами, человеком «подвига, веры и ясно осознанной цели».

Чем медицина хороша.

Изучая биографию и творчество Чехова, приходишь к заключению, что этой ясно осознанной целью всей жизни писателя была помощь ближним. И на этом поприще не меньше литературы была востребована медицина. Искусство врача давало возможность помочь страждущему немедленно. Особенно активной медицинская практика была в мелиховский период жизни писателя.

В 1892 году Чехов покупает небольшое имение под Москвой в Мелихове. Здесь он становится земским врачом. Он обслуживает двадцать пять деревень, четыре фабрики и монастырь. И при этом отказывается от жалования, которое ему положено как врачу, находящемуся на государственной службе. В то время Чехов уже известный писатель, получает неплохие гонорары. Но кому же были лишними деньги? Тем не менее, вот такой поступок, который в наше время трудно представить и понять. Между тем, начинается эпидемия холеры. Доктор Чехов на переднем крае борьбы с болезнью. Он в поместье на свои средства открывает медицинский пункт, привозит из Москвы медикаменты и бесплатно раздает крестьянам. В Мелихове Чехов разводит аптекарский огород, где выращивает лекарственные травы. Если он дома, над флигелем развивается флажок, пациенты могут смело идти на прием, доктор никому не откажет, поможет всем. «За лето больных побывало несколько сотен ,- писал Чехов,- а заработал я один рубль». Чехов как-то признался, что

прослужить десять лет земским врачом труднее, чем пятьдесят лет в министерстве. А ведь кроме медицины была еще любимая литература. Сорок два шедевра написаны были в мелиховский период.

Грустно говорить об этом, но приходится. Чехов был болен смертельной тогда болезнью, туберкулезом. Будучи врачом, он знал, что жить ему недолго. Ему никто не гарантировал даже пяти лет жизни, когда диагноз был поставлен. Тогда писателю было 24 года. А он без лекарств (таков был его выбор), при активной форме туберкулеза продержался целых двадцать лет. Не благодеяние ли это Господа за подвижничество? Истинно, «блаженны милостивые, ибо помилованы будут».

О малой Родине.

Есть в русском языке замечательное слово – «земляк». Оно согрето искренней симпатией и теплотой. Так мы обращаемся к тем нашим соотечественникам, которые родились и выросли в одном с нами городе или поселке. Чувство землячества особенно обостренно воспринимается, когда живешь вдали от Отечества. По Родине скучают все, в сердце живет ее образ, и у каждого он свой. Но почти всегда это образ малой Родины, места, где человек родился, провел золотые годы детства, ходил в школу, осознал себя личностью, обрел друзей. Все, что связано с малой Родиной нам важно и интересно, будь то встреча с земляком, или весточка о родном крае. Приезжая на родину, мы с удовольствием посещаем памятные с детства места, встречаемся с одноклассниками, рассказываем о своих достижениях, интересуемся их жизнью. Стремимся ли мы при этом узнать о проблемах и трудностях нашей малой Родины? Как правило, да. Тем более, что часто эти трудности видны, что

называется невооруженным взглядом. Бездорожье и произвол бюрократии чиновников, подростковая преступность и заброшенность стариков… Помогли ли мы землякам? Или, хотя бы, задумались над тем, что мы можем сделать доброго и полезного для своей малой Родины?
«Позвольте, но какое отношение к Чехову имеют эти вопросы?» ,- возможно, спросят наши читатели. Дело в том, что Антон Павлович Чехов всей своей жизнью на эти вопросы дал благородный ответ. И его отношение к малой Родине и для современников, и для потомков было, есть и будет высоким примером подражания.

Быть полезным родному городу.
Однажды в ответ на благодарственное письмо из Таганрога, Чехов написал ответ, в котором были такие слова: «Я счастлив, что могу хотя бы в чем-нибудь быть полезным родному городу, которому я многим обязан». Это скромное «чем-нибудь» значило очень много. Живя вдали от родного города, Чехов никогда не порывал с ним духовных и культурных связей. С первых дней своего пребывания в Москве, молодой Чехов стремился объединить таганрожцев, которые жили в Москве в землячество, организовывал помощь малоимущим студентам-землякам. В душевном мире писателя Таганрог занимал значительное место. Чехов мечтал видеть родной город красивым, культурным, разумно устроенным. И не только мечтал, но и действовал. Еще в Мелихове Чехов решил помогать библиотеке родного города. И он стал посылать в Таганрог книги. Были отправлены две тысячи томов собственных книг. Впоследствии писатель приобретал книги для таганрогской библиотеки по разным отраслям знаний: художественная литература, медицина, сельское хозяйство и др. Из Франции Че-

хов прислал прекрасную библиотеку французской классической литературы. И даже в последние дни земного пути, находясь в южногерманском городе Баденвейлере, Чехов отправил в Таганрог посылки с книгами немецких писателей-классиков. Библиотека в родном городе стала для Чехова любимым детищем. Он завещал библиотеке 1631 рубль, по тем временам деньги немалые, на них было построено новое здание библиотеки. При библиотеке был создан литературный музей, основателем и главным дарителем которого тоже был Чехов. Такой патриот родного края не мог оставить без внимания 200-летие родного города. И вот писатель стал хлопотать о воздвижении в Таганроге памятника основателю города Петру Великому. В Париже Чехов сумел убедить известного скульптора Антокольского подарить изваяние городу, организовал бронзовую отливку статуи и доставку ее через марсельский порт в Таганрог. Памятник и сегодня является одним из главных достопримечательностей Таганрога.

«Вся Россия наш сад».

Орден св. Станислава – высокая награда, ею был награжден Чехов за выдающиеся успехи в деле образования и народного просвещения. Но ведь Чехов доктор, при чем здесь народное образование? Когда читаешь биографию Чехова, то попадаешь в особый мир, где царствуют доброта, деликатность и внимание к людям. Чехов-писатель занят интенсивной литературной работой, в это же время

Чехов-врач объезжает деревни и лечит больных крестьян. А еще в Мелихове и его окрестностях Чехов строит три школы для крестьянских детей.

Когда Чехов переезжает на жительство в Ялту, он и там сразу включается в общественную работу, участвует в строительстве школы, жертвуя 500 рублей на это благородное дело. Входит писатель и в Попечительный совет женской гимназии. Так Антон Павлович потрудился на ниве народного просвещения, поэтому Чехов и был награжден столь высокой наградой. Созидательная работа закипала всюду, где Чехов появлялся. В Мелихове его стараниями воздвигается колокольня и пожарный сарай для крестьян. На железнодорожной станции Лопасня открывается почта и телеграф. А еще писатель организует посадку тысячи вишневых деревьев, засевает голые участки лиственницами, кленами, вязами, соснами и дубами. Знаменитая фраза Пети Трофимова «Вся Россия наш сад» выражает смысл деятельности Чехова, который трудился, не покладая рук, чтобы превратить землю, на которой Господь определил провести годы жизни, в цветущий сад. Ему хочется, чтобы на цветущей земле и жизнь у людей была разумной и благоустроенной. А страданий было как можно меньше. Поэтому когда в 1891 - 1892 г.г. часть средней полосы России переживала сильнейший голод из-за неурожая и засухи, Чехов организует сбор пожертвований в пользу голодающих Нижегородской и Воронежской губерний. Писатель сам выезжает на места бедствия. Делает достоянием общественности факты бедствия. Это и есть любовь к Родине. А ведь Чехов никогда не декларировал: «Я люблю тебя, Россия», потому что истинная любовь и благотворительность не терпят суесловия. Это нынешние спонсоры пишут всюду свои имена аршинными буквами.

Мы должны, восхищаясь благородной деятельностью Чехова, отметить и то, что его голос не был гласом вопиющего в пустыни. Благотворительность имела в России исторические традиции. И имена Третьякова и Бахрушина стояли в ряду многих имен щедрых жертвователей, которые много потрудились для блага Отечества и народа. Эти славные имена сохранились, тогда как тысячи других не остались в памяти народной, но остались школы и храмы, больницы и приюты, театры и библиотеки, которые создавались энтузиастами на средства щедрых дарителей.

Уроки Чехова.

В начале Чеховского цикла мы говорили, что юбилей Чехова – это своего рода экзамен для всех нас. Поэтому Президент России издал специальный Указ о проведении юбилея писателя. Идут года, и становится все более очевидным, что творчество Чехова прошло испытание временем, более того, оно становится все более востребованным. Дерзну поделиться своим восприятием причин этого феномена. Мы живем в обществе потребления. Увы, чаще всего помыслы людей сосредотачиваются на том, что еще материального добавить к своему кратковременному присутствию в этом мире. Гонка за материальным благополучием бесконечна, она изматывает как бессмысленный бег на месте. И радости она не приносит, порождая зависть одних и опустошение души других. Оскудение любви,- вот как мы можем назвать процесс, происходящий в наших сердцах. Между тем, Господь учит: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». И эту заповедь Чехов исполнял всегда свято. Он имел истинную любовь к людям. Как видно из рассказанного выше, Чехов всегда стремился оказать помощь нуждающимся – медицинскую, денежную,

словом, делом, помощь бескорыстную и зачастую в ущерб своему здоровью. Отзывчивость на беды и нужды людей, беспримерный такт в отношениях, готовность к самопожертвованию, сознание собственной ответственности за совершающееся в мире зло, которое сочеталось у Чехова со стремлением к действию, - все это свидетельствует о нравственной высоте личности нашего любимого писателя. Чехов неоднократно призывает нас: «Делайте добро!». Во что бы то ни стало, вопреки трудностям и колебаниям. Этот путь нелегок. Много препятствий ждет ступившего на него. Много и разочарований подстерегает. И первое из них - неблагодарность тех, для кого вы постараетесь. Очень вероятно, что доведется вам встретиться и с несправедливыми обвинениями в скрытой выгоде, которую будто бы извлекаете из своих добрых дел. Смиряйтесь и продолжайте идти дорогой Чехова. Какие прекрасные дары обретете, какую чистую радость испытаете, и каких замечательных единомышленников встретите.

Благотворительность – это одно из важных направлений работы на территории любви.

Автору посчастливилось этой работой заниматься в течение многих лет, руководя русской православной благотворительной организацией. На Кипре стать благотворительной организацией непросто. Их всего около двадцати. Статус Русский православный образовательный центр смог получить после десяти лет работы. Но как отрадно было нам читать постановление Государственной Регистрационной палаты Кипра, в котором признавалась общественная значимость нашей скромной работы, которая велась 15 лет на безвозмездной основе. Это было признание усилий десятков людей на Кипре, в России, во Франции, в Америке, которые активно помогают нам, являясь нашими еди-

номышленниками. Это их усилиями почти забытое имя замечательного исследователя Кипра Василия Барского вновь стало достоянием кипрской и русской культуры, это они привлекли внимание правительств, Церквей и народов России, Кипра и Украины к важнейшему рубежу в духовных отношениях - 900-летию их основания. И на вершине горы Ставровуни, священной для всех православных людей, завершается сооружение памятника первому русичу, чей духовный подвиг и положил начало этим уникальным отношениям. Общественно-значимой называется работа, которая полезна обществу. Но и помощь одному человеку – тоже общественно-полезна.

Для благотворительности точек приложения усилий предостаточно в нашем далеком Отечестве. Каждый из нас, живущих на Кипре, может взять шефство над родной школой, узнать ее нужды, поощрить лучших учеников, пополнить библиотеку. Можно присоединиться к уже действующим проектам. Уникальна акция «Доброе сердце», которую проводит редакция популярного еженедельника «Аргументы и факты», помогающая пройти дорогостоящее лечение заграницей смертельно больным детям. Есть возможность и на Кипре заниматься благотворительностью. И наши соотечественники дают нам благородный пример такой деятельности. Хочется сказать добрые слова о Русском обществе Ларнаки. Ни одна беда, которая случается с россиянами, не оставляет равнодушными членов Русского общества. Они не ждут просьб, буквально бросаются на помощь, поддержат добрым словом, практическими делами. А какую прекрасную акцию недавно провела Русская школа искусств «Ангара», поддержав маленького соотечественника Глеба. Мальчику помогли в его нелегкой борьбе с тяжелым недугом. Пишу только о некоторых проявлени-

ях милосердия. Уверена, что много добрых дел в среде наших соотечественников вершится в скромной тишине. Давайте не будем стесняться о них рассказывать друг другу, и нашим детям.

Хочется верить, что наши земные дни пройдут не бесполезно, что в ответ на чеховский призыв «Делайте добро!» каждый из нас ответит добрым поступком. А ведь это будет значить, что слова Господа «Блаженны милостивые» найдут ответ в наших сердцах.

Новелла четвертая.

Прекрасные музы Чехова.

«У меня было мало романов».

Эта новелла о женщинах, которые стали музами великого русского писателя Антона Павловича Чехова. В разные периоды жизни писателя его судьба пересекалась с их судьбами, эти встречи оставили заметный след в душе и творчестве писателя. В одном из писем находим очень редкое признание Чехова: «У меня было мало романов». О причинах этого, конечно, все знал только он один. Мы можем только догадываться. В 24 года молодой доктор Чехов узнает, что он болен неизлечимой тогда болезнью, туберкулезом. Ему ли было не знать, что его ждет. Как человек в высшей степени совестливый и деликатный, он не хотел никого обременять. Была и другая причина. Он был очень требователен к себе, но и к избранницам своим был также требователен. Той планке, которая негласно возникала в отношениях, соответствовать было нелегко. До нее можно было дотянуться, лишь встав на цыпочки. Но сколько можно так проходить по дорогам жизни рядом с великим Чеховым?!

…Женщины были от него без ума. Высокий, под метр девяносто, выразительные карие глаза, чарующий баритон, особенное чеховское обаяние, успех был обеспечен с первого взгляда. При более близком знакомстве покоряли интеллект, притяжение таланта, мягкий юмор, умение тонко пошутить, чуткость и деликатность. А еще Чехов был известен. Литературную славу он познал в совсем юном возрасте. Так что недостатка в поклонницах у писателя никогда не было. Сам же он признавался, что его сердце чаще

всего молчит. Но были моменты, когда и в его сердце звенела мелодия любви. И, зазвенев, мелодия находила отклик в рассказах и пьесах, в письмах и трудах. Коснувшись бережно этих очень личных страниц биографии любимого писателя, мы сможем полнее понять его творчество.

Евдокия Эфрос. Невеста.

В 1884 году Чехов закончил университет. Начинается его медицинская практика. Вначале он работает уездным врачом в городе Воскресенске (ныне Истра) в больнице известнейшего в России врача Архангельского. Затем в Звенигороде. Медицинская практика обогащает опытом, в рассказах появляются новые темы. Его литературная известность растет. После нелегкого детства, беготни за трехрублевыми гонорарами, скитаниями по съемным квартирам, всяческих лишений наступает время относительного материального благополучия. Сестра Маша учится на частных педагогических курсах Герье. У нее там много подруг. Они часто бывают у Чеховых. Причиной тому открытый доброжелательный характер Марии Павловны, гостеприимство Евгении Яковлевны, которая умеет каждому гостю уделить особенное внимание и непременно угостить чем-нибудь очень вкусным. Но главным центром притяжения, конечно, был Антон Павлович, об этом пишет Мария Павловна в своих воспоминаниях. Чеховский дом в тот период наполнен музыкой, танцами, играми, шутливыми розыгрышами. Вот на таком счастливом фоне и происходило развитие отношений Антона Павловича с Евдокией Эфрос. В момент знакомства с Чеховым она училась вместе с его сестрой на педагогических курсах. Это был роман, о котором известно менее все других увлечений Чехова. Исследовательница Полонская пишет в своем тру-

де, что лишь в шестидесятых годах прошлого века стало известно об этих отношениях, когда были сняты купюры с некоторых чеховских писем. В том, что Антон Павлович полюбил Евдокию Эфрос, сомнений нет. Он сделал девушке предложение стать его женой. Они были помолвлены, хотя об этом важном событии в жизни Чехова узнали только самые близкие друзья. Но роман развивался драматически. И причиной тому было то, что молодые люди принадлежали к разным вероисповеданиям и национальностям. Дуня Эфрос была дочерью известного всей Москве богатого адвоката Исаака Эфроса. Родители девушки были правоверными иудеями, для них брак дочери с человеком другой национальности был неприемлем, они были вообще против ассимиляции еврейства. Что касается самого Чехова, то для него был принципиален вопрос вероисповедания будущей жены. Однако Дуня не хотела переходить в православие. Отношения, таким образом, не были ровными и спокойными. «Мы поссорились, - пишет Чехов другу, - завтра помиримся, а через неделю снова поссоримся. С досады, что ей мешает религия, она ломает у меня на столе карандаши и фотографии». Евдокия любила Чехова. Страстная и горячая ее натура тяжело переживает невозможность соединения с любимым. Переживает и он. Но, как всегда, прячет свои переживания за мягкой усмешкой. В 1887 году он сообщает другу: «С невестой разошелся. То есть она со мной разошлась. Но револьвера еще не купил». Эти отношения оставили глубокий след в сердце Чехова, отразились и на его творчестве. Вскоре после разрыва, Чехов пишет пьесу «Иванов» (1887-1889 г.г.), в которой отразились воспоминания об отношениях с Евдокией Эфрос. Героиня пьесы Сара, ради брака с героем Ивановым, перешла в православие. Родители ее отвергают, но

и русским миром она не принята. Униженная и несчастная, она умирает от чахотки.
В реальной жизни Евдокия Исааковна Эфрос пережила своего возлюбленного на многие годы. Он вышла замуж за единоверца, впоследствии эмигрировала во Францию. Во время второй мировой войны она находилась во французском доме престарелых. В 1943 году, в возрасте 83 лет, была арестована гестапо и вместе с тысячами других евреев была депортирована в концлагерь Треблинка, где и погибла. Потрясающие чеховские прозрения трагичности судеб явлены с пронзительной силой, ведь они касаются не только трагичного ухода Евдокии Эфрос, но и самого писателя.

Лидия Мизинова. «Насмешливое счастье».

Это было одно из самых ярких впечатлений моей московской молодости. В театре им. Вахтангова с огромным успехом шла в те годы пьеса Л. Малюгина «Насмешливое мое счастье». Это был удивительный спектакль: интеллигентнейший красавец, Юрий Яковлев, и потрясающе обаятельная Юлия Борисова читали фрагменты из писем, которыми на протяжении восьми лет обменивались Антон Павлович Чехов и Лидия Мизинова. Вообще читать чужие письма - рискованное занятие. В том числе и письма великих людей. И не только из-за этических соображе-

ний. Не зная контекста, условий написания того или иного послания, мы рискуем составить совершенно неверное представление об авторе либо адресате письма. Но в театре Вахтангова, благодаря деликатной работе автора пьесы, талантливой и точной режиссуре, благодаря блистательной игре актеров получился спектакль – исповедь, поставленный с высоким художественным вкусом. Все это позволило зрителям услышать горячее биение живых сердец героев пьесы, прикоснуться к сложной истории отношений двух талантливых людей с ее противоречиями, несбывшимися надеждами и мечтами.

Так я впервые узнала имя Лидии Мизиновой. Тогда прочитала письма: 98 писем Лидии Мизиновой Чехову и 67 Антона Павловича к ней. В последствии в воспоминаниях приятельницы Чехова Щепкиной-Куперник довелось мне прочитать описание внешности Лидии Мизиновой. «Это была настоящая Царевна-лебедь из русской сказки. Ее пепельные вьющиеся волосы, чудесные серые глаза под соболиными бровями, необыкновенный шарм в соединении с полным отсутствием ломанья и почти суровой простотой делали ее необыкновенно обаятельной». Такой вошла в дом Чеховых дочь крупного железнодорожного чиновника, выпускница гимназии и начинающая учительница. Она преподавала в гимназии Ржевской, где и встретилась с Марией Чеховой, вскоре девушки подружились, и Лидия была приглашена в дом к Чеховым. Девятнадцатилетняя девушка оказалась способной музыкантшей, имела неплохие вокальные данные. Вскоре девушка завоевала сердца обитателей чеховского дома.

«Все на нее заглядывались. Природа кроме красоты наградила ее умом и веселым характером. Она была остроумна, ловко умела отпарировать удары, с нею было приятно по-

говорить. Мы, все братья Чеховы, относились к ней как к родной, - вспоминает младший брат Чехова Михаил Павлович. И тут же тактично замечает: «Хотя, мне кажется, что брат Антон ею интересовался и как женщиной». Чехов заинтересовался. Его отношения к Лике (такое ласковое имя получил девушка в чеховской семье) носили характер веселой дружбы. Его письма искрятся юмором, безобидными шутками. Лика старается поддерживать этот тон. Но ей это удается с большим трудом, потому что девушка переживает сильное чувство, она влюблена. А Антон Павлович внезапно уезжает на Сахалин. Перед отъездом писатель дарит Лике фотографию, подписав: «Добрейшему созданию, от которого бегу на Сахалин». В этой шутке угадывается и доля правды. Чехов словно бы стремится закончить еще и не начавшиеся отношения. Лика ждет его возвращения, решив во что бы то ни стало добиться ответного чувства. Она даже применяет испытанное средство, дабы привлечь внимание Чехова, а именно пытается разбудить его ревность. Роман Лики с художником Левитаном подарил русской живописи шедевр, картину «У омута», которая была написана художником в пору увлечения Ликой. Но Чехов оставался по-прежнему дружелюбен, и не более. И тогда Лика решает совершить решительный шаг к сближению. Она предлагает Чехову совершить путешествие вдвоем на Кавказ. Она была уверена, что Чехов не устоит. Поэтому через своего отца, железнодорожного начальника, заранее заказала билеты на поезд в разных вагонах, чтобы избежать огласки. Однако все хлопоты были тщетны: ссылаясь на угрозу приближающейся эпидемии, Чехов отказался от столь заманчивого путешествия. Лика вынуждена была признать, что Чехов все время ускользает по единственной причине: он ее не любит. Когда у Лики

завязался роман с Игнатием Потапенко, популярным литератором, приятелем Чехова, писатель отнесся к нему совершенно спокойно. Лика уехала в Париж с Потапенко, она отвергла все условности, а между тем Потапенко был женат. И как только Лика забеременела, он оставил молодую женщину без средств в Париже, а сам вернулся в Россию к семье. Отношения с Чеховым и переписка с ним продолжалась на протяжении восьми лет. Лика похоронила двухлетнюю дочь, пыталась открыть свою пошивочную мастерскую, уехала в Париж учиться пению, пыталась стать актрисой. Обо всем информировала Чехова. В его ответах угадывается неподдельный интерес к судьбе Мизиновой, и даже влечение к ней. Но всегда Чехов останавливает себя, маскируется шуткой, недоговоренностью. В одном из писем к брату Николаю Чехов описывает, какой бы он хотел видеть любимую женщину: «Воспитанным людям нужна от женщины не постель… Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть матерью». Лика при всех своих талантах, никак не соответствовала этому идеалу. Необязательность и богемный образ жизни Лики могли быть приемлемыми в дружеском общении, но не в семье. В 1898 году из Парижа Лика прислала Чехову свою фотографию с надписью. Это были строки поэта Апухтина:

«Будут ли дни мои ясны, унылы.
Скоро ли сгину я, жизнь погубя,
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни и силы –
Все для тебя».

К этим поэтическим строкам Лика приписала: «Я могла написать эти слова восемь лет назад. Пишу сейчас и напишу через десять лет».
Увы, через десять лет писать будет уже некому. В 1904 году Чехова не станет. Лидия Стахиевна Мизинова выйдет замуж за известного режиссера Санина, проживет с ним сравнительно благополучные 35 лет. Скончается в Париже в клинике для бедных в 1937 году. Но это впереди. А пока идет год 1898, который другая муза Чехова назовет «светлым праздником жизни». Праздник, потому что она в этом году встретила Антона Павловича Чехова. Кто же она? Это Ольга Леонардовна Книппер, которая станет женой писателя. Но не бесследно прошли для Чехова отношения с Ликой. Они родили в душе и творчестве писателя гениальный отклик, которым стали пьеса «Чайка», а вместе с ней и весь чеховский театр – явление в русской культуре величайшее. Прошли многие десятилетия. И через толщу лет доносится до нас чеховское грустное и прощальное – «Мисюсь, где ты?». И образ сероглазой девушки оживает на страницах чеховских книг.

Лидия Авилова. Писательница и любящая мать.
Мы помним строки из письма Чехова брату Николаю о том, какой должна быть идеальная женщина. Способность быть матерью Чеховым признается как очень важное качество. Между тем, когда он встретил такую женщину, отношения не сложились. Исследователь творчества Чехова Александр Казакевич пишет об этих отношениях так: «Лидия Авилова, молодая талантливая писательница, невероятно милое и очаровательное создание. При этом замужняя женщина, мать. Беседуя с ней второй раз в жизни, Чехов, всегда осторожный в выражении своих чувств, вдруг

почти признается ей в любви: «А не кажется вам, что когда мы с вами встретились, мы не познакомились, а нашли друг друга после долгой разлуки?». Об их взаимном ярко вспыхнувшем чувстве мы узнаем из воспоминаний Лидии Авиловой. И все же это увлечение не могло иметь серьезных последствий. Чехову, как и самой Авиловой, были чужды пошлые интрижки. Он слишком уважал любящую его женщину, чтобы строить отношения на обмане близких ей людей, тревожить покой семьи, где подрастали трое очаровательных малюток. Сегодня многим такая чеховская мораль, наверное, покажется странной. Но это была его точка зрения на отношения людей, и в ней наличествовала безукоризненная нравственная чистота. Позвольте еще раз процитировать отрывок из исследования Казакевича, который пленяет поэтичностью и грустью: «Лидия отправила Чехову специально заказанный в ювелирном магазине брелок в форме книги, на одной стороне которого было написано: «Повести и рассказы . Соч. Ан. Чехова», а на другой – «Стран. 267, стр. 6 и 7». Если найти эти строки в книге, то можно было прочесть: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, приди и возьми ее».

Ольга Книппер. Актриса и жена.

Итак, наступил год 1898-й. Еще шесть лет суждено было прожить Чехову, только шесть коротких лет. Но какими счастливыми и наполненными станут они. Эти годы вместят встречу с женщиной, которая станет не только любимой женой, но и любимой актрисой и соратницей. А еще это будут годы становления его как драматурга, произойдет встреча Чехова с театром, которому будет близка его эстетика, устремления. Ему посчастливится создать для

этого театра свои лучшие пьесы и увидеть их воплощенными на сцене, пережив успех и понимание зрителей.
…А пока студентка драматической школы при московской филармонии Ольга Книппер не разлучается с желтым томиком Чехова...

С мечтой о театре.

Она родилась в интеллигентной семье обрусевших немцев. Отец, успешный инженер, придерживался очень строгих взглядов. И хотя его супруга имела выдающиеся музыкальные способности, он запретил ей думать о театре либо консерватории. Свои несбывшиеся надежды мать стремится воплотить в занятиях со своими тремя детьми. Дома звучит музыка, дети играют на музыкальных инструментах, участвуют в домашних спектаклях. Однако, когда подросшая Ольга увлеклась всерьез театром, отец положил конец ее увлечению. Но любовь к театру уже поселилась в сердце девушки, росла, развивалась, требовала выхода. А семью, между тем, ждали горести и испытания. Скоропостижно скончался отец. Семья, которая жила безбедно на его немалое жалование, оказалась на грани бедности. Но мать, два брата и Ольга не отчаялись. Все дружно взялись за работу. Впоследствии Ольга Леонардовна напишет: «Смерть отца поставила все на свои места». Ольга стала помогать матери, которая стала преподавать пение, и даже стала профессором в вокаль-

ной школе. Ольга давала уроки фортепьяно, а еще она готовилась к поступлению в драматическую школу.
При помощи матери вскоре она поступает в драматическую студию при филармонии, которую возглавляет Владимир Иванович Немирович-Данченко. Он становится ее любимым учителем. Режиссер в то время серьезно увлечен творчеством Чехова, умеет заразить своим интересом студентов. Ольга читает и перечитывает чеховскую пьесу «Чайка», дивясь, как мог любимый писатель затронуть самые потаенные струны ее сердца. Похоже, это чувство испытывают и другие студенты. Происходит историческая встреча Немировича-Данченко и Станиславского, возникает план создания театра новой драмы. Ольга хранит в сердце тайну. По секрету Владимир Иванович сказал нескольким студентам и Ольге в их числе, что в Москве создается новый театр, и они станут его первыми артистами. А в репертуаре театра непременно будет «Чайка», в которую все они были тревожно влюблены. Тревожно, потому что совсем недавно в Петербурге «Чайка» провалилась, и это стало настоящим ударом для Чехова. Театр был создан, начались репетиции.

«Тонкий и сложный узел».

В сентябре Чехов приехал познакомиться с молодой труппой. Юные актеры были захвачены обаянием его личности, его простоты. Впоследствии Ольга Книппер (при жизни Чехова она никогда не добавляла к своей фамилии знаменитую фамилию писателя) написала: «С этой встречи начал затягиваться тонкий и сложный узел моей жизни». Этот узел соединил нити судеб писателя и актрисы раз и навсегда, до последнего мгновения жизни Чехова. Вскоре Чехов уехал в Ялту, чтобы вернуться весной. По возвра-

щении, в первый день Пасхи Чехов, не любящий ходить в гости, пришел к Ольге Леонардовне с визитом. А потом была чудная пора влюбленности, посещение выставки Левитана, концертов, спектаклей. И ощущение созвучия душ, когда нравятся одни и те же картины, музыка, произведения литературы, когда просто хорошо вместе. Ольга приезжает к Чехову в Ялту, они путешествуют вместе. Об этом прекрасном времени в жизни нашего любимого писателя мы можем прочитать в воспоминаниях Ольги Леонардовны. Это удивительные поэтические страницы и мне очень хочется, чтобы наши читатели их прочитали.

Встречи и разлуки.

25 мая 1901 года Антон Павлович и Ольга Книппер тайно венчаются и близкие узнают о столь важном событии из газет. Семейная жизнь складывалась непросто. Начинаются разлуки и встречи. Чехову по состоянию здоровья необходимо жить в Крыму, а Ольга Леонардовна - актриса Московского Художественного театра. Вот как она пишет о сложившейся в то время ситуации: «…Расставания становятся еще чувствительнее и мучительнее, и уже через несколько месяцев я стала сильно подумывать, не бросить ли сцену. Но рядом вставал вопрос: нужна ли Антону Павловичу просто жена, оторванная от живого дела?» Сам Чехов как-то написал жене: «Я не знаю, что сказать тебе кроме одного, что я десять тысяч раз говорил тебе, и буду говорить, вероятно, еще

долго: я люблю тебя и больше ничего. Если теперь мы не вместе, то виноваты в этом не я, и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству». В 1902 году супруги с радостью и волнением ожидали рождения ребенка. Увы, во время одного из спектаклей рабочие не вовремя открыли люк, и Ольга упала с высоты нескольких метров. Затем долгая болезнь, сложная операция, ребенка сохранить не удалось, последствием стала бездетность. Все силы своей души Ольга Леонардовна отдает театру.

«Любить человека и чувствовать Чехова.

Начинается соработничество талантливого драматурга и театра, ведущей актрисой которого стала любимая женщина и, по словам Чехова, «большая русская актриса». Не знаю, в праве ли мы назвать Ольгу Леонардовну творческим соавтором Чехова, но музой, которая вдохновила его на создание лучших пьес, она, безусловно, была. А значит русский и зарубежный театр и ей обязан уникальным явлением в мировой культуре – чеховским театром, который специалисты назвали «новой драмой».

Каждый из нас когда-то впервые встречается с театром Чехова. Мне очень повезло, потому что эта встреча произошла во МХАТе на спектакле «Три сестры».Это было в 70-х годах прошлого века, когда социалистический реализм железобетонными объятиями охватывал сценическое пространство всех театральных постановок. И как было ново и непривычно прикоснуться к миру чеховских героев, где не было главных и второстепенных героев, не было праведников и злодеев. А была жизнь, наполненная мечтами о лучшем и светлом будущем, и были раздумья и переживания умных, красивых, ироничных и не очень счастливых людей. Впоследствии я прочитала слова Горького, кото-

рый в то время еще не был «великим пролетарским писателем», но был уже известным литератором, об ощущениях после просмотра чеховских пьес: «После Вас, все кажется грубым, написанным не пером, а поленом». Эти слова выразили мои чувства абсолютно точно. Недаром Ольга Леонардовна писала: «Играть пьесы Чехова очень трудно: мало быть хорошим актером и с мастерством играть свою роль. Надо любить, чувствовать Чехова…а главное – надо любить человека, как любил его Чехов и жить жизнью его людей. А найдешь то живое, вечное, что есть у Чехова – сколько не играй потом образ, он никогда не потеряет аромата, всегда будешь находить что-то новое, неиспользованное в нем». Тогда, во МХАТе актерскому ансамблю удалось найти это драгоценное чеховское зерно, поэтому и 35 лет спустя в моей душе живет бессмертное «В Москву, в Москву», как стремление к лучшему, светлому, доброму, которое обязательно случится.

«Великолепная моя актриса».

Каждый из нас знает, а кому-то еще только предстоит узнать, как спорится любое дело в присутствии любимого человека. Счастье, когда любимый человек - единомышленник, связывает вас с ним не только чувство, но творческий труд. Чехов был драматургом, его занятием в последние годы жизни было написание пьес, он внимательно наблюдал за тем, как Московский Художественный Театр их ставил, волновался и переживал, мучительно сомневался и по-детски радовался. И в этом театре ведущей актрисой была его жена, талантливая и любимая. Она была художником необычайного диапазона. Тончайший лиризм был ее характерной чертой. Она умела зорко подметить характерные детали, умела играть затаенную страстность своих героинь. Поэтому ей прекрасно удавались образы чеховских

женщин: обворожительной Аркадиной («Чайка»), прекрасной в безоглядной любви Маши («Три сестры»), лирико-комичной Раневской («Вишневый сад»), трагичной Сарры (Иванов»).

Красота жизни.

30 января 1904 года в день именин Чехова его любимый театр играл премьеру «Вишневый сад». Успех был полный, это было торжество. И только любящее сердце жены ощутило тревогу. Завершался последний акт прекрасной пьесы под названием «Жизнь Антона Павловича Чехова». В июне 1904 года они уезжают на лечение в Шварцвальд, на юг Германии. Там, в маленьком курортном городке Баденвейлер перестанет биться сердце великого русского писателя. Ольга Леонардовна вспоминает «Антон Павлович тихо, покойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и в первый раз в жизни сам попросил послать за доктором… Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки: «Я умираю». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда…И страшную тишину ночи нарушала только как вихрь ворвавшаяся черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате». Так завершилась земная жизнь Писателя и самая важная страница жизни его Актрисы. Окончить свой рассказ мне хочется вновь ее словами, которые посвящены жизни с Чеховым: «Эти годы были полны такого интереса, такой насыщенности… они остались для меня светом правды и красотою жизни».

Новелла пятая.

Звуки музыки в мире Антона Чехова.

Чехов и Чайковский.

«Чеховскую поэзию можно скорее сравнить с музыкальными произведениями П. И. Чайковского. У Чехова в каждом акте своя музыкальность, свой музыкальный рисунок. Язык Чехова наполнен музыкальностью».

(В.И. Немирович Данченко).

Однажды в Майданово…

Это было весной 1887 года недалеко от уездного городка Клин, где в усадьбе Майданово отдыхал Петр Ильич Чайковский. Впрочем, слово «отдыхал» не подходит к тому насыщенному творческой работой периоду в жизни великого композитора. Для отдыха были тихие вечерние часы, когда за столом собирались самые близкие друзья. Часто устраивались чтения любимых литературных произведений. Среди любителей чтения был профессор Московской консерватории, близкий друг Петра Ильича, музыкальный критик Н.Д. Кашкин. Это он однажды принес свежий номер популярного тогда «Нового времени», и чтение началось. Рассказ назывался «Миряне» (позднее Чехов его переименовал в «Письмо»), и он сразу захватил слушателей. Казалось, сюжет не был особенно занимательным, и интрига отсутствовала. На про-

сторе в несколько страниц действовали три персонажа: скромный дьячок, священник Анастасий, уличенный в грехах и потому отлученный от служб, и строгий благочинный. Отец благочинный собирается сообщить сыну священника о проступках его отца. Дьячок же делает к письму приписку, и сводит на нет грозные выпады благочинного. Итак, сюжет в коротком пересказе кажется не слишком увлекательным. Однако, Петр Ильич, внимательно выслушав рассказ, попросил прочитать его вторично. «Какой свежий, самобытный талант», - сказал композитор. Было видно, что он взволнован прочитанным. И не успокоился до тех пор, пока не написал письмо в редакцию «Нового времени». К сожалению, мы можем только догадываться, о чем было то письмо, оно, увы, затерялось и до адресата не дошло. Но мы можем с большой долей вероятности предположить, что написал Чехову композитор, так как в это время он делится со своими близкими о впечатлении, которое на него произвел рассказ Чехова, давая очень высокую оценку таланту писателя. Чайковский даже настойчиво просит своего доброго знакомого, который сотрудничает с «Новым временем», сообщить ему, кто этот талантливый литератор, - Антон Чехов. Такая настойчивость объясняется тем, что композитор почувствовал близость своего душевного настроя и тональности чеховского рассказа. Удивительная сердечность, сочувствие к маленькому, забитому жизнью человеку, - все это свойственно было и самому Чайковскому. Заинтересовавшись творчеством молодого писателя, Чайковский читает и другие его произведения. И в одном из писем спрашивает своих друзей: «Имеете ли вы понятие о большом новом русском таланте, Чехове? Если нет, то я охотно перешлю

вам его рассказы. По-моему, это будущий столп нашей словесности».

Встреча.

Через некоторое время произошло и личное знакомство молодо литератора и великого композитора. Это случилось в декабре 1888 года в Петербурге, у брата композитора Модеста Ильича. Встреча не разочаровала Чайковского. А вот Чехов был пленен личностью Чайковского, его интеллигентностью и обаянием, скромностью и энциклопедической образованностью. Было видно, что литература Чайковскому близка. Композитор сам писал стихи, музыкально-критические статьи. Любил классиков, со многими из них был знаком лично: Л. Толстым, А. Островским. Во время встречи у Чехова возникла мысль выразить свою любовь и уважение к Чайковскому особенным образом: посвятить любимому композитору новую книгу. Когда книга рассказов была готова, 12 октября 1889 года Чехов письменно обратился к Чайковскому с просьбой разрешить это посвящение. Каковы же были радость и волнение Чехова, когда на следующий день Чайковский пришел к нему лично, чтобы поблагодарить писателя за внимание. Эта встреча стала тем важным событием, которое человек вспоминает всю жизнь. Сестра Чехова Мария Павловна впоследствии так сказала о состоянии Чехова в тот памятный вечер: «Антон Павлович был счастлив». А сам писатель, сообщая об этой встрече брату Чайковского Модесту Ильичу, написал: «Ужасно горжусь и радуюсь». Близкие вспоминали, что Чехов и Чайковский говорили о литературе и музыке. Обсуждались планы написанием Чеховым либретто к новой опере Чайковского, которую он был намерен написать по мотивам повести Лермонтова «Бэла». Выше мы уже отметили, что литература была для Чайков-

ского областью любимой, хорошо знакомой. А вот Чехов, как он мог на равных с великим композитором беседовать о музыке, и строить планы о совместной творческой работе?

«Музыка - душа моя!»

Когда-то эти слова произнес Михаил Иванович Глинка. Мог их вслед за корифеем произнести и Чехов. Любовь к музыке зародилась у будущего писателя еще в детстве. Эта любовь возникла не сама по себе. Большая заслуга в том, что тридцатилетний Чехов мог обсуждать с великим Чайковским музыкальные проблемы, принадлежит семье писателя, в атмосфере которой музыка занимала довольно значительное место. В нашем Чеховском цикле был очерк «Чеховы – русская семья». Там автор уже рассказывала, что отец писателя увлекался церковным пением, даже создал хор. Своих детей Чеховы учили музыке. Маленький Антон под руководством отца учился играть на скрипке. Отец пел по нотам, и приучал к этому детей. Дети пели в церковном и гимназических хорах. В семье любили петь народные песни. А еще был город Таганрог, где Чехов родился, и где прошли его детские и отроческие годы, ранняя юность. Город, с точки зрения музыки, был необыкновенным. Трудно сказать, когда в Таганроге началось буквально повальное увлечение оперным искусством. Богатые купцы содержали оперный театр, где постоянно гастролировали известные российские и зарубежные певцы. Итальянскую оперу любили не только знатные горожане, но и простолюдины. Чехов-подросток любил ходить на концерты классической музыки, которые устраивались в доме богатого греческого купца Алфераки. В 1879 году Чехов приезжает в Москву. И здесь его музыкальные ин-

тересы получают дальнейшее развитие. В 1882 году братья Чеховы – завсегдатаи Всероссийской Художественно-промышленной выставки. В ее концертном зале на две тысячи мест звучали произведения Чайковского. Особенно полюбил Чехов оперу Чайковского «Евгений Онегин». В это время Чехов работает над пьесой «Леший», которую он впоследствии назвал «Иванов». В пьесе третье действие предваряется арией Ленского из оперы Чайковского, которая звучит за сценой. Впоследствии писатель будет использовать прямые отклики на произведения Чайковского и в некоторых других произведениях. И это свидетельствует о глубине и силе воздействия музыки Чайковского на жизнь и творчество Чехова.

Но вернемся в тот радостный октябрьский вечер, когда Антон Павлович расстался со своим гостем, великим композитором, который посетил его дом и провел с ним удивительные часы.

Великие таланты земли русской.

Ниже я помещаю трогательный рассказ о дальнейшем развитии отношений двух великих талантов земли русской, который составлен по материалам Центральной государственной публичной библиотеки им. Чехова: «Вскоре после ухода Чайковского в доме Чеховых раздался звонок, и посыльный передал Антону Павловичу пакет. Там было письмо: «Посылаю при сем свою фотографию и убедительно прошу вручить посыльному Вашу! Достаточно ли я выразил Вам свою благодарность за посвящение? Мне кажется, что нет, а потому еще скажу Вам, что я глубоко тронут (подчеркнуто Чайковским) вниманием Вашим». На фотографии рукой Чайковского написано: «А. П. Чехову от пламенного почитателя. 14 октября 1889 года». Антон

Павлович выполнил просьбу композитора и послал ему фотографию и сборник рассказов. На фотографии он написал: «Петру Ильичу на память о сердечно преданном и благодарном почитателе Чехове», а на книге – «Петру Ильичу Чайковскому от будущего либреттиста». В ответном письме Чехов образно выразил свое отношение к Чайковскому: «Очень, очень тронут, дорогой Петр Ильич, и бесконечно благодарю Вас. Посылаю вам фотографию и книгу, послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне».Спустя несколько дней Чехов тронут новым знаком внимания Чайковского: композитор прислал ему билет на цикл симфонических концертов Русского музыкального общества в сезон 1889-1890 г. г. Сам Чайковский принимал большое участие в подготовке этого цикла симфонических концертов. Антон Павлович особенно тщательно готовил к печати книгу, посвященную П. И. Чайковскому. 16 марта 1890 года Чехов писал брату композитора Модесту Ильичу: «Через 1,5-2 недели выйдет в свет моя книжка, посвященная Петру Ильичу. Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич – до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом (третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое)». Чайковский, услышав об этой исключительно высокой оценке, отозвался в письме к брату: «Не можешь себе представить, как мне приятны слова Чехова обо мне».

Ранней весной 1890 года вышел в свет сборник рассказов Чехова «Хмурые люди». Раскрыв книгу, читатель увидел на ее первой странице слова «Посвящается Петру Ильичу Чайковскому». Обстоятельства помешали Чайковскому сразу ответить на посвящение книги. Чуть позднее, в 1891

году он напишет Чехову, что страшно гордится посвящением сборника, и что несколько раз порывался написать Антону Павловичу большое письмо, чтобы объяснить, какие именно свойства дарования писателя «так обстоятельно и пленительно на него действуют», но так и не смог написать. «Очень трудно музыканту высказать словами, что и как он чувствует по поводу того или иного художественного явления», - говорил в свое оправдание композитор. Не суждено было осуществиться планам совместной творческой работы над оперой «Бэла». В апреле 1890 года Чехов отправился на Сахалин, а в 1891 году уехал заграницу. По возвращении из поездки в 1892 году Чехов оставил Москву и перебрался в Мелихово. В то же время Петр Ильич Чайковский был занят созданием опер «Пиковая дама», «Иоланта», балета «Щелкунчик». В Москве он бывал лишь наездами, проводя годы в поездках по России и зарубежью.

25 октября 1893 года весь мир узнал о внезапной кончине Чайковского. Чехов телеграфировал брату композитора: «Известие поразило меня. Страшная тоска… Я глубоко уважал и любил Петра Ильича, многим ему обязан». Эти взволнованные слова лучше всего говорят о том, чем был Чайковский для писателя. Чехов до конца своих дней оставался горячим поклонником творчества композитора. Вот так складывались интересные и своеобразные отношения двух замечательных талантов земли русской.

Чехов в судьбе Рахманинова.

«Чайковский был одним из самых обаятельных художников и людей, …я встретил еще одного человека, который походил на него, и это был Чехов»

С.В. Рахманинов.

Концерт в Ялте.

В сентябре 1898 года Чехов жил в Ялте. Там его застала весть о готовящихся в Крыму гастролях Мамонтовского оперного театра. Среди исполнителей был и Федор Шаляпин, в то время уже известный певец. Артисты театра, горячие поклонники Антона Павловича, прислали ему билет на концерт Шаляпина. Билет был в директорскую ложу, рядом со сценой, поэтому Чехову было хорошо видно все, происходящее на сцене. И он не мог не обратить внимания на молодого человека, который аккомпанировал певцу. Чехову назвали его имя – выпускник консерватории, композитор и пианист Сергей Рахманинов. Лицо музыканта было полно драматического напряжения. А аккомпанемент столь выразителен, что музыка и голос певца сливались неразделько. Во время такого исполнения и рождается подлинное Искусство. Неслучайно сам Федор Шаляпин признавался: «Когда Рахманинов сидит за фортепьяно и аккомпанирует, то приходится говорить: «Не я

пою, а мы поем». Прозвучали последние аккорды, зал взорвался аплодисментами, концерт был завершен. Антон Павлович был приглашен в артистическую комнату, где поклонники уже тесным кольцом окружили Шаляпина. Рахманинов стоял в стороне, и очень удивился, что Чехов сразу направился к нему со словами: «Я все время смотрел на вас, молодой человек. У вас замечательное лицо Вы будете большим человеком».

Сила добрых слов.

Эти обнадеживающие слова могли показаться проявлением формальной вежливости, если бы не добрый взгляд, не искренность интонации. Рахманинов запомнил эти слова, и несколько раз в жизни обращался памятью к чеховскому предсказанию, которое оказалось судьбоносным. А в тот осенний вечер в Ялте слова надежды и поддержки были важны для юноши Рахманинова как никогда после. К своему 25-летию Сергей Рахманинов подошел со значительными музыкальными достижениями: с золотой медалью окончил консерваторию, был известен и как талантливый пианист, дирижер. Но главное дело, которому молодой музыкант хотел посвятить свою творческую жизнь, была, конечно, композиция. Его опера «Алеко» по поэме Пушкина «Цыгане» имела успех. За ней последовала симфоническая поэма «Утес». И снова добрые отклики критиков. И тогда начинающий композитор берется за создание Первой симфонии. Увы, последовал провал. Сейчас даже трудно сказать, в чем была его причина. Известный режиссер Гаук уже после кончины Рахманинова, в 1945 году смог восстановить по голосам это великое музыкальное произведение, и с тех пор оно исполняется с неизменным успехом. Но тогда, в 1898 году, Рахманинов страдал и даже подумывал

прекратить композиторскую деятельность, считая себя ее недостойным. Это было потрясение, которое грозило нервным срывом. Это были муки художника, который относился к своему творчеству строго, предъявляя себе высочайшие требования. Чеховская поддержка много значила еще и потому, что Рахманинов преклонялся перед Чеховым, был страстно влюблен в его творчество, читал его рассказы. Один из них, «На пути», произвел огромное впечатление, и, как сам признавался Рахманинов Чехову в дарственной надписи, стал одним из импульсов при написании симфонической поэмы «Утес». Магическим образом в творческой лаборатории Рахманинов переплавил чеховский рассказ и стихотворение Лермонтова, и возникла симфоническая поэма. Ноты «Утеса» и были посланы Чехову с дарственной надписью. Первая встреча не стала началом дружбы либо переписки. И это очень жаль, но почеловечески понятно: писатель и композитор были разного возраста, жили в разных городах. У каждого была своя жизнь, свои горести.

Пение ангелов и небо в алмазах.

А вот духовная связь, возникшая в Ялте, не прерывалась. И это не предположение автора. У нас есть прекрасное доказательство тому. Уверена, что среди наших читателей есть театралы, которым удалось на Родине посмотреть спектакли по пьесам Чехова. К сожалению, по телевизору увидеть классические чеховские постановки практически невозможно. Речь пойдет о пьесе Чехова «Дядя Ваня». Мы хорошо помним щемящую грусть, которую испытали, переживая с героями пьесы. Неплохие люди, они, как и все мы, хотели счастья. Но в невозможности его обвиняли не себя, а своих близких, хотя и призывал доктор Астров: «В чело-

веке все должно быть прекрасно…». Чехов справедливо говорил: «Я пишу жизнь». И ту обыкновенную, иногда, говоря словами Чехова довольно «серенькую» жизнь, драматург писал языком, который и сегодня, спустя десятилетия завораживает. Речь героев мелодична и напевна. И особенно это ощущается в последнем монологе Сони.

Рахманинов увидел спектакль «Дядя Ваня» в Петербурге, где роль Сони исполняла великая русская актриса Вера Комиссаржевская, которой он тогда был увлечен. Последние слова героини Комиссаржевской «Мы отдохнем…» - необыкновенно грустные и проникновенные, тронули сердце композитора так глубоко, что на слова монолога Сони он написал романс. Мне хочется привести слова этого монолога, чтобы читатели ощутили аромат прозы Чехова. Вы убедитесь, что хотя мало кто из нас этот романс слышал, о причине мы скажем ниже, выражения его прочно вошли в русский язык. Итак, Соня говорит: «Мы отдохнем… Бог сжалится над нами и мы увидим жизнь светлую и прекрасную….услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах…». Романс на слова Чехова вошел в антологию лучших русских романсов, его исполнял Иван Козловский. Но в годы соцреализма он, конечно, не мог часто звучать. Слова Сони исполнены верой в Создателя. Речь в монологе шла о той жизни, которая начинается по окончании бренного пути на земле, полной скорби, и о глубокой надежде и уповании на Господа.

На чужбине.

Чеховский камертон продолжал звучать в душе и творчестве Рахманинова и после отъезда композитора в вынужденную эмиграцию. Более того, личность Чехова открывается Рахманинову во всей полноте. Это происходит благодаря чтению. Композитор читает произведения любимого писателя, приступает к чтению его писем. И не может не поделиться с близкими своим волнением и радостью от прочитанного. В одном из писем (в 1933 г.) он пишет: «Кончаю чтение второго тома писем Чехова. Что за прелесть! Не оторвешься! Что за умный очаровательный человек! И как жалко, что узнал его по-настоящему только после смерти! Впрочем, это не исключение. Со многими покойниками так случается. Ценим, понимаем только после смерти, - только потерявши! И происходит это еще и потому, что хорошие люди себя скрывают. Одни дураки и подлецы наружу!». А в одной из бесед он так рассказал о своем увлеченном чтении писем Чехова: «Теперь я читаю его письма. Их шесть томов, я прочел четыре. И думаю: Как ужасно, что осталось только два! Когда они будут прочтены, он умрет, и мое общение с ним закончится». В то же время Рахманинов рыцарски защищает память любимого писателя. Когда в одном эмигрантском издании о Чехове была опубликована неуважительная статья, Рахманинов высказал свое нелицеприятное мнение об авторе, некоем Цетлине, и возвысил голос в защиту любимого писателя. Напротив, Ивана Бунина Рахманинов неустанно

побуждает написать книгу о Чехове. В том числе и благодаря этим советам Бунин написал свои воспоминания.

Любовь к Отчизне.

Ни Чехов, ни Рахманинов в своих высказываниях, письмах не декларировали любовь к России. Нет дифирамбов Отечеству и в произведениях Чехова. Но по тому, как нежно описывает Чехов родную природу, с какой любовью относится к человеку, самому маленькому и неудачливому, - без слов понятен Чехов–патриот. Рахманинов, оказавшись не по своей воле эмигрантом, тосковал по Родине. Эта тоска особенно обострилась, когда началась Великая Отечественная война. Находясь в США, композитор внимательно следит за событиями на фронте. И вновь чеховский пример стал важным камертоном в рахманиновской жизни и творчестве. Как-то, еще до войны Рахманинов написал о Чехове: «Какой человек! Совсем больной и такой бедный, а думал только о других. Он построил три школы, открыл в Таганроге библиотеку. Он помогал направо и налево, но больше всего был озабочен тем, чтобы держать это в тайне». Столь восхищавшая Рахманинова в Чехове бескорыстная помощь нуждающимся в огромной мере была свойственна и ему самому. И особенно это проявилось в военные годы, когда Рахманинов передавал значительные денежные суммы, которые он зарабатывал как гастролирующий пианист (заметим, хлеб очень трудный) в советское консульство для нужд фронта. За два года войны (Рахманинов скончался в 1943 году), он дал несколько сольных концертов, всю выручку от которых передал в Фонд Советской армии. «Верую в полную победу» - твердо заявлял композитор.

Миссия.

Прошли десятилетия, отцвели судьбы многих и многих людей. Две мировые войны, три русские революции окрасили в багровые тона двадцатый век. Но мы, наследники великой культуры, и через набатные годы слышим победные звуки Первого концерта Чайковского. Наши сердца откликаются на родные до боли мелодии Второго концерта Рахманинова. И лучшие из нас трудятся, чтобы вся Россия стала нашим садом, чтобы в человеке все стало прекрасным. Эти чеховские слова звучат как музыка.

Когда-то Рахманинов сказал: «Что такое музыка? Это то, что родится от сердца к сердцу. Это любовь». Любовь к Отечеству и великий талант определили миссию наших героев в истории мирового искусства и культуры, которую без колебаний можно назвать воспеванием России и русской души.

Новелла шестая.

Сад души.

Последний день рождения.

Это было зимой 1904 года. Московский художественный театр представлял столичной публике премьеру: новую пьесу Антона Чехова «Вишневый сад». Позади была очень сложная работа, все участники спектакля волновались. Больше всех переживал Чехов. Премьера была намечена на день его рождения, предполагалось, что после окончания спектакля пройдет чествование автора, тем более, что исполнялась четверть века его литературной деятельности. Чехов предвидел все эти юбилейные торжества и решил в театр не приезжать. Но успех спектакля к третьему акту был очевиден, за ним послали и привезли, смущенного и не очень довольного излишним, как ему казалось, вниманием. Чехов не любил юбилеи, и в центре внимания быть не любил. Но в этот раз пришлось выслушивать приветственные речи, принимать букеты и венки обожающих его поклонников. Об этом далеком вечере сохранилось несколько воспоминаний его участников. Подробно описали события вечера Константин Станиславский, постановщик «Вишневого сада», и Ольга Книппер, супруга Чехова, которая играла в спектакле роль Раневской. В воспоминаниях рассказывается, что, несмотря на искреннее восхищение аудитории, несмотря на успех спектакля, атмосфера вечера была

тревожной, говоря словами Ольги Книппер «не было ноты чистой радости в этот вечер». Причиной тому было состояние Чехова. Худой и болезненно-изможденный, писатель с трудом стоял на сцене. Кто-то из зала предложил ему присесть, но он отказался. «Очень внимательно, очень серьезно слушал Антон Павлович все приветствия… Казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь ни при чем, и лицо его освещалось мягкой лучистой улыбкой», - пишет супруга писателя. Чехов был очень болен. Туберкулез, который мучил его с 24 лет, прогрессировал. Приближался последний акт пьесы «Жизнь и творчество Чехова». Наверное, он знал, что это последний день его рождения.

Завещание Чехова.

Так стала пьеса «Вишневый сад» завещанием великого писателя потомкам. Завещанием, по которому нам досталось драгоценное наследие. Да вот вопрос: получили ли мы его? Более ста лет вновь и вновь ставят эту пьесу разные театры, пытаясь проникнуть в авторский замысел. Некоторые театры воссоздают первоначальную постановку МХАТа, другие переодевают героев в современные одежды, предлагая различные трактовки «Вишневого сада». Идет спектакль на сценах многих зарубежных театров. Проблемы, поднятые Чеховым, общечеловечны, поэтому творческое наследие писателя и драматурга столь востребовано в наши дни. И все же именно к нам, россиянам, обращены слова Чехова: «Вся Россия – наш сад», для нас цветет сад чеховской души. Какие мудрые, прекрасные и жгуче - современные слова! Они зовут к самоусовершенствованию каждого человека. Мое поколение воспитывалось в условиях определенных идеологических установок, когда чеховская

теория самоусовершенствования признавалась наивной. Считалось, что душой своей заниматься ни к чему, менять надо систему, безжалостно разрушая сложившийся столетиями порядок. А когда до основания будет разрушен старый мир, в «правильно» выстроенной системе о человеке позаботится государство. Да и само понятие души ставилось под большое сомнение. Грохот революций и войн двадцатого века заглушил тихий голос великого русского писателя, который деликатно, но настойчиво говорил, что прежде, чем разбираться с миром, обрати взор на себя, свои дела, помыслы. И если в запустении сад твоей души, в запустении будет все, что тебя окружает. Чеховский родник в 20 веке оказался под завалом мертвых догм и громких слов, которые звали на баррикады, звали к переделке мира, призывали к экспериментам над человеком и природой. Мировая революция, коммунизм, «новая общность советский народ», «кодекс строителя коммунизма», позднее звучали лозунги об ускорении и перестройке, гласности и демократизации - громкие слова и бесконечная риторика. А за ними жизнь миллионов людей, усилия, потраченные впустую. «Мы отстали, по крайней мере, лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношении к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо покаяться…». Эти слова так точны, кажется, про нас и день сегодняшний написано. А ведь процитированы строки из «Вишневого сада», которые написаны были в 1904 году. Какой суровой диагноз все нам поставлен, но он вовсе не безнадежен. Показаны в пьесе и пути исцеления. Поэтому с верой и надеждой мы повторяем слова Чехова: «Вся Россия - наш сад». Увидим ли мы его цветущим? Другими словами, увидим ли счастли-

вым наше Отечество? Помните, у Чехова: «Вот оно, счастье. Вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие». Но и нам увидеть очень хочется, а еще надо, чтобы хотелось работать для будущего России, тихо и сосредоточенно. И начинать придется с себя, а не с осуждения властей, системы, промахов других. Надо постараться вырастить вишневый сад своей души. Да что уж сад, хотя бы одно деревце, и попробовать собрать плоды. Если мы сможем отринуть ненависть и заполнить сердце любовью, если научимся не завидовать, но радоваться свершениям ближних, если в своей душе искореним безответственность и попробуем научиться перед своей совестью ответить за свое дело - это и будет наш скромный вклад в общее большое и важное дело – процветание Родины, которого мы все так желаем, но для которого работаем так мало. Возможности же для такой работы есть всегда, где бы русский человек ни жил, на каком поприще не трудился. В этом смысл завещания Чехова.

Уход.

Но вернемся в год 1904. Думающая Россия осмысливала новую пьесу Чехова, а страна стояла на пороге русско-японской войны, которая откроет чреду трагических событий, которые потрясут Россию, жизнь каждого ее гражданина. В жизни семьи Чеховых наступило очень трудное время. Болезнь Антона Павловича прогрессировала. И врачи в один голос советовали ехать в Германию, где тогда лечили туберкулез минеральными водами. Выбор был сделан в пользу маленького городка в Южной Германии, Баденвейлера. Для Чехова все это не было неожиданностью. Туберкулезом он болел с 24 лет, его брат Николай

умер от этой неизлечимой в чеховское время болезни. Об антибиотиках тогда не знали, больные туберкулезом были обречены, речь шла только о времени. Еще в 1901 году Антон Павлович написал завещание, в котором позаботился о близких. Важно, что помимо родных людей: матери, жены, сестры и братьев, в завещании упоминаются и крестьяне села Мелихово, которым писатель оставляет деньги на строительство дороги. Завершает он завещание словами «Помогайте бедным, берегите мать, живите мирно». Слова эти в комментариях не нуждаются. 5 июля 1904 года чета Чеховых приехала в Баденвейлер. Этот маленький уютный немецкий городок лежал на склоне горы и открывался прибывающим словно драгоценная акварель. Узенькие улочки, утопающие в зелени цветущих деревьев, сходились у крохотных площадей, причудливые домики, почти каждый с собственным именем, были украшены геранью, которая пышно цвела на подоконниках. Во всем опрятность, размеренность достойной жизни. В какой-тот момент показалось, что болезнь отступила. И Чехов пишет сестре, что здоровье входит в него пудами. Но увы…Трудно писать о трагизме ухода любого человека, а человека близкого и любимого труднее стократ. Чехов же для всех нас именно таким и является, бесконечно близким и родным. Поэтому услышим слова людей, которые были с писателем в его последние часы. Немецкий доктор Эрик Шверер, лечивший Чехова, вспоминал: «Он переносил свою тяжелую болезнь как герой. Со стоическим изумительным спокойствием ожидал он смерти. И все успокаивал меня, просил не волноваться. Был мил, деликатен, приветлив». Деликатен настолько, что когда в свою последнюю ночь почувствовал себя очень плохо, и первый раз в жизни попросил жену позвать доктора, то, объясняя ему

свое состояние, дабы облегчить коллеге его труды, сказал *по-немецки*: «Я умираю». Наступало 15 июля 1904 года… Вспоминает Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: «Пришел доктор, велел дать шампанского…Антон Павлович взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда. И страшную тишину ночи нарушала только как вихрь ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате».

…Хоронили Чехова в Москве 9 июля 1904 года.. Многотысячная толпа его читателей следовала за гробом. Чехова несли на руках через всю Москву, чтобы похоронить на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с отцом, Павлом Егоровичем. Печально звонили колокола монастырской звонницы, а люди пели слова великой нашей молитвы: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Писатель Короленко, шедший вместе со всеми, написал: «Смерть Чехова всколыхнула все то, что было чуткого в обществе, что любило красоту, лелеяло идеалы, тосковало по лучшим временам. Все, для чего Чехов был каким-то таинственным воплощением и красоты, и чудесной народной печали».

Было ли ведомо нашим соотечественникам на заре двадцатого века, что и через сто лет нас, их потомков, будет также печалить уход Чехова, и что он, это «таинственное

воплощение красоты» будет нам необходим также, если не более, чем им, еще не знавшим о грядущих революциях и войнах? Как необходимо нам сегодня чеховское слово и чеховская чуткость, его человечность и совестливость. Непримиримость к несправедливости и пошлости, бесхарактерности и праздности. А чеховская мечта о человеке, в котором «все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа и мысли», еще долго будет путеводной мечтой человечества, и чем дальше, тем ярче и зримей.

В Баденвейлере.

Совершенно очевидно, что в те далекие годы были подлинные поклонники Чехова, которые понимали значение его творчества в контексте мировой классической литературы. Именно им мы обязаны сооружением первого памятника русскому писателю в Европе, да и за пределами России. Памятник Чехову был поставлен в 1908 году (автор Николай Шлеффер) по инициативе Константина Сергеевича Станиславского. Памятник был торжественно открыт в присутствии вдовы Чехова, Станиславского, российских дипломатов и германских официальных лиц. Увы, вскоре началась Первая мировая война. Россия и Германия были противниками, о культурных связях пришлось забыть. Бронзовый памятник был отправлен на переплавку, уцелел лишь гранитный постамент для нужд военных непригодный. И кто бы поверил тогда, что пройдут годы, и станет маленький Баденвейлер главным европейским центром изучения и сохранения чеховского наследия? Кто бы мог представить, что в ратуше города под присмотром бургомистра Карла Энглера будет бережно храниться чеховский архив? И как можно было предположить, что в этом далеком от российских просторов городке расцветет

вишневый сад, посаженный горожанами в память о великом русском писателе?

Два народа – трагичное переплетение судеб.

Германия – страна моего детства. Детство было счастливым и безоблачным. Поэтому каждый приезд в эту страну желанен. Ведь это встреча с миром, который продолжает жить в душе: там молодые папа и мама, на Лейпцигской ярмарке сияет огнями карусель, на уроках музыки любимый учитель Эрнст Бауман играет и учит меня играть на старом рояле. Это были послевоенные пятидесятые. В нашем военном городке с утра раздавались военные команды, на плацу маршировали солдаты, а мальчишки играли в войну. В Доме офицеров по вечерам показывали фильмы о недавней войне. Наши и «фрицы» сражались, наши всегда побеждали. Настоящие фронтовики были не ветеранами, а молодыми мужчинами, нашими отцами. А немцы жили совсем близко, ведь часть стояла рядом с центром небольшого саксонского городка.

С немецкими детьми мы играли. Казалось, что фашизм - это другое, страшное, к нашим немецким друзьям, к их родителям, которые в советском военном городке работали,- отношения не имеющий. Как не мог иметь отношения к войне маленький уютный Альтенбург, стоящий на берегу озера и плывущие по его зеркальной поверхности лебеди… Трагедию нацизма, ее истоки еще предстоит осмыслить человечеству. Эта работа идет. Будучи историком, мне довелось изучать эту проблему, знакомиться со многими документами той страшной эпохи. И все-таки душой не могу понять: как немецкий народ, создавший великую культуру, стал пленником фашистской идеологии, инструментом осуществления бредовых планов фашистов. Об

этом мы много говорили с Эрнестом Рихтером, моим немецким другом. Мы познакомились на Кипре, у храма св. Лазаря. Оказалось, у нас много общих интересов, мы подружились, и теперь в каждый наш приезд в Германию непременно встречаемся. Будучи экономистом, Эрнест на курсах выучил русский язык. Причина интереса к языку – желание в подлиннике читать Чехова и Достоевского. В русскую литературу он влюблен. Чем больше Эрнст читал русскую классику, тем больше убеждался: несмотря на трагические изломы истории, русским и немцам суждено дружить. Это предопределено свыше. И если этот естественный ход развития наших отношений нарушался, последствия были катастрофические для обоих народов, прежде всего для немцев. «Мне кажется, Господь создал нас и поселил рядом, чтобы мы помогали и дополняли друг друга», - говорит Рихтер,- мы, немцы, рациональны, может быть слишком, собранны и рассудительны. Русские - эмоциональны и душевны. Мы - экономны, иногда скуповаты, а у русских широкая душа, вы щедры до безоглядности. Мы сдержаны в проявлении чувств, и кажемся вам холодными. Зато у русских чувств скрывать не принято. Наш рационализм и ваша сердечность,- какая прекрасная комбинация, или я не прав?!». Что сказать в ответ? Наши внуки уже не играют в «русских и фрицев», Россия и Германия строят добрые отношения на всех уровнях, и дай-то Бог, чтобы наши народы никогда больше не воевали друг с другом. Тем более, что нам есть на чем строить отношения, история которых уходит в глубину веков. И есть в истории этих отношений прекрасные страницы, некоторые из которых так мало известны нашим соотечественникам. «Чехов и Германия», - одна из них.

У памятника.

Мы стоим на склоне Замковой горы над южногерманским городком Баденвейлер. Белоснежная кромка гор, покрытых снегом, под неярким осенним небом так приятно контрастирует с еще зелеными полями. Охряные пятна буков делают окружающую картину нарядной. В долине, словно игрушечные, аккуратные крестьянские домики. Совсем недалеко Франция, до Эльзаса рукой подать. И Швейцария рядом. А на склоне горы памятник, бюст Чехова, на постаменте которого надпись: « А. Чехов умер в Баденвейлере в 1904 г». Подле памятника бронзовая плита. Читаем надпись на ней:

«Антон Чехов. 1860-1904 год. Здесь стоял в 1908 – 19018 гг. первый памятник русскому писателю. Музей Чехова в Южно-Сахалинске обеспечил создание 1992 году нового бюста Чехова, выполненного Владимиром Чеботаревым».

То, что памятник фон Шлейфера, был переплавлен во время первой мировой войны, я уже знала, в то время Германии нужны были пушки. А вот каким образом Баденвейлер оказался связан с Южно-Сахалинском, - мне было неизвестно. Ответ на вопрос мы нашли в музее Чехова, который здесь называют Чеховским Салоном.

Чеховский салон.

Находится музей на первом этаже курхауза, и его огромные окна-витрины привлекают посетителей. Гостей музея встречает точная копия портрета Чехова кисти Иосифа Браза из Третьяковской галереи. Это единственный прижизненный портрет писателя, который создавался по заказу П.Третьякова для его знаменитой Галереи. Удивительно, что Чехов, будучи необычайно скромным человеком, не только согласился на написание портрета, но дважды в

день позировал художнику. Впоследствии критики упрекали Браза, что портрет получился «слишком будничным». Но великий Бенуа уже тогда прозорливо заметил, что будущие поколения будут благодарны художнику. Так и вышло. Копию именно этого портрета заказали Рихард фон Вайнцзекер, тогдашний федеральный президент Германии и Михаил Горбачев. В 1988 году полотно было передано политиками в дар городу Баденвейлеру. Здесь бережно хранятся фотографии, письма, документы, посвященные Чехову. Из них мы узнаем, что небольшой городок в Южной Германии, начиная с 1904 года, развил особую, неповторимую культуру памяти о великом русском писателе и драматурге. Тогда же началась деятельность по сохранению наследия Чехова. Носила она порой очень трогательные формы. Так, в 1908 году Эрнст Глозер, владелец отеля «Зоммер», в котором скончался Чехов, по собственной инициативе повесил на балконе второго этажа памятную табличку, на которой было выбито «Здесь жил Антон Чехов июле 1904 года» и рядом был изображен овальный горельеф писателя. Балкон относится к номеру, который снимал Чехов, а памятная доска закреплена на наружной стене комнаты, где он провел последние дни. Во время Первой мировой войны Глозер вынужден был снять табличку, Германия вела войну с Россией, не самое подходящее было время привлекать внимание к германо-российским культурным связям. Табличка была спрятана до лучших времен. А в том, что они наступят, Глозер не сомневался. После окончания войны хозяин вновь повесил табличку на здание. Через несколько лет грянула Вторая мировая война. Власти предписали снять табличку, и вновь она была припрятана хозяевами отеля, но уже в мае 1945 года доска с именем Чехова вновь появилась на стене,

где благополучно висит до сегодняшнего дня, трогая сердца россиян, которые приезжают в Шварцвальд поклониться памяти великого земляка. Убеждаются они и в том, что имя Чехова дорого немцам. Что им импонирует в личности и творчестве Чехова? Мой друг Рихтер, не будучи специалистом по Чехову, считает, что в Чехове главное - исключительная порядочность, любовь к человеку и никакой идеологии, которой хватило с лихвой старшее поколение немцев. Наверное, это так. Не случайно, дни памяти Чехова в Баденвейлере стали проводить сразу после Второй мировой войны в 1954 году, несмотря на «холодную войну» между востоком и западом. Тогда же местная интеллигенция Баденвейлера стала собирать чеховский архив, помещая туда документы, касающиеся пребывания Чехова в Германии. Хайнц Зетцер, директор музея и известный исследователь Чехова (он возглавляет недавно созданное Немецкое общество Чехова), вспоминает, что у почитателей русского писателя было велико желание восстановить памятник Чехову. Тогда помешала международная обстановка: строительство берлинской стены, карибский кризис. И все же в 1963 году в память о Чехове в санаторном парке был установлен мемориальный камень с надписью: «Доброму человеку и врачу, великому писателю Антону П. Чехову» и даты рождения и смерти. На торжественное открытие этого памятного знака приехали советские дипломаты, что делало событие исключительно необычным. Чехов стал послом дружбы, проложив путь к налаживанию отношений между народами СССР и ФРГ. А в конце 70-х годов Советский Союз преподнес Баденвейлеру драгоценный дар: 50 широкоформатных картин и фотографий, которые ныне экспонируются в Чеховском Салоне. Проводятся в музее международные конференции, встречи с рос-

сийскими писателями. В последнее время активизировались связи с родным городом Чехова, Таганрогом. Недалеко от последнего пристанища Чехова под окнами отеля, где он жил, установлена скульптурная композиция «Чайка», выполненная художником А.Таратиновым, - дар Свердловской и Ростовской областей. Композиция была открыта 15 июля 2004 года в день столетия со дня смерти писателя. Все эти знаки внимания к Чехову на немецкой земле трогают душу.

Дар Сахалина.

Но самое большое впечатление произвел на меня рассказ о том, как на Замковой горе в Шварцвальде вновь появился памятник Чехову. В 1989 году немецкий профессор-славист, специалист по Чехову, Рольф-Дитер Клуге, находился в Москве на литературной конференции. А в это время в Баденвейлере его разыскивал один сахалинец. Это был горячий поклонник творчества Чехова, ныне покойный, Георгий Ильич Мироманов. Что же привело его в Германию, за 15 тысяч километров от родного Сахалина? Любовь к Чехову и желание, чтобы это чувство обрело материальные очертания в виде памятника писателю на немецкой земле, ставшей последним пристанищем Чехова. Не найдя профессора Клуге в Германии, Мироманов приехал в Москву, где в гостинице и произошла его встреча с немецким профессором. Из бесе-

ды Клуге узнал, что его посетитель председатель Сахалинского общества им. Чехова и директор чеховского музея в Южно-Сахалинске. А еще, что есть у Георгия Ивановича и его соратников заветная мечта: установить памятник Чехову в Баденвейлере. Причем сахалинцы были готовы памятник заказать на свои средства, а затем безвозмездно доставить его в Германию. Можно только представить изумление немецкого профессора, который видел, что наши соотечественники, живущие в те непростые 90-е годы очень небогато, проявляют такой высокий порыв. Четыре года ушло на воплощение мечты. Получив согласие немецкой стороны, сахалинцы взялись за дело. Памятник заказали сахалинскому скульптуру Владимиру Чеботареву. Изготовленный бюст, весом около двух тонн, на военном грузовике был доставлен в Баденвейлер. Немецкая исследовательница Барбара Шпенглер - Аксиопуолос пишет: «Когда октябрьским утром 1989 года в Баденвейлере появился русский военный грузовик с четырьмя утомленными от бессонной ночи небритыми мужчинами, тогдашний бургомистр Рудольф Бауэрт сразу понял, что это мог быть только Чехов с далекого Сахалина» Немцев тогда потрясли это выражение глубокой связи русской интеллигенции со своей литературой, преданность памяти. И вот над Рейнской долиной стоит бронзовый Чехов. Растут и хорошеют юные вишенки, которые посажены поклонниками писателя и символизируют вечный вишневый сад, который каждый хотел бы вырастить в своей душе. И за тридевять земель от России немецкий город хранит память о нашем соотечественнике. Достойный подарок к 150-летию со дня рождения писателя.

Известно, что Чехов юбилеи не любил, поэтому очень хочется, чтобы свою любовь к Чехову мы, его читатели, вы-

ражали не звонкими речами, не формальными мероприятиями. Давайте откроем его книги. Давайте читать Чехова. Он поможет нам в поисках смысла жизни, в понимании себя и душевного состояния близкого человека. А еще он научит любить, и творить. Превращая мир вокруг в цветущий сад, наш добрый человек и врач, в котором все было прекрасно…

Иллюстрации:

Семья Чеховых стр. 396

Портрет Антона Павловича Чехова стр. 397

Александр Павлович Чехов, старший брат писателя стр. 405

Антон Чехов с братом Николаем стр. 406

Михаил Чехов, брат писателя стр. 409

Мария Павловна Чехова стр. 411

Антон Павлович Чехов в 1890 г . стр. 423

Кабинет А. П. Чехова в Мелихове стр. 427

Чехов в Ялте в 1891 г. стр. 430

Лидия Мизинова, Мария Павловна и Антон Павлович Чеховы стр. 439

Ольга Книппер стр. 445

Антон Павлович Чехов с женой Ольгой Книппер – Чеховой стр. 447

Петр Ильич Чайковский стр. 451

Сергей Рахманинов за роялем стр. 458

Сергей Рахманинов в США стр. 462

Антон Павлович Чехов в 1904 г. (последнее фото) стр. 465

Могила Чехова на Новодевичьем кладбище стр. 470

Памятник Чехову работы В. Чеботарева стр. 477

Писатели советской поры

Плакат худ. Когоута

- Памяти Аркадия Гайдара

- Валентин Катаев: у времени в плену

- Мастер и его музы (Михаил Булгаков)

- На чужих берегах или мой робкий путь к Набокову

- Время и место Юрия Трифонова

- Живые и мертвые. Творчество

Константина Симонова

- Имя нежное Суок

- Певец волшебного острова

Памяти Аркадия Гайдара.

«Он был жизнерадостным и прямодушным как ребенок. Слова у него не расходились с делами, мысли с чувствами, жизнь – с поэзией. Он был автором и героем своих книг».

Самуил Маршак. «Воспоминания о Гайдаре».

Юность, опаленная войной.

Начиная работу над этим материалом, я спросила нескольких своих читателей, моих сверстников, 50-60 лет: «Что значит для вас Аркадий Гайдар?». Один ответил: «Гайдар в 14 лет полком командовал». Другой вспомнил про Тимура и его команду. А третий сказал: «Гайдар – это мы, или какими мы хотели быть». И этот ответ заставил задуматься. Всегда полезно вспомнить жизненный путь человека, биография и творчество которого повлияли на формирование миллионов людей, оказали плодотворное влияние на поколения наших соотечественников, на тех из нас, кто был рожден в Советском Союзе. Идеологические оковы, в которые были закованы его произведения, ныне отброшены, а книги остались. Они пережили много испытаний, их то печатали миллионными тиражами, то исключали из школьных программ, их экранизировали, а затем снимали с библиотечных полок, но гайдаровские герои выстояли и оказались востребованными и в 21 веке. Его литературное наследие - это, безусловно, памятник эпохи, но это и школа, в которой главным уроком является урок

любви к Родине, мужественности, самоотверженности, настоящей дружбы. В своих книгах Гайдар говорил о ценностях непреходящих, за эти ценности он, не колеблясь, отдал свою жизнь в 1941 году. Поэтому вновь и вновь мы будем обращаться к биографии и творчеству писателя и гражданина Аркадия Петровича Гайдара.

Внук крепостного и потомок Лермонтова.

Отец Аркадия Петровича Гайдара, Петр Исидорович Голиков, с детства мечтал стать педагогом. Для сына крепостного – мечта почти несбыточная. А он и был мечтателем, вынашивая фантастический по тем временам проект – обучить грамоте всех детей в России. Ценой немалых лишений Петр Голиков закончил учительскую семинарию. Позднее в доме Голиковых в Арзамасе на видном месте стояли четыре тома книги «Великая реформа». В них была изложена трагическая история российского крестьянства. Петр Исидорович хотел, чтобы старший сын, Аркадий, и дочери всегда помнили, откуда они ведут свой род. Дед будущего писателя по матери, Аркадий Геннадиевич Сальков, был потомственным дворянином. Мужчины в этой семье из поколения в поколение выбирали военную службу. В семье гордились тем, что Сальковы были в родстве с Лермонтовыми. (Мать Аркадия Гайдара, Наталия Аркадьевна, приходилась праправнучатой племянницей великому поэту). Когда она родилась, семья заметно бедствовала. Мать Наташи скоро умерла. В доме появилась мачеха. Родились новые дети. Нянчить их приходилось Наташе. Девушка окончила гимназию с золотой медалью. Это давало ей право на должность учителя младших классов. Оставаться нянькой и прислугой в доме, где она себя чувствовала чужой, Наташа не пожелала и ушла из семьи.

Вскоре Наташа познакомилась с Петром Голиковым. Он был старше на пять лет. Петр сделал Наташе предложение. Она его приняла. Девушке было 16 лет. У нее тоже была мечта - стать врачом. В 1904 году молодые супруги жили в Курской губернии в поселке при сахарозаводе под Льговом. Здесь и родился их первенец, Аркадий. Впоследствии Наталия Аркадьевна окончила акушерские курсы и работал фельдшером. В семье после рождения Аркадия появилось еще трое детей - его младшие сестры. Родители будущего писателя были увлечены революционными идеями и участвовали в революционных событиях 1905года. Опасаясь ареста, в 1909 году Голиковы оставили Льгов, с 1912 года жили в Арзамасе, который Аркадий Гайдар всегда называл своей родиной. Детство Аркадия, с его обычными мальчишескими делами - играми, первыми стихами, «морскими сраженьями» на пруду - совпало с Первой мировой войной и революцией.

Война.

В августе 1914 года его отца забрали в армию. Уже без отца Гайдар стал учеником Арзамасского реального училища. Мать Аркадия осталась одна с четырьмя детьми. В больнице, где она к этому времени работала, значительно прибавилось забот, сказалась война – в город прибывали раненые. На десятилетнего Аркадия легла дополнительная ответственность за порядок в доме, за сестренок. В письмах к отцу он всегда называл их не иначе, как «детишки». Учился Аркадий нельзя сказать, чтобы очень прилежно. Правда, чаще других получал пятерки по литературе, которую в их классе вел Николай Николаевич Соколов, его любимый учитель, выведенный им под прозвищем «Галка» на страницах «Школы». Очень любил Гайдар читать. В

1917 году на вопрос анкеты «Твое любимое занятие?» ответил коротко и исчерпывающе: «Книга». В списке любимых писателей на первом месте его кумир - Гоголь. И еще -Пушкин, Толстой, Гончаров, Писарев, Достоевский, Шекспир, МаркТвен. Аркадий очень скучал по отцу, писал ему письма и даже пытался убежать к нему на фронт. Правда, через четыре дня первоклассник Голиков был найден на станции возле Нижнего Новгорода и водворен домой. В письмах отцу, где Аркадий обращался к нему, как к равному, мальчик просил: «Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке». В письмах к отцу также проявлялась недетский интерес к военному делу, к политической обстановке на фронте: «Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, что говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?
2. Не подорвана ли у вас дисциплина?
3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы»...

Эти вопросы задавал мальчик, которому едва исполнилось 12 лет. Отец его в это время на фронте, вступает в партию большевиков. После Февральской революции избирается сначала комиссаром, потом становится командиром полка, затем комиссаром штаба дивизии. Всю гражданскую войну отец Гайдара провел на фронтах. Вступает в партию и мать писателя.

Почему Аркадий Голиков пришел к большевикам.

Еще раньше в партию большевиков заявление подал юный Аркадий. Он не был тихим и «книжным» мальчиком. Это

был высокий, сильный, широкоплечий подросток. Он был полон жажды деятельности, был решителен, смел, привык к самостоятельности, пользовался авторитетом у товарищей, уважением лучших преподавателей. К большевикам Аркадий приходит в 13 лет. Революционные взгляды родителей, обостренное чувство справедливости, которое родители прививали так, как они понимали его, и тяга к приключениям - все это стало причиной. « Стал он у нас вроде связного и разведчика, - вспоминает активная участница революционных событий в Арзамасе Я. И. Николаева, - ходил по городу, узнавал, где какой митинг. Потом... вызвался патрулировать улицы».

В августе 1918 года Аркадий подает заявление:

«В комитет партии коммунистов.

Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня тов. Гоппиус, Вавилов».

Решение Арзамасского комитета РКП(б) от 29 августа 1918 года: «Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания». В августе 1918 года Арзамас становится одним из важнейших военных центров революции. Здесь дислоцирован штаб Восточного фронта. Аркадий Голиков записывает:

«Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй – скоро к стрельбе...»

В декабре 1918-го, в возрасте 14 лет, Аркадий Голиков уходит в Красную Армию помощником командира взвода.

На Гражданской.

Будущий писатель участвовал в боях на разных фронтах Гражданской войны. Ему пришлось воевать и на Украине,

и на польском фронте, и на Кавказе. В четырнадцать с половиной лет он командовал на петлюровском фронте ротой курсантов, в 15 лет он был тяжело ранен в голову. И это ранение сделало его инвалидом. Однако молодой организм пытался справиться с недугом. В октябре 1920 года Аркадий направлен в Москву на курсы командного состава. В феврале 1921 досрочно окончил Высшую стрелковую школу по отделению командиров полков. В марте 1921, в возрасте 17 лет, он вступил в командование 23-м запасным стрелковым полком 2-й запасной стрелковой бригады Орловского военного округа, затем был назначен командиром батальона на фронте. Читаешь этот послужной список и думаешь: «Как это возможно было, ведь речь идет о подростке, которому исполнилось к моменту назначения командиром полка 17 лет! Как детская психика справлялась с ужасами кровавой войны?» А справлялась ли? Любая гражданская война страшна тем, что сражаются между собой люди, живущие в одной стране и говорящие на одном языке. Представьте себе совсем молодого человека, почти подростка, на страшной, братоубийственной войне. Он видел смерть и убивал сам. Что значит для нормального мальчика совершить убийство – читайте в повести «Школа». Нам добавить нечего. Один мой знакомый, умный современный подросток, высказался об этом периоде жизни писателя так: «Гайдару было 14 лет. И нечего на него ошибки взрослых сваливать».

В Хакассии.

В 1921 году Аркадий Голиков получил назначение в Сибирь, в Хакасию (юг Красноярского края). Здесь, на границе с Тувой, начальник 2-го боевого района Голиков боролся с крупным соединением Ивана Соловьева, местного

уроженца, белогвардейского урядника. В 1920 году красные его арестовали, но Соловьев сумел бежать из плена, вскоре сколотил группу белых «партизан», в который потом влились офицеры и солдаты колчаковского отряда полковника Олиферова (численность маленькой армии Соловьева достигала трехсот сабель, Гайдар возглавлял отряд из 126 бойцов). Соловьев хотел добиться отделения Хакасии от Советской России. Служба в Хакассии – самый противоречивый фрагмент биографии Аркадия Гайдара. Есть две точки зрения и каждая основана на документах и воспоминаниях очевидцев. Писатель Владимир Солоухин в книге «Соленое озеро» пишет о жестокостях Гайдара, который приказывал без суда и следствия расстреливать тех, кто поддерживал Соловьева, якобы их по приказу Гайдара рубили шашками, бросали в колодцы.

А вот известный гайдаровед Борис Камов в книге «Игра в наперсток. (Расследование одного литературного преступления)» считает, что злобные, циничные по форме и вымышленные по содержанию гипотезы о «кровавом прошлом» Аркадия Гайдара, запущенные в оборот писателем Владимиром Солоухиным, - это настоящее злодеяние. Солоухинские измышления, на его взгляд, - всего лишь выдуманная сенсация. Борис Камов, тщательно исследовавший военный период гайдаровской биографии, побывал в Хакасии, работал в местных архивах, и он уверяет: «Все здесь сплошной подлог и вымысел, подтасовка фактов», подтверждая это документально. Кому верить? Служба в Хакасии была чудовищным психологическим напряжением для 17-летнего командира. Неделями почти без сна, без связи с центром, он был предоставлен самому себе и вынужден был сам принимать решения, от которых зависели жизнь или смерть сотен людей. Резко ухудшилось здоро-

вье. Стали сказываться раны - ножевая и штыковая в грудь, осколочные в руку и ногу. Мучительные головные боли были следствием тяжелой контузии в 1919 году, ставшей причиной нервно- психического заболевания, мучившего Гайдара всю жизнь.

Уголовное дело и болезнь.

В 1922 году на командира Аркадии Голикова поступила жалоба, явившаяся основанием для возбуждения военным трибуналом дела на 184 страницах. Он был обвинен в том, что по его приказу были расстреляны четверо невиновных крестьян. Шла война. Белые расстреливали без разбора красных, а красные - белых. Кто победит, тот и будет прав. За нежелание отдавать нажитое добро повсеместно расстреливаются целые кулацкие семьи. Командарм Тухачевский травит в тамбовских лесах запрещенными во всем мире боевыми газами крестьянскую армию Антонова и получает за это ордена. А измотанного, поистине обезумевшего от перегрузок юношу, почти подростка, трибунал требует расстрелять. Спасает его командующий войсками, в которые входил и отряд Голикова, дав ему характеристику, как «неуравновешенного мальчишки». Учитывая его прошлые заслуги, молодость, преданность революции, Голикова увольняют в запас и исключают из партии на полгода. В партию он больше никогда не просился. Потом он уехал в Москву поступать в Академию Генштаба. И вот здесь обнаружилось, что болезнь его несовместима со службой в армии. Болезнь - следствие ранения в 1919 году. У него был обнаружен травматический невроз. Это не разрушение мозга, а периодическое нарушение кровоснабжения его клеток. Такие сбои способны приводить к кратковременным нарушениям поведения, но как только

снабжение кислородом восстанавливается, человек до следующего приступа абсолютно здоров. Психика и способности не страдают. Тем не менее, несколько раз Аркадий Гайдар находился на излечении в психиатрических клиниках. Гражданская война оставила тяжёлый след в жизни Гайдара. Приступы болезни часто не давали ему работать. Мучительные воспоминания об ужасах войны преследовали его. Но Гайдар был сильным, мужественным человеком. Страшная война научила его ценить и страстно любить жизнь. Этим ощущением будут наполнены его будущие книги.

Прощание с Красной армией.

Аркадия Гайдара был прирожденным военным. Он был самым молодым в Красной Армии командиром полка. Еще на командирских курсах преподаватели отмечали, что он обладает не просто способностями, но полководческим дарованием. Наверняка, он стал бы блестящим полководцем. Всю свою жизни Гайдар любил армию как символ романтики своей молодости, символ величия страны. Он и после увольнения продолжал внимательно изучать военные труды, во всех его книгах присутствуют военные, маневры, проходящие армейские эшелоны. Оставаясь верным взрастившей его эпохе Гражданской войны, Гайдар всегда ходил в полувоенной одежде, никогда не носил костюмов и галстуков. Осенью 1924 года он написал:

«Все прошло, но дымятся пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали,
Все ушли от Гайдара товарищи,
Дальше, дальше вперед ушли».

Недуг перечеркнул мечту об академии, о военном будущем. Аркадий Голиков пишет отчаянное письмо полководцу Михаилу Васильевичу Фрунзе, который в то время занимал пост, соответствующий сегодня должности министра обороны, с просьбой оставить его в Красной Армии. По состоянию здоровья это было невозможно. Но в письме Фрунзе почувствовал литературный дар его автора. И, по воспоминаниям Гайдара, посоветовал ему заняться литературной работой. Командарм не знал, что Гайдар уже начал писать повесть, посвященную событиям Гражданской войны. А по совету Фрунзе он начинает серьезно думать о литературном поприще. Вскоре появляется псевдоним – Аркадий Гайдар. Что значит это имя - Гайдар? Точно не знает никто. Сам Аркадий Петрович толкования не оставил. По одной версии, так когда-то монгольские конники называли всадника, скакавшего дозорным далеко впереди отряда. По другой – это первые буквы фразы «Голиков Аркадий из Арзамаса», составленной на французский лад: «Г.А-Й. д'Ар».

«Судьба барабанщика».

Гайдар очень серьезно относится к выбору своего нового поприща. Он считает, что путь к писательству лежит через журналистскую работу, ряд лет он работает в качестве журналиста в Сибири, на Дальнем Востоке. Осенью 1932 года Гайдар приезжает в Москву. Он начинает писать для детей. Он искренне верит в то, о чем пишет. Настоящий, успех пришёл к Аркадию Петровичу после публикации автобиографической повести «Школа» (1930). Далее последовали повести «Дальние страны» (1932), «Военная тайна» (1935), в которую вошла знаменитая сказка о Мальчише-Кибальчише. Казалось, творческая биография писа-

теля - успешна и безоблачна. Но это было далеко не так. Жил Гайдар в жестокое время. Тысячи людей по доносам арестовывались сталинским режимом, их расстреливали или заключали в лагеря. Дети арестованных, особенно подростки, оказывались в буквальном смысле выброшенными на улицу. Они сбивались в воровские шайки. Государство «принимало меры». Сталин лично подписал указ об уголовном преследовании детей от 12 лет вплоть до смертной казни. В повести «Судьба барабанщика» главным героем является как раз 12-летний мальчик, Сережа Щетинин. Отец мальчика был осужден — якобы за растрату. Оставшись один, Сережа сначала попадает в компанию мелких воров, а затем его используют настоящие враги, шпионы, которые работают на иностранную разведку. Но Сережа вовремя догадался, что это за люди, и когда они собрались бежать, он попытался остановить их с помощью отцовского маузера. В больницу, где лечат Сережу, приезжает его несправедливо обвиненный и освобожденный отец. Таков счастливый конец повести. Но в повести прослеживался и второй, как бы потайной сюжет. История злоключений Сережи перебивалась воспоминаниями мальчика о его героическом отце, когда тот еще был на свободе. Из коротких лирических эпизодов Гайдар выстраивал картину жестокого времени. «Прощай, - мысленно говорил Сережа отцу после вынесения приговора, - сейчас мне двенадцать, через пять лет будет семнадцать. И в мальчишеские годы мы с тобой больше не встретимся». Даже в таком, замаскированном виде, повесть представляла опасность для автора, но угроза ареста не остановила Аркадия Петровича. Начало повести было опубликовано в газете «Пионерская правда». В тот же день отрывок был прочитан по Всесоюзному радио. Малограмотным цензо-

рам не удалось уловить потайной смысл этой чудесной повести. А взрослые рвали газету из рук детей и плакали, слушая повесть по радио. Люди надеялись, верили, что «Судьба барабанщика» несет с собою ветер перемен. Однако в следующем номере «Пионерки» продолжение не появилось. Набор был рассыпан, потому что был написан донос в НКВД, порочащий писателя. Прекращение печатания какой-либо вещи, да еще в газете, в те времена означало одно: арест автора и тех, кто допустил появление «враждебной повести» на страницах «большевистской печати». Ожидался грандиозный судебный процесс. Была дана соответствующая команда. Книги Гайдара стали сгребать с библиотечных полок, их жгли, подобно мюнхенским «штурмовикам», когда Гитлер пришел к власти. Однако шабаш кончился, едва начавшись. Произошло следующее. Газета «Известия» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором известные писатели награждались орденами. Среди награжденных оказался и Гайдар. Список визировал сам Сталин еще до опубликования повести. Как-то просмотрели. Детгиз тут же предложил Аркадию Петровичу заново напечатать все его книги взамен «ошибочно сожженных». И писатель включает в новую книгу повесть «Судьба барабанщика». Писатель Рувим Фраерман, узнав об этом, даже закричал: «Сумасшедший! Ты ведь чудом остался жив! И ты что, снова хочешь положить голову на плаху?». На что Гайдар, улыбаясь, ответил: «Должен же кто-нибудь заступиться хотя бы за детей?».

Тимур и его команда.

Уникальным произведением стала повесть Гайдара «Тимур и его команда», написанная в 1940 году. Ни одно другое произведение в мировой литературе не вызвало такого масштабного детского движения, каким стала тимуровская работа. В Европе уже шла война с фашистами. Через год гитлеровские полчища вторглись в нашу страну. Упали первые бомбы, прогремели первые выстрелы. Наступило трудное, горькое, героическое время. Встал вопрос: что же должен делать каждый человек? Вопрос этот волновал не только взрослых, но и детей. Повесть о Тимуре и помогла найти детям ответ на этот вопрос. Светлая романтическая повесть Гайдара стала праздником для юных читателей. Миллионы мальчишек хотели подражать Тимуру, миллионы девочек – Жене. В этой книге показана игра, которая сливается с жизнью, из обычного развлечения превращается в полезное дело. Подростки из дачного поселка, вроде играя, тайно от взрослых, создали свою команду, оборудовали в старом заброшенном сарае штаб, придумали систему сигнализации, вели разведку, издавали свои приказы и т.д. Вместе с тем, все эти игровые действия совершались не ради забавы, а для того, чтобы в нужную минуту прийти людям на помощь. Команда тимуровцев придумала увлекательную форму помощи Красной Армии. Командир команды Тимур со своими сверстниками окружил тайно заботой тех, кого оставили отцы и братья, ушедшие в армию.

Ребята отмечали дворы этих людей красной звездой. Был у ребят и чудесный лозунг: «Сделай что-нибудь хорошее».

Шаг в бессмертье.

По состоянию здоровья Гайдар не мог быть призван в армию. Но когда фашистская Германия напала на нашу страну, он сделал все, чтобы оказаться на фронте. Он ушел на войну корреспондентом «Комсомольской правды». Его не брали в регулярную армию, он стал партизаном. Он погиб, выручая товарищей. Это случилось 26 октября 1941 в бою под деревней Леплява, когда маленькая группа партизан, возвращаясь с боевого задания, наткнулась на эсэсовскую засаду. Похоронен Гайдар на высоком берегу Днепра в Каневе. Самуил Маршак написал:

«Погиб он в роще под Леплявою,
Как партизан, в тылу врагов,
И, осененный вечной славою,
Спит у Днепровских берегов».

Нужны ли нам и нашим детям книги Гайдара сегодня? На этот вопрос я попросила ответить своих коллег, учителей русской литературы. Вот, что они ответили: «Книги Гайдара – неотъемлемая часть русской литературы. В них поднимаются вечные темы, с которыми автор обращается к современным читателям и будущим. Они учат детей быть добрее, внимательнее к людям. Честности, порядочности, обязательности, уважению к людям. В них есть то, что хоть и забыто, но не отсутствует в человеке, в ребенке. Книги Гайдара возвращают в жизнь такие нравственные понятия, как милосердие, благородство, великодушие. Они учат детей видеть границу между добром и злом, дружбой

и предательством, верностью дружбе и эгоизмом. Учат ответственности, умению в трудную минуту прийти на помощь». Это говорят учителя, прислушаемся к их мнению и вместе с детьми откроем книгу Аркадия Гайдара.

Валентин Катаев: у времени в плену.

«Сколько бы ни смотреть на море - оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное Оно меняется на глазах каждый час. То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг темно-индиговым, шерстяным, точно его гладят против ворса. То налетает буря, и оно грозно преображается… Штормовой ветер гонит крупную зыбь. Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов»

(Валентин Катаев).

«Катаев заряжает и заражает своей жизненной силой, неуемной жаждой жизни, чьи краски он жадно впитывал, а потом выплёскивал на бумагу.. Катаев — это приключение красок. Вечная весна в искусстве»

(Сергей Шаргунов)

Приглашение к разговору.

Приближается юбилей Валентина Катаева. Перечитываю с детства любимые повести, уверена, что в новой России появились новые исследования, опубликованы интересные воспоминания о любимом писателе. Знакомлюсь с некоторыми из них. И… переживаю настоящий шок: в воспоми-

наниях мною столь уважаемой Лидии Корнеевной Чуковской Катаев назван талантливым мертвецом, Борис Шкловский называет писателя подлецом и завистником, Давид Самойлов пишет, что в катаевской прозе все в порядке, только «внутри всего этого подохла мышь». Удивились? А теперь вернитесь, пожалуйста, к эпиграфу, прочтите и ощутите свежесть морского бриза, полюбуйтесь морской синевой и согласитесь: такие звенящие слова не мог написать завистник и подлец. Но есть и радостные открытия: интересные исследования о творчестве Катаева, новая книга о нем в серии ЖЗЛ…

Я предлагаю поговорить о писателе, книги которого очень любила в детстве и юности. А, перечитав в зрелые годы, не только не разочаровалась в творчестве Катаева, но, позволю себе смелость сказать, в контексте недавно опубликованных мемуаров и исследований, поняла его и глубже, и острее. Автор надеется, что наши читатели после прочтения очерка взглянут на создателя известных произведений: сказки «Цветик – семицветик», поэмы «Сын полка», повести «Кондуит и Швамбрания», романа «Время, вперед», эпопеи «Волны Черного моря», чудесного творения «Алмазный мой венец», - и с вниманием, и с сочувствием, и с интересом. А значит, книги Катаева будут открыты и прочитаны.

Листая альбом старинных фотографий.

Такого альбома в моем распоряжении, конечно, нет. Но фонд «Русский мир» опубликовал ряд старинных фотографий на своем сайте. И я предлагаю вам их рассмотреть. Са-

мая трогательная – это фотография двух мальчиков-гимназистов Вали и Жени Катаевых. Сделана фотография в Одессе накануне Первой мировой войны. Мальчики - в форменных мундирчиках, аккуратно подстрижены, имеют ухоженный вид, и при этом у обоих невероятно грустные-глаза. Эта фотография - рассказ о детстве, в котором была тяжелейшая утрата - смерть горячо любимой матери. Вале было шесть лет, когда мамы не стало, брат Женечка только родился. Их отец был преподавателем в гимназии, человеком высоких нравственных устоев. Прекрасно образованный, он прививал своим сыновьям любовь к литературе. Его труды увенчались великолепным результатом: он вырастил для российской литературы двух великих писателей: Валентина Катаева и Евгения Петрова (одного из авторов романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Петров – псевдоним Евгения Катаева). Итак, мальчики были присмотрены, одеты, накормлены – но Вале очень не хватало мамы. Впоследствии супруга Катаева Эстер Давыдовна рассказывала, что Катаев, будучи уже зрелым мужчиной, иногда запирался у себя в комнате и плакал. Объяснял так: «Я вспомнил маму». Детство будущего писателя проходило в городе Одесса. Любимый солнечный город станет одним из главных героев его творчества. В девять лет Валентин поступил в гимназию. Мальчик не отличался примерным поведением и прилежанием. Был даже второгодником, слонялся по одесским улицам, попадал в передряги, которые потом блестяще описал в своих книгах. Валентин рано начал писать стихи, относил их в редакции многочисленных одесских газет, где их охотно принимали и печатали.

Уроки Ивана Бунина.

В 1914 году произошло важнейшее событие в жизни Валентина Катаева: он познакомился с Иваном Буниным, который говорил юноше: «Вам, конечно, хочется как можно скорее узнать от меня все тайны творчества. Не знаю, в состоянии ли я вам в этом помочь. Однако запомните следующее. Во-первых — и это самое главное, — нужно преодолеть в себе отвращение к листу чистой бумаги, которое испытывает почти каждый настоящий писатель, и писать каждый день, регулярно, не дожидаясь вдохновения, настроения и тому подобного, писать — как ходить на службу… или в гимназию». Творчество Бунина Катаев обожал. Он хотел научиться у Бунина не только мастерству. Катаеву импонировал сам облик Бунина, его манеры, его внешность. И, конечно, его известность. Вот всему этому, а не только литературному ремеслу, и хотел юный Катаев научиться у зрелого Бунина. Стихи юного одессита показались Бунину интересными, Катаев стал ходить к Бунину в гости, чтобы, затаив дыхание, слушать суждения Мастера, говорить о стихах. Увы, встречи эти, подробно описанные в «Траве забвения», закончились довольно скоро: началась Первая мировая, и встревоженный Бунин покинул Одессу…

Подпоручик Катаев.

А вот еще одна фотография из нашего альбома. Она сделана в 1915 году. На ней мы видим молодого красивого подпоручика Валентина Катаева. Дело в том, что в том году, не окончив гимназии, юноша пошел добровольцем на фронт, был дважды ранен, отравлен газами. Катаев оказался смелым и выносливым бойцом, он был награжден Георгиевским крестом за мужество, шашкой «За храбрость».

На фронте он выступал с корреспонденциями и очерками об «окопной» жизни солдат, полными сочувствия к рядовому человеку на войне. В 1917 году фронт разваливался, Валентин, отравленный газами, с раной в бедре вернулся в Одессу. Воевать ему хотелось меньше всего, молодому человеку хотелось счастья, любви, творчества. Но время, в которое ему выпало жить и взрослеть, было, как писал Маяковский, «для веселья мало оборудовано».

«Зеленая лампа»

Есть и еще одна фотография, на этот раз 1919-го года. Она запечатлела счастливого Катаева. Ее предыстория такова. С 1917 по 1920 год Одесса четырнадцать раз (!) переходила из рук в руки. Исследователь творчества Катаева Ирина Лукьянова так описывает этот период в жизни Катаева: «В Одессе то еврейский погром, то изъятие оружия у населения, то мобилизация. Советская власть накатила ненадолго и откатила; весь 1918-й год в городе было затишье. Одесса, оказавшаяся под властью гетмана Скоропадского, заключившего союз с австро-германцами, стала центром русской эмиграции – последним пунктом перед Константинополем, Берлином, Парижем. Сюда приехали многие деятели русской культуры, в том числе и Алексей Толстой». Но главное счастье для Катаева – приезд Бунина. Катаев встречается с писателем, делится самым сокровенным. Бунин строго критикует творчество молодого литератора, но не отвергает. Катаев счастлив быть кем угодно при любимом писателе: оруженосцем, пажом, а главное - учеником. Он пробует себя в прозе и читает Бунину свои рассказы. Творческая жизнь Катаева богата на события и обретения. Фотография 1919 года нам много расскажет о душевном состоянии писателя в то время. На фотографии мы видим

двух друзей-поэтов: Валентина Катаева и Эдуарда Багрицкого. Видно, что молодые люди счастливы. И это объяснимо. В 1918 году у Катаева появились друзья и единомышленники. Молодые литераторы Одессы основали общество «Зеленая лампа», членами которого стали друзья-одесситы, знакомые с детства: Юрий Олеша, Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий. Члены «Зеленой лампы» выступали с публичными чтениями, билеты на которые разлетались стремительно, и устраивали закрытые встречи, где стихи читали только друг другу – и нещадно друг друга критиковали. Именно это время – странную паузу между войнами, полную стихов, любви, дружеских вечеринок, – Катаев всю жизнь вспоминал как время самого большого счастья.

«Ангел смерти».

Между тем, вал Гражданской войны приближался. Весной 1919 года в Одессу вошла Добровольческая армия белых, Катаев был мобилизован в ее ряды, а третьего апреля в город вошли красные. Некоторое время Катаев прятался, потом Катаев и Багрицкий устроились на работу в Бюро печати. Они писали агитационные материалы, работали за кусок хлеба, не разделяя политических взглядов, не задумываясь о них. Главное – выжили. А вскоре вновь Катаева постигла мобилизация в армию, на этот раз в Красную. И сразу в бой, но у станции Лозовая красных разбили, Катаев скрывается в Полтаве, затем мы видим его на бронепоезде «Новороссия», в составе Белой армии. После трех месяцев боев он заболевает тифом. Катаев бредил, когда его привезли в одесский госпиталь. Когда пришел в себя, то узнал, что белые оставили Одессу, бросив своих раненых на расправу красноармейцам. Вскоре Катаев, как участник

белого движения, был арестован ВЧК. Полгода Катаев просидел в одесской тюрьме, за стенами которой расстреливали людей целыми партиями. И его ожидал неминуемый расстрел, но кто-то подтвердил, что Катаев – далекий от политики человек, известный одесский поэт и случилось чудо: его отпустили. Он всю жизнь хотел написать книгу «Ангел смерти» о событиях Гражданской войны, участником которой ему пришлось стать против воли. Написал уже в старости другую – «Уже написан Вертер». «А в наши дни и воздух пахнет смертью», – говорило заглавие каждому, кто помнил цитату из Пастернака. Чтение этой книги и сейчас вызывает гневный протест против гражданской войны, глубокую боль за те страшные страницы нашей общей истории, когда брат убивал брата, когда каждая пуля пронзала сердце России.

Четвертая полоса «Гудка».

Осенью 1920 года Валентин Катаев снова поступил на работу в телеграфное агентство. Трудно было придти в себя после шести месяцев тюрьмы, эхо выстрелов одесского ВЧК звучало в душе. Но молодость брала свое. Следующие точки в пунктире судьбы Катаева - это Харьков и Москва. Хотелось быть подальше от Одессы, подальше от горьких воспоминаний. В Одессе не только осталась тюрьма ЧК, но и могила отца, который умер от голода в Гражданскую войну. Работа в телеграфном агентстве привела его сначала в Харьков, туда агентство было переведено, а затем удалось попасть на работу в Москву, куда он поехал вслед за своим начальником Владимиром Нарбутом. В Москву он помог перебраться и брату Евгению, и Юрию Олеше, и Илье Ильфу. Все молодые, талантливые, с чувством юмора. Сам Бог им велел работать в журнали-

стике. Начинается работа в газете транспортников «Гудок». Они читали письма с мест, юмористически их обрабатывали, на четвертой полосе «Гудка» появлялись фельетоны, газета пользовалась огромным успехом. А быт был устроен весьма аскетически. Впрочем, тот, кто читал роман «Двенадцать стульев», имеет представление о том, как жили наши соотечественники на рубеже двадцатых-тридцатых годов. Кстати, идею романа подсказал брату Евгению и другу Ильфу Валентин Катаев.

Квадратура круга.

Квадратура круга – это одна из самых неразрешимых математических задач: построить квадрат, равный по площади данному кругу при помощи линейки и циркуля. А еще это название веселого водевиля, который написал Катаев в те годы. Надо сказать, что пьеса идет и до сегодняшнего дня в десятках российских театров. Но о другой квадратуре хотелось бы поговорить. Мне кажется, что Катаев свою квадратуру круга нашел, ибо абсолютно необъяснимым образом, внешне совершенно безболезненно, он преодолел трагичный период для большинства литераторов Советской России - конец двадцатых - начало тридцатых годов. Он впоследствии шутил, что все из-за того, что он родился с двумя макушками. В самом деле, фельетоны Катаева публиковались в газетах «Труд», «Гудок». Его повесть «Растратчики» (1925) была замечена не только читателями, но и критиками. Через несколько лет эту повесть успешно инсценировали на сцене МХАТа. Вскоре он написал еще одну успешную работу – ту самую комедию «Квадратура круга» (1928). Катаев писал о сельскохозяйственной коммуне, затем о Днепрострое. Наконец, отправился на Магнитку. И вот написан роман, в названии которого звучит клич Маяковского - «Время, вперед!».

«Лишь бы не рассердить начальство»?

Вглядимся в еще одну фотографию из нашего воображаемого альбома. Вальяжный красавец писатель Валентин Катаев непринужденно раскинулся в глубоком удобном кресле. Красивой волной на высокий лоб легла прядь волос. На нем – дорогой костюм. В картинно опущенной руке сигарета. На столе - рукопись. Задумчивый взгляд, полуулыбка. Перед нами удачливый писатель в минуту раздумья. О чем? О судьбах Советской России? О строительстве социализма?

Ему было позволено бывать заграницей, он посещал Горького в Италии. Его книги издавались огромными тиражами. Он получил квартиру в писательском доме, обставил ее мебелью модерн, над чем иронизировала Надежда Мандельштам. Он женился на Эстер Давыдовне, красавице совершенно голливудского типа, у него родилась дочь. Надежда Мандельштам писала о Катаеве 30-х: «Катаев, тоже умудренный ранним опытом, уже давно повторял: «Не хочу неприятностей... Лишь бы не рассердить начальство...». Между тем, не все могли неприятностей избежать. Одних уже не было, другие были далече… Его друга Бабеля арестовали, был репрессирован Мандельштам, Булгаков писал в стол, невыносимо страдая от этого. В одних мемуарах я прочитала о Катаеве, что в то страшное время «он был молод, красив, силен, богат, талантлив, счастлив». Так ли это? В своем стихотворении той поры он написал:

Уже давно, не год, не два
Моя душа полужива…
И невозможно быть живым,
И трудно мертвым притворяться.

Не забудем, что был наш герой белым офицером, что для 30-х годов было вполне достаточно, чтобы оказаться в сталинском застенке и окончить свои земные дни на полигоне Бутово. Притворяться было трудно, за репрессированных друзей нестерпимо болела душа. Есть свидетельства, что он помогал семьям арестованных, он хлопотал за репрессированных. Он заступался за кого мог – так, что его друг Фадеев, бесконечно ценивший литературный дар Катаева, кричал на него: «Не смей никого к себе пускать, не смей писать Сталину, я больше не могу за тебя заступаться». Но, не будем кривить душой, он делал все для того, чтобы сохранить себя и свою семью. Борцом с режимом он, конечно, не был. Но не будем спешить бросать камень в Валентина Катаева, Сергея Михалкова и Александра Фадеева. Как бы мы с вами повели себя в ту трагичную годину, оказавшись пленниками времени сурового, трагичного и часто так не справедливого? Бог весть.

«Белеет парус одинокий»

Катаев – выдающийся русский писатель, он не нуждается в оправдании, тем более, что его оправданием стали его книги. Тактика, которую использовал Катаев дабы выжить, была гениальна: он уходит в детскую литературу. Так поступали Чуковский и Михалков, а Пришвин стал писать о природе. Поскольку Катаев был талантливейшим писателем, то и для детей он написал так, что стал классиком русской литера туры. Этой книгой стала любимейшая книга детворы многих поколений – «Белеет парус одинокий». Почему мы так любим эту книгу, читаем ее вместе с детьми и внуками? Думается, вовсе не потому, что она о революции и о броненосце «Потемкин». Нет, она о детстве, море и счастье. Автор смог рассказать о том, что беско-

нечно любил, и книга получилась прекрасной. В повести рассказывается о дружбе и приключениях двух мальчишек – гимназиста Пети и рыбацкого сына Гаврика, живущих в приморском городе Одессе. Их дружба развивается на фоне событий революции 1905 года. Повесть «Белеет парус одинокий» вышла в 1936 году; и множество читателей, детей и взрослых, радовались с тех пор встрече с двумя маленькими обитателями яркого и шумного черноморского города Одессы. Петя и Гаврик с чисто мальчишеским увлечением и радостью воспринимают окружающую их природу – гул прибоя и скромную музыку степных сверчков, залитые солнцем пространства и таинственные провалы глубоких колодцев. Самые, казалось бы, простые вещи делаются для них источником всевозможных затей, радостей и проказ, будь то ночевка на морском берегу или новая гимназическая фуражка Пети. Но потом приходят дни тревог и испытаний, дни революции. Цель моя – привлечь внимание читателей к творчеству Катаева, поэтому не будем здесь пересказывать повесть. Пожалуйста, прочтите ее с детьми, и только потом посмотрите фильм. Ведь только чтение даст возможность познакомиться с чудесной прозой Катаева.

Амплитуда судьбы.

Что было дальше? В период Отечественной войны Катаев работал военным корреспондентом для газет «Правда», «Красная звезда». Именно в этот период появились рассказы «Флаг», «Третий танк», повесть «Сын полка». С 1955 года В. П. Катаев был главным редактором вновь созданного журнала «Юность». Умер писатель 12 апреля 1986 года в Москве. Последней его книгой был сборник мемуаров «Сухой лиман» (1986). Пять строчек, чуть больше, чем

черточка между датами рождения и смерти. А писатель прожил почти девяносто лет. Верно пишет исследователь его творчества Сергей Шергунов: «Катаев — это амплитуда судьбы от Николая II до Горбачёва, движение от тёмного расстрельного подвала одесской ЧК до ярко сияющего кремлёвского зала, где ему вешали золотую звезду Героя Социалистического Труда. Это и Деникин, и Троцкий, и Есенин, и Маяковский, и Сталин, и Хрущёв, и Евтушенко. Линия катаевской судьбы пересекалась с крупнейшими сущностными событиями XX века». Говоря о судьбе Катаева, другой замечательный российский писатель Захар Прилепин отмечает: «Пресловутый катаевский цинизм таковым не был, но, напротив, в его поведении, в его вживаемости и выживаемости просматриваются куда более важные вещи: чувство сопричастности бытию своего народа, последовательный отказ эмигрировать, и безусловная, природная, неотменяемая преданность Отечеству».

«Погоня за вечной весной».

Об катаевской судьбе написал Сергей Шергунов в своей новой книге «Погоня за вечной весной», которая только что вышла в издательстве «Молодая гвардия». В книге представлена первая подробная биография Валентина Петровича Катаева. К сожалению, мне пока не удалось ее прочитать. Однако, читавшие новую книгу Шергунова говорят, что книга лишена идеологической предвзятости. Писателю Сергею Шергунову, опиравшемуся на воспоминания, архивные документы, мемуарную и биографическую литературу, блестяще удалось воссоздать непростую, отчасти таинственную, тесно сплетенную с литературным творчеством жизнь Валентина Катаева - сложного

и противоречивого человека, глубоко вовлеченного в исторические события XX века. Много ранее неизвестных фактов узнают читатели книги. Так, Шергунов нашел документы, свидетельствующие, что писатель происходил из старинного священнического рода, среди его близких родственников были архиепископы - новомученики. Интересен психологический анализ характера Катаева, в котором автор рассматривает его творчество в годы Великой Отечественной войны через призму взглядов писателя-патриота, офицера, героя Первой мировой войны. (Мне довелось прочитать отрывок из книги, посвященный этой теме).

Мое бессмертие – любовь.

Давайте прочтем книгу-исследование, а самое главное – давайте вновь прочтем (а кто-то впервые) его светлые и мудрые книги. В одном из интервью Сергей Шергунов замечательно сказал: «Катаев заряжает и заражает своей жизненной силой, неуемной жаждой жизни, чьи краски он жадно впитывал, а потом выплёскивал на бумагу. Катаев - это приключение красок. Вечная весна в искусстве». Читая Катаева, вглядимся в прошлое нашего Отечества и советское в том числе. Вглядимся, чтобы ощутить свою сопричастность с творчеством одного из лучших советских писателей, великой отечественной литературой. Завершить свой очерк хочется поэтическими строками Катаева:

«Я знал, я чувствовал, что поздно или рано
Вернусь как блудный сын и сяду у платана
На каменной скамье — непризнанный поэт, —
Вдыхая аромат цветущего бурьяна,

До слез знакомый с детских лет.
Ну вот и жизнь прошла. Не весело, конечно!
Но в вечность я смотрю спокойно и беспечно.
Замкнулся синий круг. Все повторилось вновь:
Все это было встарь, все это будет вечно.
Мое бессмертие — любовь».

Мастер и его музы
(Михаил Булгаков).

Исполнилось 125 лет со дня рождения Михаила Булгакова. Дата не круглая, значительных официальных мероприятий не проводилось. Однако, стоит набрать в Интернете имя Булгакова, как поток новостей весенним ливнем обрушится на вас: выставки и концерты, экскурсии и литературные вечера, публикации и передачи ко дню рождения любимого многими писателя… Страна переживает не лучшие времена. Но ни экономический кризис, ни громкие политические новости не затмили булгаковские дни. Есть некая магия в имени Мастера, есть притягательно-опасное очарование его мира. Наконец, есть его литературные произведения, и есть Роман. Многослойный, как жизнь. Над страницами этого романа можно спорить до хрипоты и смеяться до слез, можно горько плакать и светло грустить. А Мастер, он сделал свое дело, завершил свой земной труд и ушел, оставив нас отвергать его творчество или безоговорочно принимать, заучивая наизусть:
«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Дети серебряного века.
Писать о Булгакове – дерзость неимоверная. Думается, известный филолог Мариэтта Чудакова все о писателе рас-

сказала, все проблемы его творчества исследовала. Автор не разделяет политических взглядов Мариэтты Чудаковой, но ее книгами о Булгакове всегда восхищалась. Мне остается приоткрыть некоторые малоизвестные страницы биографии писателя и рассказать о музах Мастера. В романе «Мастер и Маргарита» есть такие строки: «Мы теперь все время будем вместе. Как вспомнят тебя, так немедленно помянут и меня». Когда рассказывают о Булгакове, из трех булгаковских муз поминают обычно только одну, Елену Сергеевну. Она осталась в памяти читателей Булгакова Маргаритой, преданно любившей своего Мастера. Но были еще две женщины: Татьяна Лаппа и Любовь Белозерская. Итак, три музы, три неординарные женщины, чья юность пришлась на серебряный век. Серебряные струны оборвало безжалостное время, нашим героиням довелось пережить много страданий, линии их судеб прошли по городам и весям, немало было мытарств, немало бедствий. Но у каждой в жизни была встреча с Мастером, каждая какой-то срок была Музой. И это делает их судьбы интересными для нас.

Она звалась Татьяной.

Серебряный век – это утонченность художественного вкуса, раскрепощенность нравов, поэзия Северянина и Блока, которая в тот период дышала духами и туманами. Тася Лаппа, саратовская гимназистка, мечтала о роковой любви, тайных встречах и упоительных лобзаниях. Герой для пылкого романа повстречался девушке в Киеве, куда она приехала погостить к своей тете. Это

было летом 1908 года. Молодые люди полюбили друг друга, но родители возражали против столь раннего брака. Будущий писатель грозился застрелиться. В общем, сценарий серебряного века. 30 марта 1913 года мать Булгакова писала его сестре Наде в Москву: «Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня… В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и с разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к отцу Александру (священнику – прим. авт.), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что «Бог устроит все к лучшему»… Ещё до брака Татьяна забеременела и сделала аборт. У детей серебряного века были свои нравственные основы. Они и во время венчания гримасничали и просмеивали священника. Тася даже говорила Михаилу: «Вроде бы образованные люди твои родные, а в Бога верят». Однако жизнь подготовила такой сценарий, что от усмешок и кривлянья не осталось следа. После свадьбы Татьяна оставила учёбу, а летом 1916 года вместе с мужем поехала на фронт, где работала сестрой милосердия в госпиталях в Каменец-Подольском и Черновцах. В сентябре 1916 года Лаппа переехала в село на Смоленщине, где Булгаков служил земским врачом. Из-за морфинизма мужа в это время Татьяна сделала второй аборт. Оперировал Булгаков жену сам, так как боялся, что из-за его пристрастия к морфию ребенок может родиться нездоровым. В сентябре 1917 года супруги переезжают в Вязьму, в конце февраля 1918 года возвращаются в Киев. Осенью 1919-го Татьяна переезжает к му-

жу во Владикавказ, где Булгаков по призыву служил военным врачом в Белой армии в Вооруженных силах Юга России. Летом 1921 года супруги переезжают в Грузию, затем Одесса, Харьков, Киев, Москва… Татьяна Николаевна Лаппа провела с Булгаковым самые тяжелые годы его жизни. В смоленской глуши Татьяна не дала мужу погибнуть от морфинизма, во Владикавказе в 1920 году выходила Булгакова от тифа, а в Москве провела вместе с мужем первый голодный год. Однако, первая жена Булгакова не дождалась благодарности. Писатель оставил ее. В 1924 году Лаппа и Булгаков развелись. Булгаков оставил Татьяну в очень сложном, даже опасном положении, ведь она была столбовой дворянкой, то есть принадлежала к сословию, которое нещадно уничтожалось. Лаппа вынуждена была работать на стройке разнорабочей, была лишена многих прав. Во втором браке ей опять не повезло. Ждала мужа с фронта, а он вернулся с новой женой. Наконец, судьба смилостивилась, в 1947 году Татьяна Николаевна вышла замуж за друга Булгакова юриста Давида Кисельгофа и в 1947 году уехала вместе с ним в Туапсе. Незадолго до ее кончины исследовательница творчества писателя Мариэтта Чудакова встретилась с ней в Туапсе. О писателе и Татьяна Николаевна, и ее муж Кисельгоф отзывались с огромным сочувствием и симпатией. Оказалось, что незадолго до кончины Михаил просил Елену Сергеевну, свою супругу, сообщить Татьяне Николаевне о том, что он умирает. Он просил позвать ее, и но Елена Сергеевна была непреклонна. Она должна была остаться в истории единственной Маргаритой. Умерла Татьяна Николаевна Лаппа в Туапсе в 1982 году.

Любовь Белозерская.

Татьяну Михаил Булгаков оставил ради Любови. Любовь Белозерская только что вернулась из Берлина, где жила со своим мужем, издателем просоветской газеты «Смена вех». С мужем отношения не сложились, Любовь Евгеньевна вернулась в Москву, была открыта к новым отношениям. То, что Булгаков женат, ее вовсе не останавливало. Работая над этим материалом, я прочитала ее книгу о Булгакове. Книга называется «О, мед воспоминаний». Видно, что Любовь Евгеньевна была и сама талантливым литератором, у нее прекрасный слог. Конечно, книга - документ времени. Читаешь и представляешь: вот Люба - только что из заграницы, нарядная, яркая, светская, остроумная, блестяще образована. Недавно разведённая. Конечно, скромная Тася померкла сразу. Булгаков, мечтавший если не уехать навсегда, то хотя бы побывать за границей, слушал рассказы Белозерской с огромным интересом - о встречах с Куприным, Бальмонтом, Тэффи, Толстым, Северяниным, о её выступлениях в балете на парижской сцене. Они и писали вместе, и много шутили. Ей он посвятил «Белую гвардию», «Мольера». При ней стал известным, успешным. У Таси когда-то не было даже лишних туфель - Любе он купил шубу. Она водила авто, увлекалась верховой ездой. Супруги вели бурную светскую жизнь, ездили в Крым, сменили квартиру. Любовь Евгеньевна была женщиной-праздником, любящей успех. А когда Михаил попал в опалу, у нее появился новый предмет увлечения. Уз-

нав, что Михаил увлечен Еленой Шиловской, ее подругой, снисходительная Белозерская даже предложила поселиться втроем. В общем, высокие отношения. Такая «снисходительность» впоследствии позволит Белозерской без всяких колебаний войти в семью академика Тарле, став его литературным секретарем. Скончалась Любовь Белозерская в возрасте 91 года.

Елена Шиловская.

В 1932 году Михаил Булгаков женится на Елене Шиловской. Ради Булгакова она оставляет мужа, благородного человека. Пришлось разделить и детей: старший сын остался с отцом, младшего взяла Елена Сергеевна с собой. Она любила своего Мастера, в штыки воспринимала любое критическое замечание в его адрес. Их брак вошел в историю как один из самых счастливых писательских супружеских союзов. Вот, как Михаил Булгаков называл жену в одном из посланий: «Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, моя жизнь, жена моя!». Любовь Елены Сергеевны творила чудеса. Он обожал ее сына Сережу как родного: часами мог возиться с ним и хохотать. В год женитьбы здоровый, 40-летний, просит Елену Сергеевну умереть у неё на руках. Мрачные предчувствия терзают писателя неслучайно. Именно в эти годы Булгаков впервые столкнулся с травлей в прессе,

всевозможными запретами, обыском ОГПУ с изъятием трёх томов дневников. В 1929-1930 гг. он оказался в полной творческой блокаде, в отчаянии писатель пишет письма в правительство, А. Енукидзе и, наконец, Сталину. Наступило некоторое послабление. Булгаков много работает над главным своим произведением - с 1938 г. оно называется «Мастер и Маргарита». Елена Сергеевна оказалась весьма практичной. Ее стараниями Булгаковы получили большую квартиру, быт был обустроен вполне. Жена вела переговоры с издателями, с театрами, которые ставили пьесы писателя. И вот вновь удар: Сталин лично запретил к постановке его пьесы в главных театрах страны. Пьеса Булгакова «Батум», посвященная вождю народов, Сталину не понравилась. В печати его открыто называли «антисоветским, новобуржуазным отродьем, брызжущим слюной на рабочий класс и идеалы коммунизма». Был изобретен даже термин, обозначающий вредное течение в искусстве - «булгаковщину». С начала 1939 года Булгаковы жили в ожидании ареста. Елена Сергеевна проявила необычайное мужество: она не унывала и поддерживала мужа, хотя тучи сгущались… Биографы Булгакова полагают: от ареста писателя «спасла» болезнь. После того как Сталин выказал недовольство творчеством Булгакова, здоровье писателя стало молниеносно ухудшаться. Весной 1940 года он умер от нефросклероза . В письме к брату писателя Елена Сергеевна писала*:* «Я делаю всё, что только в моих силах, для того, чтобы не ушла ни одна строчка, написанная им, чтобы не осталась неизвестной его необыкновенная личность. Это цель, смысл моей жизни. Я обещала ему многое перед смертью, и я верю, что я выполню всё» Свое обещание последняя Муза писателя сдержала. Его роман пришел к людям.

На чужих берегах или мой робкий путь к Набокову.

«Тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки»
(Владимир Набоков)

«Рассуждать обо мне невозможно. Вам только надо поверить мне на слово, что я — чудо»

Разочарования.

В восьмидесятые годы прошлого века довелось нам жить в Забайкалье, в дальнем гарнизоне на самой границе нес службу мой муж, а я была служащей Советской армии и заведовала воинской библиотекой. Условия жизни и службы были трудными, климат жестоким, а воспоминания остались самыми добрыми. Была молодость, романтика пограничья, а еще …чтение. Никогда я столько не читала, как в те годы, сама работа требовала этого столь любимого мною занятия. Командование всегда шло навстречу. И мы для библиотеки выписывали все литературные журналы, которые выходили в СССР. За новинками посетители библиотеки следили, читали и обсуждали прочитанное. Уже наслышанная о запрещенном долгое время в СССР Набокове, в 1986 году я с большим интересом приступила к чтению романа «Защита Лужина», который был опубликован в литературно-художественном журнале «Москва». Это было самое первое произведение, напечатанное на родине писателя. (Его самого уже не было в живых). Книги

Набокова пришли к соотечественникам, для которых он писал, спустя десять лет после его кончины. В этом был какой-то трагизм и некая несправедливость. С интересом взялась я за чтение. Читала я роман внимательно. Отдала дань великолепному русскому языку. Однако, мы, россияне, нашей классической литературой избалованы и, как говорится, нас трудно удивить хорошим слогом. Содержание романа весьма витиевато: талантливый шахматист одержим шахматами с детства. И чтобы освободиться от магии шахмат, он решается «выпасть из игры» и выбрасывается из окна. Да, сюжет не тронул душу, но следовать за нитями, которые Набоков сплетал в романе, было небезынтересно. Спустя два года в издательстве «Художественная литература» вышла книга «Другие берега». Открываю книгу и читаю первые строки: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час». Я чувствую, что это строки гениальные, что в них заключен огромный смысл. Но готова ли я понять его? Готова ли вместе с Набоковым тосковать по России, которую он потерял? Мы слишком разные. Это набоковскую семью обслуживало шестьдесят человек дворни, это семья писателя путешествовала из Ниццы в Швейцарию, проживая в роскошном имении в окружении гувернанток и гувернеров… А моя бабушка, ровесница Набокова, тяжко трудилась за палочки-трудодни в колхозе, получая несколько рублей пенсии за погибшего в Великой Отечественной войне сына. А дедушка, тоже ровесник Набо-

кова, отбывал срок в Гулаге. Может быть, система координат социалистического реализма, в которых воспитывались мои художественные вкусы, тоже сыграла свою роль. Так или иначе, но дивные строки «...Она [мать] замедляет чтение, многозначительно разделяя слова, и прежде чем перевернуть страницу, таинственно кладет на нее маленькую белую руку с перстнем, украшенным алмазом и розовым рубином, в прозрачных гранях которых, кабы зорче тогда гляделось мне в них, я мог бы различить ряд комнат, людей, огни, дождь площадь — целую эру эмигрантской жизни, которую предстояло прожить на деньги, вырученные за это кольцо» вызывали… нет, не раздражение, но отстраненность. Это была встреча с чем-то чужим, нежеланным. Наконец, в 1989 году вышла в свет пресловутая «Лолита». Этот роман я одолеть не смогла и отложила, признаюсь, с некоторым отвращением. В то время моя дочка была ровесницей героини. И никакие рассуждения о философском значении образа Лолиты не могли закрыть от меня темы развращения юного и беззащитного существа.

«Робкий путь к Набокову».

К творчеству Набокова вернулась я вновь в конце девяностых, живя на Кипре. Этот произошло благодаря замечательной поэтессе Белле Ахатовне Ахмадулиной. Дело в том, что она и ее муж, известный театральный художник Борис Асафович Мессерер, были одними из тех немногих российских граждан, с кем встречался Владимир Набоков после того, как навсегда покинул Россию в 1919 году. Об этой встрече поэтесса написала эссе «Робкий путь к Набокову», которое вошло в книгу «Миг бытия», изданную в 1997 году (сама встреча произошла значительно раньше, за

год до кончины Набокова). По прочтении эссе я почувствовала, что в книгах Набокова мною пропущено что-то важное, что большое явление в русской литературе прошло мимо меня, и это было необходимо исправлять. Ахмадулина своей причудливо-изысканной вязью создавала портрет писателя, которого она не просто любила, но боготворила. На Набокова поэтесса смотрела любящим взором и вдохновенно сказала ему в первые минуты встречи: «Вы ненаглядно хороши собой». Заметим, что эти слова произносит не восторженная юная девушка, но зрелая сорокалетняя женщина. Она еще говорит писателю: «Вы влиятельно обитаете в России». Влиятельно для кого? Еще не было опубликовано в СССР ни одной книги писателя. Но художественная элита представители богемы потихоньку читали Набокова, тайно привозя его книги из-за границы, изготовляя копии. Это, конечно, единицы. И Набоков, понимая это, все же спрашивает у своих гостей из СССР: «А в библиотеке можно взять мои книги?» - « Горек и безвыходен был наш ответ», - пишет Ахмадулина. И вновь вопрос писателя: «Может быть, мне не следовало уезжать из России или следовало вернуться?» - «Я ужаснулась: «Что вы говорите? Никто никогда бы не прочитал Ваших книг, потому что Вы бы их не написали», - говорит писателю Белла Ахатовна. В рассказе Ахмадулиной меня глубоко тронули слова Набокова о России. Ему в момент встречи с соотечественниками было семьдесят семь лет, а Россию он покинул в девятнадцать. С того момента ни разу с 1919 г он не видел родной земли, и, как сказала Ахмадулина, «больше всего в нем сквозило ощущении России, огромное желание увидеть Россию и одновременно понимание, что это невозможно». Тогда подумалось: «Вот и моя судьба сложилась так, что живу я вдали от Родины.

Но нет тоски и ностальгии, потому что в любой момент я могу вернуться: три часа лету. Каждый день, в силу своей работы, я общаюсь с соотечественниками, приехавшими из России. Занимаюсь работой, которую благословил Патриарх Московский, и моя связь с Отечеством крепка и нерушима. А вот как бы я себя чувствовала, если бы путь на Родину был закрыт навсегда?». И в поиске ответа на этот непростой вопрос я вновь открыла книгу Набокова.

«Машенька».

На этот раз это была грустная история - «Машенька». Весь сюжет романа можно свести к нескольким событиям. Главный герой книги Ганин живет в Берлине в двадцатые годы прошлого века. Он - русский эмигрант. Его жизнь безотрадна, неуютна и бесперспективна. Он собирается покидать Германию, когда узнает о приезде в Берлин из России давней возлюбленной, Машеньки. Ганин вспоминает о пережитых в юности чувствах, собирается возродить их, но в последний момент отказывается от встречи и уезжает. Действий в романе мало, он весь соткан из воспоминаний о России. Описания русской природы дивные, и они так контрастируют с беспросветным образом мрачного Берлина. Образ главного героя Владимир Набоков во многом списал с себя. В русскоязычном журнале «Нива», который выходил в Берлине, была напечатана рецензия на роман. Критик писал: «Свою судьбу Набоков вышивает по канве своего произведения… В романе отражена судьба целого человеческого типа – русского интеллигента-эмигранта». Жизнь за границей была, как и для многих покинувших родную страну людей, трудна. Единственное, в чем Набоков мог найти утешение, – воспоминания о прошлом, где были радость, любовь, дом. Именно эти светлые

воспоминания легли в основу романа. Чтение книги – это прикосновение к трагичной истории нашего Отечества, когда миллионы людей в результате гражданской войны покинули его. Не самых худших людей. Удивительно, что чувство Родины смог так осязаемо передать двадцатипятилетний юноша.

На чужих берегах.

Тем моим читателям, кто еще не читал Набокова, я советую начать знакомство с ним с романа «Машенька», потому что все дальнейшее творчество писателя будет снова канвой, и вышивать на ней писатель будет перипетии своей судьбы, судьбы в отсутствии России. Литературная энциклопедия свидетельствует: «Среди произведений Набокова — романы, повести, рассказы, новеллы, очерки, эссе, стихи: «Человек из СССР» (1927), «Защита Лужина» (1929 — 1930, повесть), «Возвращение Чорба» (1930; сборник рассказов и стихов), «Камера обскура» (1932 — 1933, роман), «Отчаяние» (1934, роман), «Приглашение на казнь» (1935 — 1936; роман-антиутопия), «Дар» (1937, отдельное изд. — 1952; роман о Н.Г. Чернышевском), «Соглядатай» (1938), «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Под знаком незаконнорожденных», «Conclusive evidence» (1951; рус. пер. «Другие берега», 1954; воспоминания), «Лолита» (1955; была написана им и на русском, и на английском языках), «Пнин» (1957), «Ада» (1969).

Тема потерянного рая почти в каждом произведении проходит красной нитью или чуть заметной пунктирной линией. Его приверженность к родной культуре выразилась и в переводах на английский язык. Среди его переводов на английский «Слово о полку Игореве», «Евгений Онегин» «Герой нашего времени», лирические стихотворения

Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Читайте Набокова и Вы прикоснетесь к настоящей литературе, встретитесь с большой личностью, получите истинное наслаждении от великолепного русского языка.

Еще раз о «Лолите»

И только один роман Набокова я не могу принять. Недавно я прочитала высказывание исследователя Л.Триллинга: «Лолита – книга о любви, а не о сексе. В тексте романа содержится зашифрованный, потаенный глубокий смысл. Литературно не подготовленный, «массовый» читатель должен был воспринять « Лолиту» как полупорнографическое произведение о похождениях сексуального извращенца, в то время как тонкий и подготовленный читатель – как символический текст, своеобразную философскую притчу». Наверное, все же я массовый читатель, если так и не уловила символику и философию романа. Смотрю на портрет Набокова, на его аристократическое холеное лицо и кажется мне, что он загадочно обращается к нам словами Цветаевой: «Рассуждать обо мне невозможно. Вам только надо поверить мне на слово, что я - чудо» .

Время и место Юрия Трифонова.

«Пройдет время. Сотрутся в памяти все те запреты, которыми была обставлена работа Трифонова в его времена. Сотрется и его недолгое забвение. И уже от нашей собственной энергии будет зависеть понимание того оригинального, независимого художественного мира, который был создан писателем. И Трифонов займет присущее ему место — одного из самых глубоких и тонких экзистенциальных писателей XX века»

(Леонид Бахнов).

Первый роман.

Работая над очерком, я перечитала произведения Трифонова, и самый первый его роман - «Студенты». В молодости я нетерпеливо листала страницы, следя за событиями, за тем, как рождалось чувство у главных героев. Сегодня чтение мое было неторопливым, внимательным. Это чтение было встречей с человеком интересным и близким после долгой разлуки. Между нами 30 лет разницы, то есть Юрий Трифонов принадлежал к поколению моих родителей, молодость которых я отчетливо помню. И поэтому так узнаваемо все, о чем в 1950 году рассказал своим читателям молодой Трифонов. Это удивительная особенность писателя, при помощи подробностей: маленьких деталей,

описания запахов, вкусов, прикосновений создать атмосферу времени. В «Студентах» такими подробностями наполнено описание послевоенной Москвы. Я тоже помню этот чудесный город пятидесятых. Яркие детские воспоминания хранят цирк и Олега Попова, поездку в московском троллейбусе, картину «Три богатыря» в Третьяковке. И молодых моих родителей, маму и папу-лейтенанта, которые, следуя из одного дальнего гарнизона в еще более отдаленный, остановились в Москве, чтобы маленькой дочке показать столицу. Есть в романе и трогательный рассказ о первой любви, есть и дань времени. Это рассказ о профессоре – космополите и борьбе с космополитизмом. То, что было актуально в 1950 году. Кому это интересно сейчас? Но, кроме, космополитизма, была прекрасная проза, точность в описании характеров, и те чудесные детали, которые делали описания живыми и объемными. Роман «Студенты» свидетельствовал: в русскую литературу пришел писатель, талантливый и многообещающий. Это почувствовал Константин Федин, чьим учеником в Литературном институте был студент Юрий Трифонов. Маститый писатель порекомендовал роман напечатать в «Новом мире», где редактором был Твардовский. Роман имел огромный успех и был выдвинут на соискании е Сталинской премии. Премии роман был удостоен. Автору исполнилось 26 лет.

Сын отвечает за отца.

Недавно вышла в свет новая книга Никиты Михалкова «Территория моей любви». Проникновенные страницы в этой интересной книге посвящены отцу автора, известному детскому писателю. Размышляя о том, как в трагичное время сталинизма, полное противоречий и борьбы за то,

чтобы сохранить свою жизнь и не поступиться порядочностью, его отец сохранил свою жизнь. Никита Михалков пишет: «Можно добровольно встать на эшафот. Такие люди у меня вызывают глубокое уважение. И в то же время я не могу осуждать тех, кто сохранил себе жизнь, не декларируя свою точку зрения, но и не совершая зла. К таким людям принадлежал мой отец. Это облегчает мою внутреннюю жизнь, то есть я избавлен от необходимости за что-либо его прощать». Это действительно так, Сергей Михалков всегда находил общий язык с властями и не нуждался в реабилитации. Не то Юрий Трифонов. Думаю, почитатели его творчества согласятся со мною: начиная с 60-х годов все творчество писателя - это попытка реабилитации отца, попытка вынести свой приговор времени, в котором поколение его родителей жило. Приговор далеко не всегда оправдательный…

22 июня 1937 года в дневнике одиннадцатилетнего Юры Трифонова (будущего знаменитого писателя) появляется запись — об аресте отца ночью: «Сегодня меня будила мама и сказала: «Юра! Вставай, я должна тебе что-то сказать. - Я протер глаза - Вчера ночью, - начала мама дрогнувшим голосом, - у нас было большое несчастье, папу арестовали», - и чуть не заплакала. Мы были в отупении… Сегодня у меня самый ужасный день…» Запись в дневнике обведена чернилами в черную рамку. С того самого трагичного дня все, чтобы ни делал Трифонов, было попыткой опровергнуть расхожее выражение «сын за отца не отвечает». Своим творчеством он сполна ответил за отца.

Валентин Трифонов: трагизм утраченных иллюзий.

Юрий Трифонов был сыном выходца из казачества Валентина Трифонова (1888 – 1938). Свой выбор отец писателя

сделал в 1904 году раз и навсегда: он вступил в партию большевиков, был активным участником гражданской войны, сражался в рядах Красной армии, стал одним из ведущих организаторов РККА (рабоче-крестьянской красной армии). Он был бескомпромиссным борцом за Советскую власть. Продолжал активно заниматься военными делами, когда работал в Китае, был первым председателем Военной коллегии Верховного суда РККА, членом Реввоенсоветов СССР, возглавлял торгпредство в Финляндии, а потом Главный концессионный комитет при Совнаркоме СССР. Как видим, была сделана блестящая карьера, Валентин Трифонов занял очень высокий пост в иерархии новой советской элиты. Его супруга, Евгения Лурье, была дочерью боевой соратницы самого Сталина, семья Евгении принадлежала к среде профессиональных революционеров. У Трифоновых росло двое детей: Юрий и его младшая сестра Татьяна. В 30-е годы Трифоновым была предоставлена квартира в новом доме правительства на Берсеньевской набережной. Казалось, в боях за советскую власть Валентин Трифонов завоевал счастье для своей семьи, для сограждан. Он поверил с ранней юности в коммунистические идеалы, он долгие годы оставался им верен. Но будучи человеком незаурядного ума, крупным аналитиком он, конечно, видел, что происходит вокруг, видел и невольно вынужден был стать соучастником сталинских репрессий. Может быть, но объяснял это тем, что самое главное – построить социализм? Как живут при этом, страдают и гибнут миллионы людей в стране? Задумывался ли он над этим? В воспоминаниях сестры писателя Татьяны Трифоновой читаем: «Мама вспоминала, что отец как-то в последние годы сказал ей: «Мы создали паскудную власть. Это фашисты». Заметим это «мы». Валентин Трифонов

ощущал свою ответственность за содеянное, его иллюзии о коммунистическом царстве всеобщего равенства и справедливости в конце концов разбились в прах. Что послужило тому причиной?

«Контуры грядущей войны».

Так называлась книга, которую в 1937 году Валентин Трифонов передал в Политбюро ЦК ВКП (б). До грядущей войны оставалось четыре года. Советское руководство разработало стратегию на случай «если завтра война, если завтра в поход». Предполагалось, что враг будет разбит в кратчайший срок , причем бои будут вестись на вражеской территории. Одним из авторов этой наступательной доктрины был сам Сталин. В Полевом уставе РККА данное положение было закреплено. И вот происходит неслыханное: крупный военный организатор Валентин Трифонов выражает точку зрения противоположную. Он пишет, что считает большой ошибкой тот факт, что обороне и защите границ придается второстепенное значение. «Эта концепция, - пишет он, - не учитывает, что в грядущей войне наш наиболее вероятный и самый могущественный противник на западе - Германия, которая будет иметь перед нами крупное преимущество внезапного нападения. Это преимущество можно компенсировать только одним путем: созданием мощной обороны вдоль границ… Оборона является наиболее результативным способом действий и более полезной, чем наступление для государства, располагающего обширной территорией». Трифонов считает, что в Уставе совершенно никак не упоминается о позиционной войне, не рассматривается вопрос об отступлении: «Устав не содержит всего того, с чем мы обязательно столкнемся в грядущей войне. Подготовка к обороне как основному

фактору будущей войны должна пронизать все структуры РККА». Там же Валентин Трифонов пишет о необходимости перевода промышленности на Урал и в Сибирь, потому что « с учетом возможного нападения на страну эти центры не должны быть расположены близко к границе, как, например, Ленинград». Догадывался ли Валентин Трифонов, чем для него может обернуться такой анализ предвоенной ситуации в стране, да еще и при отсутствии сколько-нибудь приличных для того времени восхвалений в адрес Сталина? При его глубоком аналитическом уме и информированности он, безусловно, понимал, что будет не просто наказан, будет уничтожен. Но не мог поступить иначе, промолчать, солгать. Еще была надежда, что интересы безопасности страны заставят Сталина отказаться от пагубных политических и экономических решений. Что было дальше? Нарком обороны К.Е. Ворошилов в разговоре с ним по телефону сказал, что вряд ли сумеет найти время, чтобы ознакомиться с его работой, а Сталин «ответил» по-своему, дав санкцию на арест автора книги. В 1938 году Валентин Трифонов был расстрелян, его жена и другие родственники были арестованы. Из дома правительства их выселили. Евгения Трифонова, мать писателя, провела в сталинском лагере восемь лет. Детей взяла на воспитание бабушка, Татьяна Словатинская, профессиональная большевичка-подпольщица, на конспиративной квартире которой скрывался молодой Иосиф Джугашвили, и которому она посылала в Туруханскую ссылку продукты и теплую одежду. Современники вспоминают, что Словатинская оставалась приверженицей Сталина, несмотря на гибель зятя, восьмилетнее заключение дочки Евгении и лагерный срок любимому сыну Павлу. Идейная убежденность стояла для нее выше личных привязанностей. Юрий Трифонов нико-

гда не мог этого понять, хотя признавал все достоинства своей бабушки. Та спасла их с сестрой в годы репрессий и войны. Несмотря на преклонный возраст, героически работала, чтобы они ни в чем не нуждались. И следила за тем, чтобы они нормально окончили школу. Вместе с тем Трифонова ужасало, что его бабушка не только присутствовала на похоронах Сталина и трижды прошла мимо его гроба, но еще и втайне горевала. И он догадывался, что эти чувства были истинными, хотя глубоко запрятанными.

Как понижали голос звонкий.

Бабушка будущего писателя сделала все возможное, чтобы сохранить детей, своих внуков, дать им образование. Это было непросто, ведь после ареста родителей и расстрела отца они попали в категорию членов семьи врагов народа. Это закрывало возможность поступления в высшее учебное заведение. Будущему писателю пришлось в эвакуации в Ташкенте закончить школу, из-за плохого зрения на фронт его не взяли. Юрий Трифонов стал работать на авиационном заводе слесарем, диспетчером цеха, редактором заводской многотиражки.

Получив необходимый рабочий стаж, Трифонов все-таки поступает в Литературный институт им. М.Горького, который окончил в 1949. Его мать возвращается из лагеря. А в 1950-м выходит роман «Студенты», о котором мы уже упоминали в первой части очерка. В это же время он жениться на юной солистке Большого театра Нине Нелиной. Все эти счастливые перемены в жизни молодого литератора дают пищу завистникам. Еще бы, Трифонов, получив Сталинскую премию, покупает легковой автомобиль, отделывает загородный дом. Премия давала такие возможности. Между тем, в одной из анкет он не указал, что отец

был расстрелян. И тут недоброжелатели берут реванш, молодого лауреата обсуждали на комсомольском собрании, чуть не исключили из комсомола. Многие друзья, предвидя худшее, отвернулись от Трифонова. В общем, все, как в стихотворении Николая Некрасова «Человек сороковых», которое Трифонов очень любил:

«…Пришел я к крайнему пределу…
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..

Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году, и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу…
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу… я не могу…»

Его уже не так охотно публикуют. А он долго не мог определиться с темой для своей прозы, он хотел выработать собственное видение жизни. Трифонов начал писать рас-

сказы самого разнообразного стилевого и тематического направления. Весной 1952 года писатель уезжает в командировку в Каракумы, на строительство Главного Туркменского канала. Зачем? Он мечтает собрать материал для нового романа. На долгие годы писательская судьба Ю.Трифонова оказалась связанной с Туркмением, а в 1963 году опубликовал роман «Утоление жажды», который затронул тему строительства оросительного канала в пустыне.

Московский цикл.

Абсолютно новым этапом в творческой жизни Трифонова были повести, входящие в так называемый «московский цикл», в котором анализировалась жизнь столичной интеллигенции, а также шла речь о сохранении человеческой чести в условиях всеобъемлющей повседневности. Первым произведением этого цикла была повесть «Обмен», увидевшая свет в 1969 году. Московский цикл Юрия Трифонова совпал и с моим московским циклом жизни. Начало семидесятых - памятные годы для меня. В те годы я стала москвичкой, получив направление на работу в Москву по месту прохождения службы моего мужа, молоденького лейтенанта. В те годы в Москве была большая нехватка учителей. Все педагоги, которые знали английский язык, стремились устроиться в иностранные компании, где зарплата была значительно больше. В районном отделе образования меня встретили, что называется, с распростертыми объятиями и распределили в школу, которая была построена еще до войны. Школа находилась в Сокольниках, она стояла среди старых зеленых двориков, в ветхих домах жили старые москвичи, которые стояли десятилетиями на получение бесплатного государственного жилья, а на

строительство кооперативных квартир не имели средств. В школе большинство учителей были коренными москвичами, влюбленными в свою работу. Для меня общение с ними было драгоценным, чего только стоили рассказы завуча Александры Федоровны, которая преподавала в школе все военные годы. В списке погибших учеников школы на мраморной доске в вестибюле она видела имена своих учеников, о каждом могла рассказать много интересного и трогательного. Для нее они оставались вечно живыми. Встретили меня доброжелательно. Но в свой круг не пускали долго. В те годы у москвичей к иногородним, как они называли приезжих, отношение было настороженное. Они просто уставали от нашествия приезжих, которые в эпоху всеобщего дефицита создавали дополнительные очереди. Но холодок постепенно исчезал благодаря моей любви к учительству и детям. Я готова была пропадать в школе дни напролет, со своим классом мы изучали Москву, взвод, которым командовал мой муж, стал нашим шефом, проводили совместные праздники и вечера. Жизнь кипела. Сближала меня с моими новыми коллегами и любовь к литературе и театру. В учительской мы обсуждали новые постановки московских театров, все интересное, что появлялось в толстых литературных журналах. И вот однажды одна моя коллега пригласила меня в гости.

В Доме на набережной.

«Моя мама - в прошлом актриса Вахтанговского театра. Она устраивает у себя дома что-то вроде литературных гостиных. К ней приходят актеры, писатели, художники. Вам будет интересно там побывать». Коллега назначила время и написала на листочке адрес, добавив: «Это в Доме на набережной». Надо сказать, что роман Юрия Трифонова

под этим названием вышел совсем недавно и был напечатан в журнале «Дружба народов». Достать журнал было невозможно. Те, кому удалось прочитать роман, пересказывали его содержание взволнованно и горячо. В назначенное время я вошла под арку этого дома, который высился над набережной как некий серый корабль. Компания собралась замечательная, люди известные: несколько актеров-вахтанговцев, поэт, чьими стихами зачитывалась все молодежь, писатель, который только что опубликовал повесть о девушках на войне. Сначала все собирались в гостиной, а потом по московской традиции переместились на кухню. После нескольких бокалов вина шутки стали звучать громче, несколько политических анекдотов тоже прозвучало. Причем, хозяйка, Татьяна Ивановна, после каждого взрыва смеха немного испуганно приговаривала: «Тише-тише». Поэт сказал: «Все чего-то боитесь. Вот, что значит прожить всю жизнь в доме на набережной». Татьяна Ивановна задумчиво ответила: «Будешь бояться. Нас здесь проживало две тысячи человек. Арестовали восемьсот. Как нашу семью репрессии не коснулись – ума не приложу. Просто повезло». Разговор коснулся творчества Юрия Трифонова. «Он ведь тоже жил в этом доме?» - спросил кто-то. Хозяйка ответила: «И Трифоновы до ареста его отца, Валентина, и Хрущевы, и Стаханов, и Аллилуевы, многие руководители партии. Дом наш так и называли – « Домом правительства». Задумывался дом как прообраз жилья, которое будет предоставлено каждой советской семье. Видите, какая кухонька у меня маленькая. Вовсе не планировалось, что хозяйки будут готовкой заниматься. В доме была кулинария, где можно было взять обед. И детский сад, и поликлиника, и кинотеатр, - все было предусмотрено. Да только счастья не было. Да что я вам

буду рассказывать, ведь вы уже прочитали «Дом на набережной»?» Из собравшихся только я не смогла достать журнал. Писатель, который был дружен с Трифоновым , узнав об этом, сказал: «Вы знаете, у самого Трифонова остался всего один номер журнала, он у Юрия Валентиновича лежал в кабинете. И что вы думаете? Недавно исчез». Все посмеялись, а хозяйка принесла из другой комнаты заветный номер журнала «Дружба народов» и, протянув мне, сказала: «Вот сидите сейчас и читайте». Так в доме на Берсеневской набережной я начала читать самое выдающееся произведение Трифонова, события которого сорок лет назад здесь и начинались.

Холодные воды страха.

Итак, мое знакомство с повестью «Дом на набережной» в этом доме и началось. Первое впечатление: словно произошло погружение в холодные темные воды, которые проникали всюду, заполняя душу страхом и безысходностью. С чувством страха жили герои романа: и мальчик-школьник, и герой Гражданской войны, и талантливый профессор-филолог, и старенькая пенсионерка. Страх расползается, он заполняет все поры общества. Он, собственно, есть атмосфера романа. И в этой атмосфере живут, страдают, мечутся герои Трифонова. Работая над очерком, я перечитала повесть еще раз. Последнюю страницу закрыла с облегчением. Подумалось: «Слава Богу, что темные воды той страшной эпохи позади. Слава Богу, не приезжают ночью «воронки», не пытают людей, не расстреливают наших соотечественников в Бутове. Выросло поколение моих детей, подрастают внуки – юное поколение свободной России». Может быть, кто-то из читателей усмехнется скептически, читая эти строки. У нас есть такие «де-

мократы», которые о свободной России имеют другое мнение. Что ж, откройте книгу Трифонова и сравните…

Вадим Глебов и глебовщина.

Для тех читателей, кто давно читал повесть и для тех, кто ее не читал вовсе, кратко перескажу содержание. Действие происходит в Москве и развертывается в нескольких временных планах: середина 1930-х, вторая половина 1940-х, начало 1970-х гг. Главный герой «Дома на набережной» Вадим Глебов – мальчик из нищей коммуналки, учится в школе, где его одноклассниками являются мальчишки, живущие в доме правительства. Их отцы занимают большие посты. Глебову кажется, что идет в том доме совсем иная жизнь, мальчик завидует товарищам и даже испытывает некоторое удовлетворение, когда узнает, что кого-то из жителей дома арестовывают, а семью выселяют. Как известно, зависть порождает часто подлость. И первый подлый поступок подросток Вадим Глебов совершает, когда влиятельному функционеру выдает двух товарищей, которые решили проучить новенького ученика, сына этого функционера. Вадим и сам участвовал в потасовке, но назвал имена товарищей, чтобы выгородить себя. Семьи товарищей вскоре после доноса Глебова исчезают. Он испытывает некоторые угрызения совести, но утешает себя тем, что положение было безвыходным, и на его месте так поступил бы каждый. Дальше Трифонов ведет своих героев по лабиринту 40-х годов. Именно тогда перед героем встает дилемма: предать любимую девушку и своего учителя, или ценой потери престижной стипендии, а может быть и карьеры, подлости не совершать. И вновь Глебов, оправдываясь тем, что виноват не он, а время и те люди, которые у власти, предает близких. Судьбу Сони, девушки,

которая беззаветно любила его, Глебов ломает, она сходит с ума. Впоследствии Глебов становится видным ученым. События 40-х годов Глебов стремится забыть, не помнить, и это ему удается. В 70-е годы он добился многого: закончил аспирантуру, стал профессором, участвует в международных конференциях. Личная жизнь сложилась тоже вполне благополучно, однако все, о чем он мечтал и что потом пришло к нему, не принесло радости, «потому что отняло так много сил и того невосполнимого, что называется жизнью».

Выбор.

Важнейшая тема творчества Трифонова – проблема нравственного выбора. Во многих своих произведениях он приводит своих героев к тому месту, которое можно назвать точкой невозврата. В какой-то момент Глебов осознает, что действует не на стороне добра, но сначала идет на компромисс с совестью, потом делает уступку за уступкой, предавая и калеча судьбы окружающих и порой близких ему людей. Виной тому не только отвратительное чувство страха, под прессом которого жил многомиллионный народ нашей страны, но, безусловно, и личные качества Глебова. Справедливо пишет исследователь творчества Трифонова Эльвира Горохова: «Ужасно, когда государство манипулирует человеком. Но еще ужаснее, когда человек манипулирует своим бытием, своими эмоциями, своим поведением, стараясь как можно лучше приспособиться к существующему порядку вещей. Человеческая жизнь превращается в существование. Человек, который приспособился к системе, перестал быть человеком». Он становится винтиком этой системы, бездушным, а потому жестоким. Ни судить, ни оправдывать Глебова и глебовщину не бе-

русь. В той эпохе не жила и не дай Бог, если она повторится. Помните, как мы прильнули к экранам телевизора, когда наш народ выбирал имя России. Их было много, достойных и разных имен – претендентов на высокое Имя. И вот осталось два кандидата: Иосиф Сталин и Александр Невский. Та эпоха грозно окликнула нас. Ведь за Сталина проголосовали сотни и сотни тысяч зрителей, наших сограждан! Помните историю бабушки Трифонова – которая простила вождю надругательство над своей семьей и была ему предана до конца!? Понадобилось мудрое слово Патриарха, который вразумлял, проповедовал, делился личными переживаниями, чтобы финальное голосование выявило подлинное имя России – имя святого праведного князя Александра Невского. Как ни больно, надо признать, что путь Глебова был выбран миллионами наших соотечественников. А вот есть ли гарантия, что эпоха не вернется, что холодные воды страха не захлестнут Отечество вновь? Трифонов считает, что каждый ответственен за судьбы Родины и от каждого зависит многое. Но готовы ли мы взять ответственность на себя?

Мир Юрия Трифонова.

Отношение к творчеству Трифонова у писательского, да и читательского сообщества, разное. Во времена Трифонова те литераторы, которые устали от официоза, казенной лжи, замалчивания любого мнения, кроме генеральной линии партии, - уходили в подполье, издавали самиздат, становились невозвращенцами, оставаясь на Западе. Они обвиняли Трифонова в приспособленчестве. Те же, кто прекрасно ладил с власть предержащими, писал в русле социалистического реализма, сочинял верноподданнические произведения – обвиняли писателя, называя его диссиден-

том. Он им, конечно, никогда не был и устои не сотрясал. Он писал в своей, только ему свойственной манере, спокойно и неторопливо, часто использовал ретроспективу. Основной упор писатель делал на человека с его сомнениями, страхами, недостатками. Четкой общественно-политической оценки Трифонов не давал своим героям. Но он побуждал читателя задуматься, прежде чем вынести приговор его героям, прежде чем дать оценку тем или иным событиям. Если среди читателей этого очерка найдутся любознательные книгочеи, то мой совет: найдите время для неторопливого знакомства с миром творчества Юрия Трифонова. Мне более всего по душе его московский цикл. Писатель сумел как никто другой (он вообще был первооткрывателем этой темы) достоверно передать жизнь советских людей во второй половине 20 века. В центре его повествования - московская интеллигенция. Размышления об этих людях, попытка понять истоки их характеров привели Трифонова к изучению начала революционного движения в России. В 1973 г. писатель опубликовал роман о народовольцах – «Нетерпение». В романе подспудно пульсирует вопрос: как случилось, что прекрасные идеи о свободе, равенстве, братстве и всеобщем счастье в России обернулись зверским оскалом ГУЛАГов и кровавым террором.

В 1978 г. вышел е роман Трифонова «Старик», герой которого, старый участник Гражданской войны, заново переосмысливает молодость и подводит итоги жизни, стал одним из наиболее значительных художественных произведений советской литературы о первых послереволюционных годах. Как всегда у Трифонова, история в «Старике» тысячами незримых нитей связана с современностью, повествование незаметно и свободно «соскальзывает» в раз-

ные временные пласты. В 1981г. Трифонов закончил сложный, многоплановый роман «Время и место». Эта книга, одна из наиболее автобиографичных у прозаика, и по праву может быть назван итоговым романом Трифонова, подводящим итоги его творчества, прощанием с юностью, трезвым взглядом в лицо собственным иллюзиям и надеждам, жёстким, порой даже жестоким самоанализом.

Неприсвоенная премия Нобеля.

Согласно Уставу Нобелевского фонда, заявку на номинацию могут подать не только официальные лица и организации, но и те, кто ранее был награжден Нобелевской премией. Таким лауреатом был известный немецкий писатель Генрих Белль. Немецкий солдат, во время второй мировой войны Генрих Белль попал в американский плен. После освобождения он учился в Кельнском университете, стал профессиональным литератором. Его романы «Бильярд в половину десятого» (1959), «Глазами клоуна» (1964) и другие вошли в сокровищницу мировой литературы XX в. В 1972 году Белль был награжден Нобелевской премией в области литературы. Широкая популярность писателя была обусловлена не только его творческими заслугами, но и активной позицией в отстаивании идей гуманизма, духовной свободы личности и терпимости по отношению к инакомыслящим. Русскую и советскую литературу Белль хорошо знал. В 60-е годы он выступил с протестом против преследований в СССР писателей-диссидентов А. Синявского, Ю. Даниеля, В. Некрасова, В. Войновича и др. Одного из них, А. Солженицына, Белль временно приютил в своем доме. Действуя сообразно своим представлениям о том, что сострадание дороже справедливости, он нередко вступал в конфликты с мнением большинства. «Я требую

милосердия, а не жертв!» — заявлял писатель. Юрий Трифонов входил в число его любимых авторов. Прочитав роман Трифонова о народовольцах, Белль выдвинул роман на соискание Нобелевской премии. Роман покорил его своими художественными особенностями, но еще произведение Трифонова показалось ему исключительно актуальным. В Германии тогда активно действовали террористические группировки во главе с печально знаменитой RAF — «красноармейской фракцией» Баадера-Майнхоф. Параллель, конечно, спорная. Ведь у Трифонова ярко и выпукло показано самопожертвование героев, нравственное подвижничество народовольцев. Но писатель показал и обреченность избранного пути, иллюзорность попыток подстегнуть историю волевым усилием. Писателю удалось передать трагизм исторически неизбежной гибельности народовольческого террора. Что до премии Нобеля, она Трифонову не была вручена. И причиной этого стала смерть. 28 марта 1981 года, на второй день после перенесённой операции, в обычной палате московской городской больницы, «где даже анальгин нужно было выпрашивать», скончался Юрий Валентинович Трифонов. Оторвался тромб и убил писателя, уже выдвинутого на соискание Нобелевской премии по литературе и имевшего высокий шанс её получить. Его супруга, Ольга Трифонова, сказала так: «Он умер, как умирают простые люди, с достоинством перенеся страдания жизни и страдания смерти».

Юбилей.

90-летие писателя отмечается в России весьма скромно, достойно. Появились публикации, документальные фильмы, выставки. Литературная газета посвятила несколько материалов творчеству писателя. Завершить свой очерк

мне хочется фрагментом из статьи критика Кирилла Анкундинова «Предварительные итоги»: «Трифонов умер в 1981 году, он не дожил даже до перестройки; советский быт, описывавшийся Трифоновым, ушёл в забвенье, но живо то, что таилось под тогдашним бытом, то, что создавало «трифоновских персонажей» и то, что создаёт нас. Пока оно есть, творчество Юрия Трифонова бессмертно».

Живые и мертвые.
Творчество Константина Симонова..

В ноябре 2015-го года исполняется сто лет со дня рождения Константина Симонова, выдающегося писателя и поэта, автора стихотворения, которое в безбожные годы стало молитвой сражающегося народа. «Жди меня», - писали в письмах бойцы Великой Отечественной и треугольники их писем летели во все концы огромной страны, напрягавшей свои силы в борьбе с фашистскими захватчиками. «Я вернусь, только очень жди», - повторяли бессонными ночами их матери, жены и невесты. Листочки со стихотворными строками, переписанными из февральского номера газеты «Правда» за 1942 год, советские люди на фронте и в тылу носили с собой, заучивали наизусть. Если бы Константин Симонов написал только одно это стихотворение, то и тогда он бы занял почетное место в истории отечественной литературы. Но были еще бессмертные строки «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», были другие обжигающие фронтовой правдой стихи поэта-воина. Наконец, Симоновым был написан великий роман «Живые и мертвые».

Давайте накануне юбилея вспомним большого русского писателя и поэта, поклонимся его памяти, ведь не только Девятого мая мы обязаны вспоминать наших героев. Мы

должны жить с памятью о них, в сердце каждого русского человека должен быть уголок, где свято хранится память о солдатах былых времен.

Семья.

О таких, как наш герой, до революции бы сказали: «Он принадлежал хорошей фамилии». Да уж куда лучше. Родители – дворяне. Мать, Александра Леонидовна, – урожденная княжна Оболенская. Отец, Михаил Агафангелович, из дворян калужской губернии, выпускник императорской академии, генерал-майор, герой Первой мировой войны, кавалер Георгиевского оружия. Во всех документах Симонов писал, что отец пропал без вести. Современные исследователи выяснили, что отец ушел с Белой армией в Польшу. Оттуда он написал своей жене, предлагал воссоединиться, но мать писателя в то время уже строила новые отношения тоже с офицером, Александром Иванишевым. Он-то и стал отчимом маленькому Кириллу (это имя писателя по паспорту). Иванишева и Симонова (отца будущего писателя) многое роднило. Оба они дети сурового времени. Как и Михаил Симонов, Александр Иванишев – фронтовик, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, был пять раз ранен, отравлен газами, дослужился до полковника. После революции, в отличии от отца писателя, остался в России и был лоялен к режиму, поэтому преподавал в Рязанском военном училище тактику. Чуть было не попал в сталинские жернова, был арестован, но затем его выпустили. Велико было влияние и матери, и ее родственников Оболенских. «Соприкасаюсь с тобой в твоих переживаниях», - так написала мать в одном из писем сыну. Эти соприкосновения были теснейшей связью, духовной и нравственной. Известный литературный критик

Наталия Иванова в своей спорной статье «Константин Симонов глазами человека моего поколения» (журнал «Знамя» за 1997 г.), пишет о матери нашего героя*:*
«Нигде не говорится, как и почему она, при своем «опасном» происхождении, осталась в России; немногие фотографии донесли до нас ее элегантный, благородный, породистый облик, - тонкое лицо, изящная поза, со вкусом подобранная (в те нищие времена) одежда, - внешность, по-своему, но унаследованная сыном».
Свое аристократическое происхождение Симонов не забывал, хотя и не афишировал. Забегая вперед, предположу, что оно, это происхождение, импонировало Сталину - ему наверняка нравилось иметь в своем близком окружении потомка русских князей. Да и к тому же, это компромат, который всегда под руками, всегда можно использовать. Об отношении Симонова к Сталину и Сталина к нашему герою – речь впереди. А пока присмотримся к тому, как формировалась его личность в годы детства и отрочества. Мама – носитель особой культуры, дворянской. Это значит не только занятия музыкой, прекрасные манеры, знание иностранных языков. Это еще понятие о чести. По воспоминаниям о детстве в Рязани, где мать пыталась дать ему более широкое образование (в частности, он учился музыке «у старой и строгой учительницы»), Симонов взбунтовался на уроке. Когда в присутствии класса, распекая его за неаккуратность, учительница вдруг порвала его тетрадь, то «Кирилл вскочил с места, страшно покраснев, и вдруг буквально закричал: «Зачем вы это сделали? Вы не имеете права рвать тетради!» Симонов пожаловался в учком, и учительнице пришлось признать, что она погорячилась. У десятилетнего мальчика было развитое чувство собственного достоинства. Дворянское, можно сказать сегодня,

чувство. И с этим дворянским чувством чести и достоинства надо было жить в советских реалиях. Отчим оказал огромное влияние на будущего писателя. Симонов любил своего отчима и гордился им. Из службы в царской армии отчим вынес привычки: аккуратность, требовательность к себе и окружающим, дисциплинированность, сдержанность. Впоследствии Симонов писал: «Атмосфера нашего дома и атмосфера военной части, где служил отец (отчима он всегда называл только так – прим. авт.), породили во мне привязанность к армии и вообще ко всему военному, привязанность, соединенную с уважением. Это детское, не вполне осознанное чувство, как потом оказалось на поверку, вошло в плоть и кровь». Александр Григорьевич Иванищев сумел передать приемному сыну свое отношение к жизни, суровые нравственные требования и твердую убежденность, что настоящий солдат — непременно хороший человек. Храбрость и трудолюбие, прямота и обязательность, непримиримость по отношению ко лжи, лени, трусости — таковы были душевные качества солдата, которые стремился сформировать у будущего писателя отчим. Для него армейское и истинно человеческое, высоконравственное было неразрывно. Военные навсегда останутся для Симонова людьми особыми, им всегда хотелось подражать. Симонов вспоминал: «Дисциплина в семье была строгая, чисто военная. Существовал твердый распорядок дня, все делалось по часам, в ноль-ноль, опаздывать было нельзя, возражать не полагалось, данное кому бы то ни было слово требовалось держать, всякая, даже самая маленькая ложь, презиралась». Такой быт и такие жизненные установки с детства были глубоко усвоены. Идеология была не столь важна, сколь была важна дисциплина. У подростка сложилось твердое убеждение, что военные — луч-

шие люди, ибо они служат государству и народу. Их жизнь и деятельность подчинены высшей задаче — защите Отечества. Вне зависимости от строя. Отчим был офицером в царской армии — и прекрасно выполнял свой долг в армии Советской.

Двойственность бытия.

В этом сборнике автор уже писал о литераторах – сверстниках Симонова: Берггольц и Твардовском, Трифонове и Исаковском. Все они, включая Симонова, жили в трагичное время раздвоения. Их близкие или (в случае с Ольгой Берггольц) они сами, прошли через доносы, предательства, страх, сталинские тюрьмы, лагерные пытки. Эта была темная стороны бытия, страшная реальность, известная всем. О многих вещах говорить было не принято, но от заговора молчания легче не становилось. Но был и энтузиазм первых пятилеток: трудовые рекорды, прорыв в области культуры и образования. Мое поколение знает о той поре не столько из книг, сколько из рассказов родителей. Время было такое, когда переплелись страх и мужество, ненависть и радость созидания, гордость за страну и ее вождя и внезапное исчезновение близких. Так жили миллионы советских людей, а над их жизнью, заботами, маленькими радостями и невыносимо тяжелым трудом в 30-40-е годы висело грозным облаком предчувствие войны. «Если завтра война», - пели наши деды, в подавляющем большинстве готовясь идти в поход, готовясь погибнуть, защищая социалистическое отечество. Думаю, о том времени еще будет написан монументальный роман, подобный толстовскому. И его автор, наш потомок (ибо должно пройти значительное время для осмысления Российской истории двадцатого века), непременно, работая над этим будущем ро-

маном, будет читать стихи и прозу Симонова, которому удалось от имени своего поколения сказать о войне честное слово. Но это будет позже, а пока юный Симонов учится в школе, сначала в Рязани, затем в Саратове, где служит его отчим. Двойственность бытия его плотно окружает. Велись ли в семье разговоры о древнем роде Оболенских, упоминался ли отец мальчика, храбрый герой Первой мировой, - это доподлинно неизвестно. (Однако, фамилию мать нашему герою не изменила, он так и остался Симоновым, так что память об отце была жива. Изменил Симонов имя, и то только потому, что были трудности с произношением звука «р»). Известно, что первое стихотворение Симоновым написано в Ленинграде, когда он гостил у одной из своих тетушек, Оболенской Софии Александровны. А в 1935 году все Оболенские были арестованы и сосланы на Урал. Две тетки Симонова, в том числе и София Александровна, в 1937 году погибли в сталинских тюрьмах. Это была трагичная, темная сторона жизни. О ней старались не думать, говорить только шепотом, но от этого легче не становилось. Отрочество – период самоидентификации. «Кто я? Откуда мой род? С кем идти по жизни и к каким целям идти?» - эти вопросы волнуют Симонова в ранней юности. Чувствуя изъян своего происхождения в системе советской реальности, он хочет быть не потомком древнего княжеского рода («обломком», как тогда говорили), а строителем новой жизни, гегемоном которой был рабочий класс. С 1927 года семья живет в Саратове, там будущий писатель и закончил семилетку. Летом 1930 года он поступил в саратовскую школу фабрично-заводского ученичества, одновременно работал на заводе, изготовлявшем детали токарных станков. В это время семья пережила суровое испытание: отчим был арестован,

будущий писатель и его мать были выселены из квартиры. Спустя шесть месяцев Иванищев был освобождён и реабилитирован - произошла «ошибка». Тем не менее, в результате этого события старый военнослужащий был вынужден уволиться из армии. Отчим устроился на гражданскую работу в Москве. Кирилл также нашёл работу в Москве и сумел опубликовать несколько стихотворений. По совету издателя, он поступил в Литературный Институт имени Горького.

Рождение поэта.

Со второго курса Литературного института им. Горького, который еще называли Вечерним рабочим литературным университетом, юноша Симонов стал учиться на дневном отделении, полностью отдавшись литературным занятиям, усердно посещал лекции и семинары, много читал и продолжал писать стихи. Они стали публиковаться в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь». Работая над очерком о Константине Симонове, я перечитываю его ранние стихи. Некоторые читаю впервые. Раньше проходила мимо них, видимо, с возрастом взгляд на литературу и поэзию становится зорче, приходит более глубокое понимание. Стихотворение «Английское военное кладбище в Севастополе» написано в 1939 году, когда за плечами у нашего героя уже была учеба в Литературном институте. Стихотворение удивляет глубиной размышлений, зрелостью оценок в столь молодом возрасте. Но особенно неожиданностью темы: Симонов посвящает свои стихи павшим в Крымской войне английским солдатам, чье кладбище находится в Крыму. Есть в этом стихотворении такие строки:

«Солдатам на чужбине лучше спится,
Когда холмы у них над головой
Обложены английской черепицей,
Обсажены английскою травой».

Мне кажется, что создавая эти строки Симонов, не мог не думать и об отце, и о других русских воинах, чьи могилы оказались на чужбине заброшенными. Мне эта тема особенно близка. Помнится, когда мы обнаружили забытое русское кладбище в Лимассоле, то его комендант, английский офицер, с укоризной задал нам вопрос: «Где же вы были все эти девяносто лет» Нам казалось, что когда вместо фанерных дощечек над русскими могилами встали беломраморные восьмиконечные русские кресты, нашим соотечественникам стало «лучше спаться». Есть и еще одна тема, которая заметна в ранних симоновских стихотворениях: отвага и патриотизм русского солдата не всегда почитались его правительством. Вот сюжет одного из ранних стихотворений. Некий поручик командует отдалённой российской заставой на Камчатке и не знает о начале Крымской войны. Неожиданно его крепость оказывается под обстрелом кораблей военно-морских сил Великобритании. Нанеся городу большой урон, флотилия направляет в крепость офицера с требованием сдаться. Но даже зная о том, что удерживаемый «клочок земли» мало чего стоит, осознавая силу противника, поручик принимает решение не прекращать сопротивление. Атака британцев терпит крах, флотилия отступает. И только потом, с задержкой на год, приходят приказы из Петербурга. Застава должна быть подготовлена к войне и усилена; командование принимает новоприбывший капитан, а поручика отправляют в отставку. С горечью поэт пишет о поручике:

«Он все ходил по крепости, бедняга,
Все медлил лезть на сходни корабля.
Холодная казенная бумага,
Нелепая любимая земля».

Тема воинского долга и воинской дружбы занимали заметное место в раннем творчестве поэта. Но он отдает дань и времени, в котором довелось жить и взрослеть. Симонов пишет и о гражданской войне, и о строительстве Беломорканала. Критики справедливо отмечают, что в тот период в стихах Симонова слышны интонации Маяковского и Багрицкого, любимого им Киплинга и Мандельштама. Но грядет и первое столкновение с реальностью войны. В 1939 году Симонов был отправлен в Монголию в качестве военного корреспондента. Была в разгаре советско-японская кампания. Были написаны и корреспонденции, и стихи. А еще пришло четкое осознание неизбежности большой войны. Такого рода предчувствия свойственны поэтам:

«Святая ярость наступленья
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколенье
В железный узел навсегда».

Родина-Мать зовет.

Так и случилось. После Халхин-Гола Константин Симонов в течение года учился на курсах военных корреспондентов при Военно-политической академии, получив воинское звание интенданта второго ранга. Боев жестокая страда началась в июне 1941-го. С первых дней Великой Отечественной войны Константин Симонов находился в дейст-

вующей армии: был собственным корреспондентом газет «Красная Звезда», «Правда», «Комсомольская правда», «Боевое знамя». В 1942 Константину Симонову было присвоено звание старшего батальонного комиссара, в 1943 - звание подполковника, а после войны - полковника. В качестве военного корреспондента он побывал на всех фронтах. Даже недоброжелатели поэта должны были признать: Симонов был мужественным человеком и постоянно во время фронтовых командировок являл пример личной храбрости. Так, под Могилевом он вырывался из-под огня германских танков на изрешеченной осколками полуторке. На Карельском фронте ходил в разведку в тыл финских войск. Он высаживался с морской пехотой на Керченский полуостров, летал в корреспондентские командировки за границу над контролируемой противником территорией. Читаю военные стихотворения Симонова, пытаюсь представить людей той эпохи. Их мужество и стойкость, мудрость и благородство потрясает. Но больше всего – то, что они, в подавляющем большинстве своем, простили безбожному государству унижения и гулаги. И не по недомыслию, но потому, что пришло суровое время, когда позвал их не ЦК ВКП(б), не тов. Сталин, но Родина-Мать. О чувствах миллионов наших отцов и дедов мы, потомки, можем узнать из их писем. И мне доводилось читать треугольнички, письма с фронта, которые присылал семье брат отца, погибший на той войне. Немногим удалось эти святые чувства выразить стихами. Симонову удалось…Если вы будете в Рязанских краях, в поселке Солотча Рязанской области, вам каждый покажет одно удивительно-прекрасное место над Окой. Мои земляки уверенны: именно там, среди белоствольных берез Симонов написал свое стихотворение «Родина». Привожу его пол-

ностью, чтобы еще раз мы все вместе его прочитали и поклонились поэту . Ибо написать такое стихотворение можно только сердцем.

«Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот, где нам довелось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать».

Муза.

Как известно, когда говорят пушки, музы молчат. В судьбе Симонова все случилось вопреки расхожей фразе. О его сильных чувствах к талантливой актрисе Валентине Серовой сняты фильмы, написаны тома воспоминаний. История любви и счастливая, и трагичная. Не считаю возможным касаться подробностей, не имею права. Но есть у нас другое право – читать и перечитывать книгу стихов «С тобой и без тебя», посвященную Серовой. И как бы ни сложилась судьба Валентины Серовой после разрыва с Симоновым, она вошла в историю отечественной литературы как муза большого русского поэта, как адресат великого стихотворения «Жди меня», полного особой завораживающей силы. Стихи выразили чувства миллионов людей, разлучённых войной. Вот свидетельство одного из фронтовиков: «...Боевые комиссары, рубаки-кавалеристы, отчаянные истребители танков, когда заговариваешь с ними о литературе, вынимают из кармана... вырезку из «Правды». Это не марш. Это – даже не боевая песня.

Это - стихи Симонова «Жди меня». В годы войны это стихотворение пользовалось невероятной популярностью. Врач Слава Менделевна Бескина, работавшая во время войны во фронтовых госпиталях,

вспоминала, что раненые солдаты, когда им было особенно больно, читали наизусть «Жди меня».

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера…
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Роман.

На войне Симонов видел многое, прошёл фронтовыми корреспондентскими дорогами по полям сражений, но первое своё серьёзное боевое и журналистское крещение он получил на Буйничком поле, когда на подступах к Могилёву его защитники в неравном сражении приостановили рвущиеся на запад фашистские бронетанковые колонны

группы армий «Центр». В годы Великой Отечественной войны и на фронте, и в тыло имя поэта Симонова было хорошо известно и любимо. А свой великий роман «Живые и мертвые» Симонов написал уже после войны. Посвящен роман самому горькому и тяжелому периоду - началу Великой Отечественной…

Страшная весть о войне застала одного из главных героев романа Синцова на юге, где он собирался провести отпуск с женой. Синцов - военный корреспондент, по заданию редакции он ездит в самые «горячие точки», собирает материалы, чтобы потом поведать обо всем увиденном, поднять дух отступающих солдат. Синцов старается все увидеть своими глазами, запомнить и понять причину столь стремительного и страшного в своей глобальности отступления. Глазами Ивана Петровича Синцова мы видим многие эпизоды войны, неразбериху и суету первых недель и месяцев.

Трагическую картину приходится наблюдать ехавшим в полуторке Синцову и солдатам: фашистские истребители, как с цыплятами, расправляются с беззащитными, почти без вооружения бомбардировщиками-штурмовиками. Мужчины, не стыдясь слез, смотрят на эту вакханалию смерти, задают единственный вопрос: «Где наши истребители, почему штурмовики идут без прикрытия?» Вообще, поначалу у людей больше вопросов, чем разумных, логичных ответов. «Что за внезапность? Как могли не заметить скопления фашистских армий у своих границ?» - спрашивает Машу Синцову сосед, старый московский рабочий. Он готов терпеть любые лишения, лишь бы у армии всего хватало. «Так почему же не сказали?»

Сопротивление официальной лжи, протест против недоверия со стороны властей к народу звучат и в словах старого

лесника, который вынужден остаться на оккупированной территории. А знай он раньше правду, так ушел бы, ни за что не остался под врагом. Попав в бригаду Федора Федоровича Серпилина, Синцов увидел порядок и дисциплину, умение воевать даже в этих трудных обстоятельствах. Серпилин — военный специалист, прекрасно разбирающийся в тактике и стратегии. Он умеет беречь солдат, знает, что от него требуется. Впервые за долгие недели Синцов почувствовал себя уверенно именно в бригаде генерала, находящейся на самом ответственном участке фронта. Оказавшись в полном окружении, Серпилин не теряет присутствия духа. Его бойцы не поддались панике, пробиваются к линии фронта. Умное руководство генерала Серпилина помогает его бойцам перейти фронт, оказаться среди своих. Но на войне все меняется молниеносно, и люди, вышедшие из окружения, гибнут безоружными под прорвавшимися танками противника.

Глазами героев романа: Серпилина, Синцова, Малинина и других — мы видим суровое и героическое время, когда несмотря ни на что страна выстояла, сумела остановить жестокого и мощного врага, а потом и начать масштабное наступление от Волги. Сталинград становится символом непобедимости русского народа. «За Волгой для нас земли нет», - неоднократно звучит ключевая фраза. Собравшись с силами, осознав ошибки первых месяцев, страна сумела переломить ход войны. Симонов мало говорит о верховной власти, больше внимания уделяет простым солдатам, пехотинцам, незаметным труженикам войны, которые мужественно и терпеливо выполняли свой долг.

Многие страницы романа «Живые и мертвые» читать без слез невозможно. Но автор не ставит перед собой цель

разжалобить читателей. Он правдиво и талантливо изображает все увиденное и пережитое людьми в эти страшные, суровые и героические годы.

«Всю жизнь он помнил это поле».

Константин Михайлович Симонов скончался 28 августа 1979 года в Москве. Его останки были кремированы и, согласно завещанию, прах был развеян в Белоруссии - на Буйническом поле под городом Могилёвом - на шестом километре дороги из Могилёва в Бобруйск, где в суровые дни 1941 года беспримерную стойкость проявили бойцы 388-го стрелкового полка (172-я стрелковая дивизия, 61-й стрелковый корпус, 13-я армия, Западный фронт) и ополченцы Могилёва, уничтожив только за один день боёв 12 июля 1941 года тридцать девять фашистских танков. 13 июля 1941 года в расположении 388-го стрелкового полка под командованием полковника Кутепова С.Ф. на Буйническом поле оказался военный корреспондент Константин Симонов, который своими глазами увидел, как стояли насмерть советские воины. Это поле и подвиг людей навсегда запечатлелись в памяти писателя...

Там, среди елей и клёнов, лежит валун, на котором знакомое, размашистое факсимиле Константина Симонова. С тыльной стороны камня вмонтирована литая доска с надписью:

«Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Октябрь 2015 г.

Имя нежное Суок.

«Олеша - один из тех писателей, которые не написали ни единого слова фальши. У него оказалось достаточно силы характера, чтобы не писать то, чего он не хотел».

(Эммануил Казакевич).

«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик
У забора, как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,

Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне».

(Анна Ахматова)

Как растут стихи и проза.

Эпиграфом к рассказу о Юрии Олеше я дерзнула избрать строки мудрого стихотворения Анны Ахматовой «Мне ни к чему одические рати…». Эти стихи о том, как самые обычные события, так сказать, проза жизни, касаются души поэта и таинственным образом трогают поэтические струны души. А душа поэта отзывается волшебным звучанием, рождаются задорные и нежные стихи, радующие

всех нас. Это верно, когда мы говорим и о поэзии, и о прозе, и вообще о любом творчестве. Импульсом может послужить мимолетное впечатление, глубокое переживание и незначительный эпизод. (Ахматова называет этот импульс просто «сором»). Речь идет о событиях жизни человека, но не о житии, ведь мы не святые. А в жизни бывает всякое: безответная неразделенная любовь, бесчисленные грехи, заблуждения и ошибки, страдания и разочарования. Но стоит ли из волшебных пространств сказки опускаться в прозу жизни? Думается, стоит, если мы хотим узнать, собственно, как эта сказка родилась. В случае с Юрием Олешей его сердечные страдания и мучения происходили на фоне трагичной эпохи, и все вместе стало импульсом для рождения дивной сказки. Ее читают дети и взрослые в течение девяносто лет. Самые первые строчки книжки «Три толстяка» таковы: «Время волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле. Всё это выдумки и сказки для совсем маленьких детей». Но мы, читатели, не верим автору, ведь сам Олеша - настоящий волшебник.

Сказка о революции и любви.

Я вполне уверена, что те читатели, кого этот очерк заинтересует, читали сказку «Три толстяка». И очень кратко лишь напомню ее содержание. Начинается сказка с народного восстания против жадных и жестоких правителей – Трех Толстяков, обжор и бездельников. Они растят себе на смену наследника, мальчика Тутти. Мальчику постоянно рассказывают, что у него, якобы, нет сердца, а вместо сердца - железо. Мальчик им верит и растет с убеждением в своей исключительности, с сознанием того, что жестокость - единственное стоящее чувство в мире. У Тутти есть

единственная привязанность – это его кукла. Когда-то ученый Туб по приказу трех толстяков создал эту куклу, точную копию сестры Тутти по имени Суок, с которой мальчик был разлучен. Кукла была уникальной. Она росла вместе с наследником, как живая девочка, стала единственным другом для изолированного от всех наследника и помогла ему сохранить в душе частицы доброты. А еще Толстяки приказали Тубу заменить живое горячее сердце Тутти на железное, но ученый наотрез отказался. За это ученый был заключен в темницу, где проводил годы, постепенно теряя человеческий облик. Во время мятежа гвардейцы испортили куклу. Наследник был в отчаянии. Починить куклу поручают знаменитому ученому Гаспару Арнери, который подменяет сломанную куклу на живую девочку по имени Суок. Попав во дворец, Суок смогла помочь восставшим. В конце концов, народ побеждает, а Тутти и Суок узнают, что они брат и сестра. «Со всех сторон наступали люди. Их было множество. Обнажённые головы, окровавленные лбы, разорванные куртки, счастливые лица… Это шёл народ, который сегодня победил».

Кто ты, Суок?

Вы только произнесите эти имена: гимнаст Тибул, доктор Гаспар Арнери, оружейник Просперо, наследник Тутти и маленькая циркачка Суок. Волшебные эти имена перенесут нас в детство, когда, читая

увлекательную книжку Олеши, мы верили в то, что добро обязательно победит зло, учились быть храбрыми и благородными, учились верности в дружбе. Эту сказку читала я в детстве вместе с маленькими своими друзьями, много лет спустя читала «Трех толстяков» своим детям, а еще позднее - внукам. И маленькая внучка спросила однажды: «А на самом деле, была Суок?» А ведь Суок действительно жила-была на свете. Если быть точнее, то Суок была не одна, их было трое. И Суок – это не имя, а фамилия. Фамилия трех прелестных девочек: Лидии, Ольги и Серафимы. Они были дочерьми австрийского эмигранта, музыканта Густава Суока, и в двадцатые годы прошлого века жили в Одессе.

«Он ошибается, - заявил Тибул. – Доктор Гаспар, это не кукла, смею вас уверить, это маленький дружок, это девочка, танцовщица Суок, мой верный товарищ…»

Это строки из сказки «Три толстяка». Они не простые, а волшебные, потом что в них зашифровано очень многое. И это многое касается не столько сюжета сказки, сколько биографии Олеши. Прочтите имя гимнаста Тибула справа налево: не правда ли, почти получилось слово «любит»? А еще ласковое выражение «маленький дружок». Так называл молодой Юрий Олеша Симочку Суок, в которую однажды и на всю жизнь влюбился. События этого жестокого романа начинаются в Одессе, куда семья обедневшего белорусского дворянина польского происхождения переехала в 1902 году. Тогда будущему писателю было три года. В этом прекрасном городе Юрий Олеша провел почти все свое детство и считал себя одесситом. Ему было три года, когда в той же солнечной Одессе в семье Густава Суока родилась третья, младшая дочка Серафима. Встретились наши герои, когда Симочке было шестнадцать, а

Юрию девятнадцать. Он был студентом Одесского университета. А на дворе было время смутное. С 1917 по 1920 год Одесса четырнадцать раз (!) переходила из рук в руки: от красных к белым и наоборот. В очерке о Валентине Катаеве мы писали об Одессе того времени подробно. Человек не может выбрать эпоху, в которой ему предстоит жить, страдать и любить. Молодость, с ее волнениями, влюбленностями, мечтами, приходит несмотря на исторические и политические катаклизмы в положенное время. О чем мечтал юноша из небогатой польскоговорящей семьи? О литературе и поэзии, так как рано понял, что имеет от природы особенный литературный дар. Более того, он оказался в кругу единомышленников, молодых литераторов. Кто они были? Вениамин Каверин, Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев и его брат Евгений, который взял позже псевдоним Петров и стал одним из автором романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Какие имена, сколько революционной романтики, искрящегося таланта! И, конечно, все поэты были влюблены. Юрий Олеша влюбился в Серафиму Суок, а Всеволод Багрицкий в ее сестру Лидию. Это было время весьма свободных нравов. И Олеша со своей подругой, которую он называл «дружочком» (почти так гимнаст Тибул называл Суок), стали жить вместе. Катаев, друг Олеши, посвященный во все секреты юной пары, вспоминал: «Не связанные друг с другом никакими обязательствами, нищие, молодые, нередко голодные, веселые, нежные, они способны были вдруг поцеловаться среди бела дня прямо на улице, среди революционных плакатов и списков расстрелянных». Если б тогда кто-то сказал Симочке, что она «роковая женщина», - она бы и не поняла, о чем речь. Она тоже любила, или думала, что любила, талантливого поэта. А потом легко и без особых

раздумий оставила его, прельстившись возможностями одного знакомого бухгалтера, который распределял продуктовые карточки. И на несколько дней Сима вышла за бухгалтера замуж (в двадцатые годы это было возможно). Это предательство просто уничтожило молодого поэта. Беспокоясь о друге, который впал в совершенное отчаянье, Валентин Катаев идет на переговоры с ветреной музой Олеши и возвращает ее без особого труда. Но радовался Олеша возвращению ветреницы рано. Вновь обретенное счастье длилось недолго. Сима неожиданно вновь выходит замуж и опять не за Олешу - а за революционного поэта В. Нарбута (к слову, именно он издаст впоследствии сказку «Три Толстяка»). Впечатляющий портрет Нарбута дал Валентин Катаев в повести «Алмазный мой венец», где поэт выведен под именем «Колченогого»: «Нарбут был с отрубленной кистью левой руки, культяпку которой он тщательно прятал в глубине пустого рукава, с перебитым во время гражданской войны коленным суставом, что делало его походку странно качающейся, судорожной, несколько заикающийся от контузии, высокий, казавшийся костлявым, с наголо обритой головой хунхуза, в громадной лохматой папахе, похожей на черную хризантему, чем-то напоминающий не то смертельно раненного гладиатора, не то падшего ангела с прекрасным демоническим лицом...» Олеша смог вернуть Симочку и на этот раз, но уже к вечеру у дома Катаева, где Олеша любовался своим «дружочком», появился угрюмый Нарбут и сказал, что если Сима не вернется, он пустит себе пулю в лоб. Это было сказано настолько убедительно, что Сима ушла от Олеши. На этот раз навсегда.

Оптимистическая трагедия.
Для Юрия Олеши двадцатые годы были трагичными и самыми счастливыми. Он потерял сестру Ванду, которая скончалась от тифа. Он расстался навсегда с родителями, которые решили покинуть Россию и эмигрировали в Польшу. Но он полюбил раз и навсегда. Разве это не счастье? Недаром говорят, что не бывает любви несчастливой. Он был талантлив, и его друзья (напомню, что это были Валентин Катаев, Евгений Петров, Всеволод Багрицкий) признавали, что он – талантливее всех в их содружестве. Олеша не уехал вместе с родителями, так как считал себя русским писателем, он был уверен, что его ждет блестящее будущее, а еще он надеялся, что однажды Симочка, его Суок, вернется к нему.

Перипетии судьбы.
Я прочитала те немногие воспоминания о Серафиме Густавовне Суок, которые сохранились. Современники вспоминают ее более, чем негативно. Но была в этой женщине какая-то загадка, если так любили ее выдающиеся люди своего времени. А она обладала важным для той жестокой эпохи качеством: чувством самосохранения. А еще она любила комфорт, и у нее было чутье на талантливых людей. Она выбирала мужчин, а своих избранников она умела убедить, что главное их предназначение – сделать жизнь Симочки покойной, сытой и нарядной. Олеша, конечно, был талантлив, но Нарбут к таланту еще занимал значимые посты. Он был коммунистом, во время гражданской войны воевал на стороне красных, был захвачен в плен и расстрелян, но не убит — ночью ему удалось выползти из-под трупов и скрыться. В дальнейшем он вместе с Симочкой жил в Москве и был директором издательства «Земля

и фабрика». Однако от сталинского лагеря Нарбуту спастись не удалось. Обнаружился документ, подписанный Нарбутом во время допросов и пыток в белогвардейской контрразведке. Эти показания, как писали в «Красной газете» в 1928 году, «порочили партию и были недостойны члена партии». Нарбута лишили всех постов и привилегий, и вскоре внезапно арестовали. И не Сима, а ее сестра, вдова поэта Багрицкого Лидия, пошла хлопотать за арестованного. Она хлопотала столь дерзко, страстно и мужественно, что ее немедленно арестовывают и ссылают в сталинские лагеря на долгие семнадцать лет. У Лидии остается маленький сын Всеволод, он растет без матери, несет тяжелую ношу быть сыном врага народа. Всеволод Багрицкий - талантливый поэт. И нет ни одного упоминания, что родная тетя, Серафима Густавовна, оказала хотя бы какую-либо помощь мальчику. Он совсем юным уходит на фронт и гибнет, так и не увидевшись с матерью. А Серафима - в поиске нового мужа. Знал ли Олеша все перипетии Симочкиной судьбы? Конечно, знал.

Девочка и кукла.

Он хранил в душе образ любимой, любил говорить о ней. С кем? Лучшим слушателем стала Ольга Суок, сестра ветреницы. Олеша делился с Ольгой своими мыслями об изменщице. Серафима была для него неразгаданной тайной. Ее двойственность была непостижимой. Такая тонко чувствующая, нежная, изысканно-красивая и в то же время холодно-расчетливая предательница, бесчувственная кукла. Исследовательница Ольга Кузьмина пишет: «Ольга слушала, как обошлась с Олешей ее сестра, лишь молча покачивала головой. «Ну вот, разве вы могли бы так обойтись со мной?!» – вскрикнул он, порывисто схватив ее за

руку. Ольге было жаль Олешу – постаревшего за время рассказа. Она пробормотала что-то, но он сжимал руку, настаивал на ответе. Наконец, Ольга Густавовна качнула головой: «Нет, пожалуй, не смогла бы...» - «Тогда выходите за меня!» - крикнул Олеша. Она смутилась, покраснев, принялась что-то говорить, но... Но вскоре и правда оставила мужа, Михаила Росинского, и приехала в Москву, став женой Олеши». Именно ей и посвятил Юрий Олеша свою сказку «Три толстяка». Но сначала была Валечка Грюнзайд. Олеша вслед за своими друзьями из Одессы перебрался в Харьков, а затем в Москву. Вся компания молодых одесситов устроилась в газету «Гудок». Олеша писал фельетоны под псевдонимом «Зубило», был необычайно популярен. Часто приятели собирались в квартирке Валентина Катаева в Мыльниковом переулке. И однажды в доме напротив Юрий Олеша увидел прелестную девочку-подростка с большой красивой куклой. Девочка сидела на подоконнике и читала сказки Андерсена. Это была Валентина Грюнзайд - дочь бывшего поставщика чая императорского двора. Юрий Олеша познакомился с ней и пообещал, что напишет красивую сказку в ее честь. Книга «Три толстяка» была вскоре готова, было и посвящение: Валентине Грюнзайд. Но опубликовать удалось книжку лишь через пять лет. Все эти годы Олеша говорил своим друзьям, что растит себе жену-Валечку… Однажды он познакомил ее с лучшим другом, Евгением Петровым. Валентине Евгений очень понравился: легкий, насмешливый, остроумный. Менее чем через год после знакомства они поженились.

«Зависть» и «Три толстяка».

Ну, а наш герой женится на Ольге Суок. Этой женщине выпала нелегка доля. Ее семнадцатилетний сын выбросится из окна, ее муж, Юрий Олеша, которого она тихо любила и о ком заботилась до последнего дня его жизни, страдал алкоголизмом. Но она терпеливо несла свой крест, понимая, что она стала женой гения. А он, написав легко и непринужденно сказку, засел за серьезный роман. Роман вышел в 1927 году и назывался «Зависть». Признаюсь, читала я этот роман в юности, перечитывала еще раз, работая над этим очерком. И не могу понять, почему в тридцатые годы выдающиеся писатели (Горький, Набоков, Ходасевич), известные критики и обычные читатели считали этот роман одним из лучших романов в советской литературе 20-30-х годов. Это вовсе не значит, что роман не талантлив. Видимо, он так связан с тем временем, что вне контекста двадцатых годов понять и оценить его обычному читателю не просто. Успех «Зависти» был огромен. На волне успеха Олеша предпринимает попытку опубликовать «Три толстяка». На этот раз попытка увенчалась успехом, более того сказку проиллюстрировал знаменитый художник Михаил Добужинский, живший тогда в Париже. Первый иллюстратор «Трёх толстяков» заявил о себе ещё до революции, он входил в знаменитое объединение «Мир искусства». Некоторое время Добужинский пытался рабо-

тать и в советской России, но в 1924 году уехал. Удивительно, но тема детской игрушки в контексте трагичной эпохи заинтересовала Добужинского еще в 1905 году, когда он создал картину «Октябрьская идиллия», на которой изображена лужа крови и около этой лужи кем-то брошенная маленькая кукла. История Суок тронула сердце художника. Для меня эти иллюстрации и содержание книги «Три толстяка» нераздельны, они удивительно органично дополняют друг друга. Итак, в 1928 году сказка была опубликована. На этот раз с посвящением Ольге Суок. Но близкие понимали, что автором двигала любовь затаенная и преданная. И имя ее тоже Суок, да только не Ольга, а Серафима. А Ольге он однажды сказал: «Не обижай Симу. Я ее очень люблю. Вы две половинки моей души». Сказка очень полюбилась маленьким и взрослым, выдержала много изданий, была поставлена на сцене (впервые на сцене МХАТа), по ней были поставлены балет, опера, художественный, документальный и два мультипликационных фильма.

Ни дня без строчки?

Скончался Юрий Карлович Олеша в 1963 году. После выхода в свет сказки ему оставалось жить и творить еще тридцать пять лет. Но как же печально писать об этих годах. Тридцать пять лет молчания. Писатель больше не написал ни сказок, ни романов, ни стихов. Правда, он вел дневни-

ки. И на их страницах рукою мастера рассыпаны подлинные жемчужины метафор, ярких эпитетов, изысканных построений. Потом они были опубликованы под названием «Ни дня без строчки». Олеша ушел в мир иной, оставив после себя много загадок, и главная: в чем же причина такого молчания? Критики приводят много объяснений. Кто-то считает, что Олеша не вписался в трагичное пространство сталинской эпохи и прокрустово ложе метода социалистического реализма. Кто-то объясняет причину творческой исчерпанности несчастной любовью. А Серафима после ареста Нарбута вышла замуж за литератора и коллекционера, войну провела в спокойной эвакуации, где познакомилась с выдающимся писателем Виктором Шкловским. Она работала у Шкловского секретаршей. Разбив его семью, благополучно вышла за него замуж, став супругой видного писателя, лауреата различных премий. А Олеша пристрастился к спиртному. Иногда Олеша приходил в дом Шкловского и просил денег. Серафима Густавовна давала, а после ухода Олеши плакала. Шкловский нервничал, но не запрещал эти визиты. Позднее он написал об Олеше: «Он создавал арки и не смог сомкнуть их своды». Нет, писать о годах молчания Юрия Олеши совсем не хочется. Может быть, и не стоит. Сам Олеша в годы без творчества жестоко написал о себе: «В моем теле жил гениальный художник, которого я не мог подчинить моей жизненной силе». Позволю себе завершить этот рассказ строками исследователя творчества Олеши Сергея Белякова, который написал: «Владея русским языком не хуже Набокова, он так и не стал вторым Набоковым, но остался королем метафор. Вот одна из них: «Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев».

Как чудесны эти слова. Но главное: вспомним с благодарностью о талантливом писателе, который создал, наверное, самый обаятельный образ девочки-подростка в советской литературе. Кого еще можно поставить рядом с Суок? Если только героиню Кира Булычова Алису Селезневу, не правда ли? Приходят в мир новые поколения детей, вновь звучит и звучит серебряным колокольчиком голосок:

«Снова я живою стала,
И, заснувши в тишине,
Я тебя во сне видала, -
Как ты плакал обо мне!
Посмотри: дрожат реснички,
Льётся волос на висок.
Не забудь твоей сестрички
Имя нежное - Суок!».

Певец волшебного острова. Виктор Соколюк.

Миссия народов.

50 лет назад были установлены дипломатические отношения между народами нашей страны и свободного Кипра. Дело дипломатов подписывать договора между государствами. Наполнить их живым творческим содержанием – миссия народов стран. Чтобы отношения между Кипром и Россией были подлинно братскими, потрудились многие сыны и дочери Кипра и России.

Один из ярчайших представителей этой славной когорты - Виктор Соколюк. Этот человек объединил четыре страны - Россию, Грецию, Кипр и Украину своей любовью к светлому миру Эллинизма. В августе ему исполнилось бы 60 лет. Както незамеченной прошла эта дата. Летние пожары, видимо, тому виной. Не до литературных юбилеев было общественности. Все же мы ожидали, что на памятную дату отзовутся ученики этого выдающегося ученого, его коллеги, литераторы, педагоги, деятели культуры. Поскольку ожидания не оправдались, мы берем на себя смелость рассказать читателям нашей газеты о замечательном нашем современнике, ушедшим безвременно в возрасте 46 лет, но оставившим глубочайший след в истории литераторы. Мы хотим отдать дань человеку, который бесконечно любил Кипр, и который внес поистине драгоценный вклад в укрепление культурных и духовных отношений между народами Греции, Кипра, России и Украины.

Портрет.
«Он был высоким, красивым, темноволосым. Весь его облик, ясные голубые глаза за линзами очков, мягкость характера, простота в одежде и поведении, легкость в общении свидетельствовали об интеллигентности, удаленности от каких-либо меркантильных соображений, глубокой и спокойной погруженности в свою великую страсть – греческий язык и литературу», - так написал о Викторе Соколюке греческий журнал «Неа Эпохи».

Истоки.
Трудно ли писать о человеке, которого не довелось повстречать лично? Безусловно, это не просто. Так, увы, случилось, хотя и во времени и в пространстве мы пересекались не однажды. Читая статьи и переводы Виктора Соколюка, ощущаю я небывалое созвучье душ. Помню, как несколько раз было огромное желание написать ему и сказать благодарственные слова. Было тогда это сделать неловко, а теперь уже и поздно. А ведь были мы современниками...
Он родился на Украине, на Волынщине. Школу закончил с золотой медалью и поступил в Киевский государственный университет. Там он и встретил замечательных педагогов профессора Белецкого и доцента Чернышову. Именно они пробудили у юноши интерес к Греции, ее драматической истории и ее великому языку. Экспедиции в северное Причерноморье открыли мир древней Эллады. Это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь, до последнего дыхания. Он жил Грецией и греческим миром, на греческой земле скончался в июле 1997 года. С энтузиазмом он самостоятельно начинает изучение греческого языка. Впоследствии его сын, известный ныне педагог, напишет:

«Самое большое впечатление производил его греческий язык, богатый словарный запас и абсолютная свобода выражений своих мыслей на греческом языке. Греки не верили, что он из России.. «Не может иностранец так знать греческий язык», - говорили они.

Мир Эллады.

В это же время в его сердце вошла греческая поэзия. В душе зазвучало имя Янниса Рицоса, великого греческого поэта. Он работал над его творчеством, писал научную работу, делал переводы его стихов. Между тем, профессиональная судьба складывалась успешно: он был приглашен на работу в Москву, в Институт общественных наук, стал переводчиком- синхронистом. Затем переходит на преподавательскую работу, преподает греческий язык студентам МГУ им. Ломоносова, Московском областном педагогическом институте. Эту работу он успешно сочетает с переводами. Переводит Соколюк современную греческую прозу и поэзию. Издаются и первые труды ученого. Уже в 1975 году вышел греческо-русский разговорник. Если далеко не все наши читатели знают имя Соколюка, то его разговорник каждый россиянин, живущий на Кипре, хотя бы раз подержал в руках, а для большинства эта книжечка (а выдержала она более 10 изданий) стала настольной. Филологи признают: эта работа Соколюка уникальна, ведь он вложил в нее и свой опыт, всю свою душу. Любя греческий язык, греческую культуру, Виктор Григорьевич щедро делился с соотечественниками своими обретениями. Благодаря усилиям Соколюка в два последних десятилетия 20 века на Украине и в России большими тиражами издавались произведения греческих писателей. На греческом языке Соколюк вел передачи на радио. В течение десяти

лет Соколюк создавал, редактировал и вел еженедельную передачу греческой редакции Гостелерадио сначала СССР, затем России «Литературный микрофон», знакомя греко-говорящих слушателей с русской литературой, а русскоязычных - с литературой Греции и Кипра. Был Соколюк ведущим сотрудником Института мировой литературы, активно работал в правлении Общества культурного, делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра.

Посол кипрской литературы в России.

На Кипре Виктор Григорьевич впервые побывал в 1973 году, остров был еще свободным и единым. Впоследствии с теплотой он вспоминал о Кипре:

«Впервые побывать на этом прекрасном острове мне посчастливилось 1973 году. Первые впечатления наиболее яркие. И сегодня живы в памяти те неповторимые сентябрьские дни, теплые встречи с радушными гостеприимными киприотами – греками и турками. Вспоминаются бегущие вдоль шоссе оливковые и апельсиновые рощи, вспоминается залитое щедрым солнцем побережье близ города с поэтичным названием Пафос. Мрачный венецианский замок в Фамагусте, где разыгралась драма Отелло и Дездемоны... Руины античных храмов и амфитиатров. Средневековые крепости и монастыри, мусульманские мечети и христианские церкви – молчаливые свидетели пролетевших эпох, расцвета и заката цивилизаций... И сейчас, когда я произношу слово «Кипр», в моем воображении возникают очертания волшебного острова, выплывая из загадочной лазурной дымки».

Эти яркие и поэтичные строки предваряют еще один бестселлер 90-х годов – книги Соколюка «Сокровища острова

Афродиты». Старшее поколение русскоязычного сообщества Кипра прекрасно помнит эту книгу, изданную в Никосии в 1995 году. Не погрешу против истины, если скажу, что многие последующие путеводители выросли из этой книжки. Не случайно выдающийся эллинист Татьяна Кокурина, анализируя серьезные исследования Соколюка, отдельно останавливается на путеводителе и пишет: «В то же время весело, в непринужденной манере он написал краткий путеводитель по Кипру, содержащий все необходимые сведения, могущие пригодиться не только путешественнику, но и любому человеку». Ученый полюбил Кипр, и воспоминания о нем побудили к изучению кипрской литературы. К своему изумлению Соколюк делает для себя открытие: на маленьком Кипре есть настоящая литература. Издание книги «На земле Афродиты» стала огромным событием в культурной жизни греческого мира. В книгу, которую подготовил к изданию Соколюк, и куда вошли его переводы рассказов кипрских писателей, были помещены произведения 37 писателей Кипра. В 1985 году издательство «Радуга» организовало в Никосии презентацию книги. Она имела широчайший резонанс в Греции и в России. Переводы произведений кипрских писателей Михайлидиса, Либертиса, Николаидиса на русский язык сделали их творчество знакомо русскоязычным читателям. Счастливой была судьба книги для детей «Мы - киприоты», которая вышла в издательстве «Детская литература». Успех книги был огромен. Коллеги Соколюка вспоминают, что в издательство обращались педагоги школ, которые заказывали книжки в подарок лучшим учащимся школы. Мои сверстники хорошо помнят, какая прекрасная традиция была вручать книги отличившимся ученикам в торжественной обстановке. С полным правом мы назвали Соко-

люка певцом волшебного острова Кипр, ведь миллионы советских читателей об острове узнали благодаря его трудам.

Московская духовная академия.

Я уж упоминала, что лично мне повстречаться с Виктором Соколюком не довелось, но зато я хорошо знаю одного его ученика. Ныне это митрополит, известный не только на Кипре, он - значимая фигура мирового православия. А в 90-е годы кипрский юноша, будущий митрополит Тамасский и Оринийский Исаия, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия приехал в Россию, чтобы учиться в Московской Духовной Академии (МДА). Однако приступить к учебе будущий митрополит не мог, так как не знал русского языка. Тогда-то Виктор Соколюк и стал заниматься с юношей. Более того, он пригласил молодого киприота поселиться в своем доме. Начались интенсивные уроки русского языка. Стали они и уроками русской культуры. Результаты этой работы может ощутить каждый, кому довелось общаться с митрополитом, говорящим на прекрасном русском языке. «Я впервые оказался в русской семье, - вспоминает Владыка, - мне посчастливилось продолжительное время общаться с людьми, имеющими высокие духовные запросы, высокий интеллигентный уровень общения. Это была настоящая школа для меня. Благодарную память о Викторе Григорьевиче я сохраню навсегда». При поддержке Киккского монастыря ученый в 1993 году начал преподавать новогреческий язык в МДА. После его безвременной кончины эту работу продолжил его сын, Алексей Викторович. А в феврале 1998 года в Академии открылся Греко-латинский кабинет. Ныне студенты МДА имеют возможность читать оригиналь-

ные тексты Священного писания, святоотеческого наследия на языке оригинала. В Академии изучается и Византийское пение. Любовь к греческой культуре прививается студентам, дело всей жизни Виктора Соколюка продолжается.

Незаменимых нет?

Когда уходят личности такого масштаба, как Виктор Соколюк, то в той сфере, где они творили, остается пустота. Иногда она заполняется делами учеников, а порой и не заполняется вовсе. Потому и говорят: невосполнимая потеря. Прошли годы, но пока не появилось ни переводчика, ни педагога, который так любил бы культуру Греции и Кипра, что сами греки называли его великим эллинистом.

Иллюстрации:

Аркадий Голиков в юности стр. 482

Аркадий Гайдар с юными читателями стр. 494

Валентин Катаев стр. 497

Валя и Женя Катаевы с отцом стр. 498

Михаил Булгаков стр. 511

Татьяна Лапа, жена Михаила Булгакова стр. 512

Любовь Белозерская стр. 515

Михаил Булгаков и его жена Елена стр. 516

Владимир Набоков стр. 518

Юрий Трифонов стр. 525

Константин Симонов стр. 544

Валентина Серова стр. 555

Константин Симонов и
Валентина Серова на фронте стр. 555

- Портрет Юрия Олеши стр. 560

- Сестры Суок: Лидия, Серафима и Ольга стр. 562

- «Октябрьская идиллия»
Худ. М. Добужинский стр. 569

- Иллюстрация к книге Юрия Олеши
«Три толстяка» Худ. М. Добужинский стр. 570

Виктор Соколюк стр. 573

Раздел IV

Служители Мельпомены и Талии

Театральные истории

- Федор Волков: судьба артиста

- Мир Александра Островского

- Душа и маска Федора Шаляпина

- Константин Станиславский – человек, создавший театр

- Очей очарованье

Федор Волков: судьба артиста.

«Повелели мы ныне учредить российский для представления трагедий и комедий театр, для которого отдать Головинский каменный дом, что на Васильевском острову, близ Кадетского дома. А для оного повелено набрать актеров и актрис: актеров из обучающихся певчих и ярославцев в Кадетском корпусе, которые к тому будут надобны…»

(Из Высочайшего Указа императрицы Елизаветы Петровны «Об учреждении Русского театра» от 30 августа 1756 года).

«Волкову, Волкову всем мы обязаны! Он, незабвенный Федор Григорьевич, здесь , в Ярославле впервые сто лет назад привил нашей жизни новое искусство – театр!»

(Из речи гениального русского актера Михаила Щепкина на праздновании столетия открытия Федором Волковым театра в Ярославле).

Дивны дела Твои, Господи!

Судьбы некоторых людей столь необычны, исполнены подлинных чудес, удивительных совпадений и превращений, что в мировой культуре (фольклоре, музыке, драматургии, литературе) появились дивные сюжеты, порой основанные на реальных событиях. Наивный крестьянский паренек Иванушка становится царем, замарашка-Золушка –

принцессой, а парубок Вакула переносится в Санкт-Петербург и встречается с самой императрицей. Наш рассказ о подобной судьбе, ибо речь пойдет о Федоре Волкове, 290-летие которого отмечается в эти дни. Кто же он? О, как же непросто ответить на этот вопрос. Федор Волков - универсальный человек XVIII столетия. Он был архитектором, поэтом, певцом, живописцем, скульптором, резчиком по дереву, музыкантом, собирателем книжных редкостей, машинистом сцены, директором, режиссером и первым актером, основателем актерской профессии в России. Главным призванием этого уникального человека был театр, главной его миссией – быть Артистом (именно так, с большой буквы), а главной заслугой стало то, что Волков основал первый русский общедоступный театр. Но как же случилось, что сын скромного костромского торговца, рано осиротевший, стал директором русского театра, был настолько близок к императрице, что имел право входить к ней без доклада?

Начало.

Наша совершенно чудесная история, которая базируется на строго документированных фактах, началась 9 февраля 1729 года. Именно тогда в городе Костроме в семье купца средней руки Григория Ивановича Волкова родился сынок-первенец. Назвали мальчика Федором. После рождения первенца любимая супруга Григория Ивановича Матрена Яковлевна родила еще четверых сыновей. Семья была дружная, жили справно. Одна печаль – Григорий Иванович часто прибаливал, воспитанием детей занимался в основном дедушка, Харитон Григорьевич. Первые воспоминания Федора связаны именно с дедом, который был замечательным рассказчиком. Дед часто брал любимого внука

Федюшку с собой в Ипатьевский монастырь. В рассказах деда оживали страницы истории государства Российского. Вот Иван Сусанин, костромской крестьянин, жертвует своей жизнью, чтобы спасти молодого Михаила Романова. А вот здесь, в Ипатьевском монастыре, матушка Михаила инокиня Марфа благословляет сына на царство. Федя был любознательным. А когда дедушка стал обучать его грамоте, то подивился старик, как же смышлен был внук, все хватал на лету. И скоро уже Федя бойко читал, а писал так красиво, как настоящий писец. Был у деда приятель, немецкий пастор. В Костроме пастор отбывал ссылку, так как раньше служил временщику Бирону. Отдал дед внука в ученье к немцу, и скоро мальчик заговорил по-немецки. Дедушка гордился внуком. Детство закончилось со смертью отца. Сильно горевала семья. Дедушка все надежды возлагал на Федора, да мал был еще старшенький.

Из Костромы в Ярославль.

Горюй - не горюй, а жизнь продолжалась. И как-то мама Федора, Матрена Яковлевна, собралась в Ярославль, чтобы навестить сестру, показать ей племянников, да и немного переменить обстановку. Там и приметил молодую вдову ярославский купец Федор Васильевич Полушкин. Был он тоже вдовцом, уже в годах, под шестьдесят, но крепок собой. Единственную дочь вырастил и замуж отдал. Тронула сердце вдовца Матрена Яковлевна и красотой, и скромностью. А еще очень понравились ее сыновья. Конечно, кумушки шептались: «Вот, какое у вдовицы приданное: пятеро нахлебников». Да только иначе думал Федор Васильевич: «Мальчики-то какие славные, ясноглазые, вот бы мне сыновей таких. Стоят подле матери крепенькие и ладненькие, как молодые дубки: Федя, Алеша, Гаврюша, Иван да

Гришатка. Характером в мать: спокойные, покладистые, скромные да уважительные. Даст Бог, будут мне помощниками…» Подумал-подумал Федор Васильевич, да и заслал сватов, а Матрена Васильевна и согласилась. Перевез купец Матрену Яковлевну и детей в Ярославль. Так и оказалась вдовица Волкова супругой купца Полушкина, а дети - его пасынками. Да только такими любимыми, что скоро стали звать они Федора Полушкина тятей. Вот так вдруг круто изменилась жизнь Федора. И таких «вдруг» будет в его жизни немало.

Как Федор из Ярославля в Москву попал.

А планы у Полушкина были большие. Мечтал он стать заводчиком и построить два завода: серный и купоросный. Помощники были нужны, дальновиден был Федор Васильевич и решил старших мальчиков обучать книжным премудростям. Стали к Полушкиным домашние учителя ходить, мальчиков обучать. Между тем, Федору исполнилось двенадцать лет, именно на него больше всего и уповал Федор Васильевич. Толковым рос паренек, учителя хвалить его не уставали. Часто задумывался отчим о судьбе Федора. Слышал купец, будто еще при государе Петре Алексеевиче для детей купцов и промышленников были в Москве устроены школы. Все чаще и чаще останавливался мыслью Федор Васильевич на этих школах. Был у него в Москве старый друг Петр Лукич Морозов, владелец крупной суконной мануфактуры. Вот и списался с ним Полушкин, упросил принять пасынка и помочь ему определиться в школу. И вот однажды зимним утром 1741 года от дома купца Полушкина отъехали сани, в которых закутанный в теплую шубу сидел Федюшка, и не знал, то ли плакать вместе с мамой, которая не могла сдержать рыданий,

то ли радоваться. Вот какой поворот вдруг случился, ведь не шутка – жить ему предстояло теперь в самой Москве, первопрестольном граде. Началась московская жизнь. Через некоторое время получил Федор Васильевич Полушкин из Москвы письмо от приятеля. Писал он, что Федора устроил, живет мальчик в его доме, и нарадоваться на него не могут и учителя, и домашние, и сам Петр Лукич. «Принялся он за учебу рьяно и неистово, - писал приятель. - Учет фабричный и всю отчетность постиг быстро, чем заслужил похвалу конторских. А скоро стал им помогать в переписке с Главным магистратом».

В Первопрестольной.

Действительно, юный ярославец отличался от остальных учеников школы усердием, прилежанием и умом. Ровный спокойный нрав, доброжелательность привлекала к нему товарищей и учителей. Скоро все заметили, что есть у Феди талант и к различным художествам. Узнав Москву получше, мальчик часто бродил по центру города, зарисовывал кремлевские башни, соборы. «Это я для братишек рисую, приеду – покажу, какова первопрестольная», - объяснял Федя Якову Лукичу, а тот поражался, до чего же мальчик талантлив. Учеба никогда не была Федору в тягость. Ученики изучали механику и счет, немецкий и латынь, учет производства. Самым любимым предметом Федора стали химия и немецкий. Учителем был снова немец Иоганн Миллер, который немало удивился, обнаружив, что ярославец неплохо говорит по-немецки. Костромские уроки даром не прошли. Часто беседы с учителем касались не только грамматики немецкого языка, но и других тем, говорили о разных странах, истории, литературе, художествах и философии. Впоследствии в биографии Волкова

Н.И. Новиков напишет: «Он не имел склонности к промыслам своего отчима: но пристрастно прилежал к познанию наук и художеств. Живописи обучился он сам собою еще в ребячестве, непрестанно рисуя и срисовывая всякие виды. Таким образом, упражнялся он и в резном искусстве.… Впрочем, главная его склонность была к театру». И мы в нашем описании подходим к важнейшей странице истории нашего героя. Речь пойдет о его правой встрече с театром.

Лефортовский театр.

А пока в Москве жизнь текла размеренно, тихо и спокойно. Но однажды все переменилось. В 1741 году было объявлено, что на российский престол взошла дочь Петра Великого Елизавета. Эта новость была встречена народом с ликованием. Надоело засилье иностранцев. А первого января 1742 года в церквях зачитали Манифест, что венчаться на царство Елизавета будет в первопрестольном граде Москве. Целых два года Москва готовилась к приезду царицы. И вот, наконец, 28 февраля 1744 года Елизавета торжественно въехала в первопрестольную. По случаю коронации весь двор прибыл из Петербурга в Москву. Старая полусонная столица была разбужена звоном колоколов, народными игрищами, гуляниями и увеселениями, праздничным треском огненных фейерверков и шутих. Более трех месяцев продолжались торжества. Москва жила шумно, широко. А 25 апреля в Успенском соборе московского Кремля свершилась коронация и миропомазание, венчалась на царствие Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Все эти события коснулись каждого московского жителя. Коснулись они и Федора Волкова, который вместе с товарищами в день коронации был, конечно, на Красной

площади. А вечером семья Морозовых вместе с Федором отправилась в Лефортово, чтобы оказаться в госпитальном театре. Здесь нам придется сделать небольшое отступление, чтобы коснуться такого феномена, каким был единственный за всю историю российской медицины госпитальный театр. Мы знаем сегодня Лефортовский госпиталь как госпиталь им. Бурденко. Основателем этого заведения стал личный медик императора Петра I голландец Николас Бидлоо. Госпиталь для своего времени был передовым. При нем работала медицинская академия, в которой учились будущие врачи. И вот в 1721 году произошел пожар, в результате которого часть зданий пострадала. Пока шли восстановительные работы, руководитель госпиталя Николос Бидлоо решил занять учащихся каким-либо добрым делом. Он был большим любителем театра и предложил студентам организовать труппу. Студенты с энтузиазмом стали разучивать пьесы, поставили спектакль. Театр этот в нашей истории сыграет важную роль, ибо именно там и произойдет первая встреча нашего героя Федора Волкова с Мельпоменой, музой театра.

Первая встреча с Мельпоменой.

Театр в Лефортово не действовал как постоянный, но время от времени в Лефортовском госпитале давали представления. Одно из них состоялось во время коронации Елизаветы Петровны. Спектакль, который довелось впервые увидеть Федору Волкову, назывался «Тамерланово действо», пьеса была посвящена борьбе полководца Тамерлана с турецким султаном Баязедом. Тема была исторической, но устроители представления постарались включить в ткань представления некоторые аллюзии, посвященные коронации Елизаветы. Но не эти намеки увле-

кали юного ярославца, не роскошные декорации, не натуралистические сцены отрубания головы. Он смотрел спектакль с замиранием сердца и думал: «Оказывается, о былой жизни можно узнать не только из рассказов дедушки и других бывалых людей, не только из книг». Федор понял, что благодаря театру можно увидеть прошлое наяву. А как завидна участь артистов! Ведь они переносятся в прошлое, становятся героями былого. Актеры могут служить примером мужества и бесстрашия. Театральные превращения изумляли, вызвали род потрясения. И ночью Федор долго не мог уснуть, а когда забылся сном, то виделись ему какие-то сцены невиданного театрального действа, где и сам он был участником.

Две дороги.

На следующий год съездил Федор в Ярославль, навестил родителей и братьев. Мальчики подрастали, а отец совсем состарился, становился все слабее. Но духом не падал, был рад приезду старшего сына и говорил ему, что уверен: в надежные руки скоро передаст свои фабрики, земли и все, что нажито. Дорога перед Федором открывалась ясная и проторенная. Предстояло радеть о промышленном деле, приумножать капитал, а там, глядишь, и выгодная женитьба. Подрастает дочь у гостеприимного Морозова. Несколько раз уже и намеки были: объединить бы капиталы… Никто из окружающих Федора и помыслить не мог, что не о такой судьбе мечтает наследник полушкинских владений. Между тем, годы учебы близилась к завершению. Исполнилось Федору двадцать лет, и тут печальная новость пришла из Ярославля: скончался Федор Полушкин. Надо было вступать в наследство, улаживать разные семейные дела. Поехал Федор в Ярославль. В те невесе-

лые дни Федор вместе с мамой и братьями часто бывал в храме св. Николы Надеина. И однажды обратился к настоятелю с просьбой: хотел наследник купца Полушкина потратить некоторые средства на благоукрашение храма. Настоятель был обрадован, а когда благословение было получено, то принялся Федор за работу: начал с помощниками работать над созданием иконостаса. И сегодня, если приведет вас судьба в Ярославль, в монастырском храме вы можете увидеть это чудо: величественный трехъярусный резной позолоченный иконостас. Алтарная преграда середины XVII-го I века масштабна по замыслу и весьма необычна для ярославских храмов по форме и украшению. Особенно впечатляют царские врата иконостаса. Они представляют собой резное изображение Тайной вечери. Над их створками летящие ангелы поддерживают балдахин в виде пышного занавеса, обрамляющего театральную сцену. Случаен ли такой замысел искусного резчика - молодого заводчика Федора Волкова? Может быть, мысли о театре не покидали Федора и в дни работы над украшением храма? Кто же теперь ответит на это вопрос. Доподлинно известно только, что в те дни произошла памятная беседа Федора с братьями.

Семейный совет.

Надо сказать, что в то время многие в Ярославле уже называли Федора по имени–отчеству. Даром, что молод, но серьезен, степенен, уважителен. Нищим благотворит, храм украсил знатно. А уж братья-то в Федоре души не чаяли. Никто и представить не мог, что последует после кончины Федора Ивановича Полушкина. А последовало невероятное. Снова вдруг и очень круто меняется судьба Федора. Итак, однажды вечером он позвал братьев на разговор.

Вот, какие воспоминания об этом разговоре сохранились. Когда Алексей, Гаврила, Иван и Гришатка расселись напротив старшего брата, он сказал им, не скрывая волнения: «Решил устроить я театр в Ярославле, не для баловства и потехи, не ради шутовства и зубоскальства, на то и без нас охочих комедиантов предостаточно. Хочу я, братья, попытаться вразумить сограждан своих, чтоб обратили они взор свой внутрь себя, чтоб забыли о злобе, ненавистничестве, зависти, алчности и хоть чуть подобрели душой. Не может же человек добра себе не желать». С братьями советовался, потому что понимал, что его мечта, его затея небывалая, потребует средств немалых. Он был готов выделить братьям их доли имущества и капитала, а свою потратить на устроение театра в Ярославле. Удивительное взаимопонимание все-таки царило в семье. Братья не только принимают решение Федора, но готовы свои доли внести в общее теперь театральное дело.

О грехе и покаянии.

Театр – это что? Здание, актеры, репертуар? Конечно, без здания никуда. Вначале Федор выкупает некий амбар, который превращает в театральное сооружение. Он сам делает проект, закупает ткани и механизмы, многие сам конструирует, в общем, и швец, и жнец. И все эти хлопоты сопровождаются раздумьем: какую пьесу ставить. Какой-никакой, а выбор был, ведь в России к тому времени было много театральных трупп, которые собирались перед праздником из разного охочего люда и ставили разного рода пьесы, главным образом переводные, для увеселения публики. Иное было намерение у Федора. Его театр должен быть местом, где доброе слово звучит, где клеймятся пороки, где прославляется добро, любовь к Богу и Отчиз-

не. «Это как в церкви, брат?» - любопытствовали младшие. А Федор задумчиво отвечал: «Уверен, что со сцены театра можно проповедовать, только другими средствами». Сегодня, спустя двести семьдесят лет, оглядываясь на историю русского театра, мы отмечаем его особенную роль в воспитании сограждан. Может быть, мы и не задумываемся, что это произошло не случайно. Таков был фундамент русского театра, заложенный Федором Волковым. Автором самой первой пьесы, которая была поставлена в Волковском театре, был святой русский подвижник Димитрий Ростовский. Святитель был выдающимся духовным писателем. В Архиерейской школе, ректором которой он был, создал святитель уникальный театр, где студенты ставили его пьесы духовного содержания. Одну из них, «Кающийся грешник», и выбрал Федор Волков для постановки во вновь образованном театре. Затем последовал набор актеров. Это были молодые люди, главным образом канцеляристы (сейчас бы мы сказали «офисный планктон»). Времени у них было предостаточно, до всяких рискованных дел они были охочи. За роли взялись с удовольствием. Затем надо было испросить разрешение в полицейской управе. Мне удалось разыскать текст разрешения: «Приказали: к ыграниию камеди допустить, только при том смотреть, чтоб в той камеди богомерских и протчих непристойных игр не было, также шуму и драк не происходило, чего ради команды иметь при дворе, и о том в каждую к афицерам послать приказ» (орфография и стиль сохранены). Спектакль имел огромный успех. Среди зрителей были и городничий, и воевода, и окрестные помещики, и духовенство, и скромный люд. А вскоре актеры порадовали ярославскую публику еще одной пьесой: на этот раз русского автора Сумарокова. Готовили и оперу. Кроме того, раде-

нием выстроили здание театра и переехали из амбара в новую храмину.

Гаврила Игнатьев, Никита Трубецкой и Указ царицы. Очень быстро театр занял в жизни ярославцев значительное место, стал любимым местом посещения. Федор был счастлив. Он с увлечением исполнял главные роли, писал музыкальное сопровождение, изготовлял театральные декорации и механизмы. Он занимался самым любимым делом, нашел единомышленников: одиннадцать актеров, которые составили труппу. Он встретил полное понимание и поддержку в семье и снискал уважение земляков. И вдруг… Это «вдруг» вновь вторгается в жизнь нашего героя и переносит его из ярославских приделов в Санкт-Петербург пред очи императрицы. Переносит не одного, а со всем театром: с труппой, декорациями, реквизитом и скарбом. Помните, гоголевского Вакулу сказочный дух переносит в столицу империи. А наш герой покидает Ярославль, потому что получает Указ царицы, который предписывал не мешкая покинуть Ярославль и прибыть с театром в столицу. Но почему? И тут в ткань нашего повествования входят два весьма достойных человека: экзекутор граф Гаврила Игнатьев и генерал-губернатор князь Никита Трубецкой. Гаврила Игнатьев прибыв Ярославль по служебным делам. Местные чиновники пригласили столичного гостя в театр, чем немало его удивили: «Помилуйте, господа, балагана мне не хватало». Но из любопытства пошел и был потрясен и игрой актеров, и хитроумными декорациями. Расспросив коллег о том, как и кто театр создал, Игнатьев вечером после спектакля написал письмо о Волкове своему близкому приятелю Никите Трубецкому, который в Петербурге занимал высокий пост

и был вхож к самой Императрице. Это было восторженное сообщение о «таком невиданном доселе нигде» регулярно действующем публичном театре в Ярославле, И надо же было так случиться (вот, уж поистине Промысел Божий), что вскоре после получения письма генерал-губернатор Трубецкой был на аудиенции у царицы. Зная, что Елизавета Петровна большая охотница до театральных представлений (в Санкт-Петербурге и Москве играли французские и итальянские труппы), он поведал ей о ярославцах, зачитал письмо приятеля. Новость царицу порадовала: «Надо этих артистов доставить в столицу, не все нам иностранцев смотреть, раз свои есть комедианты», - решила царица. Она прекрасно понимала, что ни французская драматическая, ни итальянская оперная труппы не могут придать российскому престолу того блеска, который виделся ей в придворном русском театре, где русские актеры могли б выражать национальные чувства русским языком. Тотчас же последовал Указ, который мы вынесли в эпиграф .

Судьбе навстречу.

Получив Указ, актеры засобирались в путь. Прислали им сопровождающего офицера, время на сборы дали сутки. Одиннадцать актеров, девятнадцать подвод, нагруженных театральным скарбом, шестеро саней. Это был настоящий санный поезд. Театр уезжал не на временные гастроли, отныне он менял место своего пребывания. С берегов Волги ярославцы уезжали на берега Невы. Федор Волков со своими товарищами ехал в столицу империи, и не знал, что первой зрительницей его представления станет сама царица. Она увидит ярославцев и удивится таланту Федора. Она поймет, что перед ней подлинный алмаз, но алмаз,

нуждающийся в огранке. Императрица повелит обучать ярославцев в Придворном Шляхетном кадетском корпусе - привилегированном высшем учебном заведении того времени. Из 11 актеров волковской труппы к обучению определили четверых — Федора и его брата Григория, Ивана Дмитриевского и Алексея Попова. И будет Федор проходить стажировку в итальянской опере, выучит французский и итальянский языки, станет заниматься вокалом. Все это будет, а пока, 20 января 1752 года ярославские комедианты въезжали в Петербург. Уже в конце января императрица и весь двор смотрели представления, возглавляемые Фёдором Волковым. А 30 августа 1756 года был учрежден «Русский для представления трагедий и комедий театр» (Александринский театр), что положило начало созданию Императорских театров России. Фёдора Волкова назначили «первым русским актёром» и в 1761 году он стал директором Императорских театров. Репертуар в основном составляли трагедии А. П. Сумракова «Синав и Трувор», «Хорев», «Гамлет» Шекспира. А в 1763 году яркая жизнь этого талантливого человека оборвалась: он умер, простудившись при проведении народного празднества. Судьба Артиста оборвалась, но засияла звезда русского театра, ярчайшая в созвездии мировой культуры. И до сих пор утверждает себя в мире традиция русской актерской школы, заложенная Федором Волковым. Михаил Щепкин недаром сказал: ««Волкову, Волкову всем мы обязаны! Он, незабвенный Федор Григорьевич… впервые привил нашей жизни новое искусство – театр!»

Мир Александра Островского.

«Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений. Для сцены Вы создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр». Он по справедливости должен называться «Театр Островского».
(Из письма Ивана Гончарова Александру Островскому).

Кто самый - самый.

Спросите любого англичанина: «Кто является самым выдающимся драматургом?» - В ответ услышите сакраментальное имя: «Шекспир». Спросите русского, ответ будет: «Конечно, Александр Островский». Любой школьник назовет пьесу Островского «Гроза», многие вспомнят и статью Добролюбова «Луч света в темном царстве», посвященную героине этой пьесы. Выдающиеся драматурги украсили своими произведениями русский театр: имена Фонвизина и Грибоедова пережили века. Великий Пушкин написал гениальные трагедии. Есть у нас и Чехов, и неимоверно интересный русский театр первой половины 20-го века с системой Станиславского и горьковскими неоднозначными пьесами. Наконец, советский театр - это тоже выдающаяся страница в истории русского театра. И все же имя Островского – драматурга известно

более, чем чье-либо. Его творчество любимо, а его пьесы идут всюду, где есть театры, актеры которых говорят на русском языке. Кажется, причина лежит на поверхности. Количество написанных драматургом пьес впечатляет. Островский создал около шестидесяти пьес. Было время, когда каждый сезон в Малом театре открывался новой пьесой драматурга. Театр даже получил почетное имя: Дом Островского. Но ведь должно быть что-то еще важное, что поставило Островского на недосягаемую высоту русской драматургии и сценического искусства. Речь идет о содержании его пьес и их художественных особенностях. Феномен Островского, думается, в том, что его герои - обычные русские люди. В их речах и поступках видны черты русского национального характера с его искренностью, неудержимой удалью, порой лукавством, горячностью и бесконечным милосердием. Драматург щедро одаряет своих персонажей сочной выразительной речью. События, представленные в пьесах, вполне обычны: сватовство и свадьба, стремление разбогатеть и разорение, любовь и дружба, вражда и мелкая месть, разнообразные внутрисемейные отношения. В общем, все как в жизни. Смотришь пьесу Островского в театре (автор имеет в виду традиционную постановку) сначала с любопытством, обращаешь внимание на костюмы, речь, манеры. Потом ловишь себя на мысли, что подобные коллизии имели место в твоей жизни или жизни знакомых тебе людей. А ведь прошло почти два века с момента создания пьесы.

Страницы жизни.

Перелистаем страницы биографии великого драматурга. Он родился 12 апреля 1823 года в Москве в семье уважаемого дворянина. Дед Островского по отцовской линии был

священником, дед по матери был пономарем. Так или иначе, все самые близкие родственники будущего писателя были связаны с церковью. С самого детства будущий драматург воспитывался в духе истин православной веры, в семье соблюдались все христианские обычаи, праздновались все церковные праздники. Иначе и быть не могло в семье, где отец, Николай Федорович, окончил Духовную академию, правда священником не стал, а избрал гражданскую службу. Он служил сначала в государственных заведениях, позднее занимался частной юридической практикой. Николай Федорович работал усердно и преуспел. Он стал самым востребованным и известным адвокатом в Замоскворечье. Николай Федорович любил читать, эту любовь он унаследовал от своего отца, священника. К книге в семье Островских всегда относились с уважением. Когда материальное положение семьи улучшилось, Николай Федорович завел отличную библиотеку – одну из лучших частных библиотек в Замоскворечье. По воспоминаниям самого драматурга, именно благодаря большой библиотеке отца он весьма рано познакомился с русской литературой и почувствовал наклонность к авторству. Островскому не было и девяти лет, когда от тяжелых родов умерла его мать. Вскоре умерли и самые младшие сестры Александра Николаевича. Отец, загруженный государственной и частной службой, остался один с четырьмя детьми. Он вскоре женится на достойной женщине, которая заменит детям родную мать и богатым приданным поправит положение семьи. Отец очень серьезно относился к образованию детей. Домой приходили учителя-репетиторы. Дети занимались с учителями танцев, пения, музыки, французского и немецкого языков. Затем Александра определили в гимназию. Это была Первая гимназии на Вол-

хонке, недалеко от дома. Окончив гимназию, под влиянием отца, хотевшего видеть в сыне преуспевающего, как и он сам, адвоката, Александр поступил на юридический факультет Московского университета. Обычно, описывая биографии великих деятелей культуры, авторы стремятся показать их академические успехи. Часто так и бывает. В нашем случае было не так. Не оправдал родительских надежд будущий великий драматург. Видимо, юриспруденция его совсем не увлекла, если после более-менее благополучных трех семестров, на четвертом Александр вообще не явился на экзамены. Под давлением отца, все-таки пошел на второй курс. Там на экзаменах получил по истории римского права единицу и подал на имя ректора прошение об увольнении «по домашним обстоятельствам». Было совершенно ясно: юридический факультет, поприще адвоката, - не его призвание.

Колумб Замоскворечья.

За скупыми строками биографии - жизнь гениального человека, великого труженика, бытописателя, яркого деятеля русского театра, создавшего особый сценический мир, в котором отразилась его эпоха. Часто драматурга называли «Колумбом Замоскворечья». Это имя было заслуженным. Если вы не москвич, позвольте рассказать вам об этом уникальном районе Москвы, расположенном за Москва-рекой напротив Кремля. Вплоть до начала XIX века эта историческая местность Москвы представляла собой совокупность больших кварталов, застроенных домами купцов и мещан. В.Г. Белинский писал о Замоскворечье: «Там окна занавешены занавесками, ворота — на запор, при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво или, лучше сказать, сонно: дом или домишко похож на

крепость, приготовившуюся выдержать долговременную осаду». Строг Белинский, а ведь была и тихая прелесть этих московских улочек, утопающих в сиреневых садах. Был и особый уклад жизни, неторопливый, старозаветный. Именно благодаря неспешному провинциальному ритму жизни замоскворецких купцов, Москву стали называть «большой деревней». Замоскворечье было как бы отдельным городом со спокойной патриархальной атмосферой. Чуть свет, когда большая часть москвичей ещё спала, жители Замоскворечья торопились в свои лавки. Вечерами было принято чаёвничать у раскрытых окон с непременным атрибутом — большим самоваром. И спать здесь ложились очень рано, когда в большой Москве ещё кипела жизнь. С детства будущий драматург видел не только неторопливые будни Замоскворечья, но и яркие московские народные праздники с ряжеными скоморохами, масленичным весельем разносчиками сбитня и пирогов. С русскими тройками, веселыми балаганами, каруселями. Он писал: «Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришел, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замоскворечью пахнет пирогами. Здесь надобно заметить, что нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за Москвой-рекой, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запах которых распространяется по целому кварталу». По воскресеньям жители Замоскворечья спешили в церкви. Бородатые купцы, разодетые пестрые купчихи, озорные молодцы из торговых рядов, изворотливые свахи, довольные приказчики, убогие нищие, приживалки. Мальчик с огромным любопытством следил за этими за-

москворецкими типажами. Каждое утро по дороге в гимназию он набирался впечатлений для своих будущих произведений. Он слушал особый, яркий и образный замоскворецкий говор, полную пословицами и шутками речь торговцев и старьевщиков. Среди клиентов отца были и известные богатые купцы, и мещане, и чиновники – их не раз встречал будущий писатель в приемной отца. В будущем они станут прототипами героев пьес Островского. Так, книги и московские впечатления стали основой формирования таланта драматурга. В памяти все бережно сохранялось. И только ждало часа, чтобы воплотиться в строки пьесы, которые затем обернутся увлекательным представлением. Большинство событий в пьесах Островского происходит в Москве. Первопрестольную столицу Островский любил глубоко и преданно. Однажды написал проникновенные строки: «Там древняя святыня, там исторические памятники, там короновались русские цари и коронуются русские императоры; там в виду торговых рядов, на высоком пьедестале, как образец русского патриотизма, стоит русский купец Кузьма Захарьевич Минин. В Москве всякий приезжий, помолясь в Кремле русской святыне и посмотрев исторические достопамятности, невольно проникается русским духом. В Москве все русское становится понятнее и дороже... Москва – город вечно обновляющийся, вечно юный, через Москву волнами вливается в Россию великорусская народная сила».

Мечта молодого стряпчего.

А еще в Москве есть Малый театр. Стоило однажды попасть туда, как Александр влюбился и в театр, и в его актеров. Среди них блистали П.С. Мочалов, М.Д. Львова-Синецкая, М.С. Щепкин. Между тем, благодаря ходатай-

ству отца, Александр получил должность присяжного стряпчего в Коммерческом суде. Лямку служебную тянул, но душа стремилась к другому: к театру, искусству, драматической деятельности. Наклонность к авторству он почувствовал давно, еще в гимназии начал писать стихи и в университете отдавал дань литературе. Работа молодого стряпчего тяготила. В суде рассматривались дела плутоватых аферистов, непутевых сыновей купцов, расчетливых наследников состояний, обанкротившихся дельцов. Иногда даже судья не слишком глубоко вникал в суть дела, но стряпчий Островский внимательно выслушивал все стороны и прилежно вел записи. Все это пригодилось ему уже очень скоро. Дело в том, что задумал Александр Николаевич написать пьесу.

Самый памятный день.

Мы расстались с нашим героем в пору его юности, когда мечты о театре переполняли душу будущего драматурга. Но почему же будущего? Он ведь в свободное от нелюбимой службы в Коммерческом суде время пишет пьесу. Не роман и не повесть. Писал Островский свою пьесу с мечтой когда-нибудь поставить ее в любимом Малом театре. Основой для пьесы послужила более ранняя работа Островского «Исковое прошение», которая была задумана как комедия в нескольких актах, однако осталась незавершённой. Название пьесы - «Картины семейного счастья». Купеческая среда: характеры героев, бытовые приметы, - показаны ярко, сочно. Сюжет незамысловат, характеры определены. Купец Антип Антипович Пузатов мечтает о выгодном браке своей сестры Марии, которая вздыхает о бедняке и тайно с ним пытается встречаться. Сегодня, читая пьесу, видишь в ней зернышки-семена будущих пьес

Островского. Автор нуждался в одобрении людей сведущих, тех, кого он бесконечно уважал, и чье мнение для него было наиважнейшим. Первым из таких авторитетов был, конечно, профессор Степан Петрович Шевырев. Он заметил молодого студента Островского еще в университете, приблизил его. Будучи блестящим педагогом и одаренным литератором, Шевырев стал автором самого первого учебника по истории русской литературы. Он имел четкую гражданскую позицию, считая, что миссия России - укреплять православие и самобытность своей уникальной культуры. Об этом часто велись горячие споры на литературных вечерах, которые Шевырев устраивал и которые посещали выдающиеся люди того времени. Часто там обсуждались и литературные новинки. На одном из таких вечеров Островский представил свое детище. Говорят, что он закончил писать пьесу за несколько часов до читки у Шевырева, как говорится, чернила еще не успели высохнуть. Конечно, молодой автор волновался, но успех был полный. Мы уже говорили, что Островского часто называют «Колумбом Замоскворечья». Так вот, может быть, художественные качества пьесы оставляли желать лучшего, но тема купечества была поднята, пожалуй, впервые в русской литературе столь реалистично и выразительно, Вспоминая об этом чтении, Островский писал: «Самый памятный для меня день в моей жизни 14-е февраля 1847 года. С этого дня я стал считать себя русским писателем, и уже без сомнений и колебаний поверил в своё призвание». Пусть не покажутся вам, дорогие читатели, такая оценка самомнением. Отметим, что на том вечере присутствовал сам Николай Васильевич Гоголь, и пьеса произвела на него сильное впечатление. Забегая вперед, скажу, что судьба пьесы была непростой. Через месяц после прослушивания

пьеса была напечатана в газете «Московский листок». Копия пьесы, согласно законам того времени, была послана автором в драматическую цензуру. 28 августа 1847 г. цензор М.А. Гедеонов запретил пьесу к постановке, дав о ней отрицательный отзыв: «Судя по этим сценам, московские купцы только обманывают и пьют, а купчихи тайком гуляют от мужей». (Разрешение на постановку было получено только через восемь лет). Следующая комедия «Банкрот» принесла Островскому настоящую славу. О нем заговорила вся Москва, начиная от высших слоев общества до захолустий. «Поздравляю вас, господа, с новым светилом в отечественной литературе!» – воскликнул счастливый профессор Шевырев. «Этот человек есть талант огромный. Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор»; на «Банкроте» я поставил номер четвертый», – писал литератор В.Ф. Одоевский. Он опубликует и эту пьесу, и другие свои работы, а вот на сцене свою пьесу доведется увидеть драматургу лишь в 1853 году. До этого дня должно было пройти много еще событий.

Картины семейной жизни Александра Островского.

А пока Александру 24 года. В этот период жизни он переживал неустроенность. Дело в том, что отец, Николай Федорович, был крайне недоволен сыном. Александр бросил университет, отец устроил его в Московский суд на должность младшего канцеляриста. Но видел родитель, не в радость служба сыну. Все мысли устремлены к занятиям, по мнению отца, несерьезным, к написанию пьесок, да к сочинениям разным. Разве этого он ожидал от старшего сына? Сам Николай Федорович всегда имел цель: подняться по социальной и служебной лестнице. Ради этого он сил не жалел. Сын самого обычного священника, Николай Федо-

рович, окончив духовную академию, дослужился до чина коллежского асессора. В 1839 году он получил дворянское звание. Овдовев и оставшись с шестью детьми на руках (вскоре новорожденные близнецы умерли), он делал очень многое для их воспитания и образования. Через пять лет после кончины супруги Любови Ивановны, женился вторично. Супругой стала дочь шведского дворянина баронесса Эмилия фон Тиссен. Она сумела найти подход к детям мужа, полюбила их. Ее внимание и забота были неизменны и когда родились собственные дети. Мачеха пеклась о здоровье приемных детей, об их образовании, особенное внимание уделялось мальчикам Александру и Михаилу. Михаил радовал отца. В 1848 году он успешно окончил Московский университет и служил помощником губернатора Симбирска. В дальнейшем Михаил Николаевич станет крупнейшим чиновником Российской империи, и долго об Островском -драматурге будут говорить: «А, это брат знаменитого Михаила Островского». В описываемое время Михаил подавал большие надежды.

Встреча с Гашей.

А Александр в 1847 году не только представил на суд московских интеллектуалов свою пьесу и опубликовал ее. Еще он познакомился с Гашей, со своей первой женой. Собственно женой юридически мы не имеем права её назвать, так как Александр Николаевич Островский и Агафья Ивановна жили в невенчанном браке. Они прожили вместе долгие годы, Агафья Ивановна родила драматургу четверых детей. Она была не только женой, но близким другом, помощницей и даже музой. Она беззаветно любила Александра Николаевича, но никогда не появлялась вместе с драматургом в обществе: в гостях, на приемах, на балах.

Ее смиренность и скромность стала причиной того, что нам очень мало известно о той, которая долгие годы хранила семейный очаг великого драматурга. Рассказывая об Александре Николаевиче Островском, мы должны воздать должное этой замечательной русской женщине и помянуть ее добрым словом.

… Итак, идет 1847 год. В Николо - Воробьинском переулке Москвы поселяется юная девушка. Она снимает домик, да не одна, а с сестрой-подростком. Кто она, откуда приехала, где ее родители, на что живет - все это окутано тайной. Эта девушка по имени Агафья скоро знакомится с молодым канцеляристом Александром Островским, семья которого живет в своем собственном доме неподалеку. Здесь, на берегу Яузы и начинался их роман. Подробности его, как произошла их первая встреча, как начинались отношения, – нам неведомы. Только в 1848 г. Агафья родила мальчика, которого назвали Алешей. Видимо, ни средств, ни условий для ребенка не было, а молодой отец помочь ничем не мог. Поэтому Алешу поместили временно в воспитательный дом. Николай Федорович, отец драматурга, был уже не просто раздосадован. Он был разгневан и лишил сына всякой материальной помощи. А такая помощь была просто необходима. Весь 1847, 1848 и половину 1849 года Островский работал над своей новой пьесой «Банкрот, или Свои люди – сочтёмся». Отец всячески пытался разорвать отношения сына с простой мещанкой. Однако Александр проявил твёрдость характера. Вскоре, весной 1849 г., разгневанный отец уехал с супругой и детьми от второго брака в недавно купленное поместье в Костромской губернии Щелыково. Александр же привёл свою Гашу (так он ласково называл жену), в маленький деревянный домик, принадлежащий ему и стоявший рядом с

отцовским. Здесь они поселились вместе на те 18 лет, что отпустила им судьба.

Первая спутница жизни суровой.

Со временем молодые родители взяли Алешу из приюта. Семейная жизнь понемногу налаживалась. Но была она суровой, наполненной трудностями. О жизни Агафьи Ивановны и Александра Николаевича мы узнаем только из воспоминаний их друзей. Письма Островского брату Михаилу таинственным образом исчезли. Из какой семьи происходила Агафья Ивановна? Какова была её фамилия? Где она родилась? Сколько ей было лет? Кто были её родители? Почему она оказалась одна вместе с малолетней сестрой? Вопросов много – ответов нет. Читая воспоминания близких друзей Островского, я по крупицам собрала сведения о жене Островского и обретенной информацией хочу поделиться с читателями. Если прошлое Агафьи Ивановны нам неведомо, то о ее характере, душевных качествах друзья Островского вспоминали с удовольствием. Она принадлежала к мещанскому сословию. Писатель и этнограф С.Максимов вспоминал: «Хорошо понимала она и московскую купеческую жизнь, в её частностях, чем, несомненно, во многом послужила своему избраннику. Он сам не только не чуждался её мнений и отзывов, но охотно шёл к ним навстречу, прислушливо советовался и многое исправлял после того, как написанное прочитывал в её присутствии». Особо современники отмечают необычайные способности Агафьи Ивановны как хозяйки, которая при скудости средств могла создать в доме тепло и уют. Максимов пишет: «Нижний этаж дома отдавался жильцам, а сам хозяин ютился долгое время наверху. Борьба с нуждой велась незримо для посторонних глаз, но ясна была

для окружающих, а от близких и доверенных лиц в крайних случаях и не скрывалась. Её искусному хлопотливому уряду обязана была семейная обстановка нашего знаменитого драматурга тем, что, при ограниченных материальных средствах, в простоте жизни было довольство быта. Всё, что было в печи, становилось на стол с шутливыми приветами, с ласковыми приговорами». Об Агафье Ивановне доброго мнения был сам Лев Николаевич Толстой. В письмах близких друзей Островского, писателя Писемского и актера Бурдина, мы всегда находим слова привета жене драматурга. В семье Островского рождались дети, но трое из них в младенчестве умерли. В 1853 году скончался противник венчания Николай Федорович, отец драматурга. Но церковный брак с любимой женщиной Островский так и не заключил.

Пятидесятые годы в жизни Александра Николаевича Островского были весьма плодотворными. К своему тридца-

тилетию он подошел с немалыми успехами. После публикаций его пьес в журналах и чтения их в московских литературных кругах, его известность росла. Благодаря своему учителю, профессору Московского университета Павлу Шевыреву он знакомится с выдающимися деятелями русской культуры. В 1850-х годах одна за другой выходят едва ли ни лучшие пьесы: «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «В чужом пиру похмелье», «Доходное место», «Воспитанница». Александр Николаевич сотрудничает с журналами «Москвитянин» и «Современник». В Замоскворечье, в маленьком домике его всегда ждет любящая жена, на столе - вкусный обед, за трапезой - душевный разговор, постоянная любовь и ласка. А если приходили друзья, то жена Агаша так вкусно всех кормила, привечала, что никому не хотелось покидать гостеприимный дом. А как чудесно она пела столь любимые в кругу Островского русские народные песни! Вскоре среди знакомых появляются и актеры Малого театра, и мечта поставить в любимом театре свою пьесу становится реальностью. Первой пьесой, поставленной на сцене Малого театра, стала комедия «Не в свои сани не садись».

Любовь Косицкая.

Островский принимал деятельное участие в создании спектакля. Сначала он читал пьесу в кругу артистов, затем проходил с ними роли отдельно. Актеры вспоминали: «Островский давал единое направление работе по подготовке спектакля, стремясь достичь стройности в исполнении, но при этом не подавлял индивидуальности актера, не сковывал его творческих поисков». Более всего Островский ценил в актере профессионализм, умение свободно

держаться на сцене, требовал высокой культуры речи. Среди актеров были его единомышленники, которые понимали его с полуслова. Первым, конечно, был Пров Садовский. А среди актрис внимание привлекла Люба Косицкая, которая играла главную роль. Когда он познакомился с ней, девушке было двадцать четыре года. Врожденная музыкальность, искренняя, открытая манера игры, умение понять свою героиню и проникнуться ее переживаниями, – все это быстро сделало Любу Косицкую одной из любимейших актрис Москвы. По глубине страсти и подлинности человеческого страдания ее сравнивали с Мочаловым, лучшим московским трагиком. Косицкую даже называли «Мочалов в юбке». Актриса несмотря на молодость, уже прошла суровую жизненную школу. Она вышла из крепостных, затем семье Косицких удалось выкупиться из неволи. Девушка работала прислугой в богатом доме. Однажды вместе с хозяйкой она попала в театр, и с того момента ее душа стремилась только к театральному искусству. Она приложила много усилий, и, несмотря на множество препятствий, горьких испытаний, стала актрисой. К моменту знакомства Любы с Александром Николаевичем она была уже замужем – за артистом того же театра Никулиным, человеком очень недалеким, но необычайно амбициозным. С Никулиным отношения у Островского не заладились. Люба с первой репетиции восхитила Островского как талантливая актриса, ему нравились ее темперамент, женственность, искренность. Она была очень артистична, прекрасно пела, аккомпанируя себе на гитаре. Была Люба замечательной рассказчицей – остроумной и находчивой. Много пережившая в жизни, выбившаяся к славе из самых низов, она сохранила искреннюю и широкую душу. Любе очень нравилось играть в пьесах Ост-

ровского – реальная, знакомая жизнь и понятные, невыдуманные чувства привлекали ее. Премьера спектакля «Не в свои сани не садись» прошла с огромным успехом.

Гроза на сцене и в жизни.

Однажды Косицкая обратилась к Александру Николаевичу с просьбой: «Мне нужна для бенефиса пьеса, которая бы помогла мне и моим нуждам… одно ваше имя могло бы сделать хороший сбор, если вы не разучились делать добрые дела, то сделайте для меня одно из них, нет ли у вас пьески, разумеется, вашей, дайте мне ее для бенефиса…» И Островский решил написать новую пьесу, специально для Любови Павловны. Он приступил к работе. Пьеса называлась «Гроза» и было это летом 1859 года. Островский и Косицкая в то лето жили под Москвой, в дачном поселке, где отдыхала чуть ли не вся труппа Малого театра вместе со своими друзьями-литераторами. Именно тогда, по словам современников, между актрисой и драматургом завязался серьезный роман. Они много общались, разговаривали, делились сокровенным. Косицкая рассказывала Островскому о своем прошлом – о жизни у жестокого барина, о службе у нижегородской купчихи, о том, как она пришла в театр, о своих самых глубинных переживаниях и мечтах, о своих ошибках и сдерживаемых порывах. Некоторые отрывки ее рассказов он записывал на полях рукописи «Грозы», а потом использовал их в пьесе. Так и рождалась страдающая и мятущаяся Катерина – из жизни Любы Косицкой, мыслей и впечатлений влюбленного Островского и, конечно же, из его драматургического таланта.

Жизнь как пьеса.

Шестнадцатого ноября 1859 года в Малом театре состоялась премьера «Грозы». Сегодня содержание пьесы известно каждому старшекласснику. Катерина, высоко нравственная и воспитанная в строгих правилах девушка, влюбляется в приехавшего из Москвы молодого человека, изменяет мужу, мучается виной, затем публично кается и бросается с высокой кручи в Волгу. Актеры играли вдохновенно, ведь драматург открыл зрителям такие стороны человеческой жизни как черствость, ограниченность, показал глубину человеческого страдания. Публика аплодировала чуть ли не каждому выходу. В сцене прощания с Борисом вместе с Косицкой рыдал весь зал. Игравшая Кабаниху Надежда Васильевна Рыкалова, замечательная актриса, стоя в кулисах в ожидании своего выхода, едва сдерживала слезы. Она вспоминала, что ей стоило немалых усилий снова войти в роль. Но вот пьеса сыграна. За кулисами Островский бросился к Косицкой и обнял ее. Впервые при всех. А зал ревел и грохотал аплодисментами. Успех был поистине оглушительный. «Гроза» гремела в Москве, собирая полные залы. Публика валом валила посмотреть на «живую» женщину, бросающуюся в любовь, как в омут, а затем отдающую жизнь за эту любовь. Все шли смотреть Катерину - Косицкую. Островский любил свою Любашу, ради нее он готов был оставить и верную тихую Агафью Ивановну. Но неожиданную сдержанность стала проявлять Любовь Косицкая, более того, она стала напоминать драматургу о покинутой жене. Агаша страдала молча, внешне оставалась такой же заботливой и любящей. Возможно, именно роман мужа «на стороне» стал причиной того, что Агафья Ивановна стала часто болеть и все внимание сосредоточила на бедных своих детях, которые,

на беду, умирали один за другим. Лишь старший мальчик пережил свою несчастную мать, да и то – ненадолго… Правда, надо отдать должное Александру Николаевичу: он старался не обижать Агафью Ивановну и поддерживать с ней спокойные отношения. Он и от посторонних требовал уважительного отношения к ней. А потом… гроза разразилась и в его жизни. Он получил письмо от Косицкой, в котором актриса писала: «…Я горжусь любовью вашей, но должна ее потерять, потому что не могу платить вам тем же… простите меня, я не играла душой вашей…» Он был потрясен. Он любил ее по-прежнему и не понимал, что случилось. Он просил объяснений и получил их. Любовь Павловна полюбила другого, сына богатого купца Соколова. Ветреный гуляка, он на каждом представлении сидел в первом ряду, а после представления осыпал ее цветами. Немолодая актриса влюбилась, как девочка. Безоглядно, бездумно. Для Александра Николаевича роман «его Катерины» был мукой и унижением. Ко всему прочему, молодой любовник, прокутив все, что имел, стал обирать Косицкую и разорил ее. Она продавала свои драгоценности и даже платья, но удержать Соколова не смогла. В сорок лет она умерла, оставленная, униженная и глубоко несчастная.

Благословение

Когда Агафья Ивановна узнала о смерти Косицкой, сама она была уже смертельно больна. А вскоре пришла весть и о том, что у мужа начались отношения с молодой девушкой, выпускницей театральной школы Марией Бахметьевой. И вот, собрав все свои, Агафья Ивановна наказывает мужу обвенчаться с Марией после своего ухода. Она жила невенчанной и знала, как это было и позорно, и тя-

жело. Для новой избранницы драматурга она не хотела такой судьбы. Кроме того, она беспокоилась о том, чтоб любимый Александр Николаевич не остался одиноким. После кончины Агаши Островский горевал безутешно. Наверное, он предчувствовал, что так его любить, преданно, безупречно, никогда никто не будет. А с Марией Бахметьевой Островский все-таки обвенчался, и она родила ему шестерых детей. Принесла ли ему счастье семейная жизнь в новом браке? Бог весть. Только другу он как-то написал: «Здоровье мое плохо, по временам нападает скука и полнейшая апатия, это нехорошо, это значит, что я устал жить…»

Творчество

Если семейная жизнь не была счастливой, то в творчестве драматург познал и признание, и успех, и востребованность. В 1860-х годах Островский продолжает писать бытовые комедии и драмы, которые по-прежнему пользуются огромной популярностью у читателей и зрителей в Москве и Петербурге. Пробует себя драматург в историческом жанре («Козьма Захарьич Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»). Но для Островского это был не отход от современности, а попытка взглянуть на нее под другим углом зрения. Продолжаются взаимообогащающие творческие контакты с русской литературной элитой: И.С. Тургеневым, Н.А. Некрасовым, Ф.М. Достоевским, А.А. Григорьевым, А.А. Фетом и многими другими. У Островского практически не было литературных врагов. Его одинаково любили славянофилы и западники, либералы и консерваторы. Он не испытал на себе ожесточенных партийных нападок, как это часто бывало в то время. В начале 1870-х Островский испытал душевный

подъем и жажду работать. За два года он создает пьесы: «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Не все коту масленица», «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Чудную пьесу Островского «Снегурочка» полюбили композиторы. Чайковский, создавший музыку к постановке пьесы, писал: «Я уже около месяца, не вставая, сижу за работой; пишу музыку к волшебной пьесе Островского «Снегурочка». Это одно из моих любимых детищ». 2 июня 1886 года, сидя в кресле с газетой, драматург неожиданно почувствовал, что задыхается. Островский попытался подняться, но упал, ударившись головой о край стола. Приехавший из ближайшей больницы фельдшер констатировал смерть от разрыва сердца. Великий драматург был похоронен на церковном кладбище у храма во имя святителя Николая Чудотворца в селе Николо-Бережки Костромской губернии. Иван Гончаров однажды написал Островскому: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений. Для сцены Вы создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр». Он по справедливости должен называться «Театр Островского». Лучше и не скажешь.

Душа и маска Федора Шаляпина.

«Такие люди являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ. Вот плоть от плоти его, человек, своими силами прошедший сквозь тернии и теснины жизни, чтоб гордо встать в ряд с лучшими людьми мира, чтобы петь всем людям о России».

(Максим Горький о Шаляпине).

Страницы жизни.

Это было в 1933 году. Федор Иванович Шаляпин, известный русский певец, сидел в кабинете своей парижской квартиры, погруженный в глубокую задумчивость. В руке он держал недавно купленную автоматическую ручку с золотым пером. Начиная этот труд, он понимал, что не является литератором, но слишком много он пережил за последние годы, мысли о прошедшем одолевали, требовали выхода, воспоминания обступали, и их хотелось запечатлеть. Для кого он будет писать свою книгу? В первую очередь, для своих детей, которым он и посвятит ее. Он должен объяснить своим детям то, как случилось, что отец лишил их Родины и увез заграницу. Да и для него самого важно, размышляя, ответить на вопросы, которые не дают покоя. Почему он, глубоко русский человек, который вышел из самых низов, который ждал революцию, не смог принять советской России. Размышлял он и о сво-

ей профессии. Будучи зрелым артистом, певцом, известным во всем мире, он знал себе цену, понимал, что Господь вложил в него великий дар. Но он помнил, как на протяжении многих лет он работал над собой, да и сейчас продолжает шлифовать свой талант. Он был уверен, что его советы будут необходимы молодым певцам, ведь и ему когда-то так нужны были советы и поддержка старших и более опытных. Он обязательно напишет о них, о своих учителях, и поклонится им с благодарностью. Теперь уже в далеком 1918 году он написал книгу «Страницы моей жизни». Впрочем, это сильно сказано - «написал». Это был взволнованный монолог о нищей юности, о превратностях судьбы, о счастливых встречах и горестных испытаниях. У этого монолога был благодарный слушатель, самый близкий друг, человек, которого он бесконечно любил, Алеша Пешков. Талантливый писатель, он обработал «непричесанные» шаляпинские строчки, получилась книжка, которая имела успех в России. Книжку и теперь читают, а вот друга он потерял. Теперь у него не будет помощника, не будет и читателя, который сможет лучше всех понять и то, что он доверит бумаге, и то, что останется между строк. Был дорогой друг Алеша, стал «великий советский писатель Максим Горький, буревестник революции, инженер человеческих душ». Свою душу Шаляпин скрывал под разными масками на протяжении многих лет. Что ни роль, то новая маска, новый образ. И вот теперь, когда ему исполнилось шестьдесят, он хочет маску снять, он не боится обнажить душу. Он и книжку свою решил назвать «Маска и душа». Певец открыл тетрадь, и на белый лист легла первая строка:
«В былые годы, когда я был моложе …»

Спустя восемьдесят лет.

Моя встреча с книгой Федора Шаляпина «Маска и душа» произошла через восемь десятилетий после ее написания. Впервые в России книга была напечатана лишь в 1990 году. Прочитав ее не отрываясь, я вновь вернулась к началу. И перечитала несколько раз, безмерно радуясь и горько сожалея. Радуясь, что благодаря книге Шаляпина мне посчастливилось соприкоснуться с личностью великой, характером подлинно русским. Горечь я испытала оттого, что встреча эта произошла так поздно.

Не в юные годы, когда душа жадно впитывает знания и впечатления, но в годы зрелые. А может быть, оно и к лучшему. Жизненный опыт позволяет многое понять глубже, тем более, что судьбы наши схожи: мы живем в эмиграции, как и он, живем вдали от Отечества, которое покинули в непростые для России годы. Обстоятельства расставания с Родиной у нас разные, а чувства созвучны: как бы удачно не складывалась жизнь и карьера в зарубежье, в жизни отсутствует нечто главное, и чувство вины, как бы мы его не заглушали активной работой, будет присутствовать у каждого из нас, покинувших Россию. Поэтому к книге испытываешь с первых страниц доверие. А потом она открывается как уникальный документ эпохи, и встает перед нами Россия на рубеже XIX и XX веков, и ее дети, великие таланты серебряного века. Честными глазами Шаляпина мы увидим и вихревое время безжалостных русских революций, которое под аккомпанемент пронзительных рахманиновских созвучий и блоковских рифм встает во весь рост со страниц книги «Маска и душа». Там, на страницах книги, народ-богатырь, с душой нежной и могучей, и там разрушители России – Ленин, Сталин, и целый сонм революционеров, всех их Шаляпин

видел, общался и честно описал все, как было. В этом и ценность любых воспоминаний.

О России и русском характере.

Начало у книги вовсе не обычное, не пишет автор о родителях и происхождении, а пишет об убогом страннике, с которым однажды довелось встретиться. Замечает он, что по России всегда много странников совершали свой путь: по бескрайним просторам, дремучим лесам, широким полям, великим рекам. Куда же они шли, ехали, плыли? В неизведанную даль. Влекло их смутное представление о неведомом крае, где праведнее и лучше. И это извечное русское стремление к более праведному обустройству мира есть характерная черта рукой души. А другим воплощением русского характера всегда было бунтарство. Поэтому такой любовью пользовались всегда на Руси разбойники – защитники бедноты. И самый любимый из них – Степан Разин. Сколько раз Федору Ивановичу приходилось исполнять знаменитую песню «Из-за острова на стрежень». Он чувствовал, какой горячий, какой-то глубинный отклик находит эта песня в душах его соотечественников. Песня - как обещание какой-то вольной, широкой, размашистой жизни. Шаляпин не идеализирует соотечественников, он пишет: «Находит на русского человека грозная стихия, и чудные он тогда творит дела… Мне часто кажется, что все мы, красные и белые… в одно из таких стенькинских наваждений взяли и сыграли в разбойников, и как сыграли! До самозабвения. Подняли над бортом великого русского корабля прекрасную княжну, размахнулись по-разински, и бросили ее в волны. Но не персидскую княжну, на этот раз, а нашу родную мать Россию».

Шаляпин отложил перо и задумался. Куда же дальше поплывет великий русский корабль? Название корабля поменяли. Капитан корабля по имени «СССР» Шаляпину был известен. Он написал о том впечатлении, которое сложилось после встречи со Сталиным, что этот человек ходит-ходит в своих мягких сапогах, а потом возьмет и взорвет храм Христа Спасителя. Так и произошло. Что будет с Россией дальше? Об этом Шаляпин не знал, и страдал от этого незнания.

Две женщины.

Страдал, так как понимал, что с Отечеством произошла беда, страдал и оттого, что там, в далекой Москве оставались очень близкие для него люди, среди них его первая жена красавица-итальянка Иола Торнаги. Они познакомились еще в 1896 году. Тогда молоденькая итальянская танцовщица приехала в Россию, бросив сцену театра Ла Скала, где выступала с большим успехом, поддавшись уговорам мецената Саввы Мамонтова, который затевал свой частный театр, Русскую оперу. В Нижнем Новгороде познакомилась она с молодым артистом мамонтовского театра, Федором Шаляпиным. А вскоре он в опере «Евгений Онегин» спел неожиданно для всех: «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Торнаги». Чувство было ответным. Они обвенчались в 1898 году в маленькой сельской церкви. Иола со сценой рассталась, посвятила всю свою жизнь любимому супругу. Она родила ему шестерых детей. А когда в жизни Шаляпина появилась другая женщина, Мария Петцольд,

Иола смогла сохранить добрые отношения с бывшим мужем, детей воспитывала в любви к отцу. Они расстались, но уважение к этой удивительной женщине он сохранил на всю жизнь.

Так случилось, он создал вторую семью, с новой женой, и со всеми детьми (а их было десять, так как детей Марии от первого брака он усыновил, и в новом браке родились еще трое дочерей) он и эмигрировал. Дочь Ирина оставалась в Москве. Душа болела за родных, оставшихся в России. Мария была ярой противницей любых контактов со всем советским и категорически возражала против возвращения в Россию. Впоследствии историки напишут о двух возлюбленных Шаляпина: «В Париже, в эмиграции до последнего вздоха рядом с великим певцом была женщина, которая не смогла принять изменившуюся родину, а в Москве очень долгое время жила иностранка, которая ради него покинула солнечную Италию. Иола покинула Москву только в конце 50-х годов, переехав к сыну в Рим». Он продолжил свои размышления на бумаге. Да, так уж устроен русский человек, что рядом со светлым правдоискательством, поэтическим миросозерцанием живут грехи, нетерпимость, зависть, жестокость. «Но такова уж наша русская натура, в ней все, и дурное, и хорошее принимает безмерные формы. Наши страсти напоминают русскую метель».

Наше все – Александр Пушкин.
Шаляпин явственно ощутил дыхание русской зимы, он даже поежился. Но, представив русские снега, он не мог не услышать те звуки, которые в его душе с зимой неразлучны: «Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит…». Всегда в трудное время русский человек ищет поддержки у нашего гения, у Александра Сергеевича Пушкина. Шаляпин продолжает: «Звенит звездным звоном в веках удивительно глубокий русский гений…» И это так характерно для всех волн русской эмиграции. Всегда начинать свою жизнь в зарубежье с именем Пушкина, инстинктивно считая его якорем спасения. Удивительно, как обращается Шаляпин к поэту. Он вспоминает волшебные строки Пушкина из «Каменного гостя», он цитирует описание пряной душистой южной ночи в Испании, которую мастерски воссоздает Пушкин:

«Недвижен теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна блестит на синеве густой и темной.
И сторожа кричат протяжно ясно.
А далеко на севере, в Париже, быть может, небо тучами покрыто
Холодный дождь идет и ветер дует».

Написать такое под вой зимней вьюги в Михайловской ссылке, так подобрать обыкновенные слова, чтобы они создали волшебную поэтическую картину, смог только Пушкин. Но это еще и обещание. Наша жизнь, сотканная из простых событий, слов, может тоже стать чем-то лучшим, если эти события будут поставлены не в хаотический, но гармоничный ряд.

Истоки.

Строки Пушкина напомнили Шаляпину и церковно-приходскую школу, в которую он бегал мальчишкой, и свою первую песню. Это были стихи Пушкина «Сквозь волнистые туманы», которые учитель положил на безыскусный трогательный мотив, и эту песню ученики школы часто певали. Рядом со школой была церковь. И однажды, зайдя в храм, мальчик увидел своих одноклассников, которые пели в церковном хоре. Пели по нотам, и это казалось Феде каким-то чудом. Его взяли в хор. И с того времени в его душе поселилось особое чувство. «Когда я слышу песнопение «Христос воскресе», я чувствую, что и я вознесен», - записал Шаляпин. А еще он писал о церковном русском песнопении, которое является уникальным. «Не хватает человеческих слов, чтобы выразить, как таинственно соединяется в русском церковном пении два полюса радости и печали в песнопениях панихиды». И, конечно, – сердечные слова о маме. «Матушка – милая домашняя песельница»,- с любовью записал Шаляпин. У маленького Феди был дискант, высокий голосок и он старательно выводил: «Ходит ворон-конь, три дня не поенный, а на траве да на мураве лежит молодец, сквозь простреленный». Вот источники, которыми щедро питался его дар, вложенный в маленького мальчика Господом. Счастье, что поместил Господь мальчика в страну, где в те времена, по свидетельству Шаляпина, русские люди пели от колыбели до последнего своего часа. Песенная страна, где в песне – душа народа.

Учителя.

Важнейший урок, который любой читатель почерпнет при чтении книги Шаляпина «Маска и душа» - это урок благо-

дарности учителям. Что общего между ярмарочным куплетистом Яковом Мамоновым, солистом Большого театра Дмитрием Усатовым и богатым промышленником Саввой Мамонтовым? Эти очень разные люди сыграли громадную роль в судьбе Шаляпина. И он пишет о них с глубокой признательностью. Яшка Мамонов, озорной артист балагана на ярмарках в Казани, был любим народом, его выступления всегда собирали толпы зрителей. Он просмеивал власть имущих, его соленые шутки, приправленные острым словцом и насмешливым куплетом, были понятны и вызывали смех. А однажды маленький Федя, который был влюблен в Яшку, случайно встретил его после выступления, когда актер обедал в трактире. Уставший вид, серьезный взгляд балаганного актера потряс мальчика. «Это был мой первый театральный ожог»,- записал певец. Ведь именно в тот миг он понял, что есть такое магическое действо, которое превращает людей в персонажей занимательных историй, и это действо называется театр. Впоследствии в Тифлисе, нищий и всегда голодный, Шаляпин встретится с бывшим солистом Большого театра, известным певцом Дмитрием Усатовым. Уроки Усатова и сформировали юношу как певца. Причем, уроки певец давал безвозмездно. Но был еще один немаловажный момент. Видя нищету юноши, Усатов умел, не унижая достоинства Феди, подкормить своего ученика, помочь ему материально. Но главным были, конечно, уроки вокала. Впоследствии Шаляпин встретится с великими певцами и педагогами, и все-таки будет считать, что как певец он состоялся благодаря Дмитрию Усатову. Так Усатов вошел в историю мировой певческой культуры как педагог гениального Шаляпина. А вот Савва Мамонтов не был актером или педагогом. Он был крупным промышленником, он строил желез-

ные дороги. Но этот человек тоже вошел в истории русской культуры как создатель уникального театра, как меценат, как пропагандист русского искусства. В его частной опере Федор Шаляпин выступал несколько лет. Он любил Шаляпина как сына, он называл его «Феденька», и потратил много усилий, чтобы Шаляпин стал образованным человеком. Шаляпин вспоминал посещение с Мамонтовым Лувра, как деликатно Мамонтов знакомил его с шедеврами мировой живописи, при этом ненавязчиво формировал его художественный вкус. А с какими замечательными людьми познакомился Федор Шаляпин благодаря Мамонтову! Композитор Рахманинов, художники Врубель, Серов, Коровин, Васнецов, - они стали его друзьями, его средой, его единомышленниками. А единомыслие было направлено на русское искусство, на его развитие и пропаганду за рубежом. «У Мамонтова я получил тот репертуар, который дал мне возможность разработать все основные черты моей артистической натуры», - записал певец с чувством благодарности.

О благотворительности.

Есть некий миф о том, что Шаляпин был скуповат, что однажды он сказал: «Задаром только птички поют». Справедливости ради необходимо сказать, что слова эти принадлежат не Шаляпину, а актеру Мамонту Дальскому. Уверена, что далеко не все наши читатели знают, что Шаляпин, крестьянский сын, знающий не понаслышке, что значит нищета и голод, помогал нуждающимся много и охотно. Причем начал он участвовать в благотворительных акциях еще в Тифлисе, когда сам был нищим. Но не забудем, таким был его учитель, Дмитрий Усатов. Впоследствии, став знаменитым певцом, Шаляпин стал величайшим

благотворителем. Вот только некоторые примеры: в Первую мировую войну Шаляпин содержал два госпиталя, и его дочери, бывая в этих госпиталях, помогали ухаживать за ранеными. После революции 1917 года Шаляпин много выступает перед рабочими и солдатами безвозмездно. В 1918 году ему присваивается звание Народного артиста республики. Перед отъездом в эмиграцию его попросили написать отчет о благотворительных концертах, которые он дал с 1917 по 1921 год. Недавно президент Российского Шаляпинского центра Юрий Тимофеев рассказал: «В ответ Шаляпин перечислил, какие мероприятия провел и на какую сумму. Общая цифра составила 257 тысяч рублей».

Отобрали мечту.

При этом Советское правительство со счета народного певца перевело на государственный счет 148 тысяч рублей. Новые власти отобрали у певца автомобиль. Не погнушались даже тем, что реквизировали коллекцию вин и столовое серебро. Отметим, что заработано все благосостояние семьи было титаническим трудом певца. Самым горьким было то, что отобрали мечту. А этой мечтой было желание создать певческий театр. Перед революцией Шаляпин приобрел в Крыму, в местечке Суук-Су скалу. Она носила имя его любимого Пушкина. На пушкинской скале он мечтал построить театр для занятий с молодыми певцами. Шаляпин уже заказал проект, купил даже гобелены для украшения своего театра. Были ли эти события причиной его отъезда? Испугался ли он бытовых трудностей, которые обрушились на его семью после октябрьского переворота? И да, и нет. Да – потому что он был ответственен за свою семью, он не хотел, чтобы его дети голодали. Нет – потому что он не боялся трудностей, ему приходилось в

молодости хлебнуть всего, в том числе и голода, и холода. А вот чего он не мог принять – это неуважения к своей личности. Перед унижением своего таланта ничтожными функционерами он смириться не мог. Выручила природная мужицкая смекалка. Он пишет об этом в книге. Он слукавил, просил Дзержинского и Луначарского отпустить его на гастроли заграницу, а сам замыслил уехать навсегда. Разрешение было получено с превеликим трудом. Так удалось спастись самому и спасти семью от большевистского «рая».

Как Шаляпина гражданства лишили.

На певца заграницей успех просто обрушился. Поселилась семья во Франции, в Париже. И началась чреда триумфальных гастролей по странам Европы и Америки. Они приносили весомый доход, и уже в 1925 году Шаляпины были в состоянии купить дом в Париже. Дом был куплен и, согласно православной традиции, было решено пригласить священника русского храма Александра Невского отца Георгия Спасского, чтобы этот дом освятить. Когда Шаляпин и отец Георгий шли из храма домой, недалеко от храма им повстречалась группа русских детей. Оборванные и голодные, они просили милостыню. У Шаляпина не было с собой денег, и с тяжелым чувством он прошел мимо. Освящение дома прошло как положено, был и обед. Ночью же Шаляпин уснуть не мог. Он думал о бедных детях, он был уверен, что не будет в его доме счастья, раз они прошел мимо голодных. Наутро он встретился с отцом Георгием и попросил его передать бедным семьям пять тысяч франков. Отец Георгий отнесся к поручению очень ответственно. И, распределив помощь самым нуждающимся, в русскоязычной газете «Возрождение» в ап-

реле 1927 года опубликовал подробный отчет о проделанной работе. Советская пресса взорвалась: Шаляпин помогает белоэмигрантскому движению. Особенно злобствовал Маяковский. Он призывал Максима Горького вернуться в Советскую Россию и в стихотворении «Письмо к Горькому» поэт крайне неуважительно писал о великом певце:

«Или жить вам,
Как живет Шаляпин,
Раздушенными аплодисментами обляпан,
Вернись теперь такой артист
Назад на русские рублики,
Я первый крикну:
«Обратно катись,
Народный артист Республики».

Следствием этой акции – помощи нуждающимся - стало лишение Шаляпина звания Народного артиста в том же апреле 1927 г. А уж в сентябре Шаляпина лишают и российского подданства. Впрочем, советская власть еще несколько раз пыталась вернуть певца в Россию. Он упорно отказывался, писал Горькому в ответ на увещевания: «Я у вас слыву преступником. А в таких случаях с вами трудно. Пошлют на Соловки». Горький вернулся в Советскую Россию в 1928 году, чтобы оказаться в золото клетке, мертвой хваткой держали его и его семью бдительные чекисты. Умер пролетарский писатель в 1936 году, став жертвой советского режима. Мертвый Горький мог стать лучшим союзником Сталина, тогда как живой был опасен, ведь иллюзии уже покинули великого писателя.

По страницам книги «Маска и душа».
Много страниц своей книги посвятил Шаляпин Горькому. Они наполнены искренней любовью и восхищением перед талантом писателя. Проходят чредой и другие образы современников: Римский-Корсаков и Рахманинов, Блок и Лев Толстой. С ними певец встречался, с некоторыми дружил. Шаляпин пишет и о вещах, которые касаются актерского мастерства. Думается, не только актерам и певцам будет полезно и интересно прочитать о том, как певец описывает свою работу над сценическим образом. Какая это была гигантская работа, огромные интеллектуальные усилия, привлечение воображения, работа над каждым жестом, работа над гримом и мимикой. Он щедро делится своими открытиями, он настежь раскрывает дверь в свою творческую лабораторию. И рассказ о создании сценического образа вплетен в повествование о времени, в котором выпало певцу жить и творить.

История болезни.
Закрываю книгу, с грустью думаю о том, что там, в весеннем мартовском Париже великий певец еще не знает того, что знаю я, читая о событиях 80-летней давности. Ему не доведется отметить полувековой юбилей своей творческой деятельности. Через шесть лет после выхода книги он скончается. Шесть оставшихся лет будут наполнены активной творческой деятельностью. Интересными обещали быть крупномасштабные гастроли на Дальний Восток. В Шанхае певец заболел. И сразу в его окружении появились два врача. Один был особенно навязчив. Его фамилия была Витензон. Федор Иванович не интересовался политикой, а то он непременно бы прочитал материал в эмигрантской газете «Наш путь». Газета сообщала, что в Благовещенске

Витензон был комиссаром. Газета прямо называла врача агентом ОГПУ. Вот этот человек и лечил Шаляпина, особенно часто делая орошение горла разными медикаментами. В это же время в Китай отправляется важный агент ЧК Яков Серебрянский. Этот человек руководил спецгруппой особого назначения при НКВД, которая уничтожала неугодных советскому режиму. На его совести было убийство генерала Кутепова. Не забудем, что шефом ОГПУ был тогда Генрих Ягода, фармацевт по образованию. И известно из документов, что при НКВД работало специальная лаборатория, которая разрабатывала вещества, вызывающие летальный исход, но симптоматика была схожа с известными заболеваниями. По возвращению в Москву Серебрянский получил высокую награду. Может быть, это было просто совпадением. Однако после поездки в Шанхай Шаляпин вернулся домой весьма ослабленным, а домашние с удивлением увидели у певца на лбу опухоль зеленоватого цвета. Врачи поставили страшный диагноз – лейкемию. А гематома была проявлением страшного заболевания, которое возникло внезапно. Парижские врачи были удивлены, ведь в таком возрасте это заболевание тогда встречалось очень редко. Острый лейкоз развивался стремительно. И 12 апреля 1938 года певец скончался. Его последними словами в горячечном бреду были: «Дайте воды. Горло сухое. Публика ждет. Надо петь!».

Константин Станиславский - человек, создавший театр.

«Никогда не верьте, если кто-то говорит, что тяжелая жизнь задавила в нем талант. Талант – это огонь и задавить его невозможно. Талант – это сердце человека, его суть, его сила жить».

(К.С. Станиславский).

«Любите ли вы театр?»

Хотелось бы начать этот очерк с вопроса Белинского, который, может быть, кому-то из наших читателей покажется риторическим. Кажется, любой русский человек, имеющий за плечами богатейшую историю русского театра, зная имена блистательных русских актеров Щепкина, Ермоловой и многих других, ответит утвердительно. Но с этим вопросом мы обращаемся не вообще к русским людям, а к конкретным соотечественникам, проживающим на Кипре, к нашим читателям. (Судя по откликам на публикации, автор может порадоваться тому факту, что читателей у нас немало). Итак, любите ли вы театр? И ответ может быть такой: «А как любить то, что неведомо?» Мы живем в стране, где театр как массовое искусство находится в зачаточном состоянии. Историк объяснит это годами колониализма и посетует, что традиции высокого античного театра, увы, остались в прошлом. Но, сохраняя оптимизм, заметим, что кипрская интеллигенция делает очень много для возрож-

дения любви к театру, нарабатывает свои театральные традиции и Бог в помощь этим подвижникам. Но даже, чтобы прикоснуться душой к молодому искусству кипрского театра, надо, как минимум, знать греческий язык, которым владеют далеко не все наши соотечественники. С завистью поглядываю во время поездок в Европу и даже в близкий нам Израиль на тамошние театральные афиши. Гастроли ведущих российских театров там не редкость, а повседневная культурная жизнь. И каких театров! Увы, на Кипре такие гастроли не проходят. Во всяком случае, за двадцать лет моей кипрской жизни, я такого случая не припомню. И молодое поколение нашей общины растет в отсутствии русского театра. И если кинотеатр и библиотеку с успехом заменяет Интернет-пространство, если концерт так называемых поп-звезд (которых на Кипр их поклонники привозят в изобилии) можно и по ТВ посмотреть, то театр заменить может лишь…театр. Образно говоря, за Синей птицей можно вереницей пройти только просторами МХАТа. С надеждой на исправление ситуации мы и приступим к разговору о ярком явлении в истории русского театра и его подлинном рыцаре.

Истоки.

На сакраментальный вопрос Белинского о любви к театру, Костя Алексеев ответил уже в четырехлетнем возрасте. Причем ответил не только словами , но выразил действием свой взгляд на театр. Это было в 1867 году на Рождество. В Москве в богатой купеческой семье Алексеевых в доме у Красных ворот давали домашнее театральное представление. Это были живые картины «Времена года». Надо сказать, что в семье театром увлечены были все: родители и девять детей, и друзья дома, и даже прислуга.

Костя, которому исполнилось четыре года, должен был в сцене «Зима» изображать мужичка, разжигающего костер на снегу. Под хворостом была поставлена свеча, и надо было имитировать процесс разжигания. То есть костер должен был «гореть» понарошку. Малыш взял палку, намотал на нее вату и сунул свой факел в камин. Когда хворост загорелся по-настоящему, и родители с трудом потушили начинающийся пожар, Костя продолжал недоумевать: «Все должно быть по правде, по-настоящему!». Он так и прожил в искусстве, огненно, пламенно, по-настоящему.

Вообще, это очень нечастое совпадение, когда талантливый ребенок с рождения попадает в исключительно благоприятную среду, способствующую расцвету его дарований. Именно так было с Константином. У семьи Алексеевых, богатых промышленников, владельцев фабрики по производству канители (специальных металлических нитей, из которых изготовлялась парчовая ткань) была репутация театралов. Объяснение этому интереснейшее. Оказывается, бабушка Станиславского (Эта фамилия - его псевдоним, который он возьмет себе уже в юности) была известной французской актрисой Мари Варлей. Она на гастролях в России встретила деда будущего режиссера по материнской линии, купца Яковлева, возник страстный роман и последовал счастливый брак. В этом браке и родилась мать Станиславского, Елизавета Васильевна, богато одаренная музыкантша, которая брала уроки у самого Рубинштейна.

Отец Станиславского театр тоже любил и сам с удовольствием играл в любительских спектаклях. В доме нередко бывали в гостях артисты московских театров. Семья часто посещала театральные представления, особенно любили

Малый театр. Дома тщательно готовились к выездам в театр. Читали пьесу, критические отклики. И потом уже «во все оружии» отправлялись смотреть спектакль. Увлечение детей театром родителями всячески поощрялось. В подмосковном имении Любимовка даже был выстроен домашний театр, где и начал выходить на сцену Константин в качестве актера в очень юном возрасте.

Театральные затеи.

Вообще в Любимовке было много затей: на берегу Клязьмы устраивались праздники с фейерверками, дети учились танцам и фехтованию. А вот где-то с 1877 года пальму первенства захватил театральный кружок. Его и прозвали «Алексеевским», потому что основным костяком труппы стала семья. Зрители – друзья и знакомые. Инициатором театральных затей, режиссером и постановщиком, актером выступал Константин. Да так увлеченно выступал, что близкий родственник, московский градоначальник Николай Алексеев пенял родителям «У Кости не то в голове, что нужно». Но родителей это ничуть не беспокоило, ибо и к семейному бизнесу Константин относился с интересом. С удовольствием изучал канительное дело, стал работать одним из директоров на отцовской фабрике, во Франции изучал новейшие достижения производства парчи и современные машины, чтобы потом дома усовершенствовать свое производство. Днем – работа на фабрике, вечера отданы репетициям и постановкам в Алексеевском кружке, и все ладилось, и все получалось. Семья была оплотом единомышленников, где его понимали в самые трудные минуты. А у кого их не бывает? Вот одно из преданий. На великосветском приеме юный Константин влюбился в балерину по фамилии Иогансон. Влюбился безответно, да и не

в нее, наверное, а потому, что время пришло любить. В страданиях утешила Дуняша, горничная. Когда родился у Дуняши мальчик, семья не устраивала скандала. Мальчика Алексеевы вырастили и дали прекрасное образование. Впоследствии Владимир Сергеев (такую ему дали фамилию) стал известным профессором- историком.

Между тем, Алексеевский кружок становится все более известным в Москве, благодаря интересному репертуару: Шекспир и Толстой, Мольер и Пушкин - вот авторы, творчество которых не боятся воплощать на сцене молодые актеры. Привлекала искушенную московскую публику и игра актеров, свежая, талантливая, правдивая, лишенная штампов. Особенно пользуется успехом игра Константина Станиславского. В 1885 году Константин берет себе сценическое имя в память о докторе Маркове, который много лет выступал на любительских сценах под этим псевдонимом. Внешне из болезненного мальчика, который плохо выговаривал некоторые звуки и часто болел, он превратился в красавца. О нем говорили: «Настоящий москвич, богач, подлинный русак». Добавьте к этому безукоризненные манеры, отменный вкус, знание европейских языков и вы сможете представить тот тип русского мужчины, который безжалостно был уничтожен нашей трагической историей и так редко встречается теперь, если вообще встречается.

Мария Лилина.

Состав труппы растет. Уже не только члены семьи играют в спектаклях. Однажды кто-то представляет Константину молодую девушку. Огромные глаза, безукоризненный прямой рядок прически, лучезарная улыбка… Мария Перевощикова также беззаветно влюблена в театр. Родом девушка из обедневшей дворянской семьи, она – внучка мо-

сковского профессора. По окончании с золотой медалью Института благородных девиц работает в этом же Институте преподавательницей. Классные дамы должны себя вести безукоризненно. Начальство наблюдает за их репутацией неукоснительно. Правила строги, например, в театр ходить самостоятельно строжайше запрещено. Но Мария тайком посещает театральные спектакли, ее разоблачают и выгоняют с работы. Зато в Алексеевском кружке работы хоть отбавляй. От своего партнера, Станиславского, девушка без ума. И вскоре коллеги отмечают, что в различных спектаклях Константин и Машенька, исполняющие главные роди, «целуются уж слишком естественно». Это была встреча с единственной на всю жизнь любовью. Хрестоматийный факт: они прожили всю жизнь, и никогда Константин Сергеевич не изменял жене. В браке родилось трое детей. Первая девочка Ксения умерла во младенчестве. В дальнейшем, когда он руководил одним из самых лучших российских театров, он всегда был окружен самыми красивыми женщинами России и Европы. Многие пытались завоевать его сердце. Особенно стремилась к этому великая Айседора Дункан. Однажды ей удалось подвинуть Константина Сергеевича на поцелуй, но этот поцелуй был в их отношениях единственным. То, что сказал после Станиславский, повергло Айседору в шок. Отодвинувшись от настойчивой соблазнительницы, Станиславский задал ей вопрос: «А если у нас родится ребенок, с кем он будет жить? Я привык, что мои дети растут под моим кровом». Вопрос, как холодный душ, отрезвил Айседору, отношения так и не начались. Когда через несколько лет Айседора рассказала об этом эпизоде Лилиной (Мария взяла себе также сценический псевдоним), супруга Станиславского

не удивилась: «Он очень серьезно относится к таким вещам» ,- сказала она темпераментной американке.
Сам же Константин Сергеевич говорил о себе: «В этом отношении я эгоист. Еще увлечешься, бросишь жену и детей». Венчались Мария и Константин в Любимовке в 1889 году. Тогда же Алексеевский кружок был переименован в Московское общество искусства и литературы.

Встреча в «Славянском базаре».
…Москва, 21 июня 1897 года, ресторан гостиницы «Славянский базар». За столиком сидят два господина. Сидят уже давно. Официанты озабоченны, все посетители покинули заведение, ресторан пора закрывать. Но как прервать эту оживленно-страстную беседу, которую ведут эти двое. «Какая-то международная конференция народов», - ворчит хозяин, но не рискует прерывать беседу, невысокого чернявого господина он не знает, а вот второй, вальяжный красавец, известный, из семьи купцов Алексеевых. А они клиенты щедрые. Наконец господа встают, ресторан закрывается, но собеседники не расстаются. Они отправляются в Любимовку, где беседа продолжается и завершается она через 18 часов после ее начала. Именно так происходила историческая встреча популярного драматурга Владимира Немировича –Данченко и Константина Станиславского. О чем же шла речь, и почему мы называем встречу исторической?

Немирович-Данченко.
Они были очень разными, основатели нового русского театра. Станиславский - блистательный красавец, богач, любимец московский публики, коренной москвич, а это дорогого стоило, да и сейчас стоит немало. А вот Немирович-

Данченко – совсем другое дело. Он был старше Станиславского, родился в Грузии, где его отец, подполковник, проходил военную службу. Черниговский помещик, отец Владимира Немировича-Данченко стал военным и, оказавшись на Кавказе, неожиданно для близких, женился на армянке. В браке родились два сына. Оба необычайно одарены литературным талантом. Старшего, Василия, называли впоследствии «русским Дюма». Он был талантливым журналистом и весьма плодовитым писателем. Еще до революции он выпустил полное собрание сочинений в 50-ти томах. Так как Василий Немирович-Данченко эмигрировал после революции, то нам он совсем неизвестен, в СССР его никогда не печатали. В современной России его, почему-то, не печатают тоже. Младший брат, Владимир, окончил в Тифлисе гимназию с серебряной медалью и приехал в Москву, чтобы учиться в университете. Однако из университета юноша уходит, так как его манит литературная работа, а также поглощает любовь к театру. В Москве было много возможностей участвовать в любительских спектаклях. В те годы москвичи, да и петербуржцы, были от театра без ума. Однако Немирович-Данченко не обольщался. Ему никогда не сыграть главную роль, героя яркого, значительного. И дарования были, а вот внешность подкачала. Он понимал, что красотой он не вышел, и вообще внешность не сценическая. Поэтому, не став актером, он становится литератором и драматургом. И сразу добивается успеха. Его пьесу «Шиповник» ставят в Малом театре, когда автору едва исполнилось 23 года. О его пьесах одобрительно отзывается сама Ермолова. Такими были его первые шаги в литературно-театральной Москве. К моменту встречи с Станиславским Немирович-Данченко был уже известным театральным критиком и драматургом,

беллетристом и преподавателем. Не имея театрального образования, он имел такой авторитет в артистической среде, что преподавал на драматических курсах Московского Филармонического общества. Дерево узнают по плодам, педагога - по ученикам. Немирович-Данченко воспитал таких актеров, как Книппер, Москвин, Андреева и Качалов.

Рождение МХАТа.

Итак, восемнадцать часов переговоров между Станиславским и Немировичем-Данченко увенчались решением о создании театра. Впоследствии Константин Сергеевич писал: «Мировая конференция народов не обсуждает своих важных государственных вопросов с такой точностью, с какой мы обсуждали тогда основы будущего дела, наши идеалы, организационные планы, проект будущего репертуара, наши взаимоотношения». Они были счастливы единомыслием. Главной доминантой было обоюдное стремление создать театр, который бы правдиво отображал жизнь. Для этого грандиозного замысла нужны были актеры, и они были. Ядро нового театра составили выпускной класс драматических курсов, которые вел Немирович-Данченко, и члены Общества искусства и литературы. Когда в конце июня 1898 года труппа нового театра собралась вместе, то Константин Сергеевич сказал: «Мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь».

«Самое страшное – молчание Бога».

Автор не ставит своей целью описывать историю Московского художественного театра. Тема эта необъятна, хорошо изучена и по ней опубликовано множество мемориальной литературы и исследований. Хорошо известно, какой благодатной встречей и для труппы, и для зрителей было знакомство театра с драматургией Чехова, тогда чайка взлетела на занавес театра, чтобы стать его вечным символом. Символом стала и работа над пьесами Горького. Тогда сам Станиславский блистательно исполнил роль Сатина в знаковой пьесе «На дне», слова горьковского героя в устах Станиславского - «Человек – это звучит гордо» - воспринимались зрителями предреволюционной России и с надеждой, и восторгом. Да и сам Станиславский встречал революцию 1917 года с энтузиазмом. «Примите мои поздравления с чудесным освобождением России!», - писал он в октябре 1917 года. Увы, надеждам сбыться не удалось. И пройдет не так уж и много времени, когда режиссер напишет: «Я испытываю тоску и злобу, точно изнасиловали мою мать». Эти строки стали известны недавно в связи с публикации некоторых архивных материалов, не доступных ранее широкой аудитории. Напишет он и в состоянии близком к отчаянию другие горькие слова: «Самое страшное – молчание Бога». Внешне же Константин Сергеевич в советские годы надевает на себя маску аполитичности, да так она крепко «прилипает» к его образу, что даже человек, хорошо знающий режиссера, Немирович-Данченко, во время похорон своего великого соратника сказал следующие загадочные слова: «Я не знаю глубинных миросозерцаний Станиславского». Глубинные мысли он прячет от всех, да и как не прятать. Став любимцем власти и баловнем авторитарного режима, он стал и его

заложником. Заграницей находился его сын, который болел туберкулезом и не выжил бы в трудные двадцатые годы в России. Юноше нужно было помогать материально, оплачивать его лечение в санаториях. После революции фабрика и весь бизнес Алексеевых были национализированы, и Станиславский потерял финансовую независимость, которая так помогала ему в творчестве. Его семьи репрессии не коснулись, но были репрессированы его близкие родственники и многие коллеги, близкие семье Станиславского и Немировича-Данченко люди. Режиссер понимал, что он несет еще и персональную ответственность за каждого актера труппы. Этой заботой пронизаны все его письма Сталину, и это в первую очередь нужно увидеть, а не дежурную риторику, без которой не обходился ни один официальный документ той поры. Сам Станиславский был постоянно под дамокловом мечом. И власть не уставала напоминать ему об этом, стремясь держать гения «на коротком поводке». Так было во время знаменитых зарубежных гастролей. На этот раз заложниками остались в Москве семьи актеров, и их судьба зависела от того, насколько лояльны будут к советской власти гастролеры. Так было и по возвращении в советскую Россию. Чего стоит только арест племянника, который погиб в сталинских застенках. Тело выдали для похорон семье, чего власти никогда не практиковали, на теле погибшего были страшные следы пыток. Впоследствии в годы чисток был расстрелян директор театра Аркадьев. Было страшное время, и был честный и порядочный человек, гениальный актер и реформатор, режиссер от Бога, который любил Отечество и который искренне говорил: «Творить можно только в России». В 1924 году театр после зарубежных гастролей во главе со Станиславским возвращается на роди-

ну. В 1928 году с размахом отмечается двадцатилетие МХАТа. Дождь наград и почетных званий. Отныне репертуаром театра занимается Сталин лично, вождь народов посещает театр, вмешивается в дела труппы. Каждый его приезд в театр для руководства МХАТа – прогулка по лезвию ножа. В эти праздничные дни Станиславский в последний раз выходит на сцену. Прямо во время спектакля «Три сестры» у него происходит обширнейший инфаркт, после которого врачи запрещают ему выходить играть.
Последнее десятилетие Станиславского – годы прогрессирующей болезни, в течение которых он часто был прикован к постели, находился на лечении в санаториях. Но чуть оправившись, он вновь принимается за работу, которая перемещается в его дом в Леонтьевском переулке. Там он разрабатывает план постановок театральных спектаклей, проводит репетиции с актерами, ведет корреспонденцию и работает над книгой об актерском мастерстве, так рождается знаменитая Система Станиславского, которая стала библией актеров всего мира. В последние годы Станиславский много работает и над постановкой оперных спектаклей, наполняя условный мир оперы глубоким психологическим содержанием. В 1938 году в СССР был широко отмечен 75-летний юбилей Станиславского. В этом же году, седьмого августа он скончался.

Встреча с искусством Станиславского.
Я сознательно здесь не пишу о системе Станиславского, и не только потому, что о ней написано необъятно много, каждый мало-мальски культурный человек с удовольствием цитирует слова Станиславского о вешалке, с которой начинается театр, о том, как надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве, о том, каков критерий доверия к ак-

терскому труду. Знаменитое «Не верю» вообще стало расхожей фразой, которую часто цитируют даже люди, далекие от театра. Вообще, театр - искусство очень хрупкое, эфемерное. Спектакль порой репетируется годами, а живет он один лишь вечер.

Я хочу поделиться с читателями своими впечатлениями от встречи со Станиславским, которая произошла у меня в 1975 году на спектакле «Соло для часов с боем». Это была встреча со Станиславским, потому что на сцене играли его ученики, те самые легендарные мхатовские старики. Ныне, спустя сорок лет после того спектакля, я могу с уверенностью сказать, что без встречи с ним, я была бы другим человеком. Тогда я только приехала в Москву, приехала по распределению, преподавала в школе. И сразу стала постоянным зрителем московских театров. Я очень волновалась перед этим вечером. Попасть в Московский художественный театр было в те годы очень трудно. Выручила мама одной ученицы, достала билет. И пусть прямо перед моим креслом стояла колонна, и было очень трудно что-то увидеть на сцене, но зато я оказалась в Камергерском переулке, в том самом здании, который знаменитый Шехтель построил специально для МХТа. Приехав задолго до спектакля, я с волнением бродила по коридорам, которые описаны у Булгакова в «Театральном романе», которые помнили овации после «Чайки» Чехова, помнили волнующий голос Аллы Константиновны Тарасовой, и бессмертные интонации Качалова и Москвина. Я волновалась, была в ожидании встречи с М.Яншиным, М. Прудкиным, А.Грибовым, В. Станицыным и гениальной О. Андровской. А смотреть мне предстояло спектакль, поставленный специально для мхатовских стариков, ставший впоследствии легендарным, по пьесе словацкого драматурга Заград-

ника «Соло для часов с боем». Открылся занавес и на сцене явился интерьер обычной квартиры. А потом началось действо. В те годы я много читала о Станиславском и была заядлой театралкой. Но все мои знания о сквозной идее, сверхзадаче, больших и малых кусках вмиг улетучились, столь мощные токи душевных переживаний исходили со сцены. Актеры разговаривали обыкновенными голосами, был невероятный эффект слияния сцены и зала, эффект присутствия необыкновенный. Гениальные старики не играли свои трогательные роли, они просто жили на сцене. А мы, зрители, плакали, не стесняясь своих слез. Спектакль, необыкновенно трогательный, был о любви и надеждах, которые умирают последними. Это был великий урок сострадания, который я запомнила на всю жизнь, и который стал той планкой, достичь которую я стремилась все последующие годы…

Очей очарованье.

«Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса…»

Эти чудные пушкинские строки, конечно, о нашей русской природе. Но они созвучны и жизни человека в его преклонные годы. Все мы понимаем, что увяданья не избежать, если Господь наградит долголетием. Осень жизни бывает разной. Бывает скорбной, когда грядущее расставанье с земным бытием омрачено горечью несбывшихся надежд, болезнями и черствостью близких людей. А бывает старость и плодоносной, озаренной мудростью обретенного опыта, красотой всепрощения, упованием на жизнь вечную, согретой любовью близких, украшенной многополезными трудами. Недавно судьба мне подарила три встречи, которые поразили, порадовали, вдохновили и многому научили. Это были встречи с известной актрисой, мудрым старцем и великой княгиней. Поскольку двое из них дамы, я не буду озвучивать цифры возраста, скажу лишь, что родились мои герои в самые первые послереволюционные годы, пережили бурный двадцатый век и два сложных десятилетия века двадцать первого. Они известны всей России благодаря своему неустанному труду, доброте и любви. Каждый из моих героев на своем поприще сделал много для Отечества и соотечественников. С любовью и благодарностью к этим прекрасным людям, приступаю к рассказу о трех встречах, трех открытиях, трех уроках.

Актриса.

Довелось нам недавно отдыхать от кипрского зноя в одном из подмосковных санаториев. Волшебная природа Подмосковья завораживала родной красотой. Белоствольные березы соседствовали с рябинами, которые на пороге осени уже украсили себя алыми гроздьями ягод. Стройные сосны тянулись к небу, а их медно-красные стволы были подобны колоннам в дивном храме природы. И вот среди этой красоты в одной из аллей санаторного парка промелькнул силуэт дамы. Стройная фигура, светлое платье, изящная шляпка, и знакомый голос (женщина говорила по телефону). Она поравнялась с нами, улыбнулась и поздоровалась. Это была Вера Кузьминична Васильева, любимая актриса многих поколений. Оказалось, что мы отдыхаем в одном санатории. Васильева была любимой актрисой моей мамы, «Сказание и земле Сибирской» и «Свадьба с приданным» в нашем доме смотрели неоднократно. Живя в Москве, я несколько раз посещала спектакль «Безумный день или Женитьба Фигаро» в Театре Сатиры, где блистали Вера Васильева, Андрей Миронов и Александр Ширвиндт. С удовольствием недавно прочитала книгу Веры Кузьминичны «Продолжение судьбы». И очень рекомендую нашим читателям прочитать эту небольшую, искреннюю и такую задушевную исповедь замечательной актрисы. Помню, как защемила душа, когда прочитала последние строки книги: «А, может быть, я слишком высоко себя оценила, размышляя, что надо уйти

на прекрасной ноте. Ведь я не котируюсь в театральных кругах, как выдающаяся или даже как просто очень талантливая актриса. Возможно, для многих моих коллег я актриса со счастливой не по таланту судьбой. Достаточно искренняя, достаточно обаятельная актриса, которую любит некоторая часть зрителей. И вдруг я размышляю о себе, как о чем-то значительном в искусстве. Ведь так все просто: работай, пока дают, делай, что положено в твоем возрасте, и скажи «спасибо».

И это написала большая русская актриса, которая сыграла на сцене Театра Сатиры более шестидесяти ролей и около пятидесяти ролей в кино. Эта истинная скромность, не показная. Наше общение было коротким, хотя так много хотелось сказать любимой актрисе, но я понимала, что приехала она в санаторий не интервью раздавать, а немного отдохнуть от той напряженной работы, которую она ведет. Между прочим, она как-то, шутя, сказала: «Да и кому будет интересно мое интервью: всю жизнь прожила с одним мужем и служила в одном театре». (На будущий год исполнится семьдесят лет этому служению (!) И сегодня актриса играет в Театре Сатиры, исполняя роль голливудской актрисы Ирмы Гарленд в пьесе Житинкина «Роковое влечение»). Конечно, я заробела вначале, но Вера Кузьминична была столь приветливой, доброжелательной, высокая простота общения с ней покоряла с первой минуты разговора. Мне хотелось познакомить актрису с Кипром и поздравить с наступающими именинами. Узнав, что недавно мы издали сборник кипрских сказок, актриса проявила большой интерес к книжке. Даря сказки, я написала посвящение: «Любимой актрисе и солнечному человеку». Она такой и осталась в моей памяти: стройная, элегантная, с солнечной улыбкой и очаровательными ямоч-

ками на щеках. Недаром Сталин, увидев ее в роли Настеньки в «Сказании о земле Сибирской», не удержался и сказал Пырьеву: «И где вы нашли эту прелесть?!» И сегодня она прелестна, годы ее красят. И она была и остается настоящей звездой, эталоном скромности, порядочности, деликатности. Живой укор тем персонажам, которые громогласно называют себя звездами, являясь в лучшем случае болотными огоньками.

Старец Илий.

Когда батюшка зашел в наш маленький офис, показалось, что его стены расширились. Небольшая комната Русского православного образовательного центра приняла не только старца Илия, но и всех его учеников, духовных чад, которые его сопровождали. Как это могло получиться – до сих пор остается для меня загадкой, но все уместились, вместе пили чай, и всем было так тепло и уютно. Мы словно собрались у некоего светильника. А батюшка - худощавый, подвижный, не идет, а словно летит над землей. И все ему интересно, потрясающая любознательность, мгновенная реакция, взгляд быстрый, словно рентгеном просветил. Каждому хотелось задать важный вопрос старцу, получить наставление и совет. Но, как потом поделились с нами некоторые из присутствующих, само нахождение вблизи всенародно любимого старца дало ответы на вопросы, многое прояснилось, многое оказалось и не столь важным. Схиархимандрит Илий сейчас живет на Патриаршем подворье Троице-Сергиевой лавры в подмосковном поселке Переделкино и является духовником

святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Батюшке восемьдесят пять лет, годы жизни прошли в стенах Псковско-Печерского монастыря, на святом Афоне, в Оптиной Пустыни. В Ларнаку он прибыл поклониться святому Лазарю, но нашел время, чтобы посетить и наш православный центр. Для нас это было огромной радостью, но и возможностью задать некоторые вопросы. Мы готовимся отметить столетие революционных событий 1917 года, хотим приурочить эту годовщину ко Дню народного единства, организовать встречи с молодежью нашей диаспоры, чтобы рассказать о пагубности раскола в нашем народе и о его последствиях. И было отрадно услышать, что оценка старца событий вековой давности совпала с нашей. «К сожалению, к глубокому сожалению, ничего полезного нам революция не дала. Ничего не дала. Прежде всего территориально: сколько Россия потеряла через эти события и сколько людей - 70 млн человек - утратила, пойдя по этому пути и получив Гражданскую войну, голод, репрессии. Ещё 30 млн жизней унесла Великая Отечественная война. Общая цифра - 100 млн человек. История скажет на этот счёт своё слово», - так сказал старец и затронул очень личную тему, рассказав, как умер от ран, полученных в боях Великой Отечественной его отец, как мама тянула четверых ребятишек одна, как голодали, но самая большая боль – репрессии против Матери Православной Церкви. «За что расстреливали совершенно невинных людей? Один факт. В Оранском монастыре Нижегородской области расстреляли 11 тысяч священников, монахов и архиереев! А на Бутовском полигоне - почти 30 тысяч человек. Чуть ли не каждый город, область превратились в полигон смерти. На моей родине, Орловщине, были расстреляны тысяча священнослужителей и так по

всей стране». Батюшка задавал нам много вопросов о работе с детьми и молодежью нашей диаспоры. Судьба молодого поколения соотечественников весьма беспокоит старца. Он встречается с молодежью, окормляет, наставляет, советует. Его любовь к молодежи деятельна.

Княгиня.

Когда сотрудники фонда «Программа помощи России» обратились к нам с просьбой сопровождать руководительницу фонда великую княгиню Ольгу Николаевну Куликовскую–Романову в ее паломничестве к святыням православного Кипра, мы не на шутку разволновались. Это, конечно, честь, но и ответственность большая. Ольга Николаевна – вдова племянника последнего российского императора Николая II Тихона Куликовского-Романова. Она далеко не молода, мы беспокоились, как она перенесет дорогу, эмоциональное напряжение? Стоим около отеля и ждем, когда выйдет княгиня. На маленькую изящную женщину в красивом зеленом платье, в туфельках на каблучках мы вначале внимания не обратили, так как ждали человека преклонных лет. А ведь эта аккуратная женщина и оказалась княгиней. Нас очаровали ее прекрасный русский язык, дивная манера общаться, обаяние и привлекательность, деликатность и такт, изящный юмор, ясная мировоззренческая позиция и умение ее защитить. Ее золотая осень украшена любовью родных и близких, сотрудничеством единомышленников и воспоминаниями о большой любви… В 1991 году супру-

ги Куликовские-Романовы создали благотворительный Фонд «Программа помощи России имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны». Ольга Николаевна говорит: «Милостью Божией сбылась всеянная отцом и матерью в детское сердце мечта - вернуться на родину предков, чтобы делить с родным народом его беды, радости и чаяния». Она впервые вступила на русскую землю в 1991 году с ясной целью: не быть сторонним наблюдателем и праздным мечтателем, а стать неутомимым тружеником на ниве благотворительности и милосердия. За минувшие четверть века Ольгу Николаевну узнали и полюбили многие тысячи людей из самых разных уголков России. Фонд оказывает помощь больницам, приютам, организациям, отдельным людям. После смерти мужа в 1993 году Ольга Николаевна возглавила деятельность Фонда, трудится неустанно на ниве благотворительности. А еще Ольга Николаевна на десятом десятке своей жизни (!) неустанно занимается самообразованием. Она владеет семью языками, а сейчас учит японский...

Три героя, три судьбы. И каждая может стать прекрасным примером любви к Отечеству и неустанных трудов для его блага, высоким примером всепрощения и оптимизма, который излучают эти прекрасные русские люди. Андрей Дементьев как-то написал:

«Быть стариками – не простая штука,
Не все умеют стариками быть.
Дожить до старости – еще не вся наука,
Куда трудней достоинство хранить!

Не опуститься, не поддаваться хвори,
Болячками других не докучать.

Уметь остановиться в разговоре,
Поменьше наставлять и поучать».

Мои герои достойно встретили осень своей жизни, они не поучают своим примером, они светят путеводной звездой. Храни их Господь!

Иллюстрации:

- Мельпомена. Античная скульптура стр. 581

- Портрет Федора Волкова стр.582
Худ. А. Лосенко

- Памятник Александру Островскому стр. 596
Скульптор Н. Андреев

- «Купец и купчиха» (1922) стр. 608
Худ. Б. Кустодиев

- Федор Шаляпин (фото) стр. 620

- Ф. Шаляпин и И. Торнаги стр. 621

- Ф. Шаляпин с семьей стр. 616

- Константин Станиславский стр. 631

- Вера Васильева стр. 646

- Старец Илий (Ноздрин) стр. 648

- Княгиня Ольга Куликовская-Романова стр. 650

Раздел V

На струнах и клавишах
(О музыке и музыкантах)

- Сказочный композитор

- Мой Прокофьев

- Русская муза Франции

Сказочный композитор.

«Славная жизнь и глубоко национальная деятельность такого человека должна составлять нашу гордость и радость»

(В.Стасов).

Корни.

Когда-то в средине 14 века некто Жигмунд Корсак, чех, подданный Священной Римской империи, выехал из своего отечества в Литву в поисках службы, славы и наград. В Литве Корсак сделал карьеру, а его сыновьям даже доверили сопровождать невесту московского великого князя Василия Софью Витовтовну на Московию. В Москве братья и остались, поступив на службу к великому князю. Один из братьев, Венцеслав, здесь стал зваться по отцу Корсаков. В 1677 году некоторые потомки Венцеслава получили право носить фамилию Римские-Корсаковы в память об отечестве их предка Жигмунда Корсака. Многочисленный род Римских-Корсаковых дал России многих выдающихся деятелей. В энциклопедиях упоминается двадцать представителей этой славной фамилии. Среди них герои наполеоновских и русско-турецких войн, ученые, подвижники Русской Православной Церкви, политические и государственные деятели, известные мореплаватели. И все же главное имя – Николай Андреевич Римский-Корсаков, великий русский композитор, самый сказочный и очень любимый.

И это все о нем.
Наш герой происходил из древнейшего дворянского рода по отцу и был внуком крепостного по матери. Николай Римский-Корсаков был блестящим морским офицером, совершившим кругосветное путешествие и выполнившим непростое задание командования. Он был гениальным композитором. Своему народу и всему человечеству он подарил пятнадцать опер (!), три симфонии, много других прекрасных музыкальных произведений. Он был верным и надежным другом. Памятником его дружбы с Мусоргским и Бородиным – титанический труд, который Николай Андреевич предпринял, завершив великие оперы «Борис Годунов» и «Князь Игорь» после кончины их создателей. А еще он был преданным и любящим мужем и отцом семерых детей. Свои убеждения Римский-Корсаков никогда не предавал и мужественно отстаивал. Он любил беззаветно Россию. Великий Ростропович сказал о нем: ««Римский–Корсаков был очень русским человеком и очень русским композитором. Я считаю, что это его исконно русская суть, его глубинная фольклорная русская основа сегодня должна быть особенно ценима». В эти дни исполняется 170 лет со дня рождения Римского–Корсакова. Почтим его память, перелистывая страницы жизни великого сына России.

Маленький барабанщик.
Действие происходит в маленьком городке Тихвин Новгородской губернии, недалеко от столицы Российской империи, в середине XIX-го века. Андрей Петрович Римский-Корсаков, губернатор в отставке, музицирует среди домашних. Музыку он любил всегда, а теперь, когда вышел в отставку, игра на рояле стала любимейшим занятием.

Младший сын, трехлетний Ника, пристроился рядом, с игрушечным барабанчиком. Малыш обожает отбивать ритм в такт отцовской игры. Отец приглашает: «Ну что ж, Ника, давай играть». Бравурный марш исполняется под точные удары маленького барабанщика. Отец, лукаво улыбнувшись, вдруг резко меняет ритм, и легкая полечка сменяет марш. Ника тут же перестраивается, переходит на ритм польки. Он виртуозно меняет ритм и темп. В ответ на похвалу взрослых неожиданно говорит: «А мелодия была голубая, - а потом добавляет, - и желтая». Маленький мальчик не только имеет абсолютный слух, безукоризненное чувство ритма, прекрасную музыкальную память. Он еще обладает очень редким качеством: цветовым восприятием музыки. Мама, Софья Васильевна, сама прекрасная музыкантша, считает, что у Ники настоящий талант. Она начинает давать уроки музыки сыну. Мальчик схватывает все налету. Впрочем, он также успешен и на уроках словесности и арифметики. Научившись читать, зачитывается книгами о морских путешествиях. Это вовсе неслучайно. Его старший брат, морской офицер, старше Ники на 22 года. Он совершает морские походы и пишет младшему братишке о своих впечатлениях, о морских штормах и дальних странах. У брата имя Воин. Воин Андреевич станет впоследствии адмиралом. Дядя мальчика тоже известный адмирал, его именем даже назван один из Маршалловых островов. Будущее Ники предопределено: Санкт-Петербург, Морской кадетский корпус.

Гардемарин играет на рояле.

Двенадцатилетний Николай становится учащимся Морского кадетского корпуса. Он прилежен и аккуратен. Его успехи в учебе радуют родителей, им гордится брат: есть,

кому продолжить династию. Морские кадеты - это люди особые. В их среде принято ходить на художественные выставки и посещать концерты. Многие юноши берут уроки музыки. Сам Римский –Корсаков впоследствии вспоминал: «Я был ребенок, влюбленный в музыку». И эта любовь побуждает его начать брать уроки музыки у известного пианиста и педагога Федора Андреевича Канелли. Музыкант видит, его ученик обладает не просто способностями, но большим талантом и огромным трудолюбием. Он рассказывает о Николае своим друзьям, среди которых Милий Балакирев. В Петербурге Балакирев хорошо известен как талантливый пианист и композитор. Ярко одаренный, ненасытный в знаниях, неутомимый в работе, он - страстный пропагандист русской музыки и национального искусства. В своем творчестве он развивает традиции Глинки, который высоко ценит Балакирева. Юный Римский–Корсаков перед творчеством Глинки благоговеет. А когда в Петербурге юноша услышал оперу Глинки «Жизнь за царя», то был потрясен ее русским характером и музыкальной красотой. В Балакиреве семнадцатилетний кадет обрел старшего друга (Балакирев был старше его на семь лет), единомышленника и наставника. К своим музыкальным занятиям Николай стал относиться еще серьезнее. При поддержке Балакирева Николай начал работу над своей первой симфонией. Очень ответственно подходил он и к учебе в Морском корпусе, который окончил с золотой медалью. Николаю было присвоено звание гардемарина, и на клипере «Алмаз» наш герой отправился в кругосветное плавание, которое продолжалось три года.

Во время похода Николай посетил Англию и Норвегию, Польшу и Францию, Бразилию и Америку. Было много впечатлений. Яркая природа, незнакомая культура. Пора-

зили не только дальние страны, но удивительно прекрасные морские просторы. Гул морского прибоя, мощь штормов, белая кипень морской пены волновали впечатлительного юношу, находили еще неясное музыкальное эхо в его душе. А еще он тосковал по родине. Яркие краски экзотических стран только усиливали тоску по неброскому русскому пейзажу, жгучие заморские ритмы не могли затмить в памяти напевные русские мелодии. Вернувшись из плавания, Римский-Корсаков получил звание мичмана. Его дальнейшая служба проходила на берегу, а все свободное время было отдано музыке, которая все больше и больше захватывала пространство его души.

«Могучая кучка».

В то время Балакирев объединил и возглавил маленькое музыкальное сообщество начинающих композиторов Ц. Кюи, М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакого и А. Бородина, которое вошло в историю музыки под названием «Могучей кучки» или «Балакиревского кружка». Ни один из членов кружка не получил специального музыкального образования: Кюи был военным инженером, Мусоргский - офицером в отставке, Римский-Корсаков — моряком, Бородин — химиком. Каждую неделю друзья-музыканты и Владимир Стасов, известный музыкальный критик, собирались у Балакирева. Они беседовали, много вместе читали вслух, но больше всего времени отдавали музыке. «Под руководством Балакирева началось наше самообразование, - вспоминал впоследствии Кюи. — Мы переиграли в четыре руки все, что было написано до нас. Все подвергалось строгой критике, а Балакирев разбирал техническую и творческую стороны произведений». Задания давались сразу же ответственные: начинать прямо с симфонии (Бо-

родин и Римский-Корсаков), Кюи писал оперы («Кавказский пленник», «Ратклиф»). Все сочиненное исполнялось на собраниях кружка. Балакирев поправлял и делал указания: «Критик, именно технический критик, он был удивительный», - писал Римский-Корсаков. Римский-Корсаков много и с жадностью читает, играет на фортепиано, стремясь наверстать упущенное в плавании время. Дружеское внимание, поддержка старших членов «Могучей кучки» помогли Николаю Андреевичу почувствовать и себя их товарищем. Он усердно работал над Первой симфонией, дописывал ее, оркестровал, следуя указаниям Балакирева. В октябре 1865 года она была исполнена в концерте Бесплатной музыкальной школы. В 1867 году Римский-Корсаков написал музыкальную симфоническую картину «Садко» для оркестра, принесшую ему заслуженную славу. Молодого композитора пленила сказка о поединке гусляра с Океаном-морем. Стоило приступить к сочинению, как ожили воспоминания о плавании: картины бушующего моря и нежной зыби, фосфорического свечения океанских вод, черного южного неба с крупными, блестящими звездами. "Садко" - первая работа, в которой Римский-Корсаков по-настоящему почувствовал собственный творческий пульс. И его охватило желание одолеть высоты, казавшиеся еще недавно недоступными.

Любовь по имени Надежда.

В эти же годы к Николаю Андреевичу пришла большая любовь. В исполнении произведений членов кружка участвовали две очаровательные девушки - Александра и Надежда Пургольд. Девушки принадлежали к высокоинтеллигентной семье. Их предок переехал из Германии в Россию двести лет назад, прадед девушек преподавал в Москов-

ском университете еще при Екатерине Второй. После смерти отца, заботу о семье, в которой росли десятеро детей, взял на себя дядя, Владимир Федорович. Он был известным меломаном, дружил с Глинкой и Даргомыжским. Александра и Надежда были необычайно одарены музыкально. Причем, Александра прекрасно пела, а Надежда столь виртуозно владела фортепьяно, что имела семейное прозвище «наш милый оркестр». Она писала в своем дневнике: «Да, музыка составляет цель моей жизни. Я хочу достичь совершенства. Вот цель и счастье моей жизни». Надежда занималась в консерватории. Она мечтала о пианистической карьере. Римский-Корсаков все чаще бывает у Пургольдов. Он восхищается игрой Надежды Николаевны, и не только игрой. Она была хороша: тонкие черты лица, прекрасные живые глаза, длинные густые волосы, заплетенные в косы, - все пленяло Николая Андреевича. Ему нравится делиться с ней мыслями и жизненными планами. Летом 1869 года композитор начал работать над оперой «Псковитянка», каждый новый фрагмент он спешил обсудить с Наденькой. Душевная близость, возникшая между ними в первый год знакомства, постепенно выросла в нежную привязанность. Весной 1871 года эта милая, добрая девушка, с серьезным нежным лицом и задумчивыми глазами, стала невестой Римского- Корсакова. Они вместе читали «Майскую ночь», повесть их общего любимого писателя, Николая Гоголя. Предложение Николай Андреевич сделал во время чтения повести. А летом они обвенчались. Это был счастливый брак, Надежда Николаевна отказалась от своей карьеры, полностью посвятив себя своему гениальному мужу, которому она родила семерых детей. Она оберегала покой композитора, помогала ему в его творческой работе, сопереживала в его трудные моменты,

поддерживала в неудачах и радовалась находкам. Между тем, в январе 1873 года состоялась премьера первой оперы Римского-Корсакова. «Псковитянку» публика приняла хорошо. За полтора месяца прошло десять спектаклей при полном зале. Постановка «Псковитянки» имела для Н.А.Римского-Корсакова одно, совсем неожиданное, последствие. В морском ведомстве была создана служба по инспектированию военных хоров. Инспектором этой службы был назначен лейтенант Н.А. Римский-Корсаков. Здесь уместно будет добавить, что и в наше время «Псковитянка» любима и востребована. В 2010 году в стенах Псковского кремля состоялась грандиозная постановка оперы, в которой принимало участие 700 участников. История внебрачной дочери Ивана Грозного Ольги, ее несчастной любви и гибели разворачивалась перед четырьмя тысячами слушателей. Прекрасна постановка в Мариинском театре этой первой оперы композитора, которая была осуществлена в 2008 году.

«Майская ночь» и «Снегурочка».

В 1871 году Римский-Корсаков получает приглашение начать преподавание в Санкт-Петербургской консерватории. Забегая несколько вперед, хочу отметить, что педагогом композитор оказался прекрасным, студенты его боготворили. И было за что. Всего Римский-Корсаков воспитал почти двести композиторов.

Назовем лишь самых известных из его многочисленных учеников: Лядов, Ипполитов-Иванов, Гречанинов, Глазунов, Стравинский. Римский-Корсаков представлял благородную педагогическую идею, согласно которой роль преподавателя не ограничена занятиями в классе. Был он подлинным учителем жизни.

Великий композитор был также образцом в отношении постоянного самосовершенствования, самокритики и поразительного усердия в работе. Многие годы трудится он, усовершенствуя свои знания и свое мастерство. Римский-Корсаков изучает Баха, будучи одним из пионеров современной музыки, он в то же время усваивает технику полифонии, применявшуюся великими композиторами XVI и XVII столетий, так как считает, что лишь в совершенстве владея всеми приемами полифонии, можно свободно и легко создавать музыкальную ткань. Композитор пользуется техникой классиков как своим родным языком.

Страстный поклонник народного искусства, горячо любящий народ, Римский-Корсаков публикует два сборника, содержащих самые красивые древние мелодии русской крестьянской музыки. По примеру Глинки, он изучает не только русский фольклор, но и сербское, испанское и итальянское народное искусство. Композитор страстно мечтал о том, чтобы писать легко, непринужденно. И вот пришло вдохновение, в ярком и пестром наряде чудесной украинской народной песни, вместе с благоуханием теплой южной ночи, серебристым сиянием месяца над зеркальной гладью прудов; пришло прямо со страниц поэтичнейших гоголевских рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки». Римский-Корсаков хорошо знал «Майскую ночь», не раз читал в детстве, слушал у Балакирева, где любили читать Гоголя вслух, упивался вместе со своей невестой замечательной поэмой в прозе. Опера «Майская ночь» создавалась в 1878 году. Составляя либретто, Римский-Корсаков стремился сохранить план повести Гоголя, колоритный язык ее героев. Опера писалась быстро: за месяц был создан целый акт. «Майская ночь» заполнена мелодиями - полнокровными, идущими от сердца, способными вызвать

отклик в сердце слушателей. Опера была закончена, но Римскому-Корсакову не хотелось уходить из мира сказок, где добро всегда красиво, а зло уродливо, где наказан порок, и справедливость торжествует.

Он попросил у знаменитого драматурга Островского разрешения использовать его пьесу «Снегурочка» для оперы, сам составил либретто, которое драматург одобрил. Сюжет «Снегурочки» давал композитору возможность воспеть жизнь народа, протекающую просто, бесхитростно, в согласии с природой, отобразить его быт, красочные обряды. «Снегурочка» увидела свет рампы в начале 1882 года. Сам Островский сказал: «Музыка Корсакова к моей «Снегурочке» удивительна; я ничего не мог никогда себе представить более подходящего и так живо выражающего всю поэзию древнего языческого культа и этой сперва снежно-холодной, а потом неудержимо страстной героини сказки». «Снегурочка» наполнила сердце композитора жизненной силой, помогла пережить горе и холод невосполнимых утрат. В феврале 1881 года не стало Мусоргского. Через шесть лет умер Бородин. После смерти Мусоргского и Бородина композитор принялся за сложнейшую работу - завершение их незаконченных произведений. Это Римскому-Корсакову удалось блестяще. Кипучая, интенсивная жизнь Римского-Корсакова в 1880-е годы, его работа над творческим наследием друзей, педагогическая, дирижерская, общественная деятельность отодвинули на второй план сочинение музыки. И все-таки именно тогда Римский-Корсаков создал два великолепных симфонических произведения - «Испанское каприччио» и «Шехеразаду». «Испанское каприччио», произведение, в котором, композитор обнаружил удивительное богатство воображения. «Шехеразада» - это сказка в музыке. И хотя она «рассказана»

русским композитором, музыка ее носит ярко выраженный восточный характер.

Возвращение «Садко» и встреча с Мамонтовым.
Весной 1894 года Римский-Корсаков начал сочинять вторую оперу на гоголевский сюжет – «Ночь перед Рождеством» и почти одновременно работал над «Садко». Много лет не давала ему покоя недопетая песня о сказочном гусляре, теперь он решил вернуться к ней, создать крупное эпическое полотно на основе старинных былин и сказаний. Композитору было уже за пятьдесят, но в душе расцветала весна - праздничная, ликующая, полная вдохновения. Послушный ее призыву, он писал с упоением. Судьба послала ему преданного единомышленника. Когда цензура запретила постановку оперы в Мариинском театре, его поддержал Савва Мамонтов. Богатейший русский предприниматель был известным меценатом. Сумбурный, но талантливый, артистически чуткий, Мамонтов создал Частную оперу и предложил композитору поставить оперу в его театре. Премьера прошла успешно. Аплодисменты, венки, восхищение почитателей, сочувствие публики, торжество театра...
В 1899 году Россия отмечала столетие со дня рождения Пушкина. Римский-Корсаков принял деятельное участие в торжествах. Знаменательной дате он посвятил кантату «Песнь о вещем Олеге» и оперу «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди». Октябрьским вечером 1900 года сказка ожила на сцене Частной оперы. Она предстала в чудесных декорациях и костюмах Врубеля. Зал был полон... В Москве Римского-Корсакова любили, считали своим. Овациям и венкам не было конца. Едва закончив

«Салтана», композитор начал работать над новыми произведениями. Работал много и вдохновенно. Создание опер и романсов, поездки заграницу, где он дирижирует произведениями русских композиторов, активная педагогическая работа - конец века наполнен плодотворным творчеством.

«Кощей Бессмертный» на фоне «Кровавого воскресения».

В 1902 году Римский-Корсаков закончил одно из своих самых новаторских произведений - оперу «Кощей Бессмертный». Наступил страшный день 9 января 1905 года. Жители Петербурга были потрясены «кровавым воскресеньем». Широкая волна забастовок охватила столицу. В консерватории накалу страстей способствовал вопиющий инцидент: один из вольнослушателей - солдат полковой музыкальной команды - бахвалился своими «подвигами» на Дворцовой площади. Студенческая сходка потребовала исключения погромщика. Дирекция отказала. Сходки следовали за сходками, студенты настаивали на прекращении занятий до осени. Римский-Корсаков поддержал требования студентов. Петербургская консерватория разделилась на два лагеря. Большая часть студентов и меньшая часть профессоров стояла на стороне революции. В этом лагере был и замечательный русский композитор, гордость России Николай Андреевич Римский-Корсаков. Он сказал о себе, что в эти дни стал «ярко-красным». Дирекция консерватории предложила профессорам составить списки студентов-«зачинщиков» волнений. В ответ Римский-Корсаков потребовал отставки директора. Последовало постановление об увольнении Римского-Корсакова. Это событие всколыхнуло общественность. Вслед за Римским-

Корсаковым из консерватории в знак протеста ушли Глазунов, Лядов и другие профессора. А через несколько дней после этих событий состоялась премьера оперы Римского-Корсакова «Кощей Бессмертный». Призрачная, гнетущая музыка вступления и ария Кощея вводит слушателя в мрачное Кощеево царство. Страшно и одиноко прекрасной царевне Красе Ненаглядной рядом с жестоким Кощеем. Тепла, трогательна и человечна ее песня-жалоба «Дни без просвета, бессонная ночь». Тоскуя, ждет она своего жениха Королевича - он должен освободить ее из Кощеева плена. Кощей шлет навстречу Королевичу свирепую метель, невидимые голоса предсказывают смерть витязю. Но Королевич бесстрашно идет на поиски невесты. Злая дочь Кощея подстерегает храбреца. Она должна завлечь его в свой терем и погубить. Но Королевич так смел и прекрасен, что в холодном сердце Кощеевны мелькнуло вдруг чувство жалости и любви к нему. Буря помогает Королевичу бежать от Кощеевны и найти царевну. Кощеевна страдает, впервые из глаз ее льются слезы, а с ними приходит и смерть к Кощею. Он спрятал свою смерть в слезы дочери, никогда не знавшей жалости. Любовь сломила злую Кощеевну и победила Кощея. Буря-Богатырь весело распахивает ворота мертвого Кощеева царства. «Конец злому царству», - поет невидимый хор. «На волю, на волю, вам буря ворота открыла», - приветствует пленников Буря-Богатырь.

«Золотой петушок» как отповедь реакции.

Римского-Корсакова не покидала мысль о создании оперы, обличающей реакционную власть. Композитор, никогда не крививший душой, привыкший смотреть правде в глаза, быть честным в помыслах и поступках, решил запечатлеть

в музыке тупость и жестокость правящих кругов, ставших врагами и палачами своих подданных. Он знал, что за ним зорко следят, что его произведение в условиях царской цензуры вряд ли увидит сцену, но решил выполнить, возможно, в последний раз, свой долг гражданина. Осенью 1906 года Римский-Корсаков приступил к работе над «Золотым петушком». Пушкинская сказка привлекла композитора отточенностью пародийного жала, бичующим остроумием, антимонархической направленностью. «Золотой петушок» был закончен летом 1907 года. Директор императорских театров Теляковский хотел сразу осуществить постановку в Большом театре, но московский генерал-губернатор воспротивился: острота сатиры насторожила ревностного царедворца. Опера так и осталась в портфеле композитора. Она была исполнена позже, в 1909 году, но ее Римскому-Корсакову уже не удалось увидеть. Незаметно подкралась тяжелая болезнь. Вначале она лишь временно выводила из строя. 21 июня 1908 года окончательно сразила. Душной летней ночью композитор ушел из жизни и был похоронен в Новодевичьем монастыре в Петербурге. В 1937 году его прах был перенесен в Некрополь мастеров искусств в Александро-Невской лавре.

Послесловие.

Работая над этим очерком, автор прочитала множество работ о композиторе, одно высказывание о нем особенно запало в душу. Это слова из книги, посвященной оперному искусству. Ее авторы - венгерские музыковеды Балашша Имре и Дьердь Шандор. Вот, что они пишут о нашем герое: «При имени Римского-Корсакова любители опер и концертов сейчас же вспоминают песню индийского гостя из «Садко», полет шмеля из «Царя Салтана» и

вкрадчивый голос скрипки из «Шехеразады». Эти мелодии запали в души любителей музыки так же глубоко, как пословицы, тысячи раз использованные и тысячи раз проверенные действительностью. Создатель «Шехеразады» пользуется такой популярностью потому, что говорит на общепонятном языке, потому, что, выражая присущие всем человеческие чувства, он создал самый человечный, понятный музыкальный язык, совершенство и скрытую утонченность которого охотно признают даже самые придирчивые музыковеды. А колоритность потока его мелодий, сверкающая сказочными огнями, покоряет и начинающего слушателя, того, кто, быть может, еще никогда не был на концерте или впервые восхищается оперной сценой». Остается только пожелать нашим читателям стать слушателями музыки самого сказочного русского композитора.

Мой Прокофьев.

«Прокофьев – один из самых невероятных композиторов Европейской цивилизации»
(Михаил Казаник).

Прокофьев, президент Путин и маэстро Гергиев.

Сергей Прокофьев принадлежит к числу тех музыкантов, которые составили славу русской музыки XX в. Он был выдающимся пианистом, дирижёром, композитором, который работал во всех жанрах и в каждом оставил образцы непревзойдённого совершенства. Начало двадцатого столетия - взрывчатое, бурное время, и в этот вихревой поток Прокофьев ворвался как нечто неповторимое и новаторское. Он был художником дерзким, своенравным, не терпевшим никаких штампов, и его произведения, как правило, были новым словом в искусстве. Прокофьев был творцом светлого, жизнелюбивого искусства. Это искусство давно покорило мир. Однако на родине композитора творчество и масштаб личности Прокофьева был недооценен. И вот на встрече с деятелями искусства президент страны Владимир Путин предложил в связи со 125-летием со дня рождения композитора сделать 2016-й Годом Сергея Прокофьева. Нетрудно догадаться, кто вдохновил Владимира Путина на эту инициативу. Конечно, маэстро Валерий Гергиев (художественный руководитель и генеральный директор Мариинского театра, главный дирижёр Мюнхенского филар-

монического оркестра, с 2007 по 2015 годы возглавлял Лондонский симфонический оркестр). Интересно, что дебют Гергиева как дирижера состоялся в 1978 году. Тогда он дирижировал оперой Прокофьева «Война и мир». Спектакль прошел с огромным успехом. С тех пор, творчество Прокофьева - счастливый талисман дирижера на протяжении всей его творческой жизни.

Год Прокофьева.

Итак, начинается Год Прокофьева. Программа этого Года весьма интересна: пройдет конкурс композиторов, фестивали, выставки, академически вечера. Будут представлены концертные программы в 50 регионах России. В одном из музыкальных событий запланировано выступление живущего в Лондоне внука композитора Габриэля Прокофьева (известного в Европе и США продюсера, композитора и ди-джея, обладателя премии Independent Music Awards). «Пасхальный фестиваль В. Гергиева также будет посвящен творчеству Сергея Прокофьева. Активное участие в проекте примет и Музей кино. Его директор Лариса Солоницына говорит: «2016 год в равном смысле может быть и Годом кино, и Годом Прокофьева… по глобальному значению его творчества для кинематографа. Сергей Прокофьев стал первым композитором, определившим роль музыки в кино не как «иллюстративное сопровождение», а как одну из драматургических основ фильма, наравне со сценарием. Ярче всего это проявилось в его совместных работах с С.М. Эйзенштейном («Александр Невский», «Иван Грозный»)». Организаторы этой мощной культурной акции специально обратились к представителям СМИ с призывом освещать события Года Прокофьева так, чтобы композитор стал ближе и понятнее широкой аудитории. Мы этот

призыв услышали и с удовольствием откликаемся, ибо творчество Прокофьева любим и готовы поделиться с читателями своей любовью к музыке композитора, который сказал о себе: «Кардинальным достоинством моей жизни всегда были поиски оригинального, своего музыкального языка. Я ненавижу подражаний, я ненавижу избитые приемы»…

«Хрустальный башмачок».

Это было шестьдесят лет тому назад. Моя семья тогда жила в маленьком немецком городке, отец служил в Советской армии, мама работала в гарнизонном Доме офицеров. А у меня, маленькой девочки, была одна завидная привилегия. Каждый вечер я ходила с мамой на работу, так как оставить меня, пятилетнюю, было не с кем. Мама работала бухгалтером, а вечерами подрабатывала билетером. По вечерам в Доме офицеров показывали фильмы. Частенько мне удавалось их смотреть. Современный молодой читатель вряд ли может представить, как отчаянно завидовали мне подружки. Телевизоров тогда не было, поход в кино для моих сверстников был событием. Для меня же это была повседневность, порой увлекательная, порой скучная. Вспоминаю то время, в памяти осталось несколько фильмов. Самое яркое воспоминание – фильм «Хрустальный башмачок», снятый по балету Прокофьева «Золушка». Во-первых, это был балет, во-вторых, артисты танцевали под очень красивую музыку. Содержание сказки я знала, читать научилась очень рано и сказки Перро любила всей душой. Вспоминаю свои детские впечатления, и мне кажется, что актеры в фильме говорили, а не только танцевали. Я пересказывала своим друзьям фильм так: «А Золушка и говорит принцу…». Это ощущение рождали чудесные

декорации, волшебные костюмы, дивные движения балерин. Позднее я узнала, что в фильме снимались солисты Большого театра. В театре партию Золушки танцевала Галина Уланова, а в фильме - выдающаяся балерина Большого Раиса Стручкова. И все же главным в фильме была музыка. Музыка была говорящей, детская душа воспринимала ее легко и радостно. Дома перед зеркалом я еще много дней вставала на носочки и, напевая вальс из фильма, кружилась, воображая себя то феей, то Золушкой. Совсем недавно, работая над очерком о любимом композиторе, я вновь просмотрела этот фильм. Встреча и через шестьдесят лет была столь же радостной.

«Любовь к трем апельсинам».

Есть в балете «Золушка» знаменитая сцена угощения. В ней звучат фрагменты из оперы композитора «Любовь к трем апельсинам». Это известный марш. С его мелодией, отрывистой, острой, мистической я встретилась в годы отрочества. Тогда наша семья жила в Рязани, в те годы это был небольшой провинциальный город с давними культурными традициями. В 1966 отмечалось 75-летие со дня рождения Сергея Прокофьева. В городе было несколько музыкальных школ, музыкальное училище им. братьев Пироговых и несколько театров. И вот было решено провести конкурс юных исполнителей, посвященный Сергею Прокофьеву. Я училась в музыкальной школе, и у нас проводился конкурс, посвященный Прокофьеву. Мы с подругой Таней (она впоследствии стала известным педагогом по фортепьяно) разучивали марш из оперы «Любовь к трем апельсинам». Строгая комиссия присудила нам призовое место. И мы были приглашены принять участие в заключительном прокофьевском концерте, который состоялся в

городском драматическом театре. Я помню тот вечер, помню огромное волнение, радость, переполнявшую сердце, которое билось в такт ритма завораживающего марша. А еще необыкновенное созвучие наших юных душ в минуты исполнения, близость, которую рождала музыка. Близость исполнителей и большой аудитории. Спустя много лет на Кипре я вела программы Русского православного радио. Марш Прокофьева стал визитной карточкой одной из рубрик. Слушатели, среди которых было много киприотов, не раз спрашивали, что за музыка исполняется. Я рассказала о двух встречах с музыкой Прокофьева, которые произошли в ранние годы. Потом встречи продолжались, Прокофьев стал одним из самых любимых композиторов. А те первые искорки в душе, которые высекает только настоящая музыка, стали драгоценными воспоминаниями.

Детство гения.

У каждого человека в душе цветут счастливые воспоминания детства. Даже если оно было трудным, голодным, память заботливо отбирает лучики счастья и хранит их душа, обогревая человека и во взрослой жизни. У Сергея Прокофьева детство было счастливым. Прокофьев родился 23 апреля 1891 года в имении Сонцовка (сейчас село Красное Донецкой области), где его отец служил управляющим помещичьим имением. Вот что было записано в метрической книге Петро-Павловской церкви села Солнцевки, Бахмутского уезда за 1891 год под № 20: «Тысяча восемьсот девяносто первого года, рождён

пятнадцатого апреля, а крещён двадцать третьего июня Сергий; родители его: московский почётный гражданин Сергий Алексеев Прокофьев и законная жена его Мария Григориева: оба православные. Крестил священник Андрей Павловский с псаломщиком Евфимием Соколовским». Две его сестры умерли в младенчестве, поэтому Сережа был в семье долгожданным ребенком, в которого родители вложили всю свою любовь и надежды. С детства композитор рос в атмосфере крепких традиций русской музыки. Его мать отлично играла на рояле и с четырёх-пяти лет приобщила талантливого мальчика к серьёзной музыке. Музыкальное дарование мальчика проявилось очень рано. В пять лет он уже сочинил свое первое произведение. Самым сильным впечатлением детства явилась поездка с родителями в Москву и посещение оперного театра, где мальчик услышал «Фауста» Шарля Гуно, «Князя Игоря» Александра Бородина и увидел «Спящую красавицу» Петра Чайковского. Вернувшись домой, Сережа был одержим сочинением «чего-либо в этом духе». Так появились у десятилетнего композитора первые опусы в жанре оперы – «Великан» и «На пустынных островах». «Тётя Таня водила к фотографу, снявшему меня перед картонным пианино, на пюпитре которого стоял белый лист. Готовые фотографии были отнесены к тёти Таниному сослуживцу, обладателю каллиграфического почерка, и он мелко вывел на них: « Опера «Великан», соч. Серёжи Прокофьева». Наблюдая за интенсивным развитием музыкальных способностей ребёнка, родители отвезли его в Москву к известному композитору и педагогу Сергею Ивановичу Танееву.11-летний мальчик показал маэстро увертюру к опере «На пустынных островах», где музыкальными средствами попытался изобразить дождь, ветер, бурю. Танеев с большим интересом

отнёсся к юному дарованию, посоветовал начать систематические занятия композицией, но отметил чрезвычайную простоту и однотипность гармоний, использованных в произведении. Танеев посоветовал для занятий с Сережей пригласить на лето в Сонцовку молодого, только что окончившего консерваторию композитора Рейнгольда Глиэра. Два лета подряд Глиэр провел в Сонцовке, занимаясь с Сережей, а также играя с ним в шахматы и в крокет - в роли уже не учителя, а старшего товарища. И когда осенью 1904 года тринадцатилетний Сергей Прокофьев приехал в Петербург держать экзамен в консерваторию, он привез с собой необыкновенно солидный багаж сочинений. В толстой папке находились две оперы, соната, симфония и множество маленьких фортепианных пьесок - «Песенок», - написанных под руководством Глиэра. Некоторые «Песенки» были такими оригинальными и острыми по звучанию, что один из друзей Сережи посоветовал называть их не «Песенками», а «Собачками», потому что они «кусались». Спустя несколько лет, услышав новые сочинения Прокофьева, Танеев пожаловался, что в них «очень уж много фальшивых нот». Молодой композитор напомнил ему о предыдущем отзыве, и Сергей Иванович, шутя, воскликнул «Неужто это я толкнул вас на такую скользкую дорогу!».

Консерватория.

Осенью 1904 года тринадцатилетний Сережа предстал перед приемной экзаменационной комиссией Петербургской консерватории и вступительный экзамен был выдержан блестяще. Приемная комиссия была восхищена незаурядными способностями мальчика, а также «солидным» грузом сочинений, который принес с собой тринадцатилетний

композитор. «Я вошел,- рассказывает сам Прокофьев, сгибаясь под тяжестью двух папок, в которых лежали четыре оперы, две сонаты, симфония и довольно много фортепианных пьес. «Это мне нравится!» – сказал Римский-Корсаков, который принимал экзамен. Так, юный Сережа Прокофьев стал студентом Петербургской консерватории. Композиции он учился у Римского-Корсакова, Лядова и одновременно овладевал искусством фортепианной игры в классе замечательной пианистки и педагога Анны Николаевны Есиповой. В 1918 году он надолго покинет Россию. Четырнадцать лет в Петербурге стали важнейшими в биографии Прокофьева и трагичными в истории России: русско-японская война, война Первая мировая, три революции. Читаю дневники Прокофьева того периода. Читаю и поражаюсь: впечатление такое, что он живет в другой стране или даже на другой планете. Он погружен в учебу, свое музыкальное развитие. Его окружают великие учителя: Римский-Корсаков, Лядов и Глазунов. Любящие родители, понимая неординарность сына, создают все условия для расцвета его таланта, идя на большие жертвы. Мать приезжает с сыном в Петербург, снимает удобную для занятий Сережи квартиру. Отец же, оставшись в Сонцевке, изо всех сил старается заработать побольше, чтобы обеспечить комфорт юному студенту. Понимал ли он, сколь многим жертвуют ради него самые родные люди? Или молодой эгоизм и устремленность к успеху затмевала все? Кто знает… В 1909 году он окончил консерваторию по классу композиции, в 1914 году по классу фортепиано. . Сергей победил в конкурсе среди пяти лучших учеников выпуска, исполнив свой Первый фортепианный концерт. Юный музыкант был удостоен золотой медали и награждён почётной премией имени Антона Рубинштейна -

роялем фабрики «Schröder». Этот очерк - не музыковедческая статья. Это рассказ о любимом композиторе дилетанта. Но как же мне хочется разделить свою любовь к творчеству Прокофьева со своими читателями! Можно приводить много отрывков из воспоминаний о Прокофьеве той поры, можно цитировать его дневник. И все же лучше всего о молодом и дерзком композиторе он рассказал сам в своей музыке.

Первый концерт ре-бемоль мажор.

Из раннего Прокофьева я больше всего люблю Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Композитор приступил к сочинению концерта в 1911 году. Это короткое музыкальное произведения. Оно длится всего пятнадцать минут. Но, если в послушаете его внимательно, вы в дальнейшем всегда сможете узнать музыку Прокофьева, ибо в этом концерте есть некий магический прокофьевский код. Настоятельно предлагаю послушать эту музыку. Наступает 1914 год. Тучи сгущаются над Европой. Неумолимо надвигается Первая мировая война, а в мире Сергея Прокофьева грядет выпускной экзамен по отделению фортепьяно. На экзамене надо было исполнить концерт для фортепьяно с оркестром. Молодой исполнитель решает исполнить свой концерт. Он честно признается в дневнике, что побудило его к этому желание получить приз: прекрасный рояль «Шредер». Как энергична, бодра и светла музыка этого произведения! Она полна света, надежд на светлое будущее. «Первый концерт вызвал настоящую бурю, каких давно не знала русская музыкальная жизнь, - позднее написал замечательный композитор Дмитрий Кабалевский. - Восторженные голоса смешались в этой буре с голосами, решительно отвергавшими и само сочинение, и

его юного автора. Концерт оказался слишком необычным и не столько по форме, языку и пианистическим приемам (хотя здесь было немало нового!), сколько по взрывчатой силе своего жизненного содержания, остро контрастировавшего с анемичной музыкой декадентских салонов того времени, жизнь решила этот спор, решила не торопясь, но уверенно: более сорока лет Первый концерт Прокофьева исполняется во всем мире, привлекая внимание крупнейших пианистов и неизменно вызывая успех у публики». На страницах партитуры - порывистый весенний ветер, дерзкие диссонансы и благородная гармония, импрессионизм и модернизм. Впрочем, оставим критикам-музыковедам термины, а сами получим радость от встречи с юным гением. За достижения в области исполнения фортепианных работ Санкт- Петербургской консерватории молодой Прокофьев удостоился премии Антона Рубинштейна. Бесценен был подарок от мамы: поездка во Францию и Англию, где произошло знакомство с Сергеем Дягилевым, устроителем знаменитых «Русских сезонов». И какая честь – знаменитый Дягилев заказал молодому композитору балет!

«Пляска нечисти».

Это был триумф и скандал одновременно. «Да это вакханалия какая-то!», - возмущались слушатели. Некоторые даже покинули зал до окончания исполнения «Скифской сюиты». Среди них был замечен Александр Глазунов. Композитор был расстроен. Не он ли полюбил Сережу Прокофьева, мальчика из далекой глубинки, сам пришел на квартиру к Прокофьевым, чтобы обсудить поступление юного таланта в Петербургскую консерваторию?! Он с любовью занимался с Сережей. И вот, после всех усилий, эта «пляска нечисти» (так называлась одна из частей сюи-

ты). Действительно, в музыке сюиты, которую Прокофьев написал в 1915 году, слышится неукротимость злых сил. Интонации грозные, мелодика решительная. Через три года Прокофьев решит покинуть Россию и отправиться в Америку. Он напишет тогда о бедной своей Отчизне: «Ехать в Америку! Конечно! Здесь - закисание, там - жизнь ключом, здесь - резня и дичь, там - культурная жизнь, здесь - жалкие концерты в Кисловодске, там - Нью-Йорк, Чикаго. Колебаний нет. Весной я еду». Удивительно, что «резню и дичь» он предвидел. Белые против красных. Красные против белых. Себя Сергей не видел ни по одну из сторон баррикад. Ему хотелось писать музыку и исполнять ее там, где это было возможно. Ему хотелось успеха и признания. Но жизнь безжалостно вторглась в мир музыкальных исканий. И это было только начало испытаний.

Отъезд.

Здесь самое время сказать о второй страсти Прокофьева – о его любви к шахматам. С раннего детства он полюбил эту аналитическую игру. В Петербурге Сергей вступил в привилегированный шахматный клуб. Позднее в Москве композитор принимал активное участие в шахматной жизни Центрального дома работников искусств. Большой интерес вызвал матч Прокофьева с Давидом Ойстрахом в Москве в 1937 году, выигранный скрипачом с минимальным перевесом 4:3. Вот как об этом вспоминал сын Ойстраха, Игорь Ойстрах, об этом поединке: «Помимо музыки, Ойстраха и Прокофьева объединяла еще одна страсть – шахматы. Многие артисты, музыканты увлекаются шахматами, но Прокофьев и Ойстрах были, вероятно, сильнейшими шахматистами среди музыкантов, не говоря уже, конечно, о том, что навсегда останутся лучшими музыканта-

ми среди шахматистов». Прокофьеву доводилось за шахматной доской сразиться с великими Александром Алехиным и Хосе-Раулем Капабланкой. У последнего он один раз даже выиграл. Как видим, наш герой был талантливым шахматистом. Он и в жизни он часто действовал осторожно, просчитывая свои ходы. Эта привычка помогла ему относительно безболезненно уехать из революционной России. Он записался на прием к Луначарскому и убедил наркома, что едет он не эмигрантом и не беженцем, а посланцем культуры молодой Советской республики, как бы в творческую командировку. Осторожность и еще раз осторожность.

Зарубежье.

В Америку Прокофьев едет через Японию, с интересом знакомится с новой страной. А затем Нью-Йорк, который встретил музыканта очень доброжелательно. Концерты Прокофьева проходят в переполненных залах. «Русский виртуоз» покоряет публику. Поклонники приходят за кулисы, чтобы лично выразить восхищение. Однажды среди них он замечает красивую черноглазую девушку – это испанская певица Каролина Кадина. Надо сказать, что женщинам Сергей Прокофьев очень нравился. Всегда аккуратно и модно одетый, распространяя аромат дорогого парфюма, он держался уверенно, был интересным собеседником, и главное, покорял своим талантом. Его сердце тоже некоторое время было несвободно. В Петербурге он влюбился в Нину Мещерскую, девушку из старинного и знатного рода. Сергей даже мечтал похитить ее, но родители девушки считали, что музыкант Нине Мещерской не пара. И вот вспыхнуло новое чувство. Однако композитор не готов был к браку, он был погружен в творчество. Энергия

молодого композитора Прокофьева была поистине вулканической. Он работал быстро, смело, неутомимо, стремясь охватить самые разные жанры и формы. Часто критики не воспринимали его музыку. «Они лягают всякую новизну», - записывал Прокофьев в дневнике. Фортепианные и скрипичные концерты, оперы, балеты, романсы, - вот, чем занят Прокофьев. Был он, по воспоминаниям современников, самолюбив. И ревностно относился к своему положению выдающегося композитора и пианиста. Он переживал, что в эмиграции успешно выступают Стравинский и Рахманинов. Неужели он будет лишь вторым после Рахманинова пианистом и вторым после Стравинского композитором?! Это было не для него. В те годы Всеволод Мейерхольд издавал журнал со странным названием – «Любовь к трем апельсинам». Вообще-то это было название доброй ироничной сказки Карло Гоцци. Журнал Прокофьев взял с собой в дорогу, когда уезжал из России. И вот этот малозначительный факт привел к тому, что композитор решил написать оперу на либретто сказки. 30 декабря 1921 года в Чикаго проходит премьера оперы «Любовь к трем апельсинам»». Марш из оперы обошел все концертные мировые площадки и долгое время остается одним из самых популярных произведений Прокофьева. В 1923 году Прокофьев приезжает в Париж, где усилиями Сергея Дягилева ставится его балет «Сказка про шута». Затем композитор приезжает в Баварию, где поселился в двухэтажном домике на главной улице деревушки Этталь, расположившейся у подножья Баварских Альп. Сейчас на стене этого домика висит мраморная доска на которой значится: «Здесь с марта 1922-го по октябрь 1923 года жил русский композитор Сергей Прокофьев». Прокофьев в Баварии работает над оперой «Огненный ангел». Сюда приезжают Каролина,

которую он стал называть «Пташкой», и его мама. Отец к тому времени скончался. У подножья Альп русский композитор Сергей Прокофьев и испанская меццо-сопрано Каролина Кодина (Любера) станут мужем и женой. Это произойдет 20 сентября 1923 года .

Вскоре рождается сын Святослав. Любящая семья, творчество, забота близких, успех слушателей. Кажется, все складывается как нельзя лучше. А тут у неистощимого на выдумки Дягилева возникает идея заказать Прокофьеву балет из советской жизни. Так, летом 1925 года он получает от Дягилева неожиданный заказ. Нужен был балет не только на русскую, но и на советскую тему. «Писать иностранный балет, для этого у меня есть Орик; писать русский балет на сказки Афанасьева или из жизни Ивана Грозного, это никому не интересно; надо, Сережа, чтобы Вы написали современный русский балет. Так возник замысел балета «Стальной скок». Еще недавно Францию заполонили беженцы из Советской России, красным террором пугали французов. Все были уверены, что советский режим не продержится долго. И вот прошло десять лет, но большевики не сломлены, более того, они строят новое общество равенства, создают индустрию. Это пресыщенной парижской публике было интересно. Прокофьев начинает работу над балетом.

Между двух миров.

В это бурное и счастливое время к нему обращается посол Советской России во Франции Красин. Он предлагает Прокофьеву гастрольный тур на Родине. Советское правительство по указанию Сталина начало кампанию по возвращению «блудных детей». В список желаемых возвращенцев были включены Куприн, Цветаева, Вертинский и

другие известные писатели, музыканты и художники. Главной целью было возвращение Горького и Прокофьева. Гастрольный тур по Советской России был блестящим. Он посетил с выступлениями Москву, Ленинград, Харьков и Одессу. Переполненные залы, аплодисменты, цветы. И главное – его музыка звучала и, казалось, была понята своим народом. Композитор не мог и представить себе, что прием четы Прокофьевых был организован лично председателем ОГПУ Ягодой. Прокофьеву передали, что на одном из концертов побывал Сталин и в разговоре упомянул композитора так: «А Прокофьев – наш!». В такой обстановке у композитора возникает идея возвращения на Родину.

Пунктир судьбы.

Еще несколько лет композитор колеблется, и все же в 1936 году он принимает решение вернуться на родину. По приезде он сразу почувствовал, что ему в Советской России отведено место главного композитора. За официальным признанием последовало главное: его музыка исполнялась в концертных залах, на радио, была иллюзия возможности свободного творчества. Недавно я посмотрела документальный фильм с интервью его сына. Он рассказывает, что отец перед отъездом беседовал с детьми о России и с энтузиазмом говорил, что это страна, где нет бедных и богатых, где люди друг другу братья. Верил ли он сам в это? Перед отъездом многие соотечественники предупреждали композитора о репрессиях в России. Но Прокофьев несколько цинично ответил, что у него появилась возможность «доить сразу двух коров». Имелись в виду творчество в России и гастроли заграницу, которые власти ему обещали. (Первые пять лет гастроли ещё продолжались, но

затем выезд ему был запрещён). Поначалу для разочарования не было оснований. Ему предоставили прекрасную просторную квартиру, возможность получать отличный продуктовый паек, у детей была няня, был и личный шофер. И не сразу композитор понял, что дорога его судьбы будет пролегать по тоталитарному минному полю, что пунктир его жизни проложен и оступиться – это значит подорваться. А то, что это вполне реальная угроза – в этом он скоро убедился. Сначала родственники по линии матери стали просить Прокофьева похлопотать об арестованных родных. А потом арестовали Всеволода Мейерхольда, его близкого друга, с которым он работал над постановкой своих произведений. Оказалось, что за комфортную и безбедную жизнь, за положение первого композитора надо было платить. И появляются из-под пера Прокофьева «Оратория на 25-летие Октября» и Кантата на 60-летие Сталина. Потом, уже после войны, случится арест матери его детей. Долгие 15 лет несчастная Каролина проведет на сталинской каторге. Ни разу она не получит письма от мужа, простого привета, не говоря о посылке. А в 1948 году Сталин решит проучить «зазнавшегося» композитора, и в одночасье его музыку перестанут исполнять, она пропадет из радиоэфира, и многие друзья от него отвернуться. И тогда композитор напишет покаянное письмо, которое сейчас читать больно и неприятно. Но это легко судить сейчас. А тогда… неизвестно, написали бы мы в подобной ситуации подобное письмо. Неизвестно… Плата за соглашательство? Плата за беспринципность? Прокофьев скончался в Москве в коммунальной квартире в Камергерском переулке 5 марта 1953 года. Бывают же такие совпадения!

Природа гения.

Однажды на дружеской вечеринке музыкантов любимому другу Прокофьева, композитору Мясковскому, предложили выпить с Прокофьевым на брудершафт и перейти на «ты». Они дружили с консерваторских времен. Сергею было 13 лет, когда он поступил в консерваторию, Мясковский был гораздо старше, но они подружились и, как оказалось, на всю жизнь. Мясковский всегда был подчеркнуто уважителен к юному Прокофьеву в студенческие годы, и это глубокое уважение сохранил до конца. Получив предложение заменить холодное «вы» на сердечное «ты», он категорично его отверг, произнеся знаменательную фразу: «Мы здесь все музыку делаем, а Сергей Сергеевич – гений». Это признавали тогда не все, а в наши дни это – аксиома. Можно сколько угодно порицать Прокофьева за уход из семьи, за соглашательство с власть предержащими, за эгоизм, себялюбие, боязнь поссориться с режимом. Эти пороки в сталинский период нашей истории были присущи многим. Думается, значительно важнее понять, в чем же гениальность этого великого музыканта, который, как и любой гений, значительно опережал свое время. А, значит, гораздо важнее говорить о его творчестве, его музыке. Автор льстит себя надеждой, что этот очерк хотя бы для некоторых читателей станет импульсом для того, чтобы «догнать» Прокофьева, услышать его произведения.. А они в советский период его творчества создавались активно, мощно и ярко. Нельзя к гению подходить с общей меркой. Должно ли творчество стать зеркальным отражением эпохи, а иногда нарочито кривым ее зеркалом? Для Прокофьева этот вопрос не стоял. Он творил по таинственным законам своего мира благодаря дару, ниспосланному ему небесами. Приведу пример. Вот строки из био-

графии: «Летом 1917 г. Прокофьев поехал на курорт в Ессентуки. Мятежи на Дону отрезали его от Москвы и Петрограда. За эти месяцы «кавказского плена» появились Концерт для скрипки с оркестром, Третья и Четвертая фортепианные сонаты, цикл «Мимолётности» и «Классическая симфония». Представьте себе, идет кровавая гражданская война, а композитор пишет … «Мимолетности» и светлую очаровательную симфонию, проникнутую моцартовским духом. Композитор предпослал своему циклу «Мимолетности» (20 коротких пьес для фортепиано, оп. 22) в качестве эпиграфа две строки из стихотворения К.Д. Бальмонта: «В каждой мимолетности вижу я миры, полные изменчивой радужной игры». Он и был жителем и творцом этих неведомых нам миров. Потом, во время Великой Отечественной войны, он будет работать над балетом «Золушка», светлым и поэтичным, пронизанным добротой, напоенным ароматом юности. Говоря словами самого Прокофьева, он творил и жил «вне времени и вне пространства». И этот же композитор, повинуясь внутренним своим законам, поднялся до уровня великого русского национального композитора-патриота. Это высокое звание он заслужил, безусловно, музыкой к фильму «Александр Невский».

Вставайте, люди русские!

В 2005 году День славянской письменности и культуры был посвящен 65-летию великой Победы. Мы решили тему расширить и познакомить юных соотечественников с выдающимися победами русского оружия на пространстве всей истории Отечества. Одной из страниц концертной программы стал рассказ о победах Александра Невского. Рассказ иллюстрировали кадры фильма Эйзенштейна и му-

зыка Сергея Прокофьева. Я до сих пор помню, какое огромное впечатление произвела музыка на детей. Да и мы, взрослые, которые давно не пересматривали фильм, были взволнованны. Если в 21 веке такое впечатление производит эта музыка, можете себе представить, каково ее воздействие было во время войны?! Малоизвестный факт: фильм вышел в 1938 году, имел огромный успех. А в 1939 году его прекратили показывать. И знаете почему? С Германией был заключен пакт о ненападении, и властям не хотелось обижать своих немецких коллег. Интересно, что Венский оперный театр свой репертуар планирует заранее. Видимо, администрация, запланировав концерт из произведений Прокофьева на 1939 год, не могла предусмотреть аншлюса. Но он произошел. И вот объявлен концерт Прокофьева. А театр оцепили штурмовики и избивают зрителей, которые идут на концерт. Вот, какова сила музыки! Композитор преобразовал музыку к кинофильму в кантату «Александр Невский», и музыка этого произведения звучала все военные годы и в тылу, на концертных площадках и на фронте. В музыке «Александра Невского» воплотились лучшие черты творчества Прокофьева, его умение музыкальными средствами передать красоту и величие русского национального характера, воспеть героические образы предков, выразить проникновенную лирику, безжалостно высмеять жестокие образы захватчиков. Центр кантаты — грандиозная картина «Ледового побоища», гордый призыв «Вставайте, люди русские» не оставит ни одного слушателя равнодушным. А как красив финал, когда слышен ликующий перезвон колоколов и хор, который ярко, празднично и величественно поет: «На Руси родной не бывать врагу».

«Война и мир»

Увы, мне не довелось увидеть на сцене великую оперу Прокофьева «Война и мир». Последний раз в России ее поставили в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко в 2012 году. У моих знакомых сложилось впечатления спорные. С чужих слов не хочется комментировать качество постановки режиссера Александра Титтеля. Отдельные отрывки , конечно, мне приходилось слушать в разные годы в концертном исполнении. И вот недавно я послушала всю оперу в записи, которую осуществил Ростропович. Слушала в течение нескольких дней, ибо это полотно грандиозное. около семидесяти действующих лиц, мощные хоры. Другими словами, внимательно прослушать оперу «Война и мир» Прокофьева, необходимо, безусловно, приложить определенные усилия. Но если вы решите послушать оперу, то будете вознаграждены, ибо услышите мощное произведение, убедитесь, что музыка оперы достойна литературной первоосновы Льва Толстова. В опере более семидесяти действующих лиц и тринадцать картин. В сценах мирной жизни звучит замечательный прокофьевский бал Наташи Ростовой и князя Андрея а как чудесно передана красота русской природы в сценах в Отрадном! Шесть картин посвящены событиям военным. Замечателен хор солдат: «Как пришел к народу наш Кутузов…». Трогает до глубины души ария Кутузова, посвященная Москве: «Величавая в солнечных лучах матерь русских городов…». И, конечно, ликующий финал необычайно торжественен. Хор поет: «За Отечество шли мы в смертный бой». Музыка создавалась в годы Великой Отечественной войны. На этот раз композитор покинул заоблачное существование «вне времени и пространства». Он был со своим народом, свято верил в победу над фашиз-

мом, он был патриотом в самом точном значении этого высокого слова.

1948 год: о « формализме» и не только.

Послевоенные годы обернулись для композитора тяжкими испытаниями. Резко ухудшилось его здоровье, а главное, он попал в жерло советской идеологии. Его музыка, так же как и произведения Шостаковича, была признана критикой в 1948 году формалистической и антинародной. Неизвестно, как реагировал Прокофьев, избалованный всемирной славой, на эту жестокую критику. Он никогда не высказывался по этому поводу. Он молчал. Но, конечно, это не могло не отразиться на нём. Возможно, именно эти преследования окончательно подорвали его здоровье. Последним собственным произведением, которое довелось композитору услышать в концертном зале, была Седьмая симфония. Это было в 1952 году. Гениальный симфонический цикл, в котором всё дышит одухотворёнными, чистыми красками, стал настоящим завещанием великого Мастера потомкам. Прокофьев умер 5 марта 1953 года, в один день со Сталиным. С этим и было связано то, что смерть его, на фоне официальной скорби, прошла совершенно незамеченной. О ней не было сообщено ни в одной газете. Поэтому хоронили одного из крупнейших композиторов XX в. лишь самые близкие друзья.

В заключении хотелось бы еще раз сказать о том, что музыка Сергея Прокофьева – это символ света, добра, жизненных сил, победы творца над губителями творчества. А мы, потомки и наследники великой русской культуры, имеем великолепную возможность эту музыку слушать. Осталось только услышать…

Русская муза Франции.

«Родина моя! Не знаю я тебя, но греюсь этим словом: «Родина»

(Анна Марли).

«Она высоко подняла честь быть русской во Франции»
(Никита Михалков об Анне Марли в фильме «Русские без России»).

Парижские мелодии.

«Увидеть Париж и умереть», - как-то перефразировал старинную фразу Илья Эренбург. «Ну зачем же умирать?», - мысленно не соглашалась я с классиком, путешествуя по столице Франции. Способ передвижения я выбрала замечательный: в первом ряду на двухэтажном красном автобусе. Стекло закрывает от дождя и ветра, в наушниках спрятался аудиогид, который увлекательно рассказывает и рассказывает о прекрасном городе. Комментарии чередуются давно знакомыми мелодиями. Французского я не знаю, но голоса Эдит Пиаф и Ив Монтана, конечно, узнаю. Проплывают весенние бульвары, голос Пиаф летит по парижским улицам: «Ун шансон, а трю тьемпс…». Французская подруга подпевает и переводит: «Песенка на три такта лишена всякого смысла, но все же чарует…». Чаруют и меня как эта милая песенка, так и завораживающий Париж. Через два дня таких путешествий

я уже проникаюсь городом, его историей и архитектурой. Пришло время пройтись по улицам, посетить Монмартр, Сен-Жермен, музеи Лувр и д'Орсэ, на кораблике прогуляться по Сене, забраться на Эйфелеву башню, увидеть представление в Мулен-Руж. Как же без него? Перед отъездом друзья приглашают обязательно посетить Музей армии. Сильное впечатление производит на меня раздел, посвященной Второй мировой войне. Он наполнен уникальными экспонатами, экспозиция сопровождается хроникальными кадрами. С большим уважением рассказывается о подвиге советского народа. Интересен раздел, посвященный французскому Сопротивлению. В одном из залов звучит песня. Ее темп – марш, ритм уверенный, спокойный. Услышав первые звуки марша, посетители-французы как-то меняются, становятся торжественными что ли, более серьезными. Чувствуется, эта мелодия для них имеет какое-то особенное значение. Встретив мой вопрошающий взгляд, французская подруга поясняет: «Это партизанский марш, наша Марсельеза Сопротивления. Удивительно, написала марш иностранка Анна Марли, но как она угадала французскую душу!»… Мы покидали зал, а вслед нам неслась мелодия. Была в ней строгость, несгибаемость и какая-то неотступность. Вы помните в Седьмой симфонии Шостаковича тему фашистского нашествия? Так вот, во французском марше был ответ на этот вызов темных сил, а еще был призыв к борьбе и вера в Победу, безусловная вера. Уезжала я из Парижа с убеждением, что удалось увидеть великий город, услышать его и полюбить. В воспоминаниях оживали образы города и отчетливо звучали его мелодии поочередно: то партизанский марш, то песенка на три такта: «Une chanson a trois temps…». А еще где-то в уголке памяти осталось имя – Анна Марли, оно там и хра-

нилось бы до полного забвения, если б прошедшей осенью не привела меня судьба на Северный Кавказ, в город Кисловодск. Но какое отношение Кисловодск имеет к Парижу?

В театре «Благодать».

Находясь на отдыхе в этом маленьком, но таком уютном курортном городке, я узнала, что в Кисловодске есть уникальный Театр русской эмиграции. Творчество театра посвящено забытым именам русской культуры. Спектакли театра рассказывают о литераторах, музыкантах, художниках, которых непростая история Отечества превратила в эмигрантов, не по своей воле покинувших Родину в трагичные годы смут. Еще «Благодать» называют театром-музеем, так как в его стенах хранятся уникальные экспонаты, рассказывающие о жизни и творчестве деятелей русской культуры, чьи судьбы и творчество были связаны с Кисловодском: Шаляпине и Маяковском, Цветаевой и Кшесинской… На афише театра увидела я объявление о премьере спектакля: «Танго Анны Марли» (к столетию со дня рождения Анны Юрьевны Бетулинской, певицы, композитора, поэта, художника, человека уникальной судьбы». И тут из глубины памяти возникло: это имя я уже слышала в Музее Армии в Париже, и мелодия неотступно-победного марша вновь зазвучала в душе. Тот вечер останется в моей памяти, ведь я не только увидела яркий и интересный спектакль, отмеченный талантливыми актерскими работами. Театр подарил мне встречу с интересными творческими людьми, которых я смею считать своими единомышленниками. Но самое главное: состоялась встреча с Анной Марли, нашей соотечественницей, которую высоко ценил генерал де Голль, говоривший о Марли:

«Свой талант Вы превратили в оружие для Франции»
Недавно исполнилось сто лет со дня ее рождения. Благодаря трудам театра «Благодать» ее имя и ее песни возвращены в Россию, давайте и мы отдадим дань памяти и восхищения этой замечательной русской женщины.

Начало.
Девочка Анечка родилась в Санкт-Петербурге в октябре 1917 года. Как трагично время ее прихода в мир! Но молодые родители не предчувствовали грозы. Какое редкое сочетание являла пара Бетулинских: красивы, богаты, знатны и счастливы. Отец девочки Юрий Бетулинский - молодой дипломат, потомок знатных родов. Среди предков Михаил Лермонтов и Петр Столыпин, философ Бердяев и атаман Платов. Мама - из рода Алфераки, богатого греческого рода, прибывшего в Россию при поддержке Екатерины Великой и так много сделавшего для русской культуры. (Их Таганрогский дворец и ныне поражает красотой, в нем располагается музей). Молодая семья (кроме Анечки в семье подрастает еще одна дочка Марина) живет в Санкт-Петербурге, в своей прекрасной квартире. Образ жизни соответствует тому, как живут люди их круга, обязательны посещения театров, выставок, концертов, домашние приемы, выезды летом на дачу. Мама Анечки, впрочем, не очень много занимается детьми, ей есть на кого положиться. У дочек – прекрасная няня из крестьян Наташа Муратова, она любит детей беззаветно, преданна всем домочадцам. Рождение второй дочки принесло радость в семью, но вскоре все рухнуло. Юрий Бетулинский был арестован большевиками и расстрелян вместе со своим дядей адмиралом флота. Была арестована и его жена, мама девочек, Мария Михайловна. Дети остаются на попечении няни.

Вскоре Марию Михайловну чудесным образом отпускают, она убита горем и не знает, как быть дальше. Инициативу берет на себя няня Наташа. Она умеет и с матросами, которые делают обыск в квартире Бетулинских, поговорить по-свойски, и раздобыть детям молока и за девочками присмотреть. А еще она уговаривает молодую хозяйку бежать в Финляндию, предварительно зашив бриллианты в подкладку крестьянской одежды.

Первый исход: Петербург – Финляндия - Ментон.

Суровый финский пограничник привык ничему не удивляться. Беженцы из России – привычное дело. Этой холодной снежной зимой 1918 года от красного террора тысячи русских бежали в Финляндию. Но эта маленькая группа тронула даже его суровое сердце. Их было четверо: две женщины в крестьянских тулупах и платках. На руках у женщин малые дети. Причем, один ребенок совсем еще маленький. Одна из беженок – настоящая русская красавица: румянец во всю щеку, проворная и скорая, глядит смело. Вторая тоже красива, но по-другому. Видно, что и платок, и тулупчик - все с чужого плеча, и ходить по болотам и кочкам она не привыкла. «Вот незадача, - размышлял финский пограничник, - только что вышел указ: русских беженцев не пускать, заворачивать обратно». Ему стало жаль этих несчастных. А когда он объявил им об указе, женщина, которую он мысленно назвал «барыней», заплакала так безнадежно тихо, что сердце у сурового стража сжалось. Почувствовав неладное, малыш на руках у «барыни» тоже заплакал, другой ребенок его поддержал и лес огласился горькими рыданиями. Тут «русская красавица» вплотную подошла к финну и заговорила. Он не знал русского, но понял: если он не пропустит этих несчастных, им

и детям грозит гибель. И он пропустил. Так няня Наташа спасла и свою хозяйку, и детей. По инициативе Натальи из Финляндии семья переехала на юг Франции в город Медон. «Там с одеждой нам будет поэкономней, теплее во Франции, сытнее, да и русских там много, опять же хозяйка язык знает», - рассуждала няня, хотя понимала, что практической помощи от Марии Михайловны немного. Мать девочек читала Данте в оригинале, а вот яичницу поджарить едва смогла бы. Итак, Мария Михайловна Бетулинская с дочерьми Мариной и Аней и няней Наташей приехала в городок Медон на юге Франции. Приехать-то приехали, а жить на что? Все, что удалось привезти, вскоре было продано и потрачено. Наталия и тут не растерялась. Ходила по богатым домам и предлагала прибраться, постирать, сготовить. И все у нее выходило ладно, ловко. Бывало и вздохнет украдкой, в России остался муж, но она так любила своих девочек, что ни за что не могла с ними расстаться. Наташа любила всех, но Анечка была особенной, ее любимицей. Подвижная, ловкая, веселая, девочка была сгустком энергии. Совсем еще маленькой помогала няне, с удовольствием ходила по домам и участвовала в уборке. Учились сестры Бетулинские в училище «Александрия», которую создал великий князь Андрей Владимирович для русских и французских детей-сирот. Аня - круглая отличница. Она растет в русском окружении, знает прекрасно русскую словесность, историю своей Родины, но блестяще знает девочка французский и немецкий языки. Она все успевает, чувствует свою ответственность за маму и сестру, хотя самая младшая в семье.

«Поет как соловушка»

Анечка Бетулинская не гнушалась никакой работы: плела соломенные шляпки, собирала в полях лаванду для парфюмерной фабрики. И все же семья прозябала в нищете. Но девочка не унывала, училась, трудилась и напевала любимые песенки. «Поет как соловушка», - говорила няня. Мама, Мария Михайловна, продолжала поддерживать знакомства со своими петербургскими друзьями, по их протекции девочка попала на прослушивание к самому Сергею Прокофьеву. И он отметил у девочки несомненный талант. А педагог по вокалу так и сказал: «Деточка, у вас в горлышке золотце!». Няня подарила Ане гитару, с ней она не расставалась никогда. Ее учителем стал один знакомый няне казак, который по просьбе Наталии научил девочку не только игре на инструменте, но и прекрасным казацким песням. Стала Аня играть по слуху, потом по нотам, потом стала и сама сочинять песенки, да такие славные, что окружающие песенки ее полюбили и охотно напевали. А еще она любила танцевать. Танцевать девочка начала очень рано. Показали мама Анечку педагогам балетной студии, и ее сразу приняли. А когда выступление Ани увидела легендарная Матильда Кшесинская, то охотно приняла девочку в знаменитую парижскую студию, где сама давала уроки. Девочка подрастала, и стало заметно – она обещает стать красавицей. Классическая греческая красота смягчалась славянской нежностью. И вот юная Аня принимает участие в конкурсе красоты «Русская мисс Франции». Какое блистательное жюри у этого конкурса! Светила русской культуры в эмиграции: выдающийся балетмейстер и танцор Серж Лифарь, талантливый художник Константин Коровин, модная в кругах русской эмиграции писатель-

ница Надежда Тэффи. И вот они присуждают Анне звание вице-мисс конкурса.

Вырваться из нищеты.

Далее могло последовать выгодное замужество либо покровительство богатого поклонника. Но этот путь не для Анны. Девушка ставит перед собой непростую цель: вырвать семью из нищеты своим трудом. Она устраивается работать в престижное русское кабаре «Шехерезада». Там она исполняет свои песни на русском и французском языках. Работая над этим очерком, я слушала песни Анны. Они безыскусны, милы, как говорится, без претензии. И для меня остается загадкой, почему песни Анны Марли стали столь популярны во Франции. Впрочем, почему Марли, а не Бетулинской? Однажды французские друзья, поклонники творчества Анны, посоветовали ей взять псевдоним, чтобы имя было публике более удобным для произношения и запоминания. Анна взяла телефонный справочник и открыла на случайной странице, первое попавшееся имя было «Марли». «Буду Анной Марли», - с улыбкой произнесла юная певица. Так и случилось. Вскоре имя Анны Марли становится известным во Франции. Сегодня секрет популярности песен Марли разгадать невозможно, как невозможно разгадать секрет успеха песен Окуджавы, Вертинского, Никитиных. Это душевность, сердечность, святая простота, это…тайна. Но девушку принимают во Французскую национальную ассоциацию писателей, композиторов и издателей. Легендарный Морис Шевалье заказывает ей песню. Жалование в «Шехерезаде» и авторские отчисления весьма неплохие, семья спасена от нищеты. Какое редкостное совпадение: талант, успех, красота, молодость и …богатство! А еще и замужество, которое обе-

щает быть счастливым. Ее избранником стал молодой голландский дипломат.

Второй исход Анны.

И тут грянул 1940-й год. В мае фашистские войска вторглись во Францию. Анна вместе с мужем покинула страну и уехала в Англию. Не хотелось бы обижать наших французских друзей, которые очень не любят разговоры на щекотливую тему, но надо признать: многие французы были вполне лояльны по отношению к захватчикам. Особенно это относится к деятелям культуры: знаменитые парижские кафе работали и были полны посетителей, в мюзик-холлах шли представления, выступал перед оккупантами Луи де Фюнес, пела в арендованном борделе Эдит Пиаф. Первыми, кто встал на защиту Франции, были заводские рабочие крупных промышленных центров. Волна демонстраций охватила крупнейшие города Франции. Рабочие и студенты объединились для одной общей цели – освободить родную землю от захватчиков. Не осталась в стороне и Французская коммунистическая партия, которая в мае 1940 года организовала патриотическое сообщество «Национальный фронт». В него вошли представители разных слоёв населения и политических взглядов. Огромную роль в Движении Сопротивления сыграл военный и государственный деятель Шарль де Голль. 16 июня 1940 года он переправился в Англию, а уже 18 июня произнёс по английскому радио знаменитую речь, которая призывала французов на борьбу с оккупантами. После пламенной речи де Голля у многих французов проснулись патриотические чувства, которые способствовали мобилизации всех сил для борьбы с врагом.

Песнь партизан или как заплакало русское сердце.
Наша героиня оказалась вдали от Франции, ставшей ей второй родиной. Вместе с мужем она перебралась в Лондон. Семья осталась на оккупированной территории. С мужем произошел разлад, она потеряла ребенка, и последовало расставанье. Но не в характере Анны было бездействие и отчаяние. Она идет на работу в госпиталь, где лечатся раненые английские солдаты. Она трудится и поет свои песни. Важность этой работы она особенно ощутила после 22 июня 1941 года, когда враг напал на ее Отчизну. Политикой Анна не интересовалась, о коммунизме, конечно, она ничего хорошего в своем окружении слышать не могла. Но генетическая память, наверное, сыграла свою роль. Молодая женщина ощущала боль за поруганные русские города, за убитых соотечественников и гордилась их победами. Однажды в 1942 году во время концерта она ждала своего выступления. Кто-то оставил за кулисами газету, которую Анна стала читать, коротая время. Среди других материалов был в газете репортаж о советских партизанах. Анна вспоминала: «И там было сказано, что в России идут невероятные бои под Смоленском. Город осажден, разрушен, вовсю полыхают пожары, но русские защищаются, как львы. Почти безоружные жители уходят в лес и там устраивают засады, бросаясь на врага чуть ли не голой грудью. Называются они партизанами (я впервые узнала это слово). И так на меня эта картина подействовала, что мое русское сердце заплакало, и я начала отбивать ритм шагов идущих по дороге людей. Потом пришли в голову слова: «От леса до леса дорога идет вдоль обрыва».
А потом в сердце постучалась еще неведомая мелодии, и родились песня:

«От леса до леса
Дорога идёт
Вдоль обрыва,
А там высоко
Где-то месяц плывёт
Торопливо
Пойдём мы туда,
Куда ворон не влетит,
Зверь не входит
Никто, никакая сила
Нас не покорит,
Не отгонит…».

Между тем, подошло время ее выхода на сцену. И Анна исполнила только что родившуюся песню о партизанах . Вот, как она вспоминала это событие: «Пришло мое время выходить на сцену. В зале сидели 800 моряков, и я решила исполнить им песню, которую только что сочинила. Сначала я им ее перевела, так как пела по-русски. Они слушали внимательно, но в конце как-то все замолчали. И вдруг - аплодисменты, свист, крик, топот ног - англичане выражают свой восторг особенно! В общем, полный успех. Я сразу взяла эту песню в свой репертуар, исполняла по радио, когда о французских партизанах мы еще ничего и не слышали». (Напомню читателям, что в то время мы были союзниками, до санкций и русофобии было еще далеко, этим и объясняется энтузиазм английских моряков при исполнении песни на русском языке). «Песнь партизан» исполнялась Анной Марли в поездках по армейским частям и на радио. Однажды в 1943 году в Лондоне на квартире у подруги она спела ее французским писателям Жозефу Кесселю и его племяннику Морису Дрюону, которые

пришли от песни в восторг и создали к ней французский текст. В новом виде песня стала французскими позывными Би-би-си и неофициальным гимном Французского Сопротивления.

«Маки» и другие.

Между тем, движение «Сопротивления» во Франции росло. Стали создаваться партизанские отряды в горных районах Бретани, южной Франции, Альпах. Партизан называли «Маки». Несколько тысяч патриотов разных политических взглядов, рискуя жизнью, поднялись на борьбу с фашистами. На первых этапах оружие борцы добывали в вооружённых налётах. Позже британское Управление специальных операций приступило к организации помощи «Маки», сбрасывая с самолётов оружие и боеприпасы. Роль партизанских отрядов «Маки» в освобождении Франции от захватчиков значительна. За годы оккупации им удалось ослабить противника и на завершающем этапе добить фашистов и оказать помощь союзникам. Постоянные вооруженные налёты способствовали благоприятной высадке союзных войск в Нормандии. Любимой песней партизан, их гимном и позывным сигналом была «Партизанская песнь» Анны Марли. Пусть она не была во Франции, но ее русская душа была среди партизан. Говоря о вкладе нашей соотечественницы в борьбу с фашизмом, нельзя не сказать и о других русских участниках французского Сопротивления. Увы, во Франции об этой странице российско-французских отношений сейчас забывают, а между тем, только в партизанских отрядах на французской земле сражались тридцать пять тысяч русских эмигрантов. О каждом из них можно написать отдельный материал, здесь хотя бы приведу их имена. Мать Мария,

Александр Оболенский, Вера Оболенская, Зинаида Шаховская, Тамара Волконская, Дмитрий Клепинин, Борис Вильде, Анатолий Левицкий, Вадим Андреев и многие другие стали нестоящими героями Сопротивления.

Встреча с Жуковым.

Итак, песня Анны Марли звучала на просторах Франции. Она стала известной каждому патриоту. Думала ли Анна в то военное время о своей необыкновенной популярности во Франции? Вовсе нет, она работала в госпиталях, выступала перед ранеными, переживала бомбежки Лондона, недоедала. В общем, жила как все: ждала Победы и трудилась ради нее. А когда это ликующее время пришло, Анна поспешила в Париж, где ее встретили счастливые родные: мама, сестра и няня. Она и представить не могла, что в Париже ждет ее настоящий триумф, песня звучала на каждой улице, в витринах магазинов и кафе были помещены ее портреты. Слава на молодую женщину обрушилась для нее нежданно-негаданно. Генерал де Голль прислал ей письмо, в котором написал, что ее песни стали оружием. Анна Марли была награждена высшей наградой Франции – Орденом Почетного Легиона. Он принимала участие во многих концертах, всегда - прекрасный прием и аплодисменты. И только однажды она пережила горькие минуты, о которых не любила вспоминать. Дело было в мае 1945 года на торжественном концерте, посвященном Победе. Среди почетных гостей были генерал де Голль, английский маршал Монтгомери и советский маршал Жуков. Анна волновалась, мечтала быть представленной маршалу, сказать ему слова восхищения и благодарности. Ее выступление было как всегда триумфальным, а когда после концерта артистов представляли почетным гостям, Жуков не только

не подал руки, но смотрел мимо, игнорируя соотечественницу. Она поняла: эмигрантка, не достойна. Зато Монтгомери сказал: «Мы и в африканской пустыне пели ваш марш. Спасибо вам. Вы воевали вместе с нами». Больно было, но Анна тут же взяла себя в руки. Пусть руку ей не пожали, но какое это имеет значение, когда этот человек был маршалом Победы, когда русский народ победил, война закончена, и ее Родина внесла главный вклад в это великое дело. Подобные сложные чувства она пережила еще один раз. В шестидесятые годы в Париж на гастроли приехал Ансамбль песни и пляски Советской Армии под управлением Александрова. Анна вместе с мамой и няней пришли на концерт. Ансамбль исполнил «Песнь партизан» на французском языке. Зрители горячо аплодировали, многие плакали. А автор скромно сидела в дальнем ряду. Тогда няня с горечью в голосе произнесла: «Они выгнали нас из России, когда ты была крошкой, все отняли, а теперь поют твою песню».

Родина и государство.

Здесь мне хотелось бы прервать свое повествование, чтобы отметить: Анна Марли никогда не ставила знака равенства между Отечеством и государством, которое тогда существовало на родной земле. Анна Юрьевна всей душой стремилась в Россию. Она несколько раз подавала документы в посольство СССР, так прошло десять лет, и однажды она получила столь желанную визу. Она ходила по улицам Москвы и Ленинграда, не могла надышаться воздухом России. Наверное именно тогда Анна Марли приняла решение: свои ценные вещи, картины, книги, иконы, автографы великих людей, драгоценности – все передать Родине. И она это сделала. Ее дар Фонду культуры России был

очень дорогим в денежном эквиваленте. Ценность вклада особенна велика не только из-за этого. Анна Марли одарила Родину самым дорогим, что имела, не думая об обидах и лишениях, ведь от России она никогда себя не отделяла. Но вернемся к нашему повествованию.

Продолжение судьбы.

В пятидесятые и шестидесятые годы Анна Марли - известный композитор, популярная певица. Сама Эдит Пиаф с огромным успехом исполняет ее «Песенку на три такта». Песенка становится одним из символов Парижа. Анна Марли много гастролирует в Европе и Америке. В Буэнос-Айресе она открывает «Музыкальный театр Анны Марли». Ее поддерживает легендарная Эвита, супруга президента Аргентины Переса. Брат Эвиты влюблен в прекрасную русскую француженку, дарит ей кольцо как залог будущей будущих отношений. Но в ее личной жизни происходит другая счастливая встреча с соотечественником Юрием Смирновым, инженером-металлургом, который работал в Аргентине. Оказалось, что они родились, и первые месяцы своей жизни провели в одном доме в Санкт-Петербурге, няни их прогуливали в колясках по Таврическому саду. Общие воспоминания и ценности, православная вера, бережно сохраняемая русскость, - все это сблизило Анну и Александра. Они поженились и счастливо прожили вместе пятьдесят два года. Жили в США, где муж работал во Флориде на металлургических предприятиях, а она занималась композиторской деятельностью. И как композитор стала известна в Америке. Когда муж вышел на пенсию, супруги переехали на Аляску, так как жизнь там была более дешевой, а Смирновы вовсе не роскошествали. В июне 2000 года, в день 60-летия обращения гене-

рала де Голля к нации, она посетила Париж по личному приглашению президента Ширака. В присутствии президента и тысяч парижан ее удостоили высших воинских почестей и права зажечь огонь у Могилы Неизвестного Солдата под Триумфальной аркой. Анна Марли, русская француженка Анна Юрьевна Смирнова (Марли), стала второй женщиной, которой доверили эту честь, - первой была английская королева Елизавета. После кончины супруга, несмотря на преклонный возраст, Анна Юрьевна решила вернуться в Россию. Но не успела: скончалась, держа в руках билет в Кисловодск. Но почему именно в Кисловодск?

Усадьба с музыкальной лирой.

А все началось с афиши, датированной июлем 1913 года. Небольшой пожелтевший листок нашла в архиве Кисловодска музейный работник Валентина Петровна Имтосими. Афиша приглашала всех желающих в городское поместье «Благодать», принадлежащее почетному гражданину Кисловодска Агафонову на домашний вечер: «Театр А.Н.Агафонова приглашает в тихую гавань для души». Валентине Петровне, коренной жительнице Кисловодска, захотелось узнать, что это за дом такой, где учитель мог давать вечера, на которых разыгрывались домашние спектакли, где собирались, скорее всего, близкие по духу люди. Она нашла этот дом. Он был в последней стадии разрушения, забвения. На коньке крыши сохранилась лира, что особенно тронуло Валентину Петровну. Много чего и кого повидали его стены после того, как революционными декретами дом был национализирован и переходил от одной организации к другой, пока не был приписан к построенному рядом Военному санаторию. В качестве второсте-

пенной хозяйственной постройки дом год от года приходил все в больший упадок, дряхлея и разрушаясь, практически до грани полного исчезновения. Валентина Петровна пошла к военному руководству санатория с идеей возродить это здание, вдохнуть в него новую жизнь. Одновременно она заложила свою квартиру, чтобы добыть хоть какие-то деньги. А потом, воодушевленные идеей, и военные руководители санатория внесли свою лепту. Ныне недалеко от входа в этот Театр-музей помещена доска. На ней золотыми буквами слова, как нельзя лучше раскрывающие суть бытия этого уникального культурного центра: «Знание истории своего Отечества необходимо каждому желающему с пользой для него трудиться». И подпись: Екатерина II.

Театр-музей.

Сегодня театру-музею исполнилось двадцать шесть лет. Я не знаю о других подобных театрах в России, где были бы соединены воедино: научно-исторические исследования, драматургическая их обработка, создание спектаклей на основании строго выверенных исторических фактов. Во время исследований происходит поиск интереснейших исторических документов, которые затем бывают представленными в мемориальных залах театра. Цель всей этой огромной работы одна – возвратить имена великих людей России, которые были оторваны от Отечества и незаслуженно забыты. Все это делает музей-театр «Благодать» совершенно уникальным явлением современной российской культуры. В театре царит ныне забытая атмосфера домашних спектаклей, уюта, культуры салонных вечеров. Идут спектакли, посвященные Колчаку и Сикорскому, Бунину и Цветаевой. Каждой постановке сопутст-

вует интересная выставка в музейных залах, которая готовится годами. В русле этой большой работы проводились поиски, посвященные творчеству Анны Марли. Когда Валентина Петровна и ее супруг Александр Портнягин, неизменный помощник, узнали, что Анна Юрьевна Смирнова-Марли живет на Аляске, они отправили ей письмо, рассказали о своем проекте: поставить спектакль, посвященный жизни и творчеству Марли. Завязалась переписка. Анна пригласила русских друзей в гости.
Александр и Валентина посетили нашу славную соотечественницу на Аляске в городе Палдмер. (Может быть, кто-то скажет: «Вот чудаки, и хотелось за свой счет ездить на край света». Но ведь без таких чудаков, какой серой и неинтересной была бы наша жизнь!) Для театра Анна Юрьевна передала в дар свои сценические костюмы, украшения, маски, веера. Они являются подлинным украшением спектакля. После долгих уговоров Анна Юрьевна решилась даже на поездку в Кисловодск, ей было восемьдесят восемь лет. Увы, поездка не состоялась, она ушла из жизни в 2006 году.

Возвращение домой.
Но приходят в театр жители и гости Кисловодска, чтобы услышать песни Анны Юрьевны Смирновой-Марли, узнать об ее удивительной жизни. О ней снят прекрасный фильм Никитой Михалковым в цикле «Русские без России». Ее стихи опубликованы в России, песни звучат. А «Песнь о партизанах», подлинный документ эпохи, будет жить , пока потомки будут помнить, что их предки сопротивлялись фашистам. Ее жизнь – высокий нравственный пример любви к Родине, которую она не забыла, не предала, которую любила до последней минуты земной жизни.

«Родина моя! Не знаю я тебя, но греюсь этим словом: «Родина», - написала она однажды.

Портреты:

Н. Римский-Корсаков стр. 654

С. Прокофьев стр. 669

Сережа Прокофьев за роялем ст .673

Анна Марли стр. 690

Раздел VI

Запечатлеть летящее мгновенье

(рассказы о художниках)

- Федор Рокотов и его неразгаданные тайны

- Илья Репин: этюды творчества

- Певец моря. Рассказ об Айвазовском

- Иван Шишкин: художник солнечного света

- Линия судьбы Нади Рушевой

Федор Рокотов и его неразгаданные тайны.

Дом на Старой Басманной.

В Москве неподалеку от храма великомученика Никиты на Швивой горке стоит дом, мемориальная доска на фасаде которого гласит: «В этом доме в 1785–1793 годах жил и работал художник Фёдор Степанович Рокотов». Сохранившееся здание – это флигель усадьбы, которая была здесь еще в XVIII веке. Сколько исторических бурь пронеслось над столицей: две Отечественной войны, три революции, множество социальных преобразований и реформ, которые сопровождались разрушениями старой Москвы. А этот чудесный московский домик стоит и все еще служит москвичам. Мимо спешат вечно озабоченные жители мегаполиса. Знают ли они историю этого дома? Бог весть. Хочется дотронуться бережно до стены. Если б можно было перенестись на 230 лет назад, тихонько постоять, подождать, и увидеть нового владельца дома, «императорской Академии художника Фёдора Степанова сына Рокотова», который летом 1785 года купил участок на Старой Басманной улице у генерал-майора А. Н. Сухотина.

Жил был художник один…

Он – художник. Эка невидаль. В Москве художников пруд пруди. У многих родовитых москвичей в поместьях имеются свои крепостные художники, которые могут намале-

вать портреты чад и домочадцев, и иную какую картину. Но к Рокотову отношение особенное. Москвичам льстило, что художник оставил чванливый Петербург и приехал на жительство в хлебосольную Москву. Уважали художника за то, что в Северной столице он был вхож в царские палаты. Подумать только, ему доверяли писать портреты двух правителей России: императора Петра III и императрицы Екатерины II. Было известно, матушка-царица не любила позировать художникам, позволит лицезреть ее на прогулке пару раз, и все: пиши по памяти. А чтобы совсем было похоже, могла свои наряды отослать художнику с прислугой, вот и рисуй. Федору Рокотову императрица позировала вскоре после восхождения на трон. Художник был не только талантлив, но и находчив: догадался изобразить Екатерину в весьма выигрышной для нее позиции - в профиль. Работа восхитила царицу, и она приказала впредь копировать этот портрет кисти Рокотова при изображении ее на всех портретах, на медалях и монетах. Писал Рокотов и цесаревича Павла. А еще шепотом поговаривали, что писал он портрет маленького князя Бобринского. Сей портрет немногие видели в покоях императрицы. Почему судачили об этом шепотом? Да князь-то был сыном Екатерины и князя Орлова. Незаконнорожденным.

Бастард.

Рассказывая о любом выдающемся деятеле, принято уделять внимание его родителям, детским годам, окружению молодости, учебе и учителям. И вот тут нас ждут первые неожиданности и загадки. Исследователи творчества Рокотова еще в XIX веке обратили внимание на то, как мало сохранилось документов, относящихся к биографии художника. Словно эти документы намеренно были уничто-

жены, словно и не хотел Рокотов, чтобы о его юных годах знали. Приведу пример. Найдены были свидетельства, что Рокотов был членом московского Английского клуба. Поскольку членом этого элитного клуба во времена Рокотова мог быть только высокородный дворянин, был сделан вывод о дворянском происхождении художника. Исследователи стали разыскивать в архивах дворянские семьи с фамилией Рокотовы. Нашли на Псковщине документы о дворянах с такой фамилией. Стали считать, что у художника есть псковские корни. А в середине прошлого века была сделана сенсационная находка: письмо-прошение Федора Рокотова с просьбой освободить от крепостной зависимости детей его умершего брата, двух племянников. Нашлись и другие прямые и косвенные свидетельства, которые дают основание полагать: Федор Рокотов - незаконнорожденный сын Петра Репнина, фельдмаршала, екатерининского вельможи, дипломата и военачальника. Детство художника прошло в имении Репниных Воронцово (ныне это территория Москвы). Год рождения художника неизвестен, примерно это 30-е годы XVIII века. Надо отметить, что рождение внебрачных детей было нередким явлением в среде русской аристократии. Петр Репнин имел еще нескольких внебрачных детей. Его сыном-бастардом был, например, поэт Иван Пнин, считался фельдмаршал и отцом князя Чарторыйского. Как правило, в лучшем случае беременную от владельца душ крепостную крестьянку освобождали от крепостной зависимости, выдавали замуж за свободного человека, какого-нибудь мещанина. Ребенку давали фамилию мужа матери, но очень часто были и более трагичные случаи. Как видим, будущий художник был освобожден от крепостной зависимости. А вот его брат

Никита (видимо, сводный брат от мужа матери) до самой смерти был крепостным.
Крепостными были и дети Никиты, об их освобождении Федор Рокотов и хлопотал. Как проходило детство будущего художника, ранняя юность, кто учил его писать, читать, рисовать? Все это нам неизвестно. Как говорится, покров тайны окружает начало жизненного пути художника.

Поворот.
В 1755 году в судьбе Рокотова происходит резкий поворот. Его направляют на учебу в Санкт-Петербург в создаваемую Российскую Академию художеств. Как это случилось – исследователям творчества неизвестно. Но мы знаем, по чьей инициативе произошло это судьбоносное изменение в жизни молодого художника. В его судьбе важнейшую роль сыграл Иван Иванович Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы Петровны. Видимо, посетив однажды своего приятеля, фельдмаршала Репнина, вельможа Шувалов увидел работы Рокотова, оценил их. В то время Рокотов уже был в Москве известен как искусный живописец. Но кто были его учителя? Исследователи только предполагают, что это - некие московские иконописцы. Шувалов создает Российскую Академию художеств и отбирает для учебы способных российских юношей. Молодой Рокотов переезжает в Санкт-Петербург. Вскоре, в 1757 году, художник создает портрет Шувалова.

Портрет Шувалова.

Этот портрет я впервые увидела много лет назад в Эрмитаже. Мимо портрета Ивана Шувалова было невозможно пройти. Останавливал взгляд. С холста на зрителя в упор смотрел черноглазый ухоженный мужчина. Холеное, не лишенное приятности лицо мужчины было простовато. Пухлые щеки, тяжелый квадратный подбородок не украшали выражение лица Шувалова на портрете. Но каким-то непостижимым образом Рокотов выразил симпатию к своей модели. И зритель, невольно, испытывал добрые чувства к герою, изображенному на нем. Впервые я столкнулась с феноменом Рокотова, который, реалистично изображая человека на портрете, мог передать зрителю свое отношение к этому человеку. Надо признаться, что после встречи с портретом Шувалова я это почувствовала, но сформулировать бы свои ощущения не смогла. Совсем недавно, читая прекрасную книгу о художнике профессора Нины Молевой, я нашла строки, выразившие мои давние чувства: «Есть множество восторженных строк, посвященных рокотовским портретам, их таинственным полуулыбкам и затаенной грусти, переливам настроений и загадочности внутренней жизни. Несравнимо меньше сказано о том, насколько эта загадочность выражала изображенного человека и самого художника». Теперь, зная биографию Ивана Шувалова, я понимаю, что этим портретом художник выразил благодарность своему покровителю за ту судьбоносную роль, которую сыграл вельможа в его жизни. Вновь вглядываюсь

в портрет. Можно заметить некоторую неуверенность во взгляде Шувалова, некую противоречивость его характера. Как же проницателен молодой художник! Он изобразил человека, который был, что называлось в XVIII веке, «в случае». Благодаря искусно сплетенной его старшими братьями интриге, 23-летний красавец Иван Шувалов, выходец из мелкопоместной дворянской семьи, стал фаворитом стареющей императрицы Елизаветы. Он занял место другого ее фаворита, графа Разумовского, пленив царицу молодостью и добрым нравом. Годы, проведенные им подле самодержицы, были отмечены глубоким чувством, которое он питал к этой незаурядной женщине. Полюбила и она молодого, рослого, красивого камер-пажа. Он покорил ее и своей юной силой, и своей энциклопедической образованностью (которой он был обязан самообразованию), и искренней преданностью. Кроме того, он поражал Елизавету и окружающих ее придворных бескорыстностью, столь редкой в их кругах. Эта черта характера свидетельствовала о высоких нравственных качествах Ивана Шувалова. Так, он отказался от графского звания. А после кончины Елизаветы передал наследнику, Петру III, миллион рублей, которые ему достались от императрицы. Об этих огромных деньгах никто не знал, но присвоить их Шувалов и думать не мог. Пережил царицу Шувалов на 18 лет, но так и не женился, храня память о Елизавете. А тогда, в 1750-х, Шувалов имел заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России, содействовал развитию русской науки и искусства, оказывал покровительство учёным, писателям и художникам.

В числе прочего он поддерживал многие начинания М. В. Ломоносова, с которым его связывали прочные дружеские отношения в течение многих лет. При покрови-

тельстве Шувалова в Москве в 1755 году был основан Московский университет (Шувалов стал его первым куратором), а в 1757 году создана Академия художеств (Шувалов был её президентом до 1763). Но свое положение устойчивым Шувалов не мог считать, императрица старела, что ждало его после ее кончины? Во время работы над портретом еще никто не знал, что в 1762 году пройдет коронация Екатерины II, и для Шувалова наступит период опалы. Он срочно покинет Россию и много лет проведет за ее пределами. Уже в первой своей крупной работе Рокотов обнаружил не только высокое мастерство, но и некий таинственный дар предвидения грядущей судьбы своих героев.

В Петербурге. Цари и царедворцы.

Итак, покровителем Рокотова оказался могущественный царедворец и культурнейший человек. Огромное влияние на художника оказало знакомство с М.В.Ломоносовым. Думается, что тема человеческого достоинства, столь явственно звучащая в портретах Рокотова, была определена не без влияния гениального ученого и литератора, каким был Ломоносов. По протекции И. И. Шувалова и рекомендации М. В. Ломоносова в 1757 году художнику было поручено исполнение мозаичного портрета императрицы Елизаветы Петровны, заказанного для Московского университета. Эта работа имела успех. После кончины Елизаветы, Шувалов, искусный дипломат, порекомендовал Рокотову написать портрет вошедшего на престол Петр III и преподнести

свою работу царю в качестве дара. Художника заметили при дворе. Рокотов получил звание адъюнкта (то есть он стал преподавателем вновь созданной Академии). В 1763 году он пишет портрет будущего императора Павла I, изображает семилетнего непоседливого мальчика с чертами официальности, в парадном гвардейском мундире, с голубой лентой ордена Андрея Первозванного и в отороченной горностаем мантии. Затем сразу же императрица Екатерина II заказывает Рокотову свой портрет. В Петергофе художник пишет портрет с натуры императрицы в профиль и в полный рост – это один из самых лучших портретов Екатерины II, написанный посреди изысканной царской обстановки. Екатерина на его холсте – сгусток энергии, воли, ни перед чем не отступающей решимости. Навсегда в памяти всех русских людей сохранился величавый образ Екатерины II, запечатленный Рокотовым. За эту работу он получил звание академика. Несмотря на свои молодые годы, Федор Степанович Рокотов стал пользоваться успехом у столичной знати. Тогда было очень престижно вослед императрице заказать портрет у молодого художника. Появились такие сиятельные заказчики, как Голицын, Орловы, Голинищев-Кутузов. Казалось, жизнь, что называется, удалась. Только удовлетворения Рокотов не испытывал. Причина была в том, что в Академии процветало низкопоклонство перед любыми заезжими художниками. Приезжих иностранцев лелеяли, угождали их прихотям и капризам. К русским относились равнодушно, подчас с небрежением. Кто мог — приспосабливался. Но не Рокотов, он не страдал гордыней, но имел чувство собственного достоинства, привитого ему Ломоносовым и Шуваловым. Однажды Рокотова обошли званием адъюнкт-профессора. Обошли несправедливо, и от этого было еще обиднее.

Преподавательская работа, рутинная и однообразная, отнимала массу сил и времени. Кроме того, президент Академии И.И.Бецкой запретил художникам, преподававшим в классах, заниматься собственной творческой деятельностью, что для Рокотова было неприемлемо. Художник не мог и не желал мириться с прихотями Бецкого и мелочными придирками. Доводилось бывать Федору Рокотову при дворе, но там становилось ему душно от бессмысленных дворцовых церемониалов, лжи, лести и интриг. Думается, что и отъезд Шувалова заграницу сыграл свою роль, ведь с его отъездом художник лишался крепкой поддержки, заступника и преданного старшего друга. Более всего нуждался Рокотов в свободе творчества, в Петербурге же он этого был лишен.

В Москву!

Здесь стоит коснуться еще одной загадочной страницы в биографии Рокотова. Некоторые исследователи считают, что художник совмещал занятия с живописью с учебой и службой в Сухопутном шляхетском корпусе, так как на его этюдах той поры изображены преимущественно кадеты. Якобы, дослужившись до ротмистра, Рокотов получил дворянство и вышел в отставку, посвятив себя живописи. Эта версия объясняет, как художник стал дворянином. Однако эту версию многие искусствоведы отвергают. Так или иначе, но в 1766 г. Рокотов уехал из Петербурга в родную ему Москву.

Здесь, вдали от официального Петербурга, художник встретился с людьми, проникнутыми идеалами просветительства, здесь художник нашел понимание, признание и благоприятные условия для творчества. Недоброхо-

ты писали, что художник «за славою стал спесив и важен». Рокотов, надо полагать, всегда помнил: он не из знати - и это определяло его подчас подчеркнуто-заносчивое поведение, направленное на тех, кто хотел унизить его. В Москве интеллектуальная жизнь била ключом, и время с конца 1760-х гг. до начала 1790-х гг. стало периодом наивысшего расцвета портретного мастерства художника. Он написал «всю Москву», заказов было множество. Рокотов не стремился подчеркивать внешние достоинства своих моделей — яркость и красоту лиц, пышность нарядов, напротив, его привлекал внутренний мир человека, личность и обаяние натуры, зыбкость и переменчивость затаенных чувств и переживаний. Порой он создавал целые галереи портретов представителей одного рода в различных его поколениях. Рокотов так великолепно передавал характер портретируемых еще и потому, что он поддерживал дружеские связи не только с главами семейств, но и со всеми домочадцами.

«Ее глаза как два тумана».

Именно такие отношения сложились у художника с четой Струйских .Дочери провинциального помещика Александре Озеровой, Сашеньке, было семнадцать лет, когда ее руки попросил Николай Струйский. Он был старше ее на пять лет, казался ей взрослым, девушке льстило его предложение. А еще судьба жениха трогала до глубины души не только Сашеньку, но и всех ее близких. Де-

ло в том, что во время пугачевского восстания у Николая были казнены все его родственники. Он остался совершенно одиноким, но оказался наследником многочисленных поместий, очень и очень богатым человеком. Встретив у знакомых Сашеньку, молодой помещик влюбился без памяти. Его чувства не остались безответными. Родители охотно благословили молодых. После венчания Струйский заказал своему знакомому, Федор Рокотову, два портрета: свой и юной жены. Спустя два столетия, один из посетителей Третьяковской галереи, увидев портрет Александры Струйской, написал:

«Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза - как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза - как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Её прекрасные глаза».

Кто не знает этих волшебных строк?! Это стихотворение считается жемчужиной русской поэзии двадцатого века. Написал его тончайший лирик Николай Заболоцкий и обращены они к любимой жене поэта Екатерине, любовь к которой прошла сквозь чреду сложнейших испытаний. Стихотворение отражает многообразие чувств. В строках неразрывно соединились модель портрета, художник, изобразивший эту модель, поэт, потрясенный образом, и его внутренний мир, переживания, сквозь призму которых он воспел портрет кисти Рокотова. В Третьяковской галерее у портрета Александры Струйской всегда собираются посетители, безмолвно любуются изяществом и романтичностью образа. Думается, лучше Заболоцкого никому уже не удастся описать портрет Струйской кисти Рокотова. Поэтому приведу лишь некоторые малоизвестные факты из биографии этой удивительной женщины. На портрете она совсем юная, и ей ее судьба неведома. Рокотов, имея пророческий дар, увидел в ее взоре предвосхищенье нелегких испытаний. Его пророчество исполнилось. Жизнь Александры Струйской была нелегка. Она родила восемнадцать детей(!), большинство из которых умерло в младенчестве. Муж любил ее безумно, в пензенской губернии в поместье Рузаевка он в качестве свадебного подарка Александре построил изумительный храм Святой Троицы по плану Баженова и роскошный дворец по проекту Растрелли. Будучи натурой нервной и увлекающейся, однажды он, проиграв немалые средства, заложил в картежном азарте свою обожаемую жену. И, будучи разбуженной ночью, Александра узнала, что муж проиграл ее в карты. Ситуация разрешилась благополучно, но каково потрясение! Николай Струйский был графоманом, писал тяжеловесные бездарные стихи, завел прекрасную типографию, где и пе-

чатал свои вирши. Но он же оборудовал пыточную, где пытали провинившихся крепостных. Один из ее сыновей, Леонтий, забил до смерти крепостного, за что был лишен всех прав и отправлен на каторгу. Сын Леонтия, внук Александры Струйский - талантливый русский поэт Иван Полежаев, поэт трагической судьбы… Но вернемся к нашему герою, Федору Рокотову.

Закат.

1770 – 80 - ые годы оказались наиболее плодотворными в его жизни и творчестве. Со второй половины 1790-х гг. он уже не мог работать, писал гораздо реже, а в последние годы жизни совсем не работал — стал плохо видеть, спрос на его картины значительно упал. Художник умер 24 декабря 1808 г. и был похоронен племянниками на кладбище Ново-Спасского монастыря. Смерть его прошла незамеченной современниками. Остается загадкой, почему в XIX веке Рокотов был совершенно забыт. Могила художника не сохранилась. Открыл художника век двадцатый. Именно тогда пришло осознание, что Рокотов – величайший художник-портретист, который создавал возвышенно идеальные образы, приподнимая человека, делая его лучше и чище. Остается добавить, что автор лишь слегка коснулась темы творчества Рокотова, описав два своих самых любимых портрета. А ведь их более 140, за каждым - эпоха, судьба, тайна внутренней жизни человека, которую знал Рокотов, и которую нам предстоит разгадывать.

Илья Репин: этюды творчества.

«В русском искусстве нет художника, который был бы так всенародно популярен, как Репин. Это знают все, и может проверить каждый. Кто бы ни был, ваш собеседник, ...спросите его сразу, врасплох: «Кто знаменитейший из русских художников?», ответ будет один: « Репин!» Его имя приходит первым. Наша память и мысль подсказывают его, прежде всего. Он - воплощение национальной славы русской живописи. Он - самый полномочный из ее представителей. В общенародном сознании, это - Русский Художник, с двух заглавных букв».

(Эфрос А.М.)

Время для юбилея.

5 августа 2014 года исполнилось 170 лет со дня рождения Ильи Ефимовича Репина. (1844-1930). С юбилеями великому художнику не повезло. Семидесятилетие совпало с началом Первой мировой войны. 75-летие – с революционными событиями, когда к нему Советская власть относилась почти с подозрением, ведь несмотря на приглашение, написанное лично Калининым, художник не пожелал возвращаться в Советскую Россию. Потом власть предержащие рассмотрели в творчестве Репина и державность, и патриотизм, и огромную любовь к своему народу. Но столетие со дня рождения отметить так и не удалось, ведь в огневом вихре Великой Отечественной войны было не до

юбилеев. Увы, в 2014 году землякам Художника в Харьковской области ближе и интереснее другие исторические персонажи. Скромно отметили 170-летие со дня рождения Репина и в России. Действительно, юбилей – это возможность вспомнить. Но феномен Репина состоит в том, что он своим творчеством вошел в народную душу, наше национальное сознание, и там вот уже почти полтора столетия живет. И творчество Художника занимает прочные позиции, успешно выдерживая и лихолетья переворотов, и военные нашествия, и годы культа личности, и хрущевской оттепели, и перестройки, и все турбулентные события начала 21 века. Ну, кто же не знает хрестоматийную картину «Бурлаки на Волге»? А «Иван Грозный и сын его Иван»? Как близка нам картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Его портреты дают нам возможность не только увидеть и представить лица титанов духа минувшей эпохи, но заглянуть в мир их души, лучше понять их творчество. О мгновениях репинского творчества, наполненных титаническим трудом, озаренных вдохновением, наш признательный рассказ как благодарность Мастеру, как дань памяти.

Лошадка на стекле.

Когда чугуевцы проходили мимо дома Репиных, они всегда замедляли шаг: уж очень хороши были лошадки, вырезанные из бумаги и наклеенные на стекла окошек. Все знали, это работа Илюши, сына отставного солдата, внука хозяйки постоялого двора. Он родился на Харьковщине, в Чугуеве, в военном поселении. Отец – отставной солдат, прошел несколько войн, женился поздно, мать – женщина грамотная, любила читать. Семья была дружная и небедная. Отец торговал лошадьми. То, что Илюша имеет дар

рисовать, в семье заметили рано. Поощряли его увлечение. А он мечтал об одном: подрасти и начать учиться рисовать красками. Мечта сбылась. Подростка отдали родители в топографическую школу, с увлечением стал Илья учиться, но школу расформировали. Благо, Чугуев славился иконописцами, вот и отдали юного Репина учиться иконописи.

Покорить Петербург, имея сто рублей.

Одаренный юноша стал работать наравне с опытными иконописцами. В православном краю без работы они не сидели, часто приглашали мастеров расписывать храмы и монастыри, выполнять отдельные заказы. Однажды представилась работа в Воронежской области, в городке Острогожск. Именно там услышал Репин рассказ об Иване Крамском. Иван Николаевич Крамской (1837 – 1887) был уже хорошо известен в художественных кругах России. Земляк воронежцев высоко взлетел. Одаренный художник, Крамской сумел поступить в Академию художеств и стал знаменитым художником. Рассказ взбудоражил молодого Репина. Мечта об учебе в столице не давала покоя. За работу в Воронежских краях получил молодой художник сто рублей. В семье в то время наступили трудные времена. От неизвестной болезни пало поголовье лошадей, которые отец рассчитывал продать. Родители были разорены. Но стремление к дальнейшей учебе Ильи они поддержали, и со своими кровными ста рублями отправился юноша покорять столицу.

Крамской.

Из воспоминаний Репина «Далекое и близкое» мы узнаем, что юный провинциал, прибыв в Петербург, был уверен, что ста рублей хватит надолго, что в Академию художеств

его непременно примут. Увы, завоевать столицу сходу не удалось. Деньги быстро кончились, пришлось искать работу, причем, выбирать не приходилось, красил крыши, не гнушаясь никаким трудом. Сразу попасть в Академию художеств ему не удалось, зато поступил в Рисовальную школу Общества поощрения художников. На одном из занятий Репин увидел Крамского, который преподавал в Рисовальной школе. Работы Репина заинтересовали мастера. Он подошел поближе и стал давать советы. Эта минута стала воистину судьбоносной в творчестве Репина, надолго определила его путь в живописи. Между признанным мастером и безвестным провинциалом завязалась беседа. Взволнованный юноша рассказал Крамскому, что довелось ему побывать на воронежской земле, что работал на родине мастера в Острогожске. Дух землячества! Во времена Репина он был силен в среде русской интеллигенции. А еще было стремление помогать одаренной молодежи, бескорыстно и самоотверженно. Крамской приглашает Репина в свою мастерскую. Беседы с мастером, его советы… как много они дали молодому художнику. А еще Репину довелось пережить подлинное потрясение. Он увидел в мастерской Крамского его эскизы к будущей картине «Христос в пустыне». Эмоциональная выразительность изображенного была живой, далекой от холодного академизма, которая господствовала тогда в официальной живописи. Христос на полотне Крамского являл идеал человека, исполненного высоких духовных помыслов. Поразила Репина и техника Крамского: тщательная прорисовка деталей, световое моделирование, цветовая гамма – все это будет позднее он использовать в своем творчестве. Стало ему понятно, почему Крамскому тесно в рамках академических. Вскоре Крамской покинет Академию художеств и станет одним из

основателей движения передвижников. Ну, а для юного Репина Академия художеств пока была желанной мечтой.

Бурлаки.

Подлинно судьбоносными в творчестве Репина стали мгновения, которые он пережил одним летним днем, когда он совершал поездку по Неве, которую он предпринял с другом художником Савицким. Вот как он сам описывает тот день в книге «Далекое - близкое»: «Погода была чудесная… К раннему полдню мы проезжали роскошные дачи… все это оживлялось блестящей, разряженной публикой, великолепным цветником барышень… Моя живая картина была само солнце без пятен…«Однако что это там движется сюда? – спрашиваю я у Савицкого. – Вот то темное, сальное какое-то, коричневое пятно, что это ползет на наше солнце?» - «А! Это бурлаки бечевой тянут барку…». Кто же такие бурлаки? Для наших молодых читателей даем пояснение. Бурлаки – это наёмные рабочие в России XVI - начала XX вв. Они шли по берегу и тянули при помощи бечевы (канат или трос для буксира) речное судно против течения. В XVIII—XIX вв. такие судна назывались расшивами. Расшива – парусное речное судно. По течению судно двигалось с помощью паруса, а против течения его

тащили бурлаки. Работа бурлаков была сезонной, по «большой воде»: весной и осенью. Работали они артелью, и труд их был крайне тяжёлым. Не все справлялись, многие умирали, и тогда на берегу реки оставались только небольшие бугорки – безымянные могилы.

Увиденное так запало Репину в душу, что он страстно захотел написать картину на эту тему. И картина была написана в 1873 году. Она стала великим явлением в русской живописи. Недаром критик Стасов писал: «Ни одна другая картина не может сравниться с ней по глубине содержания, по историческому взгляду и силе правдивости». Но кто, кроме специалистов, знает имя человека, который сыграл решающую роль в рождении этого шедевра, без помощи которого, может быть, мир не увидел бы гениального репинского творения? Речь идет о великом князе Владимире Александровиче, третьем сыне императора Александра. Посещая Академию художеств, где он был заместителем президента, князь увидел репинские этюды с изображением бурлаков. Имея прекрасный художественный вкус, он выделил этюды из десятков других работ и сделал художнику заказ: написать картину, за которую князь заплатил три тысячи рублей. Друзья посоветовали ему отправиться на Волгу, где можно было увидеть настоящий тип бурлака. Почти всё лето 1870 г. Репин и его друзья-художники провели на Волге, в 15 верстах от Самары, недалеко от Жигулей. Художник делал наброски, эскизы, изучал лица и характеры бурлаков, даже шагал рядом с ними по берегу Волги, чтобы почувствовать их состояние. Три года шла работа. Давайте взглянем на картину. (Оригинал хранится в Русском музее Санкт-Петербурга). Одиннадцать бурлаков идут по берегу Волги в жаркий день. Они устали, измучены тяжким трудом и

палящим солнцем. Ноги их вязнут в глубоком раскалённом песке, путь кажется бесконечным… Но когда группа бурлаков приблизилась, можно рассмотреть их лица. Репину мастерски удалось передать индивидуальные черты каждого из них, ведь он каждого знал лично и по именам, а перед зрителями картины предстают завершенные образы. Давайте задумаемся: если бы Репин изобразил лишь тяжкий труд – стало ли бы это его произведение любимейшим, подлинно народным? Вряд ли. Убогость и нищета не заслонили от художника чистоты и крепости русского народного характера. Картина пронизана глубокой и страстной верой в народ, в его будущее возрождение. Оконченная Репиным в 1873 г., картина очень понравилась Великому князю Владимиру Александровичу. С великим князем у художника отношения сложились дружеские. Князь купил «Бурлаков» и отправил на всемирную выставку в Вену, которая состоялась в том же 1873 г. Картина имела ошеломляющий успех. В дальнейшем и другие картины Репина покупались членами царской семьи.

Канва судьбы.

В 1873 г. Репин закончил Академию и как лучший выпускник получил возможность съездить за казённый счёт во Францию и в Италию. Вернувшись в Россию, Репин снова обратился к реалистическим сюжетам. Центральная работа этого периода - «Крестный ход в Курской губернии» (1880-1883 гг.). В 80-х гг. Репин написал несколько картин, героями которых стали революционеры: «Отказ от исповеди» (1879-1885 гг.), «Арест пропагандиста» (1880-1892 гг.) и самую известную из них — «Не ждали» (1884-1888 гг.). В этих работах сказались все достоинства живописной манеры мастера: точность портретных характеристик, тща-

тельно выверенная композиция, отношение к современности как к событиям исторического масштаба. Ко времени расцвета таланта Репина относятся его знаменитые картины на исторические сюжеты «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1885 г.) и «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878-1891 гг.). Художника привлекали не переломные моменты в истории, а ситуации, в которых наиболее полно раскрывались те или иные человеческие чувства и состояния. Так, в полотне «Иван Грозный и сын его Иван» важны не столько приметы времени, сколько сильные, поистине шекспировские чувства. Главное в этой работе — глаза царя, в которых боль, ужас, отчаяние и раскаяние почти перешли в безумие. Исторические декорации лишь подчёркивают важность чувств, а также позволяют персонажам Репина открыто выражать их.

Гениальный портрет.

Пожалуй, самыми плодотворными годами в творчестве Репина был конец 70-х – 80-г.г. Лучшие произведения созданы художником в этот период… Это было в самом начале Великого поста. Илья Ефимович приехал в Москву для участия в передвижной выставке. Там он и узнал, что композитор Модест Мусоргский находится в больнице, в очень тяжелом состоянии. Мусоргского Репин хорошо знал, музыку композитора любил, ее творца уважал безмерно и преклонялся перед его талантом. Пришло решение написать портрет композитора. Встреча с другом-художником оказала на Мусоргского целебное действие. Он приободрился,

повеселел. Повезло и с погодой. Палату в дни работы над портретом заливало солнце. Репин работал вдохновенно. Мольберта не было. Художник примостился за столиком, Мусоргский сидел у стены. Она и стала фоном портрета. Никаких деталей. Потом, когда композитора не стало, современники говорили, что Репин изобразил друга на фоне облаков, неба, Вечности. На всю работу ушло четыре дня. Портрет поражал современников абсолютным сходством. То, что Мусоргский скончался через несколько дней после завершения работы над портретом, придавало новому произведению Репина особенную глубину и драматизм. Но есть в этом портрете и еще то, что бы мы назвали тайной творчества, загадкой гения. Ведь не смотря на изображение на портрете больного человека, мы чувствуем дух композитора, взгляните на его горящие глаза, упрямую посадку головы, не услышите ли вы вечные звуки «Хованщины» или «Бориса Годунова»?! Недаром Владимир Стасов сказал о портрете Мусоргского: «Даже если бы Репин оставил нам только этот портрет, то и тогда он бы занял ведущее место в русской живописи».

Письмо турецкому султану.

Картину Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» в России и на Украине знает и стар, и млад. А знаете ли вы, что написал султан Мехмет IV в 1676 году запорожским

казакам? Он горделиво перечислял все свои титулы и грозно требовал: «Повелеваю вам, чтобы вы добровольно поддались нам со всеми людьми». Надо сказать, что, присваивая себе славные титулы, султан имел основания похваляться своей силой. В то время православные христиане Восточной Европ, были порабощены турками, платили османам многочисленные дани. На Кипре еще не забыли, как платили туркам харадж, налог на православную веру. Однако была сила, которая не поддалась туркам, оказывала им сопротивление, это были запорожские казаки. Получив оскорбительное письмо султана Мехмета, они вместе со своим атаманом Иваном Серко решили написать ответ. Каждый из «титулов» султана был заменен на обидное прозвище. «Жмот», «аспид», «гонец сатаны» - самые безобидные из десятков соленых словечек, которые развенчивали турецкого владыку и показывали его ничтожество по сравнению с мощной силой свободолюбия казаков. Гордые слова «Не поддадимся тебе, и биться с тобой будем», - завершали послание. Илья Ефимович Репин услышал текст письма в 1880 году на одном из вечеров, где собрались художники и писатели. Под впечатлением от услышанного, Репин тотчас же карандашом набросал эскиз будущей картины, возникшей в его мыслях. И уже весной 1880-го, взяв с собою любимого ученика Серова, он поехал на Украину. Художник не только зарисовал старинные укрепления, сохранившиеся в том месте, где когда-то находилась Запорожская Сечь, но и создал несколько десятков образов разных местных казаков. Еще ранее он познакомился с профессором Д. И. Яворницким, специалистом по истории Запорожья. Узнав о замысле новой работы Репина, тот стал охотно помогать ему, предоставив в неограниченное пользование собст-

венную коллекцию малороссийского оружия того времени, курительные люльки, казацкие сапоги. 12 лет работал художник над картиной. «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» - сложная многофигурная композиция, в которой мастер добился впечатления свободы удали. Казаки на полотне Репина так заразительно хохочут, что некоторые критики называли картину «симфонией смеха». Кажется, здесь изображены все разновидности смеха: от громогласного хохота до сдержанного хихиканья, — вся мимика и позы смеющихся людей. Однако, Репин не очень любил, когда его «Запорожцев» сводили лишь к панораме народного веселья, - он вкладывал в полотно высокую идею. Недаром во время работы над картиной художник читал и перечитывал «Тараса Бульбу» Гоголя. Тема казачества имеет на полотне героическое звучание. «Наше Запорожье меня восхищает этой свободой, этим подъемом рыцарского духа, - писал художник. - Когда целыми тысячами славяне уводились в рабство сильными мусульманами, когда была поругана религия, честь и свобода, эта горсть удальцов не только защищает всю Европу от восточных хищников, но грозит даже их сильной тогда цивилизации и от души хохочет над их восточным высокомерием». «Запорожцы» для Репина были не просто одной из картин на исторический сюжет. Они являлись для него неиссякаемым источником веры в силу народную, живым свидетельством богатства народной души, заветной мечтой о великом и прекрасном будущем народа.

Любимые женщины.

Музы великих художников… Они разные, красавицы и просто симпатичные, талантливые и не очень. Женщины, которые вошли в историю потому, что их любили великие

творцы, что выпало им вдохновлять любящих их мужчин на творчество. В репинском художественном наследии есть женские портреты. Их немало. Сам Репин, несколько смущаясь, говорил: «Ну, что поделать, люблю разнообразие…». Однако в жизни художника две женщины сыграли особую роль. Первой любовью Ильи Репина была юная Верочка Шевцова, дочь преподавателя рисования и черчения, которая уже с девяти лет терпеливо позировала начинающему художнику. Она стала женой Репина в шестнадцать лет, сразу заняла место в его рисунках и этюдах. Будучи на десять лет младше Репина, юная Шевцова едва ли соответствовала интеллектуальному уровню своего гениального супруга, однако была девушкой участливой, дружелюбной и по-детски непосредственной. Репин писал жену самозабвенно. Она подарила художнику четверых детей. Вера Алексеевна целиком и полностью разделяла интересы мужа, и была музой в течение многих лет. Они расстались в 1887 году, разочаровавшись друг в друге. Современники вспоминали: «Дом Репиных был открыт и доступен широкому кругу столичной интеллигенции. На молодежных вечеринках, обыкновенно в субботу, собиралось по многу десятков человек. Илья Ефимович любил пылкие дискуссии и ярких, умных, самостоятельных женщин. У Веры же были почти домостроевские взгляды на жизнь: подчиняться мужу, исполнять долг жены, заботиться о детях». Супруги расстались. Влюблялся Репин многократно, и всегда избранницами его сердца становились женщины интеллектуальные, высокодуховные и, разумеется, те, кто мог по достоинству оценить его талант. Но самой серьезной его любовью стала необычнейшая из всех женщин, которых он встречал в своей жизни: Наталья Нордман. Именно она, во всем полная противоположность

Веры Швецовой, стала его второй женой. Они оба уже были не молоды, когда встретились, но любовь между Ильей Репиным и Наталией Нордман вспыхнула как фейерверк, поразила, ослепила и шокировала всех знакомых. Однако, эта любовь и угасла стремительно, оставив у окружающих чувство горечи и недоумения: всем казалось, что подобное чувство должно быть вечным. «Эта женщина проглотила Репина целиком», - писал Василий Розанов. Наталья Нордман была яркой натурой, но слишком эксцентричной и шумной. Она покинула художника за год до своей смерти в 1913 году.

«Пенаты» в Куоккале.

С 1899 г. Илья Ефимович жил в своём имении «Пенаты» в Куоккале, вследствие чего в 1917 г. оказался за рубежом — в Финляндии. Несмотря на приглашения вернуться на родину, Репин, не одобрявший политики советской власти, так и не вернулся в СССР, передав при этом свои картины в дар России (большинство из них хранятся в Третьяковской галерее). Умер художник 29 сентября 1930 г. в Куоккале (ныне Репино Ленинградской области).

Певец моря.
Рассказ об Иване Айвазовском.

Детство.

- Ованес! Ованес!

Мальчик слышит голос мамы Репсиме. Надо бежать, пора идти в кофейню, где он подрабатывает, помогая семье. Трудится Ованес с удовольствием, мальчик проворен и быстр. Но уходить с моря совсем не хочется, Ованес готов пропадать на берегу Феодосийского залива часами. В порт входят суда, уходят в море рыбацкие лодки, какое ласковое море в штиль, и какое грозное море в шторм. Как здорово плыть, борясь с волнами! А еще Ованес любит на берегу рисовать картины, которые он создает на песке тонким прутиком. Они, увы, недолговечны, вот набежала волна и смыла его рисунок, надо начинать снова. Но не сегодня, сейчас надо бежать домой, мама зовет и волнуется.

Семья мальчика далеко не богата, а порой и вовсе бедствует. Знавала семья и лучшие времена. Отец, одаренный, предприимчивый и смекалистый, знает турецкий, венгерский, польский, украинский, русский и даже цыганский языки. В Крым приехал из Галиции, где семья оказалась после турецкого завоевания Западной Армении. В Феодосии стал Геворк Айвазян Константином Григорьевичем Гайвазовским, переделав фамилию на польский манер. В те времена Феодосия стремительно росла, становилась международным портом. Геворк переезжает в Крым, весьма успешно занимается торговыми операциями. Но,

увы, все успехи предприимчивого купца свела к нулю эпидемия чумы, вспыхнувшая после войны 1812 года. Геворк разорился. В семье было шестеро детей. Есть еще три сестры и два брата. Старший брат - Александр, вызывает у Ованеса особенное уважение. Способный к наукам, он успешно закончил армянскую приходскую школу, родители его отдали в обучение к аббату Минасу, который способствовал направлению юноши в Венецию, на остров св. Лазаря. Там есть религиозная община армян (конгрегация). Ованес тоже ходит в армянскую школу, освоил родной язык, знает и русский. Мальчик работает в кофейне, исполняя мелкие поручения, а еще может порадовать посетителей игрой на скрипке, причем никто его не учил, выучился сам. Все знакомые говорят: «Мальчик-то у Геворка способный. Говорят, его игра даже губернатору нравится!» И это правда, однажды градоначальник Александр Казначеев, услышав игру Ованеса, похвалил юного музыканта. И все же главная радость – рисование. Их скромный домик выбелен известкой, стены белые-белые. Они похожи на лист бумаги. О бумаге и мечтать не стоит, нет средств: мама с утра до вечера вышивает, чтобы свои чудесные вышивки отнести на рынок и продать, пополнив семейный бюджет. «Ну, что ж, возьму-ка я уголек, да и нарисую картинку на стене, авось, отец не заругает», - рассуждает юный художник, нанося на белой стене черным угольком штрихи, которые складываются в картину, а на ней - любимое море и кораблик. Отец замечает рисунок на стене, но не сердится, да и как сердиться, если об этой картинке сказал доброе слово господин Кох, городской архитектор. Он даже передал для Ованеса карандаши, бумагу и краски, и сказал, что будет давать мальчику уроки рисова-

ния. Отец задумчив, судьба Ованеса его волнует, тревожно и радостно на душе, что-то ждет его мальчика впереди.

Отрочество.

Нельзя не отметить, что Айвазовскому в жизни везло на счастливые встречи и хороших добрых людей. Вот губернатор Казначеев, ну, казалось бы, какое ему дело до бедного армянского мальчика? А ведь, поди ж ты, предложил определить Ованеса в Симферопольскую гимназию. И вот наш герой уже не Ованес, а Иван Айвазовский, и в тесном гимназическом мундирчике прилежно ходит на уроки. Любимый предмет, как не трудно догадаться, - рисование. Его талант настолько ярок и уникален, что нельзя не обратить внимание на юного Айвазовского. Супруга таврического губернатора Александра Нарышкина отмечает подростка, приглашает в свой дом, где Иван может вволю рассматривать книги о живописи и коллекции гравюр, читать книги из богатейшей библиотеки. И вот опять везение: Нарышкина решила похлопотать за Ивана и пишет письмо президенту Петербургской Академии художеств Оленину с просьбой устроить мальчика в Академию с полным пансионом. В письме она подробно описала таланты Айвазовского, его жизненную ситуацию и приложила рисунки. Оленин оценил талант юноши, и вскоре Иван был зачислен в Академию художеств с личного соизволения императора Николая I, также увидевшего присланные рисунки. В возрасте 13 лет Иван Айвазовский стал самым юным учеником Академии художеств за все годы ее существования. Как видим, далеко не все талантливые люди несчастны, редким избранникам судьба благоволит, передавая их из рук в руки надежным и влиятельным покровителям, которые умеют разглядеть юный талант.

Ученик и учитель.
Петербург поразил Айвазовского мощью имперского величия, Балтийское море отличалось от любимого Черного, и все же это была его любимая стихия. Но самое главное – учитель. Опытный педагог пейзажист Максим Воробьев сразу оценил таланта Айвазовского, уникальный и яркий по силе воздействия на зрителя. Художественное образование, теоретическая база, которые преподавал учитель, были шлифовкой того дара, которым наделил мальчика из Феодосии Господь. Но был и еще один дар, - это необычайное трудолюбие, терпение к черновой работе, - а это так необходимо любому творцу. Воробьев прекрасно понимал, что очень скоро ученик превзойдет учителя. Это его нисколько не огорчало, напротив, он был счастлив, наблюдая развитие столь прекрасного таланта. Больше того, он порекомендовал Айвазовского Филиппу Таннеру, французскому маринисту, прибывшему в Петербург.

Гений и злодей.
Сегодня вряд ли, кто в России, кроме специалистов, знает имя французского мариниста Филиппа Таннера. А во времена Айвазовского его имя гремело в Европе. Он считался непревзойденным мастером морских видов. Его пейзажи сияли и завораживали. Этому сиянию было и объяснение, художник использовал краски-лаки. Успех совсем испортил характер мариниста, и без того капризный и высокомерный. Коллеги-художники не любили Таннера, который ко всем относился с нескрываемым презрением, считая себя единственным гением из всех. Взаимная неприязнь была настолько сильной и неприкрытой, что в 1835 году переросла в грандиозную ссору, после чего Филипп Таннер посчитал Францию неблагодарной и необразован-

ной страной, где его талант не оценили по достоинству. Скандальный отъезд из родных мест привел художника-авантюриста на бескрайние просторы далекой и неведомой России. В России традиционно перед иностранцами преклоняются, а тут такая «звезда» прибыла. Заезжий француз открыто презирал российские порядки, обычаи, с людьми был откровенно груб, поражал окружающих надменностью. Однако при дворе императора славился особой изворотливостью, фальшью и лестью. Поначалу император Николай I благоволил Таннеру. Маринист получил официальное поручение императора Николая I запечатлеть на холсте важнейшие русские морские порты. Картины удались. Аристократическая знать вереницей стояла в очереди на заказы у Таннера, он стал знаменит и вошел в моду. Корыстолюбивый француз набрал огромное количество заказов, выполнить которые ему было просто не под силу. Тогда ему на ум пришла мысль создать мастерскую, в которой на него будут работать подмастерья. Таких работников Таннер решил пригласить из Академии художеств, обещая взамен бесплатный мастер-класс по обучению морской живописи. Среди рекомендованных, конечно, был и Айвазовский. Француз сразу разглядел, что Айвазовский не просто одаренный ученик, что его талант огромен. Это француза не обрадовало, и он свалил на ученика всю черновую работу. Таннер отнюдь не жаждал заниматься обучением, ему в первую очередь нужен был слуга. Пытливый юноша все же упорно учится у своего нелюбезного наставника, Айвазовский изучает манеру Таннера написания воды и воздуха. Но петербургский воздух, а точнее сырость, сыграла с юным Айвазовским злую шутку, он заболел лихорадкой. Сказалось и переутомление, поскольку француз просто эксплуатировал своего ассистен-

та. Приступ болезни случился в доме президента академии Оленина. Тогда Оленин и произнес: «Этот француз все жилы из нашего Айвазовского вытянул», и посоветовал не возвращаться более к Таннеру, а готовить собственные картины к предстоящей академической выставке. Айвазовский последовал совету Оленина. Таннер был в бешенстве, когда одна из картин юного подмастерья получила серебряную медаль. Тогда-то Таннер и нажаловался императору: «Без моего разрешения, нарушая субординацию, Айвазовский выставил свои картины на выставке». Император не одобрял нарушений субординации и велел снять с выставки картины Айвазовского. Наш герой очень переживал эту ситуацию, но история вызвала волну сочувствия в разных кругах общества. Для многих представителей русской интеллигенции событие выглядело как «наших бьют!». Приехал, мол, француз, мало того, что заказы у русских художников отнимает, так еще и охаял студента талантливого, под царскую немилость подвел. Таннеру устроили невеселую жизнь: на выставках при его появлении студенты начинали шикать и свистеть. Наконец, Николаю I надоели постоянные жалобы на француза, и государь отослал его из России, а Айвазовскому высочайшее покровительство было возвращено.

А вот другой иностранец, великий английский художник-маринист Тернер, посвятил Айвазовскому такое стихотворение: «На картине твоей вижу луну с ее золотом и серебром, стоящую над морем, в нем отражающуюся. Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок… Прости мне, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел

мною. Искусство твое вечно и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений».

Улыбка судьбы.

Император Николай I наградил Айвазовского и даже отправил его вместе со своим сыном Константином на Балтийский флот. Цесаревич, капризный и избалованный, подружился с художником. Вновь благосклонная улыбка судьбы, совершенно не стремясь к монаршей милости наш герой умел вызывать симпатию в среде Романовых. Цесаревич изучал основы морского дела и руководство флотом, а Айвазовский изучал устройство корабля, мечтая о работе над сценами морских боев.

Сложно создавать на холсте сцены морских сражений писать батальные сцены без этих знаний. В академии и здесь пошли навстречу юному художнику и вскоре известный художник, специалист по батальным сценам. Зауервейд стал учителем Айвазовского по классу батальной живописи. Через несколько месяцев, в сентябре 1837 года, на академической выставке Айвазовский представил шесть картин, которые имели оглушительный успех. Талантливый студент получил золотую медаль за картину «Штиль», после чего руководство Академии приняло решение выпустить художника из учебного заведения, поскольку оно ему ничего уже не могло дать. В двадцать лет (!) Иван Айвазовский стал самым молодым выпускником Академии художеств (по правилам ему полагалось учиться еще три года). Последовало и замечательное поощрение: оплачиваемая поездку в родной Крым на два года, а затем предполагалось и заграничная стажировка на казенный счет. Счастливый художник устремился в родную Феодосию.

Творчество. Крымская сказка.

Родная земля и морские дали вдохновили художника на целую серию прекрасных морских пейзажей. В то время была написана картина «Лунная ночь в Крыму. Гурзуф».

Мне посчастливилось бывать в Гурзуфе несколько раз, подолгу там жить. И каждый раз, рассматривая репродукцию этого шедевра Айвазовского (оригинал находится в Сумском областном художественном музее на Украине), диву даюсь: как мог художник наполнить холст не только красками, но и звуками и ароматом Южного берега Крыма. Это магия Айвазовского, стоишь у картины и слышишь тихий плеск черноморских волн, серебрящихся под Луной, пение цикад, звон струй старинного фонтана «Ночь», который находится неподалеку от того места, которое изображено на картине мастера. И как тут не вспомнить слова Тернера, адресованные Айвазовскому: «Прости мне, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое вечно и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений». В сентябре 1839 года Айвазовский был введен в звание художника. В Аттестате, который он получил в Академии, было написано следующее:

«Санкт-Петербургская императорская Академия художеств в силу своего устава, властью, от монарха ей дан-

ною, воспитанника своего Ивана Айвазовского, обучавшегося в оной с 1833 года в живописании морских видов, окончившего курс своего учения, за его хорошие успехи и особливо признанное в нём добронравие, честное и похвальное поведение, возводя в звание художника, уравняемого по всемилостивейшее данной Академии привилегии с 14-м классом и наградив его шпагою, удостаивает с потомками его в вечные роды пользоваться правами и преимуществами, той высочайшею привилегией таковым присвоенными».

Сражения. Художник на войне.

Если вы думаете, что наш герой наслаждался славой и покоем и проводил время на пленере в окружении восхищенных земляков, - то вы ошибаетесь. Не таков был Иван Айвазовский. И он не мог усидеть дома, когда неподалеку начались боевые действия. Тут надо пояснить нашим любознательным читателям, что шли сороковые годы XIX-го века. В то время Россия вела борьбу за Кавказ. Дело в том, что Крымское ханство и Грузия были уже присоединены к Российской империи. Но между этими вновь обретенными землями лежали владения мятежных и воинственных горцев, которые отчаянно сопротивлялись Русской армии. Это ныне Туапсе и Лазаревское уютные российские курортные городки. А в 1840 году крепость Лазаревская была захвачена черкесами. Командование морского генерального штаба принимает решение высадить на непокоренные земли де-

сант. Операцией командовал адмирал Михаил Лазарев, выдающийся флотоводец и мореплаватель. Зная о талантливом художнике, Лазарев решил пригласить Айвазовского принять участие в десанте, дабы потом запечатлеть событие на холсте. В отсутствии фотографий, это было единственной возможностью запечатлеть событие для истории. Художник с энтузиазмом согласился. Не забудем, что он был совсем молодым человеком, и тот факт, что ему выдали пистолет, безусловно, вдохновил Айвазовского. Кроме того, для него была даже изобретена должность: - «живописец главного морского штаба». Айвазовский ликовал, а тот факт, что на этой должности ему не платили жалования, нисколько не волновал художника. Он рвался в бой и проявил себя в военных действиях как храбрый воин. Десант был успешен. А в результате участия в операции Ивана Айвазовского появилась картина «Десант в Субаши», который стал важнейшим документом яркого эпизода Кавказской войны.

Муза. Художник и танцовщица.

Итак, наш герой молод, красив, талантлив и успешен. Его молодость в сочетании с высоким мастерством поражает. Он получил дворянство, свой первый чин. Сам Пушкин, повстречавшись с художником на выставке, выразил восхищение его картинами, а красавица-супруга поэта, Наталия Николаевна, сказала, что художник похож на Александра Сергеевича в юности. Талант Айвазовского признан коллегами, обществом, самим императором, который делает Айвазовскому заказы, покупает его картины. Кстати, «Десант в Субаши» приобрел император в свою личную коллекцию. Мальчик из Феодосии сделал блестящую карьеру благодаря таланту, труду и, конечно, везению. Он –

художник. А у художника просто обязана быть муза. Была таинственная муза и у нашего героя. Почему таинственная? Мы коснемся сейчас истории удивительной. О ней все биографы художника непременно сообщают, излагая красочно и поэтично историю первой любви художника. Но сразу скажем, что ни одного письма, воспоминания современников, какого-либо документа, подтверждающего эту романтическую повесть, не существует. И все же … Все случилось как в популярной песенке: «Жил –был художник один, краски любил и холсты…», только полюбил наш художник не актрису, а танцовщицу (впрочем, она была артистична необыкновенно). Имя музы – Мария Тальони. Она была старше Айвазовского на 13 лет, по тем временам их разделяла временная пропасть. В Петербург она приехала на гастроли в 1837 году известной балериной. На балет «Сильфида», в котором блистала талантливая итальянка, билетов было не достать. Вот, что пишут современники о фуроре, который произвела итальянка: «Высший свет буквально заболел танцами. Знатные дамы кинулись брать уроки у балерины. Сам Николай I, большой любитель балета, не скрывал своего восхищения Тальони. Его Императорское Величество не раз с цветами появлялся у нее за кулисами. Когда же сама императрица удостоила Марию личного внимания, самодержец не смог скрыть своего изумления: «Этого она не делала ни для одной артистки». Знакомство студента Императорской Академии художеств Ивана Айвазовского с Марией Тальони началось с курьеза: ее экипаж случайно задел его и он упал. Сердобольная дама довезла «жертву» до дома, а на другой день прислала ему билет на свой спектакль. Так он и начался, их неожиданный роман. А потом судьба разлучила художника и танцовщицу. Он уехал в Крым, она –

вернулась в Европу. Однако не будем забывать: за отличные успехи выпускника Академии художеств ждала награда: поездка заграницу. И, конечно, Италия – была обязательна для стажировки. Он мечтал о новой встрече. И вскоре встреча состоялась…

Мечты и тревоги.

Есть в Третьяковской галерее одна удивительная картина Айвазовского «Морской берег». Специалисты считают, что это один из первых шедевров великого мастера. Она написана перед отъездом заграницу. Замечательна картина тем, что художник передает не только вид бескрайнего морского простора, но и настроение предгрозового ожидания. Море еще не грозное, еще светлые волны у берега наполнены солнечными лучами. Но уже лиловые тучи закрывают белые облака, близко к берегу низко парят чайки, темнеет линия горизонта. На берегу стоит странник и всматривается в морскую даль. Что ждет его в этой неведомой дали? Не так ли и наш герой всматривался в свое неведомое будущее, отбывая за рубежи Отечества?

Пунктир судьбы. Триумфы.

Откровенно говоря, автор не задавалась целью пересказать биографию художника и описать все его работы. Это просто нереально в рамках этого повествования. Моя задача – заинтересовать любознательных читателей личностью художника и его творчеством. Картины Айвазовского в России широко представлены. Ведь за свою жизнь, а творил он до последнего мгновения своего земного бытия, Айвазовский создал шесть тысяч работ (!). Слова художника, вынесенные в эпиграф, могли бы стать девизом всей его жизни. Но давайте пройдем по пунктиру его судьбы, чтобы

ярче представить тот фон, на котором великий художник создавал свои шедевры. Итак, в 1840 году Академия Художеств отправляет Айвазовского в Италию, где он много работает. Видимо, от отца, который был купцом, наш герой унаследовал предприимчивость и умел свои работы выигрышно представить и находить богатых покупателей. В итальянских городах проходят выставки его работ, которые имеют огромный успех. Происходят в Италии и важнейшие встречи. Он знакомится с Николаем Гоголем и художником Александром Ивановым, который работает над своей великой картиной «Явление Христа народу». Оба творца оставили восторженные воспоминания об общении с Айвазовским. Художник встречается со своим страшим братом Гавриилом в армянском духовном центре на острове св. Лазаря недалеко от Венеции. Брат принял монашеский сан, стал профессором богословия и писал богословские труды. (Впоследствии он вернется в родную Феодосию и станет архиепископом, войдет в историю как выдающийся армянский просветитель, филолог, педагог, автор духовных произведений). Под впечатлением от встречи с ним и другими монахами художник создает мощное по силе воздействия полотно «Хаос». Картину пожелал купить сам Папа Римский. Услышав об этом, Иван Константинович лично подарил картину понтифику. Растроганный Григорий XVI вручил живописцу золотую медаль, а слава о талантливом маринисте загремела на всю Европу. Затем художник посетил Швейцарию, Голландию, Англию, Португалию и Испанию. В Италии состоялись встречи и с Марией Тальони, они подарили художнику счастливые моменты любви, но и горечь расставания. Балерина предпочла художнику балет. Не пробыв положенные для стажировки в Европе шесть лет, наш герой на два года

раньше возвращается в Россию. Его встречают восторженно, как гордость нации, Академия художеств присваивает Айвазовскому звание академика.

Крутой поворот.

Военно-морское ведомство России присудило Айвазовскому почетное звание художника Главного морского штаба с правом ношения адмиралтейского мундира. А вскоре художник получил ответственный заказ: написать все русские военные порты на Балтийском море. Заказ выполняется блестяще. Кажется, нашего героя ждет блистательная карьера придворного художника, роскошная жизнь в Петербурге, вельможные заказчики. Но он принимает совершенно другое решение. Весной 1845 года Айвазовский отправился с адмиралом Литке в путешествие к берегам Малой Азии и островам Греческого архипелага. Во время этого плавания он сделал большое количество рисунков карандашом, служивших ему в течение многих лет материалом для создания картин. По окончании путешествия Айвазовский задержался в Крыму, приступив к постройке в Феодосии на берегу моря большой художественной мастерской и дома, который с этого времени стал местом его постоянного жительства. И, таким образом, несмотря на успех, признание и многочисленные заказы, на стремление императорской фамилии сделать его придворным живописцем, Айвазовский оставил Петербург.

Женитьба и развод.

В 1848 году Иван Константинович по большой любви женился на гувернантке Юлии Гревс, дочери англичанина, бывшего придворным медиком Николая I. Молодые уехали в Феодосию, где сыграли пышную свадьбу. Счастливый

молодожен писал в одном из писем: «Я женился, как истинный артист, то есть влюбился, как никогда. В две недели все было кончено. Теперь… говорю вам, что я счастлив так, что не мог представить и половины этого. Лучшие мои картины — те, которые написаны по вдохновению, так как я женился . В этом браке у Айвазовского родилось четыре дочери: Александра, Мария, Елена и Жанна. Казалось, идиллия семейной жизни будет украшать и творчество художника. Увы, после рождения дочек супруга переменилась в характере. Юлия хотела жить в столице, бывать на балах, давать званые вечера, вести светскую жизнь, а сердце художника принадлежало Феодосии и простым людям. В итоге брак завершился разводом, что по тем временам случалось нечасто. С трудом художнику удавалось поддерживать отношения с дочерьми и их семьями, жена настроила девушек против отца. И это едва ли не единственное облако, которое нарушало ясность и счастливое благополучие жизни и творчества художника. Впрочем, с годами отношения с дочерьми наладились, а внуки украсили преклонные годы художника и оставили самые теплые воспоминания о своем великом деде.

«Девятый вал» - дивная и живая картина.

В сороковые-пятидесятые годы художник, как, впрочем, и всегда, работает много, с большой самоотдачей. Среди других работ особенно выделяются два полотна, это «Чесменский бой» и «Девятый вал». «Чесменский бой» мне доводилось видеть только на

репродукциях, а вот «Девятый вал» хранится в Русском музее в Санкт-Петербурге. Этой картиной довелось мне любоваться не единожды. Сколько бы раз не подходила я к этому грандиозному полотну, столько раз и замирала душа. Семь квадратных метров совсем не кажутся холстом с нарисованной на нем картиной. Изображение дышит, подле нее ощутим соленый привкус морских брызг. Кажется, что звучит «Песня варяжского гостя» Римского-Корсакова. Идет девятый вал, самый опасный по поверьям моряков, восходит солнце. И, глядя на моряков, пытающихся выжить после катастрофы, задаешься вопросом: спасутся ли они? И хочется верить, что спасутся. А знаете ли вы, что в 1844 году наш герой плыл по Бискайскому заливу, и корабль попал в сокрушительный шторм. На берегу сочли, что судно не пережило бурю и погибло вместе с пассажирами и командой. В газетах даже появилось сообщение о гибели талантливого художника. А вот, как сам он сам вспоминал впоследствии происшедшее: «Страх не подавил во мне способности воспринять и сохранить в памяти впечатления, произведенные на меня бурею, как дивной живой картиной».

Пунктир судьбы. С любовью к Феодосии.

Впереди было еще сорок лет жизни и творчества. Прошли эти плодотворные годы в любимой Феодосии. Он строит Картинную галерею для своих работ и завещает ее родному городу. Создает для города Археологический музей, выступает организатором и благотворителем строительства водопровода. Жители Феодосии награждают его званием Почетного гражданина. Он пишет картины, ежедневно, по много часов. Впрочем, он выезжает из Крыма для путешествий, для показа своих работ в Петербурге и загра-

ницей. Так, на Всемирной выставке в Париже он представил свою работу «Четыре богатства России». Ныне известный пейзаж из этого цикла «Зимний обоз» хранится в Смоленской картинной галерее. За этот цикл Айвазовский (первым из иностранных художников) удостаивается ордена Почетного легиона.

Сын сынов армянского народа.

Возьму на себя смелость и скажу об Айвазовском словами классика армянской поэзии Ованеса Шираза, который писал о себе:

«Я -сын сынов армянского народа.
И больше всех люблю его и чту.
Но солнце русское мне светит с небосвода,
Как продолженье сердца в высоту».

Россию художник любил всем сердцем, гордился достижениями народа, радел о крепости государства Российского. С годами возрастает его интерес и к армянским корням. Художник путешествует по Закавказью, земле его предков. Среди произведений, написанных во время и после путешествия, была картина «Сошествие Ноя с Арарата». В 1882 году в возрасте 65 лет художник женился на молоденькой вдове Анне Бурназян. Айвазовский глубоко любил свою жену и был по-настоящему счастлив с ней. Анна Никитична была моложе мужа почти на сорок лет, но природный такт, чуткость, душевная теплота отличали эту молодую, ничему не учившуюся женщину. Она преклонялась перед искусством своего мужа, понимала его, хотя не посещала музеи и не читала книг по живописи. Дом Айвазовского ожил. В нем собирались друзья, худож-

ники, ученики. Ее красота вдохновила Айвазовского на создание портрета, который сохранился и находится в картинной галерее Феодосии. «Я люблю тебя, и из твоих глубоких глаз для меня мерцает целый таинственный мир, имеющий почти колдовскую власть. И когда в тишине мастерской я не могу вспомнить твой взгляд, картина у меня выходит тусклая…», - писал художник молодой жене. Этот брак еще больше приблизил его к армянскому народу. 1890-е годы турецкий султан Абдул-Гамид устраивает в Константинополе резню, в которой погибают сотни тысяч армян. Те, кому удалось спастись, бежали в Россию, некоторые останавливались в Феодосии. Иван Айвазовский глубоко переживает трагедию родного ему народа. Он делает все, чтобы обеспечить беженцев жильем. Награды, пожалованные ему Османской империей, демонстративно швыряет в море. О чувствах художника ясно говорят его произведения этого периода: «Армян живыми бросают в море», «Погром армян в Трапезунде» и другие.

19 (2) апреля 1900 года – Иван Константинович Айвазовский умирает в Феодосии. В этот день художник начинает картину «Взрыв турецкого корабля». Похоронен великий художник в Феодосии. На его памятнике выбита надпись: «Родившись смертным, оставил по себе бессмертную память».

Иван Шишкин:
художник солнечного света.

«Вокруг ни гор, ни леса, ни ручья
Раскинулось шатром бескрайним небо.
И кажется, что эта рожь ничья,
и всем голодным хватит в мире хлеба.
Ни на земле, ни в небе нет межи,
Гуляет по просторам взгляд беспечно.
И мы глядим на это поле ржи
и даль светла, и радость бесконечна
Созрела рожь, но нет еще жнеца,
И кажется, что счастью нет конца»

Родное имя – Иван Шишкин.

Есть имена в родной культуре, которые знакомы каждому русскому человеку. Произведения этих творцов любимы, их работы узнаваемы. Знакомая смотрительница Третьяковской Галереи как-то рассказала мне: «Люблю свою работу, ведь провожу часы в мире светлой радости , доброты и красоты. В наш зал посетитель только зайдет, сразу улыбается». Как же тут не улыбнуться, если работает человек в зале, где представлены работы Ивана Шишкина, великого русского живописца. «Утро в сосновом лесу» вызывает особенное, ни с чем не сравнимое чувство дома. Эта картина для многих русских людей стала символом родины, безмятежного детства, наполненного ожиданием чудесного. Было время, едва ли в каждом советском доме висела репродукция этой картины. А еще самые любимые шоколадные конфеты были завернуты в замечательные фантики

все с тем же «Утром в сосновом лесу». Назывались конфеты «Мишки» и , наряду с мандаринами, всегда имелись в новогодних кулечках-подарках, которые вручал детворе Дед Мороз.
Вспомните, как посещение зала Шишкина в Третьяковской галерее рождало добрые чувства. Как же хороша родная природа на полотнах художника: не наглядишься, не надышишься! Само имя художника такое русское, такое родное: Иван Иванович Шишкин. О нем, великом певце русской природы, мы и поговорим сегодня, отмечая его юбилей.

Маленький «Мазилка».
Его родина - вятские края, город Елабуга. Эта земля подарила России еще одного великого художника, Виктора Васнецова. Есть, видимо, в вятских краях какая-то магия красоты, коль вдохновляет творческих людей. Шишкин увековечил на своих полотнах и вятские задумчивые поля, и таинственные леса, и красоту неброской природы. А уж как он любил эту русскую красоту, всегда скучал вдали от России! Однажды даже попал в полицию в Германии, когда услышал пренебрежительное высказывание о России. Художник немедленно подошел к обидчикам и потребовал извинений. Не дождавшись, смело вступил в кулачный «бой», сразив семерых немцев. Интересно, что в полиции смелого русского оправдали. Но это будет еще нескоро. А пока в купеческой вятской семье растет мальчик, который очень любит рисовать. Он не расстается с углем и мелом, старательно украшая стены и двери замысловатыми фигурами. За это домашние его прозвали «маленьким мазилкой». Впрочем, родители внимательно относятся к образованию и воспитанию своих детей, присматриваются к их

интересам, участвуют в их делах. С мальчиком занимаются домашние учителя, затем он поступает в Казанскую гимназию.

Стать художником.

Но душа рвется к другому: рисование - его страсть. Родители вначале категорически против. Особенно не поощряет занятия рисованием строгая мать – Дарья Романовна. Отец, Иван Васильевич, надеется, что сын Иван продолжит его дело, станет успешным торговцем зерном. Отец интересуется археологией, историей, краеведением. Но эти увлечения он совмещает с главным – коммерцией. Вот и Ивану поручается отвезти баржу с зерном в Ярославль и продать там на ярмарке. Увы, Иван возвращается без прибыли, проторговался, зато привез множество этюдов. После этого случая в кабинете отца собирается семейный совет и юношу благословляют отправиться на учебу в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Благословили, впрочем, не надеясь на успех этого сомнительного, с точки зрения родных, предприятия. Наверное, тогда юный Шишкин и решает, что должен добиться успеха в живописи, а иначе вернется домой и «поступит в полное распоряжение родителей» - так он позже напишет им в своем письме. Кто бы мог подумать тогда, что Иван станет не просто известным художником, но великим русским пейзажистом, которого будут знать и любить в России как никакого другого художника. И медали будут, и звания, а главное - чудные его картины.

Годы ученичества.

В Москве Шишкин проучится четыре года (1852-1856). В то время в преподавании широко использовались прин-

ципы педагогической системы Венецианова, с установкой на внимательное изучение натуры. Этот принцип был по душе юному художнику. Иван любит природу, любит ее наблюдать, изучать и переносить на холст самые тончайшие оттенки красок. Можно сказать, что главным учителем Шишкина всегда являлась природа. Но и с педагогом в училище ему повезло. Им стал выдающийся художник, портретист и пейзажист Аполлон Николаевич Мокрицкий. Сразу определив, что у его ученика выдающийся дар, профессор Мокрицкий бережно направлял развитие таланта Шишкина, поощрял в нем интерес к натуре, увлечение пейзажем. Особенно полюбилось Шишкину писать этюды в солнечные дни, когда каждый листик и каждая веточка столь отчетливо прорисована на фоне голубых небес. Шишкин много рисует с натуры в Москве и Подмосковье, копирует западноевропейских мастеров. Окончив училище в 1856-м году, Иван Шишкин поступает в Петербургскую Академию художеств. В этюдах, таких как «Камни в лесу. Валаам», он любовно и удивительно мастерски для начинающего художника передает поросшие мхом древние валуны, листья папоротника. Успех в рисунке принес Шишкину в 1857-м году одну из первых академических наград - Серебряную медаль. Работы его были исполнены таким профессиональным мастерством, что академический совет постановил сделать их образцом для учащихся. Академию Шишкин окончил в 1860-м году с высшей наградой — Большой золотой медалью и правом на три года поездки за границу. Но художник не торопится с поездкой, а отправляется в родную Елабугу. Там он предъявил родным свою медаль, чем вызвал их гордость. Художник был счастлив: он доказал свое право на свой путь в жизни, работе и твор-

честве. В апреле 1862-го года Иван Шишкин уезжает за границу.

Тоска по родине.

Шишкин побывал в Мюнхене и Цюрихе, Женеве и Дюссельдорфе. Он был пенсионером Петербургской Академии, материально не бедствовал. Однако, работает художник много и продуктивно: встречается с именитыми художниками, берет уроки, пишет этюды на натуре. Увлекся Шишкин и искусством гравюры. Специалисты насчитали впоследствии на его гравюрах до миллиона штрихов по металлу, которые он потом заполнял краской своего собственного рецепта. Эта сложная техника (она называется «офортом») вызывала восторг почитателей Шишкина заграницей. А в России его картина «Вид в окрестностях Дюссельдорфа» принесла художнику звание академика. Многие русские художники с удовольствием работали заграницей. Тот же Мокрицкий в свое время провел в Италии восемь лет. А вот Шишкин грустил по Отечеству. Затосковав окончательно, он в 1866 году вернулся в Санкт-Петербург до истечения срока своего пенсионерства. С той поры он нередко предпринимал путешествия с художественной целью по России, почти ежегодно выставлял свои произведения в академии.

Евгения и Ольга: горькие утраты.

Иван Шишкин всегда был окружен вниманием товарищей. Илья Репин говорил о нем так: «Громче всех раздавался голос Ивана Шишкина: как зеленый могучий лес, он поражал всех своим здоровьем, хорошим аппетитом и правдивой русской речью... Публика, бывало, ахала за его спиной, когда он своими могучими лапами ломового и корявыми мозолистыми от работы пальцами начинает корежить и

затирать свой блестящий рисунок, а рисунок, точно чудом или волшебством, от такого грубого обращения автора выходит все изящней и блистательней». Другое дело общение с прекрасным полом. Здесь наш герой был застенчив и несколько неуклюж, среди друзей он даже получил прозвище «Медведь». Но однажды он встретил молодую женщину, которая сумела нарушить покой сердца художника. Это была сестра его любимого ученика Федора Васильева. Ей на тот момент был 21 год, ему – 36 лет. Шишкин был очарован. И уже на следующий год отправился к отцу в Елабугу за благословением на брак. Евгения Александровна была простой хорошей женщиной. Но проблемы со здоровьем начали давать о себе знать уже в первый год замужества. А рождение детей, дочери и двух сыновей, которые скончались в младенчестве, серьезно способствовало развитию у нее чахотки. От этой, неизлечимой тогда болезни, она умерла в возрасте 27 лет. Они прожили вместе всего шесть лет. Художник был убит горем – один за другим ушли из жизни самые близкие для него люди: отец, жена и двое сыновей. Родственники все чаще заставали его во хмелю. Он сблизился со своими бывшими однокашниками, которые, увы, уже практически потеряли себя как художники. Начал отдаляться от верных друзей. Выкарабкаться из этого состояния помог его природный талант и тяга к искусству. А также малолетняя дочка Лидия. Спустя три года после смерти Евгении, Шишкин знакомится с молодой художницей Ольгой Лагодой – они оба снимали дачи в окрестностях станции Старо-Сиверской. Жажда жизни в этой молодой красивой талантливой девушке помогли заново ощутить вкус жизни и самому пейзажисту. Ольга была из тех передовых русских женщин, которые потянулись к полезной деятельности, энергично заявляя о своем

праве наряду с мужчинами активно участвовать в жизни общества. Они поженились в 1880 году и поселились в купленной дачной усадьбе в деревне Выра. Это был гостеприимный дом, где часто собирались друзья и устраивались шумные застолья. Здесь же у супругов родилась дочь Ксения. И здесь же художника ждал второй удар – спустя всего полтора месяца после родов Ольга скончалась от воспаления брюшины. Заменить мать крошечной крестнице решилась Виктория Ладога, сестра умершей. Она жила в семье Шишкиных до конца его дней, заботясь не только о племяннице, но и о самом художнике и его дочери от первого брака.

*«*Какую утрату я понес… Что это был за человек. Женщина, жена, мать, вместе с тем талантливая художница. Сердце замирает от боли*»,* – писал Иван Иванович своему другу. Шишкин не знал, как выразить эту тяжелую утрату.

«Спасибо, сторона родная…»

Многие поэты писали о творчестве Ивана Ивановича Шишкина. Я привожу строки детского поэта Андрея Усачева, посвященные картине Шишкина «Рожь». Мне кажется, поэту удалось на известную картину посмотреть взором ребенка, незамутненным, чистым и искренним. Картина написана в 1878 году. Находится шедевр в Третьяковской галерее. Многие наши читатели, безусловно, любовались этим прекрасным пейзажем и согласятся, что «Рожь» - это не просто изображение, это эпический образ Родины. Напомню, что период, в который картина писалась – трагичный в жизни художника. Почти каждый предшествующий написанию полотна год нес трагичную утрату. В 1873 году умер маленький Володя, трехлетний сын художника, в следующем году умерла любимая супруга, Евгения

Александровна, в 1875 году умер сын Костя, которому исполнилось два года. Утешением осталась дочь Лидочка. Отчаяние было велико. Взять себя в руки было непросто, легко было искать забвения в алкоголе. Но художник смог преодолеть черную тоску. В трагичном 1875 он пишет картину «Родник в сосновом лесу». Картина свидетельствовала: могучая натура Шишкина победила тяжелые душевные переживания, картина вызвала восторженные отклики на IV выставке передвижников. Шишкин приникает к родной земле, которая исцеляет его, наполняет творческой энергией и вдохновением. Именно после посещения вятского края в 1878 году он создает картину «Рожь». Само название в известной степени выражает сущность изображенного, где все так мудро просто, и в то же время значительно. Это произведение невольно ассоциируется со стихами А. В. Кольцова и Н. Некрасова – двух поэтов, которых Шишкин особенно любил. Помните, как Некрасов написал мудро и ясно:

«Все рожь кругом, как степь, живая,
Ни замков, ни морей, ни гор.
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор».

«Утро в сосновом лесу».

С конца 1870-х годов Шишкин становится самым известным русским пейзажистом. В 1880-е годы художник создает много пейзажей, в сюжетах которых обращается к теме русской природы. В 1889 году написана картина «Утро в сосновом бору». Этот признанный шедевр экспонируется также в Третьяковской галерее. Его от написания картины «Рожь» отделяют неполных десять лет. Годы, наполнен-

ные радостью и трагедией. Радость принесла встреча с молодой художницей Ольгой Лагодой. Она была ученицей Шишкина, самой талантливой. Она стала его женой, подарила ему дочку Ксению. Супруги были единомышленниками, вместе творили, обсуждали созданное. Было полное взаимопонимание, радость совместной работы, любовь, светлая и верная. Но какой-то рок преследовал Шишкина в семейной жизни. Ольга Анатольевна умерла в 1881 году. И вновь отчаяние, из бездны которого художника вызволяет работа. Чтобы «Утро в сосновом лесу» явилось в русской живописи, Шишкин работал много и упорно, словно готовясь к созданию шедевра. Среди его произведений этого периода следует отметить картины «Ручей в лесу (На косогоре)», «Заповедник. Сосновый бор», «Сосновый лес», «В сосновом лесу».

«Утро в сосновом лесу» - одно из ярких произведений кисти И. Шишкина. Шедевр пропитан восхищением природой, лесом, миром животных. На картине светлый и гармоничный мир русской лесной природы. А какие чудные краски подобрал художник! Зеленые, голубые и ярко-желтые тона создают эффект едва проснувшейся от сна природы. На заднем плане можно увидеть яркие золотистые оттенки – это солнечные лучи пробиваются сквозь листву. Золотистые лучи придают картине торжественную атмосферу. Виден и утренний туман, который легко клубится по земле. Взгляните на него и сразу почувствуете утреннюю прохладу. Некоторые критики

пишут, что картина настолько реалистичная, что, кажется, будто бы это не шедевр кисти, а фотографический снимок. С этим мнением я категорически не согласна. Действительно, каждая деталь картины изображена профессионально, но за прекрасно изображенной формой, какое богатство чувств и эмоций! Мы чувствуем трепетную любовь художника к родной земле, видим его светлую улыбку, разделяем его надежду на лучшее… Остается добавить, что замысел картины был подсказан Шишкину Константином Савицким, выдающимся жанровым живописцем. Савицкий выступил в роли соавтора и изобразил фигуры медвежат. Эти медведи с некоторыми различиями в позах и количестве (сначала их было двое) фигурируют в подготовительных рисунках и эскизах. Животные получились у Савицкого столь удачно, что он даже расписался на картине вместе с Шишкиным. Сам Савицкий сообщил родным: «Картина продана за 4 тысячи, и я участник в 4-ю долю». Приобретя картину, Третьяков снял подпись Савицкого, оставив авторство за Шишкиным, ведь в картине, говорил Третьяков, «начиная от замысла и кончая исполнением, всё говорит о манере живописи, о творческом методе, свойственных именно Шишкину». Впрочем, некоторые «доброжелатели» судачили: «Дело в том, что отношения между Третьяковым и Савицким в тот период не заладились». На рубеже восьмидесятых - девяностых годов Шишкин обратился к сравнительно редкой для него теме зимнего оцепенения природы и написал большую картину "Зима" (1890), поставив в ней трудную задачу передать зимнее настроение в почти монохромной живописи. Все сковано морозом и погружено в тень. Только в глубине луч солнца осветил полянку, слегка окрасив ее в розоватый тон. От этого снег, толстым слоем лежащий на земле, на ветвях сосен кажется

еще голубее. Лишь темнеющие на его фоне мощные стволы огромных деревьев да птица на ветке привносят ощущение жизни.

«Корни ваши так глубоки…»

Это строки признательности из письма Ивану Шишкину Васнецова, который написал незадолго до кончины великого художника: «Если дороги нам картины природы нашей дорогой и милой Руси, если мы хотим найти свои истинно народные пути к изображению ее ясного, тихого и задушевного облика, то пути эти лежат и через Ваши смолистые, полные тихой поэзии леса. Корни Ваши так глубоко и накрепко вросли в почву родного искусства, что их никем и никогда оттуда не выкорчевать». Эта высокая оценка была, безусловно, заслужена. Высочайшее профессиональное мастерство, титаническое трудолюбие, великий талант, - все это было свойственно Шишкину. А еще он был человеком глубоко порядочным. Однажды поддержав передвижников, подлинных революционеров живописи, он оставался с ними, сохраняя верность демократическим идеалам. На закате своей жизни Шишкин вспоминал: «Приятно вспомнить то время, когда мы, как новички, прокладывали первые робкие шаги для передвижной выставки. И вот из этих робких, но твердо намеченных шагов выработался целый славный путь, путь, которым смело можно гордиться». На рубеже веков в изобразительном искусстве, как и в искусстве вообще, появилось огромное разнообразие новых течений, поиск новых художественных стилей, форм и приемов. Шишкин не был ретроградом, он с интересом он воспринимал все новое. Однако, в своем творчестве художник оставался верен своему однажды избранному пути: созданию ярких, разнообраз-

ных по цвету и композиции, но всегда реалистических картин русской природы, которую он беззаветно любил и воспевал. Прекрасной иллюстрацией к сказанному является шедевр Шишкина «Корабельная роща» (1898). Неблагодарное это занятие – описывать картину, особенно такого мастера, как Шишкин. Хранится она в Русском музее Санкт-Петербурга. Услышим мнение специалиста, художника Сергея Чаплыгина: «Корабельная роща» – это совершенный образец воплощенного богатейшего творческого опыта великого русского художника. Это своего рода завещание будущим поколениям художников, как нужно работать над картиной. И самое главное, я считаю, своим творчеством И. И. Шишкин утверждает, что помимо ремесла без любви к родине, любви к природе, любви к искусству не получится написать серьезной, настоящей картины. Нам, художникам 21 века, есть чему поучиться у великого русского художника». Картина «Корабельная роща» (самая крупная по размерам в творчестве Шишкина) - как бы последний, завершающий образ в созданной им эпопее, символизирующей богатырскую русскую силу. Осуществление такого монументального замысла, как это произведение, свидетельствует, что художник, которому было в момент написания картины было шестьдесят шесть лет, находился в полном расцвете творческих сил. Увы, на этом нить судьбы великого художника оборвалась. 8 (20) марта 1898 года он скончался в своей мастерской за мольбертом, на котором стояла новая, только что начатая картина «Лесное царство».

Линия судьбы Нади Рушевой.

Написано к 60-летию со дня рождения художницы.

«Люди нуждаются в таком искусстве, как в глотке свежего воздуха. Гениальная девочка обладала поразительным даром проникновения в область человеческого духа»

Академик Дмитрий Лихачев.

«Я не знаю другого такого примера в истории изобразительного искусства. Среди поэтов, музыкантов редко, но были необычно ранние творческие взрывы, у художников – никогда»
(Из статьи о творчестве Нади Рушевой доктора искусствоведения А. Сидорова).

На выставке. Первая встреча.

Просматривая календарь знаменательных дат на 2012 год, я увидела строки: «31 января 2012 года – 60 лет со дня рождения Надежды Николаевны Рушевой, выдающейся советской художницы, графика. В памяти возникла линия, нарисованная обычным перьевом пером, которое художница окунула в чернила. Эта линия кружила, вилась в нежных завитках и являла чудо – изящный пушкинский портрет. Пушкинский лик в исполнении юной художницы Нади Рушевой я увидела на ее выставке, которая про-ходила в Рязани в 60-х годах. Нам с Надей было по пятнадцать лет. И на выставке я провела долгие часы, переходя от ри-

сунка к рисунку, испытывая радость и гордость за свою сверстницу и единомышленницу. «Как же здорово, - думала я, - что есть на свете человек, который, бесконечно любя Пушкина, вопреки Ахматовой, так трепетно и нежно относится и к Наталии Николаевне, его избраннице. Образ Натали, пушкинской мадонны, тогда меня очень интересовал, много в те времена читала я воспоминаний, рылась в доступных архивах. Я знала, что Надя Рушева, пожалуй, единственный русский художник, которая рискнула коснуться темы «Пушкин в кругу семьи», и с такой любовью запечатлела нашего великого поэта с его малышами. О, эта отвага юности. А если эта отвага соединена с уникальным талантом, - рождается чудо. Под впечатлением от этого чуда – рисунков Нади Рушевой – я была долгое время. Вскоре друзья принесли мне журнал «Юность», где я увидела еще несколько рисунков Нади, где-то прочитала, что о Наде собираются поставить фильм. А потом была поездка с классом на экскурсию в Москву, в музей Льва Толстого. И там мне вновь посчастливилось увидеть выставку Надиных работ. Об этом чуть ниже я еще напишу.
А через два года с глубокой скорбью узнала я о смерти талантливой девочки.

«Не надо ее учить».

«Недетский почерк детского рисунка,
Пера разбег, как будто взмах крыла.
Певучих линий тоненькие струйки звенят,
Срываясь с кончика пера».

Так написал о Наде Рушевой неизвестный поэт. Ей не довелось повзрослеть. Она так и осталась гениальным ребен-

ком, внезапно вторгшейся в мир взрослых, и внезапно покинувшей этот мир. А родилась Надя в 1952 году в городе Улан-Баторе, где ее родители находились в творческой командировке. Отец, Николай Рушев, был известным театральным художником, мать, Наталия Ажикмаа – Рушева, первой тувинской балериной. Девочке не было и года, когда семья переехала в Москву, где и прожила она все семнадцать лет своей жизни. Рисовать Надя начала очень рано, лет с пяти. Сначала, как и все дети, цветными карандашами, потом фломастерами, цветными мелками, перьевой ручкой. Папа много читал дочери сказок, а девочка сидела рядом и рисовала. И скоро Николай Дмитриевич понял, что его Надюша не просто одаренный ребенок, но редкий талант. Ее рисунки были очень точными, живыми, изящными. Они словно дышали. Однажды во время чтения «Сказки о царе Салтане» Надя нарисовала 36 иллюстраций, и с того момента она стала рисовать регулярно, каждый день. Тогда отец решился показать работы Нади своему учителю, академику Василию Алексеевичу Ватагину (1889 – 1969г.г.), и посоветоваться, где учить Надю. Совет академика был весьма неожиданным. «Не будем лишать ее саморазвития, - сказал пожилой художник, - оно и так бурлит. Не надо ее учить, ее надо лишь воспитывать».

«Браво, Надя!»

В положенный срок девочка пошла в школу. Она занималась в изостудии Московского Дворца пионеров. Помимо рисования вскоре появилось еще одно большое увлечение – чтение. Читала она много, а затем образы прочитанного появлялись на бумаге.

Первая выставка чудо-художницы прошла в 1962 году. На ней были представлены иллюстрации к сказке итальян-

ского писателя Джанни Родари «Чиполлино». Писателю довелось увидеть Надины работы, и он ей написал восторженное письмо, в котором были слова: «Браво, Надя!». Выйдя из детства, Надя сохранила чудесным образом свойство ребенка мгновенно отзываться зрительным образом на любую заинтересовавшую его тему или ассоциацию, а то и просто фантазию. Надя продолжала много рисовать. Вскоре в маленькой двухкомнатной «хрущевке» на юге Москвы, где скромно жила семья Рушевых, уже не хватало места, все было заставлено папками, в которых бережно хранились циклы рисунков «Русский балет», «Мир животных», «Космос и наука», «Сила и грация», «Мир детей», «Моды вчера и сегодня»…

Вскоре пришла известность, при жизни Нади в СССР и зарубежом прошло пятнадцать выставок ее работ, всегда вызывавших огромный интерес, посетители писали восторженные отзывы, сравнивали Надю с Матиссом. Однако на маленькой художнице это никак не отразилось. Она все также училась в обычной московской школе, любила гуманитарные предметы, и не любила точные. Выпускала стенгазету и пела в школьном хоре. И только родителям была известна та огромная духовная работа, которая вершилась в душе талантливой девочки. Она напряженно и радостно осваивала великую мировую литературу. Прекрасный вкус к чтению, восприятию искусства был привит родителями. Ее любимой средой обитания были музеи, театры, библиотеки. А в круг чтения попадало самое лучшее. После ухода Нади остались иллюстрации к произведениям пятидесяти авторов, среди которых Шекспир и Пушкин, Рабле и Байрон, Тургенев и Гоголь, Сент-Экзюпери и Булгаков. А еще были рисунки по мотивам Библии и древнегреческих мифов.

Ее работоспособность, тематическое богатство сюжетов, уникальный стиль вызывали радостное удивление от встречи с чем-то небывалым, но бесконечно дорогим. На вопросы о том, как появляются ее рисунки, Надя искренне признавалась: «Я их заранее вижу. Они проступают на бумаге, словно водяные знаки, и мне остается их только чем-либо обвести». Надя очень любила рисовать перьевой ручкой. И никогда не использовала ластик. Всегда рисовала набело, без эскизов.

«Пушкиниана» Нади Рушевой.

В творческом наследии гениальной девочки десять тысяч рисунков. Триста из них посвящены жизни и творчеству самому любимому поэту – Александру Сергеевичу Пушкину. С пушкинских сказок и началось творчество Нади. А потом были прочитаны и пережиты и другие пушкинские произведения. Появилось огромное желание посещать пушкинские места. Ее спутником почти всегда был отец, с которым у девочки сложились особенно сердечные отношения. С собой Надя всегда брала ручку и блокнот. Рисовала сразу, пока образы не ушли из памяти. А вернувшись домой, Надя вновь читала, перечитывала любимые строки и вновь рисовала. Так начал складываться цикл «Пушкиниана», один из лучших в Надином творчестве. Нельзя не заметить созвучие Надиных работ и рисунков самого поэта. Но даже строгие критики отмечают, что о подражании, а тем более копирова-

нии речь здесь не может идти. Все рисунки Нади подвижны, легки и совершенно неповторимы. Большая часть работ посвящена биографии Пушкина от младенческих лет до трагичной кончины. Детство поэта, юность, лицейские годы, его друзья и враги, жена и дет, - линия судьбы поэта передана Надей так, что одна из исследовательниц ее творчества, Евгения Петрунина, с изумлением пишет: «Как можно всего лишь линией показать жизнь людей?! Самые важные их черты, эмоциональное и духовное состояние?! Всю глубину человека!» Проиллюстрировала Надя и многие произведения поэта. Да так, что старейший пушкинист А.И. Гессен, который завершал в то время свою книгу «Жизнь поэта», обратился к юной Наде с просьбой создать иллюстрации к книге.

«Я рисую для будущих людей».

Мне посчастливилось побывать на выставке Нади Рушевой в музее Льва Толстого в Москве, туда нас, рязанских семиклассников, привезли на экскурсию. «Войну и мир» я в то время прочитала, и, как многие мои сверстницы, с упоением перечитывала те главы великого романа, которые были посвящены Наташе Ростовой. На выставке в Надиных работах я увидела образ любимой героини, который настолько точно совпадал с моим представлением о Наташе, что душу охватило ликование, изумление, радость. Помню свои ощущения очень отчетливо, покидая музей, даже было как-то страшновато эту радость расплескать. Уже работая над этим материалом, я прочитала в воспоминаниях Надиного отца, что буквально за несколько дней до нашей экскурсии в музей Льва Толстого состоялась конференция, в которой приняли участие известные литературоведы, искусствоведы и критики. Была приглашена и Надя. Спе-

циалисты «с ученым видом знатоков» разбирали достоинства и недостатки Надиных работ, а это было четыреста рисунков(!). Они рекомендовали юному автору учиться, овладевать мастерством, перспективой и другим премудростям. В ответ на строгий разбор, граничащий с придирками, Надя, как обычно, тихо и с некоторым недоумением произнесла: «Я ведь рисую для будущих людей».

«Мастер и Маргарита».

Сейчас молодым трудно представить, что великий роман Булгакова «Мастер и Маргарита» был неведом русскоязычному читателю, настолько глубоко вошел роман в нашу жизнь. А ведь было время, когда роман впервые появился в литературном журнале «Москва». И в ксерокопиях моментально разошелся среди читателей. Обычно удавалось получить такую копию на ночь, реже на несколько дней. Роман прочитывался запоем. Так было и в семье Рушевых. Книгу Булгакова принес отец из библиотеки, принес для себя, и уж никак не ожидал, что Надя запоем прочтет «Мастера и Маргариту», и сразу начнет рисовать. Двести графических работ родились очень быстро. И стали они самыми первыми иллюстрациями гениального романа. Первыми в истории. Уже после ухода Нади, вдове Михаила Булгакова Елене Сергеевне показали работы Нади, она была потрясена тем, как глубоко девочка проникла в мир булгаковских героев. Но не только этим. На рисунках Нади

на пальце у Мастера изображено кольцо. Это вызвало изумление Елены Сергеевны. Дело в том, что Надя не могла знать, что писатель всегда носил такое кольцо-талисман, тем более Надя не могла видеть это кольцо, но изобразила очень точно. В шок вдову писателя повергло и то, что Маргарита была изображена очень похожей на Елену Сергеевну в молодости. А ведь Надя никогда не видела ни Елену Сергеевну, ни ее фотографий. Примеры такого прозрения в творчестве Нади не единичны. Так, она нарисовала сцены из балета «Анна Каренина» с Майей Плисецкой еще до того, как замечательный композитор Родион Щедрин написал музыку балета и он был поставлен. Причем именно Плисецкая исполнила главную партию. Позднее экстрасенсы утверждали, что у Надиных работ сильная положительная энергетика.

Звезда по имени «Надя Рушева».

День шестого марта 1969 года стал последним земным днем Нади. Собираясь в школу, она наклонилась, обуваясь. И упала без сознания. Случилось кровоизлияние в мозг. Скончалась девочка в больнице, у нее оказалось врожденное заболевание сосудов головного мозга, но об этом никто, включая родителей, не знал. В ее честь названа звезда, ее рисунки хранятся в Пушкинском доме и музее на родине ее мамы в столице Тувы. В учебнике по графике, который изучают немецкие студенты Национальной академии живописи Германии, широко представлено творчество Нади. А недавно министерство культуры России признало творческое наследие Нади национальным достоянием России и приняло решение оцифровать ее рисунки.

Поэт сказал о Наде и ее творчестве:

«Нам сквозь туман неверья и сомненья
Из тайного бессмертного вчера
Протягивает вечно юный гений
Нить Ариадны с кончика пера».

Надя жива в десяти тысячах своих рисунков. Самая молодая из великих, самая великая из молодых.

Иллюстрации:

Федор Рокотов

- Портрет молодого человека в гвардейском мундире (ок. 1757г). Вероятный автопортрет художника. стр. 710

- Портрет И. Шувалова стр. 714

- Портрет императрицы Екатерины II стр.716

- Портрет Александры Струйской стр. 719

Илья Репин

- Автопортрет (1878 г) стр. 723

- Бурлаки на Волге стр. 727

- Портрет композитора Модеста Мусоргского стр.730

- Запорожцы пишут письмо турецкому султану стр. 731

Иван Айвазовский
- Автопортрет (1874) стр. 736

- Лунная ночь. Гурзуф. Стр. 743

- Десант Раевского в Субаши (1839) стр. 744

- Девятый вал (1850) стр. 750

Иван Шишкин
- Автопортрет (1886) стр. 754

- Утро в сосновом лесу стр. 762

Надя Рушева
- Надя Рушева стр. 766

-Рисунок из цикла «Пушкиниана» стр. 770

- Иллюстрация к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» стр.772

Об авторе.

Зыкова Наталия Владимировна – православный русский литератор, историк, педагог. В 1975 г. окончила Рязанский государственный педагогический институт, факультет истории и английского языка. Вела педагогическую работу в ряде учебных заведений г. Москвы. В 1980-1985 гг. являлась служащей Советской армии, заведовала библиотекой воинской части в г. Борзя Читинской обл., по месту службы супруга, офицера Вооруженных сил. Вела культурно-просветительскую работу среди военнослужащих и членов их семей. Неоднократно была поощрена командованием. В 1993 году окончила Лондонскую лингвистическую школу (московское отд.)

На Кипре Н. Зыкова живет и работает с 1995 года. Защитила магистерскую диссертацию по истории древнего Кипра, училась в докторантуре английского университета города Бат (Bath University), работая над темой «Кипрская Православная Церковь и народное образование в годы иностранного владычества». Под духовным руководством братии известных кипрских монастырей Киккского, Махера и Ставровуни начала изучать богословие и в 2000 году, окончила курс «Основы православной культуры» при Московском Патриархате.

Являясь членом Координационного совета Российских соотечественников Кипра ведет активную общественную работу. Она продолжает преподавательскую деятельность в ряде учебных заведений страны: преподает всеобщую ис-

торию в ливанском колледже «Грин Хилл», Закон Божий в воскресной школе при храме св. Лазаря в г. Ларнака, ведет авторский курс «Азы православия» в школе при Посольстве России, Основы православной культуры в русских школах Кипра и духовно-культурном центре во имя св. Иоанна Милостивого.

В 1997 году семья Зыковых создает на Кипре Русский православный образовательный центр, благотворительную общественную организацию. Центр в тесном сотрудничестве с посольствами России и Украины в Республике Кипр, Кипрской Православной Церковью при духовной поддержке Русской Православной Церкви ведет просветительскую работу среди русскоязычного сообщества Кипра, организуя православные семинары, конференции, фестивали, паломничества к святыням Кипра. Сотрудники Центра работают над проектом «Историческая память», увековечивая память выдающихся соотечественников, которые внесли значительный вклад в кипроведение. Н. Зыкова активно работает в православной журналистике, сотрудничая как с русскоязычными СМИ Кипра, так и с рядом православных периодических изданий в России и др. странах. Важнейшим направлением деятельности Н.Зыковой является литературная работа. Ее книги посвящены истории Кипра и Кипрской Православной Церкви, духовным контактам между братскими народами Кипра и России, проблемам культуры.

В 2012 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл наградил писательницу орденом святой преподобной Ефросинии великой княгини Московской во внимание к трудам на благо Русской Православной Церкви. В 2016 году Верховный Атаман Союза казаков России полковник Задорожный П.Ф. наградил Зыкову Н.В. медалью «Алексий

Человек Божий» за вклад в укрепление духовных связей между народами России и Кипра и за просветительскую работу среди молодежи, направленную на изучение истории казачества. В 2017 году награждена Почетной Грамотой правительства города Москвы за сохранение и продвижение русского языка, духовных ценностей, формирование и сплочение русской диаспоры на Кипре.

Другие книги автора:

- **«В гостях у музы Клио».** Сборник очерков по истории древнего Кипра.

- **«Василий Григорович-Барский: путешествие на Кипр XVIII века»** (описание путешествия на Кипр известного русского писателя и просветителя, предпринятого в 30-е годы XVIII-ого века). Автор в 2002 году повторил этот путь по Кипру и представил современное его описание). Книга может быть полезным путеводителем в паломничестве по Кипру Православному.

- **«Поместные православные церкви»** (в соавторстве) Издание Сретенского монастыря. История и сегодняшний день Поместных Православных Церквей. Кипрский раздел представляет исследование Зыковой.

- **«Посланник Киевской Руси».** Повесть о посещении Кипра первым известным русичем игуменом Земли Русской Даниилом в 1106 г.)

- **«Святая Кипрская Земля»** (книга написана по благословению приснопамятного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и посвящена чудотворным иконам Кипра и его святым обителям).

- **«Наследники святого Ираклидия»** (история восстановленной древнейшей митрополии Тамасской и Оринйской и монастыря св. Ираклидия).

- **«О человеке, в котором все было прекрасно»** (о христианских мотивах в творчестве Антона Чехова).

- **«Михаил Бутчик: судьба русского офицера».** Повесть о русских офицерах-белогвардейцах, которые в годы Гражданской войны в России были размещены в Британском военном лагере на Кипре и нашли здесь свой последний приют).

- **«Слово о Кипре»** (рассказы по истории античного и византийского Кипра).

- **«Паломничество на Кипр православный» (По стопам Василия Григоровича-Барского).** Второе дополненное издание книги ««Василий Григорович-Барский: путешествие на Кипр XVIII века».

- **«Сказки бабушки Марулы»** (десять кипрских народных сказок для детей). Книга награждена Дипломом Международного литературного конкурса имени Петра Ершова.

- **«Лампадка»** (рассказы для детей о кипрских святых). Книга написана по благословению Архиепископа всего Кипра и Новой Юстинианы Хризостома II.

- **«На службе России»** (книга посвящена истокам дипломатических отношений между народами России и Кипра, изучению начала истории Российского дипло-матического присутствия на острове и увековечиванию памяти трудов самых первых консулов, представляющих интересы Российской империи на Кипре).

- **«Друг Христа и его Кипрская обитель»** (книга посвящена духовному подвигу Друга Христа св.Лазаря, первого епископа Китионского и истории его обители на Кипре).

- **«Годы странствий (европейские заметки)».** Очерки по Культурологические очерки, посвященные европейской культуре.

На обложке фотопейзаж «Отблеск Царствия Небесного»»
(авт. Валерий Зыков)

Содержание

От издательства 3

Раздел I
Любовь к мудрости
Аристократы духа. Трубецкие 6
Идея сердца. Иван Ильин 19
Дмитрий Лихачев: интеллигентный человек 32

Раздел II
Прекрасное, выраженное словом (поэты)

Вселенная Александра Пушкина
Путь к вершине 45
Мгновения Натали 56
Спутник великого поэта (Слово о Никите Козлове) ... 70

Звездная душа поэта 77
Дедушка Крылов 111
Певец Украйны милой 137

Поэты и судьба
Памяти Николая Гумилева 159
Вершины Анны Ахматовой 172

Поэты Советской эпохи
Васильковое слово поэта 185
«Любить иных тяжелый крест». 199
Светлый мир Самуила Маршака 212
Самый любимый детский поэт 226

Сороковые-роковые
Вехи пути (Михаил Исаковский) 240
Святой и грешный русский человек
(Александр Твардовский)..... 253
Кто осилил сорок первый (Юлия Друнина) 266
Мы все войны шальные дети (Булат Окуджава)..... 274
Никто не забыт (Ольга Берггольц) 281

Звезда Иосифа Бродского..... 289

Раздел III
Обращение к совести

Русские писатели
Посланец Киевской Руси..... 297
Московит, гражданин Киева..... 331
Живая душа..... 351
Загадки Конька-Горбунка 363
Голос Ивана Тургенева..... 370
Великий сатирик 382
Лев Толстой: триумф и анафема..... 389
О человеке, в котором все было прекрасно
(Шесть новелл об Антоне Павловиче Чехове)..... 396

Писатели советской поры
Памяти Аркадия Гайдара 482
Валентин Катаев: у времени в плену 497
Мастер и его музы (Михаил Булгаков)..... 511
На чужих берегах или мой робкий путь к Набокову... 518
Время и место Юрия Трифонова 525
Живые и мертвые. Творчество Константина
Симонова 544

Имя нежное Суок 560
Певец волшебного острова Виктор Соколюк 573

Раздел IV
Служители Мельпомены и Талии: театральные истории
Федор Волков: судьба артиста..... 582
Мир Александра Островского 596
Душа и маска Федора Шаляпина..... 616
Константин Станиславский - человек,
создавший театр 631
Очей очарованье..... 645

Раздел V
На струнах и клавишах (о музыке и музыкантах)
Сказочный композитор..... 654
Мой Прокофьев 669
Русская муза Франции 690

Раздел VI
Запечатлеть летящее мгновенье (рассказы о художниках)
Федор Рокотов и его неразгаданные тайны..... 710
Илья Репин: этюды творчества..... 723
Певец моря. Рассказ об Айвазовском..... 736
Иван Шишкин: художник солнечного света..... 754
Линия судьбы Нади Рушевой 766

Об авторе..... 776

Новая книга Наталии Зыковой «Искра Божья» – сборник очерков о жизни и творчестве выдающихся деятелей русской культуры.
Перед читателями предстанет галерея образов: 50 героев, выдающихся русских и советских поэтов, писателей, художников, музыкантов, деятелей театра.
Читатель узнает о малоизвестных страницах биографии, уникальности наследия великих творцов.
Каждый очерк– это и портрет эпохи, в которой жили и творили наши соотечественники, благословленные искрой Божией – великим талантом.

ISBN 978-9925-7498-2-9